МАТЕРИАЛЫ и ИССЛЕДОВАНИЯ
по
АРХЕОЛОГИИ СССР

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
INSTITUT N. J. MARR D'HISTOIRE DE LA CULTURE MATÉRIELLE

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

MATÉRIAUX ET RECHERCHES D'ARCHÉOLOGIE DE L'URSS

№ 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1941 • ЛЕНИНГРАД
ÉDITIONS DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
MOSCOU • 1941 • LENINGRAD

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР · № 6

MATÉRIAUX ET RECHERCHES D'ARCHÉOLOGIE DE L'URSS · № 6

ЭТНОГЕНЕЗ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Том I

L'ETHNOGÉNÈSE DES SLAVES ORIENTAUX

Tome I

Под редакцией
М. И. АРТАМОНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1941 • ЛЕНИНГРАД
ÉDITIONS DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
MOSCOU • 1941 • LENINGRAD

СОДЕРЖАНИЕ

SOMMAIRE

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпуская первый сборник работ по этногенезу восточных славян, ИИМК открывает серию публикаций, посвященных одной из самых важных и острых научных проблем, издавна привлекавшей к себе внимание не только ученых, но и широкой общественности. Первая задача, которую Институт считает для себя возможным разрешить в ближайшие годы, заключается в опубликовании и исследовании в связи с проблемой происхождения восточных славян накопленных наукой археологических материалов, этих наиболее беспристрастных и объективных свидетельств далекого прошлого, до сих пор вследствие разных причин не пользовавшихся в кругу историков признанием в качестве полноценного исторического источника.

Крайне ограниченное количество письменных известий о древнейшей истории славян позволяет установить несколько не связанных или мало связанных между собою фактов, совершенно недостаточных для того, чтобы составить сколько-нибудь отчетливую картину славянского этногенеза и допускающих, поэтому, возможность самых разнообразных предположений и домыслов. Еще менее состоятельной в решении этой проблемы оказалась индоевропейская лингвистика, исходящая из учения о праязыках и пранародах и объясняющая происхождение современных славян, в том числе и восточных, расселением в разные стороны из определенного места, «прародины», славянского пранарода и возникновением в связи с этим, вместо единого славянского праязыка, многих славянских языков и диалектов.

Новое учение об языке, так называемая яфетическая теория акад. Н. Я. Марра, перевернуло учение о развитии языка с головы на ноги и явилось теорией, в свете которой археологические данные получили важнейшее значение для исследования проблем этногенеза. Учение о стадиальности в развитии языка и о скрещении, как об одном из важнейших путей словообразования, в увязке с диалектико-материалистической теорией перехода от одного этапа общественного развития к другому раскрывает содержание тех изменений в материальной культуре, какие устанавливаются археологическими исследованиями. Язык оказывается тесно связанным с другими элементами культуры, изменяющимся в зависимости от перемен в материальном производстве, общественной организации и отражающем их сознании.

Этнические признаки не замыкаются языком, а распространяются и на другие стороны культуры как духовной, так и материальной. В виду этого имеется возможность сопоставления явлений в области языка с явлениями, овеществленными в археологических памятниках. Таким образом не только лингвистика, но и археология может служить в деле изучения этнической истории и притом не абстрагированной от времени и пространства, а совершенно конкретной по своему содержанию. В этом отношении археология представляет серьезные преимущества перед лингвистикой и дает последней необходимую опору для заключений. Н. Я. Марр высоко оценивал значение археологии и в увязке лингвистики с историей материальной культуры видел основу для развития нового учения об истории языка, а следовательно, и этноса.

Основное затруднение, встающее перед археологией при исследовании проблемы этногенеза, заключается в том, чтобы правильно оценить то или другое явление как стадиальное или этническое, т. е. как свойственное определенному этапу социально-экономического развития в широком распространении более или менее общих географических и исторических условий или только данному этническому образованию в его строгой ограниченности. Невозможно указать общий принцип, который следует положить в основу такой оценки, а следовательно, и отбора этнических признаков в археологических данных, так как то или другое широко распространенное стадиальное явление обычно выступает в каждом отдельном случае в своеобразной этнической окраске, и, наоборот, признаки этнографического порядка генетически восходят к явлениям стадиального значения. Не останавливаясь на детальном рассмотрении этого методического вопроса, отметим, что во всех случаях археологического исследования этнических проблем к изучению должна быть привлечена совокупность этнических признаков, причем так же, как и в языке, напрасно было бы искать в этих археологических признаках полной неизменности.

Этнос, как и основной его признак язык, — категория историческая, т. е. имеющая свое начало и конец. Отсюда возникает другой трудный вопрос — каким образом определить момент перехода из одного этнического состояния в другое? Конкретно в данном случае речь может итти о процессе становления славянских этни-

ческих образований, а следовательно, об определении тех этнических групп, которые предшествовали их возникновению. Славян как одного народа никогда не существовало. Но этнографическая и языковая общность славянства — факт, не нуждающийся в доказательствах. Эта общность очевидно является результатом исторического развития славянских народов в тот период, когда они становились славянскими, ибо последующая история представляет их слабо связанными между собой, развивающимися особыми путями, обусловливающими не столько схождение, сколько разъединение этих народов в культурно-этническом отношении. Не приходим ли мы таким образом к славянскому пранароду? Конечно нет, так как процесс славянского этногенеза есть явление стадиальное в том смысле, что в определенных исторических условиях славянами становились ранее различные этнические группы и это различие со времени их превращения в славян не исчезало, а, наоборот, являлось условием возникновения не одного, а многих славянских народов. Этот путь славянского этногенеза констатируется не только лингвистически с позиций нового учения об языке Н. Я. Марра, но и археологически. Археология к тому же подводит еще и к определению этого процесса во времени и вместе с тем к вопросу о разновременности возникновения различных групп славянства.

Сейчас еще преждевременно строить теорию славянского этногенеза во всей ее полноте; вместе с тем было бы неразумно пускаться в большое плавание без компаса и плана. Коллектив ИИМК в своих работах над проблемой, обозначенной в заглавии настоящего сборника, руководствуется теоретическими положениями нового, диалектико-материалистического учения об языке Н. Я. Марра и с точки зрения этого учения рассматривает археологический материал.

М. И. Артамонов

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

СЕВЕРНЫЕ ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В НАЧАЛЕ НАШЕЙ ЭРЫ

I

Население Восточной Европы в первые века нашей эры было крайне неоднородным по степени своего экономического, социального и культурного развития. Различные исторические условия существования, сохраняющие свои основные черты в течение столетий, разделяли племена Восточной Европы на две группы — южную, так или иначе связанную с древним Причерноморьем, Востоком и Средиземноморьем, и обширную группу северных племен, неизвестных в Причерноморье и незнакомых с его культурой.

Начиная с глубокой древности, племена Северного Причерноморья, в свою очередь, также разделялись на две части, первоначально соответствующие двум физико-географическим районам страны. Лесостепное Поднепровье и земли, лежащие на запад по течению Буга и Днестра, представляли собой область древнейшей восточно-европейской земледельческой культуры. Племенам эпохи неолита, археологические памятники которых получили наименование Трипольских, еще в III—II тысячелетии до н. э. были известны здесь культуры проса, пшеницы и ячменя. Весьма вероятно, что именно отсюда земледелие распространилось и на другие восточно-европейские области. Степные пространства, лежащие восточнее, вокруг древней Меотиды, и относительно густо заселенные, повидимому, лишь в конце неолитической эпохи в связи с развитием скотоводства, в более позднее время также принадлежали преимущественно скотоводческим племенам. Деление варварских племен Северного Причерноморья на две части полностью сохранялось и в эпоху Геродота, писавшего о скифах-кочевниках и скифах-земледельцах. Археологические памятники тех и других хорошо известны. Это деление варварского населения было налицо и в первые века н. э., когда древняя Скифия стала именоваться Сарматией.

Оставляя в стороне кочевое население Приазовских степей, не имеющее прямого отношения к процессу формирования славянских племен, обратимся к земледельческому населению Среднего Поднепровья.

От римской эпохи в области Среднего Поднепровья сохранились огромные могильники, известные под неточным наименованием «полей погребений» или «полей погребальных урн». Первый памятник этого рода был исследован В. В. Хвойка в 1897—1899 гг. у с. Черняхова в районе Триполья.[1]

Могильник находится на плато водораздела, в 20—25 км от правого берега Днепра на склоне небольшой возвышенности. За три года раскопок было открыто около 250 могил, что составляет, однако, не больше половины всех погребений этого огромного «поля». В могильнике установлено параллельное бытование двух погребальных обрядов. Около трети исследованных могил содержали остатки трупосожжений, нередко помещенные в глиняных сосудах. В большинстве могил встречено трупоположение; умершие погребены в вытянутом положении, на спине, головой преимущественно на запад. Две могилы, находившиеся рядом в центральной части могильника, отличались большими размерами и были обложены по стенкам деревом, укрепленным с помощью вертикальных, вкопанных в землю столбов. Обе могилы были ограблены еще в древности, но, судя по остаткам богатой стеклянной и глиняной посуды, содержали богатый инвентарь, выделяясь среди других погребений, как правило относительно бедных и однородных по инвентарю, если не считать глиняной посуды, весьма изобильно представленной в большинстве могил.

В те же и последующие годы В. В. Хвойка были произведены раскопки «полей погребений» в с. Ромашках на р. Гороховатой, притоке р. Росси, и в с. Зарубинцы; недалеко от правого берега Днепра выше Канева.[2] За последние годы «поля погребений» были раскопаны около с. Маслова в районе Черкасс[3] и у с. Привольного

[1] В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье. Записки Русского археологического общества (ЗРАО), т. XII, нов. сер., 1901, стр. 172—181. В публикации неправильно указаны годы раскопок.

[2] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 181—185.

[3] П. Смоличів. Археологічні досліди в околицях м. Златополя на Черкащині року 1926. Короткие звідомлення за 1916 рік Київ, 1927, стр. 154 и сл. Раскопки были продолжены; материал не опубликован.

около Днепропетровска.[1] Кроме этого было установлено местонахождение нескольких десятков могильников, позволяющих обрисовать район распространения «полей погребений». На востоке область «полей погребений» доходит до Полтавщины, совпадая с областью городищ скифов-земледельцев; по течению Днепра могильники известны повсеместно на участке устье Десны — Днепропетровск. Отсюда они широкой полосой идут на запад и Северное Прикарпатье, выступая там под наименованием Липецкой культуры[2] (рис. 1).

В Средней Европе «поля погребений» римского времени восходят к памятникам так наз. Лужицкой культуры, относящейся к эпохе бронзы и раннего железа. В Поднепровье инвентарь «полей» указывает не на средне-европейские, а прежде всего на глубокие местные культурные традиции.[3] Наиболее древнее из «полей погребений» Поднепровья — Зарубинский могильник, относящийся к последним векам до н. э. и первым векам н. э., — дало большой керамический материал,[4] полностью повторяющий посуду несколько более ранних скифских курганов. И там и здесь глиняная посуда имеет черный цвет, покрыта лощением и представлена одинаковыми видами сосудов, а именно: высокими ребристыми горшками, сосудами с ручками и низкими мисами. Основанием для датировки Зарубинского могильника являются найденные там провинциальные римские фибулы архаического типа. Погребальный обряд «полей погребений», неизвестный в Среднем Поднепровье в скифское время, тем не менее в известной части может быть генетически увязан с погребальными обычаями скифов-земледельцев. В скифских курганах Киевщины, Полтавщины и Волыни можно встретить как трупосожжения, нередко помещенные в урны и окруженные большим количеством глиняных сосудов, так и трупоположения.[5] Могилы, обложенные деревом, открытые в «полях погребений», обычны и в скифских курганах, причем способ крепления деревянных стен с помощью вертикальных столбов совершенно аналогичен в тех и других памятниках. По утверждению В. В. Хвойка, которое никем не было опровергнуто, культурные остатки эпохи «полей погребений» имеются на многих среднеднепровских городищах, восходящих к скифской поре.[6]

Таким образом археологический материал как будто бы свидетельствует об автохтонности населения, оставившего «поля погребений» Среднего Поднепровья. Появление здесь этих могильников отражает, однако, огромные перемены в жизни местного земледельческого населения и перемены, несомненно, не только социальные, общие для всей варварской периферии Римской империи, связанные с эпохой «переселения народов», но и этнические, связанные с процессом этногонии.

Культура населения, известного по «полям погребений», сложившаяся около начала нашей эры, в основных чертах оставалась неизменной в течение пятисот лет. Огромные «поля погребений», служившие кладбищами в течение столетий, говорят об отсутствии значительных передвижений населения.

Судя по раскопкам около Масловки и Привольного, где недалеко от «полей погребений» были открыты одновременные с ними селища, в начале нашей эры, как и в скифскую пору, жилищем в Поднепровье служили землянки, точнее, полуземлянки с крышами на поверхности земли.[1] Инвентарь погребений свидетельствует о мирном земледельческом быте обитателей Среднего Поднепровья. В могилах встречаются: керамика, чаще местная, ручной работы, нередко привозная или же изготовленная на гончарном круге по причерноморским образцам, предметы убора и украшения, глиняные пряслa для веретен, иногда железные серпы и наконец кости домашних животных и птиц (овцы, свиньи, куры).

Оставаясь, повидимому, вне активной политической жизни, развертывающейся на границах восточных и северных провинций империи, племена Среднего Поднепровья тем не менее были тесно связаны с Причерноморьем; об этом говорит провинциально-римская окраска инвентаря погребений, более яркая на юге, менее выделяющаяся в северных районах. Большинство предметов убора и украшений, происходящих из «полей погребений», представлено формами, широко бытовавшими в Причерноморье. Здесь встречаются фибулы Т-образные — I—III ст., с лопастью над приемником — III—IV ст., двухлопастные — IV—V, а может быть и VI ст. н. э. Здесь имеются разнообразные поясные пряжки, начиная от позднесарматских и кончая ранними формами так наз. «готских» пряжек. Здесь представлены разнообразные бусы, подвески из морских раковин и, наконец, монеты II—III ст. н. э. Все эти вещи нельзя рассматривать в качестве обязательно привозных; большинство из них изготовлялось на месте. Но законодателем моды было Причерноморье, оттуда шли новые образцы. Огромное количество римских монет первых веков н. э., находимых в виде кладов, свидетельствует о том, что население Среднего Поднепровья теснейшим образом было связано с римским Причерноморьем и что римская монета являлась важнейшим элементом экономической жизни местного варварского населения.

[1] Материал в Днепропетровском музее.
[2] W. Antoniewicz. Archeologia Polski, стр. 174. — K. Tackenberg. Zu den Wanderungen der Ostgermanen. Mannus, 1930.
[3] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 188—189.
[4] Там же, стр. 182 и сл., 189.
[5] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, стр. 87—143.
[6] В. В. Хвойка. Городище Среднего Поднепровья. Тр. XII Археол. съезда, 1905, стр. 93 и сл.

[1] Материалы находятся в Днепропетровском музее.

Судя по материалам, собранным еще В. Г. Ляскоронским,[1] клады римских монет сосредоточиваются, главным образом, в области Правобережья, но они нередки и в Левобережье. Их распространение в основном совпадает с территорией «полей погребений».

В настоящее время, вследствие плохой изученности археологических памятников Украины, остается почти недоступным для исследования время VII—VIII ст. н. э. Неизвестно, что следует за культурой «полей погребений», какой материал заполняет трехвековой промежуток между «полями» и памятниками эпохи возникновения Древней Руси. Отдельные вещи этой эпохи, происходящие из случайных находок или старых раскопок, не могут послужить основанием для каких-либо серьезных выводов. Единственно, на что можно опереться, пытаясь подойти к решению вопроса о дальнейшей судьбе населения «полей погребений», — это мнение В. В. Хвойка о генетической связи этого населения с населением средневековой Руси, что было установлено им на основании изучения многочисленных городищ.[2] Как мы увидим ниже, сопоставление материалов «полей погребений» с археологическими памятниками IX—X ст. не противоречит этому мнению. Следовательно, огромный этнический массив, занимавший Среднее Поднепровье в начале и середине I тысячелетия н. э., сложившийся в предыдущие столетия из многочисленных скифских земледельческих племен и их ближайших соседей, проблематично можно рассматривать как массив древнеславянский.

II

К северу и северо-востоку от территории средненеднепровских «полей погребений», в лесной области Восточной Европы в начале нашей эры обитало множество варварских племен, распадавшихся на целый ряд локальных групп, обычно связанных с бассейнами рек или другими естественным образом очерченными районами. Памятниками I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры в лесной полосе Восточной Европы являются многочисленные городища. В отличие от открытых поселений Среднего Поднепровья, на севере в эту эпоху были распространены миниатюрные поселки, обычно расположенные на труднодоступных местах, на отрогах речных берегов, и обведенные невысокими земляными валами и рвами. При раскопках на городищах встречаются остатки жилищ, полуземляных или наземных, с каменными очагами. Культурные остатки рисуют примитивный скотоводческо-земледельческий быт патриархальных общин, относительно однородный на широких пространствах Верхнего Поднепровья, в бассейне Оки и в Верхнем Поволжье.

[1] В. Г. Ляскоронский. Находки римских монет в области Среднего Приднепровья. Тр. XI Киевского археол. съезда, т. I, 1901, стр. 458.

[2] В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, нов. сер., 1901, стр. 189.

Количество городищ, известных в настоящее время, исчисляется тысячами. Еще А. А. Спицыным было замечено, что вдоль берегов рек они распределяются неравномерно, а компактными группами по 3—4. Такая группировка поселений представляет собой чрезвычайно характерную черту эпохи первобытно-общинного строя, когда каждый род имел свою обособленную территорию, часть территории племени, и когда поселки, принадлежавшие одному роду, группировались вместе.[1]

Начало более или менее систематического изучения древних городищ лесной полосы Восточной Европы было положено двумя сводными работами А. А. Спицына: «Городища дьякова типа»[2] и «Новые сведения о городищах дьякова типа»,[3] вышедших в свет в 1903 и 1905 гг. До этого времени материалы отдельных памятников публиковались А. С. Уваровым,[4] Н. И. Булычевым,[5] В. И. Сизовым,[6] В. А. Городцовым[7] и некоторыми другими исследователями. Подытожив имевшиеся материалы, А. А. Спицын ошибочно объяснил городища в качестве остатков культовых мест, отнес их к памятникам «дорусского» населения и определил их время VI—VIII ст. н. э. В эти же годы ряд соображений о городищах лесной полосы высказал В. А. Городцов. На основании материалов городища у с. Городец на левом берегу Оки около г. Спасска им было установлено, что эти памятники следует рассматривать и как остатки поселений. Им были открыты остатки жилищ в виде прямоугольных землянок.[8] Городища датировались В. А. Городцовым эпохой от III ст. до н. э. до III ст. н. э.,[9] что, как мы увидим ниже, значительно больше отвечало действительности, чем датировка

[1] П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. ИГАИМК, вып. 106, 1935, стр. 154—155.

[2] Записки Отделения русской и славянской археологии (ЗОРСА), V, вып. 1, 1903.

[3] Та же серия, VII, вып. 1, 1905.

[4] А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Тр. I Археол. съезда, II, 1871.

[5] Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.

[6] В. И. Сизов. Дьяково городище. Тр. IX Археол. съезда, II, 1897. — Он же. Раскопки Дьякова городища. Археол. изв. и зам., 1893.

[7] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Белявском и Рязанском уездах в 1897 г. Археол. изв. и зам., VI, 1898, стр. 218—223. — Он же. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. Древности, т. XVII, стр. 1—10. — Он же. Дневник археологических исследований в долине р. Оки, произведенных в 1898 г. Древности, т. XVIII, 1901. — Он же. Материалы к археологической карте XII Археологического съезда, т. I, 1905, стр. 515 и сл.

[8] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований 1898 г. Археол. изв. и зам., VII, 1899.

[9] В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 375.

А. А. Спицына. В последние годы, благодаря работам В. А. Городцова,[1] А. В. Арциховского,[2] О. Н. Бадера[3] и других исследователей, время городищ установлено еще более точно, намечены хронологические и локальные группы этих памятников и, наконец, окончательно установлено, что они являются остатками поселений, а не культовых мест.

Оказалось, что древнейшие из городищ, такие, как Старшее Каширское на Оке около Каширы,[4] Кондраковское на Оке в районе Мурома,[5] городище у с. Городищи в Верхнем Поволжье около Калязина[6] и некоторые другие, восходят к середине и даже к первой половине I тысячелетия до н. э. Более того, есть некоторые основания предполагать, что первые городища в лесной полосе появились еще в эпоху бронзы, на грани II и I тысячелетий до н. э.

Верхняя хронологическая граница городищ различна в разных районах. На Оке, в среднем и нижнем ее течении, городища, как правило, не идут дальше III—IV ст. н. э.[7] В Верхнем Поволжье они доходят до IV—V и начала VI ст. В верховьях Оки и Днепра верхние слои городищ датируются VII—VIII, а нередко и IX—X ст., залегая непосредственно под наслоениями и остатками культуры эпохи Древней Руси.[8]

Хронология ранних дьяковых городищ, — о более поздних речь будет итти ниже, — строится на основании находок вещей южного или прикамского происхождения, время которых может быть определено с достаточной точностью. На Юхновском городище на Десне[9] и на Старшем Каширском городище[10] найдены вещи, известные по скифским памятникам середины I тысячелетия до н. э. На городищах у с. Гремячего на Оке,[1] на Топорке[2] и Черной Горе[3] в Верхнем Поволжье найдены бронзовые украшения, хорошо известные по позднеананьинским и раннепьяноборским могильникам Прикамья первых веков до н. э. и первых веков после н. э. На Банцеровском городище около Минска найдена архаичная фибула,[4] такая же, какие встречаются в наиболее ранних «полях погребений». Количество подобных находок, особенно за последнее время, стало настолько значительным, что появилась возможность разбить городища лесной полосы на ряд хронологических групп, в частности выделить интересующую нас сейчас группу памятников начала I тысячелетия н. э.

Параллельно уточнению хронологии городищ все более и более отчетливо выступала их территориальная дифференциация и обрисовывались особенности, свойственные той или другой локальной группе памятников, отражающие различия культуры отдельных племенных групп. Еще А. А. Спицыну в 1905 г. было ясно, что городища составляют ряд особых групп. Он писал тогда о городищах тверских, считая их наиболее поздними, о группе верхнеокских городищ, о городищах владимирско-московских, среднеднепровских, литовских и некоторых других группах, намеченных предположительно, так как материал в то время был еще невелик.[5] В. А. Городцовым была обрисована группа городищ низовьев и среднего течения р. Оки и Западного Приволжья, названная им «городецкой», по имени уже упомянутого выше городища у с. Городец.

В настоящее время территориальная классификация городищ и синхроничных им памятников — селищ и могильников — также не может считаться законченной. Сложность ее построения заключается в том, что в течение столетий племенные группы лесной полосы, повидимому, не оставались неизменными. Среди древнейших городищ, синхроничных скифским памятникам на юге, намечаются особые локальные группы, связанные с различным характером культур эпохи бронзы, на основании которых сложились эти варианты древней культуры железного века лесной полосы Европейской части СССР. С течением времени, к первым векам н. э. эти группы несколько видоизменились.

---

[1] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1834. — Он же. Старшее Кропотовское городище. Тр. Этнографо-археол. музея МГУ, вып. IV. — Он же. Болотное Огубское городище. Тр. Гос. Ист. музея, т. I, 1926. — Он же. Результаты исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища. Рязань, 1930.

[2] А. В. Арциховский. Бородинское городище. Тр. Секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук (РАНИОН), т. IV.

[3] О. Н. Бадер. Отчет о работах 1932—1933 гг. на строительстве канала Москва — Волга. ИГАИМК, вып. 109, 1935.

[4] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище.

[5] Исследовано О. Н. Бадером, материал хранится в Муромском музее.

[6] Исследовано автором в 1935—1937 гг. Материал хранится в Ленинградском Гос. университете.

[7] П. П. Ефименко. К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. Сов. археол., № 2, 1937.

[8] См. указанные выше материалы Н. И. Булычева и материалы из обследований последних лет, опубликованные в сборниках «Працы Археолёгічнай камісіі АН БССР» (I—III, 1926—1930).

[9] Н. В. Трубникова. К вопросу о Юхновском городище. Тр. Гос. Ист. музея, вып. VIII, 1938, стр. 123 и сл.

[10] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 45.

---

[1] Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки, М., 1899.

[2] Ю. Г. Гендуне. Городище Топорок. Тр. II Обл. Тверского археол. съезда, 1903.

[3] А. А. Спицын и Н. К. Рерих. Мелкие заметки. ЗОРСА, т. VII, вып. 2, 1905, стр. 251—252.

[4] Материал хранится в Институте истории АН БССР.

[5] А. А. Спицын. Новые сведения о городищах дьякова типа. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, 1905, стр. 91—93.

III

В верхнем течении Днепра, выше северных границ «полей погребений», намечаются три локальные группы памятников начала нашей эры — одна в Правобережье и бассейнах Припяти и Березины, другая — в верховьях Днепра, третья — по Левобережью, в бассейне Десны (рис. 1).

За последние годы по берегам Припяти и в области междуречья Припяти, Березины и Днепра были открыты своеобразные памятники, в виде «полей погребений», но не среднеднепровского, а несколько иного характера. Во всех известных случаях они представляли собой миниатюрные могильники, расположенные обычно на дюнных всхолмлениях по берегам реки, содержащие исключительно трупосожжения. Керамический материал северных «полей погребений» отличается грубой выделкой, но близко напоминает местную посуду городищ и «полей» Среднего Поднепровья. Кроме керамики на могильниках было найдено несколько мелких предметов, на основании которых возможно установить время памятников.

Наиболее значительные находки были сделаны на могильнике в урочище Казаргац на Припяти около Турова. «Поле погребений» располагалось на краю дюнного всхолмления и состояло не более чем из 20—25 погребений однородного характера.

Пережженные человеческие кости помещались в неглубокие ямы и сопровождались глиняными сосудами, иногда с лощеной поверхностью черного цвета, в форме высоких горшков, широких мис или небольших сосудов с боковой ручкой, почти таких же, как местная посуда из среднеднепровских «полей погребений» (рис. 2). Здесь были найдены также обломки мелких бронзовых и железных украшений, среди которых лишь одно может служить для определения даты памятника. Это трапециевидная бронзовая подвеска, украшенная по краю выпуклостями, обычная среди древностей середины I тысячелетия н. э. (рис. 2).[1]

Рядом с могильником на той же дюне встречены остатки поселения. Помимо керамики, повторяющей находки на «поле погребений», там была найдена грубая лепная посуда, украшенная по венчику округлыми ямками, сквозными отверстиями или же вдавлениями неправильной формы. По шейке некоторых сосудов проходил выпуклый валик (рис. 2). Эта керамика очень напоминает посуду скифских городищ более южных районов, отличаясь от нее грубостью изготовления.[2] Такая же керамика найдена на уроч. Пристань, в этом же районе. Вместе с ней оттуда происходит архаичная арбалетовидная фибула I—II ст. н. э. (рис. 2).[3] Наконец такая же точно керамика найдена на соседнем горо-

[1] Працы Археолегічнай камісіі АН БССР, II, 1930, стр. 351—356.
[2] Там же, стр. 342—351.
[3] Там же, стр. 358—362.

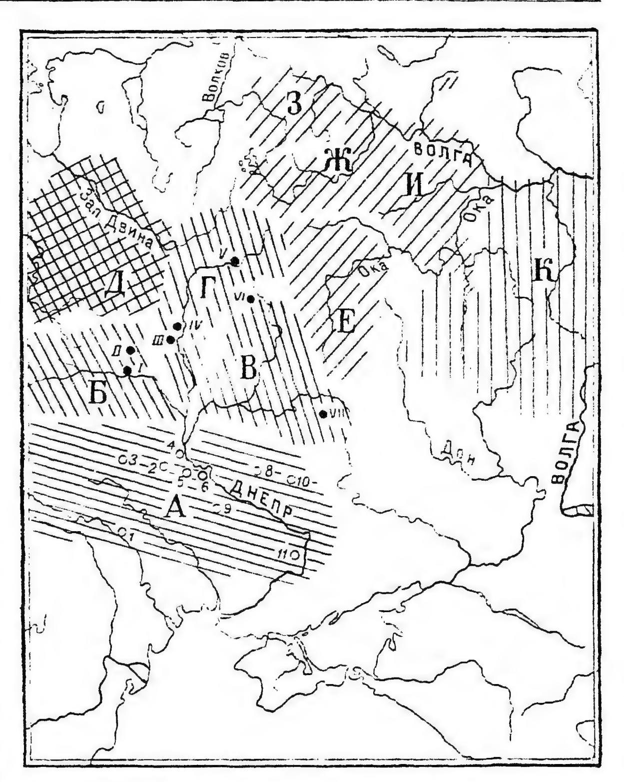


Рис. 1. Схема карты локальных групп археологических памятников начала н. э.

А — поля погребений Среднего Поднепровья (*1* — Погорелое, *2* — Дедовщина, *3* — Татарское селище, *4* — Черняхово, *5* — Ромашки, *6* — Зарубинцы, *7* — Пуховка, *8* — Гурбинцы, *9* — Маслово, *10* — Барановка, *11* — Привольное); *Б* — южно-белорусские городища; *В* — деснинские городища; *Г* — верхнеднепровские городища. Поля погребений Верхнего Поднепровья обозначены римскими цифрами (*I* — Каваргац, *II* — Старобин, *III* — Проскуры, *IV* — Ново-Быхов, *V* — Верхние Намыкары; *VI* — Печкуры, *VII* — Пенские пески); *Д* — северо-белорусские городища; *Е* — верхнеокские городища; *Ж* — верхневолжские городища; *З* — валдайские городища; *И* — волго-окские городища; *К* — средневолжские городища.

дище, представляющем собой миниатюрное укрепление круглой формы, занимающее небольшое всхолмление, диаметром всего лишь 40 м.[1]

Миниатюрные «поля погребений» были встречены по Случи в районе Старабина и по правым притокам Припяти к югу от Бобруйска.[2] Западнее такие «поля» доходят, повидимому, до среднего течения Вислы. Их рассматривают там обычно как гальштадтские памятники.[3] Керамика указанных типов во всем этом районе встречена в нижних слоях многочисленных городищ,[4] к сожалению, почти не подвергавшихся исследованию.

Группа памятников Днепровского Правобережья в области бассейна Припяти и Березины в дальнейшем будет именоваться южно-белорусской.

«Поля погребений» с трупосожжениями, близкие южно-белорусским, встречены и к северу от Смоленска, выше его, на правом берегу

[1] Там же, стр. 362—363.
[2] Там же, стр. 285.
[3] T. R e y m a n. Cmentarzysko późnobronzowe i halsztackie w Piasku, w pow. lublinieckim na G. Slasku. Przegląd Archeologiczny, IV, 1. Познань, 1929, стр. 47 и сл.
[4] Працы Археолегічнай камісіі АН БССР, II, 1930, стр. 285.

Днепра у д. Верхние Намыкары[1] и в районе Ново-Быхова,[2] где еще в 1904 г. два «поля» обследовал Е. Р. Романов.[3] Керамика древних смоленских городищ оказалась, однако, несколько иной, чем посуда городищ бассейна Припяти. Она не имеет, как правило, никакой орнаментации. Повидимому, верховья Днепра были заняты особой племенной группой — верхнеднепровской, о которой в настоящее время можно сказать очень мало, так как раскопки древних городищ, известных в этом районе в числе нескольких сот, почти не производились.[4]

Третьей племенной группой был занят бассейн Десны, Сейма и, повидимому, Ипути. По берегам этих рек и их мелких притоков известно множество городищ, обычно таких же небольших, как и южно-белорусские. Большинство городищ располагается на отрогах высокого речного берега. Ров и вал либо отрезают место поселения от плато высокого берега, либо имеют большую протяженность, окружая древнее поселение со всех сторон.

В 1906—1907 гг. С. А. Гатцуком был обследован целый ряд городищ в области среднего течения Десны.[1] На Юхновском городище в районе Новгород-Северска, на Мезинском городище около Кролевца, на городищах того же района — Рядичевском Мещанском, Рядичевском Московском, Городищенском и ряде других была найдена в основании культурных наслоений грубая глиняная посуда, украшенная по шейке примитивными узорами из неправильных ямочных вдавлений (рис. 3). На этих же городищах встречены в большом числе непонятные глиняные блоки, шаровидной, конической, биконической и эллипсоидной форм. Они снабжены отверстиями, обычно не сквозными, а проходящими до половины или двух третей толщины или высоты глиняного блока. Назначение этих предметов, часто в огромном количестве встре-

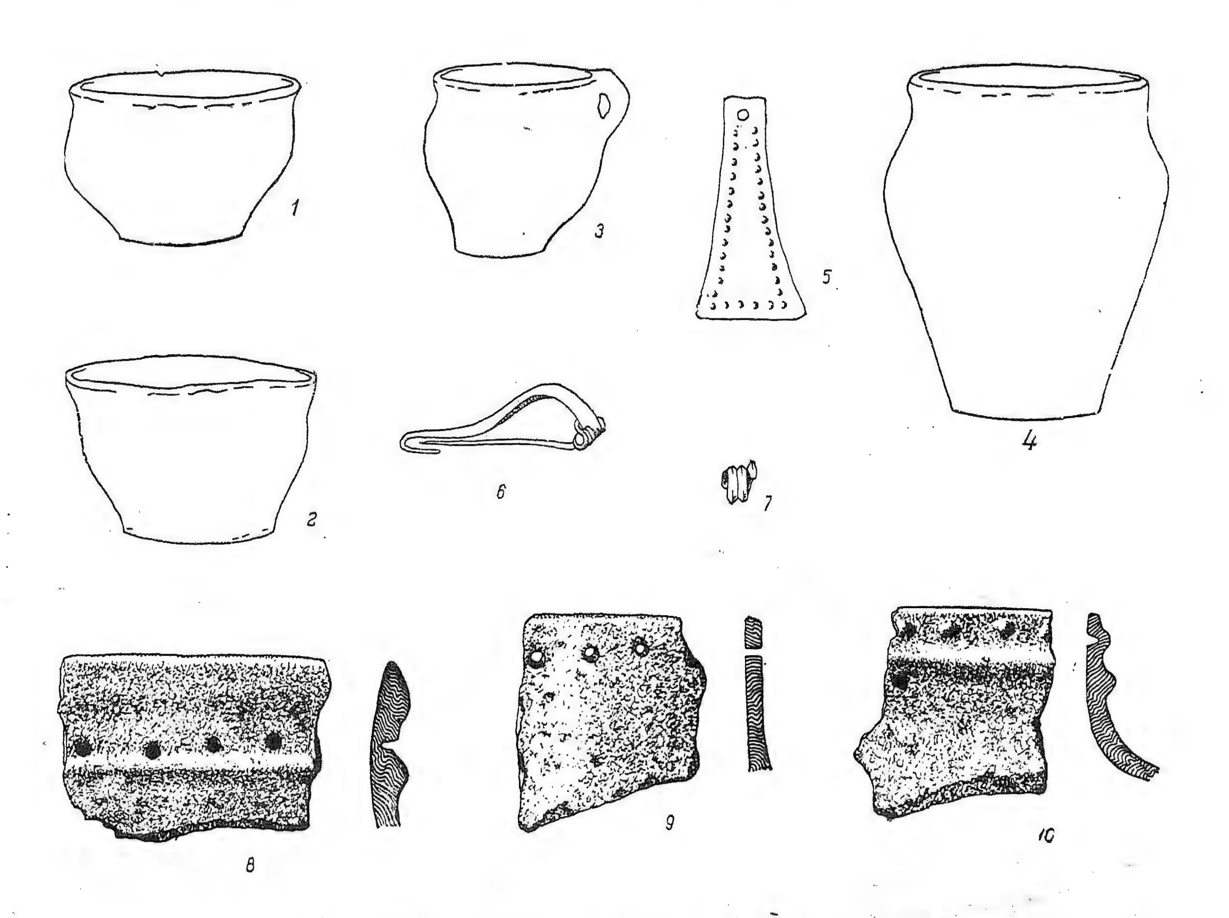


Рис. 2. Южно-белорусские городища и „поля погребений“.

1—4 — посуда из „поля“ Казаргац; *5* и *7* — украшения оттуда же; *6* — фибула из уроч. Пристань; *8—10* керамика из уроч. Пристань и Казаргац.

---

[1] Там же, стр. 282.
[2] Там же, стр. 356.
[3] Архив ИИМК, дело № 184/1904 г.
[4] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смоленского Гос. унив., т. III, вып. 3, 1926.

[1] Архив ИИМК, дело № 55/1906 г. и дело № 41/1907 г.

чающихся на деснинских городищах, до сих пор не разгадано. Для нас они важны в качестве своего рода «этнического» признака. На севере вне бассейна Десны подобные изделия не встречаются, на юге же подобные глиняные предметы известны на скифских городищах, в частности на Бельском.[1] Таким образом и здесь намечаются параллели с югом.

Такие же находки в последние годы были сделаны на городищах у с. Пушкари, на Десне в районе Новгород-Северска[2] и выше по Десне около г. Трубчевска. Во втором районе особенно богатый материал дали селище «Егорьев

Ее перекрывает гончарная посуда великокняжеской эпохи.

По Ипути в районе Мглина памятники с находками такого же характера открыты С. А. Гатцуком.[1] Им были произведены пробные раскопки на городищах у д. Чешуйки на р. Судынке, притоке Ипути, и в г. Мглине на этой же речке. Памятники с такими же находками оказались на р. Судости, притоке Десны. С. А. Гатцуком обследовано городище у д. Воробейка на притоке Судости — р. Теремошке.

Повидимому к этой же группе принадлежат древнейшие городища, обследованные Л. Н. Со-

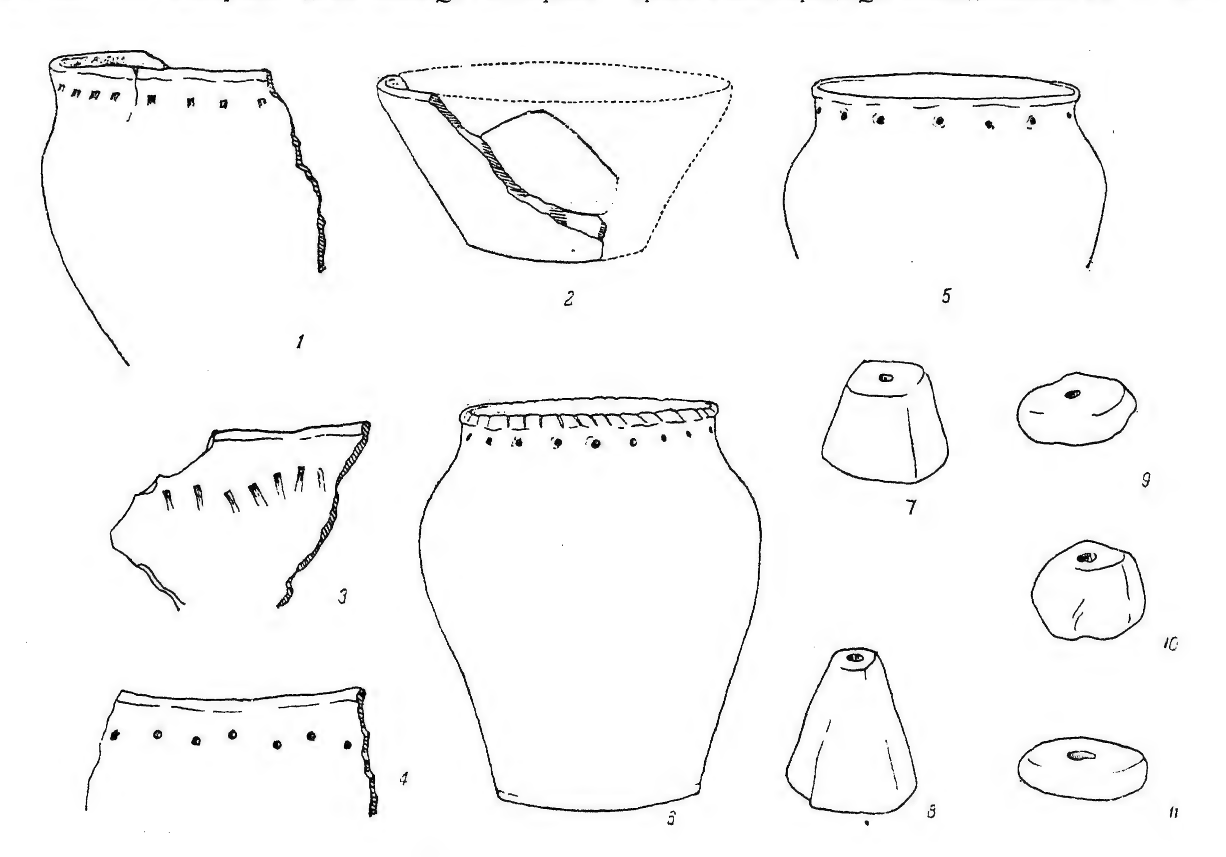


Рис. 3. Деснинские городища.

1—4 — с. Селец около Трубчевска; 5, 6, *8* — Пенские пески около с. Гочева; 7, *9—11* — Чернецкое городище.

ров» и городища у с. Селец, д. Квентунь и у д. Темной.[3] Все эти памятники особенно интересны еще и потому, что они имеют целую свиту культурных отложений. Выше только что описанной керамики там лежит другая, более грубая, лучше обожженная, отличающаяся более простыми узорами. Еще выше залегает керамика VIII—X ст. так наз. роменского типа.

[1] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском у. Полтавской губ. в 1906 г. Тр. IV Археол. съезда, III, 1911, стр. 93 и сл.

[2] Материал хранится в Институте археологии АН УССР.

[3] Памятники обследованы В. П. Левенком в 1935—1936 гг. Материал хранится в Трубчевском музее.

ловьевым по Сейму в окрестностях Курска. В основании культурного слоя многих городищ и селищ там встречается посуда, по мнению Л. Н. Соловьева, напоминающая скифскую. Кажется, там имеется и лощеная посуда черной окраски. Повидимому, в этом более южном районе сильнее сказывается близость культуры скифских городищ и среднеднепровских «полей погребений». Л. Н. Соловьевым было обследовано свыше десяти пунктов с подобными находками.[2]

[1] Архив ИИМК, дело № 55/1906 г. и дело № 41/1907 г.

[2] Л. Н. Соловьев. Стоянки и городища окрестностей г. Курска. Изв. Курского губ. общ. краевед., № 4, 1927, стр. 12—33.

Памятники деснинской группы, точно так же, как и предыдущие, известны почти исключительно по материалам обследований. Лишь в 1937 г. одно из городищ верхнего течения Десны было подвергнуто значительным раскопкам. Это городище, носящее наименование «Торфель», находится около Орджоникидзеграда, в районе Брянска, на левом коренном берегу Десны. Торфель занимает отрог высокого берега, ограниченный с одной стороны крутыми склонами и с другой невысоким валом и двумя рвами, внутренним и наружным. Площадь поселения составляет всего лишь 1600 кв. м. При раскопках были обнаружены остатки трех полуземляных жилищ: одного круглого и двух овальных. Найдены многочисленные изделия из железа (топор, обломки серпов, ножи, наконечники стрел), изделия из кости, уже знакомые нам глиняные блоки, частично орнаментированные, керамика, кости животных, бронзовые украшения. Последняя группа предметов позволяет отнести городище к первым столетиям н. э. [1]

В верховьях Псла около Обояни Курской обл., где известны городища, напоминающие деснинские, были сделаны находки, указывающие, возможно, на существование погребального «поля». На дюнах при слиянии рек Псла и Пены были обнажены ветром многочисленные глиняные сосуды знакомых нам типов. Вследствие плохой сохранности памятника, его характер не был окончательно установлен. Кроме керамики, там были встречены и глиняные блоки. Подобные же находки в этом районе сделаны на Чернецком городище, около д. Кривецкие Буды, на левом берегу р. Стрыгослы. [2] Следы другого «погребального поля», также не вполне определенные, были встречены в верхнем течении Десны у д. Печкуры около Рославля. [3]

Деснинская племенная группа начала нашей эры по своей культуре была близка южно-белорусской, а вместе с ней — среднеднепровской, поэтому следует ожидать на Десне широкого распространения погребальных памятников в виде «полей урн». В низовьях Десны, в Остерском районе, известны несколько «полей» среднеднепровского типа: Пуховка, М. Тихомля и др. [4]

Северо-западнее бассейна Днепра по материалам городищ намечается еще одна локальная группа памятников, связанная с северо-западным Приднепровьем и нижним течением Зап. Двины, — северо-белорусская или литовская. На востоке ее граница упирается в Днепр, в районе Орша — Могилев, отсюда она идет на юго-запад и пересекает Березину между Борисовом и Бобруйском, далее, проходя примерно несколько севернее Слуцка, граница поворачивает на северо-запад и идет куда-то к бассейну Немана. На севере в границы данной группы включается, повидимому, вся область бесчисленных озер, лежащих по обе стороны среднего течения Зап. Двины. [1] Западная граница точно неизвестна.

Племенная группа, занимавшая очерченную территорию, заметно отличалась от обитателей более южных из юго-восточных районов. Судя по находкам, происходящим с городищ, культура этой территории была более отсталой, сохраняющей некоторые черты чуть ли не каменного века. Охота и рыболовство играли здесь очень большую роль. На городищах встречаются в большом числе разнообразные костяные орудия: наконечники стрел, гарпуны, разнообразные острия. Металлические изделия попадаются чрезвычайно редко. Особенно характерна глиняная посуда северо-белорусских городищ. Плоскодонные сосуды баночной формы, грубые и толстостенные, по поверхности покрыты грубой штриховкой, а в верхней части имеют примитивные узоры из разнообразных ямочных вдавлений и защипов. Древнейшие городища с такими находками относятся несомненно к I тысячелетию до н. э. О том, что эта культура сохраняла свои архаичные черты и в начале нашей эры, говорят найденные в данном комплексе древняя арбалетовидная фибула, происходящая из нижнего слоя Банцеровского городища (рис. 4), и римские монеты времен Марка-Аврелия (161—180 г. н. э.), происходящие из городищ, обследованных Л. Крживицким. [2]

Городища этого типа известны преимущественно по раскопкам в юго-восточной части Литвы, в частности по течению р. Вилии. Судя по описанию, городища с такой керамикой обследованы Ф. В. Покровским в озерной области, примыкающей к верхнему течению Вилии. [3] К ним относятся городища Якубишское замчиско [4] и Богуцимский пилькальнис (нижний слой). [5] Ряд таких городищ обследован Л. Крживицким в восточных районах Литвы. [6] Наиболее значительные раскопки памятников этого типа были произведены около Минска на Банцеровском городище (рис. 4). [7] Находки того же характера происходят из нижнего слоя известного пилькальниса у с. Межуляны в бас-

---

[1] Раскопки произведены в 1937 г. Е. А. Калитиной и Е. И. Горюновой. Материал хранится в Смоленском музее.

[2] Отчет Археологической комиссии (ОАК), 1909—1910, стр. 187—189. Памятники были обследованы Г. П. Сосновским (Архив ИИМК, дело № 86 за 1910 г.).

[3] Архив А. А. Спицына (хранится в ИИМК).

[4] Архив А. А. Спицына.

---

[1] Працы Археолегічнай камісіі, II, 1930, стр. 336.

[2] Л. Крживицкий. Последние моменты неолитической эпохи в Литве. Сборник в честь семидесятилетия Д. Н. Анучина, М., 1913, стр. 301—317.

[3] Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении. Тр. X Археол. съезда, т. I.

[4] Там же, стр. 165—167.

[5] Там же, стр. 192 и табл. XIII.

[6] Л. Крживицкий, ук. соч.

[7] Материалы хранятся в Институте истории АН БССР.

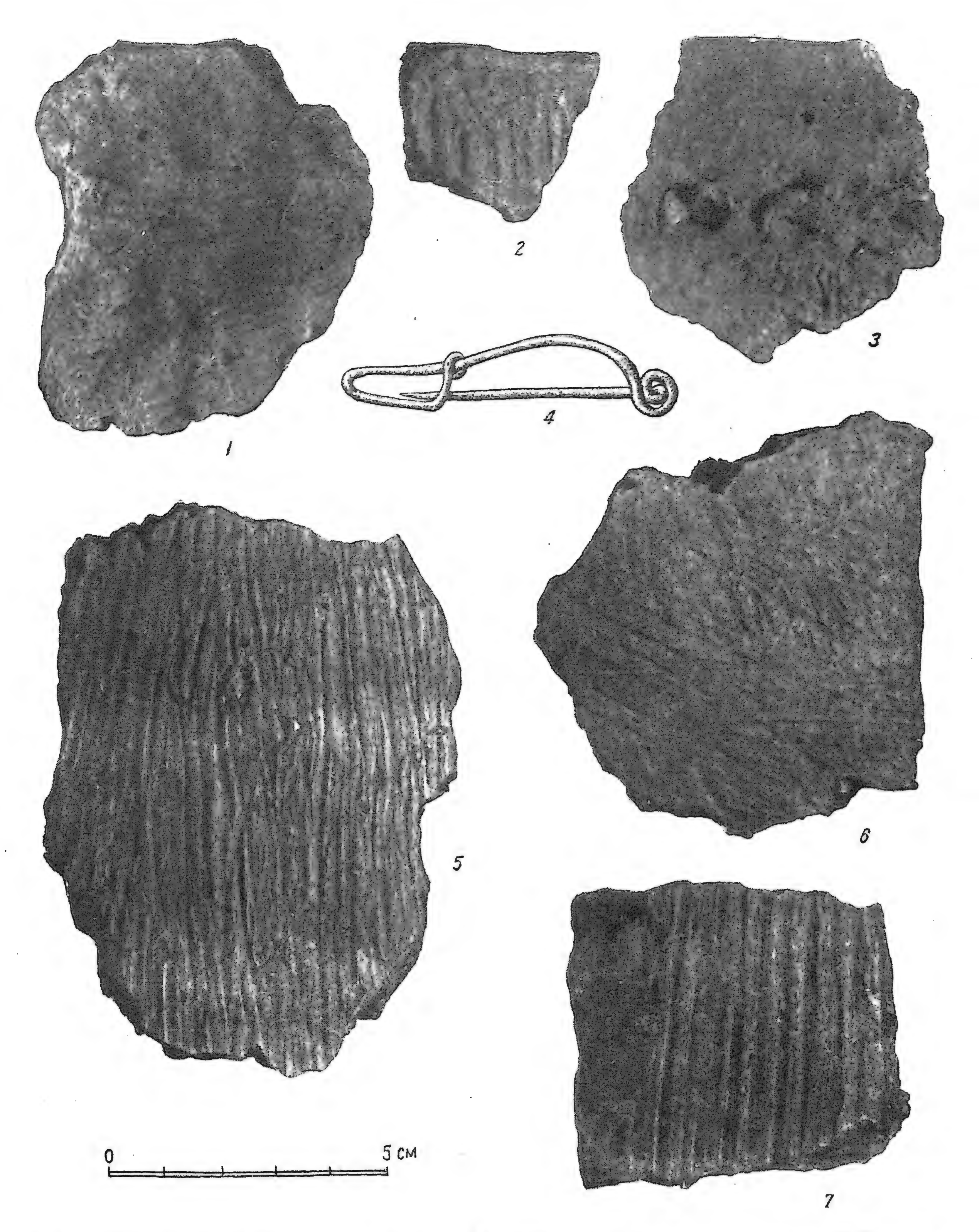


Рис. 4. Северо-белорусские городища. *1—3* — керамика из нижнего слоя Банцеревского городища; *5—7* — керамика из нижнего слоя пилькальниса Межуляны; *4* — фибула из Банцеревского городища.

сейне Вилии, исследованного В. А. Каширским в 1907 г.[1]

За последние годы городище такого типа было исследовано на территории Латвии в среднем течении Двины около Dignajas, вблизи известного средневекового города Герцике (Jersika).[2] В основании культурного слоя последнего также найдена грубая штрихованная керамика.[3] Судя по раскопкам около Sarnates, где открыто очень интересное торфяниковое поселение, штрихованная керамика на территории Латвии восходит к эпохе поздней бронзы.[4]

Очень возможно, что в дальнейшем эта группа городищ распадается на ряд более мелких локальных подразделений.

К северу и востоку от Верхнего Поднепровья, в бассейне Верхней Волги и Оки, лежит область наиболее характерных дьяковых городищ начала нашей эры — городищ с так наз. сетчатой или текстильной керамикой (покрытой отпечатками ткани). Культура населения этой обширной области в начале нашей эры отличалась относительным однообразием. В районе Валдайской возвышенности, на Волге и на Оке, при раскопках городищ можно встретить много общего: одинаковые железные изделия, близкую по орнаменту и способу изготовления керамику, одни и те же своеобразные глиняные предметы неизвестного назначения — так называемые «грузики дьякова типа» и т. д. Среди костных остатков с этих городищ преобладают кости лошади и свиньи, что указывает на своеобразный характер скотоводства, видимо более развитого здесь, чем на Днепре, где кости лошади встречаются очень редко.

Несмотря на наличие общих черт, связывающих древних обитателей Верхнего Поволжья в одно целое, внутри этой обширной племенной групы наблюдались и значительные локальные отличия. Она распадалась на три, а возможно и на четыре более мелких группы: верхнеокскую, волго-окскую, верхневолжскую и валдайскую. Границы этих групп могут быть намечены лишь очень приблизительно (рис. 1). Последняя группа не может считаться окончательно установленной, но как будто бы городища бассейна Мсты и валдайских озер, очень плохо известные в настоящее время, несколько отличаются от верхневолжских. Мало того, остатки поселений с сетчатой керамикой, но не городища, а селища, известны так же значительно севернее и западнее Валдайской возвышенности — на территории Ленинградской обл., южной Карелии и Финляндии и, наконец, Эстонии. За последние годы селище начала н. э., по составу и характеру находок очень близкое верхневолжским и валдайским городищам, было исследовано около селения Асва (Asva) на острове Сааремаа (Эзель). Особенностью селища Асва является ряд элементов материальной культуры, сложившихся под влиянием среднеевропейской провинциально- или, точнее, периферийно-римской цивилизации.[1]

Таким образом на прилагаемой карте (рис. 1) штриховку, покрывающую область городищ с сетчатой керамикой, возможно, следовало бы продолжить на север и северо-запад, так как на территории Эстонии, Ленинградской области и южных частей Финляндии и Карелии в начале нашей эры обитали племена, повидимому, близкие верхневолжским и валдайским.

Городища верхнего течения Волги и Оки исследованы значительно лучше, чем все предыдущие. Благодаря многочисленным раскопкам вполне установлен характер поселений и жилищ, выявлены многие особенности экономики, жизни и быта древних обитателей этих миниатюрных укреплений. Значительно лучше проработаны и хронологические вопросы, несмотря на то, что находки датирующих вещей на более древних городищах этого района делаются чрезвычайно редко.

Судя по древнейшим памятникам, относящимся к началу I тысячелетия до н. э., отмеченная выше однородность культуры племен Волги и Оки появилась далеко не сразу. В начале и середине I тысячелетия до н. э. в культуре обитателей древних укрепленных поселений очень сильно сказывалась культурная неоднородность племенных групп эпохи бронзы. Как показали исследования М. В. Талицкого, обнаружившего в верхнем течении Оки еще более древние городища, чем Старшее Каширское, датируемое В. А. Городцовым VII—V ст. до н. э., культура обитателей древнейших окских городищ удерживала многие черты местной культуры эпохи бронзы, известной по раскопкам Поздняковского и Подборновского селищ, а также Мало-Окуловского могильника.[2] Такое же явление выявилось при изучении древнейших верхневолжских городищ. Происходящие оттуда культурные остатки закономерно замыкают хронологический ряд верхневолжских памятников эпохи бронзы, которые заметно отличаются от окских.[3] Культура городищ с «сетчатой» керамикой окончательно складывается лишь в последние столетия до н. э.

Не останавливаясь на характеристике перечисленых выше племенных групп Верхней Волги и Оки, отметим наиболее существенные особенности каждой из них. Обитатели верхнего течения Оки, если судить по материалам извест-

---

[1] ОАК, 1907, стр. 106—107. Материал хранится в Гос. Эрмитаже.

[2] E. Snore. Dignajas pilskalns. Senatne un Maksla, IV, Riga, 1939.

[3] F. Baloodis. Jersika. Riga, 1940, табл. I.

[4] Ed. Sturms. Sarnates purva mitnes. Senatne un Maksla, I, Riga, 1940.

[1] R. Indreko. Asva linnus-asula. Muistse Eesti linnused, Tartus, 1939, стр. 18 и сл.

[2] Б. С. Жуков. Теория территориальных и хронологических модификаций неолитических культур. Этнография, № 1, 1929.

[3] П. Н. Третьяков. Памятники I тысячелетия до н. э. в Верхнем Поволжье. Краткие сообщ. ИИМК, II, 1939, стр. 24—26.

ного городища у с. Гремячего [1] и ряда других памятников, в своей культуре сочетали черты, присущие всем волго-окским племенам, с чертами, характеризующими обитателей бассейна Десны. Особенно ярко отразилось это на керамическом материале. На многих городищах верховьев Оки были встречены остатки полуземляных жилищ неизменной круглой формы, удерживающих облик построек эпохи неолита. В волго-окском районе, точнее в области междуречья Волги и Оки, жилищем служили преимущественно не круглые, а прямоугольные землянки. Элементы культуры деснинских племен здесь не представлены, но сказывается близость племен Восточного Поволжья, [2] известных по так называемым «костеносным» городищам Прикамья и Поветлужья. [3] Особенно отчетливо видны эти восточные черты в материалах городищ верхнего течения Костромы, исследованных в 1908 г. В. Н. Глазовым [4] и в 1928 г. В. И. Смирновым. [5] В области Верхнего Поволжья намечаются более существенные особенности культуры начала нашей эры. Городища имеют здесь несколько особую форму, получившуюся в результате подсыпания площадки и укрепления ее с помощью двух или трех рвов и невысоких валов между ними. Несмотря на значительные раскопки, ни на одном из верхневолжских городищ не найдены следы землянок. Жилищем служили здесь наземные постройки, обнаруженные на Топорке, [6] на городищах Санниковском, [7] Грехорученском, Городищенском [8] и др. Керамический материал верхневолжских городищ удерживает в орнаментации некоторые архаичные черты, что делает посуду более разнообразной и нарядной. Чаще, чем на Оке, здесь встречаются различные костяные изделия, что также говорит об известной отсталости верхневолжских племен по сравнению с их южными соседями. Памятники Валдайской возвышенности, известные по раскопкам городищ на озерах Кафтинском, [9] Бологом, [10] Пудоро [11] и по р. Мсте, незначительно отличаются от верхневолжских и выделение их в качестве особой группы не является бесспорным.

В 1934—1935 гг. автором этих строк были произведены раскопки городища около д. Березняки, в районе Рыбинска, относящегося, правда, скорее к середине, чем к началу нашей эры, а именно к III—V ст., но по ряду особенностей полностью примыкающего к дьяковым городищам начала нашей эры. В виду того что это городище является единственным памятником данного типа, исследованным полностью, на нем следует кратко остановиться, чтобы несколько дополнить конкретным материалом характеристику культуры городищ, данную в общих чертах выше.

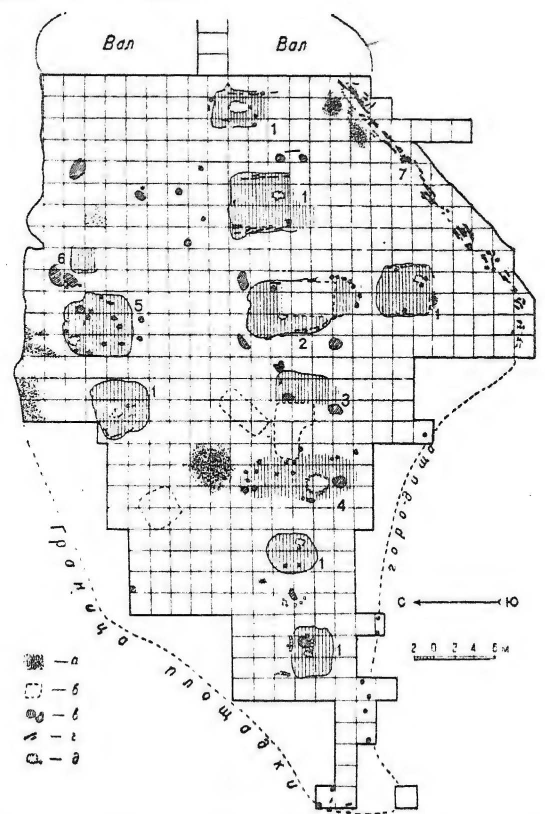


Рис. 5. Схематический план раскопа на городище у д. Березняки с обозначением остатков построек.

1 — остатки жилых помещений; *2* — остатки общественного здания; *3* — помещение для зерна; *4* — кузница; *5* — постройка для прядения и ткачества; *6* — погребальный домик; *7* — остатки деревянной ограды; *а* — кучи пережженного камня; *б* — старые раскопки; *в* — ямы от столбов; *г* — сгоревшее дерево; *д* — камни и очаги.

На площади городища, не превышающей 2000 кв. м, окруженной некогда прочной оградой из бревен, плетня и земли, были открыты остатки одиннадцати построек наземного типа, не считая загона для скота, располагавшегося около ворот (рис. 5). Центральную часть площадки занимал большой бревенчатый дом, с открытым очагом в средней части. Эта постройка представляла собой общественное здание, что следует не только из местоположения и большого размера ее, но и из состава находок, совсем другого, чем в жилых помещениях. Остатки последних были встречены в числе шести. Они являлись в древности сравнитель-

[1] Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.

[2] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. Матер. и исслед. по археол. СССР, № 5, 1941.

[3] Л. И. Вараксина. Костеносные городища Камско-Вятского края. Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Камском унив., т. XXXIV, вып. 3—4, стр. 83—112.

[4] Архив ИИМК, дело В. Н. Глазова за 1908 г.

[5] Архив ИИМК, дело В. И. Смирнова за 1928 г.

[6] Ю. Г. Гендуне. Городище Топорок. Тр. II Тверского обл. археол. съезда. Тверь, 1906.

[7] О. Н. Бадер. Отчет о работах 1932—1933 гг. на строительстве канала Москва — Волга. ИГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 36.

[8] Исследованы автором в 1935—1937 гг.

[9] ЗОРСА, VII, вып. 2, стр. 235.

[10] Исследовано автором в 1935 г.

[11] Ряд городищ исследован автором в 1929 г.

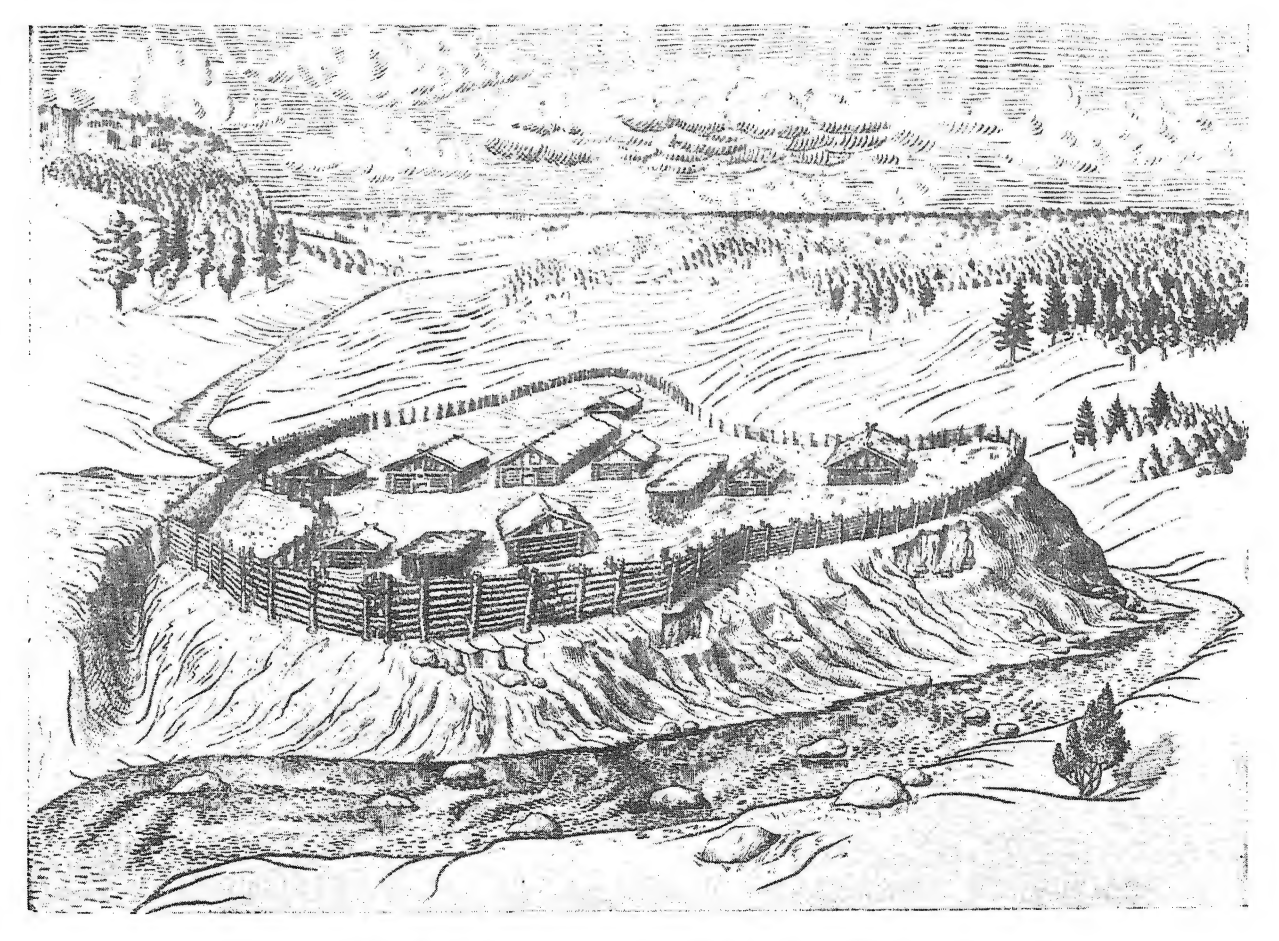


Рис. 6. Реконструкция поселения у д. Березняки.

но небольшими прямоугольными зданиями с очагами у задней стены. Около центрального дома встречены остатки амбарчика, служившего для хранения зерна. Рядом с ним помещалась обширная кузница, а напротив, по другую сторону площадки, — постройка для женских работ: пряденья, ткачества, шитья. Наконец, здесь же, ближе к центральной части городища, были встречены остатки погребального сооружения — маленького домика, в который помещали остатки умерших, сожженных на огне где-то за пределами поселка. В конце V ст. этот поселок погиб от пожара, что чрезвычайно благоприятно отразилось на сохранности его остатков.

Вскрытая раскопками картина изображает патриархальное гнездо (рис. 6), поселок большой семьи, на общинных началах ведущей свое хозяйство, имеющей общие запасы, наконец, погребающей останки своих мертвых в семейной усыпальнице — «домике мертвых».[1]

«Домик мертвых» городища у д. Березняки — это первая и пока единственная находка погребального памятника эпохи дьяковых городищ в Волго-Окском бассейне. Поэтому нельзя утверждать, что такие домики имели широкое распространение. В то же время было бы неправильно рассматривать этот домик как явление единичное.[1] Как мы увидим дальше, есть все основания думать, что такие домики были распространены в верховьях Волги, в области Валдайской возвышенности и в верховьях Оки, т. е. в тех областях Волжского бассейна, которые впоследствии выступают как славянские.

Вполне определенно устанавливается в настоящее время большая племенная группа Западного Поволжья, обрисованная городищами с так называемой «рогожной» керамикой, та самая, которую В. А. Городцов называл «городецкой». Работами В. В. Гольмстен,[2] Н. Арзютова[3] и др. теперь более или менее твердо выяснено, что культура этих городищ генетически связана с поздней «хвалынской» культурой эпохи бронзы Среднего Поволжья. Многие городища на Средней Волге в нижнем культурном слое содержат «хвалынские» остатки.

[1] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. Матер. и исслед. по археол. СССР, № 5, 1941, стр. 51.

[1] Там же, стр. 58.

[2] В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губ. Тр. Секции археол. РАНИОН, IV, 1928.

[3] Н. Арзютов. Древние финны Нижнего Поволжья. Саратов, 1928. — Он же. К вопросу о так называемой рогожной керамике. Тр. Нижневолжск. обл. общ. краевед., 1926, вып. 35, ч. 1.

Распространяясь преимущественно в области лесостепи, городища Западного Поволжья почти не заходят на восточный берег Волги, где в Прикамье и Поветлужье, как уже отмечалось, лежала область племен совершенно иного характера, известных по костеносным городищам и пьяноборским могильникам.[1,2]

На юге, в пределах Саратовской и отчасти Воронежской обл., городища Западного Поволжья граничат с территорией степи, занятой в эпоху их бытования кочевыми племенами, археологические памятники которых хорошо известны.[3]

На севере они соприкасаются с дьяковскими волго-окскими городищами, речь о которых шла выше. Граница проходит приблизительно по Оке. В районе Рязани граница городищ с рогожной керамикой идет на юг по водоразделу Цны и Дона. Очень вероятно, что эти городища в дальнейшем распадутся на ряд локальных групп. В настоящее время они еще очень плохо исследованы. По составу находок они очень близки городищам с сетчатой керамикой, но в культуре оставившего их населения сказывается близость степных пространств.

Такова этническая карта центральных областей Восточной Европы в начале нашей эры. Контуры различных племенных групп в настоящее время еще не могут быть обрисованы с достаточной четкостью; мало того, возможно, что на севере в пределах очерченной территории было больше племенных образований, чем сейчас намечается.

Остаются почти неизвестными памятники начала нашей эры к югу от Чудского озера и озера Ильмень; ничего нельзя сказать о памятниках верховьев Дона. Выше указывалось, что валдайская группа городищ вырисовывается крайне неопределенно. Мало изучены также городища волго-окские и западноволжские. Последние в дальнейшем, повидимому, распадутся на ряд локальных групп. На северо-западе, в области южной Прибалтики, где за последние годы была проведена большая работа по учету древних городищ,[4] раскопки этих памятников только лишь начались.[5] Еще хуже обстоит дело с памятниками Западной Белоруссии. Поэтому западные границы южно-белорусской и северо-белорусской племенных групп начала нашей эры не могут быть точно установлены.

[1] Л. Вараксина. Костромские городища Камско-Волжского края. Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанском унив., XXXIV, вып. 3—4, 1929.

[2] П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. Сов. археол., № 2, 1937, стр. 40.

[3] P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga, 1926. — Он же. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926, 1927.

[4] Эстония: E. Laid. Die vorgeschichtlichen Burgen Eestis. Tartu, 1924; Латвия: E. Brastins. Latvijas Pilskalni, I—III, Riga, 1926, 1928, 1930; Литва: P. Tarasenka. Lietuvos Archeologijos Medziaga, Kaunas, 1928.

[5] Muistse Eesti linnused, Tartus, 1939.

Этно-географическая карта Южной Прибалтики позднеримского времени, составленная Н. Moora на основании материалов погребений, намечает две основных группы прибалтийских племен — одну на территории Эстонии и частично Латвии, другую — в низовьях Зап. Двины и в бассейне Немана.[1] Эта карта отражает уже последующий культурный этап. Однако вторая южно-прибалтийская группа — древняя лето-литовская, — повидимому, свяжется с намеченной выше группой северо-белорусских и литовских городищ.

Таким образом приведенная выше карта несомненно подвергнется в дальнейшем некоторым уточнениям. Несмотря на все свои возможные недостатки, неизбежные в первой редакции, она представляет огромный интерес и позволяет сделать целый ряд существенных выводов.

Прежде всего становится ясным, что северные племенные группы начала нашей эры в пределах очерченной территории составляли четыре основных массива: днепровский, верхневолжский, который, вероятно, правильнее было бы назвать северный, средневолжский и массив племен с особой культурой по Зап. Двине и Неману. Судя по днепровским и верхневолжским городищам, известным значительно лучше, чем памятники других районов, отдельные племенные группы, входившие в тот и другой массив, заметно отличались одна от другой. Четких границ не только внутри названных массивов, но и между ними, однако, не существовало. Например в культуре деснинской группы имеется много общего с культурой населения верховьев Оки; племена верхнего течения Волги имели ряд общих черт как с племенами верховьев Днепра, так и с населением бассейна Западной Двины, и т. д.

Археологические памятники позволяют говорить о глубоких местных корнях всех перечисленных выше племенных групп. Это было население, предки которого, начиная с отдаленной древности, во всяком случае с эпохи бронзы, обитали в этих же самых областях в непосредственном соседстве друг с другом. Поэтому так много общего и обнаруживается при сопоставлении культуры соседних племенных групп.

Не менее интересно и то, что племена, обитавшие в глубине лесов, вне какого-либо заметного воздействия со стороны цивилизованного юга, создали к началу нашей эры культуру, далеко не настолько примитивную, чтобы ее вовсе нельзя было сравнить с культурой обитателей Среднего Поднепровья. Если попытаться выделить в материале «полей погребений» местные черты, генетически восходящие к эпохе скифов-земледельцев, отбросив элементы провинциально-римского характера, то в культуре среднеднепровских племен начала нашей эры и их ближайших северных соседей также обнаруживается много общего. Очевидно,

[1] H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., II, Tartu, 1938, стр. 622.

между племенами Среднего Поднепровья и населением более северных областей не было непроходимой пропасти, не было резкой грани.

Дальнейшая судьба северных племен, изложенная в последующих главах, позволяет утверждать, что племенные группы начала нашей эры являлись предками северных славянских, финских и лето-литовских племен. Племена начала нашей эры — это те самые «северные сарматы», о существовании и относительной однородности которых на широких пространствах лесного севера говорил Н. Я. Марр.[1]

ВОПРОСЫ ЭТНОГОНИИ СЕВЕРНЫХ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН

I

К середине I тысячелетия н. э. этническая карта лесных областей Восточной Европы приобретает новые контуры и новое содержание. Она становится менее лоскутной, менее пестрой. На месте отдельных племенных образований начала нашей эры возникают обширные этнические группы, состоящие если не из однородных, то во всяком случае из близких по своей культуре слагаемых. Одна из таких групп тяготела к Среднему Поволжью, другая к области Верхнего Поднепровья, третья к Южной Прибалтике. Северные сарматы в одних местах, начиная с II—III ст. н. э., в других — несколько позже повсеместно вступили в новую фазу развития, закладывая основы этнической карты, известной по «Повести временных лет» и сохраняющейся в основных чертах вплоть до настоящего времени.

Этнический состав населения лесной полосы Восточной Европы в середине I тысячелетия н. э. начал выясняться лишь в последние годы. В работах П. П. Ефименко получили глубокое освещение материалы Западного Поволжья, принадлежащие предкам мордовско-муромских племен. Еще в 1926 г. в своей первой работе, посвященной могильникам среднего течения Оки, П. П. Ефименко было указано, что «непосредственным соседом этой народности на западе было обширное племя, которое мы знаем как носителя окско-днепровско-балтийской культуры и которое некоторые склонны считать готами, хотя имеется больше оснований видеть в них предков литовско-балтийской этнической группы, а может быть и не разделенных с ними славян».[2] Несколько иное, более определенное, освещение получили восточные соседи приволжских племен в последующих работах того же автора. «Весьма возможно, — писал П. П. Ефименко, — что они окажутся теми зачаточными историческими образованиями, из которых вырастают древнерусские племена начального периода русской истории».[1] В эти годы, благодаря работам H. Moora,[2] F. Balodis'a[3] и других исследователей, группа балтийских племен и характер ее древней культуры уже настолько определились, что стало возможным расчленить «окско-днепровско-балтийскую культуру» на две части: собственно балтийскую и днепровскую — древнеславянскую.

В последующем изложении одно из важнейших мест должен занять вопрос о причинах появления на севере современных этнических групп, об этапе исторического процесса, определившего эти причины, наконец вопрос о внешних исторических условиях, которые, вероятно, также сыграли немаловажную роль в формировании северных восточно-славянских, поволжских и лето-литовских племен.

Старая археология, следуя укоренившимся метафизическим взглядам на исторический процесс, особо подчеркивала значение внешних условий, а нередко только ими и объясняла все изменения в исторической жизни. Так, например, известный знаток восточно-европейских древностей A. M. Tallgren, в представлении которого население лесной полосы Восточной Европы являлось, впрочем, аморфной массой угро-финских племен, единственной причиной коренных перемен в жизни этого населения в III—V ст. н. э. считал влияние готской культуры, могучего готского государства, якобы распространившегося в эти столетия далеко на север от Черного моря,[4] как это обрисовывает готский историк Иордан. Нельзя согласиться с таким односторонним взглядом на исторический процесс. Обитатели северных лесов в течение тысячелетий проделали огромный путь от каменного века до эпохи железа, от примитивного охотничьего хозяйства до земледелия и скотоводства. Дальнейшая их история, дальнейшее развитие их культуры также питалось прежде всего внутренними силами.

Но прежде чем перейти к этим сложным вопросам, необходимо обосновать фактическим материалом основную мысль — автохтонность исторического процесса в течение I тысячелетия н. э. на всей территории Верхнеднепровского и Волго-Окского бассейнов, а также обрисовать контуры новой этнической карты, сложившейся к середине I тысячелетия н. э.

II

Подавляющее большинство городищ Волго-Окского бассейна содержит следы обитания не

---

[1] Н. Я. Марр. Чуваши-яфетиды на Волге. Избр. раб., т. V, стр. 361.

[2] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Матер. по этногр., III, вып. 1, 1926, стр. 82.

[1] П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. (тезисы доклада). Изд. АН СССР, 1936, стр. 3.

[2] H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. I—II. Tartu, 1939.

[3] F. Balodis in: R. Snore. Latviesu kultura senatne. Riga, 1937.

[4] A. M. Tallgren. L'Orient et l'Occident dans l'âge du fer finnoougrien jusq'au IX-e siècle de notre ère. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, XXXV, 3, 1924.

только в начале нашей эры, но и в последующие столетия. Еще со времен В. И. Сизова, исследовавшего «городок» у с. Дьякова под Москвой,[1] стало известно, что у большинства городищ над основным культурным слоем с сетчатой керамикой имеется слой с посудой без орнамента. Другой вещественный материал верхних слоев также отличается некоторыми особенностями. По мнению большинства исследователей, различие в характере материала из верхних и нижних слоев дьяковых городищ нужно рассматривать лишь в хронологическом плане. Оно говорит об изменении культуры одного и того же населения, притом таком изменении, которое шло по пути разрушения старых местных культурных особенностей.

Одно время против автохтонности исторического процесса в области среднего течения Оки возражал П. П. Ефименко, на основании своих раскопок на городище у с. Вышгород, около Рязани. Мощный культурный слой с сетчатой керамикой был отделен там от верхнего слоя хорошо выраженной стерильной прослойкой. Получалось впечатление, что верхний горизонт оставлен совсем другим населением, занявшим старое много лет пустовавшее городище.[2] Впоследствии оказалось, что стратиграфия Вышгородского городища представляет собой единичное явление. Подавляющее большинство окских городищ, содержащих культурный слой с неорнаментированной керамикой, не имеет никаких стерильных прослоек. Мало того, на этих городищах, точно так же как и на волжских, между нижним и верхним слоями не наблюдается никакой определенной границы. Налицо полнейшая преемственность в развитии культуры; столетиями здесь жило одно и то же население.

Из городищ, стратиграфия которых полностью подтверждает этот вывод, в верхнем течении Оки назовем Федяшевское[3] и Гремячее,[4] на Москва-реке — Дьяково[5] и Барвихинское,[6] в среднем течении Оки — городища Палецкое, Алпатьевское, Митинское, Пальновское, Троице-Пеленицкое и многие другие,[7] в Верхнем Поволжье — городища Синьковское,[8] Топорок,[9] Грехорученское, Городищенское и др.[1] В области Валдайской возвышенности такую картину дает городище Шведская горка на оз. Бологовском[2] и городище на оз. Тишедра.[3] Наконец, в Среднем Поволжье из городищ с рогожной керамикой в нижнем слое и с неорнаментированной посудой в верхнем слое назовем Чардынское.[4]

Приведенный список можно было бы без труда увеличить и в пять и в десять раз, указав на городища, исследованные за последние годы в зоне строительства канала Москва — Волга, на городища по р. Мологе и Мсте, на группу Костромских городищ, на городища по Нерли Волжской, Нерли Клязьменской и Клязьме, на городища по Мокше, Угре, Жиздре и т. д.

Время верхних слоев средневолжских и окских городищ — III, нередко IV—V ст. Они одновременны, следовательно, более ранним окским и средневолжским могильникам. Верхневолжские городища доходят до V и даже VI ст. Городища верхнего течения Оки продолжали функционировать в качестве поселений еще дольше — до VIII—X ст., а нередко и до XII—XIII ст. Обоснование всех этих цифр будет дано в следующей главе.

Не менее определенная картина автохтонного развития в течение I тысячелетия н. э. выявляется на основании стратиграфии и вещественного материала городищ бассейна Днепра.

Выше (стр. 15) было посвящено несколько строк составу культурных наслоений деснинских городищ, где слои с находками начала нашей эры последовательно сменяются слоями середины и конца I тысячелетия н. э., а нередко и великокняжеской эпохи, отражая постепенное развитие местной культуры. Такое же явление прослеживается при изучении многих десятков городов Смоленщины и Белоруссии, как южной, так и северной. Примером могут служить уже знакомое нам Банцеревское городище около Минска, где поверх слоя начала нашей эры лежат остатки культуры VI—VIII ст.,[5] или Германовское городище около Орши, содержащее древнюю штрихованную, более позднюю грубую неорнаментированную и, наконец, гончарную керамику XI—XII ст.[6] Такие же находки сделаны на Старосельском городище около

---

[1] В. И. Сизов. Дьяково городище. Тр. IX Археол. съезда, II, стр. 256—257.

[2] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Матер. по этногр., III, вып. 1, 1926, стр. 63—64.

[3] В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. Древности, XVII, стр. 1—10.

[4] Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.

[5] В. И. Сизов, ук. соч., стр. 258.

[6] Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. Сов. археол. III, 1937, стр. 113—126.

[7] П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. ИГАИМК, вып. 106, 1934, стр. 155.

[8] А. А. Спицын. Новые сведения о городищах дьякова типа. ЗОРСА, т. VII, вып 1, 1905, стр. 85 и сл. В последние годы памятник был исследован О. Н. Бадером.

[9] Ю. Г. Гендунс. Городище Топорок. Тр. II обл. Тверского археол. съезда. Тверь, 1906, стр. 261.

[1] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. Матер. и исслед. по археол. СССР, № 5, 1941, *Приложение I*.

[2] Раскопки автора 1935 г.

[3] Обследовано автором в 1929 г.

[4] Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения, т. V, 1933, стр. 63—65.

[5] Материал хранится в Институте истории АН БССР. Краткие данные опубликованы в «Varia» «Гістарычна-Археолегічнаго зборніка Інстытуту Беларускае Культуры» (№ 1, 1927).

[6] Материал хранится там же. Краткие данные опубликованы в сборнике «Працы Археолегічнай камісіі АН БССР» (II, 1930, стр. 81—83, 96—97).

Витебска, и на многих смоленских городищах в верховьях Днепра.[1]

К середине I тысячелетия н. э. в Поднепровье, как и в Волго-Окском бассейне, о чем говорилось выше, заметно стираются старые локальные различия, уступая место относительному однообразию культуры. Эта новая культура обитателей Верхнего Поднепровья, подробная характеристика которой будет дана ниже, заметно отличалась от новой культуры племен Поволжья. Граница между теми и другими племенами проходила не точно по волжско-днепровскому водоразделу, а несколько восточнее, отсекая от Волго-Окского бассейна на юге верхнее течение Оки с ее притоками Угрой и Жиздрой, на севере — Валдайскую возвышенность и как будто бы самый верхний отрезок течения Волги.

Наиболее показательным материалом, ярко обрисовывающим контуры нарождающихся северных восточно-славянских племен и соседнего восточно-финского мира, служат не столько материалы городищ, сколько погребальные памятники, совершенно различные в Поднепровье и Поволжье. От V—VII ст., а возможно и от несколько более раннего времени по всей территории северных восточно-славянских племен сохранились погребальные памятники в виде курганов с трупосожжением, в несколько видоизмененных формах доживающих у этих племен, как известно, до IX—X, а местами и XI ст. У племен Западного Поволжья, начиная со II—III ст., начали распространяться погребальные обычаи совершенно иного характера, о чем говорят рядовые могильники без каких-либо насыпей. Погребальным обрядом было преимущественно трупоположение. Могильники такого типа у всех народов Поволжья дожили до XV—XVII ст., до христианизации, когда они сменились кладбищами современного типа. Материалы курганов с трупосожжением, как и находки могильников, свидетельствуют о том, что эти памятники принадлежат населению ближайших поселков — городищ или селищ. Об этом же говорит и территориальная связь поселений и погребальных памятников.

В Южной Прибалтике известны погребальные памятники ливов и эстов в виде невысоких курганов или могильников с каменной кладкой, а в более позднее время — рядовых могильников. Лето-литовцы имели курганы с трупосожжениями и погребениями, несколько напоминающие славянские, но отличающиеся от них по характеру инвентаря.

Сразу же возникает вопрос, правильны ли высказанные выше соображения об автохтонности исторического процесса в лесной полосе Восточной Европы в I тысячелетии н. э.? Откуда и почему у обитателей Поднепровья появились погребальные памятники в виде курганов с трупосожжением, неизвестные в этих местах ранее? Быть может появление этих памятников говорит все же о смене населения? Не пришло ли также и в Поволжье новое население, принесшее с собой обряд захоронения в рядовых могильниках?

В отношении исторического процесса в области Западного Поволжья в настоящее время уже не может быть двух различных мнений. Продолжая свою работу над памятниками этой области, П. П. Ефименко, видевший ранее в появлении могильников и культуры верхних слоев окских городищ свидетельство в пользу признания смены населения, в настоящее время встал на противоположную точку зрения. «Накопленные сейчас факты, — пишет он, — решительно говорят против вероятности смены населения в эту эпоху в Западном Поволжье как явления массового порядка».[1] Оказалось, что культура эпохи могильников не только по материалу городищ, но и по данным самих могильников представляет собой результат закономерного развития культуры предшествующих столетий. Обряд погребения в рядовых могильниках в Поволжье существовал еще с эпохи бронзы, о чем говорят Сейминский,[2] Турбинский[3] и Младший Волосовский[4] могильники. В I тысячелетии до н. э. рядовые могильники ананьинского типа имели широкое распространение на Каме.[5] В конце I тысячелетия до н. э. этот обряд погребения начал постепенно перебрасываться в Западное Поволжье, о чем говорят могильники пьяноборского типа.[6] В процессе последующей консолидации культуры поволжских племен обряд погребения в рядовых могильниках получил широкое распространение.

Также вполне объяснимо широкое распространение среди племен Поднепровья погребальных памятников в виде курганов. Обычай сжигать своих мертвых у некоторых, а может быть и у всех племен этой области был распространен и в предыдущие столетия. Мы знакомились выше с южно-белорусскими и верхнеднепровскими «полями погребений», содержащими остатки трупосожжений (стр. *14*). Высказывалось также предположение, что подобные «поля» будут найдены в большем числе и в бассейне Десны (стр. *16*). От миниатюрного «поля погребений», занимавшего небольшое всхолмление, до характерного для VI—IX ст.

---

[1] А. К. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смоленского Гос. унив., т. III, вып. 3, 1926.

[1] П. П. Ефименко. К истории Зап. Поволжья в первом тысячелетии н. э. Сов. археол. II, 1937, стр. 45.

[2] В. А. Городцов. Археологические исследования Средней России. Отчет Росс. ист. музея, 1914 г. М., 1916.

[3] A. V. Schmidt. Die Ausgrabungen bei dem Dorf Turbina an der Kama. Finnisch-ugrische Forschungen, XVIII, Helsinki, 1926.

[4] В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. Древности, XXIV, 1914, стр. 147—150.

[5] A. M. Tallgren. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919.

[6] А. А. Спицын. Древности бассейна рек Оки и Камы. МАР, № 25, 1901.

кургана в виде невысокой длинной насыпи, содержащей остатки многих трупосожжений, совсем не так далеко, как может показаться на первый взгляд.

Курганы с трупосожжением ведут свое начало, однако, не столько от «полей погребений», сколько от другого вида погребальных памятников, имевших, повидимому, значительное распространение у населения северных областей. Здесь имеются в виду погребальные домики, аналогичные деревянной постройке, открытой на городище у д. Березняки в Верхнем Поволжье (стр. 20).

(стр. 20)

ящика имелась ограда из вертикально стоявших столбов (рис. 7).

В области верхнего течения Волги и Днепра и дальше на север имеются курганы того же времени в виде длинных насыпей, также содержащих остатки многих трупосожжений. Об этих курганах А. А. Спицын, не знавший погребального домика на городище у д. Березняки, писал следующее: «Если считать возможным самостоятельное появление у кривичей обряда погребения в удлиненных курганах, то мы позволили бы себе высказать предположение, что курганы этого типа ближе всего напоминают

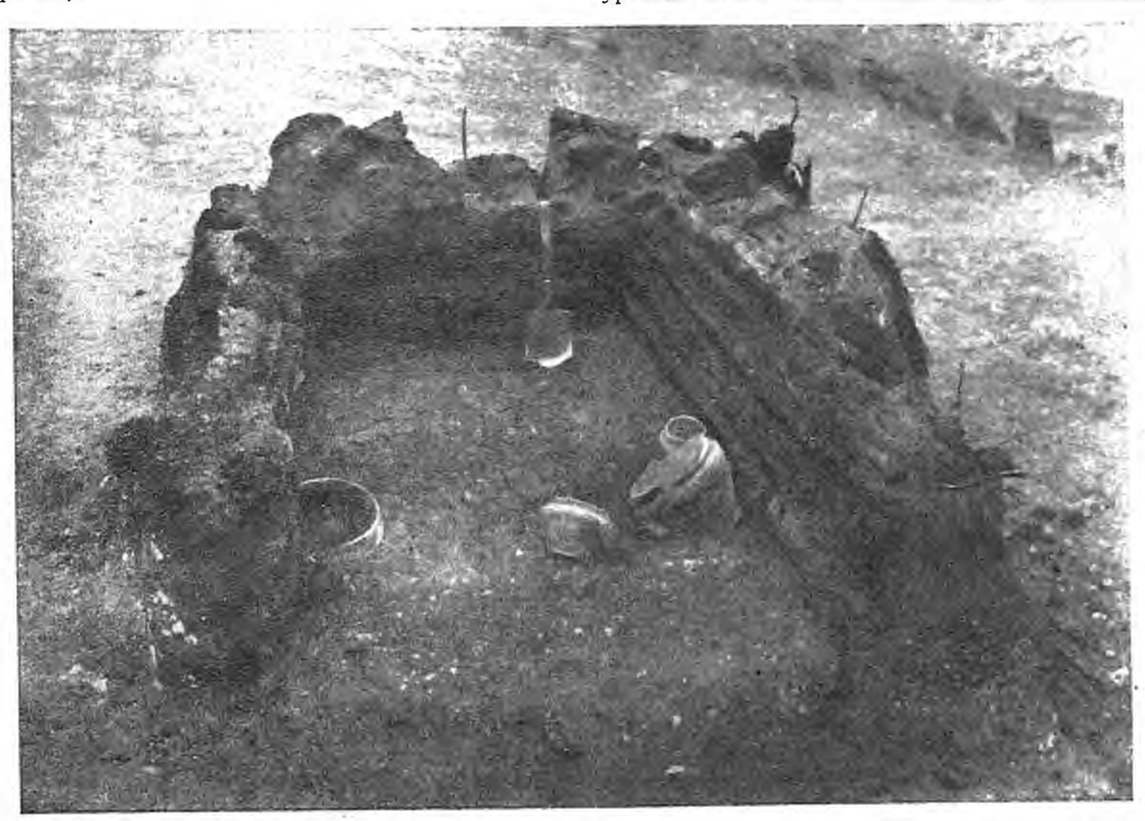


Рис. 7. Курганы около Борщевского городища, Воронежской обл. Вид погребального сооружения.

Деревянный домик городища у д. Березняки, служивший в свое время своеобразной коллективной урной для хранения остатков трупосожжений, представляет собой, правда, пока что единственную находку. Но городище у д. Березняки — это единственный сейчас памятник, изученный полностью путем раскопки всей площади. О широком распространении в далеком прошлом погребальных домиков свидетельствуют сами древние курганы с трупосожжением, представляющие собой по существу те же самые домики, лишь скрытые под земляной насыпью.

Наиболее показательные в этом отношении курганы известны в области верховьев Оки и Дона. Там известны курганы VI—X ст., содержащие под насыпью сруб или деревянный ящик, внутрь которого был доступ снаружи и куда помещали остатки трупосожжений. Вокруг

общий вид жилища; в пользу такого предположения особенно говорит основание этих курганов, четыреугольной формы, и вид боковых сторон, имеющих иногда форму скатов. Если принять, что отмеченный у Нестора древнейший русский обряд погребения „на столбех на путех" есть не что иное, как погребение в небольших домиках или домовищах, поставленных на сваях, то переход от деревянного домовища к подражанию ему из земли был бы не очень далек». Здесь следует лишь отметить, что в 1903 г., когда А. А. Спицын писал эти строки,[1] время «длинных» курганов определялось VIII—X ст. Сейчас установлено, что они относятся к VI—X, а возможно и к V ст. н. э., речь о чем будет

[1] А. А. Спицын. Удлиненные и длинные русские курганы. ЗОРСА, V, вып. 1, 1903, стр. 202.

ниже при подробной характеристике славянских памятников второй половины I тысячелетия н. э.

Третий вид древних северных курганов с трупосожжением, так называемые новгородские сопки, также представляет собой коллективные погребальные памятники, внутри которых нередко встречаются остатки «домиков» из дерева или камня.

Таким образом если исходить лишь из формальных признаков, то появление курганов с трупосожжением вполне возможно признать следствием автохтонного развития культуры.

III

Погребальный обряд, столь различный у славянских, восточно-финских и прибалтийско-литовских племен, в данном случае может рассматриваться в качестве надежного этнического признака. Этот признак является, однако, далеко не единственным. Славянские племена выделялись среди своих соседей и другими признаками, не менее яркими и полноценными. Речь может итти здесь естественно лишь о тех особенностях культуры, которые восстанавливаются по археологическим данным. Среди них особенно выделяются керамический материал и предметы убора и украшения, составлявшие часть костюма. Основываясь на этих признаках, границы славянских племен можно обрисовать почти столь же отчетливо, как и на основании погребальных памятников.

Древние локальные различия в керамическом материале, свойственные началу нашей эры, исчезли не сразу, а в результате длительной эволюции. Начиная со II—III ст. н. э. на Оке, в Верхнем Поволжье и в северных районах Белоруссии на смену глиняной посуде, покрытой штриховкой и отпечатками ткани и плетения, повсеместно приходит гладкая неорнаментированная посуда, лишь в верхней части иногда украшенная несложным узором из ямочных вдавлений или отпечатков гребенчатого штампа. В течение одного-двух столетий оба вида посуды бытовали совместно. Они встречаются в одних и тех же слоях, причем внизу преобладает старая посуда, а вверху новая, в конце концов окончательно вытесняющая свою предшественницу. Нередко встречаются также сосуды, сочетавшие в себе черты как старой, так и новой керамики. Это сосуды с небрежной штриховкой или сетчатой орнаментацией, покрывающей лишь часть поверхности, — верхнюю или нижнюю. С исчерпывающей полнотой смена сетчатой посуды неорнаментированной керамикой прослежена по материалам городищ Верхнего Поволжья, таких, как Городищенское, Грехорученское и многие другие.[1]

В верховьях Днепра, по Десне и Припяти глиняная посуда к середине I тысячелетия н. э. претерпевает меньшие изменения. Исчезает древняя «скифская» черта — валик по горловине; орнаментация в верхней части сосудов становится однообразнее. Наиболее существенной особенностью посуды середины I тысячелетия н. э. является иной состав глины и заметно улучшенный обжиг. Посуда начала нашей эры изготовлялась из глины с относительно мелкой песчаной примесью. Показателем слабости ее обжига служит неоднородная окраска керамики в изломе, а именно темный, непрожженный слой в середине. Посуда середины и второй половины I тысячелетия н. э. изготовлялась из глины с обильной примесью крупных зерен кварца или шамота; ее поверхность вследствие этого отличается неровностью. Посуда выглядит более грубой, чем ее предшественница. Изменение в составе примесей связано с иным характером обжига. Посуда обжигается очень хорошо, иногда «до звона». Исключение составляют лишь некоторые сосуды из курганов, изготовленные специально в качестве урн и плохо обожженые. Такие же точно изменения в характере теста и обжига претерпевает посуда верховьев Оки, Верхней Волги и Северной Белоруссии, речь о которой шла выше.

В результате обрисованной эволюции на всей территории северных восточно-славянских племен устанавливается более или менее однородный характер керамики. Преобладающей формой являются высокие сосуды, более узкие у дна, с прямыми, несколько расширяющимися кверху стенками и невысокой резко суженной

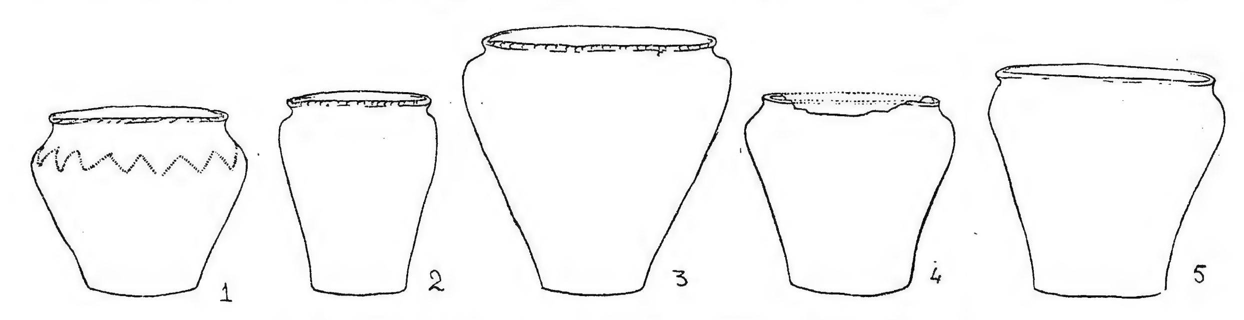


Рис. 8. Керамика из славянских городищ и курганов VIII—X ст. н. э.

1, 3 — Боршевское городище; *2* — Гнездовский могильник; *3—5* — курганы с трупосожжением в верхнем течении Зап. Двины.

[1] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. Матер. и исслед. по археол. СССР, № 5, 1941.

горловиной (рис. 8). Орнаментация сосудов, состоящая, как указано, из отпечатков гребенчатого штампа, образующих геометрический узор, или из ямочных вдавлений, на севере представлена значительно слабее, чем в более южных районах — на Десне или на Припяти. Реже встречаются округлые глиняные тарелки с невысокими вертикальными стенками и небольшие сосуды в форме широких мис. Такая керамика хорошо известна по раскопкам на деснинских городищах,[1] по материалам городищ и курганов с трупосожжением Смоленщины и Белоруссии,[2] по материалам курганов Верхнего Поволжья и области Валдайской возвышенности. Она налицо в нижних слоях Гочевского городища,[3] в Гнездовском городище,[4] в нижних слоях Новгорода,[5] Пскова[6] и Старой Ладоги.[7]

Посуда восточно-финских племен в течение II—III ст. проделала аналогичную эволюцию от «рогожной» и «сетчатой» к неорнаментированной. Формы новой посуды, хорошо известной по материалам рязанских, муромских и тамбовских могильников, заметно отличались от славянских. Здесь имелись либо высокие горшки баночной, иногда почти цилиндрической формы, со стенками слегка выпуклыми и мягко профилированным, слабо выраженным горлом, либо широкие горшки, стенки которых на половине высоты образуют резкое ребро, что сближает эту посуду, возможно не случайно, со «срубной» посудой эпохи бронзы (рис. 9). Даже при самом беглом сравнении славянская керамика легко отличается от восточно-финской. Последняя обычно хуже обожжена и соответственно этому ее глина лишена крупнозернистых примесей. Характерная для славянской посуды гребенчатая орнаментация на восточно-финской посуде не встречается.

Посуду обеих восточно-финских форм дал Сарский могильник VI—VIII ст., находящийся в районе оз. Неро, у известного Сарского городища.[1] Интересно, что реберчатые сосуды переживают в этих местах вплоть до XII—XIII ст., когда посуда уже изготовлялась на гончарном круге.[2]

Керамика прибалтийских племен, вследствие отсутствия публикаций, автору этих строк почти не известна. Очень интересно, что в области Восточной Прибалтики на территории Эстонии и Латвии керамика середины первого тысячелетия н. э. (более поздняя известна очень плохо) близко напоминает поволжскую, имея такую же ребристость.[3]

Эволюция глиняной посуды северных восточно-славянских племен была усложнена еще одним любопытным явлением. В середине I тысячелетия н. э. по всей центральной и северной восточно-славянской территории в незначительном количестве появляется глиняная посуда с черной лощеной поверхностью, изготовленная тщательно, но без помощи гончарного круга. Сосуды имели форму либо высоких горшков, либо широких резко профилированных горшков, либо широких мис, также с резко обозначенными стенками и донной частью. Как по технике изготовления, так и по формам эта посуда повторяет керамику «полей погребений», ту самую, которая ведет свое начало со скифской эпохи.

Среднеднепровское происхождение черной лощеной посуды, появившейся у северных славянских племен, особенно ясно следует из ее распространения. В более южных районах, на Десне, на Оке, в южной части Белоруссии и Смоленщины на городищах и в курганах середины I тысячелетия н. э., эта посуда представлена относительно изобильно, составляя нередко до 15—20% всего керамического материала. Чем дальше к северу, тем ее количество все более и более сокращается. В верховьях Днепра и Волги встречаются лишь единичные обломки

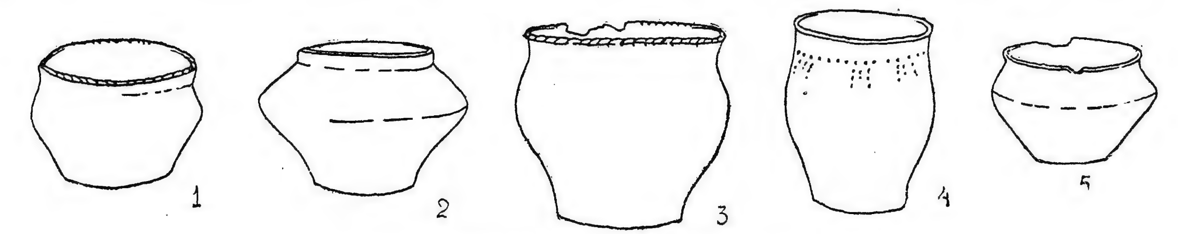


Рис. 9. Керамика из могильников Западного Поволжья.
1—3 — Лядинский могильник, *4* — Кошибеевский могильник; *5* — Максимовский могильник.

[1] Неоднократно упомянутые выше материалы из разведок В. П. Левенока (Трубчевский музей), С. А. Гатцука (Архив ИИМК, дело № 55/1906 г. и № 41/1907 г. и др.).

[2] Працы Археолегічнай камісіі АН БССР, II, 1930, стр. 184, 188, 281.

[3] Раскопки Б. А. Рыбакова 1937—1938 гг.

[4] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. МАР, № 28, 1902, стр. 202, 204.

[5] Раскопки 1935 г. Г. П. Гроздилова, М. К. Каргера и В. И. Равдоникаса на Рюриковом Городище. Новгородский музей.

[6] Раскопки 1936 г. Н. Н. Чернягина. Псковский музей.

[7] Материал из раскопок Н. И. Репникова 1909—1913 гг. хранится в Гос. Музее этнографии в Ленинграде.

[1] Материалы Ростовского музея Ярославской области.

[2] П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, т. X, вып. 6—7, 1931, стр. 28—29.

[3] H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., II, Tartu, 1938, стр. 555.

черной лощеной керамики, неизменно сопутствующей ранней неорнаментированной посуде. Наиболее северным известным сейчас пунктом нахождения черной лощеной посуды являются нижние слои Псковского городища, относящиеся, видимо, к V—VII ст.[1] На Оке, в ее верхнем течении, черная лощеная керамика хорошо известна по городищам мощинского типа: Мощинскому,[2] Огубскому,[3] Дуне,[4] Спасскому[5] и многим др. и по древним курганам с трупосожжением.[6] В Белоруссии и Смоленщине она происходит из «полей погребений»[7] и ряда городищ. В верхнем течении Волги такая посуда известна в Сиаьковском,[8] Грехорученском, Березняковском[9] и других городищах и на селище Красный Холм около Ярославля.[10] Ниже по Волге черная лощеная посуда, повидимому, не встречается. В незначительном количестве посуда с лощеной поверхностью имелась у древнего мордовско-муромского населения в среднем течении Оки, куда она явно попала от западных соседей.

Распространение черной лощеной посуды «полей погребений» в середине I тысячелетия н. э. вплоть до далекого славянского севера говорит о выросших связях южных и северных племен и является одним из археологических показателей начальных этапов обрисованной выше консолидации восточного славянства.

Другим, не менее ярким показателем этого же процесса служит распространение по всей восточно-славянской территории однообразных предметов убора и украшения, среди которых особенно выделяются вещи геометрического стиля, бронзовые, инкрустированные красной и зеленой эмалью.

В старой русской археологической литературе и современной прибалтийской предметы убора и украшения V—VIII ст., происходящие из Верхнего Поднепровья, с верховьев Оки и Волги, из области Валдайской возвышенности и других древних восточно-славянских местностей, обычно рассматриваются как литовские или прибалтийские. Прибалтика оценивается при этом как культурный центр, как источник культурного воздействия, подчинившего себе после середины I тысячелетия н. э. добрую половину Восточной Европы. Такой взгляд на древности V—VIII ст., происходящие из западной половины Европейской части СССР, не отвечает действительности. Он смог сложиться и окрепнуть лишь благодаря тому обстоятельству, что древности этого времени на территории Прибалтики издавна служили предметом исследования, тогда как в России ими серьезно никто не занимался. Здесь они были известны преимущественно по случайным находкам и лишь в редких случаях по материалам раскопок, тогда как в Прибалтике в течение многих лет широко исследовались могильники середины и второй половины I тысячелетия н. э.

Несмотря на указанное обстоятельство, все наиболее яркие и значительные находки «прибалтийских» древностей были сделаны отнюдь не в Прибалтике, а южнее — в области древних восточно-славянских земель. Достаточно указать на знаменитый Мощинский клад, происходящий из верховьев Оки,[1] Межигорский клад из окрестностей Киева,[2] Борзенский клад из Черниговщины,[3] найденный сравнительно недавно около Брянска клад вещей с эмалью[4] и другие многочисленные случайные находки. Если же обратиться к материалам раскопок, пока что очень незначительным, то становится вполне очевидным, что в недалеком будущем мы будем обладать обширными собраниями «прибалтийских», а в действительности же славянских, древностей, происходящих из курганов Поднепровья, верховьев Оки, Волги, Зап. Двины и области Приильменья. Об этом говорят не получившие до сих пор известности раскопки В. И. Сизова в окрестностях Смоленска, во время которых было исследовано до пятидесяти длинных курганов VI—VIII ст. с богатым и разнообразным инвентарем,[5] раскопки Н. Н. Чернягина, открывшего курганы V—VII ст. около Пскова,[6] раскопки П. А. Садикова и П. Г. Любомирова в Южном Приильменье[7] и многие другие исследования.

Одной из наиболее ярких и характерных групп предметов убора и украшения середины I тысячелетия н. э. являются вещи с эмалью. Это большие и массивные застежки, ажурные треугольные фибулы, подвески в виде лунниц, круглые ажурные бляхи, массивные браслеты и некоторые другие украшения, преимущественно геометрического стиля, сделанные из бронзы и покрытые красной и зеленой эмалью. Их хро-

[1] Раскопки Н. Н. Чернягина 1936 г., Псковский музей.

[2] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XIV, *12—13*.

[3] В. А. Городцов. Болотное Огубское городище.

[4] Ю. Г. Гендуне. Городище Дуна. СПб., 1903.

[5] Раскопки П. Н. Третьякова, 1936.

[6] Н. И. Булычев, ук. соч., табл. III, *1—8*, табл. V, *2* и *6*.

[7] Працы Археолегiчнай камiсii АН БССР, II, 1930, стр. 282—285.

[8] А. А. Спицын. Новые сведения о городищах дьякова типа. ЗОРСА, т. VII, вып 1, 1905, стр. 88.

[9] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. Матер. и исслед. по археол. СССР, № 5, 1941, стр. 65.

[10] П. Н. Третьяков. Отчет об археологических работах на строительстве Ярославской гидроэлектростанции в 1933 г. ИГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 119.

[1] Н. И. Булычев, ук. соч., стр. 15 и сл., табл. VIII—XIII.

[2] А. А. Спицын. Предметы с выемочной эмалью. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903, стр. 170.

[3] М. Макаренко. Борзенськi емалi старi емалi Украiни взагалi. Киiв, 1927.

[4] A. M. Tallgren. Enamelled Ornaments in the Valley of the Desna. ESA, XI. Helsinki, 1937.

[5] Вещи хранятся в Гос. Историческом музее. Указ. Гос. Истор. музея, М., 1893, стр. 111—115, 119—123.

[6] Наст. сборн., стр. 102.

[7] Архив ИИМК, Раскопки Петербургского археологического института 1911.

нология в настоящее время еще далеко не разработана. Наиболее ранние украшения восходят, повидимому, к IV—V ст. н. э.; наиболее поздние принадлежат VI—VIII ст. Основанием для указанных дат служат совместные находки вещей с эмалью или сопутствующих им других вещей с предметами причерноморскими — так называемыми готскими.

Если обратиться к области распространения вещей с эмалью, то станет вполне очевидным, каким племенам могли принадлежать эти яркие и блестящие украшения.[1] Более всего находок вещей с эмалью сделано на границе Среднего и Верхнего Поднепровья; они многочисленны в верховьях Оки и Волги. Прибалтика также дает большее число находок вещей с эмалью, но вещи несколько иные. Достаточно указать, что треугольные фибулы, столь обычные в Поднепровье, там почти не встречены. Наоборот, так называемые перекладчатые фибулы встречаются преимущественно в Прибалтике. Значительно отличаются друг от друга и застежки, происходящие из Прибалтики и древних восточно-славянских земель. Словом, вещи с эмалью, почти не известные у восточно-финских племен, а также на западе, не только обрисовывают границу восточно-славянских племен, не только указывают на древние связи этих племен с Прибалтикой, о чем говорит и лингвистика, но и дают возможность разграничить славянские и прибалтийские племена.

То же самое следует сказать о других предметах убора и украшения, сопутствующих вещам с эмалью. Они хорошо представлены в Мощинском кладе и в упомянутой выше коллекции В. И. Сизова, происходящей из раскопок длинных курганов около Смоленска (рис. 13, стр. 42) и в ряде кладов, происходящих из области Среднего Поднепровья.[2] Здесь имеются бронзовые трапециевидные подвески с штампованным узором, иногда составляющие в сочетании с округлой бляшкой сложное «шумящее» украшение, иногда входящие в состав височного украшения; трапециевидные подвески постоянно встречаются и в Прибалтике, в частности в наиболее ранних погребениях Люцинского могильника. Далее здесь имеются округлые бронзовые бляхи со штампованным узором, в Прибалтике почти не известные, крупные бубенчики, пронизки, пряжки, бусы и другие мелкие украшения. Обычные для Прибалтики шейные гривны и браслеты среди древних славянских племен были, повидимому, распространены очень мало.

Осветив вопрос о границах северных славянских племен, можно перейти к другому, наиболее сложному — к выявлению причин и условий, к выявлению внутренних и внешних сил в историческом процессе, вызвавших к жизни все те перемены, которые повели к созданию новых культурных явлений, к возникновению культуры северных восточно-славянских племен и восточно-финских племен Поволжья.

IV

В течение нескольких лет, с 1933 по 1938 г., автором этих строк велись большие археологические работы в области Верхнего Поволжья, за время которых были исследованы несколько десятков памятников I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. Этот обширный материал дал возможность изучить жизнь верхневолжского населения буквально из столетия в столетие, дал некоторую возможность проникнуть в глубины конкретного исторического процесса.[1]

Памятники начала нашей эры рисуют картину еще вполне целостного патриархально-родового строя. Миниатюрные поселения располагались по берегам Волги и ее притоков компактными группами.

Население каждого поселка, как это прекрасно выявило исследование городища у д. Березняки (стр. 19), составляло небольшую общину, патриархальную семью, коллективно ведущую свое хозяйство, хранящую в одном месте запасы своего хлеба и погребающую останки своих мертвых в одном месте — в «домике мертвых», речь о котором шла выше. Подобную же картину рисуют памятники начала нашей эры других территорий. Группировка поселений по признаку принадлежности к одному роду наблюдается в области среднего течения Оки.[2,3] Неоднократно она была отмечена и для Верхнего Поднепровья.

Начиная с III—IV ст., памятники Верхнего Поволжья говорят об энергично развертывающемся процессе, который не мог быть чем-либо иным, кроме процесса распада первобытно-общинного строя и соответствующих ему на данном этапе патриархально-родовых отношений. Прежде всего исчезает расположение поселков компактными группами. Сами поселки увели-

---

[1] H. Moora. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen, emailverzierten Schmucks. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, XL, Helsinki, 1934. К работе приложена карта вещей с эмалью, на которой отмечено, однако, не более половины находок, сделанных на территории УССР и РСФСР, благодаря чему карта далеко не отражает истинной картины.

[2] Например клад, найденный в 1905 г., у с. Ивахнинки на Полтавщине (Н. Е. Макаренко. Материалы по археологии Полтавской губ. Тр. Полтавской ученой архивной комиссии, вып. V, 1908, стр. 207—211), клад, найденный в 1863 г. у слоб. Сыроватки на Харьковщине, состоящий из трапециевидных подвесок, браслетов с утолщенными концами, двух «пальчатых» фибул и других мелких украшений (Архив ИИМК, дело № 15/1863 г.); клад такого же состава, найденный в 1920 г. около Богодухова (письмо А. С. Федоровского к А. А. Спицыну, архив А. А. Спицына — «Анты») и др.

[1] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. Матер. и исслед. по археол. СССР, № 5, 1941.

[2] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья. . ., стр. 19.

[3] П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. ИГАИМК, вып. 106, 1934, стр. 154—157.

чиваются в размерах, в три-четыре раза превышая по площади старые городища. Наконец, в значительном числе появляются поселки неукрепленные, с VII—VIII ст. ставшие абсолютно преобладающей формой поселений по всему Верхнему Поволжью.[1] Рядом с поселениями этого типа можно встретить могильники, состоящие из курганов с трупосожжением, в том числе уже знакомых нам длинных курганов.

Появление курганов с трупосожжением становится вполне понятным в связи с тем же процессом распада патриархально-родового строя. В результате делокализации родовых групп, о чем свидетельствует исчезновение группировки поселений, в одном поселке живут теперь семьи, принадлежащие к разным родам. Большие размеры новых поселков вполне допускают совместную жизнь трех-четырех больших патриархальных семей. Можно предполагать, что рядом с такими выросшими поселками располагались первоначально «поселки предков», состоящие из погребальных домиков. В условиях открытых поселений эти домики были лишены защиты, их могли разрушить с целью разграбления или в момент обострения старого уходящего в прошлое межродового антагонизма. О том, что этот антагонизм действительно уходил в прошлое, свидетельствует исчезновение укрепленных поселений. Но время от времени старые межродовые распри несомненно могли вспоминаться. Поэтому домики скрываются под землей, покрываются земляной насыпью, превращаясь таким образом в курганы.[2]

Распад патриархально-родовых отношений, делокализация родовых групп и другие сопутствовавшие общественные явления, способствовавшие ликвидации древней разобщенности родовых и племенных групп, были вызваны к жизни глубокими внутренними процессами, перестроившими экономические основы первобытно-общиного строя верхневолжских племен.

Культура древних городищ дьякова типа в основных чертах представляла собой продукт эпохи бронзы и раннего «железного века». В этот период у населения всей лесной полосы Восточной Европы, за исключением приполярных областей, сложилось, как мы видели выше, весьма однородное хозяйство, своеобразного комплексного характера. Старые способы получения средств существования — охота и рыбная ловля — далеко не утратили своего важного значения, но все же уступили первое место новым отраслям хозяйства: скотоводству и земледелию. Хозяйство такого комплексного типа не могло не иметь строго натурального характера, особенно если вспомнить, что производство железа и железных изделий также было доступно если не всем, то во всяком случае подавляющему большинству общин. Таковым было экономическое основание первобытного патриархально-родового строя.[1]

Дальнейшее развитие экономической жизни верхневолжских племен, связанное прежде всего с широким распространением железа, к началу нашей эры уже не могло пойти в направлении пропорционального роста всех отраслей хозяйства и производства. Движение вперед было возможно лишь при условии разделения труда, при условии разрушения первобытной натуральности хозяйства. В памятниках середины I тысячелетия н. э. общественное разделение труда выявляется уже с полной отчетливостью. Известны городища и селища середины и второй половины I тысячелетия н. э., население которых обрабатывало железо или цветные металлы в таких масштабах, которые во много раз превышали внутренние потребности. На ряду с ними известны поселки, правда, главным образом, уже VI—VIII ст., на которых не встречено никаких следов обработки ни железа, ни цветных металлов.[2] Разделение труда и сопутствующий ему обмен проникли и в основные отрасли хозяйства верхневолжских племен. Если по всему Верхнему Поволжью, начиная с середины I тысячелетия н. э., абсолютно преобладающее значение в экономике приобретает земледелие, то в более восточных районах этой территории имелись племена с развитым скотоводческим хозяйством, опиравшимся на широкие пойменные луга Волги и ее притоков.[3] Все это глубоко нарушало былую первобытную замкнутость патриархальных общин и послужило причиной их постепенного распада. Следует еще указать, что растущие внутренние экономические связи очень скоро привели к росту внешних связей. В Верхнем Поволжье при исследовании памятников середины I тысячетия н. э. обычную находку составляют вещи импортного происхождения, родиной которых являются среднее течение Оки, Среднее Поднепровье и даже Южная Прибалтика.[4]

Процесс разрушения первобытно-общинного строя и соответствующей ему патриархально-родовой организации, в общих чертах одинаково протекавший как в Поволжье, так и в Поднепровье, не был все же вполне идентичным. В результате распада древнего комплексного хозяйства экономическая жизнь племен Поднепровья начала развиваться далеко не вполне тождественно. Не равноценными были и внешние условия, внешние экономические связи, сопутствующие дальнейшей истории тех и других племен.

Отмечая заметный перелом в жизни племен Западного Поволжья в первой половине I тысячелетия н. э., П. П. Ефименко суммирует свои соображения по этому поводу следующим образом: «Мы имеем возможность

[1] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья. . ., стр. 83.
[2] Там же, стр. 86.

[1] Там же, стр. 83—85.
[2] Там же, стр. 84.
[3] Там же.
[4] Там же.

догадываться, чем объясняется этот процесс перехода населения Западного Поволжья к новому строю существования... Выражением этого процесса было быстрое развитие техники, особенно в области обработки металла — меди и железа, появление ремесла, как новой формы производства, о чем говорит, например, „стандартный" характер большинства металлических изделий, рост обмена иногда с очень отдаленными южными странами, наконец то, что должно было стоять за этим процессом, — изменение форм общественной организации, отмечающее первый этап в разложении ранее крепких и жизненных родовых связей».[1] Далее, полемизируя с А. В. Арциховским, по мнению которого в формировании новой культуры племен Западного Поволжья значительная роль принадлежала росту земледелия,[2] П. П. Ефименко на основании большого и яркого фактического материала доказывает, что основой экономической жизни обитателей Западного Поволжья становится не земледелие, а скотоводство.[3] Переходом к своеобразному пастушескому образу жизни в Западном Поволжье объясняется несомненно относительно раннее исчезновение, хотя и не полное, старых укрепленных поселений, уже не способных защитить новое общественное богатство — разросшиеся стада.

Основным этническим компонентом восточно-финских племен Западного Поволжья послужило население, составлявшее в предыдущую эпоху пока что очень плохо известную группу племен, оставивших городища с рогожной керамикой. Начиная с глубокой древности, эти племена, в большей степени чем все другие племена восточно-европейских лесов, были связаны с населением южно-русских степей, что не могло не отразиться на характере их культуры. Есть основания предполагать, что экономическая жизнь этих племен еще в I тысячелетии до н. э. имела некоторый скотоводческий оттенок. Этим, вероятно, и объясняется, что к середине I тысячелетия н. э., а местами и раньше, по всему Западному Поволжью скотоводство приобретает значение основной отрасли хозяйства. Экономические связи с территорией степей с этого момента выступают уже вполне определенно, сказываясь в элементах костюма, в типе и составе вооружения, в том, что у племен Западного Поволжья распространяются многие формы предметов убора и украшения, бытовавших в среде кочевников. Такой своеобразный пастушеский характер был свойствен племенам Поволжья вплоть до VII—VIII ст. н. э., когда в их экономике начинает преобладать земледелие,[1] ставшее впоследствии, в эпоху раннего средневековья, основой их парцеллярного хозяйства.

В области Верхнего Поднепровья, где большие и систематические раскопки древних поселений еще не производились, исторический процесс несомненно складывался в основных чертах точно так же, как и в Верхнем Поволжье. Там наблюдается как общее увеличение размеров поселений, так и появление большого числа неукрепленных поселков, окружающих обычно старые миниатюрные городища, продолжавшие здесь функционировать еще долгое время. Известны здесь также пункты сосредоточения железоделательного и кузнечного производства, относящиеся к VIII—X ст., где открыты остатки плавильных печей.[2]

В противоположность племенам Западного Поволжья, северные восточно-славянские племена являлись преимущественно земледельцами. Об этом говорят находки железных серпов, железных мотыг и зерен культурных растений. В верхнем слое Банцеровского городища, относящемся к VI—VIII ст., встречена целая серия миниатюрных серпов и зерна гороха, проса, пшеницы, вики и конских бобов.[3] Железные серпы были встречены также на Черкасовском городище под Оршей VI—VIII ст.,[4] на нескольких верхнеокских городищах, в частности на Мощинском[5] и Огубском.[6]

Предки северных восточно-славянских племен в большей степени являлись земледельцами, чем скотоводами. Они обитали в бассейне Днепра, связывающего их с древним очагом восточно-европейского земледелия, позднее со скифами-пахарями, наконец, с земледельческими племенами начала нашей эры. Неудивительно поэтому, что славянские племена Верхнего Поднепровья и смежных территорий вступили в жизнь, прежде всего, как земледельцы, что не могло не отразиться на особенностях их культуры, их быта, наконец их религиозных представлений, заметно отличающихся от древних, в основе скотоводческих культов Поволжья.

Идущие с глубокой древности постоянные экономические связи племен Верхнего Поднепровья со своими более южными соседями становятся особо прочными и глубокими, начиная с III—IV ст. С этого времени на городищах, а позднее в курганах в изобилии встречаются

[1] П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. Сов. археол., II, 1937, стр. 45.

[2] А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальско-Смоленской земле. Проблемы ист. докапит. общ., № 11—12, 1934, стр. 40.

[3] П. П. Ефименко, ук. соч., стр. 46—49.

[1] Там же, стр. 54—55.

[2] А. Н. Ляўданскі і К. М. Палікарповіч. Да гісторыі жалезнай прамысловасьцы на Беларусі. Савецкая Краіна, № 5, 1932, стр. 55—85.

[3] К. Фляксбергер. Зерны з Банцараускога гарадзішча. Працы Сэкціі археологии Акад. Навук БССР. Менск, 1932.

[4] Працы Археолегічнай камісіі АН БССР, II, 1930, стр. 77.

[5] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XIV, 28.

[6] В. А. Городцов. Болотное Огубское городище. Тр. Гос. ист. музея, I, 1926.

вещи, привезенные из Среднего Поднепровья или Причерноморья. Реже можно встретить изделия, происходящие из Прибалтики. Они известны преимущественно на северо-западе восточно-славянской территории, в смежных с Прибалтикой областях. Обзор всех этих вещей будет дан ниже.

V

Различие в характере этногонического процесса в среде северных восточно-славянских племен и восточно-финских племен Поволжья не ограничивалось, однако, перечисленным выше. Поднепровские и поволжские племена не только возникли на различном этническом основании, не только имели, наконец, свои направления экономических и культурных связей с внешним миром. Процесс этногонии тех и других племен имел еще одно глубокое качественное различие, в результате чего этническая консолидация поднепровских племен зашла значительно дальше, чем у племен Поволжья.

Несмотря на то, что изменение характера хозяйства у племен Западного Поволжья повлекло за собой известные передвижки населения в поисках новых мест, соответствующих их новому образу жизни, этногонический процесс в среде этих племен протекал строго автохтонно. Древние локальные различия в этих условиях оказались более прочными; они постоянно сказывались и тормозили процесс этнического объединения. Поэтому этническая карта начала нашей эры, с которой мы познакомились выше, в последующее время подверглась в Поволжье сравнительно незначительным изменениям. Территория городищ с рогожной керамикой в основных чертах совпадает с территорией древних мордовско-муромских племен. Население волго-окских городищ с сетчатой керамикой, повидимому, составило основу племен мерянских; племена, носители культуры костеносных городищ Заволжья, при дальнейшем развитии дали свои особые этнические группы. К началу I тысячелетия н. э., когда Восточная Европа вступила в новую фазу исторического развития, население Поволжья сохранило свою этническую пестроту, дожившую и до настоящего времени.

Восточно-славянские племена также возникли на неоднородном, пестром этническом основании. Если деснинская и южно-белорусская племенные группы начала нашей эры были относительно близки одна другой, то этого никак нельзя сказать относительно верхневолжских и древних северо-белорусских племен. Тем не менее, если не к середине, то во всяком случае к концу I тысячелетия н. э. на всем пространстве от Волхова до Среднего Поднепровья, включая сюда верховья Волги и Оки, установился весьма однородный характер культуры во всех ее материальных проявлениях, доступных изучению по археологическим памятникам. Данные «Повести временных лет» и все другие источники, письменные и лингвистические, с той или иной стороны характеризующие восточно-славянские племена IX—X ст., не опровергают, а наоборот, полностью подтверждают этот вывод. Следовательно, этногония восточного славянства шла какими-то особыми путями, в этом процессе было нечто такое, что отсутствовало в Поволжье или Прибалтике, где древняя этническая пестрота сохранилась до наших дней.

Нельзя сказать, чтобы поиски этого таинственного «нечто» в археологических данных увенчались полным успехом. Процесс этногонии — настолько сложное историческое явление, что каждое его конкретное преломление может зависеть от целого ряда причин, причем далеко не все из них обязательно найдут отражение в археологическом материале. Одна из причин сравнительной эффективности этногонического процесса у восточно-славянских племен, и возможно одна из основных причин, все же может быть указана. С ней знакомят нас археологические памятники северных районов Украины.

Выше уже неоднократно шла речь о стратиграфии деснинских городищ. Нижние слои этих памятников содержат материал I тысячелетия до н. э. и начала н. э., их последовательно сменяют наслоения середины и второй половины I тысячелетия н. э., в свою очередь перекрытые нередко остатками культуры эпохи Древней Руси. Материалы деснинских городищ, относящиеся к VIII—X ст., получили наименование роменских или роменской культуры, по имени группы городищ с наслоениями этого времени, исследованной Н. Е. Макаренко в районе г. Ромны в верховьях р. Сулы.[1]

Городища роменского типа — миниатюрные земляные укрепления, аналогичные по характеру северным городищам, — обнаружены и в других районах северо-восточной Украины, в частности в верхнем течении Ворсклы, в районе Ахтырки.[2]

В отличие от городищ бассейна Десны, роменские памятники северо-восточной Украины и смежных областей РСФСР никогда не содержат древних наслоений. Ни на одном из известных городищ верховьев Сулы и Ворсклы не было встречено под роменским слоем никаких культурных остатков предшествующих VII—VIII ст. н. э. По Ворскле имеются две группы городищ, резко отличающиеся одна от другой: городища скифской эпохи и городища роменские, не имеющие с первыми никакой связи. Культура «полей погребальных урн», заполняющая период между скифскими и роменскими памятниками, известная по ряду отдель-

[1] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. ИАК, вып. 22, 1907. — Он же. Городище Монастирище. Науковий Збірник, т. XIX, 1924. — Он же. Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ роменського типу. Niederluv sbornik, Прага, 1925.

[2] Обзор полевых исследований ИИМК АН СССР в 1938 г.; Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. Лгр., 1939, стр. 22.

ных находок как по Ворскле, так и по Суле, не может быть генетически увязана с роменской культурой, несравненно более грубой и примитивной. Создается впечатление, что северо-восточные районы Украины в VII—VIII ст. были заняты населением, передвинувшимся сюда из бассейна Десны.

По Ворскле и по Суле, в районе роменских городищ, имеются курганы с трупосожжением также несомненно северного характера. Наиболее древними из них следует считать курганы, исследованные В. Е. Данилевичем и Н. Е. Мельник около с. Буд и хут. Березовки в верховьях Ворсклы.[1] Курганы составляли здесь три небольшие группы — в 3, 9 и 10 насыпей. Возможно, что первоначальное число курганов было несколько большим, но они сильно пострадали при корчевке леса. По той же причине, а также, несомненно, благодаря распространенному прежде способу раскопки курганов траншеей или колодцем, структура погребальных памятников не была точно установлена. Бесспорно лишь, что щей в основании роменского слоя. Не противоречат этой дате и деснинскому происхождению найденные здесь обломки керамики с черной лощеной поверхностью, которая, как мы уже знаем, имела в эту эпоху широчайшее распространение в среде восточно-славянских племен. Наиболее ярким материалом, говорящим о деснинском происхождении населения, оставившего эти курганы, являются найденные здесь многочисленные глиняные блоки, загадочные глиняные изделия деснинских городищ, конической, биконической, округлой и других форм. Из другого инвентаря здесь найдены оселок с отверстием для привешивания и металлическая пряжка неизвестной формы.[1] В земле, из которой были насыпаны курганы, встречались в большом числе, несомненно, случайно попавшие сюда осколки кварцита, принятые авторами раскопок за каменные орудия.

Следы столь же характерных погребальных сооружений северного типа встречены около с. Малые Будки в окрестностях Ромен. Судя по

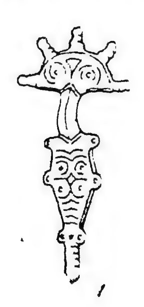
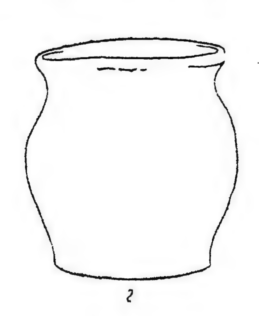
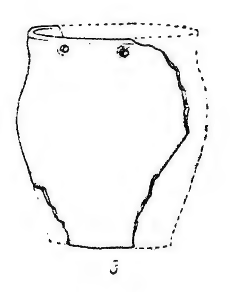
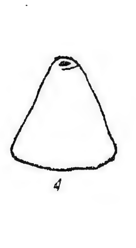
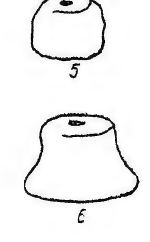






Рис. 10. Курганы у с. Буды и хут. Березовка.

1 —фибула; *2—4* — керамика; *5—6* — глиняные блоки.

каждая насыпь содержала несколько трупосожжений, которые сопровождались глиняными сосудами и некоторым другим инвентарем. В кургане № 1 у хут. Березовки, который сохранился лучше других, были встречены четыре слоя перегнившего дерева — остатки, вероятно, каких-то деревянных сооружений, с которыми связывались уголь, пережженные человеческие кости и керамика. Здесь же встречен несожженный костяк, который сопровождался пальчатыми фибулами VII ст. н. э. (рис. 10). Вероятно здесь по обычаям своей страны была погребена женщина, происходившая из Причерноморья.

Инвентарь курганов у с. Буд и хут. Березовки имеет, повидимому, деснинское происхождение. Здесь встречена грубая лепная посуда в виде плоскодонных горшков и, наконец, тарелок. Сосуды орнаментированы по венчику сквозными отверстиями, ямками и ногтевидными вдавлениями. Обрезу венчика приданы волнообразные очертания. Все эти черты характерны для керамики деснинских городищ VII—VIII ст., лежа- сообщению В. Ф. Беспальчева[2] и Н. Е. Макаренко,[3] под остатками распаханных курганов здесь были найдены сосуды с жжеными костями, бусами и другими мелкими украшениями VIII—X ст. Вокруг сосудов обнаружены остатки деревянных столбов, расположенных, по сообщению Н. Е. Макаренко, по полукругу, а по мнению Б. Ф. Беспальчева — по четыреугольнику. Очевидно, эти столбы представляют собой деревянную ограду, известную по курганам верховьев Оки и Дона (стр. 50). Кроме грубой лепной посуды северного типа при раскопках было найдено несколько сосудов хорошей выделки с орнаментом из прочерченных линий, в том числе волнистой полосы, и полос, нанесенных краской. Такая посуда пока что на славянских городищах не встречалась. Ее происхождение остается неясным.

[1] В. Е. Данилевич. Раскопки курганов около с. Буд и х. Березовки Ахтырского у. Харьковской губ. Тр. XII Археол. съезда, I, 1905, стр. 411—433.

[1] Д. И. Багалей. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губ. Тр. XII Археол. съезда, I, 1905, стр. 8.

[2] В. Ф. Беспальчев. Поле погребений в Роменском у. Полтавск. губ. Тр. XIV Археол. съезда, III, 1911, стр. 214—215.

[3] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. ИАК, вып. 22, 1907, стр. 50—54.

Курганы с трупосожжениями и грубой лепной керамикой в северо-восточных районах Украины известны в Роменском районе у с. Артюховки и Коровниц.[1]

Наконец курганы северного типа, совсем иные, чем местные погребальные памятники, известны в некрополях IX—X ст. крупнейших городов Среднего Поднепровья — Киева и Чернигова. Еще раскопки Д. Я. Самоквасова в черте Чернигова и его ближайших окрестностях показали, что в IX—X ст. здесь наблюдалось параллельное существование двух погребальных обрядов: обычных для севера трупосожжений, с последующим помещением их остатков в курганную насыпь, и захоронений умерших в ямах, нередко обложенных деревом, укрепленным с помощью вертикально вкопанных в землю столбов. В наиболее богатых погребениях этого типа умершего сопровождал в могилу его боевой конь. В деревянных склепах черниговских курганов нельзя не видеть переживания древнейшей формы среднеднепровского погребального сооружения, ведущего свое начало со скифского времени. В «полях урн», как мы видели выше (стр. 9), в таких склепах были встречены наиболее богатые погребения.[2]

Киевские некрополи IX—X ст., богатый материал которых за последнее время был систематизирован М. К. Каргером, состоят преимущественно из погребений южного типа, также нередко помещенных в деревянных склепах. Но и здесь также встречаются курганы с трупосожжением, оставленные представителями северных племен.

Следы былого движения северных племен в Среднее Поднепровье как будто бы прослеживаются и по Правобережью.

Движение северных восточно-славянских племен на юг, в область Среднего Поднепровья, не может быть названо переселением в точном значении этого слова. В результате заселения пришельцами берегов Сулы, Ворсклы и, возможно, других смежных районов северные области отнюдь не лишались сплошного населения, не пустели, а население южных районов не отступало перед пришельцами. Это была, повидимому, передвижка к югу, своего рода волна, лишь незначительно переместившая восточно-славянские племена, мало изменившая этнографическую карту, особенно на севере. Но эта волна глубоко отразилась на процессе этногонии. Подвижка способствовала консолидации не только северных племен, но и всех восточно-славянских племен, ранее распадавшихся на две обособленные группы: северную и южную.

Высказанные выше соображения о южном направлении славянского движения во второй половине I тысячелетия н. э. противоположны утверждениям индо-европейской славистики, согласно которым история восточного славянства в течение этого времени связывается преимущественно с движением на север, вверх по Днепру и далее на Волгу и в Приильменье. Мысль о движении на север из области Среднего Поднепровья не имеет под собой никаких реальных доказательств, мало того, эта мысль рисует картину, явно несовместимую с той политической обстановкой, которая сложилась в южных областях Восточной Европы в VI—VIII ст. н. э. Наконец мнимое движение славян на север из области Среднего Поднепровья нисколько не вяжется с последующей историей восточного славянства, отраженной на первых страницах «Повести временных лет».

Движение северных восточно-славянских племен на юг, о котором говорят археологические памятники, представляло собой несомненно отголосок одного из последних заключительных эпизодов «великого переселения народов» — движения варварских племен севера и востока к пределам Римской империи. Параллель, которую устанавливает Ф. Энгельс, говоря о движении германских и славянских племен, в I тысячелетии н. э.,[1] представляется совершенно бесспорной. Если вспомнить, что VI—VII ст. были временем активного выступления южного славянства на арене борьбы варваров с Византией, закончившегося вторжением славян на Балканский полуостров, то станет вполне понятной и та волна, которая прокатилась в эти столетия по далекому славянскому северу. Свою схему расселения славян из прибалтийской прародины А. А. Шахматов также связывал с великим переселением народов.[2] Однако как раз в ту эпоху, когда славянские племена действительно устремились на юг, славяне А. А. Шахматова стали двигаться из своей мнимой восточно-европейской прародины на север, вверх по Днепру, наперекор всей европейской истории.

Устремление северного славянства на юг было вызвано несомненно не только желанием окрепших в социальном отношении варварских племен урвать свою долю от распадающейся Римской империи. История северных восточно-славянских племен в течение второй половины I тысячелетия н. э. связана с ростом земледельческой техники, с ростом значения земледелия в общественном производстве.[3] В этом плане движение на юг, к области плодородных земель, также становится вполне оправданным исторически. В свете этих двух причин, двух тенденций варварского славянства, становится понятным и последующее дви-

---

[1] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 118—121.

[2] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 188 и сл.

[1] Ф. Энгельс. К истории древних германцев. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 344.

[2] А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. 1916, стр. 40—50.

[3] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. ИГАИМК, т. XIV, вып. I, 1932.

жение восточных славян на юг, происходившее в IX—X ст., в частности движение на Дон, на Донец и далее на Тамань. Поход с севера на юг легендарных Аскольда и Дира, поход Олега, все это получает твердую почву в вековой истории северных восточно-славянских племен.

СЕВЕРНЫЕ ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

I

В русской историографии не раз поднимался вопрос о том, что представляли собой племена «Повести временных лет». То, что они не являлись племенами в точном значении этого термина, представляется несомненным. Кривичи, вятичи, дреговичи и другие «племена» представляли собой обширные группы населения, занимавшие нередко огромные области. Уже в силу одного лишь этого они не могли быть племенами, даже разросшимися в сложную систему. В этой части вопрос о племенах можно считать окончательно решенным. Дискуссионной остается вторая часть вопроса — что же представляли собой эти «племена», какую социальную и политическую организацию следует усматривать за названиями: поляне, древляне, северяне, радимичи и т. д.

В работах А. А. Шахматова, А. А. Спицына, у многих историков XIX ст. имеется тенденция рассматривать летописные племена в качестве «этнографических единиц». В таком значении они прочно вошли в археологическую литературу и получили свои якобы племенные признаки в археологических данных. Другую точку зрения пытался обосновать С. М. Середонин, по мнению которого летописные племена не составляли родственных, этнографических групп населения, а представляли собой союзы территориальные, образовавшиеся якобы очень поздно, уже после пресловутого расселения славян по восточно-европейской равнине.[1]

Комментируя «достойную удивления по ширине и определенности картину расселения древнерусских племен, нарисованную Нестором», А. А. Спицын справедливо отметил существенный недостаток этой картины — совершенное отсутствие исторической перспективы.[2] С точки зрения традиционной схемы расселения славянства, историческая перспектива была бы соблюдена, если бы летописец указал, «в какой постепенности заселяли эти племена страну... как они группировались по этнографической близости, какие из них наиболее сильны и какие слабы...»[3] С точки зрения автохтонности восточного славянства и историчности этнических образований, историческая перспектива этно-географической картины «Повести временных лет» нуждается в первую очередь в хронологическом раскрытии, которое позволило бы рассмотреть ее на общем фоне исторического процесса, создавшего Древнюю Русь. Чтобы выяснить сущность образований, которые скрываются за летописными племенами, нужно знать, когда, в какую эпоху они возникли, какова продолжительность их существования, все ли они возникли в одно и то же время и т. д.

В известной части ответы на поставленные выше вопросы даются самой летописью. Составленная из нескольких, minimum из двух основных источников — южного и северного — «Повесть временных лет» на своих первых страницах отражает эпоху VIII—X ст. — время бурного исторического процесса, когда восточное славянство вступило в новый период своей истории, подготовивший основы феодального строя. Социальные и политические отношения, экономика, культура, весь строй жизни восточного славянства в эти столетия претерпевали значичительные изменения. В разных областях этот процесс протекал не вполне идентично, в одних — на юге и в новгородской земле — он шел скорее, в других несколько медленнее, что было вполне очевидно и для летописца. Вот в этих-то условиях и была создана «достойная удивления по ширине и определенности» этно-географическая картина восточного славянства.

Многие племена «Повести временных лет» — это несомненно обширные племенные объединения, связанные своими корнями, как это ясно следует из летописи, с эпохой родо-племенных отношений, когда «живяху кождо со своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим». Из контекстов летописи с полной отчетливостью вытекает, что эти племенные группировки, во всяком случае многие из них, являлись не эфемерными образованиями, а такими, которые существовали, вероятно, долгие и долгие годы. Очень часто называя то или иное племя, летопись употребляет его имя как бы в этническом смысле. Имена некоторых племен сохранились долгие годы после того, как политическая самостоятельность и социальный строй их были нарушены. Все это говорит о том, что многие восточно-славянские племенные союзы представляли, повидимому, этнически особые группы населения.

Но далеко не все «племена» являлись именно такими союзами. На первых страницах «Повести временных лет» в одном ряду с ними перечислены образования совершенно иного характера — вновь возникшие территориальные объединения, непосредственные предшественники того территориально-политического деления, которое окончательно сложилось в XI—XII ст. Ярким примером в этом отношении являются полочане — на первый взгляд одно из древнерусских племен, фактически же одно из новых территориальных объединений.

[1] С. М. Середонин. Историческая география, 1916.

[2] А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, VIII, 1899, стр. 305.

[3] Там же, стр. 305.

Если попытаться выделить в «Повести временных лет» части северного новгородского происхождения, то окажется, что полочане в этих отрывках не фигурируют. В легенде о призвании варягов, которая имеет несомненно северные источники, где перечисляются все северные племена: словене, кривичи, чудь и меря, полочане не упоминаются. В описании похода Олега на Киев в 882 г. в Лаврентьевском списке перечислены варяги, чудь, меря «и все кривичи»; полочане в перечне отсутствуют. Они не упоминаются и в перечне северных племен, на которых Олегом была наложена дань. В описании похода Олега «на Грекы» в 907 г. перечислены варяги, словени, чудь, кривичи, меря, древляне, радимичи, поляне, вятичи, хорваты, северяне, дулебы и тиверцы — «си вси звахуться от Грьк Великая Скуфь». Полочане в перечне не упоминаются. В то же время, когда Олег установил в Царьграде «углады на роускыа град», то в перечне городов значится и Полоцк, жители которого в походе, повидимому, участвовали. Полочане не упоминаются и в описании похода Игоря на Царьград в 994 г. Там участвовали: варяги, русь, поляне, словени, кривичи, тиверцы и печенеги.

На ряду с этим в легенде о призвании варягов, где перечисляются «первии насельницы» северных городов, сказано следующее: «первии насельници в Новгороде словене, Полотьске Кривичи, в Ростове Меря, в Белозере весь...». «Повесть временных лет» сообщает также: «кривичи же сидять на верх Волги, и на верх Двины и на верх Днепра».

Все это говорит о том, что полочан, как одного из древнерусских племен, никогда не существовало. В X—XII ст. так называли жителей Полоцка и его земли, точно так же, как население новгородской земли и Новгорода Великого называли новгородцами. «Слово о полку Игореве» знает «курян» — жителей Курска. Эти термины относятся к новому территориальному делению русского населения, которое с XI—XII ст. повсеместно стало вытеснять старое племенное деление.

Интересно, что в древних летописных сводах, предшествующих «Повести временных лет», реконструированных А. А. Шахматовым,[1] полочане вовсе не фигурируют. Эти своды представляют собой, правда, не более как гипотезу А. А. Шахматова, однако очень вероятно, что не кто иной, как киевлянин, составитель «Повести временных лет», причислил жителей Полоцка — полочан — к числу северных древнерусских племен, допустив, таким образом, существенную ошибку.

Целый ряд южных «племен» также должен быть поставлен на свое место. Таковы волыняне и бужане — территориальные объединения, возникшие на месте древнего племенного образования дулебов. С. М. Середонин рассматривает в качестве территориальных, а не племенных образований уличей и тиверцев. Указанный автор идет далее — он ставит под сомнение племенной характер полян, древлян, дреговичей и других племен «Повести временных лет», несомненно увлекаясь и допуская здесь ошибку, подходя с одной меркой ко всем древнерусским «племенам».

На основании летописей нельзя, однако, произвести исчерпывающую дифференциацию «племен», нельзя окончательно установить, какие «племена» являются древними, доживающими свой век племенными союзами и какие новыми, вернее современными первым летописцам, территориальными объединениями. Возможно также, что некоторые древние племенные союзы исчезли раньше других и не получили своего места в летописи. Археологические памятники, способные обрисовать древнее племенное деление, должны дать более точный ответ на все эти вопросы.

Поиски древних племенных групп восточного славянства в археологических данных до последнего времени шли, однако, по неправильному пути.

Если признать, что эти группы представляли собой продукт относительно длительного развития в течение второй половины I тысячелетия н. э. и если тот коренной перелом в жизни восточного славянства на грани I и II тысячелетий н. э., о котором говорилось выше, вполне очевиден, то памятники древних племенных групп «Повести временных лет» следует искать прежде всего среди материалов VIII—X, а может быть и VI—X ст. н. э. Это будут те столетия, когда восточно-славянские племенные группы реально существовали как социальные, политические и этнические образования. Бесспорно также, что следы этих племенных групп, во всяком случае тех, которые успели этнически оформиться, должны сохраниться и в памятниках последующих столетий, когда некоторые древние племенные образования еще сохраняли свои особенности и частично свою политическую самостоятельность. Однако та картина, которую могут нарисовать памятники X—XII ст., несомненно будет представлять собой более чем искаженное отображение прошлого.

Эта точка зрения, как будто бы единственно правильная и полностью подтверждаемая фактическим материалом, встречает возражение со стороны приверженцев старого археологического построения, увязывающего с племенами «Повести временных лет», воспринятыми без всякой критики, — курганные древности XI—XIV ст.

Основой такого археологического построения явилась известная статья А. А. Спицына «Расселение древне-русских племен по археологическим данным», вышедшая в свет в 1899 г.[1] В то время, когда по признанию А. А. Спицына «вовсе не могли быть определены собственно

[1] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, П., 1916.

[1] ЖМНП, VIII, 1899 г.

русские древности до X в.», [1] а на карте древностей XI—XIV ст. пестрело огромное количество белых пятен, попытка проецировать локальные группы древностей XI—XIV ст. на этно-географические данные начальной летописи представлялась очень удачной. Она прочно вошла в археологическую литературу в качестве почти законченного, нуждающегося лишь в уточнениях построения. Однако через 25—30 лет, когда белые пятна на археологической карте мало-по-малу заполнились, перед глазами того же А. А. Спицына предстала карта древностей XI—XIV ст., очень мало напоминающая карту летописных племен. Эта карта должна открыть глаза тем, кто не шел вместе с А. А. Спицыным вперед, оставаясь на позициях археологов конца XIX в.

Не останавливаясь подробно на карте А. А. Спицына, уже получившей освещение в другом месте, [2] отметим основные ее черты.

Еще в 1899 г. А. А. Спицын указывал «на полную аналогию полянских курганов с одновременными волынскими и древлянскими». На карте А. А. Спицына в области днепровского правобережья и частично левобережья обозначена единая этническая группа «волынян», которая захватывает не только территорию летописных полян, древлян, волынян, но распространяется также к северу на область дреговичей и к западу до верховьев Вислы. Верховья Днепра, Зап. Двины, бассейн р. Великой, район оз. Ильмень и верховья Волги вплоть до Кинешмы на карте А. А. Спицына покрыты пятнами одной расцветки, обозначающей «кривичей». Памятники славян новгородских особо не выделяются, что совершенно справедливо, так как выделение особого «этнического признака» новгородцев, а именно ромбощитковых височных колец, является сплошным недоразумением, основанным на туманных представлениях о хронологии курганных древностей. [3] В верхнем и среднем течении р. Оки А. А. Спицын, руководясь височными кольцами так называемого московского типа, помещает «вятичей» и, наконец, в области днепровского левобережья по Сожу, Десне, Сейму на карте обозначены «северяне», захватывающие область не только летописных северян, но и радимичей. Последняя группа является не вполне понятной так как по археологическим данным здесь намечается несколько локальных областей — «радимическая» [4] и целых три «северянских». [5]

[1] Протокол заседания Отделения русской и славянской археологии 22 дек. 1900 г. ЗРАО, т. XII, нов. сер., 1901, стр. 405.

[2] П. Н. Третьяков. Археологические памятники древне-русских племен. Уч. зап. Лгр. Гос. унив., т. 85. Серия исторических наук, вып. 11, 1941. Вторая часть статьи представляет собой краткое изложение третьей главы настоящей работы.

[3] Там же.

[4] Б. А. Рыбаков. Радзімічы, Працы Сэкцii археологii АН БССР, III, 1832 г.

[5] Там же, стр. 139—140.

Таким образом повторяем, если в конце XIX ст., когда на археологической карте еще пестрело множество белых пятен, как будто бы намечалось «столько же археологических типов и районов, сколько летописец перечисляет древне-русских племен», [1] то через 25—30 лет, когда белые пятна заполнились, — выяснилось, что памятники XI—XIV ст. материалом для изучения племен «Повести временных лет» служить не могут. Они относятся к последующему периоду истории, периоду бурных исторических и социальных перемен, в значительной степени переоформивших этническое лицо восточного славянства.

II

Этнический состав северных восточно-славянских племен второй половины I тысячелетия н. э., не известных дореволюционной археологии, в настоящее время уже не составляет загадки. Археологические памятники обрисовывают не только границы славянских племен, отделяющие их от других этнических групп, но и внутри этих границ намечают ряд локальных образований, существовавших неизменно в течение столетий и составлявших бесспорно особые этнические подразделения восточного славянства. Целый ряд данных, прежде всего местоположение этих локальных образований, допускает возможность присвоения им собственных имен, известных по «Повести временных лет».

В северной части восточно-славянской территории четко обрисовываются три локальные группы археологических памятников, отвечающие несомненно трем несколько различным этническим образованиям северного славянства. Первую группу составляют погребальные памятники в виде так называемых новгородских сопок, вторую — длинные курганы и третью — курганы с деревянными камерами внутри.

Новгородские сопки — огромные насыпи полукруглоконической формы — уже давно привлекали к себе внимание исследователей. Ими интересовались З. А. Доленго-Ходаковский, [2] Л. К. Ивановский, Н. Е. Бранденбург, А. А. Спицын, В. И. Равдоникас и многие другие исследователи. Несмотря на большой и постоянный интерес, вызываемый сопками, они исследованы чрезвычайно плохо. Благодаря большим размерам насыпей, ни одна из них не была изучена целиком. Наиболее углубленные исследования сопок произведены Н. Е. Бранденбургом на Волхове в районе Старой Ладоги [3] и Л. К. Ивановским на берегах Ловати. [4] И там и здесь сопки имели

[1] А. А. Спицын. Расселение древне-русских племен. ЖМНП, VIII, 1899, стр. 338—339.

[2] З. А. Доленго-Ходаковский. Отрывок из путешествия по России. Русск. истор. сборн. под ред. Погодина, III, М., 1838.

[3] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. Материалы по археологии России (МАР), № 18, 1895, стр. 135—141.

[4] А. А. Спицын. Сопки и жальники. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, нов. сер., 1899, стр. 149—151.

аналогичное строение, позволяющее вполне отчетливо выявить характер этих массивных погребальных сооружений.

В основании значительного большинства сопок под полами насыпи было встречено на уровне горизонта кольцо из валунов, лежащих иногда в виде сплошной кладки, иногда же с некоторыми промежутками между камнями. Внутри каменного кольца на уровне горизонта, а также нередко в насыпи сопок были открыты остатки каких-то каменных сооружений в виде площадок, стенок и т. д. Им сопутствуют иногда остатки дерева. На каменных кладках, а также и вне их в толще насыпи встречались скопления пережженных человеческих костей. Число их в сопках, раскопанных более или менее целиком, нередко достигало 10—12. Особенно интересно также то, что многие сопки сооружались не сразу, а постепенно. Раскопки Л. К. Ивановского на Ловати прекрасно показывают, что насыпь большинства сопок насыпалась в три приема (рис. 11). Сначала, повидимому клалось каменное кольцо и насыпался небольшой курган, в течение некоторого времени служивший местом захоронения остатков трупосожжений. Затем насыпь подсыпалась, перекрывая старую поверхность, содержащую остатки неоднократных тризн в виде слоя угля, золы, костей животных и обломков керамики, и захоронения производились в ее верхней части. Через некоторое время производилась третья подсыпка. Таким образом сопка — это коллективное погребальное сооружение, содержащее несомненно пережженные остатки целой группы родственных лиц и, таким образом, удерживающее традиции погребального обряда эпохи родового строя.

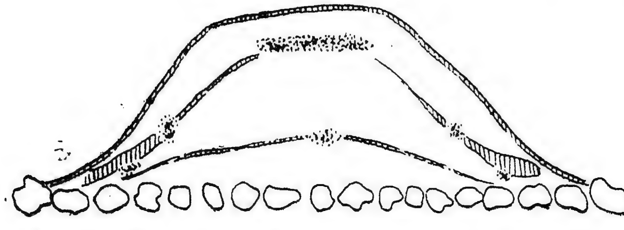


Рис. 11. Разрез сопки на р. Ловати по Л. К. Ивановскому.

Понятно, что далеко не все сопки достигали больших размеров, многие из них имели сравнительно короткую историю. В области распространения сопок известен ряд небольших и невысоких курганов с трупосожжением, которые, несмотря на их размеры, следует причислить к сопкам. Они представляют собой, так сказать, недосыпанные сопки. В качестве примера можно привести курган, раскопанный Н. И. Репниковым на Волхове в районе Старой Ладоги, на урочище Победище.[1] Там имелись восемь высоких сопок, расположенных, как это обычно бывает, в один ряд вдоль берега реки. Четыре из них были раскопаны Н. Е. Бранденбургом. Между сопками в ряду оказалась невысокая овальная насыпь, в центре которой встречены остатки трупосожжения, а ниже их обычная для сопок каменная кладка в виде площадки. Таким образом сопки могут быть и небольшими. Напротив, далеко не всякий высокий курган следует рассматривать как сопку. Богатые курганы IX—X ст. типа черниговских Черной могилы и Гульбища или большого гнездовского кургана представляют собой совершенно другой вид погребальных памятников, распространенный между прочим и на северо-западе, в области распространения сопок новгородского типа.[1]

Остатки трупосожжений в сопках почти никогда не сопровождаются вещественным инвентарем. Чаще чем что-либо другое встречаются в сопках лепные глиняные сосуды, служившие нередко в качестве урн. В единичных случаях встречаются попорченные огнем бусы и металлические украшения, а также железные ножи. Большой интерес представляют постоянно находимые в сопках когти, зубы и кости медведя, несомненно отражающие собой какие-то чрезвычайно архаические идеологические моменты.[2]

Исследователей сопок интересовал обычно один основной вопрос — кому принадлежали и кем были насыпаны эти фундаментальные погребальные сооружения. По мнению Н. Е. Бранденбурга, в сопках следует видеть славянские погребальные памятники.[3] А. А. Спицын одно время, не отрицая славянской принадлежности сопок, полагал, что обычай сооружать эти огромные насыпи пришел к нам из Скандинавии.[4] Наиболее распространенным за последнее время стал взгляд на сопки, как на памятники норманские. Его горячо поддерживал в последнее время А. А. Спицын.[5] Эту точку зрения высказывал в ряде своих работ В. И. Равдоникас.[6]

Вопрос об этнической принадлежности сопок не является, однако, таким сложным и трудно разрешимым, как это представлялось перечисленным выше исследователям. На основании находок, происходящих из сопок, удается установить, что основная масса этих памятников относится к VII—VIII ст. и что имеются сопки более раннего времени — VI—VII ст. Следовательно, сопки возникли в эпоху, задолго предшествующую появлению норманнов в Восточной

[1] Н. И. Репников. Поездка в Старую Ладогу. ЗОРСА, т. V, вып. 2, 1904, стр. 59.

[1] Сведения, быть может, не всегда достоверные, о новгородских больших курганах с богатым инвентарем имеются в статье Савельева «Старинные доспехи, найденные в сопках Новгородской губ.» (ЗРАО, т. IV, стр. 10—16).

[2] Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье. Наст. сборн., стр. 162 и сл.

[3] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, 1895, стр. 90—91.

[4] А. А. Спицын. Сопки и жальники. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, нов. сер., 1899, стр. 149—151.

[5] А. А. Спицын. Археология в темах начальной русской истории. Сборник в честь Платонова, 1922.

[6] В. И. Равдоникас. Доисторическое прошлое Тихвинского Края. Тихвин, 1924, стр. 31.

Европе. Наиболее поздние из них принадлежат к IX — началу X ст. Но и в этих сопках, относящихся к норманской эпохе, насколько нам известно, норманские вещи ни разу не были встречены. Далее, вполне очевидно, что сопки являлись единственным видом погребальных памятников на территории их распространения в обрисованную выше эпоху и памятниками массовыми, сохранившимися до наших дней в сотнях пунктов в числе нескольких тысяч. Эти коллективные погребальные сооружения, в основных чертах повторяющие синхроничные им погребальные памятники других восточно-славянских областей, могли принадлежать лишь коренному славянскому населению. В IX—X ст., вместе с процессом распада древних родоплеменных связей, сопки сменяются небольшими, так сказать «индивидуальными» курганами с трупосожжениями, достаточно хорошо известными, чтобы на них останавливаться.

Наиболее древний комплекс вещей происходит из сопки, раскопанной у д. Горской вблизи Чудского озера.[1] Там найдены бронзовые украшения «прибалтийских» типов, относящихся к VI—VII ст.

Несколько более поздние вещи дали сопки, раскопанные Н. Е. Бранденбургом на Волхове у Старой Ладоги на урочище Победище.[2] Там встречены вещи, происходящие с юга и юго-востока Европейской части СССР, относящиеся к VIII, а возможно и к VII—VIII ст. За последние годы находки таких вещей были сделаны в Северной Прибалтике, причем они были датированы VI—VII ст.,[3] что впрочем не вполне убедительно. В сопках IX—X ст. встречаются сердоликовые бусы призматической формы, костяные гребни и некоторые другие вещи этой эпохи. Ряд очень любопытных сопок был исследован в 1910 г. П. Г. Любомировым на Мсте. Судя по отчетам, к сожалению очень кратким, некоторые сопки содержали очень большое количество трупосожжений. В одной из них, расположенной у д. Золотое Колено, были найдены лепные сосуды, сердоликовые бусы, бронзовая спиралька и обрывок железной цепочки.[4]

Территория распространения сопок новгородского типа очерчена на прилагаемой карте (рис. 12). Они занимают обширные области бассейна оз. Ильмень, течение рек Ловати, Волхова и Мсты, районы Валдайской возвышенности, местность, лежащую на запад от Белого озера, наконец течение Мологи. Отдельные памятники имеются на берегах р. Великой и на

[1] А. А. Спицын. Археологический альбом. ЗОРСА, т. XI, 1915, стр. 238.

[2] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. Мар, № 18, 1895.

[3] A. Hackman. Das Brandgräberfeld von Pukkila in Isokyrö. Suomen Muinaismuistoyhdis tuksen Aikakauskirja, XLI, Helsinki, 1938, стр. 186.

[4] П. Г. Любомиров. Отчет о раскопках, произведенных в 1910 г. в Новгородской и Тверской губ. ЗОРСА, т. IX, 1913, стр. 222 и сл.

Псковском озере.[1] Словом, сопки обрисовывают территорию наиболее северного восточно-славянского племенного образования, которое летопись отличает от кривичей и называет несомненно поздним именем — славянами новгородскими. Каково было древнее имя этой племенной группы северного славянства — остается неизвестным.

III

Южнее области распространения новгородских сопок — в верхнем течении Днепра, Западной Двины и Волги — лежит обширная территория, занятая во второй половине I тысячелетия н. э. другой племенной группой северного славянства — кривичами: «иже седять на верх Волги и на верх Двины и на верх Днепра». Погребальными памятниками на территории кривичей являются курганы в виде овальных или вытянутых валообразных насыпей, содержащих в себе подобно сопкам остатки многих трупосожжений.

Размеры длинных курганов сильно варьируют. Нередко они достигают в длину 30—40, а иногда и 50 м при ширине 5—7 м и высоте до 1 м. На ряду с длинными очень часто встречаются курганы удлиненные, овальные, прямоугольные или круглые. Длина кургана зависит от числа совершенных в нем захоронений. В большинстве случаев с каждым новым захоронением насыпь все более и более удлинялась. В этом отношении длинные курганы близко напоминают новгородские сопки, которые также росли с увеличением числа захоронений, но не в длину, а вверх. Известны насыпи с 5—6, реже с 9—10 захоронениями, представлявшими собой груды пережженных человеческих костей, иногда помещенных в глиняный сосуд. Можно думать, однако, что число захоронений в длинных курганах в действительности было значительно больше приведенных цифр, так как подобно сопкам эти памятники, особенно наиболее значительные, никогда не раскапывались целиком. Кроме глиняных сосудов при остатках трупосожжений изредка встречаются металлические изделия: ножи, шилья, удила и предметы убора и украшения.

Область распространения длинных курганов может быть обрисована достаточно точно (рис. 12). На Днепре они сосредоточиваются преимущественно в районе Смоленска—древнего центра кривичей, по правобережью и водоразделу между верховьями Днепра и Зап. Двины. На Двине длинные курганы известны главным образом в верхнем течении и на границе верхнего и среднего ее течения. Отсюда широкой полосой курганы поднимаются далеко на север вдоль обоих берегов р. Великой и восточного берега Чудского озера, достигая бассейна Луги и ограничивая, таким образом, с запада территорию новгородских сопок. По системе верховьев

[1] Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. Наст. сборн., стр. 99—108.

Зап. Двины и Волги, переплетающейся с системой притоков оз. Ильмень, длинные курганы отдельными группами вторично поднимаются на север, глубоко врезаясь в область новгородских сопок. Наиболее северные из них достигают среднего течения р. Мсты. В небольшом числе, наконец, длинные курганы имеются на Волге, на участке Калинин — Рыбинск, располагаясь по нов. В 1903 г. А. А. Спицын полагал, что длинные курганы относятся к VIII—X ст. Когда же окончательно выяснилось, что эти памятники принадлежат и к VI—VII ст., о чем раньше говорил В. И. Сизов,[1] А. А. Спицын, следуя теории миграции славянских племен, перестал считать длинные курганы кривичскими и отнес их к «финским» памятникам.[2] От этого взгляда

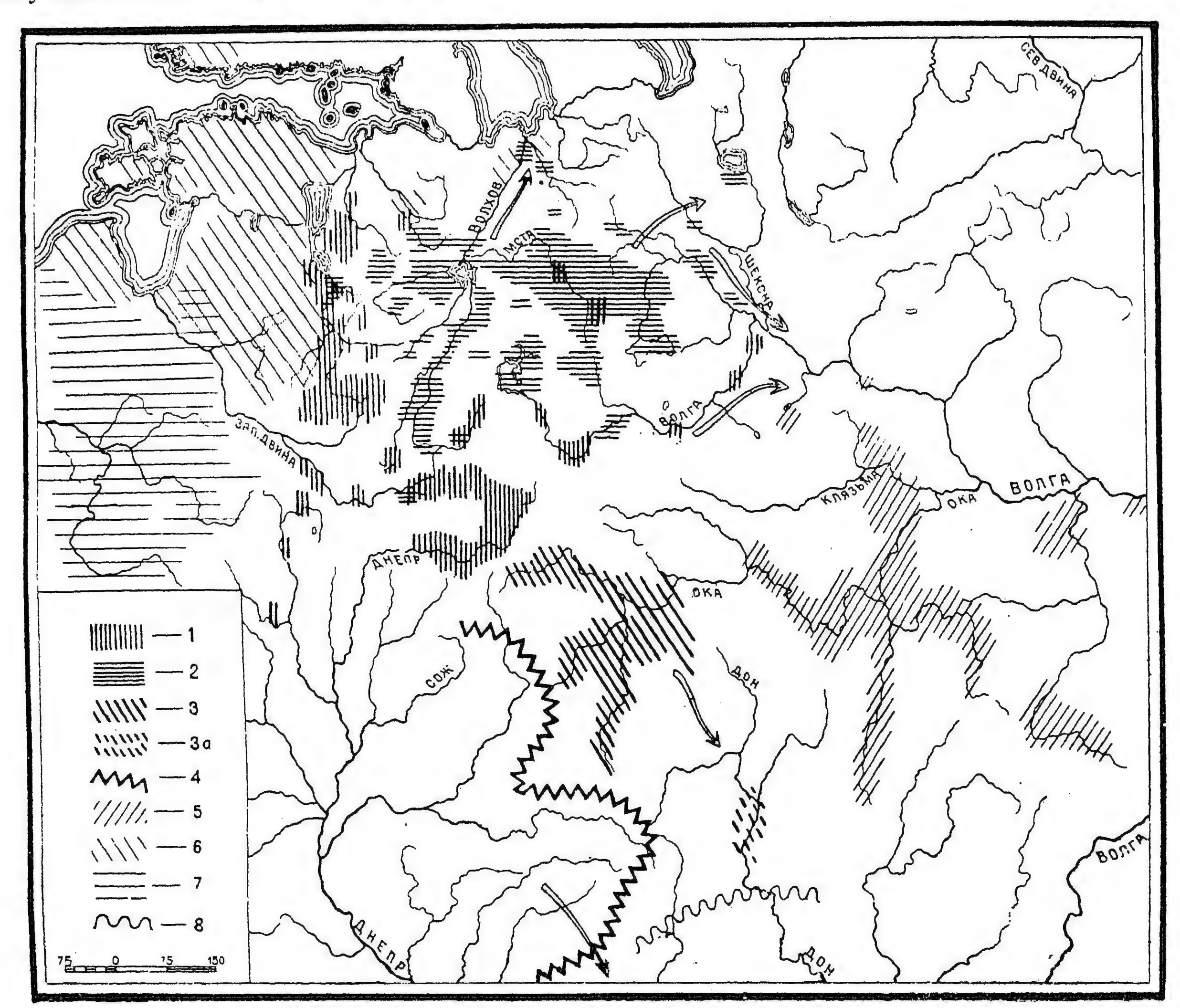


Рис. 12. Схема карты локальных групп археологических памятников середины и второй половины I тысячелетия н. э.

1 — длинные курганы кривичей V—X ст.; *2* — сопки новгородских славян VI—X ст.; *3* — городища и курганы вятичей с деревянными ящиками IV—X ст.; *3а* — славянские городища и курганы Воронежского Подонья; *4* — северо-восточная граница северянских городищ и курганов („роменского типа“) VII—X ст.; *5* — могильники племен Поволжья; *6* — памятники ливов и эстов (каменные курганы и могильники люцинского типа); *7* — курганы лето-литовской группы племен; *8* — северная граница (салтово-маяцких) памятников гунно-болгарских племен V—X ст.

берегам реки и не отступая в область водораздела.

Исходя из территории, занятой длинными курганами, А. А. Спицын еще в 1903 г. признал в них погребальные памятники кривичей, высказав предположение, что этим курганам предшествовали погребальные сооружения в виде деревянных построек с двускатной крышей. Как мы видели выше (стр. 25), это предположение блестяще подтвердилось в дальнейшем. Позднее указанный автор временно изменил свое мнение об этнической принадлежности длинных курганов. В 1903 г. ...

А. А. Спицыну пришлось отказаться и снова вернуться к первому, когда выяснилась генетическая связь длинных курганов с более поздними круглыми «индивидуальными» курганами с трупосожжением, славянский характер которых совершенно бесспорен.[3] Эта преемственность была установлена на примере десятков и сотен могиль-

[1] В. И. Сизов. Длинные курганы в Смоленской губ. Тр. XI Археол. съезда, т. II, стр. 81.

[2] А. А. Спицын. Записи последних лет. Архив ИИМК, фонд А. А. Спицына.

[3] Архив А. А. Спицына. Записки последних лет.

ников, состоящих из более древних — длинных и более молодых — круглых курганов. В качестве примера здесь помещен план одного из могильников среднего течения Зап. Двины, расположенного вблизи синхроничного ему городища (рис. 13). Древнейшие курганы могильника — две длинные насыпи — расположены около самого городища, тотчас же за валом. Далее находится ряд более молодых круглых курганов значительных размеров, содержащих под своей насыпью остатки многих трупосожжений. Еще дальше располагаются наиболее поздние в могильнике небольшие круглые, «индивидуальные» курганы, относящиеся уже к X—XI ст., о чем говорит происходящая из них керамика, частью изготовленная на гончарном круге.[1]

Длинные курганы, относящиеся к VI—VIII ст., известны по раскопкам В. И. Сизова[2] на Смоленщине, по раскопкам К. Кудряшева на Чудском озере,[3] по работам П. А. Садикова и П. Г. Любомирова около Демянска[4] и по исследованиям А. В. Тищенко около Валдая.[5] За последние годы группа длинных и синхроничных им округлых курганов была исследована в районе Пскова Н. Н. Чернягиным. В этих курганах сделаны находки не только VI—VII, но и V ст.[6] Был раскопан также ряд длинных курганов в Смоленщине и Белоруссии.[7]

В верховьях Днепра В. И. Сизовым были произведены раскопки свыше чем в 10 пунктах, у дд. Докова, Слобода, Духовщина, Рядынь, Хотынь, Ярцево, Мизинова, Благодатная, Лопино, Арефино, Новое Белкино, на урочище Ямщичино и в некоторых других местах. Кроме керамики в курганах были найдены многочисленные железные, бронзовые и стеклянные изделия. В мужских трупосожжениях были встречены, повидимому, лишь поясные пряжки, бронзовые и железные, характерных, очень архаичных типов (рис. 14). В женских трупосожжениях найдены многочисленные бронзовые трапециевидные подвески, круглые бляхи, подвески, состоящие из полукруглой бляшки с трапециевидными привесками, оплавленные на огне синие стеклянные бусы, крупные бронзовые бубенчики и, наконец, подвески в виде миниатюрных фигурок водяных птиц, вырезанных из кости. Из этих же курганов происходит несколько вещей с эмалью: три прямоугольные бляхи, большая круглая ажурная бляха, находящая себе аналогии в кладе, найденном у Красного Бора в Северной Белоруссии,[1] и ажурная треугольная фибула позднего типа (рис. 14).

Среди украшений следует указать еще на височные украшения в виде проволочной дужки с пластинкой внизу, к которой были прикреплены трапециевидные подвески (рис. 14). Нет сомнения, что именно эти украшения послужили прототипом для височных колец XII—XIV ст. так называемого московского типа, вопрос о происхождении которых долгое время являлся дискуссионным.[2]

Рис 13. План курганного могильника и городища у Старого Села в среднем течении Зап. Двины.

После В. И. Сизова ряд древних курганов на Смоленщине был раскопан И. С. Абрамовым. В группе у с. Слобода, где производил раскопки и В. И. Сизов, им был исследован круглый курган, давший целый ряд интересных находок.[3]

[1] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы у Віцебскай акрузе. Працы Археолёгічнай камісіі АН БССР, II, 1930, стр. 96.

[2] Указатель памятников Российского исторического музея, 1893, стр. 111—123.

[3] Отчеты не опубликованы. Упоминания о раскопках имеются в архиве А. А. Спицына. Вещи из раскопок хранятся в Гос. Эрмитаже.

[4] Там же.

[5] А. В. Тищенко. Отчет о раскопках 1910 и 1911 гг. в Новгородской губ. ИАК, вып. 53, 1914, стр. 12 и сл.

[6] Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. Наст. сборн., стр. 102, табл. I, 13.

[7] Працы Археолёгічнай камісіі АН БССР, II, 1930, стр. 270—275, 279—280, 314—315.

[1] А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903, табл. XXVII, 1.

[2] В. И. Сизов. О происхождении и характере курганных височных колец преимущественно «московского» типа. Археол. изв. и зам., 1895, № 6. — И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. V. Клады и курганы, 1897. — А. В. Арциховский. Курганы вятичей, 1930, стр. 47—49.

[3] А. А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗРАО, т. VIII, вып. 1, 1906, стр. 196.

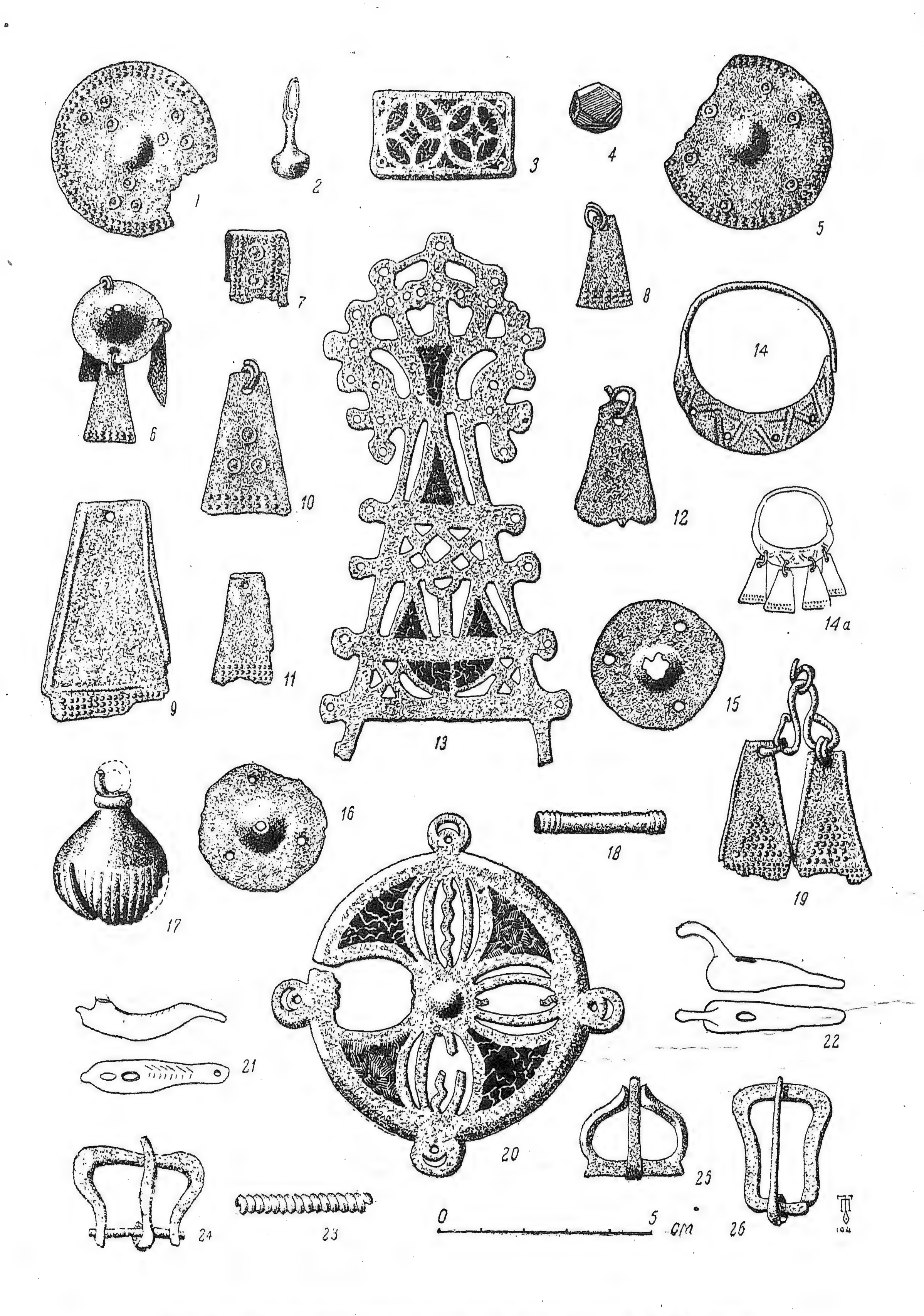


Рис. 14. Вещи из смоленских длинных курганов. Раскопки В. И. Сизова.

1, 2, 4—7, 14, 18, 23—24 — д. Арефино; *3, 9, 11, 16* — д. Ярцево; *8, 12, 15, 26*—д. Хотынь; *10, 21, 22, 25* — д. Лопино; *13, 17, 19* — д. Дроково; *20* — ур. Ямщичино.

В поле насыпи оказалось глиняное «пряслице» или «грузик», обычное для городищ дьякова типа. В слоях золы и угля, в двух местах прослаивающих насыпь, найдены медная пряжка, черепки от глиняных сосудов, медные спиральки, обломки узких медных браслетов из трехгранного прута и две бронзовые височные подвески (рис. 15), несколько напоминающие подвески Виленских курганов.[1]

В двух курганах у д. Шиловка И. С. Абрамовым найдены спиральки, трапециевидная подвеска, оригинальная ажурная бляха (рис. 15), железное шильце, обломок кольца, оплавленные стеклянные бусы изумрудного цвета и лепная посуда, орнаментированная по венчику отпечатками гребенчатого чекана.[2] Время этих вещей как и коллекции В. И. Сизова — VI—VIII ст.

Вещи таких же точно типов — трапециевидные подвески, спиральки, оплавленные бусы и др. — за последние годы найдены в древних синхроничных длинным смоленских курганах А. Н. Лявданским у д. Плехтино (рис. 16)[3] и у пос. Ямпаль.[4] Здесь найдена также арбалетовидная фибула прибалтийского типа (рис. 16). Украшения тех же типов неоднократно были находимы на городищах Смоленщины и Белоруссии. На рис. 17 изображены вещи из городища у д. Зуево (к северу от Полоцка)[5] и из Банцеровского городища около Минска.[6]

Рис. 15. Вещи из смоленских длинных курганов. Раскопки И. С. Абрамова.

Материалы из раскопок К. Кудряшева на восточном берегу Чудского озера около дд. Жеребятино, Безьва, Ново-Жуковская и Светлые Вешки и материалы П. А. Садикова и П. Г. Любомирова, происходящие из длинных курганов, раскопанных в восьми пунктах в местности между оз. Неро и оз. Селигер,[1] несколько отличаются от смоленских. Здесь не обнаружено трапециевидных подвесок, столь обычных в смоленских длинных курганах. В большем числе найдены мелкие выпуклые полукруглые бляшки, прикреплявшиеся к коже или материи с помощью двух язычков, в смоленских курганах неизвестные. Из других вещей встречены массивный бронзовый браслет с утолщенными концами, характерный для VI—VII ст., пронизки, круглые бляшки, поясные пряжки и обломок перекладчатой фибулы (стр. 136, табл. II; стр. 137, табл. III). Вещи А. В. Тищенко из кургана № 5 у с. Березовский Рядок имеют примерно тот же характер (стр. 126, № 445).

Длинные курганы VIII—IX ст. встречаются значительно чаще. Они постоянны в составе могильников IX—X ст., состоящих из обычных круглых курганов с трупосожжением. В массе они короче древних и имеют часто овальные очертания. Курганы этого времени хорошо известны по раскопкам А. Н. Лявданского на Зап. Двине у дд. Гаравая и Рудня.[2] В этих курганах были открыты всего лишь по 2—3 трупосожжения, нередко по одному, и лишь один курган прямоугольных очертаний имел четыре или пять захоронений пережженных костей. В курганах найдены характерные глиняные сосуды, спиральки, бусы, браслет, обрывки цепочки, застежки, гривна, бубенчик и другие вещи бронзовые и железные (рис. 18). При всей своей малой выразительности этот комплекс несомненно позже смоленского, хотя возможно, что и среди этих вещей, происходящих из разных курганов, кое-что принадлежит к VII ст.

По р. Великой и в бассейне Мсты длинные курганы VIII—IX ст. были исследованы В. Н. Глазовым. Время их определяется по находкам

[1] Труды Виленского Археологического съезда, т. I, 18, стр. 183.
[2] А. А. Спицын, ук. соч., стр. 194.
[3] А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губ. Тр. смоленских Гос. музеев, вып. 1, 1924, стр. 163.
[4] Працы Археолёгічнай камісіі АН БССР, II, 1930, стр. 270—273.
[5] Архив А. А. Спицына.
[6] Там же.

[1] Деревни Ермошкино, Новина, Горшковицы, Беляевщина, Подсосонье, Обрынь, Типицы и Черный Ручей б. Демянского у. Новгородск. губ.
[2] Працы Археолёгічнай камісіі АН БССР, II, 1930, стр. 173—195.

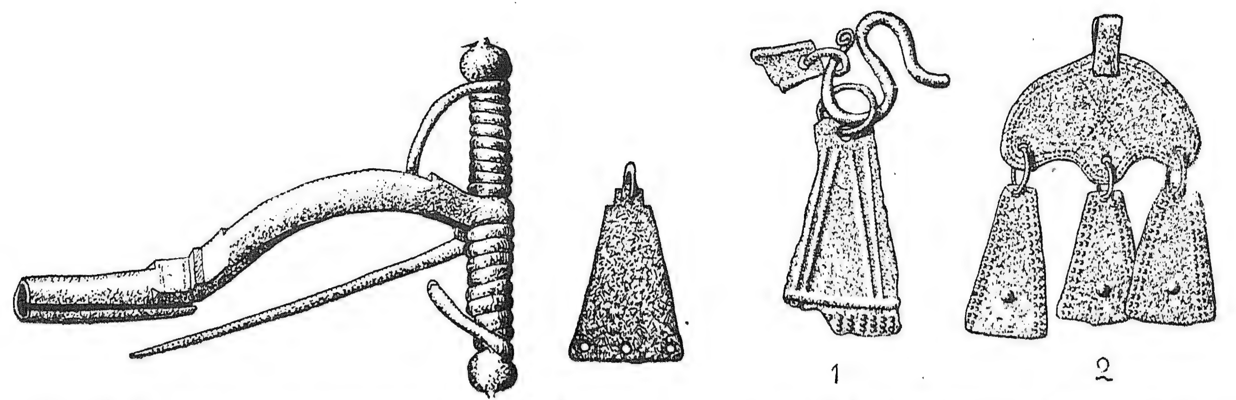


Рис. 16. Вещи из древних смоленских курганов. Раскопки А. Н. Лявданского.

Рис. 17. Вещи из городищ Белорусской ССР.
1 — городище у д. Зуево; *2* — Банцеровское городище.

Рис. 18. Вещи из длинных курганов среднего течения Зап. Двины.

браслета, витой гривны и бус синих и желтых.[1] В 1935 г. удлиненный курган с остатками двух трупосожжений был исследован автором этих строк в Верхнем Поволжье, около с. Митина между Калязиным и Угличем. Кроме глиняного сосуда там были найдены пастовые бусы желтого цвета, обычные для памятников IX—X ст.

IV

Западнее, севернее и восточнее территории сопок и длинных курганов во второй половине I тысячелетия н. э. лежали области, погребальные памятники которых имеют своеобразный характер. Псковское и Чудское озера составляли границу между славянским населением и древними прибалтийскими племенами ливами и эстами, от которых сохранились своеобразные каменные могилы,[2] в некоторых областях сменившиеся в VII—VIII ст. рядовыми могильниками так называемого люцинского типа. На северо-востоке соседом славян была летописная весь, памятники которой — места поселений и могильники — до сих пор не известны. Исключение составляют лишь курганы Южного Приладожья,[3] относящиеся к IX—X ст. и оставленные вероятно весью, но уже подвергнувшейся славянизации или во всяком случае сильному воздействию славянской культуры.

В сторону Белого моря на Мологу и Шексну лежали пути ранней колонизации северных славянских племен, относящейся к VIII—IX ст. Древнейшие славянские памятники этих районов — сопки новгородского типа — имеются здесь лишь по течению рек и в очень ограниченном количестве, располагаясь иначе, чем на оз. Ильмень или по рекам и озерам Валдайской возвышенности. Судя по некоторым данным, они относятся здесь, главным образом, к IX—X ст. Об этом говорят как небольшие средние размеры моложских и белозерских сопок, так и некоторые находки, происходящие из сопок по Мологе, в частности проушный железный топор, далеко не раннего типа.[4]

Очевидно отсюда, от Белого озера и с Мологи, славяне попали в Ярославское Поволожье—будущую Ростово-Суздальскую землю. Памятниками местного населения в области древней мерянской земли — «на Ростовском озере Меря, а на Клещине озере меря же» — являются рядовые могильники, напоминающие собой древние могильники мордовско-муромских племен, такие, как Подболотиевский, Лядинский или Томниковский. Мерянские могильники известны уже в ряде пунктов: в районе Костромы у с. Подольского,[1] в районе Шуи у с. Хотимль,[2] на р. Клязьма у с. Холуй.[3] Наиболее богатым и интересным среди них является могильник на р. Сарре, впадающей в оз. Неро, расположенный около известного Сарского городища.[4] При раскопках там, как и у с. Хотимль и Холуй, был открыт ряд погребений, содержащих либо остатки трупосожжений, либо обычные захоронения. При мужских погребениях встречены орудия труда и предметы вооружения; при женских разнообразные металлические украшения (рис. 19). Судя по инвентарю погребений, известные сейчас могильники мерянской земли относятся ко времени VI—VIII ст., но несомненно, что в дальнейшем здесь будут открыты и более ранние могильники, хорошо известные в области других восточно-финских племен Поволжья.

В IX—X ст. в пределах древней мерянской земли на смену рядовым могильникам восточно-финского типа приходят многочисленные курганы с трупосожжением, по обряду погребения примыкающие к славянским памятникам. До недавнего времени эти курганы были известны лишь по раскопкам А. С. Уварова и П. С. Савельева,[5] другими словами, оставались почти недоступными для изучения. Исследования В. А. Городцова[6] и И. А. Тихомирова,[7] П. А. Кельсиева[8] и др. около Ярославля на Михайловском и Тимеревском могильниках, произведенные в конце прошлого и начале нынешнего столетия, дали возможность лучше восстановить характер курганов мерянской земли и тем самым глубже осмыслить и старые уваровские материалы. В течение последних лет раскопки Михайловского и Тимеревского могильников велись Я. В. Станкевич. В результате этих работ проблема появления в Ярославском Поволжье населения, оставившего курганные могильники, значительно разъяснилась.[9]

[1] Отчет В. Н. Глазова о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901—1902 г. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903 г., стр. 49 и 59. — Отчет В. Н. Глазова о поездке 1903 г. в Крестецкий у. Новгородской губ. ИАК, вып. 6, 1904, стр. 50 и сл. — А. А. Спицын. Раскопки В. Н. Глазова близ погоста Лыбуты. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 71—74.

[2] H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Tartu, 1938, стр. 622.

[3] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, 1895.

[4] Хранился в Моложском районном музее; ныне находится в музее г. Рыбинска.

[1] Отдельные находки металлических вещей в Верхнем Поволжье. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903, стр. 194.

[2] Б. Н. Граков. Отчет об археологических исследованиях. Сб. «Третий год деятельности Иваново-Вознесенского губ. общества Краеведения», Иваново, 1927, стр. 34.

[3] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, 1901, стр. 43.

[4] Материалы раскопок могильника у Сарского городища, проведенных Д. А. Крайновым и Д. Н. Эдингом, не опубликованы. Находки хранятся в Ростовском музее.

[5] А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Тр. I Археол. съезда, т. II, 1871, стр. 633—847. — А. А. Спицын. Владимирские курганы, ИАК, вып. 15, 1905, стр. 84 и сл.

[6] Древности, т. XXI, вып. 1; Протоколы, стр. 42; Исторический вестник, № 3, 1903.

[7] Архив ИИМК, дело 1900 г., № 82; 1897 г., № 52; 1898 г., № 187.

[8] Антропологическая выставка, т. III, ч. 1, стр. 53—68.

[9] Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. Наст. сборн., стр. 56.

В курганах Михайловского и Тимеревского могильников, содержащих остатки трупосожжений, лишь в двух или трех случаях были найдены мерянские вещи — «шумящие» украшения, обычные для костюма племен Западного Поволжья. Остальной инвентарь этих курганов таков же, как инвентарь синхроничных им курганов других славянских земель — Смоленщины, верховьев Волги или Новгородской земли. Исключение составляют изделия из глины: медвежьи бальными сооружениями, столь характерными для северного славянства этой эпохи.

Если взглянуть на карту, на речные артерии, связывающие Ярославское Поволжье с северо-западом, то продвижение новгородских славян в будущую Ростово-Суздальскую землю через Мологу и возможно Шексну, речь о чем уже шла выше, представится вполне естественным. На колонизацию Ярославского Поволжья новгородцами не раз указывали этнографы и лингви-

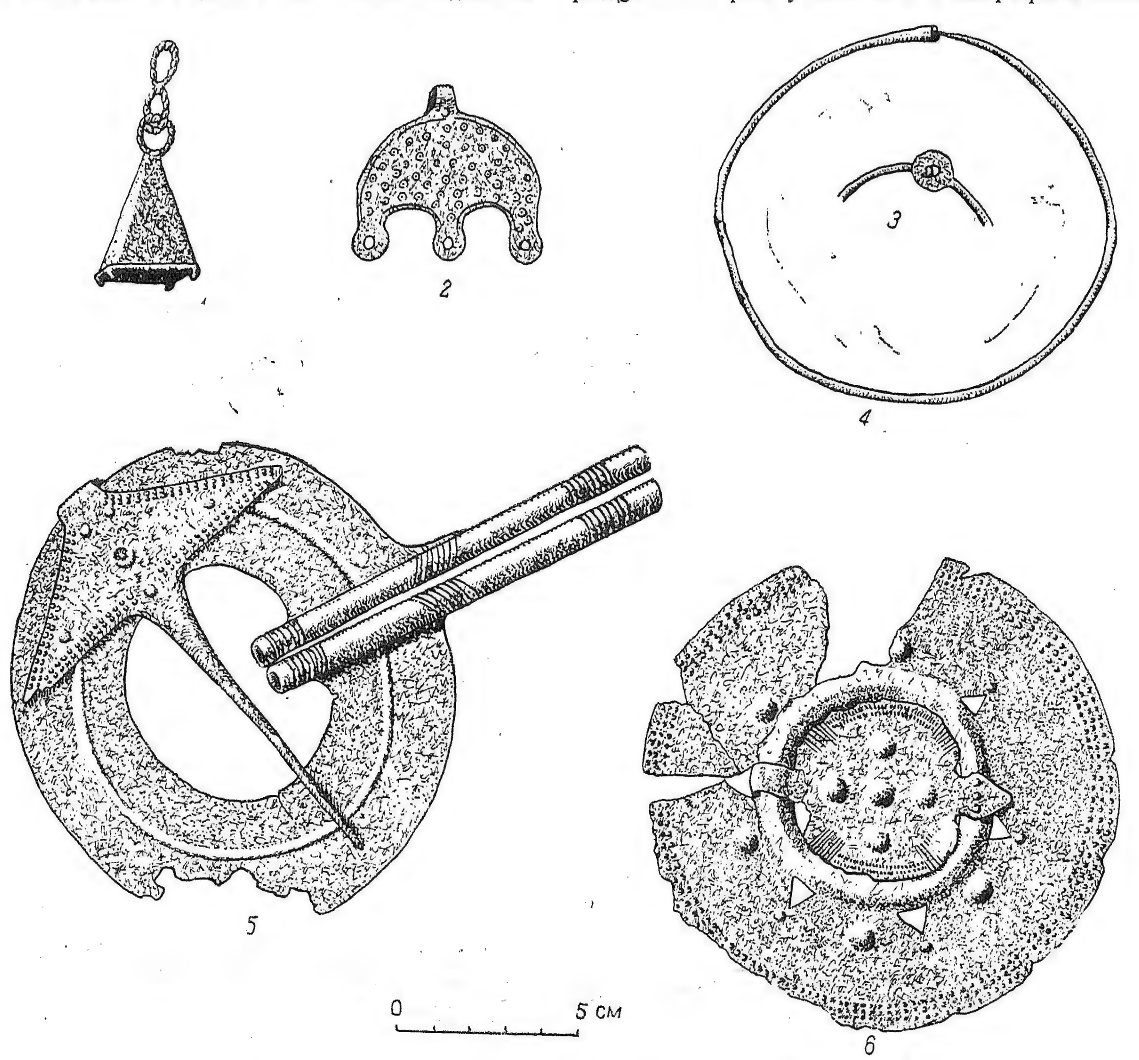


Рис. 19. Вещи из мерянского могильника VI—VIII ст. около Сарского городища.

лапы и кольца, о которых будет сказано ниже. В пределах Тимеревского могильника в 1939 г. был раскопан большой курган, судя по всем данным, расположенный в древнейшей части могильника. По своему строению он оказался не чем иным, как сопкой новгородского типа, насыпанной в три приема, содержащей внутри каменные кладки и следы деревянных сооружений и, наконец, свыше пятнадцати трупосожжений. Другие курганы древнейшей части Тимеревского могильника, относящиеся видимо к VIII—IX ст., также содержали по несколько трупосожжений, являясь коллективными погре- сты. Однако имеются более определенные указания, свидетельствующие именно о таком пути славянской колонизации и о связях Ярославского Поволжья в VII—IX ст. с областью Белозерья. Среди керамического материала Михайловского и Тимеревского могильников на ряду с характерной славянской посудой встречаются сосуды, по форме славянские, с оригинальной орнаментацией в верхней части, состоящей из отпечатков обычного славянского гребенчатого чекана, расположенных вертикально и группирующихся по три (стр. 71—72). Такое расположение отпечатков нигде в пределах славянских земель не встре-

чается. Не известен такой орнамент и на посуде более древних мерянских могильников и городищ. Он составлял одну из многих загадок курганов Ярославского Поволжья.

В 1939 г. эта загадка неожиданно разъяснилась. В районе древнего Белозерска, на юго-западном берегу Белого озера, П. А. Суховым было найдено городище с характерной славянской керамикой VIII—X ст., среди которой оказалась посуда с орнаментом ярославских курганов — тройными вертикальными отпечатками гребенчатого чекана.[1] Нет никаких сомнений, что именно отсюда проникла она в Поволжье и несомненно по Шексне и Мологе, по пути, обозначенному курганами в виде сопок. Глубокая связь Ярославского Поволжья с Белозерьем прослеживается и позднее, уже по летописным данным. Напомним, что во время восстания семидесятых годов XI ст. ярославские смерды, возглавляемые волхвами, «вставшими из Ярославля», направились именно в Белоозеро. В своей борьбе за восстановление старых родоплеменных порядков, ярославские волхвы, очевидно, рассчитывали опереться на родственное население Белозерья. Сюда же вплетается наконец тема о медвежьем культе, также связывающая Ярославль с Белозерьем и Новгородской землей. Непосредственное отношение к ней имеют и те глиняные медвежьи лапы, которые так обычны в ярославских курганах.[2]

На ряду с новгородско-белозерской колонизацией, будущая Ростово-Суздальская земля принимала в свои пределы и другой славянский колонизационный поток, шедший с верховьев Волги, от кривичей. Длинные курганы VIII—X ст. в области Ярославского Поволжья, правда, еще не найдены, если не считать нескольких не вполне достоверных случаев. Однако в курганах Ростово-Суздальской земли XI—XII ст. настолько сильны верхневолжские и смоленские элементы, что наличие более ранней кривичской колонизации в области мерянских земель не вызывает никаких сомнений.[3] Вероятно, длинные курганы имелись в ряде могильников Переяславского и Ростовского районов и были уничтожены во время раскопок А. С. Уварова.

Но далеко не все курганные могильники Ярославского Поволжья говорят о славянской колонизации. Кроме Михайловского и Тимеревского могильников, в которых можно указать лишь два-три мерянских, причем несомненно женских погребения, имеется еще ряд могильников, не содержащих или почти не содержащих в своем инвентаре мерянских вещей. Таковы, например, могильник у с. Васильки б. Суздальского уезда, где в 1852 г. К. Н. Тихонравов раскопал 291 курган,[1] могильник у с. Шокшева,[2] и некоторые другие. В районе Плещеева озера курганы IX—X ст. имеют несколько иной характер, выделяясь погребениями с мерянскими вещами в виде разнообразных «шумящих» украшений. В виду того, что после работ А. С. Уварова и П. С. Савельева здесь производились раскопки лишь одного пункта, при которых было исследовано лишь 6 курганов X—XI ст. с мерянским инвентарем,[3] в настоящее время трудно сделать окончательные выводы об этнической принадлежности этих курганов. Повидимому, они принадлежат мерянскому населению, в значительной степени затронутому славянской культурой или же смешанному славяно-мерянскому населению. Об этом говорят не только «шумящие» украшения, но и ряд особенностей погребального обряда. Здесь имеется в виду ряд курганов X ст., в которых основным погребением было простое захоронение, а повторным—трупосожжение. Среди курганов с мерянским инвентарем, которые относятся А. А. Спицыным к XI ст. на основании обряда захоронения, несомненно есть и более древние, синхроничные славянским курганам с трупосожжением. Здесь сказывается древняя мерянская погребальная обрядность.

Таким образом погребальные памятники древней мерянской и будущей Ростово-Суздальской земли позволяют говорить о сплошном мерянском поселении до VIII ст., о славянской колонизации, начавшейся в конце VIII—начале IX ст., о белозерском и волжском путях этой колонизации и наконец о начавшейся славянизации местного мерянского населения, вероятно еще долгие годы сохранявшего свое этническое своеобразие.

V

Третья племенная группа северо-восточного славянства занимала область верхнего течения Оки.

В середине и второй половине I тысячелетия н. э. население бассейна Оки распадалось на два обширных этнических массива, резко отличающихся один от другого. Среднее течение Оки, начиная приблизительно от устья Москва-реки, во II—VII ст. являлось областью племен, хорошо известных по материалам могильников, обычно называемых рязанскими или рязано-окскими. Погребальные памятники такого же типа, т. е. рядовые могильники, но относящиеся к VII—XI ст., известны несколько ниже по Оке в районе Мурома. Эти племена, памятники которых обнаружены не только по Оке, но и в ряде других районов Западного Поволжья, в частности по Мокше и по Суре, как уже не раз указывалось,

[1] П. А. Сухов. Славянское городище IX—X ст. в Южном Белозерье. Наст. сборн., стр. 91, табл. I, *6*.
[2] Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье. Наст. сборн., стр. 162 и сл.
[3] А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 167.

[1] Труды Владимирского губ. статист. комитета, 1868, вып. VII, стр. 139 и сл.
[2] Владимирские ведомости, 1866, № 11.
[3] Около с. Киучер, Переяславского района; раскопки Переяславского музея.

послужили предками летописной муромы, мещеры и современного мордовского народа.[1]

Верхнее течение Оки изобилует археологическими памятниками совершенно иного характера. Здесь известны многочисленные курганы с трупосожжением, восходящие к V—VI ст., и места поселений, преимущественно в виде городищ. Исследование тех и других, а также происходящие из раскопок многочисленные находки не оставляют никаких сомнений в том, что эти памятники принадлежат славянскому населению — вятичам «Повести временных лет».

Если географические данные «Повести временных лет» определяют местоположение территории вятичей лишь в самых общих чертах, указывая, что вятичи жили «по Оце», причем не нижней, а верхней Оке, так как по «Оце реце где потече в Волгу», т. е. по нижней Оке лежали области муромы, черемисы и мордвы, то контексты дальнейших упоминаний о вятичах, главным образом в Ипатьевском списке летописи, дают возможность довольно точно определить если не границы, то во всяком случае район местоположения племени вятичей. Вятичи по этим данным занимали верхнее течение Оки, ее притоки Жиздру и Угру. Ниже устья Угры, там где русло Оки круто меняет северное направление на восточное, вятические поселения распространялись, повидимому, недалеко. Во всяком случае нет никаких данных в пользу того, что они доходили до устья Москвы-реки. И никак нельзя согласиться поэтому с попытками распространить территорию вятичей на среднее течение Оки и бассейн Москвы-реки, что делает, например, А. В. Арциховский,[2] опирающийся в данном случае на некоторые списки летописей, в которых вятичи отождествляются с рязанцами. Эти списки летописей: Тверской (1534), Львовской (начало XVI ст.) и Ермолинской (конец XV ст.), составленные, по мнению А. А. Шахматова, на основании Ростовской компиляции XV ст.,[3] не могут по своей достоверности приравниваться к более ранним спискам, таким, как Лаврентьевский или Ипатьевский. Отождествление вятичей с рязанцами, ни разу не встречающееся в ранних списках летописей, несомненно представляют собой не что иное, как комментарий составителя свода XV ст., мнению которого в отношении эпохи X—XIII ст. вряд ли следует придавать сколько-нибудь серьезное значение. Недаром Н. П. Барсов ограничивал территорию вятичей с востока течением р. Осетра, впадающего в Оку несколько выше устья Москвы-реки.[4] С мнением Н. П. Барсова по этому вопросу вполне

[1] П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. Сов. археол., II, 1937.

[2] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., РАНИОН, 1930, стр. 125.

[3] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, II, 1908, стр. 77, 236—237.

[4] Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 157.

соглашался и А. А. Шахматов.[1] Здесь следует упомянуть еще о том, что Н. П. Барсов допускал заселение вятичами верховьев Дона, приток которого Тихая Сосна близко подходит к верховьям Оки.[2] Это заключение имело, повидимому, чисто умозрительный характер и возникло, вероятно, в результате взгляда на карту. Более основательно защищал эту точку зрения А. А. Шахматов,[3] на чем ниже еще придется остановиться.

Памятники верхнего течения Оки известны, преимущественно, по работам Н. И. Булычева, в продолжение ряда лет исследовавшего курганы и городища по Оке, Жиздре, Угре и другим более мелким рекам Окского бассейна. Эти работы показали, что верховья Оки чрезвычайно богаты разнообразными остатками древности, относящимися к различным эпохам. Наиболее интересные открытия были сделаны Н. И. Булычевым при раскопках памятников середины и второй половины I тысячелетия н. э., до его работ в этом районе почти неизвестных. После Н. И. Булычева окские памятники изучались Ю. Г. Гендуне, Н. И. Троицким, В. А. Городцовым и рядом других исследователей. В 1934 и 1935 гг. небольшие работы на Оке и по нижнему течению Угры были произведены М. М. Герасимовым и автором этих строк.

Одним из наиболее ярких памятников верхнего течения Оки является исследованное Н. И. Булычевым городище у д. Мощины, на р. Ресе, притоке Угры, получившее мировую известность благодаря найденному в его пределах кладу вещей с эмалью. Ранние слои городища синхроничны кладу, время которого определяется, видимо, IV—VII ст. н. э. Среди находок имеются также вещи VIII—X и XI—XIII ст.

Из древнего культурного слоя Мощинского городища происходит ряд украшений с эмалью, аналогичных вещам из клада. К ним относятся подвеска в виде лунницы с округлыми розетками на концах, обломок массивного браслета и часть большой плоской застежки, концы которой имели вид округлых щитков, инкрустированных эмалью. К древнему слою городища принадлежат также небольшая бронзовая округлая бляха, украшенная точеным орнаментом, находящая себе параллели среди вещей клада, и обломок браслета из круглого бронзового прута, с расплющенными концами, представляющего собой характерное украшение стадии С рязанских могильников, т. е. V ст. н. э.[4] Среди других находок, принадлежащих к середине I тысячелетия н. э., отметим наконечники копий и стрел из железа и кости, кривой нож, глиняные пряслa для веретен, часть глиняного льячка и обломки сосудов с черной лощеной поверхностью.

[1] А. А. Шахматов. Южные поселения вятичей. Изв. Акад. Наук, 1907, стр. 715—716.

[2] Н. П. Барсов, ук. соч., стр. 157.

[3] А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 715 и сл.

[4] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Матер. по этногр., т. III, вып. 1, Лгр., 1926, стр. 73.

Вещами VIII—X ст., найденными на Мощинском городище, являются некоторые наконечники копий, близкие «скандинавским», обломок браслета с характерной орнаментацией и типичная лепная керамика.[1]

Древнее городище, близкое предыдущему, было исследовано Н. И. Булычевым в этом же районе на р. Перекше у с. Спас-Перекша,[2] где найдены «пальчатая» фибула «готского» типа, часть арбалетовидной фибулы с трапециевидным «хвостом» и лепная глиняная посуда. Подобными же памятниками являются Серенское городище на р. Серене, притоке Жиздры, откуда происходит обломок вещи с эмалью,[3] и находящееся на левом берегу Жиздры городище у д. Мужитино.[4]

По берегам Оки в верхнем ее течении известен целый ряд городищ середины и второй половины I тысячелетия н. э. На городище XI—XIII ст. вблизи с. Спас, около устья р. Угры, ниже основного культурного слоя был встречен более ранний слой, содержащий черную лощеную и грубую лепную посуду типов Мощинского городища, иногда украшенную отпечатками гребенчатого чекана.[5] Выше по Оке, у с. Доброго, расположено Акиньшинское городище.[6] В этом же районе на берегу Оки находится известное городище Дуна, имеющее целую свиту культурных напластований. Среди находок отметим бронзовую фибулу с эмалью IV—VII ст., диргем середины VIII ст. и перстень с овальным камнем типа салтовских могильников VIII—IX ст.[7]

Еще выше по Оке расположено Федяшевское городище, исследованное В. А. Городцовым в 1897 г.[8] Культурные наслоения этого интересного памятника охватывают время от середины до конца I тысячелетия н. э. Среди материала нижних горизонтов слоя имеется треугольная ажурная фибула. Время верхних горизонтов слоя, содержащих в большом числе железные шлаки, поделки из железа, меди и серебра, определяется по находкам арабских монет IX ст. В. А. Городцов полагал, что населением этого пункта являлись вятичи.

На р. Упе, правом притоке Оки, было исследовано городище середины I тысячелетия н. э. у с. Поречье,[1] где найдена целая коллекция предметов украшения типов Мощинского клада, а именно: медная фибула с массивной трапециевидной дужкой и ложковидной хвостовой частью, пластинчатая гривна или венчик и проволочные спиральные перстни. Найдена также бронзовая застежка с удлиненными усиками VI—VII ст.

В самых верховьях Оки известен еще целый ряд городищ, принадлежащих к середине и второй половине I тысячелетия н. э. К ним относятся памятники орловского течения Оки, обследованные в 1907 г. И. Е. Евсеевым.[2] На некоторых городищах, судя по краткому описанию, были встречены обломки черной лощеной посуды.

В 1936 г. автором этих строк были произведены обследования берегов Угры в нижнем ее течении, позволившие сделать одно чрезвычайно любопытное наблюдение. На протяжении 50 км по течению р. Угры, от с. Никола-Ленивец до устья, было обнаружено пять городищ, наслоения которых содержат грубую лепную и черную лощеную керамику. Вблизи городищ были встречены курганы, по одному, по два, по три, причем иногда они располагались на противоположном берегу р. Угры. Один курган оказался против городища у с. Никола-Ленивец. Три кургана находятся против городища у с. Покров; курган у д. Горбенки, находящийся недалеко от городища, расположенного у д. Свинухово, имеет вид конической сопки; его диаметр 10 м, высота 4.5 м. В разрушенных частях кургана найдены обломки черной лощеной глиняной посуды. Наиболее любопытное сочетание городища с курганом встречено на левом берегу р. Угры, против д. Миленка. Курганная насыпь оказалась там в пределах городища. Она была кем-то раскопана; в осыпях стенок траншеи найдены обломки архаической лепной и лощеной керамики и пережженных косточек.

Обследования 1935 г. лишний раз подтвердили выводы о наличии территориальной связи городищ мощинского типа и курганов с трупосожжением, которые можно было сделать еще на основании работ Н. И. Булычева. Связанные с городищами древние курганы вятичей никогда не составляют обширных групп. Подобно новгородским сопкам они располагаются по берегам рек по два, три, четыре. Обычно это не особенно высокие расплывчатые насыпи, диаметром до 10—12 м.

Первые значительные раскопки древних вятичских курганов были произведены Н. И. Булычевым в бассейне р. Угры, недалеко от

---

[1] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 15 и сл.

[2] Там же, стр. 23 и сл.

[3] Там же, стр. 39 и сл.

[4] Н. И. Булычев. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903, стр. 70 и сл.

[5] Раскопки автора 1935 г.

[6] Раскопки Ю. Г. Гендуне. Архив ИИМК, дело 15 за 1903 г.

[7] Ю. Г. Гендуне. Городище Дуна. 1903. — Н. В. Теплов. Городище Дуна близ г. Лихвина. Изв. Калужск. архивн. ком., 1899, вып. 1.

[8] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Беляевском и Рязанском уездах в 1897 г. Археол. изв. и зам., 1898, № 7—8.

[1] Н. И. Троицкий. Городище при с. Поречье. Археол. изв. и зам., 1898, стр. 297 и сл.

[2] И. Е. Евсеев. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (орловского) течения Оки. Тр. Моск. предварит. комитета по устройству XIV Археол. съезда, вып. II, М., 1908, стр. 29 и сл.

Мощинского и Перекшинского городищ вблизи дд. Шанькoво и Почепок.

Около д. Шанькoво, на правом берегу р. Попалты, находилось три кургана, на левом берегу около д. Почепок — два кургана. И те и другие представляли собой довольно расплывчатые насыпи, диаметром от 12 до 15 м. В центре каждой насыпи было встречено компактное скопление золы, угля и пережженных человеческих костей, среди которых были обнаружены бронзовые украшения, железные изделия, прясла от веретен и глиняные сосуды. Число сосудов в одном кургане достигало 8—9 шт., причем среди них были представлены оба типа керамики Мощинского городища: грубая лепная и более тонкая с черной лощеной поверхностью. Среди украшений преобладали фибулы с массивной трапециевидной дужкой и округлой хвостовой частью (рис. 20). Два экземпляра таких фибул имеются в Мощинском кладе. Кроме фибул встречены маленькие бронзовые колечки; среди железных изделий имеются обломок пряжки и нож с горбатой спинкой.[1]

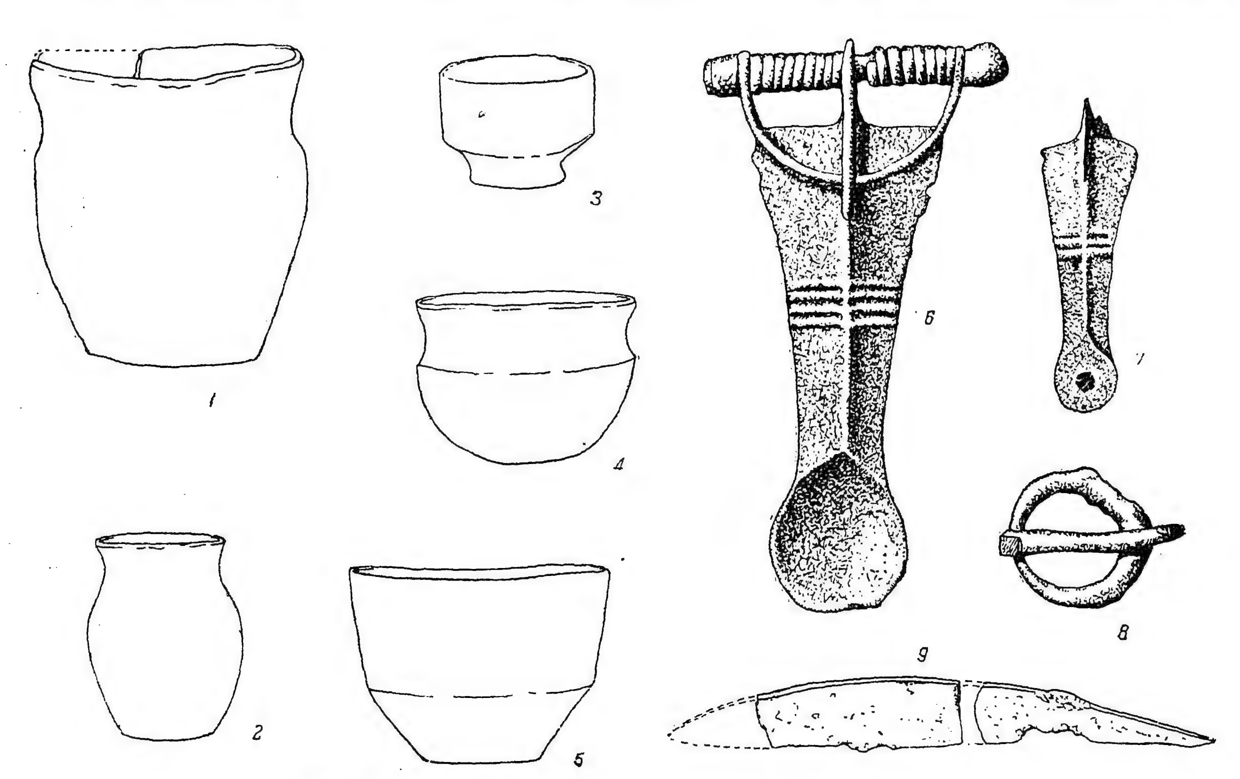


Рис. 20. Вещи из древних курганов верхнего течения Оки.

Судя по числу глиняных сосудов и количеству украшений, можно предполагать, что под каждой курганной насыпью находились остатки трупосожжения нескольких умерших. Компактное их расположение (Н. И. Булычев пишет, что зола, кости и вещи составляли в кургане прослойку площадью около 1.5 кв. м, овально прямоугольную в плане) заставляет предполагать, что остатки трупосожжений помещались в кургане не в землю, а в какое-то сооружение, повидимому деревянный ящик или сруб, какие известны в более поздних курганах этого же и смежных районов. Здесь имеются в виду Воронецкие курганы, исследованные В. А. Городцовым,[1] речь о которых будет итти ниже, а особенно уже упомянутые Боршевские курганы в верховьях Дона, исследованные П. П. Ефименко.[2] В этих курганах, благодаря тому, что они были сложены из земли, переполненной меловой щебенкой, деревянные ящики сохранились очень хорошо. С курганами у дд. Шанькoво и Почепок эти курганы сближаются еще и по деревянной ограде вокруг основания насыпей, которая в Боршевских курганах сохранилась на высоту 0.30—0.40 м. В курганах у дд. Шанькoво и Почепок ограды не сохранилось, но о том, что она была, говорит кольцевая канавка в материке, в которой были укреплены столбы ограды. Боршевские курганы относятся к IX—X ст. н. э. Их принадлежность к кругу древнерусских славянских памятников не вызывает никаких сомнений; подобные им курганы известны еще в ряде мест в Воронежской и Курской обл. Воронецкие курганы относятся, повидимому, к несколько более ран-

[1] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 5 и сл.

[1] В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 г. Древности, XVII, 1900, стр. 14—20.

[2] П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону. Сообщ. ГАИМК, № 2, 1931.

нему времени — к VIII—IX ст. Таким образом здесь, в земле древних вятичей, наблюдается единообразие обряда погребения в течение полутысячелетия, с середины и до самого конца I тысячелетия н. э. На рис. 21 помещены черновые чертежи Н. И. Булычева, воспроизводящие курганы у дд. Шанько и Почепок. Здесь ясно видно, как располагались остатки трупосожжений и вещи, а также, что представляла собой кольцевая канавка.[1]

Деревянные срубы в курганах очень напоминают жилище вятичей, вплоть до XI—XII ст. сохраняющее форму землянки со срубом внутри. Северные славянские племена, судя по раскопкам в Верхнем Поволжье или по материалам городища Старой Ладоги, имели иной тип жилища, а именно рубленый из бревен наземный дом.

Курганы с сожжением, близкие описанным выше, были исследованы Н. И. Булычевым еще в некоторых пунктах в верховьях р. Оки. Около д. Дубровки на р. Попалте, притоке р. Рясы, был раскопан древний курган с сожжением, давший характерную посуду с черной лощеной поверхностью и кости медведя. Курган был испорчен позднейшими (?) погребениями, переполнявшими его насыпи.[2] У с. Доброго на Оке, вблизи устья р. Жиздры, курганы содержали грубую глиняную посуду, пережженные кости в большом количестве и большие куски обугленного дерева. Все это точно так же, как и в курганах у дд. Шаньково и Почепок, составляло компактные скопления — «костры», как пишет Н. И. Булычев, овальные в плане, с наибольшим диаметром 2—3 арш.[3] Толщина слоя «кострища», переполненного пережженными человеческими костями, составляла не что иное, как остатки погребальных ящиков. Курганы у с. Доброго относятся, повидимому, к более позднему времени, чем курганы у дд. Шаньково и Почепок, о чем говорят грубая глиняная посуда и значительные размеры курганной группы.

Упомянутые выше Воронецкие курганы (третья группа) содержали каждый по нескольку трупосожжений, причем в трех из них (из пяти) на горизонте были обнаружены остатки деревянных ящиков, размером от 0.70 × 0.70 м до 1.50 × 2 м, с входом, примыкающим к западной поле насыпей. В ящиках встречены пережженные кости, расположенные отдельными кучками, грубая глиняная посуда и некоторые другие вещи. В. А. Городцов считает возможным синхронизировать эти курганы с верхним культурным слоем соседнего Федяшевского городища, т. е. со слоем VIII—IX—X ст.

Деревянные ящики в курганах верхнего течения Оки были встречены еще в ряде пунктов. Около Лихвина, в нижнем течении р. Черепеть, был раскопан курган, в юго-западной поле которого встречены остатки сруба высотой до 0.50 м. В срубе толстым слоем лежали жженые кости, зубы и пепел.[1] На урочище «Игрище» близ с. Лебедки в районе Орла П. С. Ткачевским исследован целый ряд курганов с глиняными сосудами, содержащими пережженные кости и сгруппированными вместе под одной из частей насыпи, где несомненно был сруб.[2] В этом же пункте раскопки курганов со многими сожжениями в остатках ящиков (?) производил К. Я. Виноградов.[3]

Один курган, исследованный Е. В. Лавровой на правом берегу р. Оки, около устья р. Зуши, содержал четыре кучки пережженных костей, лежащих под кладкой из известняковых плит.[4]

Курганы с деревянными ящиками, подобно сопкам и длинным курганам служившие коллективными погребальными сооружениями, обрисовывают границы племени вятичей во второй половине I тысячелетия н. э. (см. рис. 12). Это и есть те «столпы», стоящие у дорог, о которых говорит «Повесть временных лет». Вследствие того что характер курганов устанавливается лишь в результате раскопок, тогда как сопки и длинные курганы определяются по внешнему виду, число учтенных верхнеокских курганов сравнительно невелико. Обрисованные ими границы племени вятичей несомненно подвергнутся в дальнейшем некоторым уточнениям. В частности лишь тогда сможет быть окончательно решен вопрос о племенной принадлежности населения верхнего течения Дона, известного по Борщевскому городищу и курганам и по ряду других славянских памятников Воронежской области, относящихся к VIII—X ст.[5]

Здесь славяне граничили с гунно-болгарскими племенами, памятники которых — многочисленные городища и могильники так называемой салтово-маяцкой культуры — расположены на Дону ниже устья Тихой Сосны и в верховьях Оскола. Соображения А. А. Шахматова относительно встречи Святослава Игоревича с вятичами в верховьях Дона[6] представляются очень вероятными. Следует указать, что керамика Борщевского и других славянских городищ Воронежской области очень походит на посуду верхнеокских городищ, как правило, мало орнаментированную. Керамика деснинских, иначе роменских городищ, наоборот, отличается богатством и разнообразием орнаментации.[7]

---

[1] Архив ИИМК, дело № 23/1886 г.

[2] Н. И. Булычев, Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 11 и сл.

[3] Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам р. Оки. М., 1899, стр. 7 и сл.

[1] Архив ИИМК, дело № 15/1903 г.

[2] Архив А. А. Спицына.

[3] Архив А. А. Спицына.

[4] Е. В. Лаврова. О раскопках курганов в Белевском у. Вестн. археол. и ист., вып. VII, 1888, стр. 213.

[5] П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону. Сообщ. ГАИМК, № 2, 1931.

[6] А. А. Шахматов. Южные поселения вятичей. Изв. Акад. Наук, 1907, стр. 715 и сл.

[7] Н. Е. Макаренко. Орнаментация керамічних виробыв в культурі городищ роменського типу. Niederluv sbornik, Прага, 1925, стр. 323—338.

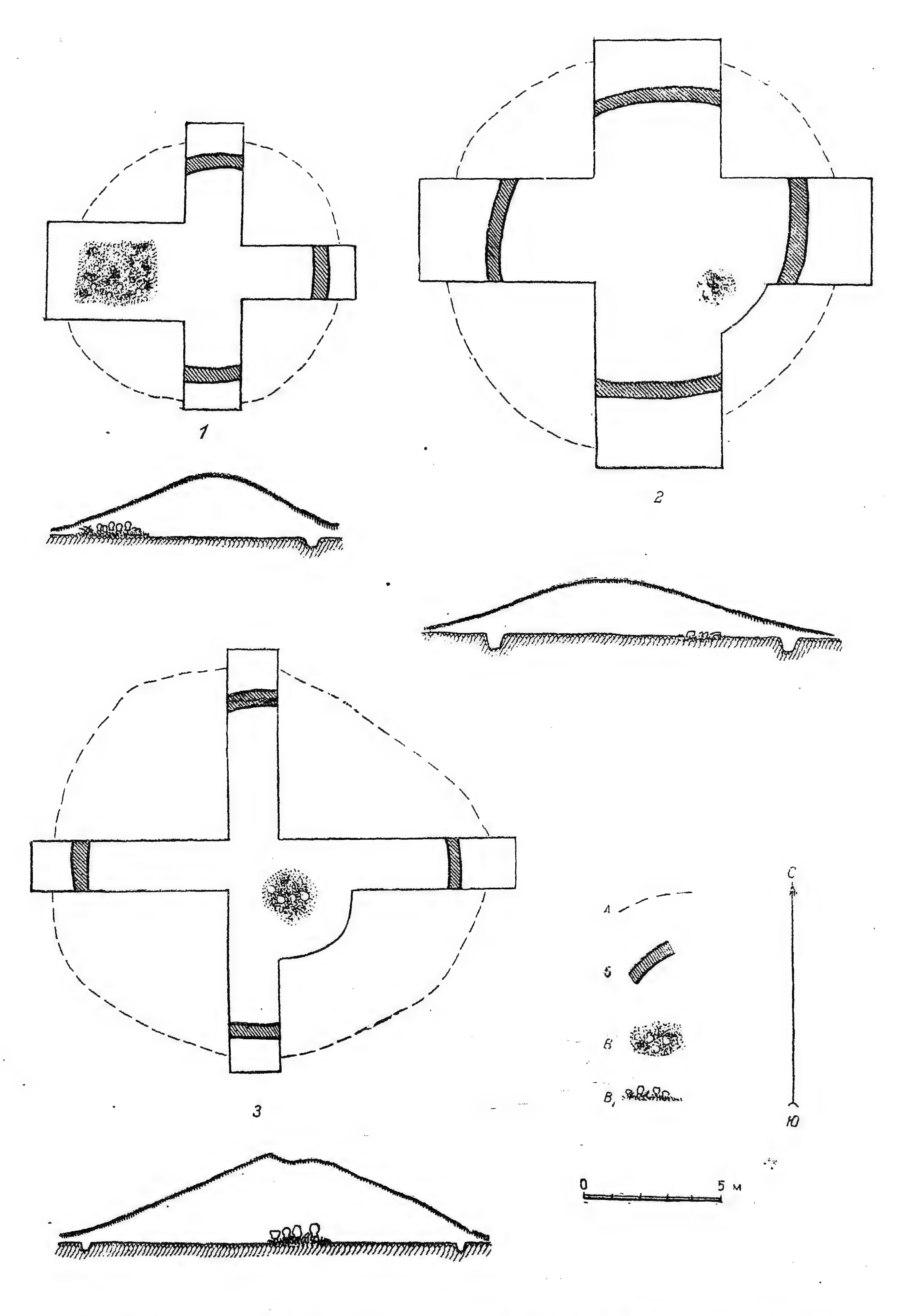


Рис. 21. Чертежи Н. И. Булычева, воспроизводящие курганы у дд. Шаньково и Почепок.

1 — курган № 4 у д. Почепок; *2* — курган № 2 у д. Шаньково; *3* — курган № 1 у д. Шаньково; *А* — граница кургана; *Б* — кольцевая канавка 0.40—0.50 м глуб. и 0.25—0.30 м шир.; *В*, B_1 — скопления угля, жженых костей и вещей.

В отличие от городищ бассейна Оки, имеющих древнекультурные наслоения, воронежские городища таких наслоений не имеют. Повидимому, воронежское Подонье было занято славянами не раньше VII—VIII ст., т. е. в ту же эпоху, когда совершалось движение северных славянских племен к югу в бассейне Днепра.

Этническую карту восточного славянства второй половины I тысячелетия н. э. можно было бы продолжить в настоящее время лишь в одном направлении — в область днепровского Левобережья, занятую, судя по летописи, северянами. «А друзии седоша по Десне, и по Семи и по Суле и перекошася Север».

В области названных рек, а также по Пслу и Ворскле, имеются многочисленные городища так называемого роменского типа и сопровождающие их курганные могильники, уже несколько знакомые нам по предыдущей главе (стр. 32). Лучше всего роменские памятники известны по работам Н. Е. Макаренко в бассейне Сулы в окрестностях г. Ромен.[1] Обследования С. А. Гатцука в районе Мглина,[2] работы последних лет, произведенные В. П. Левенком в Трубчевском районе,[3] обследования Л. Н. Соловьева около Курска,[4] раскопки известного Гочевского городища,[5] наконец работы в верхнем течении Ворсклы,[6] все это позволяет более или менее точно наметить северную и восточную границы северянских поселений. Границы проходили на севере по верховьям Десны; на востоке сначала по водоразделу Десны и Оки, а затем по верховьям Сейма, Псла и Ворсклы. Западная граница роменских городищ остается пока что неизвестной; трудно установить даже, насколько близко подходила она к левому берегу Днепра. Во всяком случае некоторые древние селища в пределах Киева, в частности так называемая «Киселевка», дали материал уже не роменского, а несколько иного характера. Что же касается южной границы, то она в течение VIII—X ст. не была постоянной, все более и более перемещаясь к югу, достигнув в конце концов бассейна Донца, о чем говорит известное Донецкое городище около Харькова, нижний слой которого относится к X ст.

Судя по материалам роменских городищ, культура северянских племен, сложившаяся на Десне, близко напоминала культуру вятичей, отличаясь от нее лишь в деталях.

Таким образом группа северянских памятников только лишь начала вырисовываться. Огромный пробел в нашем материале — отсутствие сколько-нибудь систематических данных о славянских памятниках VI—IX ст. в области Среднего Поднепровья и Правобережья — не дает пока что возможности очертить северянскую область столь же уверенными штрихами, как обрисованные выше территории северных восточно-славянских племен. Дальнейшие археологические исследования несомненно позволят четко ограничить не только северянскую землю, но и области всех других славянских племен второй половины I тысячелетия н. э. Изучение истории и культуры этих племен позволит, в свою очередь, совершенно конкретно ставить вопросы их этногенеза.

Истоки славянской истории, как будто бы окончательно потерявшие свои следы среди множества неразрешенных и якобы до конца неразрешимых вопросов, с помощью археологических данных — этих наиболее осязаемых и конкретных следов древней жизни — несомненно получат исчерпывающее освещение.

P. TRETJAKOV

LES TRIBUS NORD DES SLAVES ORIENTAUX

(Résumé)

Au début de notre ère, la population de l'Europe orientale était extrêmement hétérogène. Les tribus des régions sud, liées dès les temps les plus reculés à la civilisation antique méditerranéenne, se répartissaient en deux grands groupes: le premier comprenait la population nomade des steppes—tribus scytho-alaniennes et sarmates; le second — la population de la région du Dniepr moyen, qui s'occupait depuis longtemps d'agriculture. Cette dernière a laissé de vastes cimetières, connus sous le nom de „champs de sépulture", et des restes d'habitations les accompagnant.

L'étude de la culture de la population des „champs de sépulture" amène à la conclusion qu'elle se trouve en relation génétique avec celle des tribus agricoles plus anciennes du Dniepr moyen, les Scythes agriculteurs. Elle est en même temps très proche de celle de la population du nord de la région Subcarpathique, du bassin des affluents supérieurs droits du Danube et de la haute Vistule, qui remonte à la culture lusacienne de l'époque du bronze et du commencement de l'époque du fer. Au début de notre ère, il s'est formé sur la base ethnique hétérogène, qu'offraient les vastes étendues de l'Europe centrale, un massif de tribus relativement homogène, que beaucoup d'auteurs considèrent à bon droit

---

[1] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911.

[2] Архив ИИМК, дело № 55, 1906 г. и дело № 41, 1907 г.

[3] Материалы Трубчевского музея.

[4] Л. Н. Соловьев. Стоянки и городища окрестностей г. Курска. Изв. Курского губ. общ. краевед., № 4, 1927.

[5] Раскопки Б. А. Рыбакова 1937—1938 гг.

[6] Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, I, 1939, стр. 22.

comme composé de tribus slaves ou de leurs ancêtres immédiats.

La région forestière de l'Europe orientale située au nord et au nord-est du territoire des „champs de sépulture“ était habitée alors par un grand nombre de tribus barbares, qui constituaient des groupes locaux généralement confinés dans des bassins de rivières ou d'autres régions délimitées par des frontières naturelles. L'étude méthodique des anciens gorodistchés de la zone forestière, qui caractérisent ces groupes locaux, a été inaugurée par les travaux de A. Spicyn (1903—1905) consacrés aux „gorodistchés du type de Diakovo“. Les recherches ultérieures ont établi définitivement l'âge des gorodistchés et ont permis de différencier territorialement ces monuments et de tracer l'étape du processus historique qu'ils réflètent. Les plus anciens d'entre eux datent du milieu ou même du début du premier millénaire avant notre ère, étant apparus à la limite de l'époque du bronze et du fer ancien, alors que s'affermissait le régime patriarcal.

Au commencement de notre ère, la population de la zone forestière du bassin du haut Dniepr comprenait trois groupes locaux: ceux du Pripiat, de la Desna et du haut Dniepr. Leur culture, tout en présentant des différences essentielles dans les détails, rappelait de près dans l'ensemble celle des tribus du Dniepr moyen à l'époque scythique, ainsi que les éléments locaux de la culture des „champs de sépulture“ synchroniques. Il est intéressant de noter, en particulier, que les gorodistchés de la région du haut Dniepr étaient accompagnés de monuments funéraires sous forme de „champs de sépulture“ d'un type fort original, aux dimensions très restreintes, renfermant exclusivement des incinérations.

Au nord-ouest du haut Dniepr, sur le cours supérieur de la Bérésina et le cours moyen de la Dvina, s'étend la région d'un quatrième groupe local de gorodistchés, dont la céramique est ornée de hachures et présente d'autres traits caractéristiques.

Dans la région de la haute Volga, où se trouvent les gorodistchés du type de Diakovo les plus connus à céramique dite réticulée ou „textile“, on peut distinguer quatre groupes locaux: ceux de l'Oka supérieure et de la haute Volga, le groupe problématique du Valdaï et le groupe Volga—Oka, qu'il faudra peut-être diviser dans la suite en deux groupes indépendants.

Enfin, en aval de l'embouchure de l'Oka, dans la partie ouest de la région volgienne, on rencontre encore un groupe local de gorodistchés, que V. Gorodcov a nommés gorodistchés „de type urbain“ et dits également gorodistchés à „céramique à nattes“. Il est hors de doute qu'une étude plus approfondie permettra de le subdiviser en plusieurs groupes autonomes.

Tels sont les contours des régions ethniques du centre de l'Europe orientale au début de notre ère. Leur population n'était pas homogène, elle ne représentait pas une masse amorphe de tribus lithuaniennes ou finno-ougriennes, comme le pensent certains savants. Les groupes de tribus, différents par leur culture, ne se dissociaient pas alors en massifs ethniques nettement délimités, comme cela eut lieu à l'époque suivante, lorsque se constituèrent les tribus est-finnoises, slaves et baltiques. Au contraire, la culture des groupes de tribus contigus offrait toujours des traits communs. En d'autres termes, la carte ethnique ci-dessus esquissée reflète une étape du processus ethnogonique semblable à celle qu'on pouvait constater dans beaucoup de pays extra-européens à population entrée tout récemment encore dans la période de la barbarie.

Les monuments archéologiques des III-Ve siècles de notre ère reflètent le processus d'un développement ethnogonique autochtone complexe qui a eu pour résultat 1) la consolidation des tribus voisines et la constitution de massifs ethniques importants — slave, est-finnois et baltique et 2) l'individualisation culturelle de ces massifs en voie de formation. Les tribus nord des Slaves orientaux se forment principalement à partir des groupes du Pripiat, de la Desna et du haut Dniepr, celles de la région volgienne ouest (tribus des Mordviens, des Mouromiens et des Méria) — du groupe volgien ouest.

Les causes des phénomènes décrits ci-dessus, dont le résultat fut la formation au milieu du premier millénaire de notre ère de la carte ethnique contemporaine, sont encore loin d'être élucidées. Ce qui est certain, c'est que ces phénomènes étaient consécutifs à de profonds changements survenus dans la vie des tribus de la zone forestière lorsqu'elles passèrent à l'étape supérieure de la barbarie. Les conditions historiques concrètes ont joué ici incontestablement un rôle très important, orientant dans un sens déterminé les rapports économiques et culturels croissants. Ceux des tribus du Dniepr moyen, en particulier, qui après le IIIe siècle de notre ère furent séparées de la région de la mer Noire par la „grande migration des peuples“ (comme l'atteste la cessation de l'apport des monnaies et objets romains dans la région du Dniepr moyen), reçurent à cette époque une direction principalement nord. Chez les tribus du haut Dniepr et du cours supérieur de l'Oka et de la Volga commencèrent à se répandre les objets émaillés et autres provenant de la région du Dniepr moyen, ainsi qu'en quantité restreinte de la céramique à surface polie noire de même provenance.

Des différences culturelles considérables entre les tribus du Dniepr moyen et les tribus nord des Slaves orientaux continuèrent à se faire sentir durant plusieurs siècles encore en dépit des rapports économiques susindiqués. Elles ne disparurent qu'aux VI—VIIIe siècles, apparemment à la suite de l'entraînement des Slaves eux aussi dans la „grande migration des peuples“ — envahissement de l'empire romain par les tribus barbares. Les évènements des VI—VIIe siècles — guerres slavo-byzantines et établissement des Slaves

dans la péninsule des Balkans — jouèrent un rôle immense dans l'histoire non seulement des Slaves méridionaux. Ils ont profondément bouleversé la masse slave toute entière, se répercutant jusqu'à l'extrême nord de son habitat et provoquant d'importants déplacements des tribus slaves. Le parallèle que Fr. Engels établit entre les mouvements des tribus germaniques et slaves au premier millénaire de notre ère apparaît tout à fait indiscutable.

La culture propre aux „champs de sépulture" dans la région de la rive gauche du Dniepr disparaît, en tant que phénomène largement répandu, aux V—VIe siècles. Elle est remplacée par des monuments slaves — gorodistchés du type dit „de Romny" et des tumulus à incinération, qui révèlent un genre de vie incomparablement plus primitif et un degré plus arriéré de développement social. La culture „de Romny" se rattache génétiquement non à celle des „champs de sépulture", mais à la culture des tribus du bassin de la Desna, d'où sont venus incontestablement ses porteurs. Pareille superposition d'une culture plus primitive d'origine septentrionale à la culture relativement plus haute de l'époque des Antes ou leur mélange se laissent constater dans les matériaux d'anciens sélistchés et gorodistchés connus sur le territoire de Kiev ainsi que dans la région de la rive droite du Dniepr. Ce phénomène ne s'observe pas, semble-t-il, dans les régions plus méridionales, ce qui permet de dire qu'il y a eu non migration en masse, mais seulement déplacement important des tribus nord vers le sud.

Les monuments archéologiques de la seconde moitié du premier millénaire de notre ère dans la partie nord de l'Europe orientale fournissent des points de départ nets pour l'établissement de la carte ethnographique des VI—Xe siècles. Cette carte répond pleinement à la géographie de la chronique russe „Povesti vremiannykh let". Si l'on considère les monuments funéraires de ce temps, on voit que ceux du nord (région du lac Ilmen, des rivières Chélone, Lovat, Msta et de la Mologa supérieure), c'est-à-dire des Slovènes de Novgorod, présentent l'aspect de hauts tumulus à incinération, connus sous le nom de „sopki" (buttes). Les sopki les plus anciennes se rapportent aux VI—VIIe siècles, les plus récentes — aux IX—Xe siècles. A cette époque, elles sont remplacées graduellement par des tumulus ordinaires à incinération. Sur le cours supérieur du Dniepr, de la Dvina et de la Volga, ainsi que sur la rivière Vélikaïa et près du lac Čudskoïé (habitat de la tribu slave des Kriviči) se rencontraient alors des constructions funéraires d'un autre type, également à incinération, dites „tumulus longs". Sur le cours supérieur de l'Oka et du Don (habitat des Viatiči), les monuments funéraires des VI—Xe siècles étaient des tumulus avec chambres intérieures en bois. A l'est et au nord-est de la région occupée par les tribus nord des Slaves orientaux habitaient les tribus est-finnoises, qui nous sont connues par les cimetières dits „à tombes plates". Enfin l'habitat des tribus baltiques — Letto-Lithuaniens, Livoniens et Esthoniens — est caractérisé par des monuments d'un type particulier.

Я. В. СТАНКЕВИЧ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ЯРОСЛАВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В IX—X СТ.

I

Древнейшая история Ростово-Суздальской земли — одного из важнейших центров русского Средневековья — имеет огромное значение при разрешении вопросов этногонии русского народа. Судя по «Повести временных лет», населением этого края до IX—X ст. являлись мерянские племена, родственные, повидимому, восточно-финским племенам Поволжья. Спустя одно-два столетия древняя Ростово-Суздальская земля предстает перед читателем летописи как область русская или славянская, со славянскими городами и якобы сплошным славянским населением. О древней мери летопись упоминает последний раз под 907 г. Какова дальнейшая ее судьба, каким образом и откуда появилось здесь славянское население — на эти вопросы летопись не дает никакого определенного ответа. И лишь загадочные «мерские станы», упоминаемые в документах XVII—XVIII ст., и некоторые другие менее определенные следы мерянского населения говорят о том, что оно, повидимому, не исчезло бесследно к XI ст., а сохранялось еще в течение долгого времени (может быть в течение нескольких столетий, постепенно войдя в состав русского народа). Интересно, что в «Житии Леонтия» епископа Ростовского (70-е годы XI в.) особо подчеркивается, что Леонтий «руский же и мерьский язык добре умеяше».[1] Очевидно «мерьский» язык в XI ст. имел еще широкое распространение в Ростово-Суздальской земле.

Этнический состав населения Ростово-Суздальской земли, судьба древней мери, пути и время славянской колонизации — все эти вопросы уже давно привлекали к себе внимание исследователей. Ими интересовались Д. Европеус, В. Самарянов, Д. Корсаков, Е. В. Барсов, А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, Ю. В. Готье и многие другие. Из археологов эти вопросы пытались разрешить А. С. Уваров, И. А. Тихомиров, А. А. Спицын и T. J. Arne, причем их исследования нередко выгодно отличались от трудов историков и филологов большей конкретностью и определенностью.

Не ставя перед собой задачи изложить все имеющиеся в литературе мнения об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—XI ст., остановимся лишь на некоторых из них, наиболее популярных в настоящее время.

Появление сплошного славяно-русского населения в области древней мерянской земли рассматривается обычно как результат славянской колонизации. Современные северно-великорусские говоры Ярославского Поволжья, далеко не вполне однородные в различных районах, по мнению лингвистов, свидетельствуют о колонизации этого края северными славянскими племенами, обитавшими в Смоленской и Новгородской земле. Этому выводу не противоречат многочисленные сообщения русской летописи и других письменных данных, рисующие тесные связи Ростово-Суздальской области XI—XII ст. с землей Смоленской и Новгородской. Наконец, о тех же путях колонизации как будто бы говорят и археологические памятники — курганные могильники XI—XII ст., что было убедительно показано еще А. А. Спицыным в его работе «Владимирские курганы».[1]

Вопрос об этническом составе Ярославского Поволжья, точнее вопрос генезиса в этом крае славяно-русского населения, сказанным далеко не исчерпывался. Колонизационное движение XI—XII ст., связанное с ростом политической и экономической значимости Залесских земель в системе Древней Руси представляло собой явление уже вторичного порядка. Требуется установить, что представляло собой более древнее население этого края, когда и в связи с чем началось первое славянское движение и каков был его характер? Попытка разрешить эти сложные вопросы вызвала значительные разногласия в среде исследователей, далеко не изжитые и до настоящего времени.

Если исключить стоящее одиноко мнение А. И. Соболевского, полагавшего, что Верхнее Поволжье было заселено первоначально вяти-

---

[1] Житие Леонтия. Чтения Общества истории и древностей российских, 1893, кн. IV, стр. II. Этот факт указан мне Н. Н. Ворониным, за что и приношу ему благодарность.

[1] Известия Археологической комиссии (ИАК), вып. 15, 1905.

чами, а лишь затем новгородцами,[1] соображения Н. И. Костомарова, в работах которого летописная меря рассматривалась как явление географическое, а не этническое,[2] мнение Д. Щеглова, полагавшего, что меря это русь,[3] или, наконец, мнение Д. Ходаковского, который считал мерю и весь славянскими племенами,[4] то нам придется иметь дело с двумя основными взглядами, связанными с двумя концепциями начал русской истории — норманской и антинорманской. Основным материалом для решения указанных вопросов являлись археологические данные — материалы курганных могильников IX—X ст.

Большое значение норманскому элементу в ростовских и переславских курганах придавал еще А. С. Уваров, выделявший ряд погребений IX—X ст. в качестве варяжских.[5] Как известно, основную массу курганов А. С. Уваров считал мерянской, допуская при этом «быстрое обрусение мерян... начавшееся почти в доисторические для нас времена».

Многие исследователи связывали славянскую колонизацию Ярославского Поволжья с существованием здесь в IX—X ст. скандинавской колонии. В наиболее развернутом виде эти взгляды даны в работах шведского археолога T. J. Arne, полагавшего, что Волжский торговый путь был открыт шведами, за которыми потянулись в Поволжье и славяне.[6] Соглашаясь с мнением А. А. Спицына о колонизации Поволжья смоленскими кривичами, он использует его точку зрения для обоснования своей теории, изложенной в работе «La Suède et l'Orient». «Я рассматриваю, — пишет Arne, — последнее мнение А. А. Спицына как наиболее вероятное, но поскольку в Смоленской губ. было оседлое шведское население, я предполагаю, что наличие шведских предметов во Владимирской губ. (и прилегающих районах) является результатом не только торговли, но и переселения сюда шведских колонистов из Смоленска».[7] На основе материалов Михайловского могильника, расположенного около Ярославля, он приходит к выводу, что близ территории последнего «...существовала шведская колония, мирно жившая рядом с местным населением, среди которого шведы являлись высшим господствующим слоем и с которым они постепенно слились».[8]

Финский археолог E. Kivikoski в своей работе «Studien zu Birkas Handel im östlichen Ostseegebiet», давая карту распространения «варяжских гарнизонов» в России, указывает их и в районе древней мерянской земли. Первоначальной задачей этих гарнизонов, по ее мнению, была охрана торговых путей и посредничество в торговле варягов.[1] В старой русской археологической литературе подобные взгляды высказывали И. А. Тихомиров и О. Э. Берендс.

И. А. Тихомиров, рассматривая вопрос о народности, оставившей ярославские курганные могильники, считал наиболее древние курганы норманскими. В качестве основания для этих выводов он приводит якобы «норманский» обряд погребения и шведские украшения, принесенные «скандинавами для скандинавов». По мнению И. А. Тихомирова, Ярославская область была прочно заселена славянами лишь к концу X или середине XI в., в то же время начало расселения славян среди мери он относит к IV в. н. э. на основании указаний Иордана (!) — предположение явно фантастическое, не имеющее никаких оснований.[2]

Если не считать ничем не обоснованного мнения И. А. Тихомирова о «норманском обряде погребения» ярославских курганов IX—X ст., то единственным основанием с точки зрения норманистов являлись скандинавские вещи, далеко нередко встречаемые в этих курганах. Однако в работах T. J. Arne и других археологов эти вещи берутся изолированно, вне связи со всем комплексом находок. Этот факт правильно подчеркивал в свое время В. И. Равдоникас.[3] Не случайно, например, T. J. Arne обходит молчанием вопрос о встреченных в ярославских курганах магических изображениях медвежьих лап и т. д.

Представителем другой точки зрения являлся А. А. Спицын. В более ранней своей работе он отмечает, что для Муромо-Ростовской области характерно смешанное русское население, так как в разное время сюда открывался доступ различным племенам: новгородцам, кривичам, вятичам и т. п.[4] В более поздней работе он придерживался мнения, что «в X в. Ростовская область была заселена значительными массами смоленских кривичей, занимавших не только Ростов, но также Ярославль, Суздаль, Юрьев и Переяславль, причем колонизация Ростовского края русскими началась в IX в., по-видимому, из земли смоленских кривичей».[5] Мерянский элемент в ярославских курганах, по мнению А. А. Спицына, является очень не-

[1] А. И. Соболевский. Откуда шла русская колонизация в Ростово-Суздальскую область. Тр. Ярославского обл. ист.-археол. съезда, т. I, стр. 101 и сл.

[2] Историческая монография, I, стр. 369.

[3] Д. Щеглов. Первые страницы русской истории. ЖМНП, 1876 г., май, стр. 53 и сл.

[4] Русский исторический сборник, т. I, стр. 23; т. VII, стр. 88—89.

[5] А. С. Уваров. Меряне и их быт. Тр. I Археол. съезда, т. II, 1869 г., стр. 646, 649.

[6] T. J. Arne. La Suède et l'Orient. Récapitulation. Upsala, 1914, стр. 222.

[7] Ibid., стр. 37.

[8] T. J. Arne. Ett svenskt grawjält i guvernementet Jaroslav Ryssland. Fornvännen, 1918, стр. 47.

[1] Acta Archaeologica, vol. VIII, fasc. 3, стр. 230.

[2] И. А. Тихомиров. Кто насыпал Ярославские курганы. Тр. II Обл. археол. съезда, 1903, стр. 244 и сл.

[3] W. Y. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stolkholm, 1930, S. 128.

[4] А. А. Спицын. Расселение древне-русских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, VIII, стр. 335.

[5] А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, стр. 163 и сл.

значительным. Он полагал, что древняя меря отступила перед натиском славянской колонизации на восток, а не обрусела, как думал А. С. Уваров. Скандинавские вещи в славянских курганах А. А. Спицын считал следствием разросшихся в X ст. торговых отношений, точно так же, как вещи восточные, происходящие из степной полосы Европейской части СССР. Позднее подобные же взгляды относительно скандинавских вещей высказывали В. И. Равдоникас,[1] А. В. Арциховский[2] и др.

В своих выводах относительно этнической принадлежности ярославских курганов IX—X ст. все перечисленные выше исследователи и многие другие, здесь не упомянутые, должны были основываться почти исключительно на материалах из раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева, огромных по объему, но собранных совершенно неудовлетворительно, так что «из 7000 ни одно погребение не может быть восстановлено в своем содержании и стать предметом обсуждения с этнической стороны».[3] Такое качество материала вполне допускало самые различные его толкования. Поставленные выше вопросы оставались, таким образом, далеко не разрешенными.

II

После раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева «Суздальская область была столь основательно очищена от курганов, что А. И. Кельсиев в 1878 г. тщетно искал в Ростовском у. нетронутых насыпей».[4] Полностью были раскопаны курганы в пределах Переславского района, где только за последние годы был около с. Киучер найден один ускользнувший от уваровских раскопок курганный могильник.[5] Менее пострадали от раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева курганы Ивановской области — окраины древней мерянской земли. Вовсе не пострадали курганы Ярославского Поволжья, очень близкие по своему характеру и находкам ростовским и переславским. Они являются поэтому одним из важнейших источников изучения мерянской земли IX—X ст.

Во второй половине прошлого столетия начинает исследоваться огромный курганный могильник, расположенный в 7 км к ЮЗ от Ярославля у д. Большое Тимерево. Первое упоминание об этом памятнике относится еще к 1868 г.[6] И. А. Тихомиров указывает, что Тимеревский могильник раскапывался до пяти

[1] W. Y. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. 1930, S. 139.

[2] А. Арциховский. Русская дружина по археологическим данным. Историк-марксист, 1939, № 1, стр. 193.

[3] А. А. Спицын. Владимирские курганы, стр. 166.

[4] А. А. Спицын, ук. соч., стр. 88.

[5] Раскопки произведены К. И. Ивановым. Материал хранится в Переславском музее Ярославской области.

[6] Труды Ярославского губернского статистического комитета 1868 г., вып. V, стр. 93.

раз, однако далеко не о всех раскопках имеются какие-либо сведения.

В архивных материалах отмечается, что могильник два-три раза подвергался раскопкам под руководством А. В. Скульского. В 1878 г. А. И. Кельсиевым, по поручению комитета Антропологической выставки, были произведены раскопки ряда курганных могильников в Ярославской и Калининской областях, в числе которых был и Тимеревский могильник. Здесь было вскрыто 34 кургана, в 10 из них были встречены сожжения, в 9 трупоположение, остальные раскопанные насыпи оказались якобы пустыми. За исключением суммарного отчета А. И. Кельсиева[1] никаких данных об этих раскопках не имеется. А. И. Кельсиев датировал Тимеревский могильник концом X и XI вв., не выделяя его из ряда более поздних исследованных им памятников.

В 1887 г. на могильнике производят раскопки члены VII Археологического съезда в Ярославле, однако результаты этих раскопок нигде подробно не описаны, а материал в значительной части утрачен.[2]

В 1900 г. на Тимеревском могильнике производил раскопки И. А. Тихомиров, им было вскрыто траншеями 14 насыпей, преимущественно с северо-западного края могильника.[3] В курганах были представлены сожжения и одно трупоположение. И. А. Тихомиров в своем отчете отмечает, что несмотря на присутствие в отдельных сожжениях скандинавских фибул и тому подобных предметов, курганы отличаются бедностью инвентаря.[4]

Кроме того, И. А. Тихомиров обследовал две другие курганные группы: 1) у д. Малое Тимерево, к ЮВ от нее в ореховой рощице, состоящую из 7 курганов, и 2) близ д. Гончарово из 12 курганов.

В 1908 г. И. С. Абрамов производит беглые раскопки в ряде мест Ярославской и Ивановской обл., в том числе на указанных памятниках.[5] На Тимеревском могильнике им были вскрыты две насыпи, содержащие сожжения. Две насыпи курганной группы у д. Гончарово дали также признаки сожжений. Впервые был исследован курганный могильник у д. Петровское, расположенный в 5 км от д. Тимерево, где вскрыто 9 насыпей.

В 1938—1939 гг. автором настоящей работы, по поручению Института истории материаль-

[1] Антропологическая выставка, т. III, ч. 1, стр. 53—68. Материалы хранятся в Гос. Историческом музее.

[2] Часть материалов, хранящаяся в Ярославском краеведческом музее — скорлупообразные фибулы, топорик, ножницы, оковки и пр. — видимо происходит из сожжений X в.

[3] Дело Археологической комиссии № 82/1900 г., раскопки И. А. Тихомирова в Ярославской губ. Материалы хранятся в Гос. Историческом музее и Ярославском обл. краеведческом музее.

[4] Указанное дело Археологической комиссии и архив Гос. Исторического музея, фонд 39, ед. хран. 42.

[5] Дело Археологической комиссии № 71/1908 г. Отчет о раскопках И. С. Абрамова.

ной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР и Ярославского областного краеведческого музея, были начаты на Тимеревском могильнике значительные раскопки. В первый год работы в порядке рекогносцировочных раскопок было вскрыто 4 кургана. В 1939 г. раскопано 22 насыпи, содержавшие преимущественно сожжения. Раскопки дали богатый материал и в результате полного вскрытия насыпей позволили хорошо восстановить обряд погребения.

Другим широко известным древним могильником Ярославского Поволжья является Михайловский курганный могильник, расположенный в 7 км от Ярославля вверх по р. Волге и в 4 км вглубь от ее левого берега.

Исследования его были начаты И. А. Тихомировым в 1896 г. раскопкой 4 насыпей в северо-восточной древнейшей части могильника; из них три содержали интересные сожжения и одна трупоположение.[1] И. А. Тихомиров отмечал, что многие курганы в юго-восточном крае могильника носят следы неумелых раскопок, видимо произведенных в середине прошлого столетия помещиком Н. И. Текштремом.

В следующие годы И. А. Тихомиров продолжал раскопки: в 1897 г. им было вскрыто 20 насыпей в различных частях могильника и в 1898 г. 50 насыпей, расположенных по двум перпендикулярным осям, ориентированным с С на Ю и с З на В. В последних раскопках принимали участие В. А. Городцов и О. Н. Бэрендс. Раскопки производились сквозными траншеями, и лишь два крупных кургана были взяты на снос.[2] Курганы содержали преимущественно сожжения IX—X ст.; реже обнаруживались более поздние трупоположения на материке с бедным инвентарем.[3]

В эти же годы, с 1896 по 1898 г., И. А. Тихомиров исследовал более позднее курганное кладбище, расположенное в 2.5 км к Ю от с. Михайловского за линией железной дороги. Могильник относился к XI в. и содержал трупоположения на материке, иногда со следами костра (?) с однородным и бедным инвентарем.

В 1902 г. небольшие раскопки на Михайловском могильнике производил В. А. Городцов.[4] Из четырех вскрытых насыпей две имели весьма богатое содержание.[5]

[1] Отчет о раскопках в Ярославской губ. и уезде под с-цом Михайловским И. А. Тихомирова (из неофициальной части «Губернских ведомостей» 1898 г., оттиск).

[2] Дело Археологической комиссии № 52/1897 г. и № 187/1898 г. Отчет о раскопках И. А. Тихомирова на Михайловском могильнике.

[3] Материал, частично разрозненный, хранится в Гос. Историческом музее.

[4] Древности, т. XXI. вып. 1, Протоколы, стр. 52. Материал хранится в Ярославском обл. краеведческом музее, содержит большую группу мерянских шумящих подвесок.

[5] Относительно раскопок 1902 г. имеются несколько противоречивые данные. В «Историческом вестнике» (№ 3, 1903, стр. 1207) указано, что в 1902 г. В. А. Городцовым было раскопано на Михайловском могильнике два кургана. В Ярославском обл. музее часть вещей из раскопок 1902 г. значится в качестве находок 1903 г.

О любительских раскопках 1909—1910 гг. не сохранилось никаких точных данных.[1]

В 1913 г. с разрешения Археологической комиссии на Михайловском могильнике производит раскопки шведский археолог T. J. Arne. Им было вскрыто 18 насыпей, из них 9 содержали погребения и 5 сожжения с интересным инвентарем. Остальные оказались пустыми или содержали слабые признаки сожжений.[2]

В 1921 г. небольшие раскопки Михайловского могильника производит Д. Н. Эдинг со студентами Ярославского Гос. университета. Им было раскопано 4 насыпи; 3 содержали остатки сожжения и одна, видимо, следы трупоположения в материке.[3]

Существенным недостатком исследований прошлых лет являлся несистематичный и случайный характер производившихся здесь раскопок. В связи со старой методикой раскопок курганов оставался очень плохо выясненным характер обряда погребения. С целью пополнения этого пробела в 1938—1939 гг. было предпринято доследование наиболее сохранившейся части Михайловского могильника. В 1938 г. автором этих строк было вскрыто 19 насыпей и в следующий год 6 насыпей; курганы содержали как сожжения, так и трупоположения.

Одним из важнейших археологических открытий последних лет, впервые приоткрывающим завесу над летописной мерей, являются рядовые могильники VI—VIII ст., найденные в разных частях мерянской земли. Рядовые могильники без курганных насыпей, содержащие захоронения с богатым и характерным инвентарем, уже давно известны в других областях Поволжья и не раз служили предметом исследования. Еще работами Aspelin'a, А. А. Спицына, А. М. Talgren'a и многих других, а за последние годы работами П. П. Ефименко[4] было установлено, что эти могильники оставлены непосредственными предками современных народов Поволжья — мордовскими, муромскими и марийскими племенами, культура которых в I тысячелетии н. э. значительно отличалась от культуры славянских племен, также хорошо известных по археологическим данным. Найденные в области мерянской земли рядовые могильники окончательно решают вопрос о принадлежности древней мери к группе поволжских племен и обрисовывают ее древнюю культуру. Без этих могильников никогда не был бы окончательно разрешен вопрос и о появле-

[1] В Ярославском обл. краеведческом музее имеется небольшой материал, значащийся происходящим из раскопок Кадетского корпуса.

[2] T. J. Arne. Ett svenskt grawjält i guvernementet Jaroslav Ryssland. Fornvännen, 1918.

[3] Архив ИИМК, дело № 31/1879 г. Материалы из раскопок хранятся в Ярославском музее.

[4] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. III, вып. 1, 1926. — Он же. К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. Сов. археол., II, 1937.

нии в области древней мерянской земли славянского населения и вопрос о дальнейших судьбах мерянского племени.

Первый мерянский могильник был открыт еще в конце прошлого столетия в бассейне р. Клязьмы у с. Холуй.[1] Несмотря на своеобразный характер инвентаря, отличающий его от синхроничных окских могильников, Холуйский могильник трудно было признать мерянским, так как он находился на окраине мерянской земли, на ее южных границах. В 1926 г. были произведены раскопки семи погребений другого могильника бассейна Клязьмы, находящегося у с. Хотимль в районе Шуи.[2] Еще позже был открыт и частично исследован Д. К. Крайновым и Д. Н. Эдингом богатый мерянский могильник, расположенный в самом центре мерянской земли, около оз. Неро, рядом с известным Сарским городищем.[3]

III

Курганные могильники Ярославского Поволжья обычно располагаются на возвышенных плато, на некотором расстоянии от реки, на ее коренной террасе, или по водоразделам, на склонах долин небольших речных притоков.

В таких условиях расположены и описываемые ниже памятники — Михайловский и Тимеревский могильники.

Михайловский могильник занимает часть возвышенного плато, представляющего собой коренную террасу Волги. Площадь могильника, равная 2.5 га, является в плане неправильным прямоугольником, вытянутым с С на Ю.

С северо-западной стороны территория Михайловского могильника ограничена Сухим Ручьем, с юго-западной и северо-восточной сторон проходят полевые дороги из с. Михайловского в д. Пономарево, а с северо-восточной стороны расположены хозяйственные постройки совхоза Михайловское. В недавнем прошлом могильник был покрыт березовой рощей, ныне вырубленной. В настоящее время западная и северо-западная части могильника покрыты кустарником.

Сейчас на могильнике насчитывается до 400 отдельных насыпей полушаровидной или реже овальной и округлой расплывчатой формы, расположенных близко одна к другой. Диаметр курганов 5.30—18 м, высота 0.30—2.80 м. Северо-восточные склоны насыпей, в особенности наиболее крупных, значительно круче, в силу естественного ската плато к югу.

Как видно на плане (рис. 1), старыми раскопками была задета главным образом древнейшая северо-восточная часть могильника, где были вскрыты все крупные насыпи; часть же насыпей, преимущественно в юго-западном углу могильника, подверглась разрушению в результате всякого рода хозяйственных работ. Всего насчитывается более 110 насыпей, разрушенных подобным образом. Отдельные крупные курганы были уничтожены при равнении местности под постройки.[1]

Тимеревский могильник расположен на мысу, образованном долинами ручья Сечки и р. Которосли — притока Волги. Могильник занимает площадь около 4 га, покрытую лесом, имеющую форму неправильного овала. Насыпи полушаровидной формы имеют диаметр от 6 до 20 м, выс. от 0.7 до 4 м. Около $1/3$ курганов носит следы раскопок.

Особенностью курганов обоих могильников является наличие в основании насыпей рва глубиной 0.25—1.50 м, образовавшегося при выемке земли для сооружения насыпи; особенно ясно ров прослеживается у крупных насыпей Тимеревского могильника. Состав насыпей — преимущественно светложелтый суглинок со значительными прослойками красной глины, реже желтая супесь.

Для характеристики Михайловского и Тимеревского могильников мы располагаем довольно значительным материалом. Михайловский могильник представляют 85 комплексов, происходящих из раскопок разных лет, которыми можно оперировать как вполне полноценным материалом. Из раскопок Тимеревского могильника имеется 45 целостных комплексов.

Древнейшие курганы обоих пунктов, содержавшие сожжения, занимают возвышенные части местности, вокруг которых нарастали курганы более позднего времени. На Михайловском могильнике древнейшей является его северо-восточная часть; в дальнейшем могильник разрастался в юго-западном направлении. На Тимеревском могильнике более древние курганы расположены на возвышенной гряде, тянущейся по центральной части могильника в направлении с СВ на ЮЗ.

Основным обрядом погребений для ранней группы курганов является трупосожжение, остатки которого помещались в насыпи кургана. На Михайловском могильнике из 85 комплексов 55, т. е. более половины, представляют собой остатки трупосожжения. На Тимеревском могильнике сожжения представлены 31 комплексом.

Сожжение умерших производилось как на стороне, так в некоторых случаях и на месте сооружения кургана. В первом случае (условно примем эти погребения за первую группу сожжений) после сжигания умершего кальцинированные кости, собранные вместе с могильным инвентарем, значительно пострадавшим от огня,

[1] А. А. Спицын. Древности бассейна рек Оки и Камы. Матер. по археол. России, № 25, 1901, стр. 43.

[2] Б. Н. Граков. Отчет об археологических исследованиях. Третий год деятельности Иваново-Вознесенского губ. общества краеведения. Иваново, 1927, стр. 34 и сл.

[3] Материалы хранятся в Ростовском музее. Отчет о раскопках не опубликован.

[1] В 1899 г. таким путем был разрушен один курган; предметы, найденные при этом — меч и боевой клинок — поступили в Ярославский музей.

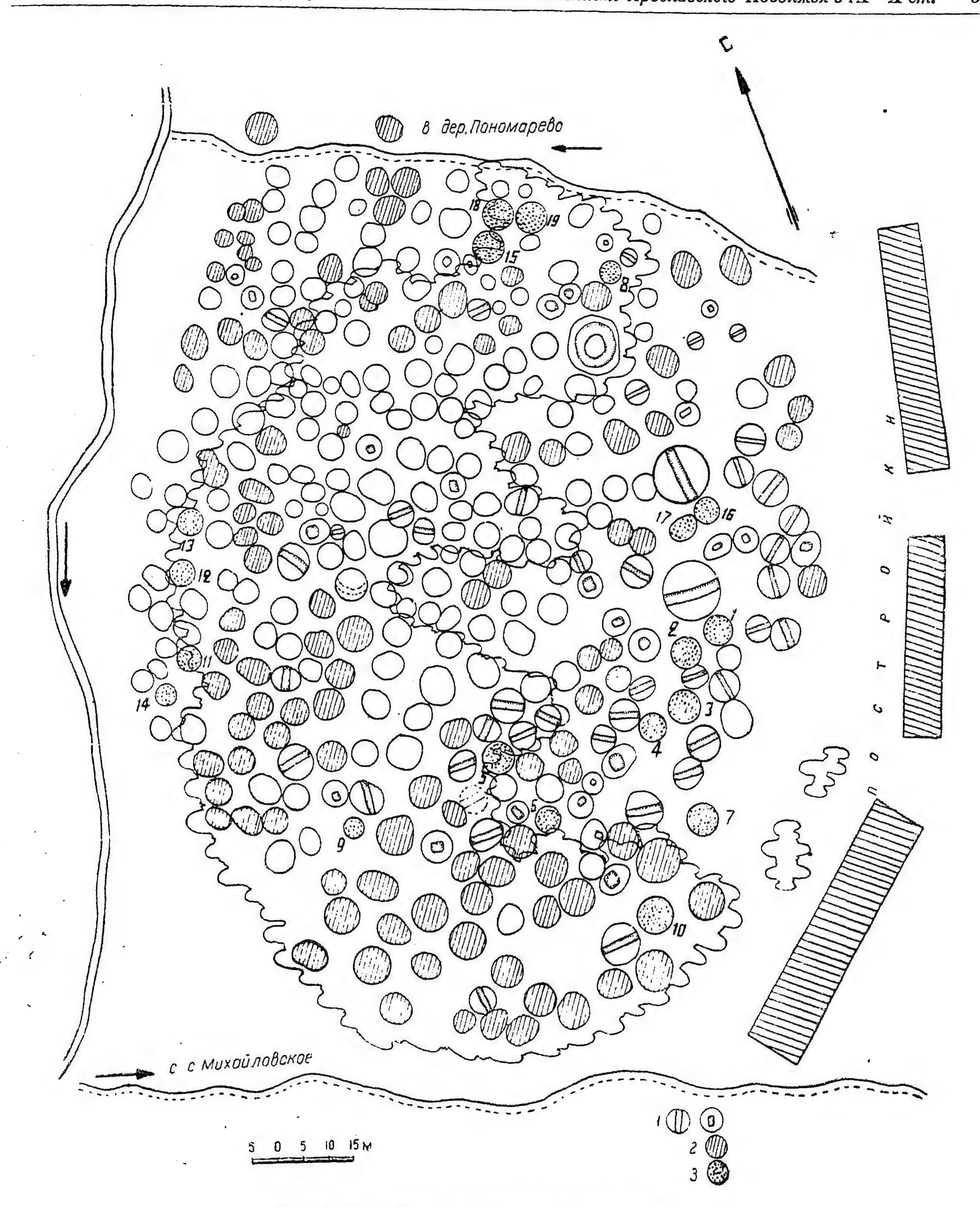


Рис. 1. План Михайловского курганного могильника.

1 — курганы, ранее раскопанные; *2* — курганы, частично разрушенные; *3* — курганы, раскопанные в 1938 г.

помещались затем на материке или в насыпи кургана. Такая форма трупосожжения связывается не только со славянскими памятниками второй половины I тысячелетия н. э. (описание его находим в древней летописи); она была представлена в памятниках этого времени Средней Европы, Прибалтики и Скандинавского полуострова и, таким образом, представляет собой широко распространенный обряд, существовавший у различных народов.

В Михайловском могильнике сожжение, совершенное вне кургана, встречено в следующих насыпях: раскопки А. И. Тихомирова в 1896 г. — № 2; в 1897 г. — №№ 1, 2, 4, 7, 9, 10, 18, 19; в 1898 г. — №№ 3, 5, 11, 15, 28, 30, 31, 35, 39, 46; раскопки T. J. Arne в 1913 г. —

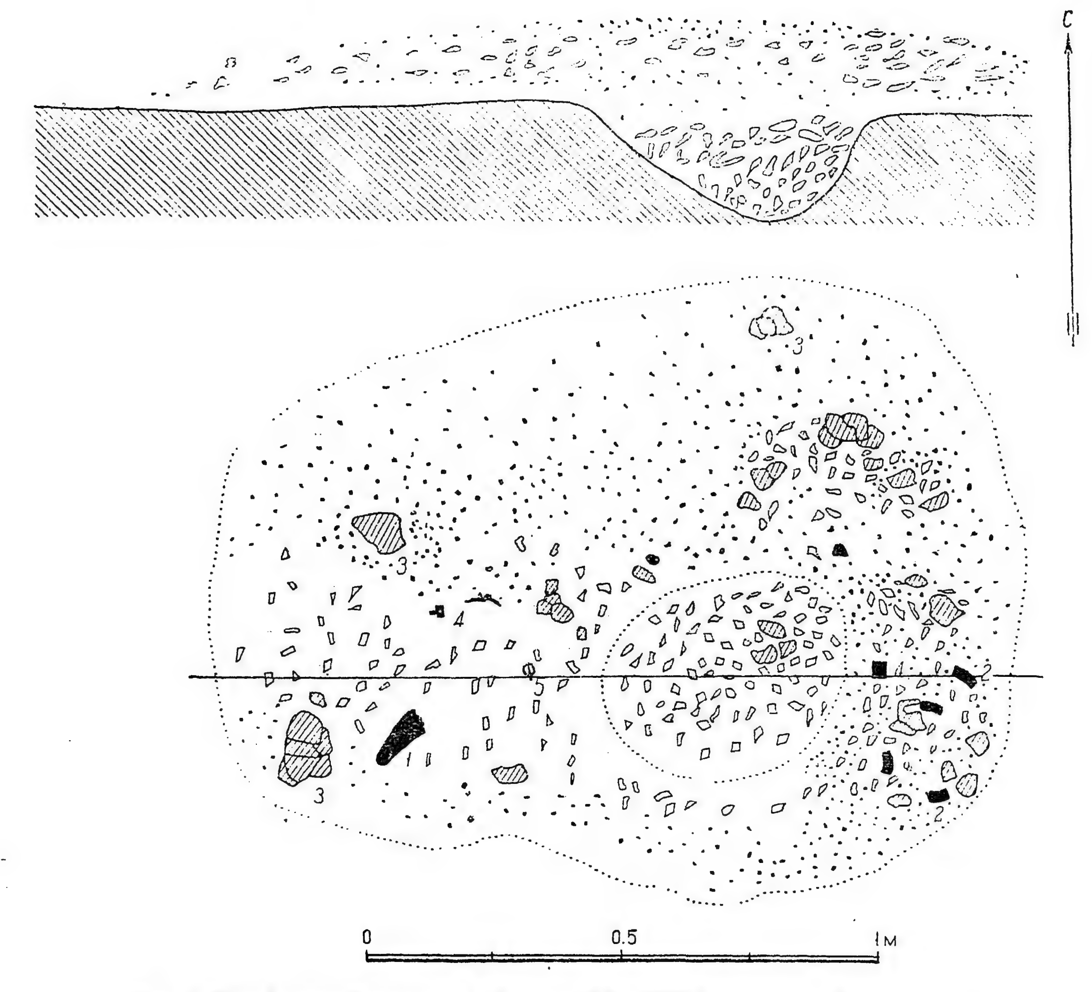


Рис. 2. Михайловский могильник. Курган № 3—1938 г., комплекс I — сожжение.

1 — медвежья лапа; *2* — части кольца; *3* — обломки сосудов; *4* — железные оковки; *5* — пряжка.

№№ 6 и 18; раскопки Д. Н. Эдинга в 1921 г.— №№ 1, 2, 4; раскопки автора в 1938 г.—№№ 2, 3, 6, 10, 15, 16; в 1939 г. — №№ 22, 25.

Остатки таких сожжений представляют собой собранные вместе жженые человеческие кости, иногда с примесью жженых костей животных, и могильный инвентарь; все это смешано с золой и иногда углем. Размеры скоплений жженых костей бывают различны: поперечник 0.05 м — 3.80 м; они имеют круглую или овально-вытянутую форму, а иногда представляют собой совершенно бесформенную прослойку разбросанных костей.

Нередко вместе с остатками сожжения в курган переносились также остатки кострища в виде обугленных плах и мелких обломков угля.

В отдельных случаях скопления костей сочетаются с ямками конической формы, вырытыми в материке, диам. 0.15—0.60 м и глубиной 0.15—0.30 м, в которые ссыпалась значительная часть кальцинированных костей. Это имело место в курганах № 15—1898 г., №№ 3 и 6—1938 г. (рис. 2), а также № 25—1939 г. Помимо ямок, в некоторых курганах были встречены прослойки смешанного с сажею и углем чернозема, среди которых помещались сожженные кости и могильный инвентарь.

Обычай помещать остатки сожжения в ямку прослеживается в ряде раннеславянских памятников. Он наблюдался в длинных курганах, в архаичных круглых курганах на территории Белоруссии, в так называемых «литовских» курганах и т. д.

В некоторых случаях, наконец, остатки сожжения помещались в глиняный сосуд — урну, поставленную на материке (напр. №№ 11, 27, 28 и 39 — 1898 г.) или врытую в материк (напр. № 6 — 1938 г.).

Курганные насыпи Михайловского могильника содержали обычно по одному сожжению и лишь в нескольких случаях в курганах было встречено по 2—3 сожжения, причем одно из них располагалось в насыпи и второе на материке, или же все сожжения были расположены на материке на значительном расстоянии одно от другого. К таким курганам относятся №№ 9, 10 — 1897 г., № 39 — 1898 г. Кроме того, отмечаются случаи, когда в одном скоплении встречены кости нескольких индивидуумов (№ 1 — 1938 г.). Ряд сожжений, помещенных

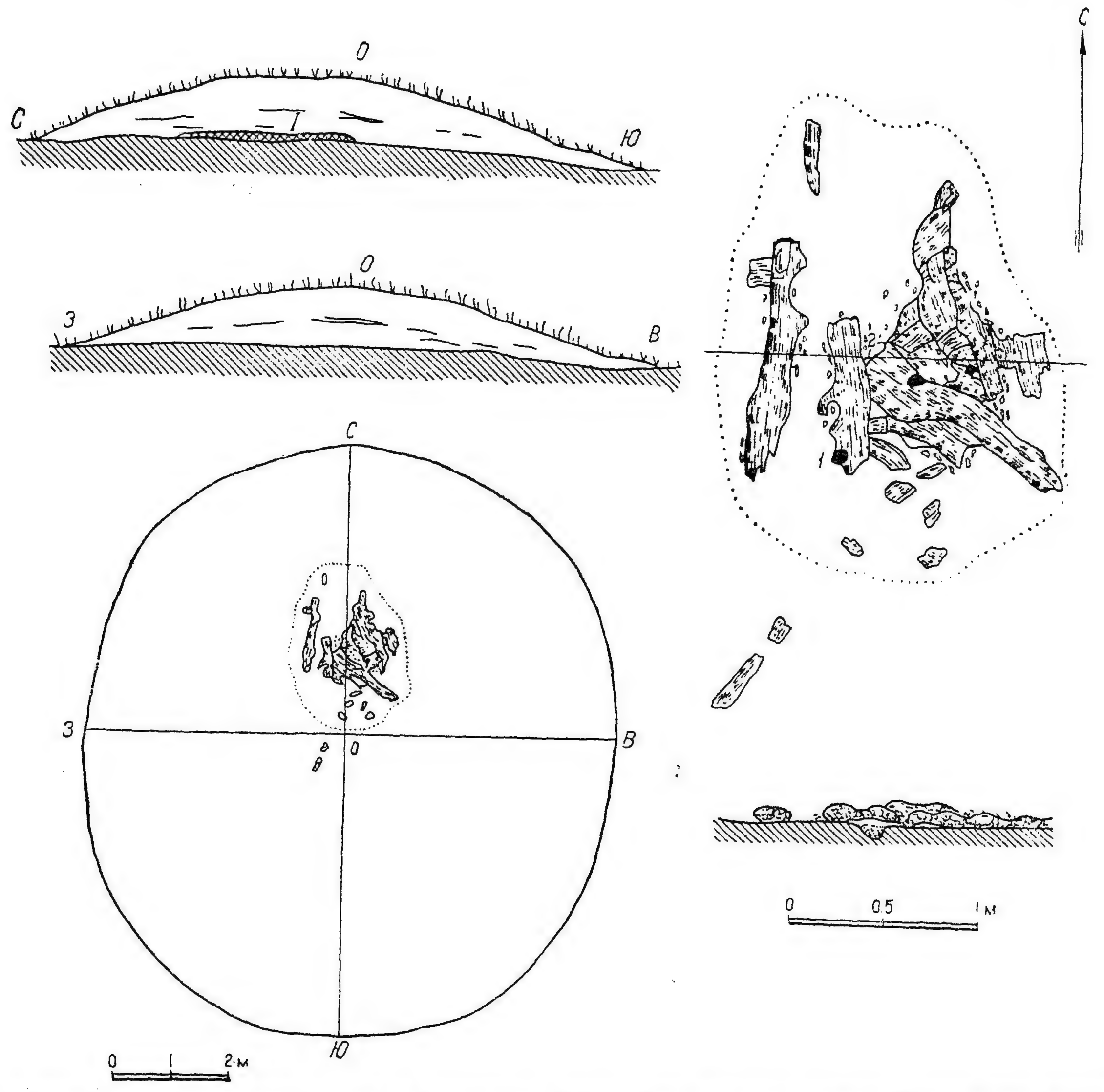


Рис. 3. Михайловский могильник. Курган № 1 (раскопки 1938 г.). Разрезы и план кургана. План и разрез кострища.
1 — черепки; 2 — весовая гирька.

в одной насыпи, представляет собой пережиток древнего обычая захоронения в общей родовой усыпальнице, наблюдаемого у всех северных славянских племен.

Ко 2-й группе курганов с сожжением относятся те из них, в которых сожжение производилось на месте сооружения насыпи. К ним относятся курганы: 1896 г. — № 1; 1897 г. — №№ 11, 20; 1898 г. — №№ 1, 7, 8, 18, 19, 20, 21, 24, 26, 27, 32, 42, 50; 1902 г. — № 1; 1913 г. — № 10; 1938 г. — №№ 1, 4, 5, 7, 9. Следы кострища располагаются в основании насыпи и реже выше в самой насыпи и представляют собой вытянутые в определенном направлении или разбросанные бесформенные скопления обугленных плах хвойного (сосна) или лиственного (береза) дерева и мелкие куски угля. Размеры кострищ разнообразны, их диаметр достигает до 5.70 м. Единично встречались огромные по размерам кострища, например в кургане № 50—1898 г. По площади кострища рассеяны кальцинированные кости и могильный инвентарь, в том числе раздавленные сосуды. И. А. Тихомиров отмечает, что больше угля сохраняется в тех случаях, где плахи были березовые или ольховые.[1]

Довольно часто под кострищем были обнаружены ямки, аналогичные описанным в 1-й группе, в которых помещалось скопление кальцинированных костей. Они были обнаружены в курганах 1898 г.—№№ 1, 8, 42; 1838 г.—№ 1 (рис. 3); 1939 г. — № 25.

На ряду с этим встречаются курганы с остатками кострища на материке, причем скопления кальцинированных костей помещались в насыпи кургана. Однородный характер инвентаря не вызывает сомнения, что в этих случаях мы имеем дело с остатками одного и того же погребения (напр. № 1—1896 г.).

[1] Дневник раскопок И. А. Тихомирова в 1897 и 1898 гг. ГИМ, фонд 99, ед. хран. 42.

В отдельных случаях (№ 7—1938 г) можно говорить о наличии в курганах небольших деревянных сооружений — срубов, реконструировать характер которых невозможно в виду их сильного повреждения огнем.

Курганы с трупосожжением на месте насыпи встречаются значительно реже, чем курганы первого типа. Подобный обряд был встречен на Гнездовском могильнике, причем сожженные кости часто помещались в урну.[1] Таковы большие черниговские курганы.[2] А. А. Спицын указывает на ненорманский характер этого обряда. Сожжения, совершенные на месте кургана, правда, представлены в шведских погребениях на Бьорко, однако по ряду признаков они отличны от наших погребений.

Из 2-й группы сожжений Михайловского могильника выделяются два случая неоднократных сожжений. В кургане № 20—1897 г. в насыпи на разном уровне встречены два кострища.

Еще более интересным является курган № 50—1898 г., где на материке под центром насыпи встречено огромных размеров кострище, на котором были разбросаны остатки сожжения и находился сосуд с инвентарем. Кроме этого, в разных частях насыпи найдены скопления пережженных костей, расположенные на разных глубинах, но не выше чем 0.36 м над кострищем и преимущественно в северной половине насыпи. Несомненно, что этот крупный курган с кострищем и многократными захоронениями остатков сожжения на стороне является одним из древнейших на Михайловском могильнике, чему не противоречат и вещественные остатки. Отметим, что именно этот курган, в виде исключения, копался на снос, чему мы и обязаны более подробными сведениями об обряде погребения.

Для древних курганов с неоднократными погребениями характерным признаком являются следы неоднократной подсыпки насыпи — дугообразные прослойки серого цвета, представляющие погребенную почву с включениями костей и угольков. Обычно в насыпях встречаются 2—3 подобные прослойки, расположенные одна над другой. Они были отмечены И. А. Тихомировым в кургане № 11—1887 г., поврежденном в центре поздней впускной ямой.

Такие же курганы встречены на Тимеревском могильнике. И. А. Тихомиров отмечает прослойку в кургане № 3—1900 г. То же наблюдалось в двух курганах Тимеревского могильника, раскопанных в 1939 г. (№№ 14 и 16).

В «сопковидном» кургане № 14—1939 г. крупного размера (диам. 16 м и выс. 2.5 м) насыпь имела две дугообразные серые прослойки погребенной почвы, с отдельными угольками и костями животных. В центре насыпи встречены остатки деревянного сооружения из истлевших плах и в его пределах или несколько в стороне на разных глубинах обнаружено не менее 16 сожжений, помещенных либо в ямках, покрытых каменными плитками и крупными валунами, либо в виде кучек жженых костей разной величины. В стороне от сожжений, в северо-западной поле кургана, встречена каменная кладка в виде площадки овальной формы, сложенная из валунов средних размеров, а в центре кургана в материке яма цилиндрической формы с единичными костями животных (рис. 4).

В кургане № 16, меньших размеров, в насыпи также наблюдались две дугообразные прослойки, а в центре кургана на разных глубинах встречены 9 сожжений в виде отдельных скоплений кальцинированных костей, ограниченных по бокам обгорелыми плахами или в ямках в материке. Нижний ярус сожжений как бы ограничивался с двух сторон длинными обугленными плахами, видимо также представляющими остатки деревянного сооружения.

Деревянные и каменные сооружения в насыпи курганов с многочисленными захоронениями сожжений обычны для древнейших славянских памятников Новгородской земли — так называемых сопок. Каменная кладка и следы деревянных сооружений имеются в сопках у с. Михаил-Архангел и Старой Ладоги на Волхове, исследованных Н. Е. Бранденбургом,[1] и в многочисленных сопках по р. Ловати, исследованных Л. К. Ивановским.[2] Для ловацких сопок очень характерны и прослойки в насыпи, говорящие о двух- и трехкратной подсыпке насыпей.

Каменная кладка на Тимеревском могильнике была встречена несколько раз. Видимо, ее имел в виду А. И. Кельсиев, указывая на курганы, «выложенные камнями», тогда как наружной каменной кладки на Тимеревском могильнике обнаружено не было. Этот факт отмечал еще И. А. Тихомиров.[3] Он обнаружил род кладки в Тимеревском кургане № 1—1900 г. На Михайловском могильнике в кургане № 5—1938 г. был встречен в насыпи род каменной кладки округлой формы из колотых обожженных камней. В. А. Городцов в докладе Московскому археологическому обществу о раскопках на Михайловском могильнике в 1902 г. отмечает: «при раскопках ... были замечены новые черты обряда трупосожжения, найденные вещи были помещены в небольшом, иногда выложенном камнем углублении под кострищем».[4]

Обе группы курганов, как с сожжением, совершенным на месте, так и с сожжением, совершенным на стороне, являются хронологически

---

[1] А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, стр. 6 и сл.

[2] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908.

[1] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. Матер. по археол. России, № 18, 1895, стр. 135 и сл.

[2] А. А. Спицын. Сопки и жальники. Зап. Русск. археол. общ., т. XI (новая серия), 1899.

[3] Дело № 82/1900 г. Раскопки И. А. Тихомирова в Ярославской губернии и уезде.

[4] Древности, т. XXI, вып. 1. Протоколы, стр. 52.

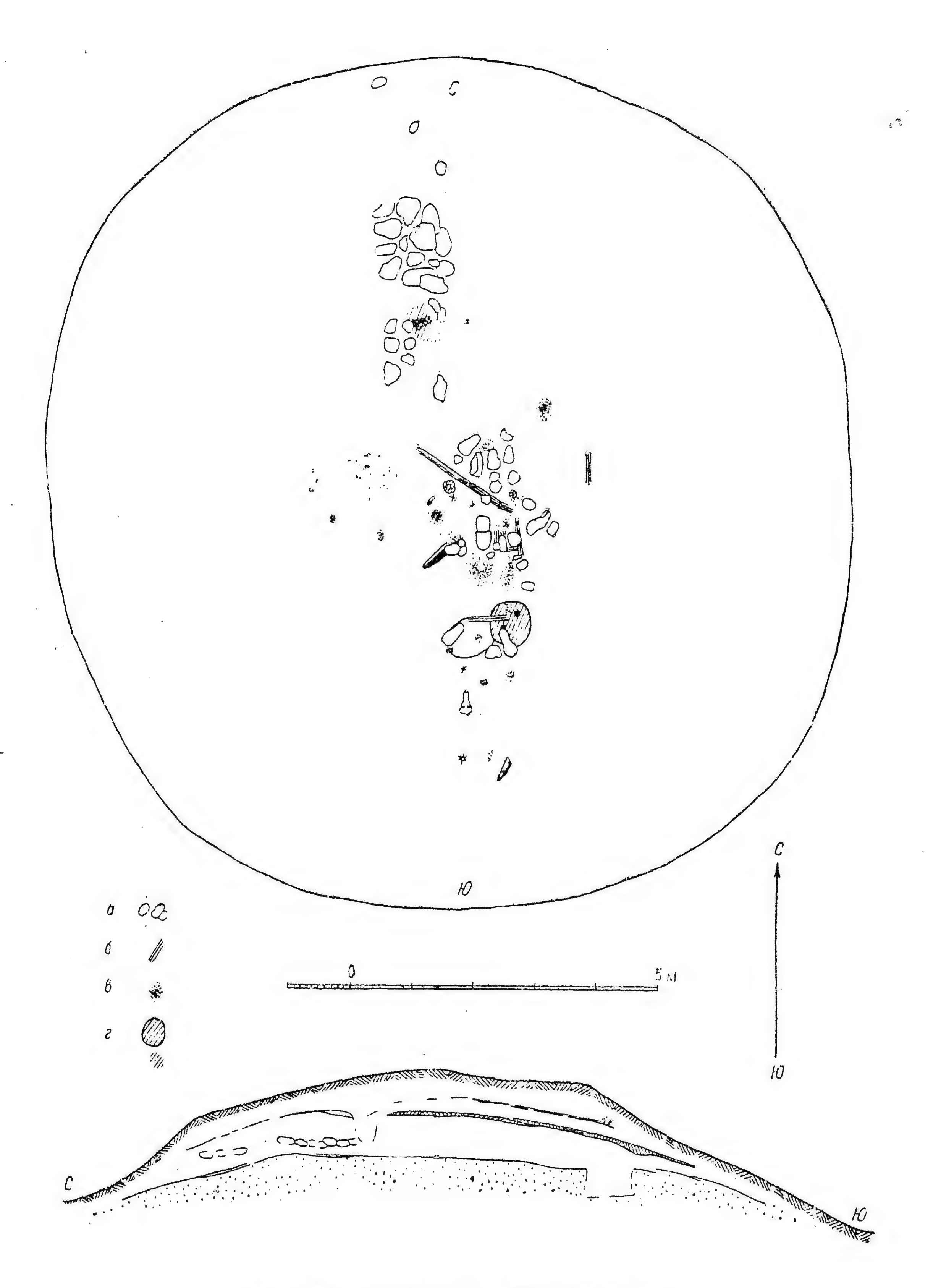


Рис. 4. Тимеревский могильник. Курган № 14—1939 г.
а — камни; *б* — следы дерева; *в* — пережженные кости; *г* — ямы.

одновременными, в чем мы убедимся дальше при обзоре инвентаря.

Прежде чем перейти к характеристике находок, необходимо остановиться на курганах, по своему обряду представляющих отклонения от вышеописанных групп.

В раскопках И. А. Тихомирова имелась целая серия насыпей, содержавших лишь слой золы и угольков на материке и в ряде случаев некоторый инвентарь — чаще всего фрагменты сосудов. Таковы курганы: 1897 г. — №№ 12 и 15; 1898 г. — №№ 4, 10, 16, 23, 29; 1913 г. — № 7. Несомненно, что эти курганы следует причислить к курганам 1-й группы, содержащим остатки разрушенных сожжений. В тех случаях, когда кальцинированные кости помещались высоко в насыпи, было достаточно незначительного ее повреждения, чтобы уничтожить следы сожжения.

Встречены при старых раскопках также и пустые курганы. В большинстве случаев отсутствие погребения является результатом разрушения или недостаточно полного исследования насыпи. В отдельных случаях пустые насыпи могли представлять собой результат существовавшего в древности обычая сооружения «памятного» кургана в честь погибших на стороне.

Курганы со смешанными погребениями — сожжениями и трупоположениями — представляют отдельные исключения. В кургане № 34—1898 г. в насыпи встречен был раздавленный сосуд, в котором находились остатки сожжения. Ниже под сосудом находилось древнее трупоположение воина вместе с погребением коня и еще ниже второе сожжение. Погребение с конем не является единичным. На Михайловском могильнике остатки конского захоронения были встречены также в нескольких сожжениях (напр. курган № 10—1897 г.). В кургане № 44—1898 г. Михайловского могильника в насыпи были встречены обломки сосуда (видимо с остатками сожжения) и ниже древнее трупоположение с вещами.

На Тимеревском могильнике также имеется несколько любопытных случаев смешанных погребений. В кургане № 14—1900 г. в насыпи кургана было встречено сожжение и на значительном расстоянии от него более позднее трупоположение. Ниже на материке было найдено второе более древнее сожжение. Объяснение И. А. Тихомировым данного случая как одновременного захоронения господина, наложницы и убитого раба не обосновано. В курганах № 4—1938 г. и № 19—1939 г. были встречены трупоположения, нарушившие находившиеся в насыпи более древние сожжения. Первое из указанных погребений, на основании монеты и других находок, может быть датировано серединой X в. Таким образом выявляется весьма любопытный факт сосуществования в течение, вероятно, короткого времени двух обрядов — трупосожжения и трупоположения.

Интересно отметить, что в свое время вопрос о хронологическом разграничении различных обрядов погребения вызвал много споров. В. А. Городцов придерживался мнения, что обряд сожжения и погребения существовал на Михайловском могильнике одновременно, что являлось признаком социального различия, и сожжение применялось состоятельным слоем населения. [1]

IV

Переходя к характеристике находок, происходящих из обеих групп трупосожжений, необходимо отметить прежде всего бедность и относительное однообразие инвентаря.

Кроме упомянутой выше глиняной посуды, при сожжениях встречаются остатки украшений и предметов убора, железные ножи, точильные бруски, монеты, остатки костяных гребней и уховерток и лишь в исключительных случаях какой-либо другой инвентарь, в частности предметы вооружения. Огромный интерес представляют глиняные изделия несомненно ритуального назначения — кольца и изображения медвежьей (?) лапы, встреченные как в Михайловском, так и в Тимеревском могильниках.

На Михайловском могильнике было найдено всего 12 глиняных лап [курганы: 1897 г. — № 7 (табл. I, *4*) и 12; 1898 г. — №№ 20, 44 и 50; 1938 г. — № 3, 6 (табл. I, *2*), 7, 15 и 16; 1939 г. — № 22]. Всегда, за исключением двух случаев (1938 г. — № 6 и 1939 г. № 22), лапы сопровождались глиняными кольцами. В кургане 1897 г. — № 7 встречены 2 лапы; кроме того, отмечены два случая находки одних колец (1896 г. — № 1 и 1898 г. — № 46). Во всех известных случаях глиняные лапы находились на материке, обычно рядом с сосудом-урной или иногда внутри него. Ни в одном случае лапы не были встречены в насыпи вместе с кальцинированными костями. Сохранность лап и колец очень плохая; они обычно бывают разрушены корнями деревьев. Часть их сделана из необожженной рыхлой глины с примесями, пальцы грубо намечены, часть же изготовлена из обожженной глины хорошего качества серого или красного цвета, пальцы сформованы более рельефно. Обычные размеры лап: длина 9—14.5 см, ширина 5—10 см, одна — тыльная — сторона обычно выпуклая, другая вогнутая. Размеры колец различны: диаметр от 8 до 20 см; сечение бывает трапециевидное, треугольное или круглое (табл. I, *3*).

К древнейшим погребениям Михайловского могильника нам представляется возможным отнести сожжения в крупных курганах (1898 г.— №№ 20 и 50), в которых среди прочего инвентаря встречены и глиняные лапы. В кургане 20 в насыпи, среди кальцинированных костей, оказался железный нож, по форме близкий

[1] Древности, т. XXI, вып. 1. Протоколы, стр. 54 и сл.

Михайловский и Тимеревский могильники. Глиняные лапы и кольцо.

1 — Тимеревский мог., кург. № 20—1878 г.; *2* — Михайловский мог., кург. № 6—1938 г.; *3* — Михайловский мог., кург. № 1—5—1938 г.; *4* — Михайловский мог., кург. № 7 — 1897 г.; *5* — Тимеревский мог., кург. № 25—1939 г.

ножам из сопок Ленинградской области,[1] но более удлиненный. На материке на слое угля встречены лепной сосуд с насечкой по краю, фрагменты глиняного кольца, фрагментированная лапа и железная пряжка в форме прямоугольника с двумя вогнутыми сторонами (табл. V, *18*; стр. 78), аналогичная найденной в Волховских сопках (Победище 140, компл. V).[2] Встречена также пластинка с отогнутыми концами — кочедык. В кургане № 50 на огромном кострище, расположенном на материке, стоял крупный лепной сосуд баночной формы (типа рис. 5, *1*, стр. 71) и в нем вещи: несколько бронзовых прямоугольных ажурных (табл. V, *14*) пластинок, 2 крючковидно изогнутых стерженька, чечевицеобразные пуговки, просверленный астрагал бобра, фрагмент глиняного кольца и лапа.

Оба комплекса, на основании предметов, аналогичных находимым в сопках, а также раннемерянской подвеске, могут быть датированы временем не позднее второй половины VIII в.

К этому же времени относится курган № 27—1898 г. Михайловского могильника. В этой насыпи на кострище на материке встречены остатки сожжения, помещенные в лепном сосуде из глины с зернами кварца, с насечкой по краю. Сосуд был накрыт толстой крышкой из слабо обожженной глины. В нем встречены вместе с остатками сожжения железные ножницы с пластинчатой изогнутой дужкой, ключ, кочедык в виде загнутого на конце стержня, нож архаической формы, височное бронзовое кольцо и серебряная монета Омеяды Васит 94 г. хиджры (712—713 гг.) с пробитым отверстием.[3]

Монетная находка в данном случае может довольно точно датировать погребение. Если даже принять ее максимально длительное бытование (50—80 лет), то курган может быть датирован не позднее второй половины VIII в. Отметим при этом, что для наиболее ранних сожжений характерно отсутствие скандинавских изделий.

Большинство курганов Михайловского могильника, в которых были найдены глиняные лапы, принадлежит IX и X ст.

Массивная глиняная лапа из грубой, серой, обожженной глины (табл. I, *4*) встречена в кургане № 7 — 1897 г. Она сопровождалась фрагментами глиняных колец, трапециевидных в сечении, и фрагментом другой лапы. Из сопровождающих находок отметим: длинный точильный брусок, точильную плитку с отверстием, обломок лезвия меча, небольшой железный шип с загнутыми концами, обломки железа, часть костяной пластинки с орнаментом (табл. VII, *9*, стр. 81), фрагмент восточной монеты (Ибрагим 804 г.?) и пр. Все это лежало на материке в кучке сожженных костей, среди них встречен клык животного (собаки или волка?). На основании монетной находки комплекс может быть датирован серединой IX в.

В кургане № 16—1938 г. Михайловского могильника в насыпи встречено сожжение с ножом; фрагмент лапы лежал на материке, рядом с раздавленным сосудом древней формы с чуть вогнутым внутрь венчиком (табл. II, *2*, стр. 72). Подобные же сосуды были встречены в так называемых литовских курганах и на Дьяковом городище под Москвой,[1] комплекс можно датировать, вероятно, тем же временем, что и предыдущий.

К этой же группе следует отнести сожжение из кургана № 15—1938 г., где на материке среди кальцинированных костей встречены серебряное колечко с завязанными концами и фрагмент пяточной части глиняной лапы. Аналогичные колечки встречены в ранних сожжениях Приладожья (курган выше Вихмес 71, компл. 4 и др.).

Более многочисленны находки глиняных лап и колец в комплексах первой половины X в.

В кургане № 1—1896 г. Михайловского могильника на кострище, расположенном на материке, встречены обломки глиняного кольца. По комплексу находок из сожжения, расположенного над кострищем, — скорлупообразным фибулам с головками коньков (рис. 9, стр. 75) — курган может быть датирован первой половиной X в. Аналогичные фибулы известны в Гнездовском могильнике.[2] В. И. Сизов относил эти фибулы к наиболее ранним образцам. T. J. Arne неправильно относит этот тип фибул к началу XI в. В кургане № 1—1896 г., кроме того, встречены оковка от ларчика, ножницы, ключ, шип и пр. Не менее характерным является комплекс кургана № 6—1938 г., где во врытом в материк сосуде баночной формы были встречены остатки сожжения, фрагменты двух скорлупообразных фибул середины X в. (табл. IV, *2*, стр. 76), бляшка «с жучком» (табл. III, *1*) и некоторые другие предметы. Рядом на материке, около остатков обгорелой плахи лежала фрагментированная глиняная лапа красной глины хорошего обжига (табл. I, *2*).

К этой же группе можно отнести сожжение из курганов №№ 3 и 7—1938 г. Михайловского могильника.

В кургане № 44—1898 г. Михайловского могильника на материке встречено трупоположение с копьем (табл. VI, *4*, стр. 79) и тут же под костяком обнаружено сожжение — в сосуде, украшенном зигзагообразными оттисками гребенки и гребенчатой насечкой по краю. Там

[1] В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и ю.-в. Приладожье. Изв. ГАИМК, вып. 94, табл. XIII, *6*.

[2] Хранится в Гос. Эрмитаже. — Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. Матер. по археол. России, № 18, стр. 138.

[3] Исторический музей, колл. 990-10, определение на основании отпечатка сделано А. А. Быковым (Гос. Эрмитаж).

[1] Труды IX Археологического съезда в Вильне, т. II, 1883, табл. XXVa, *2*.

[2] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Матер. по археол. России, № 28, табл. V, *20* и XII, *3*.

же встречен фрагмент костяной пластинки с орнаментом из заштрихованных треугольников (табл. VII, *8*, стр. 81), коромысло карманных весов и пр. Комплекс можно датировать серединой X в.

На Тимеревском могильнике встречено 9 глиняных лап (табл. I, *1*; кург.: 1878 г. — № 20; 1939 г. — №№ 5, 11, 12, 13 20 и 25), обычно сопровождавшихся глиняными кольцами, преимущественно в комплексах IX—X вв. В отдельных сожжениях встречено по две лапы, в кургане № 17—1939 г. найдено лишь кольцо.

На основании вышеизложенного видно, что глиняные лапы и кольца встречены как в древнейших, так и в более поздних курганах, как в бедных сожжениях с однородным инвентарем, так и в богатых курганах с привозными предметами. Наличие этих магических изображений в 14 курганах Михайловского могильника и в 10 курганах Тимеревского могильника (а учтя их плохую сохранность, можно предполагать, что их количество было большим) указывает на массовое их применение в погребальном обряде.

Если обратиться к району распространения таких глиняных изображений на территории СССР, то увидим, что он связан с Ростово-Суздальским краем. В 1850 г. при раскопках К. Н. Тихонравовым курганов у с. Васильки Суздальского района, близких михайловским, встречены глиняные лапы и кольца (курганы №№ 213 и 227).[1]

Подобные же сожжения с глиняными лапами и кольцами были обнаружены при раскопках А. С. Уварова у с. Веськово, у с. Большая Брембола и в виде единичных экземпляров у сс. Городище, Шурскало, Богослово, Кустера, Шокшово и Весь Суздальского района Ярославской обл. и Юрьевского района Ивановской обл.[2]

Большинство погребений представляло собой сожжения, в некоторых из них встречены куфические монеты конца VIII—X ст. В одном комплексе (Б. Брембола, 1493), лапа сопровождалась монетой Оттона I до 996 г. Глиняные кольца и лапы встречались вместе, а иногда и в нескольких экземплярах. В одном случае лапа была найдена в погребении вместе со скорлупообразной фибулой. А. С. Уваров отмечает, что «глиняные изображения чаще всего встречались в могилах с жжеными костями и обыкновенно лежат подле сосуда с пеплом».[3]

Отмечены единичные находки глиняных лап в трупоположении (например Веськово, курганы №№ 830 и 1546).

Всего по дневнику А. С. Уварова отмечено 20 комплексов с лапами и 10 только с кольцами. Если учесть методику этих повальных раскопок, то можно предполагать, что количество подобных находок должно быть значительно большим.

Глиняное кольцо было встречено также на могильнике у д. Петровское Ярославской обл., в кургане № 1 из раскопок И. С. Абрамова в 1908 г.

Вне территории СССР находки глиняных лап единичны. К их числу относятся находки из курганного могильника VIII—IX вв. у Годбю в Аландии. Исследователь этого могильника считал находки глиняных лап единственными для того времени в Финляндии и Швеции и рассматривал обычай класть в погребения изображения лап, в качестве воспринятого от «финских племен внутренней России».[1]

В работе E. Kivikoski дается подробное описание 15 лап, встреченных на Аландских островах,[2] происходящих из сожжений под каменной насыпью, где прослеживались остатки кострища. Обычно лапы лежали рядом с урной. Здесь они, видимо, не сопровождались кольцами. Большинство из них автор относит к изображениям медвежьей лапы, а отдельные экземпляры к изображениям бобровой и даже собачьей лапы и один экземпляр к изображению человеческой руки. По инвентарю погребений лапы датируются концом VII—IX вв. В Скандинавии лапы неизвестны, за исключением фрагментированного экземпляра из Södermanland. E. Kivikoski указывает, что с небольшим вероятием родину подобных изображений нужно искать в России,[3] хотя вопрос еще остается неясным.

Отсутствие глиняных лап среди остатков поселений и жилищ этой эпохи, а также условия нахождения их в могильниках, с несомненностью свидетельствует о магическом характере этих предметов. Обычай класть эти изображения в могилу имеет, вероятно, связь с обрядом, встреченным в сопках по нижнему течению р. Волхова. В нескольких из раскопанных Н. Е. Бранденбургом сопках среди сожженных костей были встречены когтевые фаланги медведя вместе с инвентарем VII—VIII и IX—X вв.[4] Находки когтей отмечены и в курганах Ростово-Суздальского края. В кургане № 2085 у с. Городища в сосуде вместе с жжеными костями были встречены когти животного (медведя?). В более поздних комплексах (Ворогово, курган № 340) найдены серебряные подвески в форме когтей медведя. А. А. Спицын отмечает, что подобные подвески известны в костромских курганах.

Все это говорит о существовании у некоторых северных славянских племен в VIII—X вв. культа медведя, что находило соответственное

---

[1] А. А. Спицын. Владимирские курганы, стр. 91, рис. 89 и 108.

[2] А. С. Уваров. Меряне и их быт. Тр. I Археол. съезда, т. II. Выборки из дневника, стр. 820 и сл.

[3] Там же, стр. 700—701.

[1] Гакман. Археологические раскопки в Аландии. Изв. Археол. ком., вып. 38, 1901, стр. 108 и сл., рис. 186.

[2] E. Kivikoski. Eisenzeitliche Tontatzen aus Aland. Eurasia Septentrionalis Antiqua (ESA), IX, 1934.

[3] Там же, стр. 389 и 390.

[4] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. Матер. по археол. России, № 18, стр. 14.

отражение в обряде погребения. Данные по этому вопросу суммированы в публикуемой в настоящем сборнике работе Н. Н. Воронина.

Наиболее распространенным до последнего времени был взгляд о тесной связи медвежьего культа и в частности медвежьих лап ярославских курганов с мерянским населением. Этой точки зрения придерживались А. С. Уваров,[1] Hackman[2] и E. Kivikoski.[3]

И. А. Тихомиров, напротив, отмечает существование медвежьего культа у русских и скандинавов.[4] Попытки увязать культ медведя с какой-либо одной народностью, как нам представляется, направлены по неправильному руслу. Медвежий культ представляет собой явление стадиального порядка, характерное для целого ряда северных народов Европы и Азии.

Отдельные элементы его сохраняются даже в историческое время. Различной будет лишь та конкретная форма, в которую претворялся этот культ у того или иного народа.

Обычай класть в погребение глиняную лапу ни разу не был отмечен в упомянутых выше мерянских могильниках, а также в могильниках других народов Поволжья.

V

Самую обычную часть инвентаря Михайловского и Тимеревского могильников представляют глиняные сосуды, отсутствовавшие лишь в нескольких курганах. Обычно, как уже отмечалось, они ставились на кострище или в стороне от него, а там, где кострища не было, помещались на материке рядом с кальцинированными костями. В некоторых сожжениях встречено по 2—3 сосуда. Имеется несколько случаев нахождения сожженных костей в сосуде-урне, поставленном в вырытую ямку в материке. Часто стенки сосуда носят следы сильного действия огня, поверхность их бывает ошлакована.

В массе глиняная посуда отличается однородностью. Это горшки баночной формы, грубо вылепленные от руки и плохо обожженные. Крупные сосуды типичной формы встречены в 4 экз. (типа, помещеннего на рис. 5, *1*) в курганах: № 18—1897 г., №№ 11 и 50—1898 г. и № 1—1902 г. Высота и диаметр их более или менее равны: 0.30—0.33 м. Небольшие сосуды (типа, помещенного на табл. II, *1—3*, рис. 5, *2*), со слабее или сильнее моделированными венчиками, представляют наиболее многочисленную группу. Обычно высота сосуда составляет 3/4 диаметра венчика, но отдельные экземпляры бывают выше. Средние их размеры: высота 0.12—0.16 м, диаметр 0.09—0.14 м.

Неправильная форма у целого ряда сосудов, общая небрежность изготовления, рыхлость слабо обожженной глины, из которой они сделаны, видимо свидетельствует о том, что часть сосудов изготовлялась специально для погребения. В кургане № 5—1898 г. Михайловского могильника на днище сосуда имелись сетчатые отпечатки; при формовке сосуд, видимо, был поставлен на грубую ткань.

Имеются также миниатюрные сосуды-чашечки аналогичных форм. К сожалению, большинство сосудов из старых раскопок утеряло свою паспортизацию.

Многие сосуды орнаментированы по венчику простой или гребенчатой насечкой: № 10—1897 г., №№ 15, 17—1898 г., №№ 3, 7, 10—1938 г. Очень часто насечка по краю сочетается с орнаментацией плечиков в виде ряда косо или зигзагообразно расположенных оттисков гребенки (№№ 17 и 44—1898 г.) или в виде прочерченных линий и таких же фестонов под нею (№ 15—1898 г., рис. 5, *2*). В кургане № 10—1938 г. Михайловского могильника найден венчик сосуда красной глины с архаичным орнаментом в виде фестонов из оттисков веревочки (рис. 6). В кургане № 24—1939 г. Тимеревского могильника обнаружен целый сосуд с веревочным и гребенчатым орнаментом, представляющий собой низкую круглодонную чашку, напоминающую очень плохо еще известную керамику северо-восточных районов Европейской части СССР, принадлежащую предкам коми (табл. II, *5*).

Исключительно любопытный комплекс из трех сосудов встречен в Тимеревском могильнике в кургане № 4—1938 г. Сосуды были поставлены вдоль правой стороны мужского костяка (рис. 8). Это были: лепной сосуд баночной формы, украшенный фестонами из гребенчатого штампа (табл. II, *3*), небольшой сосуд с сильно моделированным профилем, видимо сделанный на простейшем гончарном круге (табл. II, *4*), и привезной болгарский сосуд — кувшин с ручкой, красной глины, с продольным лощением (рис. 7); на основании монеты, диргема Наср-ибн-Ахмеда 914—943 гг., погребение можно датировать второй половиной X в.

Керамика ярославских курганов, если не считать перечисленных исключений, характерна для славянской культуры IX—X вв. На Боршевском городище Воронежской обл., в Гнездовском могильнике и других славянских памятниках мы встречаем те же формы крупных баночных сосудов, часто украшенных гребенчатым штампом. Те же формы обычны для более северо-западных районов. Ближайшие аналогии ярославской керамике по орнаментации встречены среди материалов древнего славянского городища на Белом Озере, обследованного П. А. Суховым в 1939 г.[1]

[1] А. С. Уваров. Меряне и их быт. Тр. I Археол. съезда, т. II, стр. 700.

[2] Известия Археологической комиссии, вып. 38, стр. 112.

[3] E. Kivikoski, op. cit., стр. 390.

[4] И. А. Тихомиров. Кто насыпал Ярославские курганы. Тр. II обл. археол. съезда, 1903, стр. 204.

[1] П. А. Сухов. Славянское городище IX—X ст. в южном Белозерье. Наст. сборн., стр. 89 и сл.

VI

Группа металлических изделий, происходящих из Михайловского и Тимеревского могильников, весьма разнообразна, несмотря на плохую сохранность вещей, сильно пострадавших от огня во время сожжения умерших.

Предметы убора и украшения можно разделить на три основных группы: вещи скандинавского типа, вещи восточные и вещи мерянские, аналогичные изделиям, происходящим из синхроничных муромских или мордовских могильников.

Рис. 5. Михайловский могильник. Глиняные сосуды.
1 — из кург. № 18—1897 г.; *2* — из кург. № 15—1898 г.

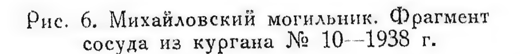


Рис. 6. Михайловский могильник. Фрагмент сосуда из кургана № 10—1938 г.

Рис. 7. Тимеревский могильник. Кувшин из кургана № 4—1938 г.

В женском сожжении в кургане № 16—1938 г. Михайловского могильника, на ряду с льячком и скорлупообразными фибулами X в., встречена бронзовая круглая ажурная бляха с «жуком» посредине, украшенная веревочкой по

Михайловский и Тимеревский могильники. Керамика.

1 — Михайловский мог., кург. № 7—1938 г.; *2* — Михайловский мог., кург. № 16—1938 г.; *3—4* — Тимеревский мог., кург. № 4—1938 г.; *5* — Тимеревский мог., кург. № 24—1939 г.

краю и с дужкой на обратной стороне (табл. III, *1*). По стилю эта фибула чрезвычайно напоминает пермские изделия более раннего времени. Круглая подвеска с «жуком» встречена в кургане № 1—1902 г. (отсутствует в коллекции), где основным погребением было сожжение ремесленника-литейщика. Этот курган, поскольку можно судить по имеющимся отрывочным данным, заметно выделяется среди остальных; В. А. Городцов указывает, что здесь было встречено более 100 предметов, в том числе наиболее богатые привозные скандинавские изделия.

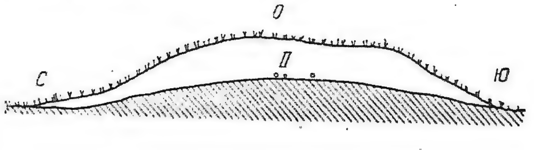
К местным же мерянским изделиям, встреченным на Михайловском могильнике, относится целый набор шумящих подвесок, происходящих из одного кургана раскопок 1902 г. Предметы находились, видимо, в сожжении, так как несут следы действия огня. Это разнообразные подвески, украшенные городками и веревочкой и снабженные привесками (2 экз. — табл. III, *2*; 2 экз. — табл. III, *3*; 28 экз. — табл. III, *4*; 10 экз. — табл. III, *5*; 2 экз. — табл. III, *6*; 8 экз. — табл. III, *7* и 6 экз. — табл. III, *8*). Все вещи выполнены в одной технике; орнаментирована лишь лицевая сторона, на обратной стороне имеются дужки для прикрепления. На поверхности заметны неровности, образовавшиеся при литье. Подобные украшения многочисленны в курганах Ростово-Суздальского края, исследованных С. А. Уваровым и С. П. Савельевым, где повторяются в точности отдельные из встреченных у нас типов.[1]

Аналогии этим предметам мы находим также в Сарском[2] и Подболотьевском[3] могильниках. Большинство женских погребений сопровождалось там значительным количеством шумящих подвесок прямоугольной, треугольной и других форм, украшавших голову и грудь погребенных; они также подвешивались на поясе и нашивались на подоле платья и на обуви. Отдельные привески типа пронизок имеют близкое сходство с вещами, происходящими из Курмановского могильника.[4]

Перечисленные выше шумящие подвески Михайловского могильника происходят также, видимо, из женского мерянского погребения.

К этой же группе предметов должно быть отнесено украшение полуовальной формы, происходящее из раскопок 1909 г. в виде дужки с двойной спиралью (табл. III, *9*). Подобное украшение, снабженное лапчатыми привесками, имеется в составе находок 1891 г., сделанных у д. Загребино Кировской обл.[5]

Из вышеизложенного очевидно, что мерянские вещи в Михайловском могильнике не только единичны, но сосредоточены лишь в некоторых погребениях — вероятно, мерянских. На Тимеревском могильнике они вовсе не были обнаружены.



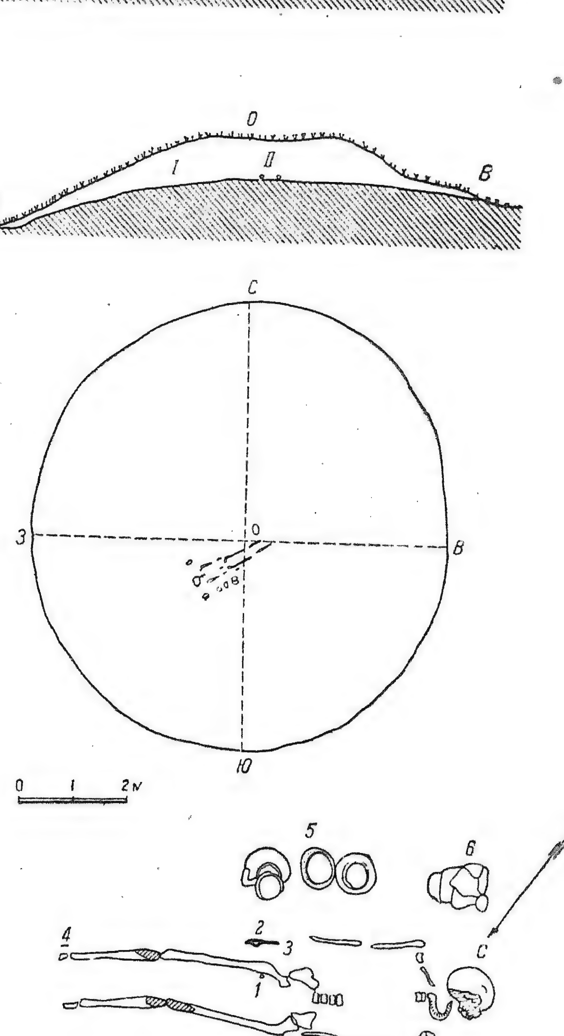


Рис. 8. Тимеревский могильник. Курган № 4—1938 г.

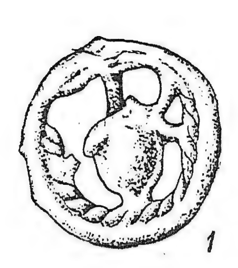
1 — монета диргем; *2* — кресало; *3* — стержень; *4* — железный обломок; *5* — сосуды; *6* — раздавленный сосуд.

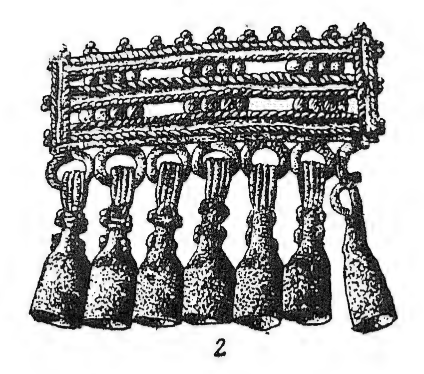
Из предметов скандинавского типа чаще всего встречаются скорлупообразные фибулы.

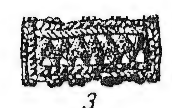
В кургане № 1—1896 г. Михайловского могильника были встречены две фибулы, украшенные конскими головками (рис. 9).

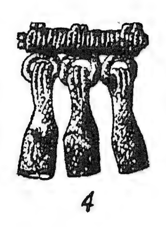
Скорлупообразные фибулы Борре-стиля, с 7 выступами, найдены на Михайловском могильнике в 5 погребениях, иногда попарно. Всего здесь было встречено 9 экземпляров таких

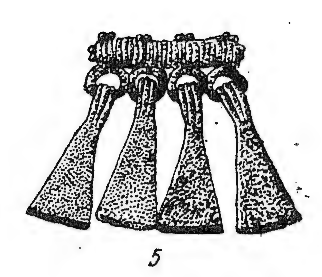
[1] А. А. Спицын. Владимирские курганы. Изв. Археол. комиссии. вып. 15, рис. 431 и 446.
[2] Материал хранится в Ростовском музее.
[3] В. А. Городцов. Археологическое исследование в окрестностях Мурома. Древности, т. XXIV, стр. 451 и сл.
[4] Ф. А. Уваров. Курманский могильник. Древности, т. XIV. табл. VIII—VI.
[5] ОАК, 1891, стр. 105, рис. 88.

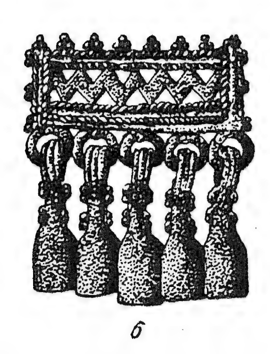


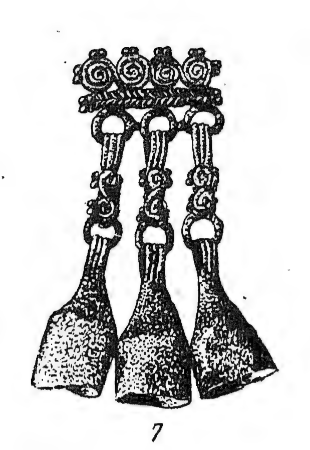


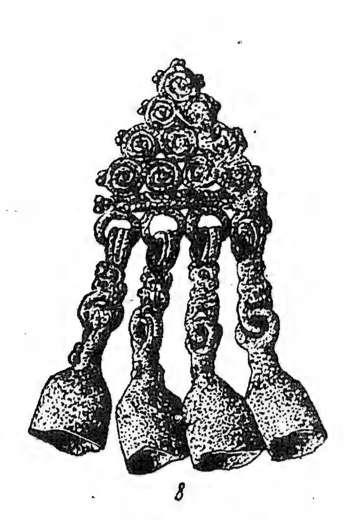












Михайловский могильник. Мерянские украшения.

1 — кург. № 6—1938 г.; *2—8* — раск. 1902 г.; *9* — раск. 1909 г.

фибул (курганы № 18—1897 г., № 15—1898 г., 1902 г., № 6—1938 г., № 25—1939 г.) (табл. IV, *2*). Значительная их часть сильно повреждена огнем, но отдельные экземпляры хорошо сохранились. Все они одного стиля, за исключением несколько особых фибул, найденных в кургане № 18—1897 г. Михайловского могильника. У одной из них края вписанных ромбов украшены меандровым орнаментом (табл. IV, *1*). Аналогичные экземпляры встречены в Гнездовском могильнике.[1] Вторая фибула из этого же погребения имеет в орнаменте совершенно новый элемент, у середины ее длинных сторон, там, где обычно бывают изображены маски, имеется почковидный орнамент (табл. IV, *3*), аналогичный орнаменту восточных почковидных бляшек,[2] распространенных в памятниках IX в. более южных и восточных районов. Подобное своеобразное сочетание северного стиля с восточным встречается впервые. В этом же комплексе встречена круглая фибула с иглой на обратной стороне и кольцом для подвешивания; лицевая сторона украшена изображением извивающегося животного (табл. V, *5*). Кроме того, найден меч и монета Рашид Мединет-ас Селям 193 г. (805—809 гг). Комплекс может быть датирован концом IX — началом X в.

Остальные скорлупообразные фибулы Михайловского могильника относятся к обычному, наиболее распространенному типу. Две фибулы из раскопок 1902 г. носят следы грубого обращения, их поверхность в трех местах пробита заклепками. Обычные размеры фибул — дл. 11 см, шир. 7 см.

На Тимеревском могильнике также встречено несколько экземпляров скорлупообразных фибул (две из раскопок 1887 г. и одна 1939 г.). Подобные им известны в курганах Ростово-Суздальского края, в Гнездовском могильнике, в Киеве, Новгороде и особенно многочисленны в курганах юго-восточного Приладожья.

Кольцевидные скандинавские фибулы представлены двумя экземплярами. Один происходит из Михайловского могильника из кургана № 8—1898 г., фибула имеет кольцо, сплошь украшенное плетением и двумя мордами животных с разветвляющимися рогами, расположенными по оси иглы (табл. IV, *5*). Аналогичные вещи известны из Люцинского[3] и Гнездовского могильников.[4] Датируются такие фибулы серединой X в.

Второй экземпляр из кургана № 10—1897 г. Михайловского могильника имеет подобный же, но более грубый орнамент. Аналогии известны из Гнездовского могильника[5] и приладожских

[1] В. И. Сизов. Гнездовский могильник. Матер. по археол. России, № 28, табл. 1—2.

[2] T. J. Arne. La Suède et l'Orient, стр. 120—121, фиг. 112—116.

[3] Материалы по археологии России, № 14. Люцинский могильник, табл. VI, 5.

[4] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. Матер. по археол. России, № 28, стр. 87, рис. 37.

[5] Там же, стр. 87, рис. 36.

курганов.[1] Датируется тем же временем. Наконец, имеется фибула в форме трилистника, происходящая из кургана № 25—1939 г. Михайловского могильника.

Несколькими экземплярами представлены кольцевые застежки, нередко прибалтийского типа, а также обычного типа со свернутыми трубочкой концами. В кургане № 1—1938 г. Тимеревского могильника была встречена крупная застежка с орнаментированным кольцом и прямоугольными головками (табл. V, *11*). В кургане № 39—1898 г. Михайловского могильника встречена фрагментированная подковообразная застежка с гранчатыми головками; кроме того, на Михайловском же могильнике были встречены две железные прямоугольные пряжки, согнутые из пластины, № 20—1898 г. и № 2—1938 г. Аналогичная форма встречена в Волховской сопке Победище 140.

Рис. 9. Михайловский могильник. Фибула с конскими головками.

Поясные наборы представлены довольно разнообразным материалом. В кургане № 1—1902 г. Михайловского могильника встречены два удлиненных наконечника пояса, суживающиеся книзу, украшенные рельефным орнаментом, состоящим из морд животных, масок и плетения (табл. IV, *6*); на обратной стороне имеется гладкая пластинка на шпеньках. Подобные предметы, но с более примитивным орнаментом, встречены в Гнездовском могильнике.[2] Близкие формы известны в Норвегии.[3] По прекрасному звериному стилю наши экземпляры могут быть отнесены к концу IX — началу X в.

Видимо, к этому же комплексу относятся бляшки: прямоугольная выпуклая с широкой дужкой, украшенная ажурным плетением; круглая выпуклая с плетеным орнаментом, несколько фигурных удлиненных с неясным звериным орнаментом; полукруглая серебряная с позолотой, украшенная по краю кружками (табл. V, *1—4*). Большинство из них скандинавского и часть восточного стиля. Некоторые

[1] W. Y. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet, фиг. 54.

[2] В. И. Сизов. Гнездовский могильник. Матер. по археол. России, № 28, табл. XI, *13—15*.

[3] Jan Petersen. Vikingersmykker, фиг. 132—134.

Михайловский могильник. Скандинавские вещи.

1 — кург. № 18—1897 г.; *2* — кург. № 6—1938 г.; *3* — кург. № 1—1902 г.; *4* — раск. 1904 г.; *5* — кург. № 18—1897 г.; *6* — кург. № 1—1902 г.

вещи этого комплекса, например бронзовая поясная пряжка прямоугольной формы, украшенная рядами треугольников (табл. V, *12*), должны быть отнесены к местным изделиям. В целом комплекс может датироваться концом IX в.

Значительно разнообразнее наборы восточных бляшек в кургане № 6—1913 г. Михайловского могильника, там было встречено несколько бляшек сердцевидной и удлиненной формы, украшенных пальметками.[1] В кургане № 18—1913 г. представлен целый набор из удлиненных и фигурных бляшек, украшенных пальметками, исполненными чернью.[2]

T. J. Arne отмечает, что большинство восточных бляшек, встреченных на Михайловском могильнике, относится к разновидностям, в Швеции пока неизвестным.[3] Аналогию подобным бляшкам мы находим не только в восточных областях, в Прикамье и Кировском крае, но для некоторых типов, украшенных чернью, в древностях Сев. Кавказа. Эта группа предметов датируется второй половиной IX в. и первой половиной X в. Бляшки из случайных раскопок Михайловского могильника 1910 г. и из кургана № 1—1938 г. Тимеревского могильника, отличающиеся схематизированным орнаментом, более поздние, не ранее середины X в.

О широко развитых торговых связях населения, оставившего ярославские курганы, говорят довольно часто находимые в погребениях наборы или единичные экземпляры весовых гирек и части весов. Они были встречены в нескольких курганах на Михайловском могильнике: курганы №№ 10, 20 и 44—1897 г., №№ 1, 5 и 10—1938 г. В кургане № 18—1939 г. Тимеревского могильника был встречен целый набор гирек-разновесок, на ряду с бронзовыми предметами, и в кургане № 10—1939 г. чашки от весов.

VII

Переходя к обзору предметов вооружения, прежде всего остановимся на мечах, что позволяет продолжать освещение вопроса о скандинавском импорте.

На Михайловском могильнике было встречено 6 мечей, все западноевропейского типа. Наиболее ранний из них, с перекрестием и рукояткой, украшенной бронзовыми накладками с золотой насечкой,[4] относится к типу D классификации Петерсена и датируется первой половиной IX в.[5] (рис. 10). Комплекс вещей, из которого происходит меч, относится, однако, к несколько более позднему времени. Остальные 5 мечей из курганов №№ 10 и 18—1897 г., №№ 1 и 34—1898 г. и случайная находка 1899 г. имеют трехчастные головки и принадлежат к типам S и T классификации Петерсена, другими словами датируются серединой X в. Меч, орнаментированный серебряной инкрустацией в виде ступенчатых зубчиков с насечкой и с проволочной перетяжкой (табл. VI, *1*), случайно найденный на Михайловском могильнике в 1899 г., датируется второй половиной X в. Аналогичный меч известен из Приладожья.[1] Из этой же случайной находки происходит боевой клинок или скрамасакс с односторонним лезвием и черенком (табл. VI, *2*), длиной 0.42 м, представляющий собой франкский тип оружия.

Рис. 10. Михайловский могильник. Меч первой половины IX ст.

Некоторые русские исследователи, например В. А. Городцов, высказывают мысль, что часть мечей Михайловского могильника — местного происхождения, что однако маловероятно.

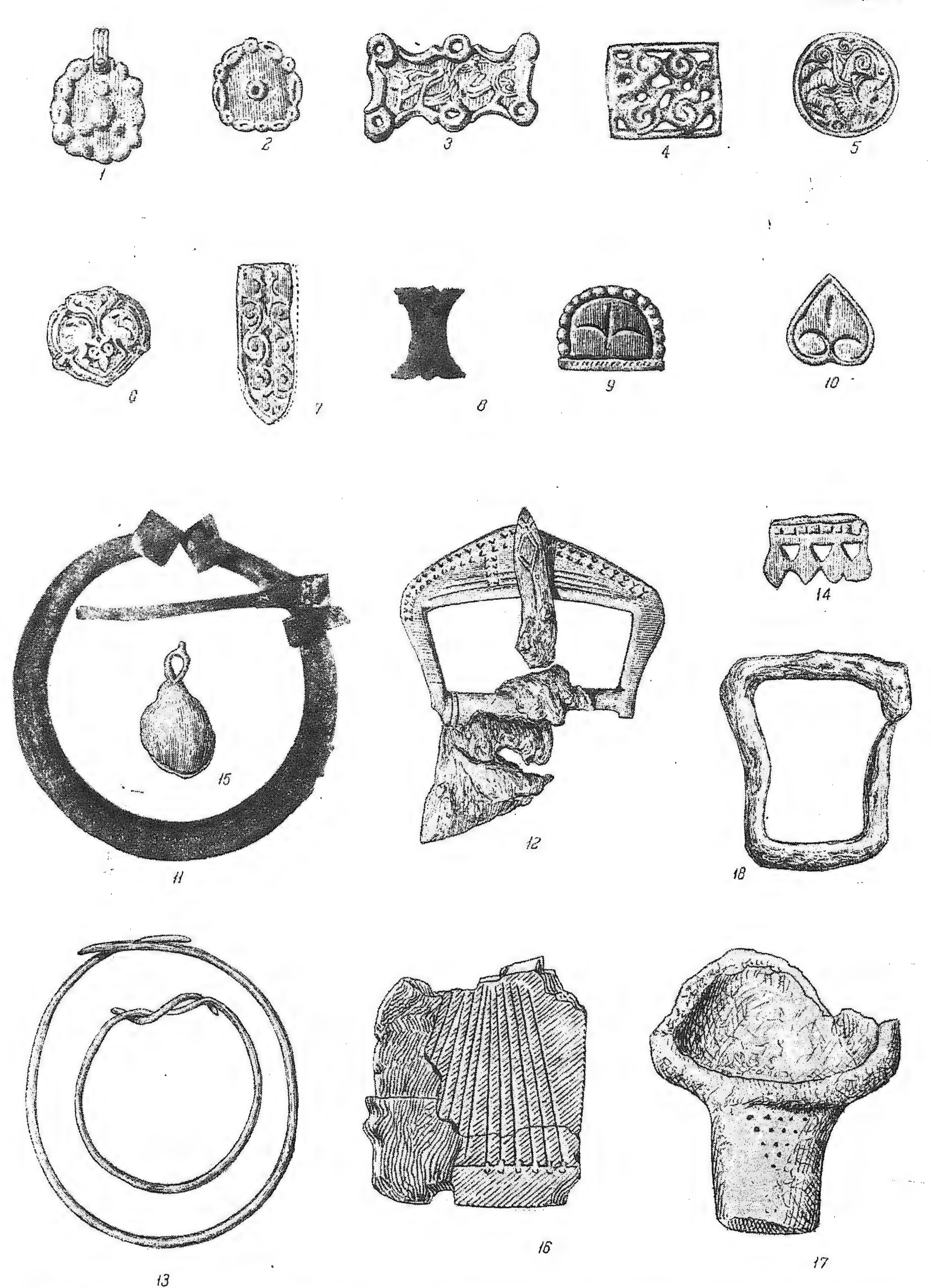
На Тимеревском могильнике мечи ни разу не были встречены.

Топоры представлены лишь тремя экземплярами, найденными на Михайловском могильнике. Один вытянутой формы с узким лезвием (таб. VI, *6*) из раскопок 1902 г. имеет некоторую аналогию в Лядинском могильнике. Второй топор-секира с широким лезвием и гвоздевидным выступом на обухе (табл. VI, *7*), происходящий из кургана № 10—1897 г., имеет аналогии в курганах Ростово-Суздальского края и в древностях Кавказа. Третий ранний топорик с упором на втулке происходит из раскопок в 1887 г. на Тимеревском могильнике.

Также немногочисленны наконечники копий: один с узким ланцетовидным лезвием, с реб-

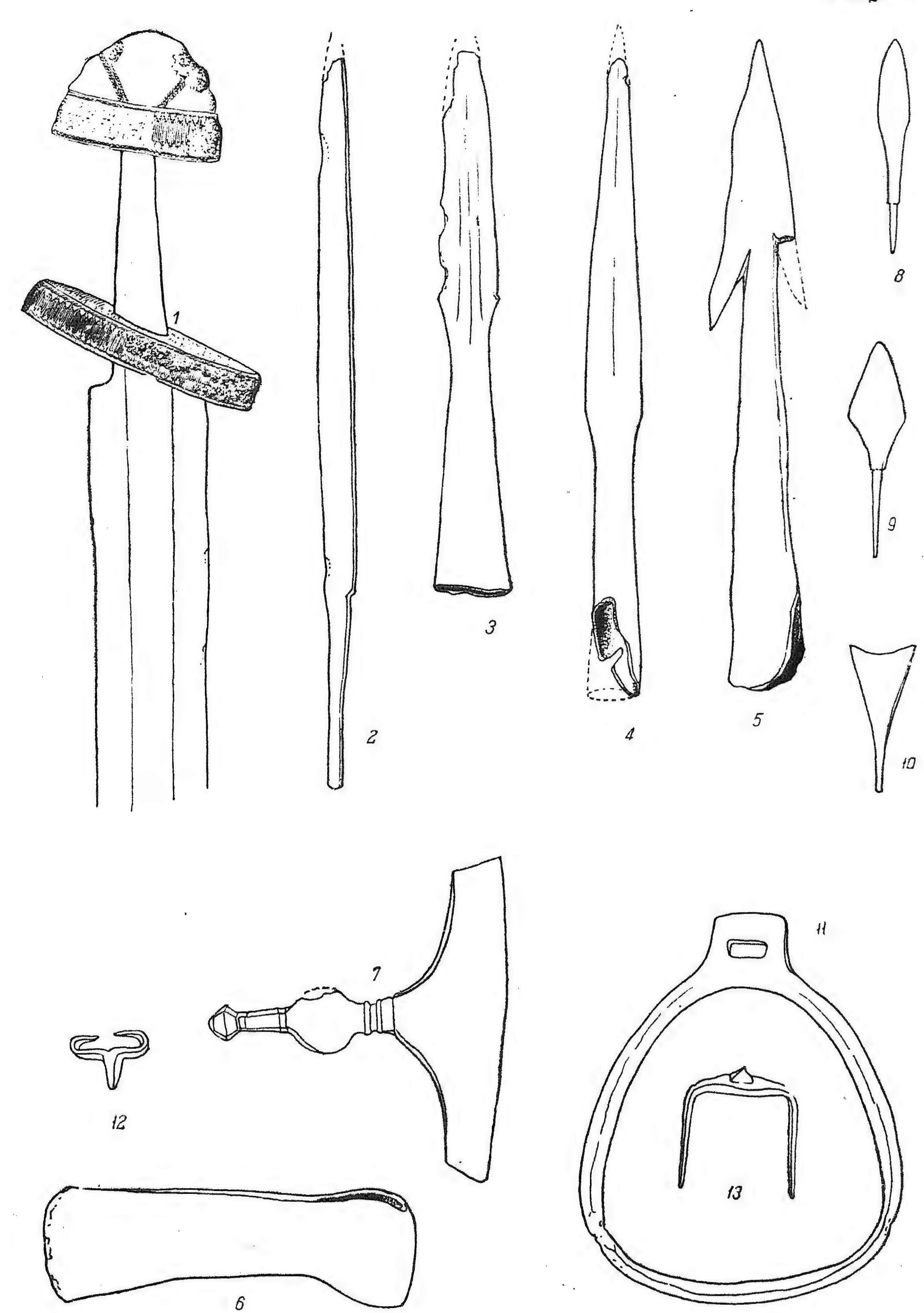
[1] См. работу T. J. Arne в «Fornvännen» 1918, фиг. 15—17.
[2] Там же, фиг. 18—22.
[3] Там же, стр. 47.
[4] Там же, фиг. 40.
[5] Jan Petersen. De norske Vikingesverd. Skrifter utgit av Videnskapsselskapet i Kristiania. 1919, стр. 73—74.

[1] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. Матер. по археол. России, 18, рис. 16.



Михайловский и Тимеревский могильники. Бляшки поясного набора и другие предметы и украшения.

1—4—Михайловский мог., кург. № 1—1902 г.; *5*—Михайловский мог., кург. № 18—1897 г.; *6—7*—Михайловский мог., кург. № 9—1938 г.; *8*—Тимеревский мог., кург. № 1—1938 г.; *9—10*—Михайловский мог., раск. 1909 г.; *11*—Тимеревский мог., кург. № 1—1938 г.; *12*—Михайловский мог., кург. № 1—1902 г.; *13*—Михайловский мог., раск.—1902 г.; *14*—Михайловский мог., кург. № 50—1898 г.; *15—17*—Михайловский мог., кург. № 1—1902 г.; *18*—Михайловский мог., кург. № 20—1898 г.



Михайловский могильник. Предметы вооружения.

1—2 — случайная находка 1899 г.; *3* — кург. № 34—1898 г.; *4*—кург. № 44—1898 г.; *5* — кург. № 8—1898 г.; *6* — раск. 1902 г.; 7 — кург. № 10—1897 г.; *8*—кург. № 44 — 1898 г.; *9* — кург. № 2—1897 г.; *10* — кург. № 1—1902 г.; *11* — кург. № 34—1898 г.; *12* — кург. № 2—1897 г.; *13*— кург. № 7— 1898 г.

ром и двумя желобками посредине и с широкой втулкой (табл. VI, *3*), происходящий из кургана № 34—1898 г. Михайловского могильника, западноевропейского типа начала X в. Аналогичные экземпляры известны из Приладожья. Два остальных: с листовидным длинным лезвием из кургана № 14—1898 г. (табл. VI, *4*) и с двузубым лезвием и длинной, расширенной книзу втулкой (табл. VI, *5*) из кургана № 8—1898 г. Михайловского могильника несомненно представляют собой местные изделия.

Наиболее многочисленны среди предметов вооружения наконечники стрел. В основной массе они бесспорно местного изделия. Характерной формой являются наконечники с ромбической формы пером (табл. VI, *9*). Аналогичные формы широко известны в курганах Ростово-Суздальского края, характерны также для Гнездовского могильника. Кроме того, имеются наконечники стрел с пером листовидной формы (табл. VI, *8*), встречающиеся в Приладожье. Наконечник стрелы восточного типа с поперечным вогнутым лезвием (табл. VI, *10*) встречен в одном экземпляре в кургане № 1—1902 г. Михайловского могильника.

В одном кургане, № 34—1898 г., был встречен шлем, к сожалению, в совершенно разрушенном виде.

В нескольких курганах найдены прямоугольные железные, вдвое согнутые обоймы со шпеньками (Михайловский могильник № 7—1897 г., № 11—1898 г., № 1—1902 г.) T. J. Arne считает их оковками от края щита. Кроме того, имеется несколько фигурных обоймиц из кургана № 42—1898 г. Михайловского могильника.

Из предметов конской упряжи можно отметить удила обычного типа из Михайловского могильника (курган № 10—1897 г.). В кургане № 34—1938 г. этого же могильника была встречена пара стремян с широкой выгнутой дужкой в нижней части.

Чрезвычайно распространенным предметом в мужских сожжениях являются железные шипы для обуви, встреченные обычно по одному, реже по два-три экземпляра. Имеется несколько типов шипов. Крупные с прямоугольно отогнутыми боковыми хвостами (табл. VI, *13* из курганов № 7—1898 г. и № 1—1902 г. Михайловского могильника), видимо, являются наиболее ранними. Более многочисленны шипы с прямоугольно загнутыми сходящимися концами (табл. VI, *12*) и малые шипы с овально согнутыми концами. Аналогичные вещи имеются в Гнездовском могильнике; единичные их экземпляры были встречены в волховских сопках. Назначение таких шипов остается неясным; несомненно лишь то, что они прикреплялись к обуви. Об этом говорит местоположение шипов в могилах на Бьорко.[1] И. А. Тихомиров считал их шпорами. T. J. Arne объяснял их как шипы для хождения по льду; наиболее вероятно объяснение их в качестве древолазных шипов — принадлежностей бортничества.

[1] Agnes Geier. Birka III. Die Textilfunde aus den Gräbern. Upsala, 1938, стр. 145, табл. 40, *1*.

Наконец, характерными находками в наших курганах являются железные, круглые в сечении трубочки-обоймицы с ушком. Они были встречены в ряде курганов Михайловского могильника (напр. №№ 2 и 5—1938 г.). Аналогичные находки известны в ранних памятниках на Сарском и Гнездовском могильниках, в длинных смоленских курганах и других синхроничных памятниках. А. А. Спицын их обозначал как «обоймицы в виде лоточка с ушком»,[1] назначение которых неизвестно.

В инвентаре мужских сожжений обычны точильные бруски прямоугольные в сечении с просверленным отверстием, иногда с колечком для подвешивания (курган № 20—1897 г. Михайловского могильника). Распространены также грубо отделанные точильные бруски, длиной 0.20 м и более (курган № 7—1898 г. Михайловского могильника и др.).

Из других железных предметов можно отметить ножницы для стрижки овец, состоящие из двух лезвий, соединенных полукруглой дужкой (№ 27—1898 г. и № 10—1938 г. Михайловского могильника); подвесной замок приладожского типа из кургана № 1—1938 г. на Тимеревском могильнике; ключ в виде стержня с двумя бороздками из кургана № 27—1898 г. на Михайловском могильнике.

VIII

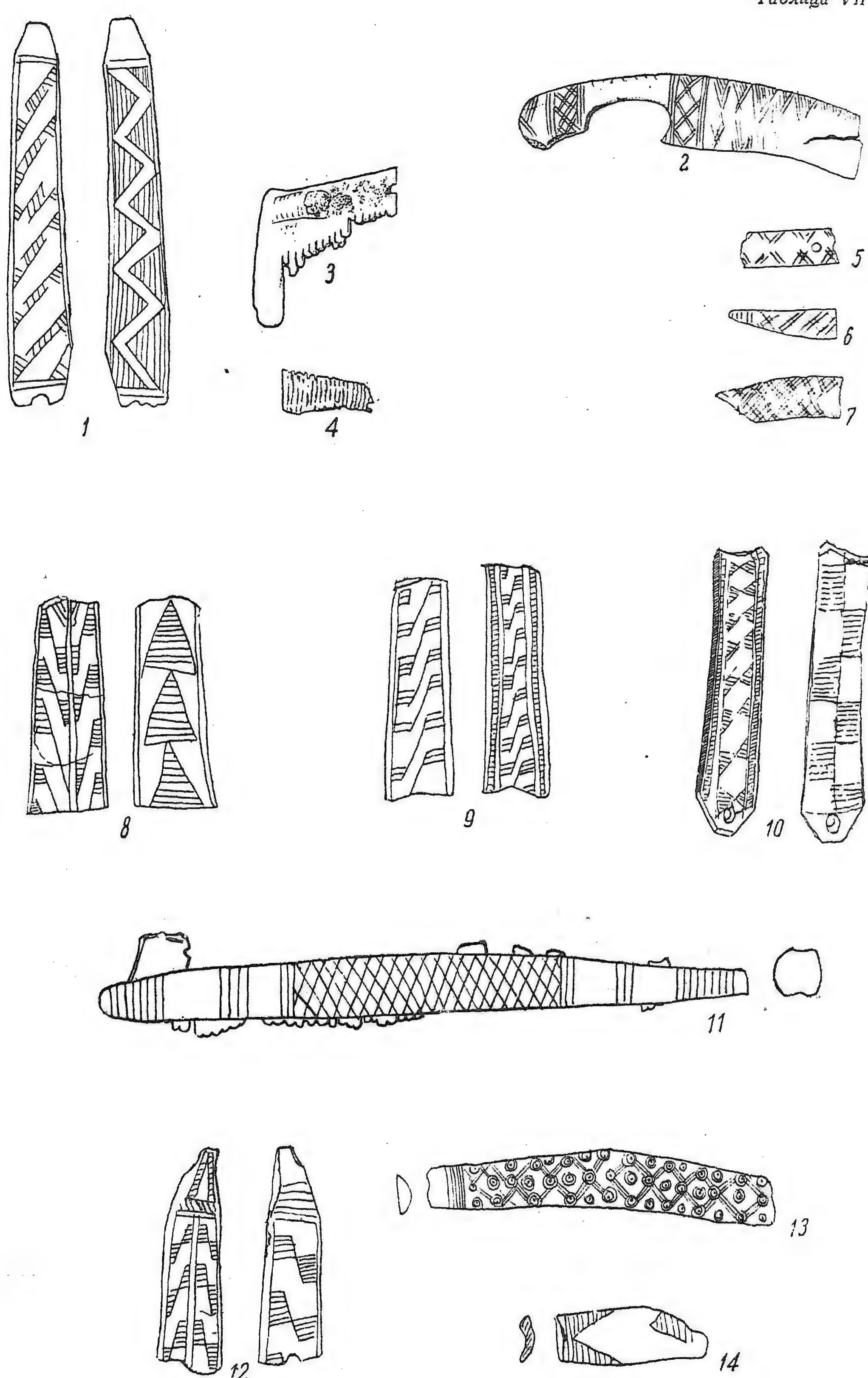
Другие находки, происходящие из ярославских курганов, не менее интересны.

Большое распространение в быту оставившего их населения имели, повидимому, костяные вещи, очень пострадавшие от огня во время сожжения умерших. Здесь имеются части складных костяных гребней, украшенных кружковым и линейным орнаментом (табл. VII, *2—7, 11, 13—14*). Обычны костяные удлиненные пластинки с двусторонним плетеным или геометрическим орнаментом из заштрихованных треугольников, трапеций и т. п. (табл. VII, *1, 8—10, 12*). Один конец их несколько заострен, другой снабжен отверстием. Возможно, что они представляют собой подвески-уховертки с обломанными или обгоревшими ложечками. Аналогичные изделия были встречены на Сарском городище.[2]

На Михайловском могильнике были найдены два льячка (курган № 6 — 1938 г. и № 1 — 1902 г.): первый гладкий, второй с дырочками, расположенными треугольником у основания рукоятки (табл. V, *17*). В этом же погребении встречены обломки литейной формочки для из-

[1] А. А. Спицын. Расселение древне-русских племен по археологическим данным. ЖМНП, ч. CCCXXIV, 1899, стр. 312.

[2] Д. Эдинг. Сарское городище. Ростовский Гос. музей, 1928, табл. VI, *1—5*.



Михайловский и Тимеревский могильники. Костяные изделия.

1, 3 — Михайловский мог., кург. № 6—1938 г.; *2, 4—7* — Михайловский мог., кург., № 5—1938 г.; *8* — Михайловский мог., кург. № 44—1898 г.; *9* — Михайловский мог., кург. № 7—1897 г.; *10* — Тимеревский мог., кург. № 3—1938 г.; *11* — Михайловский мог., кург. № 8—1898 г.; *12*—Михайловский мог., кург. № 2—1897 г.; *13* — Михайловский мог., кург. № 1—1898 г.; *14* — кург. № 11—1898 г.

готовления какого-то украшения (табл. V, *16*). Аналогичная литейная формочка, сделанная из глины, известна среди материалов Сарского могильника. Льячки подобных форм неоднократно были находимы С. А. Уваровым и С. П. Савельевым.[1] Если учесть, что находки подобного рода представляют большую редкость в могильных памятниках, то их находки в курганах Ростово-Суздальского края говорят о большом значении этих предметов для местного населения. Литье бронзовых украшений являлось, повидимому, широко распространенным занятием.

Довольно распространенным украшением женского костюма являлись бронзовые бубенчики. Округлые уплощенные бубенчики салтовского типа с продольным прорезом встречены в трех экземплярах в кургане № 1—1902 г. Михайловского могильника (табл. V, *15*). Иного типа округлый крупный бубенчик с крестовидным прорезом и орнаментированный штрихами происходит из раскопок 1902 г. там же. В кургане № 50 из раскопок 1898 г. на Михайловском могильнике происходят две чечевицеобразные пуговки с ушком. Немногочисленны перстни. В упомянутом кургане № 1—1902 г. встречен пластинчатый перстень с усиками, орнаментированный пунктиром из ромбов.

К женским же украшениям необходимо отнести височные кольца, наиболее характерные для поздних погребений. Однако в одном раннем комплексе Михайловского могильника, среди материалов из раскопок 1902 г., имеется пять крупных височных колец с заходящими концами, архаического новгородского или смоленского типов, надетые на шестое кольцо с завязанными концами (табл. V, *13*).

Все описанные формы украшений характерны для славянской культуры этого времени.

Наконец, нельзя обойти молчанием ожерелья из бус, характерные для женского убора. В наших памятниках встречены ожерелья из массивных цилиндрических гранчатых, круглых и многогранных бус из сердолика и горного хрусталя (курган № 18—1898 г., № 2—1902 г. Михайловского могильника, № 7—1939 г. Тимеревского могильника). Имеются также бусы стеклянные, синие и желтые, и пронизки, часто расплавленные от действия огня (№ 18—1898 г. № 6—1938 г. Михайловского могильника).

В большом числе встречены при раскопках мелкие изделия из железа, главным образом поясные пряжки и обоймицы. Все они очень плохо сохранились и представлены обычными типами. Интерес представляют лишь прямоугольные, как бы сдавленные с боков пряжки, известные по материалам, происходящим из сопок и длинных курганов, их время VIII — нач. IX столетия (табл. V, *18*).

Наконец, среди скоплений жженых человеческих костей постоянно встречаются пережженные кости животных и птиц — остатки пищи, сопровождавшей умершего. Среди материалов раскопок 1938 г. кости животных отсутствовали лишь в одном сожжении (кург. № 16). Среди костей животных были определены остатки быка домашнего *(Bos taurus)*, лошади *(Equus caballus)*, свиньи *(Sus scrofa domestica)*, овцы *(Avis aries)*, собаки *Canis familiaris)*, лося *(Alces alces)*, лисицы *(Vulpes vulpes)*, бобра *(Castorfiber)* и зайца *(Lepus europaeus)*. Кроме того, встречены кости птиц.

Вместе с умершим сжигалась обычно лишь часть животного. Так, например, встречены лишь копытные фаланги и зубы быка; лошадь представлена костями запястья. Довольно часто в сожжениях встречены астрагалы бобра с просверленными отверстиями, представлявшие, видимо, подвески (№№ 18 и 39—1898 г.; № 1—1938 г. Михайловского могильника). Кроме жженых костей животных, на Тимеревском могильнике в насыпи наиболее древних сопковидных курганов, в первой серой прослойке были встречены: череп лошади (№ 14—1939 г.) и челюсть домашнего быка (№ 16—1939 г.), представляющие остатки тризны, совершенной на кургане уже после его сооружения.

В Михайловском могильнике в кургане № 18—1897 г. встречен крупный сосуд, наполненный жжеными костями животных.

В двух случаях И. А. Тихомиров отмечает встреченные в сожжениях Михайловского могильника обугленную ореховую скорлупу (№ 18—1897 г.) и скорлупу кедрового ореха (№ 7—1897 г.), что представляет большой интерес.

IX

Кратко подведем итоги рассмотренному материалу и сформулируем основные выводы.

Наиболее ранние курганы с трупосожжением Михайловского и Тимеревского могильников относятся к VIII ст., вероятно ко второй его половине. Среди них особенный интерес представляют большие курганы, расположенные в древнейшей центральной части могильников, заключающие в себе остатки многих трупосожжений. Насыпи некоторых курганов возведены в два-три приема; внутри насыпей сохраняются остатки деревянных сооружений, вероятно «домовищ», и каменная кладка. Ближайшими аналогиями этим курганам являются древние славянские погребальные памятники Новгородской земли — так называемые сопки. Ни мерянских, ни скандинавских вещей в этих курганах встречено не было. С известными сейчас мерянскими рядовыми могильниками древнейшие курганы Ярославского Поволжья с трупосожжением не имеют ничего общего. Очевидно, они оставлены пришлым в Ярославское Поволжье славянским населением.

Этому выводу не противоречат и сделанные в курганах находки. Если глиняные изображения медвежьих лап и сопутствующие им кольца

[1] А. А. Спицын. Владимирские курганы. Изв. Археол. ком., вып. 15, 1905, стр. 135, рис. 94.

представляют собой еще не вполне разгаданный элемент погребального обряда, то все же несомненно, что это отнюдь не местная мерянская особенность культа. Вполне определенные выводы позволяет сделать керамика, славянский характер основной массы которой не вызывает сомнений. Более того, как и облик курганов, керамика ведет нас на северо-запад в Белозерье и Новгородскую землю, указывая, что именно оттуда пришло в Ярославское Поволжье первое славянское население.

Среди курганов более поздних, относящихся к IX—X ст., представляется возможным выделить группу с однородным бедным инвентарем, с теми же глиняными лапами и кольцами, сосудами, среди которых еще переживают древние формы, и немногочисленными орудиями и предметами украшения. Эта группа насчитывает большое количество курганов. Вторую группу составят курганы с более разнообразным инвентарем, среди которого, на ряду с местными изделиями, встречаются привозные предметы и украшения среднешведского и восточного стилей. Однако здесь имеются и глиняные лапы.

Несомненно, что в этих двух, в основном одновременных, группах погребений отражаются различия социального порядка, т. е. находит свое выражение процесс распада родового общества и выделения наиболее обеспеченного слоя населения.

Интересно, что вещи восточного происхождения, в частности монеты, проникли в Ярославское Поволжье раньше, чем изделия скандинавского типа. Торговые связи с Востоком предшествовали торговле с Западом. Быть может этим и объясняется оригинальность стиля представленных на Михайловском могильнике восточных украшений.

В отношении скандинавских предметов следует еще отметить постоянное сочетание их с типичноместными изделиями, т. е. с описанными магическими изображениями, мерянскими украшениями и т. п. Огромные размеры могильников Михайловского и Тимеревского, их удаленность от реки, наконец, состав могильного инвентаря — все это свидетельствует о том, что памятники принадлежат не населению торговых факторий, а рядовому земледельческому населению. Отдельные погребения ремесленников, купцов и воинов нисколько не противоречат этому выводу. Возможно, что среди богатых погребений, особенно Михайловского могильника, имеются отдельные погребения скандинавов. Однако ни одного бесспорно скандинавского погребения, какие имеются, скажем, в Гнездове около Смоленска, среди материалов обоих ярославских могильников указать нельзя.

Очень любопытно, что мерянские украшения были сосредоточены лишь в единичных курганах, причем нередко в очень большом числе — целыми наборами. Очевидно, здесь имеет отражение факт некоторого смешения славянского и мерянского населения, а именно наличие отдельных женщин-мерянок у пришельцев-славян. Судя по материалам А. С. Уварова и С. П. Савельева, в центре мерянской земли, на оз. Плещеевом и у оз. Неро, мерянские вещи в курганах IX—X ст. представлены значительно богаче, чем в Ярославском Поволжье. Помимо женских мерянских погребений, там имеются и мужские. В курганах XI—XII ст. мерянская окраска инвентаря выявляется еще ярче. Особенно интересны в этом отношении костромские курганы, в инвентаре которых славянские и мерянские или чудские вещи занимают одинаковое место, будучи уже теснейшим образом связанными друг с другом.

Славянский характер Михайловского и Тимеревского могильников прекрасно подтверждается материалами более поздних курганов, относящихся уже к XI ст. и содержащих трупоположения.

Группа курганов этого времени сосредоточена в западной части Михайловского могильника. Она представлена 29 раскопанными курганами (№№ 5, 13, 14, 17—1897 г.; №№ 2, 14, 25, 33, 36, 37 — 1898 г.; №№1—5, 11—12, 15—16, 1913 г., №№ 11, 12, 13, 18 — 1938 г.; №№ 20, 21, 23, 24—1939 г.). По внешним признакам курганы мало отличаются от более ранних, только в ряде случаев они имеют более расплывчатую форму и меньшие размеры.

Трупоположения располагаются на материке, ориентированы головой на запад в нескольких случаях с отклонением к северу, иногда на юго-запад.

Во многих случаях под насыпью курганов на материке прослеживается слой жженых колотых камней, золы, скопление черепков и встречаются отдельные вещи. И. А. Тихомиров, обратив внимание на этот зольный слой, пытался объяснить его происхождение лесными пожарами, в то время как В. А. Городцов считал, что слой имеет естественное происхождение. T. J. Arne неправильно принял это явление за следы своеобразного обряда обжигания слоя почвы до сооружения насыпи. Исследованиями последних лет удалось установить, что западная, более поздняя часть могильника заходит на край ранее здесь существовавшего селища. Зольная прослойка представляет собой культурный слой.

Инвентарь погребений довольно однороден. Встречены лировидные пряжки, малые и большие височные кольца с заходящими, реже с завязанными концами, серьги с напущенными бусами, подвески, бусы и т. п. В отдельных случаях имеются сосуды (№ 18—1938 г.). Мужские костяки обычно не имеют инвентаря и лишь иногда сопровождаются ножами или другими железными поделками. Мерянские вещи, разного рода «шумящие» украшения среди инвентаря этих погребений не представлены.

В нескольких случаях прослежены остатки гробовищ (№№ 12, 13—1938 г.) как в виде частей истлевших плах, так и скреплявших их гвоздей. В одном кургане открыто погребение в могиль-

ной яме. В IX ст. данный могильник перестает функционировать.

Поздние курганы Михайловского могильника по своему обряду и по инвентарю связываются с небольшим курганным могильником, расположенным в 2.5 км к югу от с. Михайловского, за линией железной дороги, в месте слияния Сухого ручья с его притоком. В настоящее время этот памятник полностью разрушен.

Курганы XI ст. в Тимеревском могильнике, расположенные по окраине, менее исследованы. Инвентарь их аналогичен курганам Михайловского могильника. В одном из погребений начала XI ст. встречены два сосуда и чашки от складных весов. К этому же времени относится курганная группа, расположенная по соседству между д. Гончарово и М. Тимерево. По обряду погребения и инвентарю курганы XI ст. Михайловского и Тимеревского могильников ничем не выделяются среди многих сотен синхроничных им славянских курганных кладбищ Верхнего Поволжья.

Приложение I

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА РАСКОПОК НА МИХАЙЛОВСКОМ И ТИМЕРЕВСКОМ МОГИЛЬНИКАХ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1938 г.

Все курганные насыпи раскапывались полностью, по секторам, отделенным друг от друга двумя перекрещивающимися в центре стенками, ориентированными по странам света и служившими для изучения строения насыпи. Ширина стенок колебалась от 0.40 до 1.20 м в зависимости от размеров кургана и характера грунта. При вскрытии погребения стенка сносилась по мере необходимости. Высота кургана измерялась от уровня погребенной почвы до вершины. В дальнейшем описании уровень погребенной почвы обозначается цифрой «0».

Михайловский могильник

Курган № 1 расположен в восточной части могильника, круглой формы, чуть вытянутой с С на Ю. Диаметр основания с С на Ю 10 м, с З на В 9 м, выс. 0.90 м. Состав насыпи — желтый суглинок с прослойками красной глины. *Комплекс I.* На 0—0.20 м к СЗ от центра расположено кострище, вытянутое в северном направлении, разм. 3.00 × 1.60 м, состоящее из округлых и частично плоских продольных обугленных плах и более коротких поперечных (рис. 3; стр. 63). На кострище разбросаны небольшие обломки кальцинированных костей взрослого и ребенка (5—7 л.) и черепки от горшка ручной лепки: в центре костра встречен железный предмет кубической формы (весовая гирька) диам. 0.05 м. *Комплекс II.* Под центром кострища открыта ямка конической формы, вырытая в материке, диам. 0.30 м и глуб. 0. 15 м; в ней скопление кальцинированных костей взрослого человека, костей животных (бобра, зайца) и костей птицы, черепки от горшка ручной лепки, фрагменты костяного гребня и отщеп кремня.

Курган № 2. Рядом с предыдущим, к З от него, расплывчатой формы. Диам. 7 м, выс. 0.50 м. Состав насыпи — суглинок с прослойками красной глины. *Комплекс I.* На 0 у центра в северо-западном секторе был встречен слой человеческих кальцинированных костей. Диаметр слоя до 1 м, толщ. 0.15 м, наиболее мощный в северо-западной части. Среди них кости быка и птицы; в 0.80 м к ССЗ от центра встречены: прямоугольная пряжка, узкий нож с длинным черенком, железная трубочка и ромбический наконечник стрелы.

Курган № 3. В восточной части могильника, несколько южнее предыдущего, полушаровидной формы с несколько расплывчатым основанием, северная часть насыпи круче, чем южная (рис. 2; стр. 62). Диам. 9 м, выс. 0.90 м. Насыпь — светложелтый суглинок с прослойками глины. *Комплекс I.* На 0 у центра, в северо-западном секторе, обнаружены остатки сожжения в виде черной прослойки овальных очертаний в плане, поперечником 2 м и толщ. 0.20 м, состоящей из перегнивших органических веществ, вкрапления угля, частей обугленных плах и кальцинированных костей. В слое встречены фрагменты двух раздавленных сосудов: маленького с защипом по венчику и более крупного с отогнутым венчиком, слепленных от руки; в западной части прослойки лежали медвежья лапа, слепленная из глины, 2 обломка железной удлиненной оковки со шпеньками. У восточного края под черепками встречены фрагменты глиняного кольца и отщеп кремня. *Комплекс II.* Под серединой прослойки обнаружена ямка конусовидной формы, вырытая в материке, диам. 0.45 м и глуб. 0.20 м, заполненная кальцинированными костями и угольками. Среди них фрагменты сосуда ручной лепки и неопределенная железная поделка.

Курган № 4. Рядом с предыдущим, плоская расплывчатая насыпь, вытянутая с С на Ю. Диам. с С на Ю 7.20 м, с З на В 10 м, выс. 0.60 м. Насыпь — суглинок с прослойками глины. В насыпи под дерном встречены гвоздь, железный предмет в виде массивной петли и черепок от сосуда, сделанного на гончарном круге. *Комплекс I.* К В в 0.50 м от центра на 0 темный слой с включениями угольков и кальцинированных костей диам. до 1.40 м; у юго-западного края слоя шли параллельно вытянутые с СЗ на ЮВ обугленные плахи. *Комплекс II.* У северо-восточного края плах встречена ямка конусовидной формы, вырытая в материке диам. 0.30 м и глуб. 0.25 м, сплошь заполненная полуобожженными костями взрослого человека, среди них кости мелкого животного и железная скобка. Сожжение производилось повидимому на месте.

Курган № 5. Круглая насыпь в южной части могильника. Диам. 8.5 м, выс. 0.65 м. *Комплекс I.* В центре насыпи на глуб. 0.25 м от вершины встречено значительное скопление колотых обожженных камней, диам. до 0.40 м, сходящее ниже на-нет, под ними единичные кальцинированные кости, попадавшиеся вплоть до 0. *Комплекс II.* У центра в северо-западном секторе на 0 открыто кострище, вытянутое с ЮЗ на СВ, дл. до 2 м и шир. 1.5 м, состоящее из продольно положенных обгорелых плах и более коротких поперечных — наиболее сохранившихся в юго-западной части. На кострище, на всем его протяжении, залегает значительное число человеческих кальцинированных костей, главным образом ближе к северо-западному краю. Среди них кости лошади и собаки, железная обоймица, круглая весовая гирька, растрескавшаяся от действия огня, и фрагменты обожженного костяного орнаментированного предмета (гребня, табл. VII, *2, 4—7;* стр. 81). Между ними расположены фрагменты сосуда ручной лепки, баночной формы, из глины с примесью зерен кварца, хорошего обжига. Комплекс представляет собой наиболее ясно выраженный случай полного сожжения на месте.

Курган № 6. Расположен юго-западнее предыдущего: крутая овальной формы насыпь. Диам. с С на Ю — 7 м, с З на В — 8.50 м, выс. 0.60 м. Насыпь — супесь с прослойками глины. Под дерном в северо-

восточном секторе найдены крупная трубчатая кость и 3 черепка глиняного сосуда. В 0.70 м. к В от центра на глуб. 0.40 м в насыпи встречен глиняный льячок; около него единичные кальцинированные кости, ниже — прослойка глины. В 0.35 м к С от центра на глуб. 0.50 м от поверхности насыпи круглая ажурная бляха с ушком на обратной стороне (табл. III, *1*, стр. 74). Оба предмета, повидимому, относятся к комплексу I-а. *Комплекс I*. У центра, на глуб. 0.50 м от вершины, расположено сожжение в виде скопления кальцинированных костей диам. до 2 м, толщ. до 0.20 м и частей обугленных плах — остатков кострища. *Комплекс I-а*. В 0.80 м к СВВ от центра открыта конусовидной формы ямка, вырытая в материке, диам. 0.40 м и глуб. 0.20 м; вдоль ее юго-восточного края лежали фрагменты поставленного в ямку раздавленного сосуда баночной формы, ручной лепки, светлорозовой глины с примесями зерен кварца, хорошего обжига. Ямка была сплошь заполнена слабо обожженными костями молодой женщины и костями быка, свиньи и лося, а сверху в сосуде лежали 2 бронзовые скорлупообразные фибулы (табл. IV, *2*, стр. 76), частично расплавленные, с железными иглами, фрагменты складного костяного гребня (табл. VII, *2—3*, стр. 81), костяная орнаментированная уховертка (табл. VII, *1*, стр. 81), обожженные стеклянные бусы, круглые, ординарные и двойные, белого и синего цвета, и сплав от бус, трубочка-игольник из птичьей кости; у юго-западного края ямки находилась миниатюрная удлиненной формы точилка (подвеска?) из черного сланца с отверстием. В 0.26 м к З от ямки у плахи встречена фрагментированная медвежья лапа из глины красного цвета (табл. I, *2*, стр. 67).

Курган № 7. Расположен у юго-восточного края могильника на В от предыдущего; насыпь округлая, диам. 7 м, выс. 0.60 м. Насыпь — красный суглинок со значительными прослойками глины. *Комплекс I*. В 0.75 м к СЗ от центра встречено незначительное скопление кальцинированных костей собаки и обломков двух маленьких раздавленных сосудов, один с широким прямым венчиком и чуть моделированными плечиками и второй подобный же с насечкой по краю венчика (табл. II, *1*, стр. 72). В центре скопления фрагменты глиняного кольца; в южном его конце небольшая фрагментированная медвежья лапа из глины; на З от нее донная часть раздавленного крупного толстостенного сосуда баночной формы. Восточнее скопления встречены обугленные плахи, вытянутые с ЮЗ на СВ. В основании скопления лежал мощный слой красной обожженной глины. *Комплекс II*. В расстоянии 1 м к ЮВВ от центра на 0 находилось скопление обугленных плах диам. до 0.70 м, состоящее из широких плах, вытянутых с СЗ на ЮВ, и более узких поперечных. В юго-восточной стороне на обгорелых плахах сохранилась часть обгорелого деревянного предмета (ларчика?) с листовидными железными оковками с двух сторон. У юго-западного края кострища встречены 2 гвоздя, фрагмент фигурной оковки и обломок лезвия топорика (?). Между плахами находилось небольшое количество кальцинированных костей. В юго-восточной части кострища сохранился угол деревянного необгорелого сооружения, рубленого в чашу (?). Можно предполагать, что скопление обгорелых плах и необожженная часть представляли некогда одно целое, а именно сруб, первоначальную форму которого невозможно восстановить в виду плохой сохранности.

Курган № 8. Плоская насыпь в северо-восточной части могильника. Диам. 6.50 м, выс. 0.40 м. Насыпь — супесь серого цвета с включениями колотых камней. На 0 незначительная зольная прослойка. *Комплекс I*. В 1.26 м к ЮЗ от центра на 0 незначительное скопление черепков. *Комплекс II*. В 1.50 м к ЮЮВ от центра на 0 часть обгорелой плахи и около нее несколько кальцинированных косточек.

Курган № 9. Округлая расплывчатая насыпь в юго-западной части могильника на СЗ от кургана № 6. Диам. 5.0 м, выс. 0.50 м. Насыпь — супесь красного цвета. В 1.60 м к ЮЮЗ от центра под дерном найден железный нож с обоймой у черенка и черепок. *Комплекс I*. У центра и несколько к ЮВ от него на 0 встретились части обгорелых плах и между ними незначительное скопление кальцинированных костей. На одной из плах лежал бронзовый наконечник пояса с растительным орнаментом (табл. V, *7*, стр. 78). От центра в северо-западном направлении шли наклонные под углом в 30° плахи, их северо-западный конец находился на 0.35 м ниже 0 в прослойке красной материковой глины. Обгорелые плахи составляли скопление дл. до 1 м и шир. 0.50 м. У восточного их края лежали вытянутые в одну линию сердцевидные поясные бляшки с восточным орнаментом (табл. V, *6*, стр. 78) и железный нож в двух обломках. У центра скопления найден обломок бронзовой спиральки, в 1.20 м к Ю от центра скопления на 0 был найден второй железный нож. Кострище здесь было расположено в яме с наклонным дном.

Курган № 10. Крутая овально-вытянутая насыпь в юго-восточной части могильника. Диам. с С на Ю — 5.60 м, с З на В — 5.20 м, выс. 0.50 м. Насыпь — желтый суглинок. *Комплекс I*. Сразу же под дерном в 0.30 м к ЗСЗ от центра на глуб. 0.35 м от вершины лежали железные ножницы, несколько севернее их — калачевидное кресало и между ними единичные кальцинированные косточки. *Комплекс II*. Под центром насыпи в северо-западном секторе встречено сожжение в виде темного овального, вытянутого с ЮЗ на СВ скопления до 1.35 м в поперечнике, содержащего кальцинированные кости человека. Среди них кости лисицы и птиц, угольки и в центре скопления раздавленный сосуд красной глины, тонкостенный, хорошего обжига, с чуть отогнутым венчиком, покрытым насечкой по краю, частично ошлакованный. В 0.36 м к С от сосуда лежали рядом круглая весовая гирька со следами бронзы и железный шпенек, согнутый на концах. В 1.20 м к З от центра скопления находилась часть обгорелой плахи, вытянутой с З на В, около 0.40 м длиной. На СВ от нее лежали фрагменты сосуда красной глины хорошего обжига с чуть отогнутым венчиком (рис. 7, стр. 71). Сосуд был украшен орнаментом из отпечатков веревочки. В 0.80 м к С от плахи находилась часть второй такой же плахи.

Курган № 11. Округлая насыпь, расположенная в западной части могильника. Диам. 0.5 м, выс. 0.40 м. Насыпь — супесь, окрашенная в серый цвет примесью гумуса, с прослойками глины.

В центре кургана на 0 лежал костяк мужчины средних лет, ориентированный головой на З с отклонением в 30° к С. Сохранность плохая. Руки положены вдоль туловища, нижняя челюсть отвалилась вниз. Сохранились плечевые кости, часть ребер, позвонков и бедренные кости. Под тазом лежал железный нож, у левого плеча — железный стержень со свернутым концом.

Курган № 12. Крутая вытянутая насыпь в западной части могильника, севернее предыдущей. Диам. с С на Ю 6.50 м, с З на В 5.40 м. Насыпь — супесь, окрашенная в серо-черный цвет. В 1 м к В от центра на глуб. 0.25 м от поверхности насыпи встречен костяк поросенка, без черепа. У центра на 0 костяк женщины (40—50 л.), средней сохранности, головой на З с отклонением около 30° к С; челюсть спустилась вниз, руки на лобке. Часть позвонков, левая лучевая и локтевая кости и фаланги ног не сохранились. У черепа, по бокам от него и несколько выше, находились 2 железных крюка, слева у черепа — спиральное бронзовое проволочное колечко. В 0.58 м к В от ног скелета лежал железный предмет в виде стержня с расширенным концом. Справа от черепа скелета на расстоянии 0.50 м лежала обгорелая плаха, представляющая собой, повидимому, остаток гробовища. Слой погребенной почвы, на котором было совершено захоронение, отличался черным цветом и значительным содержанием колотых, частично обожженных камней. В 0.35 м на С от левой берцовой кости скелета лежала трубчатая кость животного.

Курган № 13. Круглая насыпь в западной части могильника, рядом с предыдущей. Диам. 7 м; выс. 0.50 м. Насыпь — супесь, в нижней части окрашенная в черный цвет примесью гумуса. У центра на 0 обнаружен костяк женщины средних лет, ориентированный головой на З, с отклонением в 20° к С. Сохранность

средняя; левая локтевая и лучевая кости и фаланги ног не сохранились. Скелет лежал на боку, лицом на ЮЮЗ, нижняя челюсть находилась в перевернутом положении, левая рука на лобке. У правой ключицы встречено серебряное височное проволочное колечко с заходящими концами. К С в 0.30 м от черепа лежал железный плоский стерженек, в 0.45 м к ЮВ от правой руки — железный крючок, а в 0.20 м к ЮЮЗ от правой руки — остаток перегнившей вертикальной плашки дл. 0.21 м. Последняя, так же как и крючки, встреченные в нескольких местах, представляет собой остатки истлевшего гробовища. Под погребением шел мощный черный слой с жжеными камнями и черепками. В ногах скелета в темном слое найден фрагмент плоского глиняного прясла, украшенного ямками.

Курган № 14. Плоская округлая насыпь в юго-западной части могильника. Диам. 0.4 м, выс. 0.70 м. Насыпь — рыхлый желтый песок с прослойками красной глины. В подошве насыпи встречены 2 черепка. Погребения не обнаружено.

Курган № 15. Полушаровидная насыпь в северо-западной части могильника. Диам. 8 м, выс. 1.50 м. У центра в южном секторе кургана встречены кальцинированные кости с вкраплениями угольков, лежащие на площади диам. до 1.50 м слоем толщ. до 0.20 м. В 1.30 м к Ю от центра насыпи сосредоточивалось наиболее мощное скопление человеческих костей и костей свиньи, там же находились фрагменты раздавленных сосудов, частично ошлакованных от действия огня, железная округлая пряжка и в 0.12 м на В серебряное проволочное колечко с завязанными концами. В 0.60 м к ЮЗ от раздавленного сосуда продолжалось скопление кальцинированных костей, среди них лежали фрагменты второго раздавленного сосуда, части глиняного обожженного кольца и фрагмент пяточной части глиняной медвежьей лапы.

Курган № 16. Невысокая насыпь удлиненно-овальной формы в восточной части могильника, на С от кургана № 1. Диам. с С на Ю — 8 м, с З на В — 5 м, выс. 0.60 м. Насыпь — суглинок с прослойками красной глины. *Комплекс I.* В 0.20 м к ЮЗ от центра на глуб. 0.15 м от поверхности насыпи встречено скопление кальцинированных костей, диам. 0.15 м и толщ. 0.10 м. Среди них лежал железный нож с утолщенной спинкой. Ниже до глуб. 0.60 м попадались единичные кальцинированные косточки, черепки и куски обоженной глины. *Комплекс II.* В 0.50 м от центра на 0 встречен раздавленный сосуд красной глины с прямым венчиком, вогнутым внутрь, и округлыми плечиками (табл. II, *2*). Около него следы обгорелой плахи и фрагмент сильно обожженной медвежьей глиняной лапы; между ними незначительное число кальцинированных косточек. *Комплекс III* в 1.80 м к С от центра на 0 обнаружено скопление черепков, в северо-западной поле кургана у основания шел слой красной обожженной глины.

Курган № 17. Холмообразное удлиненной формы возвышение, примыкающее к северо-западному краю кургана № 16, вытянутое с З на В. Диам. с С на Ю — 5.50 м, с З на В — 6 м, выс. 0.70 м. Раскопки были предприняты с целью проследить, не идет ли под эту насыпь слой обожженной глины. Холм оказался естественным возвышением.

Курган № 18. Полушаровидная насыпь в северной части могильника, северо-восточнее кургана № 15, рядом с ним. Диам. 8 м, выс. 0.80 м. Насыпь — светлый суглинок с прослойками глины, в западном секторе значительная примесь гумуса. *Комплекс I.* В 0.20 м к С от центра насыпи на глубине 0.30 м от вершины встречено погребение старухи, ориентированное головой к СЗ. Кости ног плохой сохранности, череп раздавлен, нижняя челюсть отвалилась, руки вытянуты вдоль туловища. Позвонки, ребра и часть костей левой руки не сохранились. У левого плеча лежали сердоликовая цилиндрическая буса и обломок неопределенной оловянной (?) поделки. У левого колена в 0.30 м к СВ от него — железный нож и в ногах в 1 м на Ю от них — сосуд красной глины с широким чуть намеченным венчиком и округлыми плечиками.

У правого бедра находился обломок глиняного пряслица с выступающим ребром.

Курган № 19. Полушаровидная насыпь рядом с предыдущей. Диам. 8 м, выс. 1.50 м. Насыпь — суглинок с прослойками красной глины. Курган оказался пустым.

Тимеревский могильник

Курган № 1. Полушаровидная насыпь в юго-западной части могильника. Вершина несколько уплощена. В основании кургана видны следы заплывшего рва. Диам. 0.12 м, выс. 0.80 м. Насыпь — светлый суглинок с прослойками красной глины, ниже желтый материковый песок. *Комплекс I.* В 1.50 м к СЗ от центра на глуб. 0.30 м от поверхности насыпи встречено скопление кальцинированных костей диам. до 0.50 м и толщ. 0.23 м. Среди них найдены продольно расположенные бляшки от пояса, из них 1 удлиненная, 4 фигурные (табл. V, *8*, стр. 78) и 1 круглая, частично сохранилась кожа от пояса. Рядом лежал железный висячий замочек, распавшийся на части. Ниже обнаружены: фрагментированная костяная поделка в виде короткой трубки, точильная плитка удлиненной формы, квадратная в сечении, с отверстием, и в самом низу на 0 крупная подковообразная бронзовая застежка с ромбическими головками, лежавшая на кружке бересты (табл. V, *11*, стр. 78). Незначительная часть вещей носит следы действия огня. Ниже под сожжением находилась крупная известняковая плита прямоугольной формы, расколотая по диаметру. *Комплекс II.* В 2.30 м к СВ от центра насыпи на глуб. 0.60 м от вершины встречено скопление кальцинированных костей диам. 0.45 м и черепки от сосуда с отогнутым венчиком. При зачистке слоя погребенной почвы встречены отщепы кремня, черепки и зуб лошади.

Курган № 2. Насыпь неправильно округлой формы рядом с курганом № 1, немного восточнее. Диам. 7 м, выс. 1 м. Насыпь — суглинок со значительными прослойками красной глины. В юго-западном секторе на подошве кургана встречено несколько разбросанных кальцинированных косточек, черепок и отщепы кремня.

Курган № 3. Округлая частично расплывшаяся насыпь в западной части могильника. Диам. 5.5 м, выс. 0.40 м. Насыпь — светлый песок с незначительными прослойками глины. *Комплекс I.* В юго-западном секторе в 0.20 м от центра на 0 разбросанные обгорелые плахи и фрагменты раздавленного сосуда. Между ними скопление кальцинированных костей, диам. 0,70 м и толщиной 0.20 м. В 0.55 м к З от центра насыпи на той же глубине встречен костяной орнаментированный наконечник пояса (?) (табл. VII, *10*, стр. 81). К ЮЗ от него — часть обгорелой плахи и фрагмент сосуда с округлыми плечиками и чуть отогнутым венчиком, из глины хорошего обжига с примесью толченых ракушек, сильно деформированного от действия огня.

Курган № 4. Полушаровидная насыпь со следами заплывшей ямы в вершине в юго-западном углу могильника, южнее кургана № 1. Диам. 9 м, выс. 0.70 м. Насыпь — суглинок с прослойками глины, ниже светлый материковый песок. *Комплекс I.* В 0.80 м к З от центра насыпи на глуб. 0. 20 м от поверхности встречено скопление кальцинированных костей до 0.30 м в диаметре, которое прослеживалось до глуб. 0.55 м. Среди костей найден обломок венчика сосуда с насечкой по краю. *Комплекс II.* В южной поле кургана в 0.40 м к Ю от центра насыпи на 0 находилось погребение мужчины 40—50 л. Костяк средней сохранности ориентирован головой на ЮЗ; нижняя челюсть спустилась вниз, руки протянуты вдоль туловища, часть позвонков не сохранилась. Слева у черепа находился крупный плоский камень. С правой стороны скелета, в 0.20 м от него, поставлены в ряд сосуды (рис. 8, стр. 73): у головы — часть крупного сосуда грубой глины, рядом — низкий сосуд, сделанный на гончарном круге (табл. II, *4*, стр. 72), еще дальше — сосуд лепной, баночной формы, украшенный продольными оттисками гребенки по венчику (табл. II, *3*, стр. 72) и у бедра — кувшин болгарского типа с ручкой (рис. 7,

стр. 71) из красной глины со следами продольного лощения. Справа у бедра находилось калачевидное кресало, рядом — железный стержень, у внутренней стороны правого бедра — серебряная монета, оказавшаяся вырезанной серединой диргема Наср-ибн-Ахмеда (914—943 гг.), в ногах встречен обломок железного стержня. В 0.50 м к СЗ от левого бедра лежал обломок бронзового браслета, крученого из одного прута.

Приложение II

РАСКОПКИ НА МИХАЙЛОВСКОМ МОГИЛЬНИКЕ В 1897 И 1898 гг.

Ниже приводится краткое описание некоторых, наиболее интересных курганов, раскопанных И. А. Тихомировым [1] в 1897 г.

Курган № 2. В северо-восточной части могильника диам. 8.50 м, выс. 0.85 м. На 0 находился зольный слой, в центре — немного углей; там же встречены жженые кости, к В от них черепки грубого горшка с примесью дресвы, обломок костяной пластинки (табл. VII, *12*, стр. 81) и кость коровы. С землей были выброшены ромбический наконечник стрелы и шпора (табл. VI, *9* и *12*, стр. 79).

Курган № 7. Диам. 17 м, выс. 1.78 м. На глуб. 0.67 м и в 5.26 м от западного края кургана встречены кости ноги и ребра коровы, а под ними на материке и в 9 м от восточного края насыпи находилось овальное скопление угля, жженых костей и черепков. Его размеры: 1.51 × 1.32 м, скопление вытянуто с ЮЗ на СВ. В нем встречены: половина серебряной восточной монеты, обломки глиняных лап и двух колец (табл. I, *3* и *4*, стр. 67), обломки длинных четырехгранных сланцевых брусков, 2 железные пряжки, костяная орнаментированная пластинка (табл. VII, *9*, стр. 81) и коготь животного. Там же оказалась скорлупа кедрового ореха.

Курган № 10. Диам. 14.10 м, выс. 1.50 м. На материке лежал зольный слой, на котором в 4.97 м от восточного края насыпи находилось скопление угля и жженых костей, диам. 3.77 м. В северной части скопления встречены меч, топор (табл. VI, 7, стр. 79), застежка норманского типа, нож, знамя, удила, шпоры и черепки горшков, стрелы и чашки от весов. У западного края скопления — белый расколотый на-двое камень, размером 0.45 × 0.27 м. В 7.24 м от восточного края насыпи и на глуб. 0.71 м от поверхности кургана находилась кучка жженых костей и угля диам. 0.36 м и толщ. 0.04 м.

Курган № 11. Диам. 18 м, выс. 1.70 м. На материке слой золы и угля. В восточной половине кургана в насыпи идет дугообразная прослойка погребенной почвы, а ниже на глуб. 0.80 м от поверхности другая такая же прослойка. В западной половине насыпи слои погребенной почвы не прослеживались.

Курган № 18. Диам. 12.80 м, выс. 1 м. На глуб. 0.75 м кучка золы, угля и жженых костей, у ее восточного края найдены вдвое согнутый меч (куски), скорлупообразные фибулы (табл. IV, *1*, *3*, стр. 76 и табл. V, *5*, стр. 78), нож, а у северо-восточного края был врыт в материк глиняный сосуд (рис. *5*, *1*, стр. 71), наполненный на две трети жжеными костями животных; там же черепки горшка красной глины и ореховая обугленная скорлупа.

Курган № 19. Диам. 12.95 м, выс. 0.70 м. На глуб. 0.50 м в 4.25 м от западного края насыпи встречена небольшая кучка жженых костей, угля, золы и черепков. Обнаружены пятна бронзовой окиси.

Курган № 20. Близ юго-западного края могильника диам. 15 м, выс. 0.95 м, в 5.32 м от западного края насыпи на глуб. 0.66 м встречено скопление крупного угля, золы и жженых костей. С западной стороны скопления находились два глиняных сосуда, 2 сложенных вместе чашки и коромысла весов и призматическая каменная гирька. На глуб. 0.40 м от поверхности над сожжением были найдены два кованых железных стержня с расплющенными концами.

В центре насыпи на глуб. 0.50 м в 0.18 м от описанного скопления встречена прослойка угля и жженых костей.

Ниже приводим данные о раскопках 1898 г.

Курган № 1. Диам. 13 м, выс. 1.50 м. На материке в центре кургана встречен слой угля, овальных очертаний, размером 2.50 × 1.50 м, вытянутый с З на В. Среди мелкого березового угля найдены черепки сосуда; в 0.35 м от них к З лежали обломки другого сосуда. К С от первого сосуда лежал железный меч концом к В и примыкавшие к нему наконечники стрел трехгранной ланцетовидной и четырехгранной формы и какие-то другие железные вещи. Сохранились также бронзовый наконечник меча, бронзовые кольцевидные застежки от пояса, большая бронзовая обойма для кольца и нож с костяной рукояткой. С южной стороны угольной прослойки находилось углубление диам. ок. 0.60 м и глуб. ок. 0.22 м, заполненное перемешанной землей, углями и осколками жженых костей.

Курган № 7. Диам. 8.90 м. На глуб. 0.40 м в центре насыпи на материке встречена прослойка соснового угля разм. 5 × 1.80 м. В угле много жженых костей, нож, шпоры (табл. VI, *13*, стр. 79), квадратная бронзовая бляшка от пояса, с крестовидной прорезью, железный остроконечник и обломок белого камня.

Курган № 8. Диам. 8.50 м. На глуб. 0.60 м и в 4.25 м от западного края насыпи обнаружено скопление хвойного угля овальной формы, размером 2.10 × 1.42 м. В скоплении встречены черепки двух горшков, мелкие жженые косточки, бедро лошади или коровы, железное копье (табл. VI, *5*) и ножик. На глуб. 1.06 м черепки днища третьего горшка и немного осколков жженых костей. Около скопления оказалась яма, вырытая в материковой глине. В яме найдены: бронзовая пряжка (табл. IV, *5*, стр. 70), обломок костяной гребенки с бронзовым ободком (табл. VII, *11*, стр. 81), бронзовая толстая булавка, ножик, гирька и серая сланцевая точилка (17.50 г), копье, нож и фрагмент стрелы.

Курган № 11. Диам. 12.34 м. На глуб. 0.70 м от вершины и в 5.77 м от юго-западного края насыпи открыт глиняный сосуд, на две трети занятый жжеными человеческими костями и вещами. На дне его темнобурая ноздреватая жирная масса. Сосуд прислонен к поставленному наклонно слегка обожженному валуну. В другом конце кургана, в 3.30 м от юго-западного края насыпи, находилась грудка золы с небольшим количеством хвойного угля и кое-какими вещами (бусы). Размер скопления 2.72 × 2.13 м. Найдены два ножа, наконечник стрелы трехгранный, спиральный перстень бронзовый, бронзовая гладкая четыреугольная бляшка, обломок тонкой проволочной серьги, бусы призматические многогранные и др., резной костяной полуцилиндрический ободок (табл. VII, *14*) и обломки резной кости.

Курган № 15. Диам. 7.80 м. Погребение совершено на глуб. 0.50 м в ямке, вырытой в материке. Кроме остатков сожжения, найдены два ободка скорлупообразных фибул, нож и черепки двух горшков (рис. 5, *2*, стр. 71).

Курган № 17. Диам. 7.34 м, выс. 0.50 м. На глуб. 0.40 м от вершины и в 0.18 м от юго-западного конца насыпи встречена груда жженых костей. К СВ от нее находились черепки двух горшков на овальной прослойке угля размером 1.80 × 1.42 м. На другом конце прослойки — черепки третьего горшка.

Курган № 18. Диам. 10.80 м. На глуб. 0.54 м от вершины найдены два раздавленных горшка, поставленных один в другой, жженые кости, бронзовая за-

---

[1] Архив ИИМК, дело № 52/1897 г. и дело № 187 1898 г.

стежка, оплавленные бусы желтые, темносиние, бесцветного стекла и каменные. На глуб. 0.84 м на материке лежал слой угля диам. 1.78 м.

Курган № 20. Диам. 13 м. На глуб. 0.22 м встречено небольшое количество жженых костей, в них ножик. На глуб. 0.48 м и в 3.44 м от края насыпи располагалась прослойка угля, содержащая черепки горшка, обломки глиняного кольца, фрагменты лапы (?), железную поясную пряжку (табл. V, *18*, стр. 78), шарик и кочедык (?).

Курган № 27. Диам. 7.10 м. На глуб. 0.40 м в середине кургана найден горшочек с жжеными костями, прикрытый слабо обожженной глиняной крышкой. Он стоял в груде углей на угольной прослойке 0.93 м поперечником. Под горшком и кругом него найдены ножик, ключ, ножницы, слиток стеклянных бус, проволочное бронзовое височное кольцо, монета Васида 712 г. н. э. и второй горшок.

Курган № 33. Диам. 10.80 м. На глуб. 0.54 м от вершины обнаружен костяк, лежащий на спине на толстом слое золы, головой на З. На поясе оказались лировидная пряжка и нож, а у левой щиколодки бронзовое цилиндрическое кольцо. На материке под костяком лежал слой золы, угли и черепки от трех горшков. В золе найдены нож, обломок другого ножа и обломок черного аспидного бруска.

Курган № 34. Диам. 17.35 м, выс. 3.20 м. На глуб. 0.65 м под центром насыпи найдены: маленький горшок с пережженными костями и обломок бруска. Под ними открыт костяк, лежащий на спине, головой на ЮЗ. У левого плеча находилось копье (табл. VI, *3*, стр. 79) острием вверх, у пояса нож. К В от костяка близ ступней ног лежал череп коня.

На глуб. 1.30 м оказалось сожжение, лежащее на слое золы и угля до 0.04 м толщ. и 3.86 м диам. Кроме жженых костей и черепков на слое угля (под плечами костяка) лежали в груде: меч, над ним в шлеме стремена (табл. VI, *11*), наконечники стрел, «знамя» с четырехгранной втулкой, каменная гирька с оббитым концом (23—50 г.).

Курган № 39. Диам. 10.80 м. На глуб. 0.60 м встречены 2 опрокинутых вверх дном горшка, стоящие около кучки золы и угля. В сосудах зола и угольки, а около них копье. На глуб. 0.80 м и в 0.30 м от северо-восточного края насыпи на материке стоял горшок с пережженными костями и бусами. Здесь же найдены круглая резная (поясками) кость, обломок подковообразной застежки, обломок бронзового широкого кольца, бронзовый слиток, железная шпора и обломок острия меча или стрелы.

Курган № 44. Диам. 8.75 м. На глуб. 0.80 м в центре насыпи встречены черепки горшка и череп овцы. Ниже лежал костяк, обращенный головой на З, на спине. Справа от костяка находилось копье (табл. VI, *4*, стр. 79), обращенное острием вниз. Кроме того, найдены обломок глиняной лапы, обломки бронзового складного коромысла и чашек весов и наконечник стрелы (табл. VI, *8*).

Курган № 46. Диам. 13.15 м. На глуб. 1.50 м встречен слой угля, лежащий на обожженной земле. На угле располагалось скопление золы и жженых костей размером 1.55 × 0.54 мм, вытянутое с З на В. В нем найдены три обломка шпор (или скобок), обломок толстой пластинки, нож, черепки от двух горшков и обломки глиняного кольца.

Курган № 50. Диам. 15 м, насыпь разрыта полностью. На глуб. 0.70 м от вершины кургана встречено обширное кострище неправильно-овальных очертаний, размером 11 × 4.60 м, лежащее непосредственно на материке. Толщина угольного слоя доходила до 0.025 м; глина, лежащая над кострищем, обожжена. На кострище разбросаны обожженные кости, обломки медвежьей лапы и кольцо из глины. В 1.42 м к З от них встречены черепки небольшого горшка, поставленного вверх дном. В горшке кроме золы оказались 2 бронзовые пуговки, обломок костяной пластинки, ажурные бронзовые поясные бляшки и гирьки из сланца. В 0.90 м к ЮВ от горшка найдены черепки другого горшка. Ближе к юго-западному краю кострища бубенчик и бляшки от пояса (табл. V, *14*, стр. 78). Жженые кости были встречены в насыпи кургана несколько раз и на разных глубинах, но не выше 0.36 м над кострищем и преимущественно в северной половине насыпи. Кости лежали небольшими кучками.

J. STANKEVIČ

SUR LA COMPOSITION ETHNIQUE DE LA POPULATION DE LA RÉGION VOLGIENNE DE YAROSLAVL AUX IX—Xe SIÈCLES

(Résumé)

Les monuments funéraires de la région volgienne de Yaroslavl sont bien connus dans la littérature archéologique russe et étrangère. Il existe dans la science différentes manières de voir au sujet des tumulus à incinération les plus anciens. Certains savants les rattachent aux Normands, d'autres les rapportent aux Méria, le plus petit nombre enfin les considère comme des monuments slaves.

Le matériel fondamental dont on disposait jusqu'ici pour résoudre ces questions, consistait dans les collections provenant des fouilles exécutées au milieu du siècle passé par A. Uvarov et P. Saveliev sans la documentation scientifique requise — circonstance qui a fortement déprécié ce matériel te rendue difficile l'élucidation du problème. Les travaux ultérieurs, en particulier les fouilles effectuées par l'auteur dans les cimetières de Mikhaïlovskoïé et de Timérevo (région de Yaroslavl) ont fourni un matériel abondant et extrêmement intéressant, qui permet d'aborder sous un angle nouveau l'étude de la composition ethnique de la population volgienne de Yaroslavl à la fin du Ier millénaire de notre ère. On a pu différencier tout d'abord un groupe ancien de tumulus à incinération datant du VIIIe et du début du IXe siècle, dont le mobilier se caractérise par l'absence d'objets normands. Le type du mobilier et les particularités structurales des monuments — présence dans les plus grands tumulus d'une construction en bois (sépulture collective) au centre — font rapporter ce groupe aux monuments slaves primordiaux.

Le groupe des tumulus plus récents est caractérisé par une seule incinération ou plus rarement par deux incinérations; les objets normands et orientaux occupent une certaine place dans leurs mobilier varié, ce qui témoigne d'un large développement à cette époque des relations commerciales de la population. Ces sépultures datent de la fin du IXe et du Xe siècle.

A une époque plus récente, les habitants du pays passent à l'inhumation, qui se rapproche déjà du rite purement chrétien.

П. А. СУХОВ

СЛАВЯНСКОЕ ГОРОДИЩЕ IX-X ст. В ЮЖНОМ БЕЛОЗЕРЬЕ

Начальная летопись, излагая легенды, связанные с образованием первого северного русского государства, в качестве участников этого события упоминает восточнофинские племена: чудь, весь и мерю. Их участие в исторической жизни северного славянства в IX ст. и последующее внезапное исчезновение со страниц летописи каких-либо упоминаний о веси и мери большинством исследователей объясняется быстрым и более или менее безболезненным обрусением этих племен и слиянием их со славянами, в результате колонизационной деятельности последних. Если колонизация славянами северовостока, в частности земель веси и мери, является, повидимому, бесспорной, то время, пути и характер этой колонизации остаются еще совершенно неизученными. Некоторый свет на историю распространения славян на северо-восток, в область Белого озера, проливают археологические памятники, привлечь внимание к которым и является целью настоящей публикации.

Область Белого озера, огромное значение которой в истории Древней Руси вряд ли можно преувеличить, чрезвычайно мало изучена в археологическом отношении. В 1897 г. А. А. Спицын вынужден был указать, что «о курганах и городищах северных уездов Новгородской губернии сведений имеется еще мало. В Белозерском и Кирилловском уездах курганов вовсе не известно».[1] Сейчас по этому вопросу можно сказать почти то же самое. Правда, некоторые сведения о курганах и городищах южного Белозерья были собраны статистическим путем И. Романцевым,[2] но эти сведения на месте не проверялись. В 1929 г. В. И. Равдоникасом и Г. П. Гроздиловым были проведены обследования в районе Череповца[3] с заходом по р. Мегре на Белое озеро и по южному берегу последнего до истоков р. Шексны, где находится известное городище при с. Крохино. Но результаты этих обследований еще не опубликованы. Не исследовалось до сего времени и само городище при с. Крохино, хотя по данным той же разведки В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова оно несомненно представляет значительный научный интерес, будучи близким земляному городищу в Старой Ладоге и являясь, повидимому, тем древним Белоозером, где «седе» Синеус.

Последнему предположению противоречат, однако, некоторые местные преданья. Так, Н. П. Барсову[1] было известно, что древний город Белоозеро «по местному преданию находился в 17 верстах от нынешнего Белоозера и был перенесен Владимиром (Мономахом?) на исток из озера р. Шексны», где как раз и расположено городище у с. Крохино. Но на городище при с. Крохино имеется, по даным разведки 1929 г., древний культурный слой, восходящий к IX—X ст., т. е. предшествующий не только Владимиру Мономаху, но и Владимиру Святославичу. А. А. Шахматов приводит[2] свидетельство одного небольшего летописца XVI в. Кирилло-Белозерского монастыря, где указано, что «Синеус сидел у нас на Кистеме». Кистема или Киснемский (Кистемский) погост находился при р. Киснеме на северном берегу Белого озера. Поиски древнего Белоозера в этом районе, произведенные в 1860 г. Лазаревским, не дали положительных результатов.[3] В последние годы археологические обследования на северном берегу Белого озера производил А. Я. Брюсов, которым, насколько нам известно, также не найдено никаких остатков древнерусского города.

Таким образом оба приведенные выше предания, повидимому, не отвечают действительности. Городище у истоков Шексны вблизи с. Крохино — наиболее вероятное местоположение древнего Белоозера.

Во время обследований 1939 г. в южном Белозерье нами найдено еще одно славянское городище IX—X ст., являющееся, очевидно, поселком земледельческого населения, что особенно интересно в свете вопросов славянской колонизации этого района.

Городище находится в Кирилловском районе Вологодской обл., в 6 км к западу от шекснин-

[1] А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний в археологическом отношении. Зап. Русск. археол. общ., т. IX, вып. 1 и 2, нов. сер., 1897, стр. 248.

[2] И. Романцев. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губ. Новгород, 1911.

[3] Г. П. Гроздилов. Краткий предварительный отчет о разведках в Череповецком округе в 1929 г. Архив ИИМК, дело 126/1929 г.

[1] Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1888, стр. 204.

[2] А. А. Шахматов. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904, стр. 53.

[3] Архив ИИМК, дело № 15/1860 г.

ской пристани Горицы, близ д. Городище, в холмистой, сравнительно бедной лесом местности. Городище расположено на одном из удлиненных холмов — на гряде, вытянутой от д. Городище почти в южном направлении. Гряда имеет несколько изогнутую форму с выпуклым западным и вогнутым восточным склоном. Размеры гряды: с севера на юг около 360 м, с запада на восток около 75 м, высота — около 6 м. Вдоль западного склона гряды прослеживается долина высохшей теперь речки. Городище занимает юго-восточную часть гряды. Его площадь около 120 м × 30 м. Как и вся окружающая местность, городище в настоящее время распахивается.

Валов и рвов на городище не обнаружено.

В средней части (по наиболее крутому восточному склону) и в южной части гряды имеются ямы, откуда местное население берет гравий и землю. В обрезах ям восточного склона видны: 1) гумусный слой мощностью 0.25 м, 2) культурный слой — 1.05 м, 3) ниже залегает суглинок. Культурный слой имеет интенсивную черную окраску, богат фрагментами керамики. Имеются в нем также кости животных и жженые камни. Зачистка стенок осыпи в южной части гряды дала: 1) гумусный слой 0.12—0.16 м, 2) культурный слой мощностью от 0.22 до 0.34 м, 3) ниже залегают наносы песка с гравием. Культурный слой темной окраски, местами насыщен золой; нижний горизонт его неровный, с западинами. В культурном слое имеются в довольно большом количестве фрагменты древней керамики, кости и жженые камни. По рассказам местных жителей, на городище во время пашни находили бусы. Был найден также топор формы секиры.

Во время обследований 1939 г. на городище была найдена лишь керамика, заслуживающая, однако, всяческого внимания. Вся она изготовлена без помощи гончарного круга, из грубой, плохо промешанной глины с примесью дресвы. Некоторые фрагменты принадлежат сосудам с орнаментацией в верхней части, характерной для славянской посуды IX—X ст. Обломки керамики, изображенные на табл. I под номерами *1—3*, принадлежат сосудам горшковидной формы со слабо выраженным профилем венчика, прямой шейкой и с несколько выпуклыми боками. У фрагмента *3* довольно резко выражены плечики, чего не было у сосудов, представленных фрагментами *1* и *2*. Толщина стенок фрагментов *1* и *2* около 0.7 см; фрагмента *3*—до 1.0 см. Диаметр горла сосудов — от 20 до 25 см.

Орнамент фрагмента *1*, нанесенный перевитой веревочкой, опоясывал сосуд по его наиболее выпуклой части горизонтальной полосой в форме елочки. Орнамент фрагмента *2*, имеющий вид зигзага, состоящего из глубоких нарезок, также опоясывал сосуд по расширенной части ближе к шейке. На фрагменте *3* орнамент состоит из ногтевых отпечатков, расположенных в один ряд выше плечиков. Фрагмент *4*, судя по форме, являвшийся боковой, наиболее выпуклой частью сосуда, имеет орнамент из отпечатков шнура, расположенных в виде зигзага. На фрагменте *5* орнамент нанесен концом неровной деревянной палочки; на фрагменте *6* отпечатки гребенчатого штампа составляли несложный узор в виде прямоугольников.

Судя по характеру глины, формам и размерам сосудов, наконец по орнаментации, описанная керамика близко напоминает посуду из нижних слоев Старо-Ладожского городища, [1] Рюрикова городища в Новгороде [2] и Гнездовского могильника. [3] Она имеет также общие черты с посудой Роменских городищ [4] днепровского Левобережья, древних городищ и курганов верхнего течения Оки [5] и синхроничных памятников других районов, занятых славянами в конце I тысячелетия н. э.

Исключением являются лишь особенности орнамента сосудов, украшенных отпечатками шнура (табл. I, *4*) и отпечатками гребенчатого штампа, образующими прямоугольники (табл. I, *6*). Такая орнаментация на славянской посуде не встречается, представляя собой, повидимому, местную особенность.

Время славянской колонизации в области Белозерья, помимо керамики, определяется еще и тем обстоятельством, что по берегам Белого озера и в верховьях Шексны не имеется сопок — больших конических курганов, в огромном числе известных во всех древних новгородских землях. Судя по находкам, эти памятники в массе относятся к VII—VIII ст. Значительно реже встречаются сопки IX и X ст., когда на смену им приходят невысокие курганы с индивидуальными захоронениями. Огромное число сопок вокруг оз. Ильмень, на Мсте, в верхнем течении Мологи и отсутствие их в Белозерье говорит о том, что эта область была занята славянами уже тогда, когда обычай возводить сопки сменился другой погребальной обрядностью, т. е. не раньше конца VIII — начала IX ст.

В связи с вопросом о сопках необходимо сказать несколько слов о так наз. кургане Синеуса (в 4 км к востоку от Белозерска), который до сих пор обычно рассматривается как сопка новгородского типа.

Первые сведения о кургане Синеуса относятся к 1847 г., когда его осматривал С. Шевырев.[6] В 1860 г. Лазаревским и Иверсеном была произ-

---

[1] Материалы из раскопок Н. И. Репникова, произведенных в 1909—1913 гг., хранятся в Гос. Музее этнографии в Ленинграде.

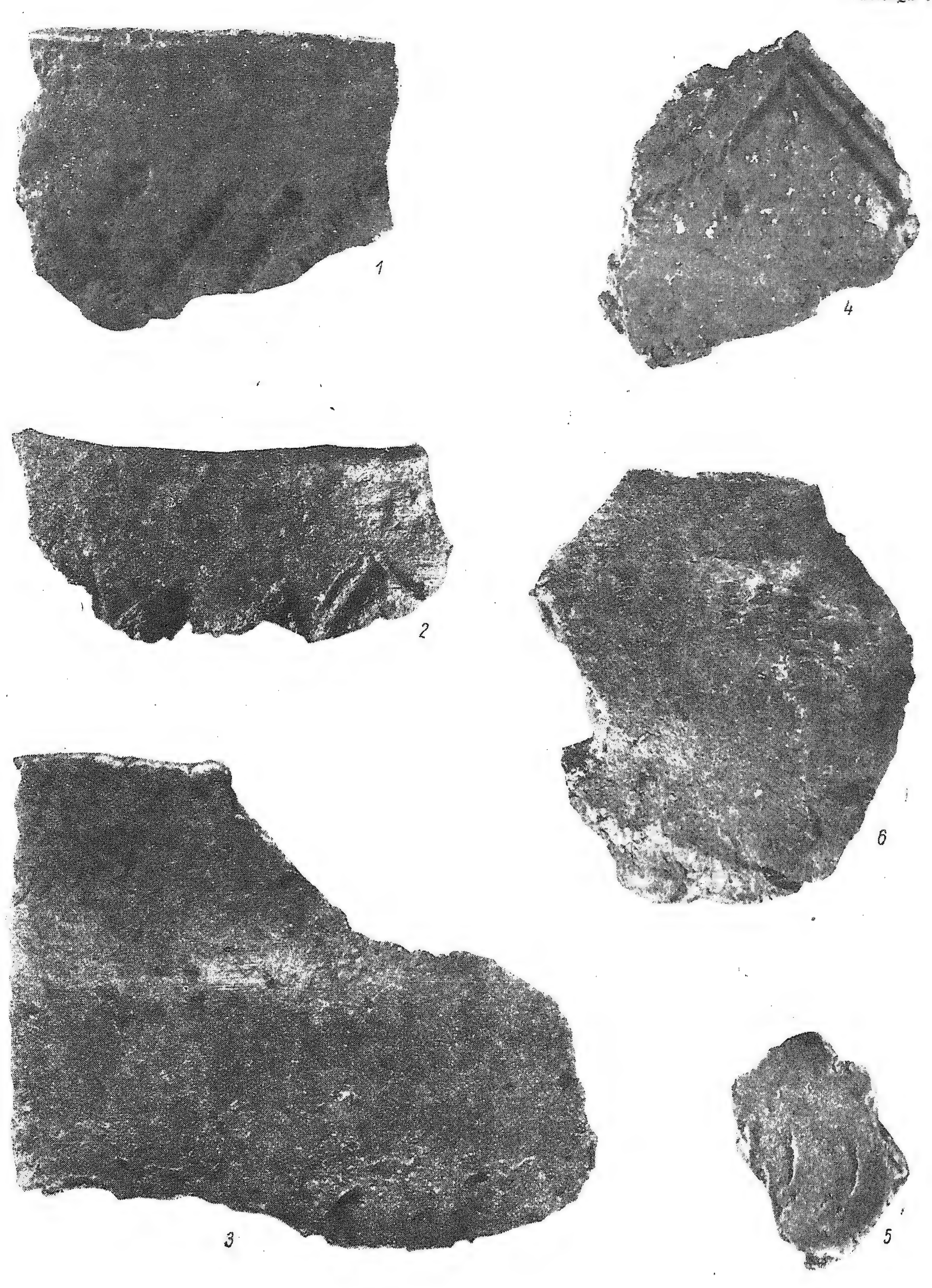
[2] Материалы из раскопок Г. П. Гроздилова, М. К. Каргера и В. И. Равдоникаса (1936).

[3] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. Матер. по археол. России, № 28, стр. 104.

[4] М. Макаренко. Орнаментация керамічных выробів в культурі городищ роменьского типу.

[5] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 33, табл. XXIII, *8* и *10*.

[6] С. Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г., ч. II. М., 1850, стр. 60.



Орнаментированные фрагменты керамики с городища при д. Городище (Вологодская обл., Кирилловский район).

ведена раскопка этого кургана. Они сообщают, что насыпь кургана была высотой 8—10 м и диаметром около 26 м. Но по их чертежу и описанию раскопок, диаметр насыпи составлял не менее 30—32 м, а высота достигала только 4 м. Внешний вид насыпи, судя по рисунку С. Шевырева, очень мало напоминал новгородскую сопку. Курган был асимметричен с пологим северным склоном.

Насыпь кургана Синеуса состояла из песка и гравия, составлявших правильные наслоения, которые и уходили значительно ниже основания кургана. Лишь в одном конце траншеи был открыт слой глины, подстилающий пески и гравий. Ни погребенной почвы, ни угля и золы, столь обычных для сопок новгородского типа, при раскопках найдено не было.[1] На основании приведенных данных А. А. Спицыным было высказано предположение, что «раскопка большого Белозерского кургана, произведенная в 1860 г., показала, что это скорее всего насыпь естественного происхождения».[1]

Осмотр остатков кургана Синеуса летом 1939 г. подтвердил правильность соображений А. А. Спицына. Как и другой белозерский «курган Меленки», также раскопанный Лазаревским и Иверсеном в 1860 г., курган Синеуса представлял собой одно из всхолмлений, во множестве разбросанных в Южном Белозерье и называемых в геологии камами. В отличие от обычных моренных всхолмлений, камы состоят из сортированного материала, образующего наслоения, и очень часто имеют в плане округлую форму.

Судя по рассказам местных жителей, приведенным С. Шевыревым и Лазаревским, само название «курган Синеуса» не является народным, а исходит, видимо, из среды духовенства.[2]

[1] Отчет Археологической комиссии за 1860 г., стр. XII—XV.

[1] А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний в археологическом отношении. Зап. Русск. археол. общ., т. IX, вып. 1 и 2, нов. сер., 1897, стр. 248.

[2] С. Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г., ч. II, М., 1850, стр. 60.

P. SUCHOV

UN GORODISTCHÉ SLAVE DES IX—Xe SIÈCLES DANS LE SUD DE LA RÉGION DU LAC BIÉLOÏÉ

(Résumé)

Les voies de l'ancienne colonisation slave allaient des terres de Novgorod à travers la région du lac Biéloïé vers l'est. Près de la sortie de la rivière Cheksna du lac Biéloïé, où elle prend naissance, se trouve un ancien gorodistché — restes de la ville de Biéloozéro, mentionné dans les chroniques. C'était une étape importante sur la voie commerciale.

La découverte en 1939 d'un petit gorodistché des IX—Xe siècles au sud du lac Biéloïé offre donc un grand intérêt au point de vue de l'étude de la colonisation slave dans la région de Biéloozéro. Ce gorodistché présente tous les caractères d'un monument slave et était habité apparemment par des agriculteurs. Sa céramique a des analogues dans la région du Dniepr, à Novgorod, Pskov et Staraïa-Ladoga.

Le caractère des objets trouvés et l'absence dans le pays de buttes funéraires („sopki") — monuments slaves des VI—VIIIe siècles, permettent de rapporter la colonisation de la région du lac Biéloïé aux IX—Xe siècles.

Н. Н. ЧЕРНЯГИН

ДЛИННЫЕ КУРГАНЫ И СОПКИ

(Археологическая карта)

I

В области северных восточнославянских племен в большом количестве сохранились древние погребальные сооружения, известные в археологической литературе под названием «длинных курганов» и «сопок».

Первые представляют собою насыпи в виде невысоких, но иногда длинных валов, достигающих 40—60 м длины; расположены они нередко в лесных чащах, преимущественно в сухих боровинах. Население называет их часто «богатырями».

Сопки располагаются по берегам рек и представляют собой высокие насыпи, достигающие огромных размеров, — до 10—12 м высоты. Последнее явилось, к сожалению, причиной того, что эти памятники с давних времен привлекали внимание кладоискателей.

В 20-х годах прошлого столетия З. Д. Ходаковским было положено начало археологическим исследованиям сопок; длинные курганы начали раскапываться В. И. Сизовым и М. Ф. Кусцинским в 80-х годах XIX ст.

Бедность находок, а нередко и полное их отсутствие в тех и других памятниках делали чрезвычайно медленным накопление характеризующего их археологического материала. По этой причине, а также и оттого, что раскопки велись обычными в то время приемами, не позволявшими исчерпать памятник полностью, в отношении длинных курганов и сопок разными исследователями высказывались предположения, недостаточно обоснованные и взаимно противоречащие.

Долголетние исследования все же собрали материал, который позволяет установить распространение и время этих памятников. А. А. Спицын, вначале датировавший длинные курганы VIII—IX вв., а сопки IX—X вв., отодвинул впоследствии древнейшие даты тех и других до VI—VIII вв. н. э. Возможно, однако, что некоторые из этих памятников восходят и к V в. н. э.

Распространение этих памятников в старых славянских областях и существование черт преемственности с ними более поздних (IX—X вв.) славянских курганов с трупосожжениями дали повод поставить вопрос о принадлежности длинных курганов кривичам, а сопок — новгородским словенам начальной летописи.

Решение этого вопроса еще нуждается в дополнительном материале. В особенности это относится к сопкам, которые изучены еще менее, чем длинные курганы.

Настоящая карта имеет целью дать уточненную схему распространения сопок и длинных курганов на основе литературных и архивных источников, в том числе данных археологических разведок последних лет, охвативших ряд районов.

Одним из основных источников для составления карты послужили материалы Комиссии по учету памятников Ленинградской области, работавшей под руководством П. П. Ефименко в 1927—1931 гг., которой были зарегистрированы многие сотни археологических памятников, в том числе сопок и длинных курганов. Рассмотрены данные исследований последних лет на Смоленщине и в Белорусской ССР. Из старых источников привлечены археологические сводки В. А. Плетнева по б. Тверской губ., И. Романцева — по б. Новгородской губ. и Н. Ф. Окулич-Казарина — по б. Псковской губ. Значительный материал почерпнут из архива А. А. Спицына.

Использован также ряд отдельных сообщений о разведках и раскопках, нередко случайных, разных лиц, производившихся в разных районах за длительный промежуток времени, начиная с поездок Ходаковского в 20-х годах прошлого столетия и кончая исследованиями наших дней. Эти материалы частью обобщены А. А. Спицыным в изданиях Археологической комиссии и Русского археологического общества, в частности в его «Обозрениях губерний».

Из упомянутых старых сводок пришлось извлечь лишь часть материала, так как эти сводки составлялись по опросным листам и не все данные их могут считаться вполне надежными. Сводку А. И. Кульжинского, изданную в 60-х годах и содержащую большое количество сведений по одному из самых существенных районов — б. Новгородской губ., вообще не пришлось использовать при составлении карты из-за нали-

чия в ней множества не внушающих доверия данных.

Одновременно с составлением карты сопок и длинных курганов представлялось желательным дать также и сводку всего известного материала об этих памятниках, разбросанного по разным источникам, литературным и архивным, а также по музеям, — сводку, связанную с картой и содержащую все сведения о том или другом памятнике, в том числе и о раскопках, если последние производились.

Настоящая карта, конечно, не является исчерпывающей. В дальнейшем найдется, несомненно, еще не мало отдельных памятников. Тем не менее данная в карте схема распространения сопок и длинных курганов может быть принята за основу, которая вряд ли подвергнется существенным изменениям.

II

Под длинными курганами подразумеваются нами не только валообразные насыпи, но и постоянные их спутники — удлиненные, четырехугольные в плане, длинные, комбинированные с круглыми и серповидные. На карте, кроме могильников, в которых имеются длинные курганы, нанесено также несколько могильников, состоящих из одних круглых курганов, но по данным раскопок родственных и синхроничных длинным.

Известные нам могильники с длинными курганами рассеяны по верхнему Днепру, на пространстве приблизительно от Дорогобужа до Орши; в единичных пока случаях они встречены на Березине [1] и верхней Двине, в районе Витебска и Полоцка. Далее они в большом количестве известны в области себежских озер, где берет свое начало р. Великая. С верховьев Великой эти могильники тянутся вниз по ее течению на север, где концентрируются около Псковского озера. Охватывая его с юга, они разветвляются в двух направлениях: через Изборск в незначительном количестве проникают в район к западу от озера (в район эстов), а на северо-восток по побережью озера и далее, по рр. Черной и Желче, выходят на р. Люту, приток Плюссы. По верховьям последней, через озера Врево и Череменецкое, они выходят на среднее течение Луги. Вниз по Плюссе эти могилы вклиниваются на север в область летописной Чуди.

От верховьев Днепра длинные курганы через водораздел, богатый озерами, выходят на р. Торопу (басс. Зап. Двины) и, подымаясь по ее течению, проникают на р. Кунью, приток Ловати. В северо-восточном направлении имеется лакуна — длинные курганы появляются в районе осташковских озер. Здесь они отмечены на оз. Всслуг и далее на верхней Волге. На север снова простирается лакуна, и далее длинные курганы известны уже на верхних притоках Полы. Следуя отсюда на север и восток, мы находим их лишь спорадически, в нескольких пунктах, в примстинской области, где они приближаются к верховьям приладожских рек. Севернее и восточнее они не наблюдаются.

Длинные курганы раскапывались неоднократно. Раскопки велись в пределах Смоленского, Витебского, Полоцкого, Себежского, Опочецкого, Псковского, Гдовского, Лужского и Демянского районов. О большинстве исследований известно очень немногое. Материалы многих из них оставались неопубликованными. [1]

В ряде неполных и кратких отчетов о раскопках обычно отмечается лишь присутствие угольков в насыпи кургана или «пепельного слоя» по основанию и затем следует краткий перечень находок, если таковые оказались. Длинные валообразные курганы раскапывались, как правило, лишь частично — траншеями или шурфами. Таким образом наши сведения об этих могилах довольно ограничены.

На основании того, что известно о них, устройство этих могил в общих чертах представляется следующим. Курган насыпался на выжженном огнем участке; остатки трупосожжения, совершенного настороне, помещались в насыпи или на материке.

Курганы удлиненные, четырехугольные и небольшие фигурные содержат чаще по одному, по два или по три погребения. Длинные валы обычно заключают ряд погребений сожженных костей. Можно предполагать, что первые насыпались сразу, в один прием, длинные же возникали постепенно путем присыпки в длину. Имеются, однако, указания об одновременном сооружении и длинных насыпей. Существенно, что в длинных курганах погребения нередко располагаются в насыпи, а не на материке; они были впущены, следовательно, уже в существовавшую насыпь. Во всяком случае вопрос об одновременном или постепенном сооружении курганов-валов еще требует дополнительного полевого исследования.

Погребения сожженных костей производились различно. На ряду с насыпанием пережженных костей, собранных с погребального костра, в ямку в насыпи кургана, существовал обычай захоронения их в сосуде — урне, грубом лепном горшке баночной формы. В некоторых же случаях грудка костей накрывалась таким сосудом. И тот и другой вид погребения обнаруживался иногда в одной и той же насыпи.

Кострища встречены во многих насыпях, преимущественно удлиненных. Они известны в смоленских, витебских и полоцких курганах в следующих могильниках: Пуцацинка (№ 152), Полежанка (№ 147), Арефино (№ 153), Слобода (№ 159), Городок (№ 162), Дроково

[1] Подобные длинным курганы могут встретиться, повидимому, и южнее. Имеется сведение, полученное от Мазараки, что в какой-то «долгой могиле» на р. Суле, в б. Роменском уезде, найдена фибула «готского типа» с эмалью (Тр. XI Съезда, Протоколы, стр. 81).

[1] О раскопках В. И. Сизова есть только самые общие сведения в указателе Исторического музея и в Отчетах Арх. комиссии за 1894, 1899 и 1903 гг.

(№ 167), Хотынь (№ 163), Катынь (145), Горовые (№ 138), Рудня (137), Литвиново (№ 129).

Кострища находятся на материке и представляют, повидимому, остатки погребального костра. В курганах у Арефино, Городка и Дрокова кострища обнаружены в одном конце вала, а кости встречены отдельно в насыпи.

В других курганах сожженные кости лежат на самом кострище (Полежанка № 147, Пуцацинка № 152, Литвиново № 129, Рудня № 137 и др.). Во всех этих случаях трупосожжение совершено, повидимому, на месте кургана.

Следы кострища на материке встречены и в северных курганах — в Гдовских и Демянских. Иногда в них находятся и остатки трупосожжения (Замошье № 330, Б. Заполье № 28). В других случаях (Черный Ручей № 241, Подсосонье № 237, Дубровка № 243, Липецы № 234 — все в Демянском районе) кострища (или очажки), были невелики по размерам (Липецы, курган № 13), находились иногда вверху насыпи и, видимо, не являлись остатками погребальных костров, а имели какой-то иной ритуальный смысл.

Следует также упомянуть о своеобразном устройстве некоторых длинных курганов, встреченных пока только в бассейне Великой и заключающих в насыпи каменные сооружения.

Они известны лишь в следующих пунктах: Кудово № 108, Першино № 58 и погост Тайлов № 53. В длинном кургане у Кудова найдены два кострища по концам насыпи, из которых одно было обставлено тремя известковыми плитами. На кострищах стояли большие цилиндрические горшки. В Першинском кургане также найдено по кострищу на концах; эти кострища содержали в себе пережженные кости и каждое было обставлено камнями, расположенными дугой. В другом кургане той же группы посреди насыпи, в основании, обнаружен помост из камней. В Тайловском кургане найдены камни, сложенные в круг, внутри которого было кострище.

Подобные каменные сооружения, встреченные в этом же районе, известны и в круглых курганах с трупосожжением (пог. Овинчище № 52, Голодуша № 61, пог. Лыбут № 67 и т. д.).

В этих курганах несомненно сказывается близость к памятникам Эстонии и Латвии, так называемым «каменным могилам». В свою очередь, южнее, в восточных областях лето-литовских племен, в погребальных памятниках сказывается близость длинных курганов. Среди литовских курганов Виленской области иногда встречаются овальные или удлиненные насыпи.

Наконец, известны немногочисленные случаи погребения трупосожжений в небольших грунтовых ямках (Н. Желча № 25, Жеребятино № 31) и трупоположения с вещами Люцинского типа (Рудня № 51 и Шильско № 105) — в обоих последних случаях в удлиненных курганах, на материке, на слое угля и золы. В кургане у Шильска костяк был «пережжен».

Длинные курганы в подавляющем большинстве случаев не составляют отдельных групп, а рассеяны по могильникам среди обыкновенных круглых курганов.[1] Численность их, по сравнению с последними, очень мала. В то же время по устройству и признакам обрядности погребений между теми и другими нет заметного различия. Наконец, существование длинных курганов, слитых с круглыми, и общий облик погребального инвентаря говорит о том, что длинные курганы, как и удлиненные, четырехугольные, серповидные и т. д., представляют собой лишь различные формы коллективных курганов, синхроничные и однородные многим круглым. Благодаря своим внешним особенностям, они являются своего рода вехами, сигнализирующими о древности и характере могильника, тогда как круглые насыпи своим наружным обликом еще мало говорят для исследователя.

Могильный инвентарь длинных курганов очень беден. Немногочисленные комплексы вещей имеют многие аналогии с инвентарем литовских курганов с трупосожжениями, датируемым VI—VIII вв., и вещами ряда кладов этого же времени, найденных в области Среднего Поднепровья.

III

В области Приильменья длинные курганы встречаются с сопками. Под этим названием, как указано выше, подразумеваются высокие конусообразные насыпи, расположенные по берегам рек и озер, преимущественно старой Новгородской земли, почему им присваивается часто наименование новгородских сопок. Называют их также и «сопками волховского типа». В прежней археологической литературе существовала терминологическая путаница в понятиях «сопка» и «курган». Севернорусское население, почти не знающее последнего термина, называет сопкой всякую насыпь вообще, а иногда и возвышенность моренного происхождения.

Следуя народной терминологии, не делал различия между курганом и сопкой и З. Д. Ходаковский, хотя он и подразумевал под сопками главным образом высокие курганы.

Впоследствии оба названия в произвольном значении присваивались разными авторами и высоким и малым насыпям, что делает столь трудным пользование старыми источниками.

А. А. Спицын предложил для северных районов «целые нераспаханные насыпи ниже 4-х аршин» называть курганами, а остальные сопками. Но признака величины еще недостаточно для того, чтобы характеризовать те памятники, которые являются собственно сопками.

---

[1] Неизвестно, имелись ли круглые курганы в могильниках, которые исследовал Сизов (Ярцево, Хотынь, Городок, Дроково и Арефино). В указателе Исторического музея они не упоминаются. В некоторых случаях длинные курганы образуют группу из 2—3 валов.

Существеннейшими их признаками являются неизменная связь с водой и расположение — или одиночное или цепью нескольких насыпей, иногда состоящей из ряда звеньев.[1]

Принятый нами размер от 2 м отвесной высоты и более является условным, так как, повидимому, существуют насыпи и меньших размеров, которые по своему устройству тем не менее принадлежат к сопкам.

Район распространения сопок довольно широк. Наиболее густо унизана сопками р. Ловать, отчасти нижняя Шелонь и верхняя Луга. Едва ли не здесь можно видеть их основные центры.

По Ловати сопки глубоко вклиниваются в область распространения длинных курганов, проникая с ее верховьев на Торопу, а отсюда на Касплю. В западном направлении сопки распространены по Шелони и проникают в бассейн Великой, выходя на ее среднее и нижнее течение, где упираются в Псковское озеро.

С верхней Луги сопки перекидываются через озера Черемнецкое и Врево, встречаясь здесь с северной ветвью длинных курганов, на верховья Люты и среднее течение Желчи. Далее в районе Гдова они неизвестны.

На восток сопки рассеяны по Мсте и ее притокам и многочисленным мелким озерам в районе Валдайской возвышенности.

Отсюда, а также с верховьев Полы, они выходят на озера Вселуг и Сиг и далее на верхнюю Волгу, где выклиниваются, не доходя до г. Калинина.

На северо-востоке по правому притоку Мсты, р. Увери, сопки выходят на оз. Коробожу, а по притоку Увери, р. Радоли, на озера Меглино и Великое.

В верховьях Мсты сопки рассеяны на восток до озера Сорогожского, откуда по р. Сорогоже выходят на верхнюю Мологу; по озерам же Удомле и Молдину тянутся до р. Волчины и по ней также на верхнюю Мологу. Здесь, в верховьях последней, на оз. Верестове известны огромные сопки «волховского типа» у погоста Бежицы.

На Мологу сопки выходят и другим путем — с севера из Приладожья, где известно небольшое их количество на р. Сяси. Отсюда они идут по притоку Сяси, Воложбе, далее через погост Волокославинский — по Чагоде и Чагодоще. По этому глухому пути, проходящему через область лесов и моховых болот, отмечено всего несколько пунктов.

По этому же пути сопки попадают также на берега Песи, Кобожи и Суды.

В районе Устюжны сопок не отмечено. Они появляются на средней Мологе под Весьегонском и вскоре же исчезают, не доходя до ее устья. На Шексне сопок неизвестно вовсе. Их крайний восточный пункт — дер. Перекладная, на р. Яне, левом притоке Мологи.

[1] Малочисленность сопок, встречающихся часто не более чем по 1—3 насыпи, представляет наиболее устойчивое и непонятное явление.

В археологической литературе отмечаются еще два кургана на северо-востоке, близ Белого озера, из коих один известен под названием «Синеусова».

Этот пункт имеется и на нашей карте (№ 523), но вопрос о том, являются ли белозерские сопки искусственными насыпями, остался нерешенным.[1]

Возвращаясь к оз. Ильмень, видим, что на север отсюда, по Волхову, сопки почти отсутствуют. Они появляются в значительном количестве лишь в нижнем его течении, пройдя пороги, у с. Михаил Архангел и у д. Дубовик, где тянется длинная цепь высоких насыпей. Следующая группа сопок находится в районе Старой Ладоги. Они кончаются на излучине Волхова, у д. Велеши, километрах в десяти от его устья. Таким образом сопки Волхова географически занимают обособленное положение.

О сопках имеется значительная литература,[2] что позволяет ограничиться лишь краткой их характеристикой. Лучше всего эти памятники известны по раскопкам Л. К. Ивановского на Ловати и Н. Е. Бранденбурга на Волхове, в районе Старой Ладоги.

Раскопками Н. Е. Бранденбурга был вскрыт ряд высоких насыпей, особенностью которых являлись массивные, иногда циклопического характера каменные сооружения внутри. Они имели вид разной формы куч, помостов, кривых стенок и правильных кругов. Отмечены и следы дерева. Погребения обычно находились вверху насыпи, неглубоко от поверхности или на материке. Иногда они были заключены в грубом глиняном сосуде, лепленном от руки. Каменные сооружения располагались в насыпи обычно несколькими ярусами. Наиболее типичной в отношении этих признаков является большая сопка у с. Михаил Архангел, принадлежавшая к числу наиболее крупных насыпей этого рода (№ 349).

Сопки, раскопанные Л. К. Ивановским на Ловати, имеют в устройстве некоторое сходство с сопками Волхова. А. А. Спицын описывает их следующим образом: «Ловатские сопки сооружены из речного песку, всегда окружены в основании венцом из валунов, в насыпи имеют прослойки, но каменные кладки в них встречаются не так часто и редко бывают правильных форм».[3]

[1] А. А. Спицын склонен был признать их буграми естественного происхождения. См.: Новгородская губерния в археологическом отношении. ЗРАО, IX, вып. 1—2, стр. 248.

[2] Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. Матер. по археол. России, № 18. — Он же. О признаках курганных могил языческих славян в северной полосе России. Тр. Ярославск. археол. съезда. — Он же. Старая Ладога. СПб., 1896, стр. 16. — А. А. Спицын. Новгородская губ. в археологическом отношении. ЗРАО, IX. — Он же. Сопки и жальники. ЗРАО, XI, 1899. — Он же. Археология в темах начальной русской истории. Сборник в честь Платонова, 1922. — Н. И. Репников. Старая Ладога. Сб. Новгородск. общ. любит. древн., VII, 1915. — W. Raudonikas. Die Normannen der Vikingerzeit und das Ladogagebiet. Stokholm, 1930.

[3] А. А. Спицын. Сопки и жальники. ЗРАО, т. XI, 1899, стр. 148.

Сожженные кости человека, судя по описанию, обнаруживались в вершине насыпи, неглубоко от поверхности и, повидимому, не были помещены в сосудах.

Слои в ловатских сопках состоят поочередно из песка и золы с углем и в вертикальном разрезе расположены конусообразно. Камни встречены в виде рядов или настилов, а в одном случае в виде кучи, накрытой плитою.

Сопки с каменными сооружениями известны еще в нескольких пунктах. В сопке у с. Бронницы (№ 339) найдена стенка из камней. В сопке у д. Клюево (№ 181), расположенной на берегу Локны, притоке Ловати, в насыпи обнаружен ящик из 6 плит и в нем 3 горшка баночной формы с жжеными костями. В основании лежал полукруг из камней. В насыпи сопки у Гладкого Лога близ Торопца встречены 2 зольные прослойки и настил из валунов, покрытый золой с углями и пережженными костями. В сопке у д. Муровичи (№ 54) в устье Великой обнаружена стенка из камней.

Таким образом эти могилы имеют признаки, общие с сопками Волхова, но в последних эти признаки выражены несравненно сильнее. Нигде не встречено того количества и многообразия многоярусных каменных конструкций, как в сопках, раскопанных Н. Е. Бранденбургом на Волхове.

Известен целый ряд сопок и другого характера — не имеющих каменных сооружений. К сожалению, большинство сопок раскопано очень неудовлетворительно с помощью траншей или небольших колодцев, что далеко не всегда позволяет установить их конструкцию. Несомненно лишь, что в этих насыпях заключаются трупосожжения, а в некоторых из них и кострища в основании или в насыпи. В ряде сопок (Яновище № 195, Устрека № 423, Березовик № 404, Золотое Колено № 379 и др.) отмечаются зольные слои; нередки находки в насыпях огнищ или очажков. Сожженные кости встречаются или в виде скоплений в насыпи или же на кострищах. Горшки в качестве урн, свойственные Волховским сопкам, встречаются очень редко. Таким образом сопки этого рода существенно отличаются от вышеописанных, с которыми их роднят главным образом внешние признаки. Установить связь этих и других из-за недостатка материала и прежде всего из-за отсутствия инвентаря вряд ли возможно без новых исследований.

Сопки эти известны в бассейне Мсты, Сяси, Чагодощи и Луги. Раскопаны они в небольшом количестве и в верховьях Волхова, под Новгородом.

Известно также несколько сопок особого устройства на р. Великой (№№ 60, 68), заключавших в насыпи остатки обугленных срубов. Одним из исследователей было высказано мнение, определяющее эти срубы в качестве особых печей для сожжения умерших, что, впрочем, мало вероятно.

В сопках по их размерам и сравнительной малочисленности было бы естественно ожидать многих погребений, но в действительности их количество в большинстве случаев довольно ограниченное.

Так, из раскопанных Н. Е. Бранденбургом 13 сопок в двух найдено по 4 трупосожжения, в одной 3, в двух по 2 и в двух по одному. В остальных шести сопках погребений вообще не обнаружено. Отсутствие погребений в сопках отмечено неоднократно и при других исследованиях. Очевидно это обстоятельство объясняется поврежденностью большинства насыпей и несовершенными приемами раскопок. Однако несомненно, что размеры этих насыпей не объясняются количеством содержащихся в них погребений. [1]

С этим связан и вопрос о сооружении сопок. Их большие размеры, достигающие иногда 10 м отвесной высоты, дали повод еще А. С. Уварову предположить, что эти насыпи сооружались постепенно. Мнение это высказывается и в наше время, находя себе как будто подтверждение в наличии слоев погребенной почвы в насыпях ряда сопок. Но, во-первых, далеко не все сопки имеют такие слои, а во-вторых, этому в некоторых сопках противоречит расположение погребений, например, только в вершине. Наконец, известны сопки, несомненно насыпавшиеся в один прием, как, например, большая волховская сопка у с. Михаил-Архангел.

Таким образом эти своеобразные сооружения, которые В. И. Равдоникас называет загадочными, ставят перед исследователем еще целый ряд вопросов. К их числу принадлежит также вопрос о связи сопок с более поздними могильниками (XI—XII ст.) и жальниками, которые нередко и, повидимому, не случайно, обнаруживаются около их подошвы.

Инвентарь, происходящий из сопок, очень невелик. Большая часть известных сейчас находок происходит из волховских сопок; здесь найдены вещи VI—VIII ст.: наконечники пояса, бляшки, массивный бубенчик, нож с «кривой спинкой» и др. В сопке у Золотого Колена, раскопанной Любомировым, найдены характерные сердоликовые бусы, датируемые IX—X в.

IV

Вопрос о хронологии и этнической принадлежности длинных курганов и сопок был поднят в русской археологической литературе еще в конце XIX ст.

Основной базой для изучения длинных курганов являлись данные В. И. Сизова, исследовавшего эти памятники в районе Смоленска. На основании этого материала В. И. Сизов установил, что «длинные курганы древнее круглых, относящихся к IX—X ст., и, судя по вещам с эмалью, принадлежат эпохе, еще сохранившей

[1] Следует учесть также, что некоторые (неглубокие) погребения могли быть впускными.

черты сходства с эпохой переселения народов, и именно готской».[1]

Их малочисленность В. И. Сизов объяснял недолговременным пребыванием в стране создавшего их народа.

А. А. Спицын в своей статье «Удлиненные и длинные русские курганы»[2] считает удлиненные курганы, в которых найдены вещи, родственные типам «предполагаемых литовских курганов», относящимися к VIII—IX вв. На основании раскопок, производившихся позднее В. Н. Глазовым, А. А. Спицын по ряду признаков отождествляет длинные курганы-валы с круглыми X в. и считает их кривичскими памятниками. Удлиненные курганы, по мнению А. А. Спицына, также «являются древнейшими доселе известными памятниками кривичской старины». При этом он отмечает сходство внешнего облика этих насыпей с жилищем.

Позднее А. А. Спицын склонен был отказаться от своего первоначального взгляда, выдвинув предположение, что эти памятники принадлежат финским племенам.[3] Он основывался впрочем на весьма шатких данных, таких, как раскопки С. Гамченко около Сестрорецка или исследования Смирнова под Муромом. В своем последнем неизданном очерке, над которым А. А. Спицын работал после 1925 г. и который так и остался незаконченным, он поддерживает свое первоначальное мнение, хотя и не высказывает его с такой определенностью, как раньше. Здесь А. А. Спицын лишь отмечает распространение длинных курганов в старом кривичском районе. В этом очерке А. А. Спицын дает новую датировку этих могил, руководствуясь вещами ряда «культур», называемых им Рагинянской — VI—VIII вв., Литовской — IX в. и ранне Люцинской — также IX в.[4]

Вопрос о происхождении сопок решался с двух точек зрения — норманской и славянской.

Н. Е. Бранденбург, имея в виду раскопанные им сопки на Волхове, доказывал их славянское происхождение, основываясь на данных «географических и хронологических». Доказательства Н. Е. Бранденбурга сводятся к тому, что сопки Волхова не имеют ничего родственного с несомненно финскими курганами Южного Приладожья. Кроме славян же, по его мнению, никто не мог расселяться в эпоху сопок по Волхову, «вытекающему из самого ядра их [славянских] поселений».

Как бы предвидя возникновение норманской теории, Н. Е. Бранденбург заключает: «невероятно, чтобы они [сопки] были бы норманскими», так как в них нет и признаков норманских вещей.

[1] Труды XI Археологического съезда, т. II, Протоколы, стр. 81.

[2] Зап. Отд. русск. и слав. археол. Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, 1903.

[3] ЗРАО, т. VIII, вып. 2, стр. 284.

[4] Архив А. А. Спицына, № 61.

Мнение Н. Е. Бранденбурга разделял первоначально А. А. Спицын, основываясь также на «времени и районе распространения» этих памятников.[1] Далее, он отмечает сходство волховских и ловатских сопок с упсальскими и объясняет появление сопок у славян норманским влиянием.[2] Упсальские курганы, по его мнению, старше новгородских сопок, последние же датируются IX—X вв. В более поздних работах А. А. Спицын создает уже чисто норманскую гипотезу происхождения сопок. Этот взгляд А. А. Спицын основывал на неизменной связи сопок с речными путями севера, видя в них памятники, оставленные норманнами «по торговому пути».[3]

Спицын высказывает далее мысль о существовании «русских норманнов»,[4] вероятно имея в виду норманнов, осевших на русском севере, подобно колбягам Русской правды, как их толковал А. А. Шахматов.

В одном из поздних своих трудов[5] А. А. Спицын дает более развернутое изложение норманской гипотезы происхождения сопок, опять-таки основываясь на их связи с речными путями и связывая свои положения со взглядами А. А. Шахматова на движение норманнов на русском севере, изложенными им в «Древнейших судьбах русского племени».

Лишь в последние годы жизни А. А. Спицын вернулся к своему первому взгляду, отказавшись от норманской гипотезы. Об этом он говорит в уже приведенном неизданном очерке, посвященном длинным курганам. Здесь А. А. Спицын высказывает предположение, что низкие курганы, часто сопутствующие длинным, «распространенные в кривичских районах», могли развиться в сопки путем постепенного присыпания и что сопки таким образом вышли из старой кривичской среды. Роли норманнов А. А. Спицын однако не отрицает полностью, говоря, что мы «никогда не узнаем, какую именно долю участия в сооружении этих гигантов принимали норманны».

Н. И. Репников в летописном повествовании о погребальных обычаях славян видит указание на обычай сооружения именно сопок у кривичей.[6] По его мнению, под «путями», с которыми это повествование связывает могильные сооружения, следует подразумевать реки, по изысканиям же Котляревского «столп» летописи означает насыпь из земли и камней.

Норманскую гипотезу поддерживал в своих прежних работах В. И. Равдоникас. Основы-

[1] А. А. Спицын. Новгородская губ. в археологическом отношении. ЗРАО, т. IX, вып. 1—2, 1897, стр. 239.

[2] А. А. Спицын. Сопки и жальники. ЗРАО, т. XI, 1899.

[3] ЗРАО, т. VIII, вып. 2, стр. 284.

[4] Гнездовские курганы в раскопках Сергеева. Изв. Археол. ком., 15, 1905, стр. 7.

[5] А. А. Спицын. Археология в темах начальной русской истории. Сборник в честь Платонова, 1922.

[6] Н. И. Репников. Старая Ладога. Сб. Новгородск. общ. любит. древ., VII, Новгород, 1915.

ваясь сперва, вслед за А. А. Спицыным, на связи сопок с реками, [1] он подробнее излагает свой взгляд в монографии, посвященной Приладожью, указывая на сходство в устройстве волховских и ловатских сопок с немногочисленными шведскими курганами, существовавшими на ряду с могильниками типа Вендельского. Этот архаический тип погребения, по его мнению, мог сохраняться шведами на чужбине, где они располагали силой подчиненных им туземцев. Считая проблему сопок не решенной, автор рассматривает славянскую гипотезу в качестве маловероятной, так как в древнем славянском центре в районе Новгорода сопки, по его мнению, неизвестны и общая численность их очень невелика. [2]

Несколько позднее В. И. Равдоникас высказывается о сопках с большой осторожностью, подчеркивая только их видимую разнородность. [3]

Такова в общих чертах история вопроса о сопках и длинных курганах.

[1] Равдоникас. Доисторическое прошлое Тихвинского края, Тихвин, 1924, 31.
[2] W. Raudonikas. Die Normannen der Vikingerzeit und das Ladogagebiet. 1930.
[3] В. И. Равдоникас. Раскопки в Приладожье 1930 г и некоторые выводы из них. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 3.

Подытоживая имеющийся материал, настоящая карта определяет длинные курганы и сопки как географически обособленные один от другого типы могильных памятников.

Район распространения длинных курганов — старая кривичская земля, за пределами которой они не встречаются, время же их VI—IX вв. Эти данные так же, как единообразие их устройства и материальной культуры, говорят о том, что принадлежность длинных курганов кривичам и полочанам Начальной летописи представляется наиболее вероятной.

Территория и время сопок позволяют предполагать, во всяком случае во многих из них, памятники, оставленные новгородскими словенами летописи, но остается пока неясным их назначение в качестве коллективных могил всего населения и ряд вопросов, связанных с особенностями и различиями в устройстве этих насыпей.

Описание длинных курганов и сопок дается по бассейнам рек, причем оба вида памятников имеют общую нумерацию. В скобках, ниже описания памятников каждого отдельного пункта, дается ссылка на источник. Арабскими цифрами обозначены литературные источники; римскими — архивные. Список источников приведен в конце.

МАТЕРИАЛЫ К КАРТЕ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ И СОПОК

Бассейн Плюссы и восточное побережье Чудского и Псковского озер

№ 1. Длинные курганы, д. Лопонец

В 0.5 км от деревни в группе низких расплывчатых курганов имеются два длинных, до 10 м дл. при 4.8 м шир. (V).

№ 2. Сопка, д. Витово

Близ ручья Поварня расположена сопка выс. 3.5 м, диам. 28 м (V).

№ 3. Сопка, д. Средние Озерцы

Сопка исследована траншеей Трофимовым в 1903 г. Насыпь выс. 3.5 м, диам. 19.8 м. При раскопках обнаружено: в вершине костяк; в юго-западной поле на глуб. 70 см черный глиняный горшок, без орнамента, сбоку и у дна небольшое количество углей, вблизи 3 камня; на глубине 0.7—1 м много черепков белого, красного и черного цвета без орнамента; в южной поле на глуб. 1 м, почти в центре, круглый слиток железа; в верхней части насыпи несколько больших камней; на глуб. 1.6 м обломок каменного креста, рядом черепок с орнаментом; в основании посредине головни и уголь разбросанные. Следов кострища не было, насыпь вся из дерна с прослойками светложелтого песка толщ. до 5 см. На сопке будто бы были каменные кресты, снесенные в часовню (XXII).

№ 4. Сопка, д. Которская

Высокая сопка и 3 кургана расположены на берегу р. Городоньки (XVI).

№ 5. Длинный курган, ст. Плюсса

В группе из 11 круглых курганов находится один длинный 17 м дл., 4.5 м шир., 0.5 м выс. (XVI).

№ 6. Сопка и длинный курган, д. Малая Курея

Сопка выс. 3.5 м, диам. 12 м.

В группе из 6 круглых курганов имеется один длинный до 20 м дл., 5 м шир. и 0.5 м выс. (XVI).

№ 7. Сопки, д. Полоса

У деревни расположены 3 сопки, из них одна повреждена, выс. 3.5—4 м (XVI).

№ 8. Сопки, д. Маслина

У озера Песно имеются 2 высоких сопки (XVI).

№ 9. Длинный курган, б. имение Дубняки

Удлиненный курган 16 × 10 × 1 м (V).

№ 10. Сопка, с. Малые Струги

При проведении железной дороги близ села раскопан «огромный покрытый лесом курган, в котором по

слухам найдено было много восточных монет и различного оружия (мечей, копий и др.)». Одна из монет оказалась сассанидской (613 г.) (52, стр. 250).

№ 11. Сопка, д. Захонье

У деревни имеется холм выс. ок. 9 м, диам. 37.5 м, западная пола обрыта при добывании песка (V).

§ 12. Длинный курган, Владимирский лагерь

В 0.5 км от лагеря, по дороге в Халохино, находится группа из 31 кургана; длинных насыпей 2, удлиненных 4. Размеры первых 32 × 6.8 м, 20 × 5 м. Удлиненные от 14 до 18 м дл. при шир. 6—12 м (VII).

№ 13. Длинный курган, д. Перехожа

В 0.5 км к С от деревни в группе из 7 насыпей находится 1 удлиненный курган 15 × 6 × 0.6 м (VII).

№ 14. Сопки, д. Яблоница

3 кургана находятся между д. Яблоница и ст. Струги Красные, выс. 1.5 до 3 м, по основаниям ровики; насыпи попорчены (V).

№ 15. Длинные курганы, пог. Щир

В 1.5 км к ЮЗ от села среди низких, широких курганов есть удлиненные и длинные до 24—25 м дл., 0.5—0.8 м выс.; далее к ЮЗ еще 5 низких курганов, из них 3 длинных, 8, 14 и 23 м дл. Вокруг насыпей ровики (V).

№ 16. Сопки, д. Сковородка

К СЗ от деревни у оз. Барского на склоне к лугу расположены 5 сопок. 1-я выс. 2.5 м, диам. 10 м; 2-я выс. 4.5 м, диам. 12 м; 3-я выс. 5 м, диам. 24 м (последняя копалась Срезневским). Юго-восточная пола снята, в обрезе в песке виден уголь. На соседнем всхолмлении, в 0.5 км от озера — 4-я сопка выс. 2.5 м, диам. 12 м и 5-я выс. 2 м, диам. 10 м. 4-я сопка также попорчена траншеей Срезневского (V).

№ 17. Сопки, длинный курган с. Полицы

1. На уроч. Хотовский бор имеются сопки. Рядом с сопками жальник и курганы меньших размеров, раскопки которых дали погребение трупоположением с вещами XI—XII вв.

2. К СЗ от предыдущей группы в 0.5 км находятся 7 курганов и валообразная насыпь. Вокруг курганов ровики. Раскопано два круглых кургана, причем найдены угольки и кусочки жженых костей (13).

№ 18. Длинные курганы, д. Зуевец

Могильник находится близ деревни. Длинных курганов 4; длина их колеблется от 12 до 27 м, шир. от 8 до 9.5 м (XV).

№ 19. Длинные курганы, д. Каменка

В курганном могильнике около деревни имеется 3 длинных кургана — от 15 до 60 м дл., шир. 8 м, выс. 0.8 до 1 м (XV).

№ 20. Длинные курганы, Пог. Щепец

В курганном могильнике на правом берегу Плюссы имеются курганы (3) дл. 16.3, 19.8 и 62 м (XV).

№ 21. Длинные курганы, д. Гверстка

В 200 м к ЮЗ от деревни расположен курганный могильник, состоящий из круглых, длинных и удлиненных курганов. Всех насыпей 15, окружены ровиками. Удлиненные — от 8 до 10 м дл. и до 6 м шир., длинный (1) — 38 м дл., 8 м шир. и 1 м выс. Круглые курганы от 0.5 до 2.5 м выс. Рядом жальник (VI).

№ 22. Длинный курган, д. Городище

В 1911 г. раскопан курган дл. 27 шагов. Представлял дюнную грядку, обработанную боковыми выемками. В основании обнаружены остатки нескольких кострищ, на них следы пережженных косточек. Кости были впущены в насыпь в четырех местах, в верхней части. Найдена иголка (XXII-а).

№ 23. Длинный курган, с. Полно, совхоз Дубницы

В 1 км от села в хвойном лесу расположено 10 курганов круглых и один комбинированный дл. 26 м, шир. ок. 7 м, выс. 1 м (VI).

№ 24. Длинные курганы, с. Полно

В 2 км от села расположена группа из 6 курганов, из них два комбинированных дл. до 17 м, выс. до 1 м и один длинный дл. 22 м, шир. 12 м, выс. 1 м. Вокруг курганов имеются ровики.

На З от села в 1 км по дороге в Гдов в хвойном лесу имеется группа из 41 кургана выс. 0.5—1.5 м, диам. 6—8 м, один длинный дл. 30 м, шир. 16 м, выс. 1.5 м. Рядом с группой имеются несколько жальничных погребений (VI).

№ 25. Длинные курганы, д. Новая Желча

В курганной группе, расположенной в 1 км на СВ от деревни, имеется длинная насыпь. Ее размеры: дл. до 15 м, шир. ок. 8 м, выс. 1 м. Кругом ровик. На материке угольно-пепельный слой, не доходящий до краев на 0.7—1.4 м. Под ним яма 0.4 × 0.2 м, наполненная пережженными костями, смешанными с углем. Находок нет (23, стр. 250). В 1 км к СВ от деревни имеется группа из 6 курганов; из них два удлиненных и один длинный (VI).

№ 26. Длинные курганы, д. Замежничье

В 2 км к СЗ от деревни на правом берегу р. Студенки в 500 м от берега в лесу расположено 10 курганов, в том числе два длинных, до 12 м дл. при 6 м шир. В восточной части группы находятся жальничные погребения (VI).

№ 27. Длинные курганы, д. Горско-Заполье

К СВ от деревни в 1.5 км, в сосновом лесу близ речки Желчи, расположен курганный могильник. Имеются 2 длинных кургана от 18 до 20 м дл. и 10—16 м шир. Курганы имеют в плане форму прямоугольников. Один из них разрушен дорогой (VI).

№ 28. Длинные курганы, д. Большое Заполье

У деревни В. А. Городцов раскопал в 1908 г. 3 удлиненных кургана.

Курган № 1. На материке обнаружен слой золы и угля, на нем горшочек.

Курган № 2. Дл. 43 шага, выс. 1.4 м. В северном конце на половине высоты обнаружен грубый горшочек и рядом много жженых костей.

Курган № 3 (длинный, слитый с двумя круглыми). Из средней части длинного кургана выделяется отросток. У края последнего обнаружено обширное кострище (зола, уголь и мелкие пережженные косточки). В другом шурфе найдена зольная прослойка с угольками и мелкими черепками (XXII-а).

№ 29. Длинные курганы, д. Дуброшкино

К СЗ от деревни в 1 км на холме расположены курганы в количестве 8, из них 2 удлиненных; дл. до 10 м, шир. до 6 м, выс. ок. 0.8 м (VI).

№ 30. Длинные курганы, д. Ново-Жуковская

Близ деревни, в пустоши Паленая грива, находится группа насыпей, раскопано 4.

Курган № 1 (Большой богатырь). Дл. 28 м, шир. 6.4 м, выс. 0.7 м. Сильно распахан, по основанию заметен ровик. Поверх рва обнаружена угольная прослойка. По материку угольно-пепельный слой, у одного края подходящий к самому рву. Под насыпью обнаружено 5 круглых ям. 1-я яма, шир. 40 см, глуб. 22 см, содержала пережженные кости. 2-я яма, шир. 26 см, глуб. 8 см, содержала мелкие пережженные кости и черепки от горшков (повидимому, один стоял днищем книзу, другой был на него опрокинут). 3-я и 4-я ямы, диам. 25 см, глуб. 8 см, дали немного пережженных костей. 5-я яма находилась над угольно-пепельным слоем, диам. 45 см, глуб. 30 см; в ней сильно пережженные кости с золой.

Курган № 2 (Малый богатырь). Дл. 28 м, шир. 6.4 м, выс. 0.7 м, распахивается. Над ровиком прослежена угольная прослойка. На материке угольно-пепельный слой, не доходящий до рва сантиметров на 70. Ни ям, ни находок не встречено.

Курган № 3. Дл. 36 м, выс. 0.7 м, на материке угольно-пепельный слой. Курган не доследован. Находок не встречено.

Курган № 4 (круглый). Попорчен грабительской раскопкой. Прослежена угольная прослойка над ровиком и пепельный слой на материке по основанию. Находок нет.

Курганы исследовались продольными и поперечными траншеями (23, стр. 248).

№ 31. Длинные курганы, д. Жеребятино

Курганная группа находится в 2 км от деревни. Раскопано две насыпи.

Курган № 1. Дл. 49 м, шир. 10 м, выс. 0.7 м; кругом насыпи ровик. В основании идет угольно-пепельный слой, выше его в насыпи яма, шир. 23 см, глуб. 18 см, наполненная мелкими пережженными костями. Среди последних найдены черепки грубого сосуда, железные удила (табл. I, *1*), 4 обломка медных украшений (пластин от какого-то набора) (табл. I, *4—5*), железная пряжка (табл. I, *2*), медные выпуклые мелкие бляшки (табл. I, 3); 2-я яма обнаружена под угольно-пепельным слоем, в ней найдены две пары горшков с пережженными костями. Меньшие по размерам горшки с костями прикрыты большими. Горшки грубые, из глины с примесью кварца. 3-я яма, шир. и глуб. до 40 см, находилась над угольно-пепельным слоем. В ней найдены мелкие и крупные пережженные лошадиные кости.

Курган № 2 (круглый). Диам. 11 м, выс. 0.5 м; распахивался. По основанию насыпи ровик; на глуб. 4 см от вершины обнаружены глиняные сосуды. На материке угольно-пепельный слой; за 0,35—1 м от подошвы он исчезает, поверх этого слоя тянется угольная лента. Над угольным слоем в насыпи две пары горшков с мелкими пережженными костями. Один стоит на днище, другой на него опрокинут, горшки грубые из глины с примесью кварца. Рядом же найден обломок медного пластинчатого браслета (табл. I, *6*) (23, стр. 244; VI).

№ 32. Сопка и длинные курганы, д. Горско

В низких курганах (до 1 м выс.) найдены грубые горшки со жжеными костями. В трех низких продолговатых курганах найдено два медных браслета с бровками по краю (табл. I, *7—8*), королек меди и обломок игольной точилки (табл. I, *9*). Сопка была кем-то раскопана раньше; ее высота равнялась приблизительно 5 м. Из старого раскопа подняты: сердцевидная бляшка с отверстием и орнаментом из двух кружков (табл. IX, *8*), тонкая медная пластинка с нарезкой и коротким гвоздиком (табл. IX, *9*), темносиняя плоская буса с широким отверстием, 3 медные тонкие бляшки-скорлупки с язычками для прикрепления (табл. IX, *10*), обрывок медной проволоки и ушко от небольшого бубенчика. А. А. Спицын датирует эти вещи VI—VIII вв. (55, стр. 238 и 241).

№ 33. Длинные курганы, д. Безьва

Близ деревни находится группа из 5 курганов; раскопаны два.

Курган № 1 (круглый). Диам. 12.2 м, выс. 1.8 м, кругом ровик, на материке угольно-пепельный слой мощн. от 4 до 54 см, не доходящий до рва на 0.35—1.4 м. Над пепельным слоем угольная прослойка, пересекающая его с одной стороны на протяжении 6.4 м. В насыпи над угольно-пепельным слоем обнаружена груда камней, в центре ее 1 крупный камень 54 × 45 × 45 см; по всей насыпи пятна пепла.

Курган № 2 (длинный). Дл. 33.5 м, шир. 9.9 м, выс. 0,8 м, распахивался. Вокруг него ровик, поверх ровика видна угольная прослойка. На материке угольно-пепельный слой, прерывистый. До краев кургана этот слой не доходит. Ни ям, ни костей не найдено (23, стр. 247).

№ 34. Длинные курганы, д. Светлые Вешки

Группа курганов находится в 1 км от деревни; раскопано 5 насыпей.

Курган № 1 (длинный). Дл. 37.7 м, шир. 7 м, выс. 1 м, по основанию ровик. По материку угольно-пепельный слой, с северо-восточной стороны не доходящий до рва. Поверх него угольная прослойка. В кургане 9 ям (все над угольно-пепельным слоем). Ямы 1 и 2 содержали по глиняному горшку с пережженными костями, остальные 7 ям содержали лишь пережженные кости. Диаметр ям 0.15—0.30 м.

Курган № 2 (круглый). Диам. 8.5 м, выс. 0.9 м. Рва не заметно. Вершина испорчена грабительской раскопкой (видны разбросанные пережженные кости). По основанию угольно-пепельный слой. Находок не обнаружено.

Курган № 3 (длинный). Дл. 21.5 м, шир. 7 м, выс. 0.58 м. По основанию ровик. По материку угольно-пепельный слой, над ним местами угольная прослойка. Под угольно-пепельным слоем обнаружены 3 ямы. (План слитных курганов №№ 1, 2, 3 см. табл. XIV, *2*.) 1-я яма, размером 44 × 13 × 26 см, содержала мелкие пережженные кости и выпуклые бляшки-скорлупки (табл. II, 3). 2-я яма, размером 70 × 40 × 31 см, наполнена пережженными костями; под ними 19 таких же выпуклых бляшек. 3-я яма, размером 45 × 45 × 36 см, содержала пережженные кости, 40 бляшек-скорлупок, часть язычка медной пряжки (табл. II, *2*), медную бляшку в виде запонки (табл. II, *1*), медную трубочку (табл. II, *4*) и 2 обломка.

Курган № 4 (длинный). Дл. 42.6 м, шир. 9 м, выс. 1.15 м. (План см. табл. XIV, *1*.) По основанию ровик. В последнем обнаружена угольная прослойка. На материке угольно-пепельный слой; поверх него слабая угольная прослойка. Под угольно-пепельным слоем обнаружена одна яма разм. 35 × 35 × 22 см; в ней пережженные кости с примесью угля.

Курган № 5 (длинный). Дл. 10.7 м, шир. 7.8 м, выс. 1 м. По основанию ровик, поверх которого обнаружена угольная прослойка. Повыше материка тянется угольно-пепельный слой. Над ним обнаружена одна яма 40 × 9 см, с пережженными костями с примесью угля.

Длинные курганы исследовались продольными и поперечными траншеями (23, стр. 251).

№ 35. Длинные курганы, д. Кузнецово

В 4 км от деревни по дороге в д. Мишина Гора расположено 11 курганов, из них два удлиненных, дл. от 12 до 19 м, при шир. 6.5 м, выс. до 1 м (VI).

№ 36. Длинный курган, д. Люботешь

За восточной околицей деревни на надлуговой террасе расположено 7 курганов круглых и один длинный, 14 × 6 м, выс. 0.95 м (IX).

№ 37. Длинные курганы, д. Городня

Около 1 км к ЮЗ от деревни, в сосновом лесу, расположена группа из 63 насыпей. Курганы разделяются на следующие типы: 1) округло-конические, выс. от 2 до 2.80 м при диам. до 7—12 м; 2) длинные, от 10 до 22 м дл., от 5.5 до 8.5 шир., в том числе один комбинированный с двумя круглыми; 3) высокие, от 2 до 3.5 м выс. и от 8 до 14 м диам. У большинства курганов имеются ровики по основанию (IX).

19 курганов, в том числе 3 удлиненных, раскопаны в 1938—1939 гг. Н. Н. Чернягиным. Найдены трупосожжения в ямках, неглубоко от поверхности насыпи.

При погребениях найдены сосуды (один стопкой без закраины, другой со слабой закраиной), с ними пряжка (табл. I, *13*). В других курганах найдены ножи, браслеты (табл. I, *10*, *11* и *12*), обломки бронзовых пластин (табл. I, *14*), обломок шейной гривны (табл. I, *15*), обломки спиральных браслетов-наручников, железные шильца, обломки костяного перегоревшего гребешка.

№ 38. Длинные курганы, д. Люботешь

К ССЗ от деревни, приблизительно в 750 м, в березовой роще находится 10 курганов, в том числе 5 длинных, от 10 до 18 м дл. и от 6 до 8 м шир., выс. 1—1.25 м.

№ 39. Длинный курган, д. Новоселье

В лесу ок. 1.5 км к З от деревни в группе круглых расплывчатых курганов находится один длинный комбинированный с круглым, дл. 17 м (IX).

№ 40. Длинные курганы, д. Грядище

В урочище Совий Бор в 1 км к Ю от деревни расположена группа из 78 курганов, тянущаяся цепью с ССВ на ЮЮЗ. Длинных насыпей 18, их дл. от 12 до 40 м, шир. 6—10 м. Длинных, комбинированных с круглыми насыпей — 3. Курганы сложены из песка (IX).

№ 41. Длинные курганы, д. Володи

В 1 км к ЮВ от деревни, на опушке леса, вдоль дороги в д. Починок имеются 25 курганов, в том числе 8 удлиненных, дл. от 14 до 28 м при шир. 6—8 м (IX).

№ 42. Длинные курганы, д. Заборовка

В 1 км к В от деревни имеется группа из 35 курганов, из них 5 длинных. Длина насыпей колеблется от 12 до 22 м, шир. от 8 до 10 м (IX).

№ 43. Длинные курганы, дер. Сельцо

В 0.5 км к С от деревни имеется группа из 13 курганов; среди них 3 удлиненных, от 11 до 14 м дл., и один комбинированный с круглыми, размером 14 × 6 × 1.5 м. Рядом с группой несколько жальничных могил (IX).

№ 44. Длинный курган, Б. Крюково

В 3 км по направлению к д. Васцам у дороги расположено 5 курганов, в том числе один длинный — 12 м дл., 6 м шир., выс. 1 м. Испорчен траншеей (IX).

№ 45. Длинные курганы, д. Баяково

Курганная группа находится в 0.5 км к В от деревни и состоит из 19 курганов, в том числе 3 длинных, от 12 до 14 м дл. при 8 м шир. (IX).

№ 46. Длинные курганы, д. Колядуха

В 1 км к С от деревни по берегу Псковы тянется цепью курганная группа из 18 насыпей, в том числе 7 длинных. Размеры последних от 10 до 34 м дл. и от 6 до 8 м шир. Две длинные насыпи распахиваются. Один из длинных курганов комбинирован с круглым (IX).

№ 47. Удлиненные курганы, пог. Толбицы

В трех небольших курганных группах отмечено несколько удлиненных насыпей от 8 до 10 м дл. при 4—6 м шир. (IX).

№ 48. Длинный курган, д. Пружинник

В 0.5 км к СЗ от деревни среди дюн расположено 10 круглых курганов и один удлиненный 6.5 × 4.5 × 0.5м (IX).

Западное побережье Псковского озера

№ 49. Длинные курганы, Лобенштейн

А. А. Спицын упоминает о раскапывавшихся Лешке длинных курганах под Лобенштейном и Нейгаузеном (см. № 50, 54, стр. 81). Под Лобенштейном в одном кургане найдены черепки огромного глиняного блюда, а в другом — игольная точилка (XXII-а).

№ 50. Длинные курганы, Нейгаузен

(См. № 49.)

№ 51. Сопка, д. Кувшиново

В самой деревне у крайнего двора стоит сопка выс. ок. 10 м, диам. 20(?) м (32).

№ 52. Длинные курганы, пог. Овинчище

Около 1 км от погоста у леса находятся курганы обычной круглой формы наряду с высокими продолговатыми насыпями и невысокими длинными могилами. Несколько насыпей находятся в пределах современного кладбища. Раскопано 7 курганов.

Курган № 1. Диам. 12.8 м, выс. 1.55 м. На глуб. 0.26 м встречены отдельные угольки и пережженные кости. В южной части кургана обнаружены совершенно обугленные куски дерева, образующие угол сруба или ящика. Внутри оказалась груда пережженных костей. В центральной части кургана на глуб. 0.4 м встречен женский костяк без вещей, головой на СЗ. Рядом, на той же глубине, детские кости. На Ю в расстоянии 0.7 м и на глуб. 0.4 м найдены еще 2 костяка. Далее насыпь снята до грунта. Находок нет.

Курган № 2 (длинный). Дл. 12.8, шир. 5.7 м, выс. 0.8 м. В южной части на поверхности поднят черепок сосуда из грубой глины с примесью дресвы. Почти у грунта обнаружены два угольно-пепельных пятна с мелкими пережженными костями, диам. не более 1 м, толщ. до 4 см.

Курган № 3. Диам. 4.3 м, выс. 0.7 м. На глубине второго штыха, в северной части насыпи, обнаружены остатки гробовища из обугленных сосновых плах, с прослойками обугленной берестовой коры. Плахи лежали наклонно к югу; в приподнятой части много пережженных и измельченных костей. Южная часть гробовища разрушена и среди разбросанных сосновых углей замечено присутствие дубового угля. Под остатками гробовища плотный грунт.

Курган № 4. Диам. 12.8 м, выс. 1,8 м, окружен ровиком. В вершине 12 средней величины валунов, без порядка. Под ними разрозненные кости скелетов. Найдено 5 черепов, несколько костей ног и рук, сброшенных в кучу. По снятии верхней трети кургана в юго-восточной части найдены остатки кострища с большим количеством мелких пережженных костей. Других находок нет.

Курган № 5. Диам. 4.3 м, выс. 0.75 м. На глуб. 0.35 м найдено 5 крупных валунов в беспорядке. В насыпи встречены угли. Костей не найдено.

Курган № 6. Выс. от 8 до 13 см; курган развеен ветром, на поверхности подняты черепки двух грубых глиняных сосудов и мелкие прожженные кости.

Среди черепков в песке найден медный перстень, свернутый спиралью в пять оборотов.

Курган № 7. Диам. 6.4 м, выс. 0.9 м. На глуб. 0.24 м в северной части кургана найдено 3 крупных валуна и ниже четвертый наиболее крупный с закопченной боковой поверхностью. К нему прилегало кострище (угольно-пепельный слой, перемешанный с песком). Выше закопченного валуна, в центре кургана, найден большой глиняный сосуд, поставленный кверху дном (табл. III, *1*). Под ним находилось много пережженных костей, смешанных с золой. Диаметр днища сосуда 30 см, выс. 35.5 см, диаметр горла 40.7 см, толщина стенок от 12 до 16 мм (22).

№ 53. Длинные курганы, пог. Тайлов

Близ погоста находились 3 длинных кургана, называвшиеся Богатырскими. Один раскапывался Заборовским; дл. 16 м, шир. 9 м, выс. 0.7 м, кругом был ровик. В одном конце кургана стояли два больших камня. «На одном из них находилось изображение наконечника копья или стрелы». Недалеко от них, почти в равном расстоянии друг от друга лежали три кучки пережженных костей. Из следующих двух курганов один был разрушен до раскопок Заборовского, а другой поврежден позднее. Его длина 13 м, шир. 6.4 м, выс. ок. 0.7 м, насыпь из желтого борового песка с большим количеством мелкого булыжника и примесью мелких угольков. На глуб. 0.4 м местами обнаружен слой белого песка, «который впоследствии усмотрен слоем 4 см толщ. на всем протяжении раскопа. На этом слое обнаружены валуны до 20 см в диаметре, сложенные в правильный круг. Посреди круга было кострище из зольной земли с мелкими угольками. Находок не оказалось» (22).

Бассейн среднего и нижнего течения Великой

№ 54. Сопки, д. Муровичи

Над обрывом берега р. Великой расположена группа курганов. Курганы конические, расположены цепью по берегу. Из них 9 малых до 2 м выс., 2 больше 2 м и 1 до 6 м выс., а окружностью свыше 60 м. Последний раскапывался неизвестными лицами. Обнаружена стена из плит. В трех малых курганах найдены только обломки известковой плиты (раскопки велись колодцами до грунта) (3, стр. 59).

№ 55. Сопки, д. Зенковичи

В деревне находятся 4 сопки от 4 до 10.5 м выс. Находили человеческие кости (37).

№ 56. Длинные курганы, д. Северик

К югу от деревни в 100 м от берега Великой имеются 7 курганов, из них 2 длинных — 12 и 14 м дл. (VIII).

№ 57. Сопка, д. Камно

На городище находится курган, раскопанный Ушаковым в 1896 г. Диам. 20 м, выс. 3.5—4 м (VIII). На материке был найден скелет «лицом на запад», в каменном ящике из плитняка. Ниже костей лежал пласт извести, образовавшейся из ряда плит, положенных в основание насыпи. На извести находилась груда соснового угля. Возле костяка были остатки угля, чешуи, человеческих костей, черепов и т. д. В насыпи обнаружено свыше 30 отдельных очагов с углем, рыбьей чешуей и человеческими костями. У одного очага найден скелет зайца. Кроме того в разных местах найдены: точильный камень с отверстием, каменные и плохо отшлифованные бусы, обломки горшков из бурой глины с украшениями и без них и куриная кость с отверстием (52, стр. 248).

№ 58. Длинные курганы и сопкообразный курган д. Першина

Курганы расположены близ часовни Ольгин Крест, на песчаной местности, поросшей можжевельником. Насыпи разрушаются ветром. Некоторые выдуты до пепельного слоя, обозначенного кругами. Высота сохранившихся курганов от 1 до 2.8 м. Среди них есть и длинные курганы. Раскопано 10 насыпей.

Курган № 1 (длинный). Дл. 8.5 м, шир. 3.2 м, выс. 1.4 м (табл. XIV, *5*). Ориентирован с С на Ю. Раскопкой снята половина насыпи до продольной оси. По площади основания шел угольно-пепельный слой. По концам, приблизительно в 2 м от краев кургана, находилось по кострищу, диам. более 2 м, толщ. до 20 см. С наружной стороны кострищ располагалось по 6 камней, положенных дугой. На первом кострище (северном), среди пережженных косточек, золы и угля найдены обломки спирального наручника (из узкой медной ленты) и железное острие в виде шила со следами деревянной рукояти.

Курган № 2 (длинный). Дл. 8.5 м, шир. 2 м, выс. 0.7 м. По основанию прослежен угольно-пепельный слой. Находок никаких.

Курган № 3 (длинный) (табл. XIV, *6*). Дл. 10.7 м, шир. 2 м, выс. 0.7 м. Под средней частью основания во всю ширину насыпи лежал помост из мелких, плотно сложенных камней (8—13 см в диаметре), дл. более 2 м. В остальных частях основания шел тонкий угольно-пепельный слой. На камнях и между ними небольшое количество мелких угольков и золы. Находок нет.

Курган № 4. Диам. 4 м, выс. 1 м; по основанию угольно-пепельный слой.

Курган № 5. Диам. 5.3 м, выс. 1.4 м, того же устройства, без находок.

Курганы №№ 6—10 тех же размеров и того же устройства.

У самой деревни крестьяне разрыли небольшую сопку для установки сарая. Под насыпью обнаружено кольцо из крупных плотно сложенных камней. Среди них много угля и золы (10, стр. 72).

№ 59. Удлиненные курганы, д. Понизовье

На склоне холма расположена курганная группа, состоящая из 10 насыпей, из которых 4 удлиненные, от 7.5 до 23 м дл. и от 4.5 до 10 м шир. (VIII).

№ 60. Сопки, д. Ерошиха

По восточной окраине лесной дачи, расположенной на В от деревни, имеется сопка выс. ок. 7.5 м. Вправо от дороги из д. Ерошихи в д. Ерусалимскую, приблизительно в 1 км от первой, на берегу р. Великой расположены рядом 3 сопки, от 4 до 6 м выс. и ок. 17 м диам. Ближайшая к деревне попорчена ямами, крайняя к югу наполовину обвалилась в реку, средняя раскопана (разрез см. табл. XII, *4*). Насыпь состояла из светлосерой супеси с редкими угольками. На глуб. 0.5 м обнаружено пятно, расширявшееся вглубь, темно окрашенное. В западной и юго-западной поле в 0.9 — 1 м от края найдены отдельные куски плиты, большей частью в наклонном положении. На глуб. ок. 1.8 м обнаружена обугленная береста, под ней край сильно обугленного домовища, состоявшего из ряда сосновых бревен и плах, положенных наклонно с В на З. С восточной стороны домовища сохранилась стенка из коротких бревен. С другой стороны — крупные плиты в беспорядке. Домовище прикрыто берестой. Во время сожжения трупа крыша домовища опустилась и лежала непосредственно на нижних лежнях, в свою очередь тоже, повидимому, прикрытых берестою. Между верхними и нижними плахами — сильно измельченные обугленные кости, среди последних грубый горшок выс. 7.5 см, дно 10 см, горло 12 см; стенки слегка выпуклые (табл. IX, *11*).

В нескольких метрах от южной сопки берег реки становится выше, и в обрыве виден культурный слой. «Толщина его только на расстоянии каких-либо 4 м, ближайших к сопке, имеет толщину около 70 см, затем он резко суживается до 16 см и, постепенно теряясь, может быть еще прослежен дальше метров на 30». В месте наибольшей мощности слоя часть берега может быть принята за остатки сопки, но характер

почвы здесь совершенно другой: черная, жирная земля. Находки из слоя: несколько обломков грубой глиняной посуды, обломок подковы, часть железной пряжки, предмет из бронзы с расплющенным и загнутым в виде ушка концом (может быть обломок гривны), сплав из синего стекла, пряслице, несколько обломков костей животного, частью пережженных, много мелкого угля и мелкого и крупного щебня, гранитного и известнякового, со следами пребывания в огне. Пробные траншейки показали, что слой этот залегает далее от берега на глуб. 25 см (21).

№ 61. Круглые и длинный курганы с сожжением, д. Голодуша

Курганы расположены на гребне крутого откоса ложбины, идущей от деревни к р. Великой. Всех насыпей 6, целых не оказалось.

Курган № 1. Диам. 8.5 м, выс. 2 м. По основанию идет угольно-пепельный слой толщ. до 4 см. Вокруг всей площадки сплошное кольцо из крупных камней, плотно сложенных. Кольцо расположено не далее 0.7 м от края подошвы.

Курган № 2. Диам. 4.3 м, выс. 0.7 м. В центре на первом штыхе обнаружено небольшое кострище до 0.35 м диам. и до 8 см толщ., состоявшее из мелкого угля, золы и небольшого количества мелких пережженных косточек. По основанию угольно-пепельный слой. Здесь же находился курган довольно больших размеров, подрытый до половины. По рассказам крестьян в нем была найдена «овчинная шуба без рукавов с медными украшениями», возможно спиральками и мелкими выпуклыми бляшками (10, стр. 73).

На высоком берегу Великой расположено 12 курганов, из них 11 круглых и один дл. 48 м, шир. 10 м, выс. 0.75 м. Курган ископан небольшими ямами, в ямах видны известняк и щебень (VIII).

№ 62. Сопки, д. Рассомухово

К З от деревни, в 50 м от берега р. Черехи, находятся 2 сопки, разрушенные выборкой песка, выс. до 2 м, диам. от 12 до 14 м (VIII).

№ 63. Длинные курганы, д. Маслово-Высоцкое

В 250 м от д. Маслово на высоком холме расположено 4 кургана, из них 2 длинных, до 14 м дл. (VIII).

№ 64. Длинные курганы, д. Заборовье

К З от деревни, на гребне холма, в лесу расположено 14 курганов, из которых 2 длинных — 9 и 18 м дл. (VIII).

№ 65. Длинные курганы, д. Хвоенка-Мелетовская

Около 0.5 км к СВ от деревни на высоком песчаном холме расположено 36 курганов, из них 5 длинных. Длина насыпей от 10 до 40 м, шир. от 5 до 10 м, выс. 1.25 м. Один из курганов соединен с двумя круглыми, из которых один расположен на конце, другой в середине вала (VIII).

№ 66. Длинный курган, д. Рыбиха

На невысоком берегу Великой в 100 м к Ю от деревни находится курган дл. до 16 м, поврежденный ямами. Поблизости круглый курган и жальник в круглой обкладке могил (VIII).

№ 67. Сопки и длинные курганы, пог. Лыбуты

Имеется несколько очень крупных сопок и продолговатых насыпей по обеим сторонам дороги из Пскова в пог. Лыбуты, не доезжая 0.5 км до последнего (22). Три кургана раскопаны в 1878 г.

Курган № 1. Диам. 4.3 м, выс. 1 м. Близ центра в восточной поле, среди трех поставленных на ребро крупных известковых плит, встречена массивная груда золы, углей и мелких пережженных человеческих костей, прикрытая большим опрокинутым горшком, который был набит углем, золой и косточками. Глина горшка слабо обожжена, содержит примесь грубых зерен дресвы. На костях заметны следы окиси железа и меди. По всей площади основания шел тонкий угольно-пепельный слой.

Курган № 2. Диам. 4.3 м, выс. 1 м. По площадке основания шел угольно-пепельный слой. Насыпь состояла из крупного красноватого песка и в разных местах в верхних слоях была укреплена слоями известковой плиты. Находок нет.

Курган № 3. Диам. 5.3 м, выс. 1.4 м. Вся насыпь состояла из мелких кусков плиты. По всему основанию шел тонкий угольно-пепельный слой. Находок нет (10, стр. 71—72).

№ 68. Сопкообразные курганы и каменный помост д. Ерусалимская[1]

Группа курганов из 17 насыпей лежит между дд. Ерусалимской и Ерошихой около 1.5 км от первой, на высоком берегу Великой. Раскопано 7 курганов

Курган № 1. Окружн. 50 м, выс. 4 м. Насыпь состоит из однообразного песка с небольшой примесью земли и глины близ основания. На глуб. 0.7 м от верхушки обнаружено кострище. Длина его 2.3 м, шир. 1.6 м, выс. 0. 54 м. Площадка кострища была устлана берестой в 2—3 ряда, поверх ее настлан помост из березовых плах горбылями вниз. Имеются следы боковых стенок. Верхний помост или крыша настлан, как и нижний, продольно и также обложен берестой в несколько рядов. В одном конце поставлены бревна стоймя и также обложены берестой. Береста, покрывавшая сооружение, «была на вид совершенно свежа». Вертикальные бревна обуглились, но сохранили форму. В верхнем помосте в этой части оставлено отверстие. Все сооружение покато к З. Автор считает, что костер горел, будучи засыпан землей, при посредстве сквозной тяги, которая усиливалась наклонным положением сооружения. Береста служила якобы для устранения побочной тяги и для того, чтобы в огонь не сыпался песок из засыпи.

Найдены нож железный, много спиральных железных трубочек, окрашенных окисью меди, две трубки с щелью вдоль и ушками на концах.

Курган № 2. Окружн. 34 м, выс. 2.8 м. На глуб. 0.35 м показалось кострище, дл. 2 м, шир. 1 м, выс. 0.43 м, ориентированное с З на В. Непосредственно под кострищем лежит слой розового песка, в нем пережженные кости. В основании этого слоя — твердый пласт с примесью извести. В кострище найдены: железный нож, остаток спиральки, железная проколка и мелкие куски оплавившейся меди. В слое красного песку найдена железная кольцеобразная пряжка ок. 6.5 см в диаметре и несколько черепков от сосуда.

Курган № 3. Окружн. 43 м, выс. 3.4 м. На глубине от 0.09 до 0.22 м показалось кострище, дл. 2.5 м, шир. 1.6 м, выс. ок. 26 см, расположение одинаковое с предыдущими. Найдено много костей, железная пряжка, нож, медная бляха от ременного набора, треугольная бляшка с выпуклым орнаментом и тремя шпеньками на оборотной стороне и ряд спиралек. Встречены также стекловидные слитки и слитки меди. Тут же найдено несколько бусин белого цвета. Среди костей человека имеются птичьи кости.

Курган № 4. Окружн. 32 м, выс. 2.3 м. В верхней части кургана обнаружено кострище дл. 2.3 м, шир. 1.4 м, выс. 35 см. Найдены нож, неопределенный железный предмет, части спиралек из железной проволоки и стекловидные слитки.

Курган № 5. Окружн. 34 м, выс. 2.8 м. На кострище найдено несколько предметов из железа и медных и стекловидных слитков.

Курган № 6. Находок не отмечено.

---

[1] №№ 67 и 68, может быть, представляют общую группу курганов.

Курган № 7. На глуб. 30 см найден череп, значительно ниже встречено кострище с остатками трупосожжения и конскими костями.

Каменный помост. В 10—13 м от кургана № 2 по направлению к реке раскопан каменный помост. На глуб. 0.26 м показались зола, уголь и кости. Дно ямы, заполненной этой массой, на глуб. 0.7 м было вымощено булыжным камнем. Вымощенная площадь имела форму круга диам. до 1.4 м. Камень помоста сильно прокален и легко рассыпался. Ниже помоста лежит масса золы, угля и костей. Среди них найдены крупинки меди, железный шарик и мелкие черепки серой глиняной посуды (51).

№ 69. Длинный курган, д. Пятоново

На правом берегу Великой за восточной околицей деревни находятся 3 круглых и один длинный курган. Последний кем-то раскопан (VIII).

№ 70. Длинные курганы, д. Спасская.

К В от деревни на берегу Великой в урочище Богатыри расположено 2 длинных кургана в 250 м один от другого. Длина первого 20 м, шир. 6.5 м, выс. 1 м. Длина второго 33 м, шир. 7 м, выс. 1 м (VIII).

№ 71. Длинные курганы и сопка, д. Паничьи Горки

В 250 м на ЮЗ от деревни находится небольшой курган окружностью 4 м, выс. ок. 2 м. Под дерном обнаружено много черепков. Внутри насыпи в небольшом количестве встречен уголь. Рядом с курганом видны 3 параллельные валообразные насыпи дл. 30, 40 и 12 м. В 170 м от кургана располагается жальник. Посреди деревни в 70-х годах прошлого столетия на берегу Великой находилась большая сопка (51). В центре деревни имелась насыпь диам. до 8.5 м. По исследовании оказалось, что насыпь возведена над грудой костей, лежавших в беспорядке. Первый открытый костяк лежал лицом вниз (21).

№ 72. Сопка, д. Луговицы

Ниже деревни на берегу Великой расположена сопка диам. 26 м, выс. 2.7 м. Повреждена ледоходом (VIII).

№ 73. Сопка, д. Шабаны

Рядом с группой из 85 курганов находится одна сопка диам. 12 м, выс. 3 м, разрытая (VIII).

№ 74. Длинные курганы, д. Бахлы

У деревни имеется 5 целых длинных курганов и много разрушенных (31).

№ 75. Длинные курганы, хутор Устье

На берегу р. Вяды находится 5 курганов, из которых 2 длинных — 24 и 38 м дл., при 6.5 м шир. (VIII).

№ 76. Длинные курганы, пог. Кухва-Михайловский

1) За южной околицей поселка имеется курган 36 м дл., 6.5 м шир. и 1 м выс. Поврежден картофельными ямами. В ямах, на уровне материка, виден зольный слой и куски угля.

2) Около 1 км к ЮВ от поселка у шоссе в 300 м от д. Лариной находятся два кургана 24 и 30 м дл., при шир. 10 м.

3) В 1 км к ЮЗ от поселка на песчаном холме расположены 2 длинных и один круглый курган. Размеры длинных 10 и 50 м.

4) В 200—250 м к СЗ от предыдущих расположено 3 кургана, из которых 2 длинных размерами 13.5 и 26 м (VIII).

№ 77. Длинный курган, д. Пашкова

К З в 0.5 км от деревни и в 30 м от берега Великой имеется длинный курган, ориентированный с З на В, дл. 17.5 м, шир. 6.5 м, выс. ок. 1 м (VIII).

№ 78. Длинные курганы, д. Павлова

Имеются 2 длинных кургана (32).

№ 79. Длинные курганы, р. Пенная

Около реки расположено 3 длинных кургана целых и несколько распаханных (32).

№ 80. Длинный курган, д. Смолинка

Возле деревни находится курган дл. 20—24 м, шир. 5 м и выс. 1.5—2 м. «В разных частях насыпи, особенно в южной половине, найдены небольшие гнезда угля из сожженных человеческих костей, обломки сожженных вещей, иногда покрытых берестой». Находки состоят из спиралек, обломков браслетов, ножа и черепков (XXII-д и 32).

№ 81. Длинные курганы, с. Волосов (32)

№ 82. Длинный курган, пог. Гнилки (32)

№ 83. Сопки, д. Вошкина

Имеются сопки до 8 м выс. (31).

№ 84. Длинные курганы, д. Подмогилье

Близ деревни имеются группы из 4 длинных и 20 «конусовидных» курганов. Под дерном обнаружены сожженные косточки. В насыпи уголь, пепел и камни (XXII-д).

№ 85. Сопки, д. Гришино

У деревни имеется сопка 4 м выс. «По преданию — место погребения псковичей, павших в битве с Литвой. По летописи в 1426 г. под Котельном, в 1.5 верстах отсюда, была неудачная битва с Витовтом» (32).

№ 86. Длинные курганы, с. Голубово

Близ села находится могильник Богатырек, состоящий из длинных курганов (32).

№ 87. Сопка, д. Гашнева

Имеется сопка 10 м выс. По слухам, здесь находили предметы вооружения (32).

№ 88. Сопки, пог. Пустое Воскресенье

Возле погоста в болоте расположены 2 конические сопки. Выс. 4.6 м, диам. до 10 м (32).

№ 89. Длинный курган, д. Михайловская

У деревни располагается группа из 3 курганов круглых и одного до 15 м дл. (9, стр. 226).

№ 90. Сопка, д. Дегжа

Близ деревни находится круглая сопка выс. 6.4 м и диам. 12.8 м. Раскопана крестьянами; найдены уголь и зола (32).

Бассейн верхнего течения Великой

№ 91. Длинные курганы, д. Мышино

«Невысокие валы в несколько саж. длины в лесу» (32).

№ 92. Длинные курганы, д. Шурупово

На берегу р. Иссы, притоке Великой, среди соснового леса находится курганная группа, состоящая из 23—25 насыпей; из них одна длинная. Раскопано 18,

Курган № 1 (длинный). Дл. до 23.5 м, выс. 1.42 м, шир. 3.5 м. Раскопан траншеей и двумя шурфами (табл. XIV, 3). В восточной части в основании найдены 4 груды крупного угля, золы и мелких пережженных человеческих костей. На дне шурфов обнаружены такие же груды костей.

В двух круглых курганах найдено по большому цилиндрическому горшку с костями и пепельные слои в основании, а в одном из них, кроме того, небольшое кострище; в 11 курганах обнаружен только пепельный слой по основанию и в 3 — трупоположения, из них два на материке, с вещами люцинских типов и одно в грунтовой яме без вещей (9, стр. 212).

№ 93. Сопки, д. Кирово

Кругом дд. Кирово и Шурупово имеется до 10 больших сопок. На самой крупной у д. Кирово устроено современное кладбище. Высота ее ок. 17 м (9, стр. 211).

№ 94. Длинные курганы, д. Барсаново

Два длинных кургана расположены по дороге, соединяющей Люцинский тракт с Красногородской дорогой. Длина от 10 до 12 м (XVII).

№ 95. Длинный курган, д. Костричино

В группе из 3 курганов имеется один длинный (комбинированный с круглыми), дл. 34.45 м, шир. 5.32 м. Кругом ровик (XVII).

№ 96. Длинные курганы, пустошь Дуданово

В 15 верстах от Опочки находятся в пустоши Дуданово 3 длинных кургана и один круглый. Недалеко от этой группы отмечены еще 3 кургана дл. 7—8 м (XVII).

№ 97. Длинные курганы, д. Волково

Близ Люцинского тракта находится группа из 20 курганов, среди которых 3 длинных — от 20 до 25 м дл. и до 1.4 м выс. Раскопано два длинных и два круглых кургана.

Курган № 1. Выс. 1.8 м, диам. 10.7 м. В основании угольно-пепельный слой.

Курган № 2. Выс. 1 м, диам. 8.5 м.

Курган № 3 (длинный). Дл. 21.3 м, кругом слабые следы ровика. Раскопан выемками до 4 м дл. и до 2.5 м шир. В основании обнаружен угольно-пепельный слой, в насыпи угольки.

Курган № 4 (длинный). Дл. 25.5 м. На одном конце округлое расширение. Раскопан тремя широкими ямами от 4 до 5 м шир. На дне всех выемок на материке обнаружен тонкий угольно-пепельный слой. Наверху — одна грудка пережженных человеческих костей, перемешанных с золой.

В другом месте, также по Люцинской дороге, находятся 2 длинных кургана (дл. 45 и 27 м) и 10 круглых (2, стр. 215).

№ 98. Длинный курган, д. Белухина

Около деревни расположена группа из 7 круглых и одного длинного кургана (12 м дл.) (XVII).

№ 99. Длинные курганы, д. Соколово

В 6 верстах от Опочки близ д. Соколово находятся 2 длинных и 5 круглых курганов (XVII).

№ 100. Длинные курганы, д. Кишкина

В 1 км от деревни находится 3 кургана: один длинный 35.5 × 1.4 м, второй 17.8 × 1.40 м, третий круглый. Раскопан один длинный курган. Найдены остатки нескольких трупосожжений, четыре из них помещались в глиняных сосудах. В одном найден железный нож.

Тут же у пос. Горжева близ дороги на кирпичный завод имеется еще 5 курганов. Один из них длинный (43.3 × 1.4 × 0.7 м).

Третья группа курганов находится в сосновом лесу по левой стороне от дороги из Святотечь на шоссе Опочка — Остров. Она состоит из 5 низких, сильно распаханных насыпей; 2 из них круглой формы, 1 овальной и 2 подчетыреугольные. Еще один длинный курган находится у самой дороги. (32).

№ 101. Длинный курган, мыза Святотечь

Близ мызы, за ручьем Святотечь, находится курган дл. 14 м, шир. 5.6 м, выс. 1 м (29).

№ 102. Удлиненные курганы, г. Опочка

Близ города есть удлиненные курганы в виде насыпи от 1 до 2 м выс. и от 8.5 до 10.7 м длины.

В 8 км от Опочки по Люцинской дороге находятся две длинные насыпи, дл. 21 м и 42.6 м, рядом 23 круглых кургана (32).

№ 103. Длинные курганы, д. Укроповье

В 0.75 км от Опочки в Розуваевском лесу находится курганная группа, состоящая из 3 круглых и 2 длинных насыпей (XVII).

№ 104. Длинные курганы, пог. Жадро

1. В 0.5 км к СВ от села расположены 22 круглых кургана, 2 удлиненных и 8 длинных.
2. В 1.25 км к СВ от погоста находятся один круглый и один длинный (8.9 × 3.5 × 1.2 м) курганы.
3. В 1 км к ЮВ от погоста расположены 4 круглых и 3 длинных кургана (XVII).

№ 105. Длинный курган, д. Шильско

Группа курганов расположена на правом берегу р. Великой, по обе стороны дороги из Опочки в Шильску. Всего имеются 22 насыпи, из них одна длинная в виде вала с двумя круглыми курганами по концам. Размеры длинного кургана дл. 42.6 м, шир. 9.3 м, выс. 0.7 м. Раскопано 8 насыпей.

Курган № 1 (длинный). Дл. 10.65 м, шир. 7.8 м. В основании насыпей проходил тонкий угольный слой. В северной стороне траншеи обнаружены остатки сожженного костяка. В области груди найдена большая медная пряжка. В насыпи — мелкий уголь.

Курган №№ 2—5. Перекопаны; в основании встречен обычный угольно-пепельный слой.

Курган № 6. В основании замечен тонкий зольный слой с мелкими угольками и такая же прослойка на половине высоты.

Курган № 7. В основании обнаружен толстый слой золы; на выс. 0.7 м — второй такой же слой. В восточной поле, на половине высоты насыпи, встречены 4 глиняных горшка. Из них 2 больших, цилиндрической формы с легкими закраинами; один вложен в другой. Верхний горшок до половины наполнен пережженными человеческими костями.

Курган № 8. Того же устройства, но без находок (9, стр. 257; сообщение В. В. Гольмстен).

№ 106. Длинные курганы, д. Бураково

Около деревни находится группа из 4 круглых и 2 длинных курганов. Рядом жальник (XVII).

№ 107. Длинный курган, д. Бабинино

В 0.25 км от деревни расположены 4 длинных кургана от 6 до 8 м дл. Рядом с ними 16 круглых курганов.

В 2 км от Бабинина по дороге в Борисово находится 10 длинных (от 5 до 15 м) и 9 круглых курганов.

В 200 м от последней группы находятся один длинный и 3 круглых кургана (XVII).

№ 108. Длинные курганы, д. Кудово

На конце кряжа на берегу Великой расположено около 20 курганов, в том числе 2 длинных. У боль-

шинства имеются ровики. Раскопано 2 длинных и 5 круглых насыпей.

Курган № 1. Выс. до 2 м, диам. 5.3 м. В основании тонкая угольная прослойка.

Курган № 2. Выс. 1.8 м, диам. до 13 м. В основании угольно-пепельный слой, в центре на глуб. 0.7 м найдена известковая плита.

Курганы №№ 3—5. Выс. 1.4 до 2 м, в основаниях угольно-пепельный слой.

Курган № 6 (длинный). Дл. 15 м, шир. 6.4 м, выс. 1 м. Курган раскопан траншеей во всю длину; по концам насыпи на материке находилось по кострищу диам. 0.35 м. На кострищах стояли большие цилиндрические горшки грубой работы, выс. до 36 см, почти доверху наполненные пережженными костями. Кострище северного конца было обставлено с одной стороны тремя известковыми плитами.

Курган № 7. Дл. 25.6 м, шир. 2 м, выс. 1.4 м, валообразный, соединенный с двумя круглыми (один в середине, другой на конце вала) (табл. XIV, 4). Раскопан шурфами. На глубине менее 0.30 м найдено небольшое кострище с пережженными костями. В основании — угольно-пепельный слой (9, стр. 219).

№ 109. Длинные курганы, д. Дерганово

Около деревни расположена группа из 22 круглых и 2 длинных курганов (XVII).

№ 110. Длинные курганы, д. Лапина (Лапин крест)

1. Около деревни расположены 2 насыпи — 8.5 и 38.3 м дл. и до 0.7 м выс.

2. К З от деревни находится группа из 12 круглых курганов. В 5 раскопанных насыпях найдены трупосожжения и вещи: железное копье и бронзовая спиралька. В 200 м от этой группы на СЗ находятся 3 кургана. Один из них длинный, разм. 17.8 × 1 м (32).

3. На Лапиной горе имеются 2 удлиненных кургана и 12 круглых (XVII).

№ 111. Удлиненные курганы, с. Кротово

Около села имеются курганы, по внешнему виду аналогичные курганам у д. Кудово (см. Кудово, № 108) (9, стр. 221).

№ 112. Длинный курган, д. Дыркино

Около деревни имеется 5 круглых курганов и один длинный. Раскопано 3 насыпи.

Курган № 1 (длинный). Выс. 1.4 м, дл. 15 м, шир. 6.4 м. Раскопан с С на Ю траншеей. В восточной поле найдены 3 грудки пережженных костей, перемешанных с золой и кусками угля. Одна из них находилась посреди насыпи, две по концам. По основанию шел угольно-пепельный слой.

Курган № 2. Выс. 0.7 м, диам. 5.3 м. На глуб. 0.35 м обнаружено кострище с небольшим количеством пережженных костей и черепками глиняного горшка грубой работы.

Курган № 3. Выс. 1.8 м, диам. до 10.7 м, в основании угольно-пепельный слой (9, стр. 222).

№ 113. Длинные курганы, дд. Романово и Тютина

Около названных деревень расположена группа из 20 курганов, из них 2 длинных. Один из длинных имеет 64 м дл., 6.4 м шир. и 1.4 м выс., раскопано 9 круглых насыпей. В основаниях найден угольно-пепельный слой, а в одной — кострище с пережженными костями (9, стр. 221).

№ 114. Длинные курганы, д. Гритьково

Около деревни имеются 3 группы курганов. Среди них есть длинные насыпи (XXII-г).

В самой большой группе есть курганы дл. от 10 до 100(!) м (XXII-д).

Как в круглых курганах, так и в валах сожженные кости помещались на самом верху насыпи в глиняных сосудах. Из вещей найдены: обломок железного обруча и часть круглого медного браслета с расширенными концами (52, стр. 260).

№ 115. Длинный курган, д. Бубново

Около деревни находятся 2 круглых и один длинный курган 34 м дл. (32).

№ 116. Удлиненные курганы, д. Курилово

Имеется до 20 курганов, в том числе удлиненные (XXII-в).

№ 117. Длинные курганы и сопкообразная насыпь, д. Терешкова

1. Близ деревни у дороги в лес расположена группа длинных и круглых курганов. Один из круглых выс. 2.8 м (XXII-в).

2. Близ деревни есть группа из 7 длинных курганов и одного круглого. Поблизости имеются еще две подобные группы и в одной из них сопка выс. ок. 3 м (XXII-в).

№ 118. Сопка, д. Плакутицы

«Близ озера на возвышенности, по которой идет дорога, расположена группа курганов. Первая насыпь по всем правам может называться сопкой». Насыпь полуразрушена, но достигает более 2.8 м выс., диам. до 19 м. При выемке песка найдено 2 скелета (поздних?). Кругом сопки рассеяны малые курганы (XXII-в).

№ 119. Удлиненные курганы, пог. Кицков

Близ кузницы находится небольшая группа курганов, из них один удлиненный (XXII-в).

№ 120. Длинные курганы, д. Кохново-Мутцы

По бровке берега близ уроч. Церковище находится наполовину обвалившийся курган, дл. 25.6 м. Далее вдоль реки расположены еще 2 длинных кургана дл. 23.4 и 36.2 м (XXII-в).

№ 121. Длинный курган и сопкообразная насыпь, с. Езерище

У самого села находится длинный курган, комбинированный с двумя круглыми и рядом с ним большая круглая насыпь выс. 3.5 м, диам. до 17 м (XXII-в).

№ 122. Удлиненные курганы, д. Костровск

В группе круглых курганов находятся 4 длинных насыпи: 1-я — дл. 8 м, шир. 4.4 м, выс. 1.5 м; 2-я — дл. 8 м, шир. 4.5 м, выс. 1.5 м; 3-я — дл. 6.5 м, шир. 3 м, выс. 1.5 м, 4-я — дл. 6.7 м, шир. 4.4 м, выс. 1.8 м (XVII).

№ 123. Длинный курган, д. Чаинец

В группе круглых курганов есть насыпь дл. 42.6 м (XXII-д).

№ 124. Длинный курган, д. Зашевенье

В группе круглых курганов имеется насыпь дл. 8.5 м (XXII-д).

№ 125. Длинный курган, д. Ханево

В 1 км от деревни имеются 7 круглых курганов и насыпь дл. 21.3 м (47, стр. 27).

№ 126. Длинные курганы, д. Люлина

Близ деревни есть курганная группа, состоящая из 22 круглых и 4 удлиненных курганов [из последних 2 по 5 и 2 по 20 м в длину (XXII-д)].

№ 127. Длинный курган, д. Толкачева

В группе круглых курганов имеется насыпь дл. до 10.7 м (XXII-д).

№ 128. Длинные курганы, д. Максимовка

Около деревни находится курганная группа, состоящая из 11 круглых и 11 удлиненных курганов (XXII-в).

№ 129. Длинные курганы, д. Литвинова

Близ города Себежа на берегу озера расположена на вытянутой возвышенности в лесу курганная группа, состоящая из 40 насыпей. Круглые курганы чередуются с удлиненными; последние вытянуты вдоль гряды. Раскопано три.

Курган № 1 (круглый, полусферический). В северном секторе обнаружено кострище; на ЮВ в 0.45 м от центра, на глуб. 0.83 м встречен камень; под ним кучка пережженных костей; среди костей три мелких металлических предмета, напоминающих пуговицы.

Курган № 2 (длинный). При раскопках найдено кострище с большим количеством пережженных костей и среди них металлическое кольцо; над костями, значительно выше материка, встречены 3 горшка. Горшки маленькие, два целых и один в обломках. Около горшков лежала пряжка. В обрезах траншей видны следы еще 3—4 кострищ.

Курган № 3 (круглый, конический). На В от центра найдено кострище. У самой подошвы, под дерном, встречены среди пережженных костей 4 горшочка в обломках. С костями найдена пряжка, совершенно сходная с пряжкой из удлиненного кургана № 2 (XXII-д).

№ 130. Древние курганы с сожжением, д. Черней

В 1882 г. около деревни раскопано 4 кургана (средней величины, полушаровидные). В одном кургане вещи были сгружены в кучу со всего кострища, и на них вверх дном был поставлен горшок. В другом ниже сожженного костяка оказался очаг, засыпанный золой и углем, и рядом с ним горшок, наполненный костями. Найдены пластинчатая гривна с привесками, спиральные трубочки и пряжки (51, стр. 259—260).

№ 131. Удлиненные курганы, с. Черная грязь

В лесу есть курганы, в том числе удлиненные (XXII-г).

№ 132. Длинные курганы, д. Белое

В лесу находится 5 курганов, в том числе есть удлиненные (XXII-г).

№ 133. Удлиненные курганы, д. Княжья могила

В районе озера много курганов, в том числе удлиненных (XXII-г).

№ 134. Удлиненные курганы, д. Шалан

В лесу есть группа из 50 курганов, среди них есть удлиненные (XXII-г).

№ 135. Длинный курган, д. Могильно

Около деревни расположена группа из 29 круглых курганов и в 60 м от них насыпь 43 м дл. (47, стр. 27).

Бассейн Западной Двины (район Полоцка)

№ 136. Удлиненные курганы, д. Березовка

Близ деревни находится группа курганов, среди которых есть продолговатые (XXII-г).

№ 137. Длинные и четыреугольные курганы, д. Рудня-Бездедовичи

Около д. Рудня находится группа из 96 курганов круглой и продолговатой формы. Среди них есть и четыреугольные.

При старых раскопках найдены угольные прослойки, пережженные кости и грубые глиняные горшки. Были найдены также медные треугольные подвески, некоторые со штампованным орнаментом из кружков. В другом кургане найдены жженые кости, глиняный закоптелый горшочек, обломки другого, обломок бронзового сосуда, железного ножа и бронзовая застежка. В третьем разоренном кургане найдены пепельные слои со жжеными костями.

В последние годы раскопано 14 насыпей.

Курган № 1. В насыпи встречены пепельные прослойки, на грунте — кострище со жжеными костями. Найден лепной горшок, до 50 обломков бронзовых спиралек, 4 полусферические мелкие подвески с ушками, бронзовый наконечник ремня, обломок бронзовой шпильки, обломок бронзовой ажурной бляшки, бляшка трапециевидная, железное кольцо с заходящими концами. В другой ямке с костями найдены глиняное пряслице, обломки бронзовых спиралек и две бронзовые заклепки. В кострище найдены два обломка железных предметов и пережженный зуб коровы. В насыпи встречены обломки лепной посуды, следы хвороста и досок.

Курган № 8. В насыпи встречены пепельные прослойки; на грунте — кострище и кучка жженых костей. При костях обнаружены обломки лепного горшка и обломок бронзового браслета, гладкого, круглого в сечении. В насыпи найдены две кучки костей с обломками лепного горшка.

Курган № 9. Поврежден, в насыпи встречены пепельные прослойки; на грунте — кострище с пережженными костями. С последними найдены: лепной горшок, обломок глиняного пряслица и обломки бронзовой гривны.

Курган № 10. Квадратный в плане. Вверху насыпи встречены обломки грубой лепной посуды. У центра кургана обнаружено скопление жженых костей, выше грунта на 48 см. Найдены обломки пережженного лепного горшка, куски стеклянных сплавов от синих, белых и желтых бус. Далее найдены бронзовые корольки, обломок железной трубочки, 2 обломка бронзовых плоских колец, с выпуклой жилкой и загнутым в ушко концом и орнаментом из штрихов, 4 четыреугольные бляшки, обломок браслета и сплавленные обломки двух тонких колец.

Курган № 11. Выс. до 30 см. В юго-западной части на грунте обнаружено кострище. Кроме небольшого количества жженых костей и нескольких черепков ничего не найдено.

Курган № 12. Продолговатый (11 × 7 × 0.5 м). Сильно поврежден. В северной части кургана у самого края на грунте найдено кострище, вытянутое с С на Ю (1.38 × 0.97 м). На обожженном гумусе стоял лепной горшочек, орнаментированный зигзагами и ямками, плечи выпуклые. Среди угля и жженых костей найдены черепки от двух горшков, пастовая буса, куски сплавов от синих и белых бус, обломки оплавившегося серебряного плетеного жгута, серебряной бляшки, бронзового жгута, кольца с заходящими концами, орнаментированного браслета, небольших бронзовых украшений, витой гривны и орнаментированной бронзовой застежки, широкой, с орнаментом из кружков.

Курган № 13. Поврежден; на грунте встречено кострище, на нем в плохой сохранности костяк женщины. При костяке найдены: бронзовая гривна с заходящими серповидными концами, 21 буса стеклянная синего и зеленого цветов, у правого виска — бронзовое кольцо из тонкой проволоки, у правой руки — лепной горшочек. В кострище найдены в разных местах кальцинированные кости, принадлежащие или человеку или животному.

Курган № 14. В насыпи встречены пепельные прослойки и две кучки жженых костей. По всей пло-

щади основания располагалось кострище, на нем кучка жженых костей и обломки верхней части лепного горшка.

Около д. Бездедовичи в уроч. Волотовке в 1 км к ЮВ от озера имеется группа из 73 курганов — круглых, продолговатых и длинных. Вокруг курганов есть ровики (27, стр. 179—196).

№ 138. Длинные курганы, д. Горовые

В 19—20 км от Полоцка, около д. Горовые, находится городище и большое число курганов, расположенных цепью.

№ 1 (круглый). Найдены два сосуда с жжеными костями.

№№ 2—5 (круглые). Ничего не найдено.

№ 6 (круглый). На грунте встречено кострище и жженые кости в ямке. Найден лепной сосуд и синие стеклянные бусы.

№ 7 (длинный). Найдено кострище с костями. Вещи: синие бусы, бронзовая спиралька и сосуд (27, стр. 173—177).

№ 139. Удлиненные курганы, с. Воронье

В курганной группе в 1.5 км от села имеются продолговатые насыпи. При распахивании некоторых насыпей находили серьги, сплавки металла и горшки (47, стр. 18).

№ 140. Длинный курган, пос. Айгустов

Около озер Теклиц и Луконец недалеко от поселка и с. Слободки есть несколько курганных групп, в которых насчитываются сотни круглых и несколько удлиненных и длинных курганов (28, стр. 284).

Бассейн Березины

№ 141. Длинные курганы, г. Борисов

К С от города в ряде групп имеются длинные курганы (46, стр. 225).

№ 142. Длинный курган, с. Орча-Вязье

В 1.5 км на З от с. Орча расположены 8 курганов, из которых один 16 м дл., 9 м шир. (62, стр. 119—120).

Бассейн Западной Двины (выше Полоцка)

№ 143. Длинные и четыреугольные курганы, Старое село

Рядом с селом в лесу есть курганы. Среди них несколько длинных (до 40 м) и четыреугольных. Раскапывались круглые (3). Найдены трупосожжения.

В основаниях курганов встречены кострища. В одном найдены два горшка из глины с примесью крупной дресвы (26, стр. 94—100).

№ 144. Удлиненные курганы, с. Добрын

На р. Верхите (левый приток Днепра) в 0.5 км от с. Добрын находится группа из трех продолговатых курганов.

Из них средний ориентирован с З на В, дл. 15 м, шир. 2 м, вокруг насыпи ровики. Остальные две насыпи короче (49, стр. 91).

Бассейн Днепра (район Смоленска)

№ 145. Длинные курганы, с. Катынь

Курганы находятся между ст. Катынь и одноименным селом на луговом берегу р. Катынки. Всего здесь 51 курган, из них один удлиненный, один длинный и 2 четыреугольных. Вокруг некоторых курганов имеются ровики. В длинном кургане на материке встречено огнище; на нем жженые кости без вещей. Вверху насыпи найден лепной горшочек и рядом несколько жженых косточек. В 4 курганах найдены кострища в основаниях насыпей; в одном из этих курганов (в четыреугольном) в насыпи найдены обломки 3 лепных горшков и железный нож. В другом (круглом) найден горшок, сделанный на гончарном круге. В 3 других курганах найдены трупоположения (25, стр. 310 и сл.).

№ 146. Удлиненные курганы, д. Цуркавка-Гороховка

Курганная группа из 30 насыпей находится на правом берегу р. Хохлавки и на левом берегу Уфиньи. Среди курганов 3 удлиненных и 3 длинных. Раскопан один круглый. На материке найдено кострище, в насыпи — обломок кремня и черепок лепного горшка (25, стр. 309).

№ 147. Удлиненные курганы, пос. Полежанка

В курганах около деревни, среди которых есть несколько удлиненных и четыреугольных насыпей, при раскопках обнаружены кострища на материке, на них сожженные кости. Находки: в кургане № 1 — бронзовая треугольная подвеска; в кургане № 8 — серый лепной горшочек с костями, обломки бронзового кольца и браслета (или гривны); в кургане № 3 — лепной горшочек, точильный брусок с бронзовым кольцом, бронзовое шило с кольцом, железный нож и наконечник стрелы (25, стр. 303).

№ 148. Удлиненные четыреугольные курганы, д. Плехтино

Группа состоит из 36 насыпей, удлиненных четыреугольных и частью круглых. Раскопан один четыреугольный, выс. 1.2 м, дл. 8.4 м, шир. 6.3 м. На материке по всей площади основания залегал угольный слой с мелкими угольками. В центре его — куча золы с валуном наверху, в ней пережженные кости. Около костей найдена треугольная бронзовая подвеска с тремя отверстиями в нижней части и крючком в верхней (29, стр. 167).

№ 149. Длинные курганы, д. Веселевщина

В 0.5 км на СВ от деревни имеется группа из 12 курганов круглых и овально-удлиненных (29, стр. 157).

№ 150. Удлиненные курганы, д. Ямщичино

В экспозиции Исторического музея имеется ажурная бронзовая бляха, круглая с выемчатой красной эмалью из длинного кургана, раскопанного В. И. Сизовым в 1903 г. Описания нет.[1]

№ 151. Курганы с сожжением круглые, древние, пос. Ямполь

Близ пос. Ямполь на левом берегу Россожа, левого притока Сожа, имеются городище и 5 курганов. При раскопках двух насыпей найдены жженые кости и кострища на материке. Находки: в кургане № 1 — обломки лепного сосуда и арбалетовидная фибула с железной пружиной. Курган № 2 — обломки лепной посуды, пережженного костяного гребня с бронзовыми гвоздиками, пережженных бляшек и железных предметов, в том числе кресала (25, стр. 270—273).

№ 152. Удлиненные и четыреугольные курганы, д. Пуцацинка

На правом берегу р. Лосны, притока Днепра, есть городище и курганы, круглые, четыреугольные и овальные. Раскопано 7 насыпей, в том числе овальная и четыреугольная. На материке обнаружены кострища. Находки: черепки лепных горшков (25, стр. 274).

№ 153. Длинные и круглые курганы, д. Арефино

Близ деревни находятся 2 курганных могильника; один из них, находящийся в лесу у пахотного поля, состоит из больших насыпей в форме валов. Раскопан

[1] П. Н. Третьяков. Северные восточно-славянские племена. Наст. сборн., стр. 42, рис. 20.

один курган. Обнаружено кострище в южном конце, а сожженные кости и вещи в середине насыпи. Группа сожженных костей была прикрыта горшком. Находки: узкая, длинная бронзовая пластинка (табл. IV, *1*), обломки спирали (табл. IV, *2*), обломок бронзовой круглой проволоки, застежка бронзовая с клювообразным язычком и несколько вогнутой дужкой (табл. IV, *6*), застежка железная, также с клювообразным язычком (табл. IV, 5). 2 трапециевидные подвески с штампованным орнаментом в виде кружков и точек (табл. IV, *8*) и пластинка бронзовая с таким же орнаментом (табл. IV, *7*).

Второй могильник, находящийся рядом с группой длинных курганов, состоит из маленьких круглых насыпей на покатом берегу небольшого озерка. В трех раскопанных насыпях встречены сожжения на площадке кургана. Находки: в кургане № 1 — нож железный (табл. IV, *15*), височное кольцо серповидное с крупным отверстием и городчатым орнаментом из мелких точек (табл. IV, *16*), обломок бронзового обруча (табл. IV, *17*), две заклепки бронзовые (табл. IV, *18*), поясок бронзовый (табл. IV, *19*); в кургане № 2 — обломки спиралей (табл. IV, *9, 10, 12*), обломки желобчатой бронзовой пластинки (табл. IV, *13* и *14*), петли бронзовые (табл. IV, *11*); в кургане № 3 — шильце железное с остатком дерева (табл. IV, *4*), бляшка круглая бронзовая с орнаментом (табл. IV, 3).[1]

В Смоленском музее из раскопок В. И. Сизова около д. Арефино находятся круглые синие стеклянные бусы, кольца, полусферическая подвеска с ушком, спирали и трубочки, бляшки круглые со штампованным орнаментом, подвеска с трапециевидными привесками, железное кольцо, обломок железной цепочки из эсовидных звеньев, брусок, костяная рукоятка с бронзовой оковкой, обломок костяного свистка, 6 трапециевидных подвесок, 5 подвесок-уточек из кости и 2 сверленые кости (58, стр. 114).

№ 154. Длинные курганы, д. Лопино

Могильник расположен на высокой поляне и состоит из длинных насыпей в форме валов (58, стр. 111—113). При раскопках В. И. Сизова найдены следующие вещи: в кургане № 2 — обломки железных ножниц (табл. V, *26*), оплавленные бусы (синие, зеленые) (табл. V, *27—31*), обломок сверленой костяной поделки, может быть, подвески-уточки (табл. V, *32*), бронзовая спиральная пронизка (табл. V, *30*); в кургане № 3 — обломок крупной железной застежки с изогнутым на конце язычком (табл. V, *18*), обломок ножниц железных (табл. V, *25*), обломок бронзовой застежки (табл. V, *19*), 2 спиральки (табл. V, *21—22*), 6 трапециевидных подвесок, украшенных точками (табл. V, *20*), 5 подвесок-уточек из кости (табл. V, 23).[2] 2 сверленые кости (табл. V, *24*); в кургане № 4 — застежки железные (табл. V, *1, 3, 5*) и бронзовые (табл. V, *2, 6*), трапециевидные подвески с орнаментом из кружков и точек (табл. V, *7—17*), обломок бронзового наконечника от ножен (?) (табл. (V, *4*);[3] в кургане № 5 (круглый, расположен отдельно) — плоский точильный брусок (табл. VI, *15*), брусок 4-гранный (табл. VI, *21*), пряслице шиферное (табл. VI, *18*), обломок каменной конической поделки, полый (табл. VI, *16*), 2 наконечника стрел железных (табл. VI, *17, 20*), щипчики железные (табл. VI, *22*), застежка железная (табл. VI, *19*) и замок железный висячий.

[1] Здесь перечислены вещи, хранящиеся в Московском Историческом музее, где они нашиты на планшеты по комплексам. В описании находок В. И. Сизова у д. Арефино и др., помещенном в указателе Московского исторического музея (М. 1898 г.), перечислены еще и некоторые другие вещи, ныне, видимо, утраченные.

[2] По указателю Исторического музея таких подвесок было 13, но они отнесены к другому комплексу, повидимому, к кургану № 4.

[3] В указателе Исторического музея наконечник от ножен значится среди находок из Арефина, а не из Лопина.

№ 155. Длинные курганы, д. Милеево (46, стр. 220—221)

№ 156. Длинные курганы, д. Павлово (46, стр. 220—221)

№ 157. Длинные курганы, д. Бражины (46, стр. 220—221)

№ 158. Длинные курганы, д. Хралапово

На высоком правом берегу Днепра находится курганная группа из 100 насыпей. Среди них есть удлиненные (46, стр. 220—221).

№ 159. Удлиненные курганы, Пнева Слобода

При впадении Вопи в Днепр расположено 12 удлиненных курганов, сложенных из речного песка. Раскопано 5 насыпей. В кургане № 1 на глуб. 0.7 м найден слой жженых костей, среди них 3 бронзовые привески в форме трапеций. Во втором слое жженых костей встречены черепки грубого горшка. В восточном конце кургана обнаружено скопление костей и угля; в кургане № 2 на кострище найдены жженые кости; в кургане № 3 — тонкий слой золы; курганы №№ 4 и 5 без следов погребения (50, стр. 108—109).

№ 160. Курганы с сожжением, д. Пищино

В Историческом музее имеются вещи типов длинных курганов; подвеска бронзовая, усеченно-коническая (табл. VII, *17*), подвеска трапециевидная гладкая (табл. VII, *13*), 3 обломка трапециевидных подвесок с орнаментом (табл. VII, *14—16*), полусферическая подвеска с широкой закраиной и с отверстиями (табл. VII, *12*), 5 застежек железных продолговатых с вогнутыми сторонами (табл. VII, *18—22*) и брусок точильный четырехгранный со сверлиной (табл. VII, *23*).

№ 161. Длинные курганы, Ярцево

Могильник по характеру курганов сходен с хотынским (№ 163) и находится рядом с ним (58, стр. 120). В Историческом музее имеются вещи из раскопок В. И. Сизова, происходящие из разных курганов: нож железный (табл. VIII, *28*), 2 застежки железные (табл. VIII, *29—30*), колечко с загнутым концом (табл. VIII, *27*), 2 обломка трапециевидных привесок (табл. VIII, *31, 35*), пряслице биконическое (табл. VIII, *32*), колечко пластинчатое с заходящими концами и продольной бровкой (табл. VIII, *33*), обломок спирали (табл. VIII, *36*) и обломок бронзового обруча (?) (табл. VIII, *34*).

Из одного кургана происходят обломок полусферической подвески (табл. VIII, *4*) и обломок трапециевидной привески (табл. VIII, *5*); из другого — обломки трапециевидных привесок (табл. VIII, *6, 7*) и пластинки бронзовые, украшенные эмалью (табл. VIII, *8, 9*) (58, стр. 12). По сведениям А. А. Спицына, из окрестностей Ярцева происходят следующие вещи: пластинка бронзовая с двумя звериными головками, покрытая прежде эмалью (табл. VIII, *10*), 2 пряжки медные (табл. VIII, *11, 16*), застежка медная (табл. VIII, *13*), перстень медный (табл. VIII, *12*) и 3 пластинки медные с заклепками на концах (типа табл. VIII, *14, 15*).[1]

№ 162. Длинные курганы, д. Городок

Могильник расположен на возвышенности, ограниченной с запада рекой Царевичем. Курганы имеют форму валов. Обряд погребения — сожжение. Кострище с золой и перегорелыми бревнами находится на одном конце вала, причем сожженные кости сложены в ямке и прикрыты досками, на которые навалены валуны. На противоположном конце вала находятся остатки тризны или поминок (ножи, черепки горшка, кости животных). Находки: в кургане № 1 — 4 обломка костяной

[1] В указателе Исторического музея отмечен только один раскопанный курган, из которого происходят вещи, изображенные на табл. VIII, *14—15*.

трубочки с орнаментом (табл. VII, *11*), костяная поделка в виде усеченного конуса (табл. VII, *7*), нож железный с выступом на обушке (табл. VII, *10*), 3 подвески в виде гриба с ушком (табл. VII, 8), обрывок цепи (табл. VII, *9*), 2 фигурные пластинки с изображением человеческого лица с крыльями (табл. VII, *5, 6*); в кургане № 2 — 2 подвески бронзовые (табл. VII, *4*), бронзовая оплавившаяся пряжка (табл. VII, 2), бронзовая продолговатая трапециевидная застежка (табл. VII, *1*) и такой же формы серебряная (табл. VII, 3) (58, стр. 118).

№ 163. Длинные курганы, д. Хотынь

Могильник состоит из курганов в форме валов. Обряд погребения — сожжение. Курганы крайне бедны вещами. Сожжение находится в конце кургана, обращенном к берегу реки. Находки: в кургане № 1 — спиральная пронизка бронзовая (табл. VIII, 2), 2 подвески полусферические с трапециевидными привесками (табл. VIII, *1*, 3); в кургане № 2 — застежка бронзовая с закрученными концами (табл. VIII, *23*), застежка железная прямоугольная (табл. VIII, *24*), подвеска в виде шарика с ушком (табл. VIII, *19*), полусферическая подвеска с широкой закраиной с отверстиями (табл. VIII, *21*), колечко из тонкой проволоки, обломок пластинки с штампованным орнаментом в виде сетки (табл. VIII, *26*), 2 обломка колец из тонкой бронзовой пластины с орнаментом (табл. VIII, *17—18*), 4 обломка спирали (табл. VIII, *20*), сплав из двух синих и одной зеленой бусины, 2 обломка трапециевидных привесок на петле (табл. VIII, *25*), обломок сверленой костяной поделки (табл. VIII, *22*) (58 стр. 120).

№ 164. Длинные курганы, д. Рядынь

Могильник расположен на высоком берегу Вопи и состоит из курганов в форме длинных валов и полушарообразных насыпей. Из последних раскопана одна. Найдено трупосожжение. Вещи: 5 бус из светлоголубого стекла, 2 бусы сплавленные и 3 обломка спиралек (58, стр. 119).

№ 165. Удлиненные курганы, с. Введение

Группа из 7 курганов находится в лесу около села. Форма насыпей слегка удлиненная.

Курган № 1. Разм. 1.77 × 6.39 м. На материке встречено кострище диам. 0.5 м, на нем сожженные кости и черепки.

Курган № 2. Разм. 1 × 7.1 м. В насыпи открыты черные прослойки.

Курган № *3*. Дл. 9.9 м, шир. 6.2 м, выс. 1 м. На глуб. ок. 0.2 м найдено 2 горшка: меньший прикрыт большим. В насыпи на разной высоте встречены угольки (1, стр. 192).

Бассейн верхнего течения Западной Двины

№ 166. Длинные курганы, д. Слобода

Могильник состоит из круглых и длинных курганов. Последние содержат погребения с вещами XI в. (?), а круглые — сожжения. Из круглых курганов происходит пряжка бронзовая с продолговатой обоймицей и овальной дужкой (табл. VII, *24*) и колокольчик железный цилиндрический с ушком (табл. VII, 25) (58, стр. 120).

В кургане № 3, разм. 2.8 × 13 м, в южной поле найдено пряслице типа дьяковых городищ; в насыпи — черные прослойки, на глубине 1 м — кострище, на котором лежала медная пряжка.

Ниже открыто другое кострище. На нем небольшой разбитый горшок дном вверх. В горшке 4 медных спиральки, медные височные подвески, обломки узких медных браслетов на две грани и обрывки медной нагрудной цепочки с двумя двойными крючками на концах (1, стр. 121).

№ 167. Длинные курганы, д. Дроково

Группа расположена на берегу озера Котова. Курганы в виде валов расположены перпендикулярно к линии берега. Кострища и пережженные кости находятся у концов насыпей, обращенных к берегу озера. Находки: в кургане № 1 — бронзовая спиральная пронизка (табл. VI, 2), бронзовая трубочка (табл. VI, *1*) и обломок застежки железной (табл. VI, 3); в кургане № 2 — удила железные (табл. VI, *14*); в кургане № 3 — застежка бронзовая, прямоугольная (табл. VI, *9*), застежка бронзовая продолговатая, с вогнутыми сторонами (табл. VI, *11*), кольцеобразная пряжка с обоймицей (табл. VI, *10*), 3 обломка бубенчиков крупных грушевидных с желобками (табл. VI, *5—7*), 2 трапециевидные подвески на петле (табл. VI, *4*), 1 трапециевидная пластинка бронзовая (табл. VI, *8*), колечко бронзовое (табл. VI, *12*) и оплавившийся обломок бронзовой петли (табл. VI, *13*) (58, стр. 123).

№ 168. Сопки, д. Бор

На берегу речки Рыковца находятся 2 сопки высотой 4 и 4.2 м, и одна сопка расположена за деревней среди пахотного поля (8, стр. 239).

№ 169. Сопка, д. Силуяново

Против деревни находится опавшая наполовину сопка. Высота оставшейся части свыше 2 м, диам. до 15 м. В насыпи виден угольно-пепельный слой (8, стр. 238).

№ 170. Сопка, д. Ланские Шарки

Близ деревни находится остаток сопки, обвалившейся на ²/₃. Высота оставшейся части около 2 м. Основание было выложено крупными валунами. При распашке у основания находили кости, они же выпадают из берега. В обрезе сопки есть несколько тонких угольно-пепельных прослоек, 2—3 см толщ., идущих параллельно основанию в расстоянии 0.18 × 0.24 м одна от другой, концы их сближены. Всех прослоек до шести. В насыпи — небольшие гнезда угля и средней величины камни, расположенные по прямой линии по 3 и по 5 штук.

В основании проходит ровный угольно-пепельный слой до 3 см мощностью (8, стр. 238).

№ 171. Сопка, с. Клименки

Около деревни имеется сопка, поврежденная картофельными ямами. В насыпи видны одна-две угольно-пепельных прослойки до 2 см мощности (8, стр. 237).

Между д. Клименки и д. Балыки на высоком берегу р. Каспли находится курган, имевший в прежнее время до 20 м в длину. Насыпь изрыта картофельными ямами. Были находимы бусы, браслеты и другие вещи. Рядом с курганом находится могильник XII ст., обнаруженный также при рытье ям для картофеля (1, стр. 209).

№ 172. Сопки, дд. Пески — Пятнус

В 3—4 км от д. Пески по дороге в д. Пятнус расположены в одну линию 3 насыпи до 3.2 м выс. Такие же курганы тянутся по обе стороны дороги к Торопцу (7, стр. 59).

№ 173. Сопки, д. Веревкина

В 5 км от пог. Бенца, в лесу, находится большая группа курганов, из них две сопки (7, стр. 59).

№ 174. Удлиненные курганы, пог. Бенецкий-Пески

Против погоста на противоположном берегу озера, вдоль берега, расположено 8 курганов — 5 круглых и 3 удлиненных, выс. до 2 м. В 0.5 км отсюда, у околицы д. Пески, имеется еще две удлиненных насыпи. Раскопано 5 курганов.

Курган № 1. Выс. 2 м, диам. 6.4 м, и курган № 2, выс. 1.8 м, диам. 7.5 м. По площади оснований шел угольно-пепельный слой толщ. до 4 см.

Курган № 3 (удлиненный). Выс. 1.4 м, дл. 12.8 м, шир. 8.5 м. Находились мелкие пережженные косточки и угольки.

Курган № 4 (удлиненный). Выс. 1.4 м, дл. 10.7 м, шир. до 6.4 м. На обоих концах насыпи на первом штыке обнаружены грудки мелких пережженных костей с золой и мелкими угольками диам. до 0.5 м, толщ. до 12 см. В первой найден обломок медной проволоки, две сплавившиеся синеватые бусы и слиток какого-то металла; во второй — часть тонкого медного браслета, с сильно расширяющимися концами (табл. II, *19*). В основании — угольно-пепельный слой.

Курган № 5 (удлиненный). Выс. до 1.8 м, дл. 17 м, шир. 10.6 м. По основанию шел угольно-пепельный слой до 4 см. толщ. На южном конце насыпи лежала груда золы, угля и костей до 0.7 м диам. (7, стр. 58).

№ 175. Сопки, д. Корольки

Близ дороги из с. Окчи в д. Корольки расположено 7 круглых сопок от 4 до 8.5 м выс. и 120—130 м окружностью. В самой деревне находится сопка 6.4 м выс. и 118 м окружности (32).

№ 176. Сопка, д. Гладкий Лог

Около деревни имеется сопка выс. 5 м; вокруг основания идет ров шир. 1.5 м, глуб. 0,75 м, с четырьмя перемычками, ориентированными по странам света. В насыпи обнаружены 2 зольные прослойки. На глуб. 3.5 м встречен настил из валунов, уложенных в один ряд. Настил покрыт золой и углями с остатками кальцинированных костей. В верхней части насыпи найдена небольшая бронзовая привеска (XXI, стр. 26).

Бассейн верхней Ловати

№ 177. Длинный курган, д. Подол

Недалеко от дороги в Иванцево находится длинный курган разм. 28 × 3 м, выс. до 1.4 м. Рядом два круглых кургана (32).

№ 178. Сопка, д. Заболотье

Группа из 6 сопок, находится у железнодорожной линии.

№ 179. Сопка, д. Хохлово

У северной околицы деревни расположена сопка, выс. 4 м, дл. 15 м (II).

№ 180. Сопки, ст. Горицкая

По обеим сторонам большой дороги из Великих Лук в Остров, между ст. Горицкая и Прискуки, расположено 7 сопок. Выс. от 3 до 4.3 м (63).

№ 181. Сопки, с. Клюево-Кожемяки

На пространстве около 1 км тянется цепь из 8 сопок выс. от 2 до 6.4 м; уцелели 2 сопки, остальные распаханы и перерыты ямами. Раскопана одна. Высота 4.2 м, диам. 10.7 м. На глуб. 1.4 м в юго-западной поле обнаружен ящик из 4 каменных плит, дл. до 0.7 м. На дне его 5-я плита, прикрыт такою же. Плиты отколоты от булыжников и с наружной стороны выпуклы. В ящике находилось 3 высоких горшка серой глины, баночной формы со слабо выраженными короткими венчиками (табл. XII, *5*). В двух из них найдены части обугленных костей трубчатых, скул, фаланг, может быть от нескольких индивидуумов. Под нижней плитой ящика найдено много золы и крупные куски угля. В нижнем слое, почти в центре насыпи, на 0.35 м от материка находилось 5 крупных камней, расположенных полукругом, обращенным дугой на юг. По материку залегает серый пепельный слой с мелкими угольками до 4 см толщ. (7, стр. 45).

№ 182. Удлиненные курганы, д. Сатонкино

1-я группа находится в 1.5 км от деревни близ оз. Язно 2-я группа расположена в 2.5 км от деревни дальше от озера.

Курганы круглые, удлиненные и низкие в виде прямоугольников с закругленными углами. Раскопано 8 круглых и 2 удлиненных насыпи во 2-й группе. В насыпи круглых курганов найдены кальцинированные кости. В удлиненных встречен пепельный слой в основании до 3 см мощности (7, стр. 48).

Верховья р. Великой

№ 183. Длинный курган, д. Новая

Имеется насыпь дл. 23.4 м и до 1 м выс. в Графском бору (32).

Верхнее течение Ловати

№ 184. Сопка, пог. Дроздово

У погоста расположена сопка, выс. 10.7 м, диам. 21 м, поверхность изрыта кладоискателями (7, стр. 45).

№ 185. Сопка, д. Заклик

Очень высокий курган, поросший вековыми соснами (32).

№ 186. Удлиненные курганы, д. Минина

1) У дороги из д. Минина в д. Соколовку находится группа из 7 курганов, из них 2 удлиненных. 2) В местности Широкие речки находятся два удлиненных кургана от 7 до 18 м дл. (32).

№ 187. Сопки, д. Староселье

Две сопки до 10.5 м выс. (32).

№ 188. Сопки, д. Витова

Сопка расположена на правом берегу р. Ловати в 1 км от деревни среди поля. Выс. 3.5—4 м, диам. 15 м. Восточная половина попорчена картофельной ямой и небольшим раскопом. Ниже деревни, на левом берегу среди поля, находятся одна распаханная сопка и 2-я хорошей сохранности, выс. 3.5 м, диам. 17 м (II).

№ 189. Сопка, д. Немчиново-Котовишки

На правом берегу реки на первой террасе Ловати стоит сопка выс. 8 м; раскопана траншеей до половины ширины. На вершине установлен каменный репер (II).

№ 190. Сопка, д. Имглуши

На левом берегу Ловати расположена сопка, выс. 4.5 м, диам. 15 м, полусферическая, немного попорчена ямами (II).

№ 191. Сопки, д. Самуково

В 4 км от почтовой станции Пожни находятся 3 сопки до 10 м выс., в разрезе имеющие форму трапеции. Около 1902 г. в одной из них нашли глиняный горшок, браслет, пряжки и человеческие кости. Вблизи расположено 16 меньших курганов (32).

№ 192. Удлиненные курганы, сопки, пог. Чистово

В 2 км от погоста вокруг небольшого озерка при сс. Патрикеево и Демидово в лесу и на самом берегу находятся до 20 крупных курганов, расположенных одиночно и группами. Две насыпи имеют по 6.4 м выс. Есть несколько насыпей продолговатых, до 9 м дл. и 4 м шир. (7, стр. 64).

№ 193. Сопка, с. Савино

Между сс. Савиным и Конищевым находится сопка свыше 10 м выс. (32).

№ 194. Сопки, с Рождественское

Около села имеется 8 конических насыпей, из них две имеют в диаметре по 15 м, выс. 8—8.5 м. Сопки расположены на берегу Наговского озера, метрах в 40 друг от друга (20, стр. *111*).

№ 195. Сопка, д. Яновище

На берегу оз. Яновского расположена группа из 18 курганов; среди них одна сопка выс. 4 м. Раскопано 8 курганов. В основаниях насыпей найдены угольно-зольные слои. В одной насыпи найдены зерна крупного угля, в другой — кучка золы, перемешанной с пережженными костями (7, стр. 55).

№ 196. Сопка, д. Васюково

Близ деревни отмечена группа курганов, среди них сопка выс. 4 м, диам. 16 м. Группа состоит из 12 мелких насыпей и нескольких жальничных погребений (7, стр. 54).

№ 197. Удлиненные курганы, сопки, пог. Бологово

Группа приблизительно из 15 курганов находится среди пахотных полей, в том числе 2 сопки до 4 м выс. и курган удлиненной формы. Часть курганов распахана. Раскопано 5 насыпей. По основаниям встречен обычный угольно-пепельный слой до 4 см толщ. (7, стр 54).

№ 198. Сопки, д. Заборовье

У р. Волокоты находятся 2 сопки до 4 м выс. (32).

№ 199. Сопки, д. Сопки

Близ озера находится сопка 8.5 м выс. На другой стороне озера расположено 5 сопок, в которых находили кости и сосуд, одна обнесена камнями (32).

№ 200. Сопки и длинный курган пог. Морхово

Около села находятся три конических сопки 4—6 м выс. и 20—30 м диам. Находили кости. В 1 км от села, вблизи дороги из Холма в Морхово, находится длинный курган, до 43 м дл. (32).

№ 201. Сопки, Мануйлово-Борисово

На левом берегу р. Тудера находятся две сопки в расстоянии 12 м одна от другой. Первая выс. 8 м, диам. 12 м; вторая выс. 8.5 м, диам. 18 м (III).

№ 202. Сопка, д. Клешнево

Между дд. Клешнево и Старинкой имеется сопка 6, 4 м выс. (32).

№ 203. Сопки, д. Подзорово

Недалеко от д. Подзорово при слиянии рр. Малого Тудера и Куньи находятся 6 сопок, идущих ломаной линией с СВ на ЮЗ (III и 32).

№ 204. Сопка, д. Маслевщина

Против слияния рр. Куньи и Тудера находится курган выс. 3.6 м, диам. 12 м. (III).

№ 205. Сопки, д. Ильинская

1) На левом берегу Ловати в 0.5 км выше деревни расположена сопка, восточная половина которой обвалилась вместе с берегом. Высота оставшейся части 3 м; диам. ок. 10 м.

2) Ниже деревни, на левом берегу Ловати, находятся 4 сопки. Первая выс. 5 м, диам. 15 м, вторая раскопана траншеей, третья распахана, четвертая поодаль от реки, диам. 13 м, повреждена картофельной ямой (II). На левом берегу Ловати на пашне находятся 5 крупных курганов, из них 2 сопки до 4 м выс. Все опаханы и перерыты (7).

№ 206. Длинные курганы, д. Стрежено

1) На левом берегу Ловати ниже деревни при впадении р. Жеребчик расположено 7 невысоких курганов, среди них есть удлиненные, обведены ровиком, высота не более 1 м.

2) Поодаль у опушки леса находится один большой длинный курган хорошей сохранности (II).

№ 207. Сопка, д. Хворощино

На левом берегу Ловати в приусадебных землях расположена крутобокая сопка. Выс. ок. 4 м; диам. 14 м. Сопка попорчена картофельными ямами. Рядом видны следы распаханного кургана. Выше по Ловати у той же деревни небольшой полусферический курган (II).

№ 208. Сопка, д. Подзорова

К В от деревни, на опушке леса справа от дороги в д. Осиновку, имеется сопка выс. 5 м, диам. 1.4 м. В ней 3 ямы глуб. до 0.6 м (III).

№ 209. Сопка, д. Куземкина

На левом берегу Ловати в 1.5 км от деревни стоит сопка выс. 10 м хорошей сохранности (III).

№ 210. Сопка, д. Сопки.

Сопка выс. 6 м. расположена на берегу Ловати при устье р. Горелки. Насыпь наполовину смыта рекой; оставшаяся часть поросла деревьями. В осыпи видна массивная каменная кладка из валунов, составляющая основу кургана. По подошве сохранившейся части видны крупные камни (II).

№ 211. Сопки, д. Макарово

На правом берегу Ловати имеются две сопки (II).

№ 212. Удлиненные курганы, г. Холм

Около города расположена группа из 12 продолговатых курганов, сложенных из песка. Один имеет около 50 шагов в длину (XXII-д).

№ 213. Сопка, д. Пузаны

На правом берегу р. Б. Тудера находится сопка, несколько вытянутая с СЗ на ЮВ. Окружность 49 м, выс. 6.5 м (XII).

№ 214. Сопки, с. Сопки

Около села находятся 2 сопки выс. 6—6.5 м (32).

№ 215. Сопка, д. Наход

В центре деревни расположена сопка выс. 6 м, диам. 18 м. Верх срезан (III).

Бассейн Полы и нижнего и среднего течения Ловати

№ 216. Сопка, д. Манькино

Имеется сопка выс. 6 м (45).

№ 217. Сопки, с. Новая Русса

При селе расположены 4 сопки (45).

№ 218. Сопка, с. Павлово

В селе находятся курганы выс. 4.7 м. В поле около села курган выс. до 5.3 м (45).

№ 219. Сопка, д. Быково

Близ деревни расположен курган 5 м выс. (45).

№ 220. Сопки, с. Молвотицы

Около села имеются 3 сопки и городище (42, стр. 20). В селе и около кладбища расположены 10 курганов выс. от 1 до 6 м (45).

№ 221. Сопка, д. Луки Черные

На берегу р. Щеберихи стоит сопка выс. 5 м (45).

№ 222. Сопка, д. Афанасово

Имеется насыпь выс. 5 м (45).

№ 223. Сопки, д. Горки

На берегу р. Щеберихи расположены две насыпи от 4 до 6 м выс. (45).

№ 224. Сопка, д. Чешуйкино

В 300 м от деревни находится сопка (45).

№ 225. Сопки, д. Заселье

Около деревни имеется 5 сопок, из них 3 раскопаны (42, стр. 20).

№ 226. Сопки, д. Наумова

В 320 м от р. Щеберихи расположены 2 сопки выс. до 5 м (45).

№ 227. Сопки, д. Спасово

При деревне находятся 2 насыпи. Первая 4.3 м выс., вторая 1 м выс. (45).

№ 228. Сопки, д. Великуша

Близ б. усадьбы имеется 6 курганов выс. от 1.4 до 4 м (45).

№ 229. Сопки, д. Выдомир

Около деревни имеется 5 сопок (45).

№ 230. Сопки, д. Андреево

Близ р. Полы расположены 2 насыпи до 4 м выс. (45).

№ 231. Сопки, пог. Любно

Близ погоста имеются 2 насыпи от 3 до 4 м выс. (45).

№ 232. Сопка, д. Заходец

(42, стр. 20.)

№ 233. Сопки, Шульгина гора

Около ручья расположено 7 огромных сопок (42, стр. 19).

№ 234. Длинные курганы, с. Липецы

Курганная группа из 13 насыпей расположена в лесу.

Курган № 1 (четыреугольный). Дл. 21 м, кругом ровик, недалеко от поверхности найдены 4 кучки жженых костей, много угольков, 2 пряжки, бусы. На материке открыто кострище, в нем ямка с костями, шир. 0.18 м.

Курган № 2 (округло-прямоугольный). Диам. 9.7 м, выс. 0.67 м. В верхней части насыпи найдены: кучка костей, железная застежка (табл. II, *10*) [1] и медная пластинка (табл. II, 7).

Курган № 3 (округло-прямоугольный). Шир. 8.15 м, выс. 0.7 м. Найдены 4 кучки жженых костей. 1-я — разм. 0.36 × 0.75 м; среди костей пряжка с вогнутой дужкой (табл. II, *5*), бусы и горшок. 2-я — шир. 0.36 м; среди костей встречена бляшка-скорлупка (табл. II, *6*). 3-я — шир. до 0.7 м; среди костей много угля; найдены бляшка и бусы. 4-я — много угля, костей мало.

Курган № 4. Диам. 7.3 м, выс. 0.4 м; ни костей, ни находок не обнаружено.

Курган № 5. Диам. 11.5 м, выс. 0.7 м. В насыпи обнаружено 5 небольших кучек костей, на одной из них стоял горшок.

Курган № 6. Диам. 7 м, выс. 0.3 м. В насыпи найдены две бусы.

Курган № 7 (плоский, с площадкой; стоял отдельно от других). Диам. 2 × 3.4 м, выс. 0.86 м, в насыпи найдено 6 кучек жженых костей. 1-я — разм. 0.54 × 0.7 м; среди костей и угля найдены 3 медные пряжки, 13 бляшек-скорлупок, часть бусы (табл. II, *8*), обломки бронзовой спирали (табл. II, *9*) и трубочки (табл. II, *13*). 2-я — диам. 0.7 м; найдены мелкие кости. 3-я — сверху кучки костей лежали черепки большого горшка. 4-я — кости и черепки сосудов. 5-я — кости и уголь. 6-я — среди костей найдены 10 бляшек-скорлупок (типа табл. II, *12*) и 5 корольков сплавившегося металла.

Курган № 8 (удлиненный). Разм. 28,2 × 13,9 м, выс. 0.7 м. В верхней части насыпи найдены 4 кучки костей. 1-я — диам. 0.5 м; среди угля и костей лежала железная бляшка, покрытая корольками серебра, очевидно, от бывшей на ней листовой серебряной обтяжки (табл. II, *15*), и 2 медных королька. 2-я — угольное пятно 0.44—0.5 м шир., в нем найдена железная обоймица-трубочка (табл. II, *16*) и 5 черепков горшка. 3-я и 4-я — найдены кости и уголь.

Курган № 9 (четыреугольный, удлиненный). Разм. 16.2 × 8.15 м, выс. 0.95 м. Наверху, в центре насыпи, найдены кости и уголь. Диаметр скопления 0.8 м, среди костей оказалась бляшка-скорлупка (табл. II, *11*) и 2 королька меди.

Курган № 10. Диам. 12.2 м, выс. 0.7 м. Найдены две кучки костей в насыпи.

Курган № 11 (четыреугольный, удлиненный). Диам. 15.9 × 7.45 м. В нем найдено: а) скопление костей шир. 0.36 м, подостлано углем, среди костей — колечко (табл. II, *17*), пряжка со смятой дужкой (табл. II, *18*) и бусы; б) скопление костей 0.3 м диам., в нем 4 красные бусы; в) скопление костей шир. 0.18 м; г) кости и угли, среди них несколько бус.

Курган № 12 (длинный). Разм. 24.9 × 10 × 0.58 м, кругом ровик. В центре в верхней части насыпи открыты 2 кострища: а) диам. 0.33 м, б) диам. 0.4 м. Оба кострища состояли из угля и костей.

Курган № 13. Диам. 10.7 м, выс. 0.9 м. В насыпи ничего не найдено (XXII-д).

№ 235. Сопки, д. Пески

В районе деревни расположены в разных местах 14 сопок (42).

№ 236. Сопка, длинные курганы, д. Обрынь

К Ю от деревни, слева от шоссе в Демянск, среди заброшенной пашни на возвышенной гриве расположена сопка выс. до 6 м, южная пола отлогая, северная крутая, вершина коническая. Подошва подпахана (XIV).

Около деревни находится курганная группа. Раскопано 7 насыпей.

Курган № 1 (длинный). Разм. 23 × 9.5 × 1.4 м. Ничего не встречено.

Курган № 2 (удлиненный, четыреугольный). Дл. 12.5 м, шир. 9.9 м. В насыпи обнаружен пепельный слой. У юго-восточного края найдена яма 4.3 × 0.7 м. На дне ее стояли 3 горшка, в одном из них пережженные кости.

Курган № 3. Дл. 11 м, выс. до 0.5 м; почти

---

[1] Застежка, хранящаяся среди других вещей в Гос. Эрмитаже, в описании не упоминается.

под поверхностью насыпи обнаружены 2 кучки костей, зола, угли и железный нож (табл. III, *10*).[1]

Курган № 4. Диам. 8 м, выс. 0.5 м. В центре под поверхностью насыпи открыта кучка жженых костей.

Курган № 5 (удлиненный). Разм. 10.7 × 7.4 × × 0.7 м. Вверху насыпи открыты 2 кучки жженых костей и железная пряжка (табл. III, *11*).

Курган № 6. Диам. 6.8 м, выс. 0.5 м. В верхней части насыпи обнаружена кучка жженых костей диам. 0.5 м и (среди костей?) медный браслет (табл. III, *12*).

Курган № 7 (четыреугольный). Ширина основания 9.9 м, ширина верхней площадки 2.9 м. Вверху насыпи встречены две кучки жженых костей и глиняный горшок (XXII-д).

№ 237. Длинный курган, д. Подсосонье

Близ деревни имеется курганная группа, тянущаяся вдоль дороги. Раскопано 6 насыпей.

Курган № 1. Диам. 10 м, выс. 0.67 м. Под дерном на глуб. 0.13 м встречены угольные пятна, иногда с примесью жженых костей. На глуб. ок. 0.3 м обнаружена ямка диам. до 25 см, с костями и небольшой примесью угля. Найдены наконечник стрелы железный (табл. III, *8*) и нож железный (табл. III, *9*).[2]

Курган № 2. Диам. 15.7 × 12.2 м, выс. 1 м. В насыпи встречены угольки и косточки.

Курган № 3. Диам. 16.4 м, выс. 0.58 м. Обнаружено 2 кострища. В них найдены жженые косточки.

Курган № 4 (длинный, четыреугольный). Разм. 34.5 × 8.5 × 0.97 м. В насыпи обнаружено скопление жженых костей, разм. 0.63 × 0.29 м.

Курган № 5 (в плане полулунный). Дл. 7 м, выс. 0.8 м. В насыпи обнаружен темный слой от 0.11 до 0.13 м мощностью и угольки.

Курган № 6 (в плане полулунный). Дл. 10 м, выс. 1.2 м. В нижней части насыпи обнаружен темный слой, содержащий крупные угли. В верхней части насыпи попадались черепки.

Кроме раскопанных имеется еще 5 курганов до 1 м выс., из них один длинный — до 34 м дл. (XXII-д).

№ 238. Сопка, д. Глебовщина

К ЮЗ от деревни, на берегу озера у шоссе, находится сопка выс. 5 м, диам. 2 м, разрушена (XIV).

№ 239. Сопки, д. Кривская

К Ю от деревни на противоположном берегу речки находятся 2 сопки: 1-я выс. 3.9 м, диам. ок. 14 м; 2-я выс. 2.6 м. Обе испорчены картофельными ямами. Рядом с сопками выпахивали кости (XIV).

№ 240. Длинный курган, д. Беляевщина

Близ деревни имеется 5 курганов, из них один удлиненный (XXII-д).

№ 241. Курганы с сожжением, д. Черный ручей

В курганной группе раскопано 3 насыпи.

Курган № 1. Разм. 10.7 × 9.5 × 0.7 м. Насыпь столообразная. Под дерном обнаружены темные угольные пятна. В центре — кострище 0.96 м в поперечнике, состоящее из мелкого угля и массы костей. Рядом найдены еще 2 скопления кальцинированных костей. Уголь рассыпан по всей насыпи.

Курган № 2 (той же формы). Разм. 3.5 × 2.8 × × 0.5 м. Под дерном открыт слой мелких угольков; в центре насыпи кучка костей. Найдена медная пластинка.

Курган № 3 (той же формы). Разм. 17.8 × 0.8 м. В центре на глуб. 9—10 см встречено угольное пятно. В южной его части открыта ямка с костями, диам. 1.5 × 0.9 м, глуб. 0.4—0.2 м. В ней найдены: нож железный с рубчиками по тыльному краю (табл. III, *7*), колечко с напущенной бусой (табл. III, *3*), медная обоймица от пряжки (табл. III, *4*), обломок железной поделки с плоским расширенным концом (наконечник стрелы?) (табл. III, *2*) и 2 кремневые пластинки (табл. III, *5—6*) (XXII-д).

№ 242. Длинные курганы, с. Новинка

У дороги находится группа удлиненных и круглых курганов (XXII-д).

№ 243. Длинные курганы, д. Дубровка

В 1.5 км от деревни имеется группа из 7—8 насыпей, среди них две удлиненные, выс. от 1 до 2 м. Раскопано 5 насыпей.

Курган № 1. Выс. 1.8 м, диам. 5.3 м. По основанию шел угольно-пепельный слой, на нем под северной полой насыпи открыто кострище разм. 0.17 × 0.7 м. На кострище стоял небольшой горшок грубой работы, наполненный мелкими пережженными костями. На кострище найдена «обычного вида железная обоймица в виде узкого желобка 2.6 см длины» со следами пребывания в огне. На половине высоты через всю насыпь проходит прослойка белого песка.

Курганы №№ 2—3. По основаниям обнаружен угольно-пепельный слой.

Курган № 4 (удлиненный). Разм. 14.3 × 6.4 × × 1.4 м. По основанию открыт угольно-пепельный слой, а в восточной поле кострище; на нем среди угля, золы и костей найдены: слиток синих сплавившихся бус с красной инкрустацией и небольшой горшочек с пережженными костями.

Курган № 5 (удлиненный). Разм. 8.5 × 6.4 × × 2 м. По основанию открыт угольно-пепельный слой. На обоих концах кургана находилось по скоплению угля, мелких кусочков золы (разм. 0.7 × 0.2 м). В западном скоплении найдена железная пряжка с длинным язычком (табл. II, *14*) и слиток синих бус. Под всеми курганами ниже пепельного слоя обнаружена подстилка из белого песка, мощн. до 9 см. (11, стр. 54).

№ 244. Сопки, д. Белый Бор

Близ деревни имеются 3 крупные сопки и поодаль еще 2 среди пахотного поля (11, стр. 50).

№ 245. Сопки, д. Ракушино

Имеется несколько сопок выс. 2—6 м (45).

№ 246. Сопки, д. Ямница

Имеется 5 сопок (11, стр. 50).

№ 247. Сопка, д. Кукуйка

Близ деревни находится сопка, выс. 4 м (45).

№ 248. Сопки, Грабилово

В 5 км от деревни на берегу озера находятся 2 сопки — 2.8 до 4.3 м выс. (11, стр. 50; 45).

№ 249. Сопки, Лобанова Нива

Близ б. усадьбы находятся 3 сопки выс. до 4 м (45).

№ 250. Сопка, д. Олисово

Близ деревни на высоком берегу р. Воложи находится сопка выс. 6 м (45).

№ 251. Сопки, Городок

В поле расположены 2 сопки от 8 до 10 м выс. Одна сопка, выс. 20 м(?), находится на берегу Msты (45).

[1] В коллекциях Гос. Эрмитажа изображенный нож отнесен к кургану № 4.

[2] Эти два предмета в коллекциях Гос. Эрмитажа отнесены к кургану № 1, но в дневнике раскопок не упоминаются.

№ 252. Сопки, д. Дуброва

Близ деревни на обоих берегах р. Колпинки расположены 4 сопки, одна выс. до 6 м (45).

№ 253. Удлиненный курган, д. Дубки

Около деревни имеется удлиненный курган (45).

№ 254. Сопки, Выползово

На высоком берегу р. Лоринки находятся 3 сопки выс. до 10 м. Подвергались распахиванию (45).

№ 255. Сопки, д. Кошелево

Близ деревни, на берегу р. Полы, находятся 9 сопок выс. от 1 до 3 м. Некоторые копаны (45).

№ 256. Сопки, д. Дубовицы

В 170 м от р. Полы стоят 4 сопки выс. до 6 м. Одна копана (45).

№ 257. Сопка, д. Ивановщина

Близ р. Лоринки находится сопка выс. 2 м. В плане продолговатая (45).

№ 258. Сопки, с. Коровичино

Между с. Коровичиным и д. Кулакова расположено цепью 8 сопок. Раскопано 3.

Сопка № 1. Окружн. 90 м, выс. по откосу 15.3 м, диам. верхней площадки 10.5 м. Насыпь состояла из следующих пластов (разрезы сопок этого типа см. табл. XII, *1—2*): нижний слой *А* — песок, насыпанный до одной четверти высоты сопки и по периферии обложенный камнями, его покрывал слой жирной золы и угля, мощн. 12—20 см; выше лежал слой *В* — черного песка с мелкими камнями (до половины высоты насыпи), покрытый слоем угля и золы; далее следовал верхний слой *С*, снова песчаный с более крупными камнями и, наконец, слой *D* — чернозема. Слои камней помещались в этих двух последних слоях. Сожженные кости человека находились на глуб. 1—1.4 м в ЮВВ части вершины; вместе с ними найден кусок обработанной кости животного «со следами синей краски», а также черепки, кости лошади (на СЗ от центра) и несколько костей собаки и орла, расположенные по вершинам углов шестиугольника.

Сопки №№ 2 и 3 ничем не отличаются от описанной. С сожженными костями человека никаких вещей не было. В этих насыпях, как и в селяхской (№ 264), расположение находок следующее:

1) Погребение в вершине, над слоем В.
2) Кости лошади и собаки в том же слое, в южном и северном сегментах, но значительно ниже костей человека.
3) Кости орла близ подошвы насыпи, также в слое В, смотря по числу скелетов, по углам шестиугольника или квадрата.
4) Кости зайца близко от орлиных.
5) Черепки горшков на С или Ю от погребения или над ними. План основания одной из Коровичинских сопок см. табл. XIII, 3 (14, стр. 60).

На правом берегу Ловати, на 1 км выше деревни, находится цепь сопок. Сопка № 1 (по течению Ловати) — выс. 5 м, диам. 18 м, вершина плоская. Сопка № 2 — остатки смытой сопки, выс. 2 м. Сопка № 3 — такая же смытая сопка. В осыпи видна зола. Сопка № 4 — смытая сопка, заметны ямы от раскопки. Сопка № 5 — ниже предыдущих по течению реки, отдельно стоящая, выс. 10 м, диам. 24 м; по основанию видны камни. Севернее последней, над поймой, стоят 3 сопки. Сопка № 6 — выс. 10 м, диам. 30 м, раскопана траншеей, в основании камни. Сопка № 7 — выс. 6 м, диам. 24 м, следы старых ям. Сопка № 8 — выс. 3.5 м, диам. 15 м, распахана (II).

№ 259. Сопки, с. Налючье

Близ деревни имеются 2 сопки. Одна распахана (XXII-е).

№ 260. Сопка д. Закорытно

На берегу ручья Верклина находится сопка выс. 6 м (45).

№ 261. Сопки, д. Кулаково

Две конические сопки находятся ниже деревни, на правом берегу Ловати среди поля. На самом берегу Ловати еще две сопки выс. до 6 м (II).

№ 262. Сопки, д. Заробье

На берегу Ловати стоят 4 сопки выс. 4—8.5 м (45).

№ 263. Сопки, д. Луки

На правом берегу Ловати за околицей деревни, по краю 2-й террасы, тянется цепь сопок. Сопка № 1 (с юга на север) — верхняя часть срыта, диам. ок. 30 м. Сопка № 2 — за ручейком, выс. 15 м, диам. 30 м; часть дернового покрова разрушена выдуванием, уцелела северная половина; в обнаженной части видна прослойка золы с углями мощн. до 50 см; тут же найдены древние черепки. Сопка № 3 — выс. ок. 13 м, диам. 25 м, частично попорчена ямами. Далее, за вторым ручейком, в 80—100 шагах от третьей сопки, группа из 3 сопок. Сопка № 4 — выс. 7 м, диам. 20 м. Сопка № 5 — выс. 8 м, диам. 22 м; вершина попорчена двумя неглубокими ямами. Сопка № 6 — выс. 8 м, диам. 22 м; в вершине неглубокая яма и следы выветривания (II).

№ 264. Сопки, д. Селяха

Около деревни находятся 3 сопки целых и 2 полуразрытых, из них одна огромной величины. Раскопанная сопка по основанию была обложена камнем. Окружность ее 85 м; окружность верхней площадки — 29 м, высота по откосу 14 м. По структуре принадлежит к типу коровичинских сопок (№ 258 и табл. XII, *1—2*): «остов сожженного человека лежал на обычном месте вершины, на полтора арш. от поверхности кургана». Найдены две перегоревшие бусы, пронизка, слиток синего стекла и конец «железного ножа, имеющего форму неправильной трехгранной пирамиды».

Скелет лошади на З от костей человека, кости собаки на В, а кости орла и зайца расположены по вершинам углов шестиугольника (14, стр. 60).

№ 265. Сопка, д. Кузьмино

Близ речки Городни находится сопка выс. 10 м (45).

№ 266. Сопка, д. Горки Панаевы

В 40 м от деревни, на берегу Рабьи Заробенской, находится сопка выс. 10 м (45).

№ 267. Сопки, Старая Перессть

На правом берегу Ловати среди поля находятся 2 больших сопки. Ниже деревни за кладбищем, недалеко от берега расположены 2 сопки, обе плохой сохранности (II).

№ 268. Сопки, д. Избитово

В 1 км от деревни, на низком месте у р. Рабьи, стоит сопка выс. 6 м (45).

№ 269. Сопки, д. Коломна

На левом берегу Ловати расположены две сопки, из которых одна разрыта, высота уцелевшей 4 м (II).

№ 270. Сопки, д. Великий Октябрь

Выше деревни на левом берегу Ловати за ручьем расположена сопка, разрытая кладоискателями. На луке около деревни находится сопка, наполовину распаханная и попорченная картофельными ямами, выс. 5 м, диам. 12 м. У основания камни (II).

№ 271. Сопки, д. Любыни

На берегу ручья, впадающего слева в Ловать, ниже деревни расположены 3 сопки выс. до 10 м. Вокруг оснований небольшие камни (II).

№ 272. Сопка, д. Дороганы

На излучине правого берега среди пашни находится сопка выс. 10 м (II).

№ 273. Сопка, д. Залучье

Ниже деревни на берегу Ловати, на излучине, находится сопка, часть ее смыта рекой (II). В 1 км от деревни на берегу Ловати расположена сопка выс. 8.5 м, обложена камнями (45).

№ 274. Сопка, д. Рябково

В 10 м от р. Ловати расположена сопка выс. 10 м, диам. ок. 15 м (?). С одной стороны осыпь. Рядом видны следы распаханного кургана (II, 14, стр. 59).

№ 275. Сопки, д. Теребыни

На левом берегу Ловати, возле деревни, расположены конические сопки: 1-я — выс. до 15 м, окружн. 30 м; южная пола повреждена ямами; 2-я — остатки смытой сопки, рядом остатки двух разрушенных насыпей. Ниже деревни на второй террасе, в 400 м от деревни, находится сопка с обвалившейся южной полой (II).

№ 276. Сопка, д. Подол

На правом берегу Ловати, среди пашни, расположена сопка выс. 4 м, диам. 20 м (II).

№ 277. Сопки, д. Середка

На северной околице деревни находится сопка хорошей сохранности, выс. 9 м; южный скат отлогий, остальные круты. Расположена на второй речной террасе. На луке первой террасы расположены 2 сопки: 1-я — выс. 7 м, диам. 18 м, изрыта картофельными ямами; 2-я — хорошей сохранности, выс. 10 м, диам. 20 м; в основании видны мелкие камни (II).

№ 278. Сопка, д. Селяево

На правом берегу Ловати ниже деревни находится сопка выс. 5 м, диам. 24 м. В осыпи видна прослойка золы и угольков (II).

№ 279. Сопки, д. Губино

На левом берегу Ловати в 200 м ниже деревни расположена сопка выс. 12 м, диам. 20 м. Ниже по Ловати около деревни, среди поля, находится сопка выс. 5 м, диам. 18 м. По основанию и поверхности насыпи видна каменная кладка. Рядом 2-я сопка была уничтожена картофельными ямами (II).

Близ села имеются 4 сопки от 6 до 10 м выс., одна раскопана. Найдены человеческие кости, стрела и серебряный крест (45).

№ 280. Сопка, д. Шалыжино

На правом берегу Ловати, против деревни, среди поля расположена сопка выс. 3 м, диам. 14 м (II).

№ 281. Сопка, д. Белахново

На правом берегу Ловати, ниже деревни, против дер. Бушевой, расположена сопка. Сохранность хорошая (II).

№ 282. Сопки, д. Бушева

К СВ от деревни на излучине реки у берега Ловати расположены 2 сопки: 1-я — выс. 17 м (!), диам. 50 м; 2-я — остатки насыпи, почти смытые рекой (II).

№ 283. Сопка, д. Хобель

На правом берегу, на мысу первой террасы, расположена сопка выс. 5 м, диам. 18 м, до половины осыпавшаяся (II).

№ 284. Сопки, д. Жидовичи

На берегу Ловати имеются сопки до 6 м выс. (45).

№ 285. Сопка, д. Извоз

На берегу Ловати расположена сопка выс. 6 м (45).

Река Полисть

№ 286. Сопки и длинный курган, д. Ухошино

На правом берегу р. Полисти в лесу находится сопка выс. 5.4 м, окружн. ок. 22 м, называется «Сонная сопка». Между Ухошиным и Гвоздевым на левом берегу р. Полисти имеется вал (длинный курган?) до 75 м дл. (32).

№ 287. Сопка, д. Гудки

Близ оз. Куровского стоит сопка выс. 6 м. Находили «жорны» и деньги (45).

№ 288. Сопки, с. Марфино

Две сопки, рядом жальник. Раскопаны обе сопки.

1) Устройство отличается от курганов коровичинских (см. Коровичино, № 258) частностями: над слоем А в центре насыпи помещена груда камней, покрытая одним большим камнем в форме плиты; сооружение имеет столообразный вид; подобные постройки, в гораздо больших лишь размерах, встречаются, как мне сообщали крестьяне, в Заробьинских лесах (река Рабья Заробинская) и известны там под именем «колес». Затем следует слой В, в вершине заключающий слой больших камней (табл. XII, 5). Найдены: скелет человека, черепки глиняные и из неопределенной массы и небольшой совершенно проржавевший кусок железа с вкрапиной медной яри на конце. Черепки горшка из неопределенной массы носят следы красной краски.

2) Устройство и содержание одинаковое с курганами коровичинскими. Отсутствуют лишь кости человека, так как пола на ЮВВ на большом протяжении была повреждена впускными позднейшими погребениями, по мнению Ивановского, убитых литовцев (план основания см. табл. XII, *4*) (14, стр. 60).

Южное побережье Ильменя и бассейн Шелони

№ 289. Сопка, д. Горка

Имеется сопка выс. до 4 м (45).

№ 290. Сопка, д. Гостеж

В сопке выс. 6 м находили кости, монеты и мечи (?) (45).

№ 291. Сопка, Городцы

На берегу р. Псижи стоит сопка выс. свыше 20 м, окружн. 200 м (45).

№ 292. Сопка, д. Крутец

Рядом с деревней расположен курган Крутая горка выс. 10.7, окружн. 200 м (45).

№ 293. Сопка, с. Облучье

В 2 км от села на берегу оз. Облуцкого стоит сопка 4 м выс. и 80 м окружн. Наполовину разрушена. Находили человеческие кости (32).

№ 294. Сопки, д. Захонье

Около деревни имеются 2 сопки, в 80 м одна от другой, выс. 8 и 10 м (32).

№ 295. Сопки, д. Струги

Имеются 2 сопки окружн. до 30 м, выс. от 5 до 6 м (32).

№ 296. Сопки, с. Любитово

У села 5 сопок, 2 раскопаны. Около одной из них кургано-жальничный могильник (44, стр. 364). Ниже по Шелони находится раскопанный курган выс. 2.2 м. В оползни, где берется суглинок на глуб. 0.35 м, виден слой пепла и углей. Рядом жальник (5).

№ 297. Сопки, д. Волок

Между железной дорогой, мостом и д. Волок и Любитово на правом берегу Шелони расположены 3 сопки, одна повреждена (5).

№ 298. Сопки, д. Замостье—Волок

Имеется 2 кургана в 240—300 м один от другого, оба разрушены распашкой и картофельными ямами.

На левом берегу Шелони расположена сопка выс. 3.2 м, сооруженная из суглинка. В ней устроен ледник (5).

№ 299. Сопки, пог. Молочково

На берегу Шелони находятся 2 сопки выс. до 6 м, конические (5).

№ 300. Сопка, д. Кук

В 200 м от хутора находится сопка выс. 8 м (45).

№ 301. Сопка, д. Выбыть

В 170 м от б. усадьбы находится сопка (45).

№ 302. Сопка, д. Велебицы

В 1848 г. раскопана сопка. Устройство ее неизвестно. Найдено оружие и доспехи (кольчуги и шлемы) позднейшего времени (52, стр. 239).

№ 303. Сопки, д. Подгощи

Возле деревни расположены 4 сопки. «Между Подгощами и Луками замечен круг диам. до 16 м, сплошь выложенный крупными валунами, местами едва поддававшимися усилиям 4-х человек». Под этими наружными валунами найдены мелкие пережженные булыжники и уголь, причем в одном месте оказались черепки грубого черного горшка. Смешанный слой из камешков, углей и золы залегал до глуб. 0.35 м, где подстилался плитняковым материком. Этот круг находился в расстоянии 120 шагов от сопки и диаметром почти равнялся ее основанию. Подобный круг найден также близ д. Сущевой (44, стр. 371).

№ 304. Сопки, д. Солоницко

При д. Солоницко имеется 6 сопок, из них 3 раскопаны. Меньшая имеет 5 м выс., в основании выложена валунами. Большая сопка имеет до 10 м выс. Рядом с одной из сопок обнаружено 2 овала из камня. Оба раскопаны. Найдены трупоположения (жальничные погребения) (44, стр. 370).

№ 305. Сопки, д. Витонь

Около деревни имеется несколько сопок, составляющих одну цепь с сопками, находящимися у Выбыти (№ 301), д. Подгощи (№ 303) и Солоницка (№ 304) (44, стр. 371).

№ 306. Сопка, с. Горцы

Около села раскопан курган выс. ок. 3 м, диам. до 13 м, обложенный снизу плитняком. На глуб. 2 м найдены сожженные кости и черепки горшка, а выше впускные погребения (52, стр. 242).

Западное побережье Ильменя и бассейн верхнего течения Луги

№ 307. Сопки, д. Любосжа

На берегу р. Веряжи находятся две сопки выс. от 4 до 6 м (45).

Около деревни раскопана сопка выс. 3 м, диам. 16 м; вершина попорчена двумя ямами. Грунт насыпи — песок. В насыпи в разных местах встречены 20 больших валунов, разбросанных в беспорядке. В подошве обнаружены два пятна от перегнившего дерева, одно в центре сопки диам. 2.5 м, другое в юго-западном секторе диам. 1.5 м. В северной части центрального пятна найдены мелкие кусочки истлевших непережженных костей, в северо-восточной части — маленькое железное колечко (XXI, стр. 10).

№ 308. Сопка, Черное село.

В 3 км от села на берегу р. Мойки, около ее устья, находится сопка выс. 3 м, конусообразная; случайно находили черепа (45).

№ 309. Сопки, д. Скачели

Близ деревни на берегу р. Луги находятся 2 сопки (45). Одна имеет до 5 м выс., другая несколько меньших размеров. У подошвы последней — мельница, повредившая полу насыпи (личный осмотр).

№ 310. Сопки, д. Самокража

В 0.5 км по направлению к д. Змиева Гора стоит сопка окружн. 33.5 м, яйцеобразной формы. Вторая сопка находится в 400 м от села, по направлению к д. Радже, выс. 4 м. Обе сопки находятся на берегу речки Рыкун. Третья сопка расположена в 0.5 км от села, в стороне от реки, выс. 3 м, распахивается (45).

№ 311. Сопка, д. Теребони

Рядом с деревней находится сопка выс. 6 м. У основания ее жальник. Могилы с круглой обкладкой (45; личный осмотр).

№ 312. Сопка, д. Остров

В 50 м от р. Луги стоит сопка выс. 4 м (45).

№ 313. Сопки, д. Косицкое

В 100 м от села находятся два кургана, один выс. 4 м, другой 1:4 м. В центре села находится сопка выс. 2 м (45).

Близ с. Косицкого на р. Луге в 1878 г. раскопан курган выс. до 6 м, диам. до 12 м. Сверху и по основанию курган был выложен крупным камнем. На глуб. 2 м найдены 2 костяка, рядом, головами на З. При одном медный тельник XII в. Далее до самого материка ничего не обнаружено (52, стр. 242).

314. Сопка, д. Малый Волок

Разрушенная сопка находится в 0.5 км от деревни (XVI).

№ 315. Сопки, пог. Передольский

По обе стороны тракта Луга—Новгород, в 0.5 км от р. Луги, тянутся 4 сопки. 1-я — выс. 8 м, диам. 30 м, 2-я — выс. 3.5 м, диам. 8 м (повреждена ямой и распашкой), 3-я — выс. 4,5 м, по основанию камни, 4-я — выс. 2.5 м, диам. 10 м, по основанию камни, южная пола раскопана.

Близ погоста в 0.5 км от предыдущей группы сопок находится высокая насыпь, называемая «Шум-Гора», имеющая форму двух усеченных конусов, стоящих один на другом. Верхняя площадка почти круглая. Высота

сопки 12 м, диам. ок. 60 м, площадка диам. 17×
×18 м. На две трети высоты сопку опоясывает круговой вал (выступающий край нижнего конуса), местами оползший, шир. до 3 м. В северо-западной поле имеется раскоп от основания до вала (XVI).

№ 316. Сопка, д. Малый Волочок

Сопка находится на правом берегу Луги, в самой деревне, выс. 2 м, сильно повреждена (XVI).

№ 317. Сопка, д. Большой Волок

Близ деревни, среди поля, имеется сопка выс. ок. 2 м. Диам. 10.6 м. По основанию валуны, вся западная пола срыта (XVI).

№ 318. Сопки, д. Княжева Горка

Две сопки находятся между дд. Речкой и Княжей Горкой, близ дороги. 1-я — выс. 3 м; 2-я — 2.5 м, диам. 18 м, по основанию была выложена камнями, в вершине яма (XVI).

№ 319. Сопка, д. Подберезье

Сопка стоит у Лужского тракта, выс. 4 м, диам. 21 м, у основания камни. Неподалеку остатки второй распаханной сопки, выс. до 2 м (XVI).

№ 320. Сопки, д. Речка

В 150 м к СЗ от деревни находятся 2 сопки — от 2.5 до 3 м выс., диам. по 16 м каждая (XVI).

№ 321. Сопка, хут. Новое Овсино

Сопка находится на склоне речной террасы, выс. 3.5 м, диам. 13.6 м. Усеченный конус (XVI).

№ 322. Сопка, Лихарева Горка

Сопка, выс. до 2 м, находится недалеко от р. Луги на СВ от деревни (XVI).

№ 323. Сопка, пог. Петровский

Сопка находится близ погоста по дороге в б. Череменецкий монастырь, выс. 6 м, диам. 16 м. Вся южная пола срыта, западная пола осыпается. Вершина срезана для устройства часовни (XVI).

№ 324. Сопки, Большие Торошковичи

Две сопки находятся у Передольского тракта, выс. 1.75 и 3.5 м (XVI).

№ 325. Сопка, д. Репьи

Между дд. Наволокой и Репьей среди поля в 0.5 км от Череменецкого озера находится сопка выс. 3.5 м, диам. 15 м, по форме — усеченный конус. Рядом с сопкой наблюдаются бугорки до 0.3—0.4 м выс., частью распаханные, причем найдены были кости (может быть, могильник). Вторая сопка находится по дороге к д. Югостицам, разрушена, рядом 3 небольших кургана (XVI).

№ 326. Сопка, д. Наволок

Сопка находится в огородах деревни, выс. 2 м, диам. 16 м (XVI).

№ 327. Сопка, д. Бор

Близ деревни находится большая сопка (6, стр. 171).

№ 328. Длинные курганы, д. Ропти-Естомицы

На СВ в 1—1.5 км от Роптей в уроч. Богатырь имеются длинные курганы. Одна насыпь имеет длину 46.7 м, выс. 1.3 м, шир. 10 м. Вторая группа курганов расположена на первой террасе оз. Череменецкого. В ней три длинных кургана. Один из них дл. 80 м, выс. 0.2 м, шир. 6 м, по основанию местами виден ровик. Два других 6 и 10 м (V).

№ 329. Сопка, Малый Удрай

Сопка находится в самой деревне. Выс. 4.2 м, диам. 28 м, по основанию крупные валуны. На ней стояла часовня (XVI).

№ 330. Длинные курганы, д. Замошье

У деревни находится группа курганов, среди которых два длинных. Раскопана одна насыпь дл. 19.5 м, шир. 8.5 м, выс. 1.2 м. Для устройства насыпи была использована естественная бровка площадки. Остатки погребения найдены посреди кургана и представляли собой кострище дл. 1 м, шир. 0.9 м, толщ. 9—13 см, состоящее из угля, золы и большого количества пережженных костей, сгруженных в одном месте. Следы другого кострища обнаружены в юго-восточном конце кургана (53, стр. 89).

№ 331. Удлиненные курганы, д. Ситенка

У дороги из д. Ситенка на д. Островенку исследовано 9 курганов, среди них 2 удлиненных, остальные круглые. Во всех курганах найдены остатки трупосожжений, иногда сопровождаемые оплавленными стеклянными бусами синего цвета и обломками грубых лепных сосудов (6, стр. 179).

№ 332. Сопка и удлиненный курган, д. Ситенка

В черте деревни находится сопка. К ЮВ от деревни в 1 км расположена курганная группа из 15 круглых и одной длинной насыпи. Раскопано 8 курганов, в том числе длинный. Во всех курганах встречены остатки трупосожжений в виде скоплений (одного или двух) пережженных костей. В кургане № 3, круглом, найден бронзовый браслет из овальной в сечении проволоки; в длинном кургане № 8 встречен вместе с костями неопределенный железный предмет (6, стр. 181, 184 и сл.).

№ 333. Сопка, д. Затуленье

Сопка находится за озером, выс. до 3 м., не копана (XVI).

№ 334. Сопки, д. Пантелеичи

Две высокие сопки расположены в 2 км на Ю от деревни, у ручья (XVI).

№ 335. Сопка, мыза Надбилье

На р. Белой стоит огромная сопка, выс. до 8 м, у основания камни (XVI).

№ 336. Сопки, д. Пристань

На берегу озера расположены 2 сопки; одна выс. 6 м, другая меньше (45).

№ 337. Сопки, д. Фралево

На берегу Фралевского озера находятся 6 сопок, одна из них выс. 6 м, остальные меньше (45).

№ 338. Сопки, д. Заполье

У деревни находятся 2 сопки выс. до 4 м, поодаль от них третья выс. 3 м и в 0.75 км от последней еще одна сопка выс. 4 м (45).

Низовье Мсты и Волхов

№ 339. Сопка, с. Бронницы

В 3 км от села находился курган выс. 2 м, диам. 30 м. В кургане найдена стенка из камней 0.50 м шир. и до 2 м дл. Сопка свезена на устройство дороги (XXII-е).

№ 340. Сопка, уроч. Волотово близ Новгорода

«Под Новым Городом поле (Волотово) так названо по одной сопке, которая могла быть в свое время довольно высокая, но при построении близко оной каменной церкви в 1352 г. верно брали из нее песок; ибо в сравнении с другими сопками она гораздо ниже и не имеет конического вида... Сделав пространное отверстие с южной стороны решился я выбрать всю внутренность до самого фундамента... всякую горсть песку, выброшенную на открытое место, прогреб своей рукою, что нашлось откладывал особенно. Оставляя работу по вечерам, дверь могильную прикрывал соломой, чтобы мороз не зашел во внутренность — поутру опять продолжал копать и, таким образом, в 6-й день выбрал до последней горсти и очистил фундамент, которым была черная земля, как и в Ладоге. Вся сопка насыпана была из одинакового песку, взятого у берега Волховца, что доказывает щебень и камни, излизанные водою, которые попадались часто... ни одной косточки человеческой, а было следующее: две челюсти конские с зубами, две псовые, две неизвестного зверька, птичья голова и несколько пар ног тоже птичьих, часть ребра широкого и несколько сосновых углей... упомянутые челюсти и ноги нашлись не в одном месте, а в составе целой сопки были рассеяны» (59).

№ 341. Сопка, д. Ушерска

Близ деревни находился распаханный курган до 3.5 м выс., диам. до 14 м. В основании найдено кострище, диам. 1.4 м, толщ. до 0.27 м. В насыпи найдены в беспорядке человеческие кости, вероятно, позднего происхождения (52, стр. 239).

№ 342. Сопки, д. Родивоново

На р. Вишере насыпь до 6 м выс. В основании найдено кострище с остатками пережженных костей до 1.4 м диам. и до 0.22 м. толщ. Вверху насыпи найдены человеческие кости, очевидно, позднейшего происхождения (16, стр. 205—206; 52, стр. 239).

В деревне и близ деревни имеются 3 кургана выс. до 2 м (45).

№ 343. Сопка, с. Водское

«Здесь... сопку большую, которая была недалече нынешней церкви, разрыли на большую дорогу, когда мостили камнем оную» (59).

№ 344. Сопки, с. Змейское

Между деревней и Волховом, на пахотном поле, расположено 3 кургана выс. 2.4—3.8 м. Из них 2 сильно повреждены ямами и распашкой, а один цел за исключением северной полы (XIII).

№ 345. Сопка, д. Осничек

За южной околицей деревни, близ часовни на высоком берегу Волхова находится разрушенная сопка, выс. до 3 м. В обнажениях на глуб. 2 м видно несколько дугообразно расположенных слоев погребенной почвы и слоев красноватой глины (XIII).

№ 346. Сопка, д. Подсопье

За северо-восточной околицей деревни, около дороги, в 300 м от Волхова стоит сопка диам. 20 м, выс. 5.4 м, подошва распахивается. Южнее видны остатки другой сопки (XIII).

№ 347. Сопка, д. Вындин Остров

Около 1 км к Ю от деревни, у самой дороги, идущей берегом Волхова в д. Помялову, находится сопка диам. 23 м, выс. 6 м, бока крутые, вершина закругленная (XIII).

№ 348. Сопка, д. Горка (Шкуркина Горка).

В 1.5 км к Ю от с. Октябрьского, на северном конце д. Горки, на берегу Волхова, находится сопка диам. 22 м, выс. 6.9 м. Насыпь крутобокая, профиль конический. Вверху южной полы имеется широкая западина. С северной и западной стороны дерн обрыт (XIII).

№ 349. Сопки, с. Октябрьское (б. Михаил-Архангел)

Выше села, на левом берегу Волхова, находятся 2 высокие насыпи. Одна из них, выс. 9.6 м и окружн. 98 м, раскопана Н. Е. Бранденбургом (№ 145, табл. XIII, 3, 5). В основании насыпи находилась каменная кладка в виде круглого цоколя, внешняя стенка которого была сложена из валунов, внутренняя из плит. Промежуток между ними был заполнен мелким камнем и покрыт сверху уложенными плашмя плитами. Диаметр сооружения 28 м, ширина кладки 1.5 м, выс. 1 м. Внутри каменного цоколя было встречено до 6 кладок из огромных валунов; некоторые из них имели вид помостов до 2 м выс. и нескольких квадратных метров площадью, другие имели вид плоских куч камня, меньших размеров (табл. XIII, 5). Между кладками в трех местах найдены остатки обгорелых бревен и уголь. В юго-восточной части, на подошве, обнаружен слой сожженных костей разм. 0.35 × 0.35 м. Подобные же каменные кладки (табл. XIII, 3) встречены в насыпи сопки в шести местах. Среди них найдено: небольшое количество разбросанных жженых костей (на гл. 17 см.), сопровождаемое обломком железа и бронзовой проволокой; глиняный сосуд с обугленной массой; железная пряжка, удила, две железных поделки неизвестного назначения, обломок костяного черенка, фрагмент костяной трубочки с орнаментом, каменный диск с отверстием и два каменных долота.[1] В материке под насыпью обнаружено несколько небольших углублений, заполненных вязким черным грунтом. В них найдены остатки рыбьих костей и черепок глиняного горшка. Фрагменты керамики из сопки см. на табл. X, *1—3*. В юго-восточной поле обнаружено 14 костяков, лежавших в несколько рядов. В числе нескольких вещей найден обломок «вендки» XI в., тем же временем датируются и остальные предметы, найденные при погребениях (4). На южном конце села, в 10 м от берега, находится испорченная сопка; снесена вся западная пола. Оставшаяся часть выс. 3.3 м, диам. ок. 15 м. В обрыве виден только песок (XIII).

№ 350. Сопки, д. Старый Дубовик

Недалеко от берега Волхова против электростанции находятся две сильно поврежденных сопки на расстоянии 30 м одна от другой. Сопки, повидимому, имели коническую форму и были крутобокими. Высота их достигает 6 м (XIII).

№ 351. Сопки, д. Новый Дубовик

По краю высокого берега Волхова стоят 5 сопок. Сопка № 1 (с севера) — диам. ок. 17 м, выс. 5.6 м; основание обрыто, восточная пола осыпалась и в осыпи видны валуны. Сопка № 2 — диам. 18 м, выс. 6.2 м. Сопка № 3 — выс. 5.9 м, западная пола обвалилась. Сопка № 4 — диам. 24 м, выс. 7 м, северная пола обрыта при устройстве избушки. Сопка № 5 — выше предыдущих; стоит на известняковом основании, как бы на столбе, уцелевшем от плитоломных работ (XIII).

№ 352. Сопки, д. Княжчино

По краю верхней террасы Волхова расположено 6 насыпей и несколько в стороне, в поле, один курган. Сопка № 1 — раскопана, южная часть снесена, высота оставшейся — до 3 м. Сопка № 2 — плоская, диам. до 23 м, выс. 4 м, насыпь столообразная, следов повреждения незаметно. Сопка № 3 — диам. 18 м, выс. 3.5 м, в центре глубокая котловина, глуб. до 1.6 м. Сопка

[1] В Отч. арх. ком. за 1886 г. (ст. CLIII) упоминаются 2 костяных трубочки, 2 пряслица и 2 бусы.

№ 4 — диам. 17 м, выс. 4 м, в вершине яма. Сопка № 5 — диам. 12 м, выс. 4 м. Сопка № 6 (отдельная) — диам. 13 м, выс. 1.8 м, юго-восточная пола вся срыта. Сопка № 7 (рядом с сопкой № 1) — на мысу между оврагом и краем террасы, диам. 14 м, выс. 2.3 м, в центре яма глуб. 0.75 м и диам. до 3 м (XIII).

№ 353. Сопки, д. Лопино

К югу от д. Лопиной, на краю обрыва высокой террасы, находятся 2 сопки. Сопка № 1 — диам. 19 м, выс. 5 м, крутобокая; западная пола осыпалась; в вершине — яма глуб. 2 м, в обрыве западной полы заметны валунчики. Сопка № 2 — диам. 16 м, выс. 4 м; северная пола срыта, западная частично ископана; в вершине котловина глуб. до 2 м (XIII).

На правом берегу Волхова, выше д. Лопиной, на краю высокой террасы стоят 4 сопки. Раскопана одна из них окружн. 75 м, выс. 4.3 (у Н. Е. Бранденбурга № 144). По всей подошве открыт темный слой. В центре основания обнаружен полукруглый ряд валунов в два яруса (кривая стенка) выс. 0.5 м, диам. 1 м. К ЮЗ от него — две группы больших камней (4).

№ 354. Сопка, д. Чернавинский Выселок

Против б. Никольского монастыря на берегу Волхова, на пойме, находится сопка выс. 7 м, диам. до 36 м, западная пола размывается (XIII).

№ 355. Сопки, Старая Ладога, уроч. Победище

На краю высокого берега Волхова Н. Е. Бранденбургом отмечено 12 сопок, из которых им раскопано 4.

Сопка № 1 (у Н. Е. Бранденбурга № 140). Окружн. 60 м, выс. 4.3 м, грунт — суглинок. По всей подошве шел темный слой с частицами угля. В центре на глуб. 0.7 м найдено немного сожженных человеческих костей, среди них большой бронзовый бубенчик (табл. XI, *4*). Глубже на 0.7 м обнаружен род настила из крупных валунов. В 3.5 м к Ю от центра и на 0.35 м выше настила встречен полуразвалившийся глиняный горшок, накрытый обломками плиты, наполненный сожженными человеческими костями; среди них железный нож (табл. XI, *17*), несколько кусков спекшихся бус, в их числе обломок сердоликовой (табл. XI, *9*) и 3 обломка полурасплавленной бронзы (табл. XI, *7, 16*). На той же глубине у северо-восточного края насыпи встречен костяной черенок ножа (табл. XI, 5). Глубже на 2 м (0.7 м над подошвой) находилась стенка из камня ок. 0.7 м выс., ориентированная с З на В и сложенная в 2 и 3 яруса. Среди камней устроено небольшое помещение, отгороженное с одной стороны вертикальной плитой; в последнем находился небольшой глиняный горшочек, также накрытый плитой. Внутри его помещался второй меньший, наполненный костями ребенка вместе с птичьими костями и позвонком змеи (табл. XI, *1*). Среди костей находились остатки перегорелых бус и несколько проволочных колечек от бронзовой цепочки (табл. XI, *13*). По подошве насыпи по окружности ее обнаружен род круговой стенки, сложенной из крупных и мелких валунов в 2—3 яруса. Внутри стенки, у северной стороны, встречена небольшая вымощенная валунами площадка (табл. XIII, *1*), а восточнее последней скопление угля, около 1 м диам. От центра на В в 4.3 м, на подошве, находился большой слой сожженных костей около 1 м в диаметре, смешанных с конскими костями и 7 когтевыми фалангами медведя (табл. XI, *11*). Среди костей найдены 2 полушаровидных бляхи из тонкой листовой бронзы с поперечным прорезом, трехконечная бляха (табл. XI, 3), 2 поясных наконечника (табл. XI, *2*), 3 плоские круглые бляшки, 1 сердцевидная, 4 круглых бляшки с лучеобразным орнаментом (табл. XI, *6*), 5 продолговатых бляшек (табл. XI, *14—15*), остаток железной четыреугольной пряжки (табл. XI, *10*), несколько фрагментов обработанной кости (табл. XI, *12*) и много остатков перегорелой бронзы и железа. Севернее того же слоя найдено еще немного сожженных костей и с ними две бронзовые оковки с заклепками, кольцеобразная обтяжка (табл. XI, *8*) и несколько тонких листовидных бронзовых обломков. От центра насыпи на В в самом крае подошвы под дерном найден нож с широким насадом, в котором сохранились заклепки (табл. XI, *18*).

Сопка № 2 (у Бранд. № 141). Окружн. 75 м, выс. ок. 3.5 м. По подошве прослежен темный слой. Под центром насыпи найдена груда камней сферовидной формы, разм. 2 × 0.7 м, состоящая из валунов и плит, как бы покрывающих небольшую земляную насыпь. У вершины в центре насыпи встречено 2 черепка горшка с волнистым орнаментом.

Сопка № 3 (у Бранд. № 142). Окружн. 70 м, выс. 4.3 м. В центре насыпи у поверхности найден слой сожженных человеческих костей; на нем черепки горшка, обломок бронзы и перегорелые бусы (табл. X, *19, а — г*). В 2 м от центра на В под дерном найдены обгорелые кости, 2 обломка бронзы, буса, железный нож (табл. X, *20*) и фрагмент обработанной кости. Еще восточнее находилось несколько горелых костей и черепок. Южнее — обгорелые кости, черепок, обломок перегорелой сердоликовой бусы и позвонок лошади. В 1.8 м от центра на Ю, на глуб. 0.35 м от поверхности, встречено скопление сожженных костей, черепок горшка, обломок бронзовой пластинки (табл. X, *18*) и 2 когтевых медвежьих фаланги (табл. X, *17*). В 2 м от центра к ЮВ, на глубине от поверхности 1.9 м, найден обломок черепа барана и 3 обломка костей. В 1.4 м от центра на ЮЗ на подошве обнаружен полукруглый ряд валунов в несколько ярусов, образующих род кривой стенки выс. 0.5 м, диам. 1 м. Среди вещей, происходящих из этой сопки и хранящихся в Гос. Эрмитаже, имеется кремневая пластинка (табл. X, *16*).

Сопка № 4 (у Бранд. № 143). Окружн. 60 м, выс. до 3.5 м. В центре сопки на основании найдено несколько валунов и большой обломок плиты, уложенные под углом. Внутри последнего найден развалившийся человеческий череп и 2 обломка костей; поблизости обломок железа (ножа?) (4).

Н. И. Репниковым раскопан на «Победище» небольшой курган удлиненной формы разм. 6.4 × 3.5 × 1.2 м. В центре под дерном, на глуб. 13 см, находилась куча сожженных костей, смешанных с углями. В ней железная пряжка со следами огня (табл. IX, *12*), обломок ножа и черепки горшка. На выс. 0.17 м над материком обнаружен помост из 17 плит неправильных, разной величины. Размер помоста 5 × 2 м (41, стр. 59)

За северной стеной б. Никольского монастыря, на краю верхней террасы левого берега Волхова, находится 6 сопок. Сопка № 1 — диам. 19 м, выс. 3.96 м, насыпь сильно повреждена широкой траншеей. Сопка № 2 — деформирована раскопом, выс. до 1 м. Сопка № 3 — диам. 18 м, выс. 3 м, северная пола разрушена. Сопка № 4 — диам. 10 м, выс. 1 м. Сопка № 5 — диам. 19 м, выс. 2.5 м, в вершине яма, глубиной до 0.6 м. Сопка № 6 представляет остатки насыпи (XIII).

№ 356. Сопки, Старая Ладога

На левом берегу Волхова, несколько выше устья р. Ладожки, между Старой Ладогой и Никольским монастырем, в 0.5 км от берега находится группа из 8 малых насыпей. Четыре из них раскопаны Н. Е. Бранденбургом (№№ 136, 137, 138, 139).

Сопка № 1 (у Бранд. № 136). Окружн. 45 м, выс. 2 м, насыпь песчаная, в плане овальная. В 2 м от центра на ЮВ найден полуразвалившийся глиняный горшок, наполненный сожженными человеческими костями, прикрытый куском плиты. Среди костей найдены обломки костяного гребня (табл. X, *10*), обломок точильного бруска (табл. X, *8*), несколько мелких бус, костяная пронизка (табл. X, *11*) и род железной трубчатой оправки с продольным прорезом и ушком на конце (табл. X, *9*). Рядом с горшком лежала кость животного. В восточной половине насыпи открыт полукруг из камней. Рядом с указанным горшком встречен слой сожженных костей. Среди них найдены 2 позвонка кошки, 2 обломка костей росомахи и обломки кости коровы и лошади. Здесь же найдены обломки железа,

в том числе изделие, изображенное на табл. X, *12*, и обломок обработанной головки бедра (табл. X, *13*). На ЮВВ от центра на подошве, находились остатки человеческого скелета, головой, повидимому, на З, но в беспорядке и без вещей. В 4 м от центра на С на подошве найден железный нож (табл. X, *7*). В северо-восточной и северо-западной полах насыпи найдено 3 зуба животного и несколько крупных валунов.

Сопка № 2 (у Бранд. № 137). Окружн. 35 м, выс. 1 м, насыпь из песка. Ничего не обнаружено кроме нескольких крупных валунов в подошве насыпи.

Сопка № 3 (у Бранд. № 139). Окружн. 35 м, выс. 1 м, насыпь из песка. В центре на основании найден слой сожженных человеческих костей и среди них 3 когтевых фаланги медведя. В 0.70 м от центра на СВ встречено еще немного сожженных костей; среди них фрагмент кости с резьбой (табл. X, 15) и железная скрепа в виде заклепки (табл. X, *14*). В подошве — несколько валунов и часть плиты, около которой следы угля.

Сопка № 4 (у Бранд. № 138). Тех же размеров, грунт — песок. В середине насыпи встречена куча камней и около нее тонкий слой угля (4).

№ 357. Сопки, Старая Ладога — д. Велеша

«В Ладоге, под Новгородом и в Бежицах раскапывая оные (сопки)... узнал следующее: все оные насыпаны на поверхности (нетронутой) земли из песку, щебня и камней, взятых на речном берегу, что доказывает часто попадавшийся крупный щебень и камни, излизанные водой. По сделании венца из камней и положения нескольких оных на фундамент, работа производилась нередко утомительным образом, ибо весь той материал надобно было втаскивать на крутой берег (как в Ладоге) и после на могилу; при конце оной употребляли землю и дерн для укрепления. При разрытии сих насыпей находились вообще: угли яловые, ольховые, иногда дубовые, зола, отломки посуды из простой глины; в особенности же в Ладоге первая сопка, разрытая при мне тамошним достойным помещиком г-ном А. Р. Томиловым, не открыла свыше сказанного более ничего.

Вторая мною разработанная имела в середине сожженные кости, недогоревшую часть руки, т. е. двойную кость (os antibrachii), железную стрелу, древцом и наконечником скованную в одной штуке, которая имеет в длину 13.5 дюймов [табл. IX, 7] и, наконец, кусок железа, похожий на задвижку в замке».

Вторая сопка, раскопанная Ходаковским, известна под названием «Полой сопки». Ходаковский отмечает, что еще до его раскопок «она имела отверстие к Волхову или пустоту» (60, стр. 371).

Между старой Ладогой и д. Велешей по Н. Е. Бранденбургу имелось 13 сопок, большинство которых было «разорено» уже в давнее время. Бранденбургом раскопаны 2 сопки.

Сопка № 1 (у Бранд. № 131). Окружн. 50 м, выс. 3.15 м. В центре основания находилась груда валунов выс. до 1.4 м. С южной ее стороны в подошве найден тонкий слой угля, а с западной несколько разбросанных костей животного (в том числе 2 шейных позвонка коровы).

Сопка № 2 (у Бранд. № 132). Окружн. ок. 64 м, выс. 5.7 м. По основанию обнаружен темноватый слой. От центра на ЮВ в 1.4 м на глуб. 0.35 м найдены разбросанные сожженные человеческие кости. С ними 3 черепка сосудов и обломок бронзового колечка. В южной половине в подошве обнаружены 3 помоста из валунов; размеры их 1.4 × 4.3 м, 2 × 1.4 м и 2 × 3.5 м. 4-я маленькая площадка из камней имела размер 1 × 1.4 м (табл. XIII, *4*). Невысокие насыпи 3 и 4 (по Бранд. №№ 133 и 134) оказались курганами с трупоположениями (4).

Между д. Велешей и ст. Ладогой расположены цепью 11 сопок. Сопка № 1 (с севера) — диам. 10 м, выс. 3.20 м, в восточной поле котловина. Сопка № 2 — выс. до 4 м, западная пола обвалилась. Обе сопки находятся на мысу, образованном балкой и берегом Волхова. Сопка № 3 — диам. 18 м, выс. 3.5 м, раскопана в центре на глуб. до 3 м; в стенках ямы заметны валуны. Сопка № 4 — диам. 11.2 м, выс. 2.7 м; в восточной поле неглубокая выемка. Сопка № 5 — диам. 12 м, выс. 3 м, в вершине незначительная впадина. Сопка № 6 («Полая сопка») — диам. 28 м, выс. 7.4 м. Раскопана широкой несквозной траншеей Ходаковским (см. выше) и представляет насыпь в виде подковообразного вала. Сопка № 7 — диам. 13.20 м, выс. 4 м; на вершине небольшое углубление. Сопка № 8 — диам. 12 м, выс. 4.4 м, без следов повреждений. Сопка № 9 — сильно разрушена (обрыта с 2-х сторон). В насыпи видны валуны. Сопка № 10 — диам. 25 м, выс. 8.4 м, в полах видны неглубокие западины — одна из наилучше сохранившихся сопок под Старой Ладогой. Сопка № 11 — диам. 16 м, выс. 3 м. По краю окопана, на вершине устроена площадка; обсажена деревьями (XIII).

№ 358. Сопки, Старая Ладога

На правом берегу Волхова против Старой Ладоги расположены три сопки, из которых одна раскопана Н. Е. Бранденбургом (№ 135). Окружность 55 м, выс. 2.8 м, грунт суглинок. В середине насыпи находился каменный настил разм. 1.4 × 0.7 м (табл. XIII, 2), на нем следы угля и горелой земли. К З от настила — горшок, обращенный дном кверху. Под горшком разбросаны сожженные кости. Среди костей найден обломок бронзовой проволочной спирали (табл. X, *6*). В 3.5 м от центра на ЮЗ под дерном найден небольшой согнутый нож (табл. X, *5*). По западной части основания обнаружен каменный настил из крупных валунов, с С на Ю дл. 7 м. В восточной части основания найден железный широкий нож (табл. X, *4*).

На правом берегу Волхова против крепости, над урочищем Плакун, расположены 3 сопки и далее, ниже по Волхову, еще 3. Сопка № 1 — по течению Волхова, наполовину обвалилась в балку. Сопка № 2 — диам. 14 м, выс. 4 м; небольшая впадина в вершине. Сопка № 3 — диам. 10 м, выс. 3 м; в вершине небольшая яма. Сопка № 4 — диам. 10.5 м, выс. 3 м. Сопка № 5 — диам. 14 м, выс. 3.5 м, на вершине имеются ямы, сильно заплывшие. Сопка № 6 — диам. 8 м, выс. 3 м (XIII, 4).

№ 359. Сопка, д. Горчаковщина

1) За северо-восточной околицей деревни, более 200 м от нее, на самом краю берега Волхова стоит сопка выс. до 10 м, часть восточной полы обвалилась в овраг. Рядом в береговой осыпи находят кости.

2) На СВ от деревни, в 100 м от дороги, среди пашни находятся остатки второй сопки.

3) К Ю от деревни, в 100 м в поле, находится третья сопка диам. 17 × 8 м, выс. 2.38 м. В южной поле яма. Насыпь деформирована распахиванием.

По дороге из д. Горчаковщины в д. Чернавину в 100 м от хут. Наволок и в 200 м от берега Волхова находится сопка выс. 4 м, диам. ок. 24 м. В нескольких местах по подошве видны валуны (XIII).

Реки Сясь и Тихвинка

№ 360. Сопка, Великое село

В 0.5 км от села стоит сопка выс. ок. 5 м. Раскопана глубоким колодцем в давнее время (сообщено Н. И. Репниковым).

№ 361. Сопки, д. Бесовы Харчевни

На правом берегу р. Сяси, на ровном гладком поле, расположена группа сопок «волховского типа». Всего насчитывается 23 сопки диам. от 12 до 30 м и выс. от 2 до 10 м. Почти все они имеют на поверхности ямы, 4 разрыты совершенно в прежнее время, но об этих раскопках ничего не известно. Раскопаны 2 сопки.

Сопка № 1. Высокая крутая насыпь с заплывшим рвом вокруг основания, диам. 14.8, выс. 4.75 м. Насыпь была повреждена 3 ямами 0.6—0.8 м глуб. Насыпь песчаная, в ней разрозненные камни, отщепы кремня и вкрапления углей и золы. В 3.8 м от центра с СЗЗ под дерном встречена кучка кальцинированных костей разм. 0.4 × 0.4 м и толщ. 0.25 м, среди костей найден же-

лезный нож (табл. IX, *6*). В 3.1 м от центра к ЮЗЗ и на 0.72 м от поверхности встречены 3 обломка кальцинированных костей и кремневый скребок (табл. IX, *5*). В 4.14 м от центра к ЮЗЗ на 0.7 м от поверхности открыто большое количество углей площ. 1.08 × 0.7м, толщ. 0.3 м. Под углями песок сильно обожжен. В 4.14 м от центра к СЗ на 0.8 м ниже поверхности найдена кремневая пластинка; к ЮЗ от нее в расстоянии 1 м на том же уровне — несколько кальцинированных костей. В 3.7 м от центра к ЮЗ на 1.1 м ниже поверхности встречено второе скопление углей площ. 1 × 0.65 м, толщ. 0.25 м. Рядом с ними найдены кремневый скребок и обломок кремневой пластинки. В 5.5 м от центра к СЗ сразу под дерном обнаружена кучка кальцинированных костей площ. 0.2 × 0,25 м, толщ. 0.16 м, среди костей фрагмент гладкого бронзового проволочного браслета. В 4.85 м от центра к ЮВ, на 2.9 м ниже поверхности, встречено третье скопление углей в виде круглого пятна, диам. 0.35 м, и в 45 м от центра к В на том же уровне — четвертое скопление углей площ. 0.6 × 0.4 м.

Сопка № 2. Диам. 17 м, выс. 1.75 м. Сложена из песка. В 2.9 м от центра к З, в насыпи, находилось скопление углей и золы в виде очажка, площ. 0.6 × 0.6 м. В разных местах насыпи попадались вкрапления угля и золы (39, стр. 36).

№ 362. Сопка, г. Тихвин

У города на р. Тихвинке была одна большая сопка, смытая рекой, и 2 малые сопки (XXII-е).

№ 363. Сопки, пог. Мелегежа

«Группа Мелегежских курганов, поражающих своей величиной, оказалась очень бедной по культуре. В 8 курганах обнаружено трупосожжение, а в 9-м не обнаружено никаких следов погребения, если не считать незначительной примеси угля» (XX, стр. 418).

Бассейн нижнего течения Мсты

№ 364. Сопки, д. Сурики

Около деревни расположены 2 сопки, стоящие рядом, поодаль третья, крупная (24, стр. 235).

№ 365. Сопки, с. Полище

Близ деревни имеется 8 курганов выс. от 3.20 до 5 м. 4 раскопаны прежде, 3 находятся на кладбище и повреждены погребениями (43, стр. 27).

№ 366. Сопка, Курино

На правом берегу Мсты имеется сопка выс. ок. 6 м (45).

№ 367. Сопки, длинный курган, Далево

В деревне имеются 2 сопки. В стенках обнажения одной из них видны 2 тонких зольных слоя. Близ деревни расположена группа из 13 курганов, из них один длинный. Раскопано 8 насыпей.

Курган № 1. Выс. 0.7 м, диам. 5.3 м. Близ вершины найдены 3 грудки пережженных костей, расположенных по одной линии на расстоянии 1.4 м друг от друга, в направлении с СВ на ЮЗ. Мощность скоплений до 22 см, диам. до 0.7 м. На костях одного скопления заметна окись железа.

Курган № 2, меньшей высоты, диам. до 4.3 м. На площадке основания — две грудки костей.

Курган № 3 (длинный). Разм. 21 × 4 × 1.4 м. Курган раскопан с двух сторон — выемкой и широкой траншеей. По всему основанию обнаружен ровный угольно-пепельный слой до 4 см толщ.

Курган № 4. 1.2 × 6 м. По всему основанию угольно-пепельный слой до 2 см толщ. В южной поле — кострище.

Курган № 5 (удлиненный). Разм. 16.4 × 12.2 × × 1.4 м. Ничего, кроме угольно-пепельного слоя, по основанию не обнаружено.

Курган № 6—8. Выс. 1.5—2 м. В насыпи встречена небольшая грудка костей с примесью золы и мелких угольков (11).

№ 368. Сопка, д. Усть-Волма

В 2 км от деревни на берегу Мсты расположено несколько больших сопок (11, стр. 51).

№ 369. Сопки, Ямская-Крестецкая слобода

При р. Хохлове находится 5 сопок выс. от 4 до 6 м. Две обложены камнями (45).

№ 370. Сопка, д. Струковье

В 400 м от деревни между шоссе и р. Холовой имеется сопка выс. 4 м (45).

№ 371. Сопки, д. Болотницы

За деревней в сосновом лесу расположена сопка до 6 м выс. и рядом две поменьше (11, стр. 50).

№ 372. Сопки, с. Старое Рахино

Близ озерка находится 7 сопок выс. от 2 до 6 м, испорчены кладоискателями (45).

За селом (считая от Демянска) влево от дороги цепью через 6—10 м расположено до 10 массивных сопок от 3 до 10 м выс. Почти все изрыты кладоискателями (11).

№ 373. Сопки, б. усадьба Телятниково

Близ усадьбы 3 сопки выс. до 5.3 м (45).

№ 374. Сопки, д. Шутиновичи

В 3 км от дороги находится несколько сопок (11, стр. 50).

№ 375. Сопки, пог. Ручьи

1) Близ погоста имеются курганы до 4 м выс.
2) Недалеко от почтовой дороги находится кладбище; близ него сопка выс. 8 м (45).

№ 376. Длинный курган, сопки, д. Низовка

На правом берегу Волмы расположено 3 небольших кургана и один длинный (Богатырь). Раскопано три.

Курган № 1. Разм. 1.4 × 4 м. В южной поле на материке найден горшок грубой работы из глины с дресвой, стоящий на слое черной золы и углей, мощностью до 3 см, шир. до 0.5 м. По основанию — угольно-пепельный слой. В горшке были мелкие пережженные кости и среди них 2 тонких серебряных кольца, одно 2 см, другое 4.5 см. в диам.

Курган № 2 (длинный). Разм. 24.4 × 4 м. По всему основанию обнаружен тонкий угольно-пепельный слой.

Курган № 3 (из 2 круглых, соединенных длинным (табл. XV, 7). Размеры восточного круглого 2 × 7.4 м, западного 1.4 × 6 м, длина вала 24,4 м, шир. 5 м, выс. до 1.2 м. По основанию обнаружен тонкий угольно-пепельный слой. В восточном круглом кургане на глубине второго штыха встречено скопление мелких пережженных и перемешанных с золой костей, ширина пласта 0.7 м, толщ. до 9 см (11, стр. 53). Против деревни на левом берегу Мсты имеются сопки (24).[1]

№ 377. Сопка, Заручевье

В деревне в огородах находится сопка выс. 8 м (45).

№ 378. Сопка, Малое Бехово

Близ деревни находится сопка выс. 10 м, окружена рвом (45).

[1] На карте под № 376 ошибочно поставлен знак сопки. В действительности сведение о сопках относится к другому пункту с тем же названием, находящемуся на р. Мсте.

№ 379. Сопки, д. Золотое Колено

У железнодорожной линии по левому берегу Мсты расположено 6 сопок, сильно попорченных. В 4 км от с. Усть-Волмы близ порога Скаряиха 5 сопок.

Против д. Веребье стоят 4 сопки 3—4 м выс. Раскопана одна выс. 3.6 м. В насыпи встречены черепки, угли и кости. В вершине насыпи под дерном обнаружено скопление кальцинированных костей, угольков и черепков, принадлежащих небольшому горшку с ребристым профилем и слабо отогнутым венчиком (табл. IX, *4*). В нем находились пережженные кости и уголь. На этом же участке найдено 3 обломка сердоликовых гранчатых бус (табл. IX, 3), обломок медной спиральки (табл. IX, *2*) и обрывок железной цепочки (табл. IX, *1*). В насыпи попадались расколотые кости животных (домашних?). В насыпи 3 слоя гумуса, попадались белые тонкие прослойки, повидимому, остатки пережженных костей. В нижнем слое гумуса встречены 4 угольных пятна, содержавших пережженные кости. На материке много расколотых костей и угольков. В этом же гумусе найдено большое количество костей, частью пережженных, углей, черепков и железный нож. Черепки принадлежат сосудам следующих типов: 3 сосуда вазообразных, похожих на гнездовские, с линейным и волнистым орнаментом и в виде зубчатой насечки; 4-й сосуд — в виде узкой вазы со сплошным орнаментом из «линеек и дорожек»; 5-й украшен косым волнистым орнаментом; 6-й сосуд — глиняная чашка с кольцеобразным поддоном, вышина ее — 14—15 см. Орнамент из коротких мелкозубчатых насечек. Глина с большой примесью крупной дресвы. Такой же техники и горшок, в котором найдены кости.

Из остальных трех сопок одна имела когда-то ограждение из камней. Ее раскопали крестьяне, причем было найдено 6 небольших горшков из серой глины, содержавших золу и кости. Другая сопка также раскапывалась крестьянами, в ней будто бы был найден деревянный сруб. В третьей, также раскопанной, находок не оказалось (24, стр. 231—234).

№ 380. Сопки, ст. Верховье

«На р. Мсте близ ст. Верховье находится ряд больших курганов, достигающих в вышину до 8 саж.» (31, стр. 368).

№ 381. Сопки, д. Терпуховка

Около деревни имеются 2 сопки, расположенные по дороге из Нижнего Перелеска на стеклянный завод, на берегу Мсты (24, стр. 230).

№ 382. Сопки, д. Никулище

В окрестностях деревни находятся 3 поврежденные сопки, 2 раскопаны.

Сопка № 1. Диам. 17.4 м, выс. ок. 2 м. Раскопка велась колодцем, разм. 2×1.5 м. Насыпь сложена из песку. На глуб. 1 м найдены пережженные косточки; на глуб. 1.2—1.4 м — зольные пятна; на глуб. 1.5—1.7 м — темный слой песку, на нем зола и угольки. Второй колодец раскапывался в 0.5 м к З от первого. На материке обнаружен зольный слой с угольками.

Сопка № 2. Диам. 11.7 м, выс. 1.5 м, раскопана траншеей. В насыпи обнаружены зольные прослойки, которые достигают у центра 0.22 м толщ. и содержат мелкие жженые косточки. По дну траншеи обнаружен зольный слой. 3-я сопка не раскапывалась, выс. 4 м, диам. 22.3 м (24, стр. 224).

№ 383. Сопки, д. Илемка

Близ деревни расположены 4 сопки, из них одна срыта. Раскопаны две.

Сопка № 1. Диам. ок. 20 м, выс. до 5 м. Раскопана траншеей, разм. 5×4 м. В основании южной полы обнаружены два большие камня. В песке, из которого сооружена насыпь, в средней и нижней части встречаются вкрапления мелкого угля. В основании встречено большое количество золы и мелких угольков.

Сопка № 2. Раскопана колодцем и двумя боковыми траншеями (табл. XII, *6*). Диам. сопки 13.2 м, выс. 3 м. На глуб. 0.18 м обнаружена угольная прослойка; ниже в насыпи встречены мелкие угольки и гнездо золы. Над самым материком обнаружено крупное пятно с большим количеством мелких угольков. Форма и размеры пятна не выяснены. Найдена одна косточка в центре насыпи (24, стр. 226).

№ 384. Сопки, д. Дубовицы

В 800 м от деревни, на р. Мсте, находятся 3 сопки выс. ок. 3.5 м (45).

№ 385. Сопки, д. Коломна

Около деревни расположены 3 сопки от 3 до 4 м выс. (24, стр. 223).

№ 386. Сопки, д. Кирово

В 400 м от деревни на берегу Мсты находятся две сопки выс. до 6 м; одна обложена камнями (45).

№ 387. Сопки, д. Волмы

Около деревни находятся 3 сопки выс. 4.6 и 6 м, далее среди пашни еще 2 сопки, выс. 4 и 8 м. Поблизости находится курганная группа из 10 насыпей до 2 м выс. (11, стр. 53).

№ 388. Сопки, д. Наволоки

На берегу озера находится 5 насыпей: 1-я — выс. 11 м, окружн. 125 м, конусообразная; 2-я — выс. 2.5 м, окружн. 45 м; 3-я — выс. 2.5 м, окружн. 45—46 м: 4-я — выс. 6—6.5 м, окружн. ок. 90 м; 5-я — выс. 5.5 м, окружн. свыше 60 м. Сопки тянутся по слегка дугообразной линии с ССВ на ЮЮЗ. Рядом с ними находится жальник, состоящий из могил с прямоугольной каменной обкладкой (сообщено А. М. Виноградовой).

№ 389. Сопки, д. Воронково

На р. Горбинке находятся две сопки выс. до 6 м, диам. 20—25 м. В одной из сопок найдены «железные образки», жернова и «кузнечные огарки»; в другой — плиты, поставленные на ребро (45).

№ 390. Сопка, Селище

Близ Мсты находится сопка выс. 4 м (45).

№ 391. Сопки, д. Гелезино

Около деревни находятся 2 сопки выс. до 8 м (45).

№ 392. Сопки, д. Льзичка

В 1 км от с. Белое расположено 13 сопок до 6 м выс. (45).

№ 393. Длинные курганы, с. Белое, д. Льзичка

Между с. Белым и дд. Никольской и Льзичкой расположена курганная группа. Среди курганов есть удлиненные и один длинный разм. 160 (?) × 8 × 1.5 м (I).

№ 394. Сопка, д. Черезборицы

В 0.5 км от деревни расположена сопка выс. 6 м (45).

№ 395. Сопки, д. Малышево

Близ р. Белой расположено 3 сопки до 6 м выс. и вал (длинный курган?) (45).

Бассейн среднего течения Мсты и водораздел Мсты, Чагодощи и Мологи

№ 396. Длинный курган, Никандрово

Имеется курган дл. 45 м (1).

№ 397. Сопка, пог. Выдимир

Около погоста находится насыпь выс. до 8 м (45).

№ 398. Сопка, д. Шилово

На высоком берегу р. Кушеверы имеется сопка выс. ок. 6 м. Попорчена ямами. Рядом с ней жальник (45).

№ 399. Сопка, д. Захарьино

На берегу оз. Сопины находится сопка в 4 м. выс. Кругом нее ровик (45).

№ 400. Сопка, д. Горки

На земле д. Горки «в низине, покрываемой разливом р. Узмени... высится саж. на 4 курган-сопка, круглый, кверху суживающийся и оканчивающийся площадкой аршинов 5 в поперечнике». Курган раскопан. Кругом насыпи был ров до 0.7 м глуб. На глубине от верхней площадки 0.7 м встречены обломки черепков грубой глиняной посуды, углей и обожженные кости. На глуб. 0.7—2 м обнаружено несколько слоев золы. Ниже шел однородный песок. Раскопки склонов кургана, «не затронутые крестообразными рвами», открыли в 5—6 местах обломки горшков, угли и куски жженых костей и острые осколки кремневидных пород. Почти в основании кургана лежали остатки недогоревшего костра. Лес употреблен для костра сосновый и еловый крупных размеров. Положение угля и головень указывает, что костер был засыпан в полном разгаре. В золе под слоем угля собраны весьма крупные кремневидные камни (33, стр. 51).

№ 401. Сопки, оз. Люто

У устья речки Кадрицы расположены 2 насыпи в 0.5 км одна от другой, выс. до 3 м (1).

№ 402. Сопки, д. Теребня

Имеется один большой курган хорошей сохранности (I). Близ деревни расположены 4 сопки выс. до 6 м, одна копана, находили «кости и кольца» (45).

№ 403. Сопки, д. Шегрина гора

Близ деревни находятся 3 сопки выс. до 6 м. Испорчены погребами (43, стр. 41).

№ 404. Сопка, д. Березовик

Имеется сопка выс. 2.8 м. В насыпи заметны зольные прослойки и вкрапления угля, которые образуют большое кострище на материке (43, стр. 30).

№ 405. Сопка, мыза Совино

В 3 км от с. Перетно находится сопка «Поклонная гора» (43, стр. 29).

№ 406. Сопки, с. Перетно

На берегу озера находятся 4 сопки, они раскопаны (43, стр. 29).

№ 407. Сопка, д. Холм

Около деревни находится сопка до 10 м выс. (45).

№ 408. Сопки, с. Святое

Близ Мсты расположены 3 сопки от 1.4 до 4.3 м выс. Одна раскопана (45).

№ 409. Сопка, д. Лапошино

Близ реки имеются насыпи от 3 до 6 м выс. (45).

№ 410. Сопка, д. Онуфриево

На берегу Мсты находится сопка (большой курган) (I).

№ 411. Сопка, д. Путилино

Ниже деревни по Мсте (на 200 м) на правом берегу, на краю террасы, расположена сопка выс. 2 м. Часть сопки обваливается в реку (X).

№ 412. Сопки, дд. Тини—Сушанье

На берегу маленькой речки, впадающей в Мсту, расположено 9 курганов до 4 м выс. и ниже (45).

Между деревнями 5 сопок, выс. 6.8—8 м (43, стр. 40).

№ 413. Сопка, с. Передки

В 1 км от села в поле находится сопка, в которой прежде находили кости. В 300 шагах от сопки расположен бугор, называемый городком (засеян). Сопка раскопана, выс. 4.7 м, с другой стороны со склона холма — 8 м, диам. 25 м. На глуб. 0.35—0.9 м обнаружен ряд костяков. Под костями местами встречены следы дерева и около них вкрапления угля. Всего найдено 17 костяков. Дальнейшая раскопка велась колодцем. На глуб. 8.9 м обнаружен слой золы толщ. до 11 см (43, стр. 40).

№ 414. Сопки, д. Малые леса

Имеется 5 сопок от 4 до 6 м выс. Испорчены картофельными ямами (45).

№ 415. Сопки, д. Большие леса

При деревне 8 сопок от 4.7 до 7.8 м выс. Прочие (меньшие) распаханы (43, стр. 40).

№ 416. Сопки, д. Белавино

Имеется 7 курганов, из них один больших размеров, но на 3/4 снесен (I).

Близ деревни у оз. Пелена расположено 5 сопок выс. от 4 до 8 м. Две раскопаны «приезжими» (45).

№ 417. Сопка, д. Обречье

В 0.5 км от оз. Люта расположена сопка 4 м выс., рядом жальник (45).

№ 418. Сопка, д. Жуково

В районе д. Жуково и Осиновцы находятся 3 кургана, из них один 1.3 м выс., два других — 1.5 и 2 м выс. (1).

№ 419. Сопка, д. Любони

Рядом с деревней сопка. В ней устроены позднейшие могилы (43, стр. 34).

№ 420. Сопка, д. Подол

Сопка до 4 м. выс. (45).

№ 421. Сопка, д. Гриневая гора

На берегу р. Колодки стоит сопка 5.3 м выс. (45)

№ 422. Сопка, д. Овинец

На берегу р. Кобожи стоит сопка 4 м выс. (45).

На южной окраине деревни находится курган, выс. 4.3 м, сложен из песка и гравия. На нем стоит часовня (X).

№ 423. Сопки, д. Устрика

Около деревни имеются 3 сопки на одном берегу р. Увери и 3 на другом, выс. от 5.3 до 10 м., 3 раскопаны прежде. Из оставшихся раскопана одна. Выс. 7.4 м, диам. 24 м, в центре на глубине 0.5 м, найдены черепки горшка грубого без орнамента; рядом кучка золы. Глубже насыпь была насыщена зольными прослойками, местами встречаются линзы золы до 0.20 м мощности. Между ними песок. В основании — кострище до 0.23 м толщ. с большим количеством угля (43, стр. 41).

№ 424. Сопка, с. Львово

Близ села имеется сопка выс. 8 м (43, стр. 32).

№ 425. Сопка, с. Мошинское

В 400 м от деревни на дворе больницы на берегу р. Увери находится сопка 5.3 м выс. (45).

№ 426. Сопка, д. Меглицы

На берегу Увери стоит сопка около 8 м выс. Рядом жальник (45).

№ 427. Сопки, с. Кобожа

На СЗ от села в 1 км, на склоне к озеру Сухому, находятся две насыпи полусферической формы. Высота их около 3 м, сложены из песка. Одна повреждена (X).

№ 428. Сопка, д. Сопки

На мысу оз. Великого расположена сопка выс. 8 м по откосу (45).

№ 429. Сопки, д. Угол

В 200 м от оз. Великого и в 100 м от р. Великой находятся две сопки 3.5 и 5 м выс. (45).

№ 430. Сопки, д. Игнатьевско

Около 1 км от деревни по дороге в Якушино, в пустоши Бор, находятся 2 насыпи с уплощенными вершинами в 30 м одна от другой. Каждая обнесена рвом и валом, высота их до 4 м (X).

№ 431. Сопка, д. Базарово

В 150 м от деревни расположена сопка выс. ок. 3 м, повреждена ямами (X).

№ 432. Сопки, д. Сопки

На побережье оз. Меглино близ деревни находятся два кургана выс. до 3.8 м, в насыпи виден песок, гравий и галька, третий разрушен (X).

№ 433. Сопки, д. Семенкино

На мысу, вдающемся в оз. Меглино, расположены две сопки полусферической формы выс. 4.2 и 5.2 м (X).

№ 434. Сопка, д. Петрово

Близ б. усадьбы на берегу оз. Меглино расположена сопка до 4 м выс. (45).

Бассейн верхней Мологи и верхней Мсты

№ 435. Сопки, дд. Лукино—Угрюмова гора

К В от д. Лукино и с. Смердыни при Кременицком озере стоят 3 конусообразных сопки, поросшие соснами. Наибольшая имеет 6 м выс., окружность 26 м. В 60-х гг. XIX в. одна из них была разрыта, причем найдены: скелет, ножи и горшок. В 80-х гг. разрыли другую, но ничего не оказалось кроме угля и костей.

У д. Угрюмово близ озера имеется гора-сопка (34).

№ 436. Сопка, д. Дворищи

В кургане, находившемся близ деревни и имевшем до 8 м выс., при выемке песка обнаружено много человеческих костей, среди которых найдены остатки одежды и медная поясная бляшка сердцевидной формы (52, стр. 280).

№ 437. Сопка, д. Абакумово

В 1844 г. около д. Абакумовой несколько сопок было раскопано Ушаковым. Одна из них имела в высоту 6 м. Сожженные кости человека найдены в грунтовой яме. На поверхности материка лежали 4 камня, поставленные четыреугольником. В насыпи оказались позднейшие погребения. На вершине стоял камень. Там же в 1883 г. 3 сопки раскопаны Воронцовым. Найдены костяки в верхней части насыпи (52, стр. 280).

№ 438. Сопки, с. Сорогожское

1) При погосте Сорогожском на возвышенном левом берегу Сорогожи есть 3 земляных насыпи, раскопанные в 1840—1842 гг. Ушаковым.

2) При с. Сорогожском на левом берегу Сорогожи находятся 9 курганов: 1-й имеет окружн. 132 м, выс. 16.4 м; 2-й — окружн. 100 м, выс. 21 (?) м; 3-й — окружн. 85 м, выс. 19 (?) м; 4-й — окружн. 76 м, выс. 3 м, 5—9-й — до 1 м выс. Из больших насыпей одна раскопана Ушаковым в 1842 г. (34).

№ 439. Сопки, д. Маслово

В 1 км от деревни находится 8 курганов, тянущихся от ЮЗ к СВ, высота их от 2 до 8 м (34).

№ 440. Сопки, д. Парьево

При деревне 7 сопок, находящихся на возвышенном левом берегу оз. Парьево. Среди них одна имеет 12 м выс., другая 16 м. Остальные меньше.

К СВ от этой же деревни находится еще одна сопка до 20 м окружн. и 6 м выс. (34).

№ 441. Сопки, д. Рыжное

В 600 м от деревни на высоком берегу Иловицы расположены 7 сопок, тянущихся цепью с ЮЗ на СВ. Четыре из них имеют высоту более 10 м, остальные — от 2 до 4 м высоты (34).

№ 442. Сопки, д. Бирюльки

При деревне на низменном левом берегу оз. Фальково имеются 2 сопки; 1-я — окружн. 92 м, выс. 10 м; 2-я — окружн. 76 м, выс. 6 м. Первая копана (34).

№ 443. Сопки, д. Белохово

В 1 км от деревни и в 600 м к В от южного берега оз. Наволок расположены цепью 5 курганов, высотой по откосу от 6 до 15 м (34).

№ 444. Сопка, д. Жизнево

Около Мсты находится курган выс. 4 м, окружн. 30 м; находят кости (45).

№ 445. Сопки, длинные курганы, Березовский рядок

Около деревни расположены 2 сильно попорченных сопки и курганная группа. Раскопано 5 насыпей, в том числе одна длинная.

Курган № 1. Диам. 8.5 м, выс. 0.5 м. В насыпи ничего не обнаружено.

Курган № 2. Диам. 11.5 м, выс. 0.45 м. В насыпи найдены угольки. В юго-западном секторе, в 2 м от центра, встречена груда пережженных костей.

Курган № 3. Диам. 14 м, выс. 0.3 м. В юго-восточной поле, в 3.5 м от центра, на материке стоял горшочек с костями петуха.

Курган № 4. Диам. 8.5—9.5 м, выс. 0.35 м. Под дерном в юго-западной поле найдено около 20 пережженных косточек, они же рассеяны по всей южной поле насыпи. Под центром насыпи оказалась яма, в ней найдены угольки и зола, оставшиеся от сожжения.

Курган № 5. Дл. 28 м, шир. до 5.3, выс. 1 м. Курган рскопан широкой продольной траншеей (шир. 1.7 м) и небольшой поперечной. Северная часть насыпи длиной 4 м осталась нераскопанной. Погребенная почва прослежена под всей насыпью. Поперечной траншеей захвачены 4 груды жженых костей и пепла. Две из них находились под дерном, одна в толще насыпи и одна на материке. В первой найдены железный нож, медная выпуклая бляшка от пояса на железном стержне и 2 королька стекляных бус; в третьей — нож железный меньших размеров, 4 обломка железного шила и два

королька бус. В пятой груде, поодаль, встречено еще одно скопление костей, в нем найдены 5 обломков, железной обивки от пояса, зеленая стеклянная бусинка, 4 королька бус и 9 обломков пластин с орнаментом (57, стр. 12).

№ 446. Сопка, д. Глиненец

Между двух озер стоит сопка, выс. 6 м, повреждена ямой, при рытье которой находили кости (45).

Бассейн верхней Мсты (левые притоки) и водораздел Мсты и Полы

№ 447. Сопки, д. Сопки

«Несколько верст отсюда [от д. Плотишно] встречается погост Турна, близ коего лежит деревня Сопки, имеющая сие название от двух сопок, внутри оной находящихся...

Близ самых сопок по дороге к ст. Речки переезжал я речку Валдайку, которая и здесь также высокие имеет берега. По сей дороге встречается 9 сопок вправо и столько же с левой стороны» (48, стр. 29).

№ 448. Сопки, с. Миронеги

Близ села имеются 2 группы высоких насыпей. В одной 13, а в другой 8 курганов до 12 м выс. Крупные насыпи обложены по основаниям кольцом из валунов в 3—4 ряда. Две насыпи раскопаны.

Сопка № 1. Разм. 12.5 м, диам. 19(?) м; на глуб. 0,7 м от поверхности обнаружен слой песка.

Сопка № 2. Выс. 3.15 м, диам. 24 м; в основании насыпи на 0.7 м выше материка обнаружено 3 кострища с остатками жженых костей животных и человека (36, стр. 18).

№ 449. Сопки, г. Валдай (близ города)

Близ города в 1892 г. П. А. Путятиным раскопаны 3 сопки выс. до 4 м и одна вдвое больших размеров. В одной из меньших сопок обнаружена «каменная обложка», и насыпь была подостлана слоем речного песка. Большая конусообразная сопка имела площадку на вершине. На глуб. 2 м найдены кальцинированные кости, в том числе кость медведя; вместе с ними найдены железный нож, кремень и черепки (36, стр. 18).

№ 450. Сопки, д. Загорье

На правом берегу р. Поломети стоят 3 насыпи от 2 до 20 (?) м выс. (45).

№ 451. Сопка, д. Мосеевичи

Имеется насыпь выс. 4 м (45).

№ 452. Сопки, Ядрово

«...много сопок, отчасти уже раскопанных, находится близ г. Валдая» (36, стр. 18).

№ 453. Сопки, с. Селище

Около села на обоих берегах р. Березайки имеются сопки выс. от 10 до 24(?) м (45).

№ 454. Сопки, д. Велье

Известны насыпи в разном расстоянии одна от другой, тянущиеся по направлению к Демянску по берегу озера Велье. С дороги заметны 5 насыпей (XXII-е).

№ 455. Сопка, д. Бураково

Около оз. Велье стоит сопка выс. 6 м (45).

№ 456. Сопка, д. Ветошь Сухая

Около деревни находится сопка выс. 12 м, другая расположена в 2.5 км за деревней (45).

Бассейн Тверцы

№ 457. Сопка, дд. Дерева и Острецово

Имеется одна сопка диам. 60 м, выс. 6 м (34).

№ 458. Сопка, д. Поддубье

Имеется курган выс. 4 м, конусообразный (45).

Бассейны верховьев Мсты и Мологи

№ 459. Сопки. ст. Заречинская

Сопки близ ст. Заречинской раскапывались слушателями Археологического института (36, стр. 18).

№ 460. Сопка, д. Любинец

Сопка выс. 10 м, раскопана П. А. Путятиным в 1879 г. У подошвы находились разной величины валуны. Насыпь сложена из слоев песку и угля. На разных горизонтах, на глуб. 2.5 и 9 м от вершины, встречено 3 кострища. На двух первых найдены кости лошади, собаки и домашней птицы. Третье кострище, лежащее на материке под толстыми наслоениями угля и белого песка, представляло собой массу пережженных человеческих костей. Его сопровождал слой истлевшего дерева. Найдены кремневые пластинки и осколки (52. стр. 240).

№ 461. Сопки, д. Подшевелиха

По берегу оз. Двинец расположены цепью 3 сопки и 4-я поодаль от них.

Сопка № 1. Выс. 16—20 м, рядом расположен курганный могильник.

Сопка № 2. На берегу ручья, выс. 16 м. В полах находили кости и медный тельник XII—XIII в. Найден также ромбический надмогильный крест.

Сопка № 3. Выс. 18 м. В вершине яма. Сопку раскапывал П. А. Путятин. Найден медный образок и «медаль» с надписью «Борис-воин».

Сопка № 4. Сильно попорчена. Выс. ок. 8 м, окружн. 60 м. Вдоль озера по кряжу возвышенности расположено около 10 курганов. В трех раскопанных обнаружены трупосожжения и зольные прослойки. У подошвы 3-й сопки Ширинским-Шахматовым обнаружен могильник, причем вскрыты десятки костяков; вещи XI—XII вв. (Федовский могильник) (56, стр. 5).

№ 462. Сопка, с. Березки

Близ оз. Имоложье находилась сопка (56, стр. 5). Вокруг с. Березки находилось около 10 «огромных» сопок (34).

№ 463. Сопка, д. Поляны

В 1.5 км от деревни, близ дороги, расположена сопка выс. 6 м, окружн. 77 м (34).

№ 464. Сопка, д. Козикино

В 0.5 км ниже перевоза через Мсту, на правом берегу, находится сопка больших размеров, бока осыпаются (56, стр. 11).

№ 465. Сопки, с. Млево

В селе находится сопка выс. 3.5 м. Близ села расположены 3 сопки выс. до 4 м (34, 56, стр. 11).

№ 466. Сопка, ст. Мста

Недалеко от станции на левом берегу Мсты, на холме, подмываемом рекой, находится сопка больших размеров, бока осыпаются (56, стр. 11).

№ 467. Сопки, б. усадьба Крестовское

В местности, называемой «Бор», имеются два конусообразных кургана до 6 м выс. (34).

№ 468. Длинные курганы, д. Пуйга

Близ деревни (25 км к С от оз. Мстино) имеются два длинных кургана (сообщено П. Н. Третьяковым).

№ 469. Сопка, д. Дудиха

Две сопки находятся на берегу оз. Ольшева в расстоянии 50 м одна от другой, выс. до 10 м; поблизости находят человеческие кости. Третья сопка расположена в 1.5 км отсюда на низменном месте при оз. Почаеве, выс. 12 м, окружн. 85 м (34).

№ 470. Сопки, д. Федово

В 0.5 км от деревни находятся 2 больших конусообразных кургана: 1-й — выс. 12 м, окружн. 80 м; 2-й — выс. 12 м, окружн. 83 м (34).

№ 471. Сопка, д. Границы-Федово

На поле находится курган диам. 16 м, выс. 4 м. Частично раскопан (34).

Бассейн верхнего течения Мологи

№ 472. Сопки, д. Кулачиха

На берегу р. Тихвины находятся 2 кургана; 1-й — 6 м выс., 20 м окружн.; 2-й — почти вдвое больше первого (34).

№ 473. Сопки, д. Лежа

Близ деревни две сопки; на одной из них часовня; высота сопки 6 м, окружн. 60 м, другая раскапывалась, причем находимы были человеческие кости (34).

№ 474. Сопки, д. Воронцово

Близ деревни находятся 12 сопок, расположенных неподалеку одна от другой; из них пять от 3 до 4 м выс. и семь от 6 до 8 м выс. В вершинах есть ямы.

Сопки находятся на песчаном невысоком берегу р. Волчины. Место между ними и рекой исстари зовется «Жилищем». Берег, подмываемый водой, усыпан черепками глиняной посуды, пережженными кусками глины и мелкими костями. Около сопок видны кольцеобразные круги из камней без насыпей. Из этих сооружений добывали иногда горшки с углями и обломками жженых костей. Каменные основания имеются не у всех сопок (Отеч зап., 1843, т. XXXI, стр. 83).

Сопки раскапывались Ушаковым в 1838 или 1839 г. «Песок смешан с камнями, около подошвы показался ряд крупных камней, сверху обожженных, под ним длинная пустота с полдня на север... вынутая из пустоты земля показала признаки жжения, золу, смешанную с белым чистым песком. Должно думать, что пустота образовалась от свода из дерева и других гниющих материалов. Но вещей не найдено ничего». Далее, в одной сопке найден остов женщины с головным убором из «височных колец» и другие вещи и горшок «дурной работы».

«Раскопав другую сопку, Ушаков встретил слой песку, остатки растительного и животного угля, множество разбросанных костей человека и животных и кусков от многих черепов и лошадиный зуб из верхней челюсти. Ушаков думает, что ниже есть погребенный мужчина, а горелые остатки — кости или неприятелей или жертв над могилой героя... В 3-й сопке тоже неглубоко от вершины найдены перегорелые остатки человеческой головы, сожженной в полном уборе, стеклянные и металлические вещи стопились в сплавки, в которых заметны горелые зубы и другие кости; тут же остаток медного украшения вроде венца, но местами расплавленного... В четвертой, самой большой сопке, за 2 года до исследования Ушакова, найден горшок с костями младенца; на черепках узор: три горизонтальных черты, 3 поперечных черты и т. д. вокруг» (34).

№ 475. Сопка, с. Треть

В самом селе находится круглая сопка выс. 8 м (34).

№ 476. Сопка, д. Шептуново

В 200 м от деревни в поле есть круглая сопка выс. 6 м (34).

№ 477. Сопка, д. Поддубье

На берегу оз. Молдина расположена сопка выс. 10 м, окружн. 37 м (45).

Водоразделы верховьев Мсты и Мологи

№ 478. Сопки, д. Мерлугино

В 600 м от деревни на южном берегу оз. Песва расположены две сопки: 1-я — окружн. 35 м, высота по откосу 6 м, раскопана кладоискателями; 2-я — окружн. 80 м, высота по откосу 14 м. На расстоянии 20 м от обеих сопок, ближе к озеру, находится «покрытая густым слоем камня, но нисколько не возвышенная местность, имеющая 80 саж. в окружности», называется могилищем (34).

№ 479. Сопка, пог. Никольско-Удомельский

В 800 м от погоста и в 80 м от оз. Удомли стоит сопка окружн. 80 м, выс. по откосу 8 м (34).

№ 480. Сопка, д. Удомельский ряд

В 1 км от деревни и берега оз. Удомли к В от последнего, на берегу р. Мушинки, стоит курган 60 м окружн. и 6 м выс. по откосу, верхушка коническая (34).

Бассейн Мологи

№ 481. Сопки, д. Мокшицы

На мысу, образованном речкой Мокшицей и старицей Мологи, начинаются курганы, тянущиеся цепью до деревни и далее за деревню к С. Часть курганов снесена. Группа состоит из курганов средних размеров и из больших конусообразных (до 18 шт.), выс. 5—6.5 м (XIX).

№ 482. Сопки, пог. Бежицы

На южном берегу оз. Верестова расположено 5 групп курганов. 1-я состоит из 6 сопок до 6 м выс., расположенных цепью. Их копал Ходаковский. 2-я находится на правом берегу ручья Голодушинского и состоит из 5 сопок, расположенных цепью, выс. до 5 м. Рядом находится более 30 мелких курганов (раскопаны), остальные 3 группы состоят из небольших насыпей, уцелевших лишь частично (42, стр. 12).

«В Бежицах в одной огромной сопке часто попадалась зола, перегоревшие косточки человеческие и угли; во 2-й ближе к озеру было то же самое» (60, стр. 73).

№ 483. Сопка, с. Подобино

Близ села находится курган диам. 100 м, выс. ок. 13 м (34).

№ 484. Сопка, с. Боженки

В сопке, расположенной в селе и имевшей до 10 м выс., при раскопках Воронцова в 1860 г. найдены были почти на самой вершине дубовые угли и два скелета (52, стр. 281; 15, стр. 6).

№ 485. Сопки, пог. Узмень

На восточном берегу оз. Верестово в одной группе находится 9 сопок выс. 8 м и 13 малых курганов, раскапывавшихся в 1872 г. Европеусом (42, стр. 13).

№ 486. Сопки, дд. Рашины-Нивы

13 огромных крутобоких сопок Волховского типа отмечены между Рашиным и Нивами (42, стр. 14).

№ 487. Сопки, д. Орлов Городок

На правом берегу р. Могочи находится несколько сопок выс. от 4 до 10 м (34).

№ 488. Сопки, д. Малая Мотоложа

Вдоль реки с С на Ю, охватывая деревню дугой, тянется ряд насыпей от 6 до 8 м выс. Одна разрыта. Найдены кости, черепки и горшки с углями (34).

№ 489. Сопки, пог. Белый

На погосте в 30 м от деревянной церкви и в 300 м от реки стоял конусовидный курган выс. 10 м, окружностью до 60 м. «В настоящее время [1903 г.] трети этого кургана уже нет». В насыпи находили пряжечки и другие мелкие железные вещи, которые утрачены (34).

№ 490. Сопки, д. Уменицы

Свыше 1 км от деревни, на левом берегу р. Середы, находится курган «Князева гора» выс. 8—10 м, в нем находили ножи и «бруски» (34).

№ 491. Сопки, д. Пестово

Близ Мологи имеется 6 групп курганов, в пяти из них находятся сопки «волховского типа». Наибольшая имеет 15 м выс., остальные поменьше; часть из них разрушается (XI).

№ 492. Сопка, д. Полонское

В 0.25 км от деревни находится одна сопка. «Курган на р. Мологе при д. Полонской обращает на себя внимание по величине. Окружность до 200 м, выс. до 20 м (!)» (34).

Бассейн Чагодощи

№ 493. Сопка, с. Петровское

На берегу р. Кобожи находятся сопка выс. 8.5 м и рядом 7 курганов до 1.4 м выс. (45).

№ 494. Сопка, пог. Трубицын

На берегу р. Ратцы находится сопка выс. 4—6 м, рядом с ней жальник (45).

№ 495. Сопка, с. Анисимово близ пог. Волокославинского

В 0.5 км от с. Анисимова на северном берегу оз. Боровского имеется один большой курган «волховского типа». Выс. ок. 6 м, диам. 20 м. Сильно испорчен кладоискателями. Зачистка кладоискательской ямы до основания насыпи обнаружила чистый желтый песок с вкраплениями углей, а у основания — слой крупных углей. «Здесь р. Воложба и р. Чагода (с. Анисимово стоит на берегу р. Чагоды) наиболее сближаются между собой и, несомненно, здесь некогда действительно существовал Волок» (39, стр. 52).

№ 496. Сопки, шлюз Варшавский

Имеется 6 сопок (40, стр. 143).

№ 497. Сопки, р. Городенка

На реке расположены 2 сопки (40, стр. 143).

№ 498. Сопка, с. Смердомля

Близ села имеется сопка, лет 40 назад копавшаяся кладоискателями. Невдалеке от сопки находится курганная группа (IV).

№ 499. Сопки, с. Избоищи

Близ села на р. Кобоже находятся 3 высоких кургана, и 1 курган расположен в лесу. Раскопан один из прибрежных. Окружн. 80 м, выс. «от подошвы» 10 м. Раскопка велась траншеей. Почти вся поверхность кургана была покрыта большими камнями, из которых многие имели вид плиты. В насыпи найден точильный брусок, на глуб. 0.17 м — множество костей, в том числе черепа, как бы пробитые тупым оружием. В насыпи обнаружен толстый пепельно-угольный слой и остатки истлевшего дерева, стоявшего вертикально. В середине насыпи обнаружен второй угольный слой и 2 черепка от горшка (18, стр. 6).

№ 500. Сопки, с. Белые Кресты

Близ села находятся 4 сопки. 2 свезены на починку дороги (IV).

№ 501. Сопки, с. Мегрино

Курганная группа находится на левом высоком берегу р. Чагоды невдалеке от ручья Скородумчик. Всего имеется 7 насыпей, стоящих разрозненно, выс. их 0.5—4 м при диам. 6—20 м (IV).

Нижнее течение Мологи

№ 502. Сопки, д. Бодачево

1) Сопка расположена на берегу р. Рени, на пойме, близ подошвы высокой надпойменной террасы. Сопку раскапывал б. заведующий Весьегонским музеем Виноградов. Найдены впускные погребения, повидимому, XI в.; на поверхности сопки, по рассказам крестьян, найден был крест-тельник.

2) На правом берегу р. Рени в низменности находятся остатки сопки, раскопанной в давнее время (XX и 2).

№ 503. Сопка, д. Юрьевская

Сопка расположена в 200 м на С от деревни. Выс. 5.7 м, диам. 33.4 м, вблизи находится несколько небольших курганов (XX и 2).

№ 504. Сопка, с. Прозорово

Остаток сопки находится на правом берегу речки Редьмы на пойме, высота которой 0.5 над уровнем речки. Сопка частично раскопана траншеей и обвалилась. При раскопках был найден железный топор (XX и 2).

№ 505. Сопка, д. Перекладная

Сопка находится на левом низменном берегу р. Яны к З от деревни. Выс. 4—5 м; раскопок не производилось, насыпь не повреждена (XX и 2).

№ 506. Сопка, д. Заречье

Сопка находится на левом низменном берегу Яны, против деревни, у самой реки. Высота приблизительно 4—5 м, диам. 20 м. Раскопана поперек широкой траншеей (XX и 2).

Верхняя Волга

№ 507. Сопка, пог. Овселуг

Курган находится за огородами, выс. 3 м, диам. 12 м. Траншеей обнаружен зольный слой основания и тонкая горизонтальная прослойка золы в насыпи. Найден будто бы наконечник копья (12, стр. 98).

№ 508. Сопки, д. Нечаева

Около деревни находится 5—6 курганов до 2 м выс. (12, стр. 99).

№ 509. Длинные курганы, д. Изведова

В 1903 г. длинные курганы у д. Изведовой раскапывались Колосовым.

Курган № 1. Шир. 4—5 м, дл. до 40 м, насыпь прерывалась пятью седловинами. Раскопки обнаружили следы трупосожжений.

Курган № 2. Дл. ок. 10 м. В нем, а также в находящихся рядом круглых курганах обнаружен тот же обряд погребения. В том же районе, в уроч. Богатырь, раскопан курган разм. 16.5 × 6.4 × 2.8 м, содержавший кострище (16, стр. 259; 52, стр. 292).

№ 510. Сопка, пог. Сиг

Сопка «новгородского типа» была раскопана в 1878 г. Находок никаких не оказалось (52, стр. 280; 17, стр. 84).

№ 511. Сопки, д. Казнаково

На правом берегу Волги расположено два больших кургана (34).

№ 512. Длинные курганы, пог. Коша

Имеются курганы овальной и продолговатой формы выс. до 2 м, против них на левом берегу реки расположен длинный пологий курган (34).

№ 513. Длинные курганы, г. Зубцов — д. Алешино

Близ дороги имеются длинные курганы, всего 2—3 насыпи до 6 м дл. (XXII-д).

№ 514. Сопка, с. Николо-Пустынь

В 240 м от села в поле при безымянном ручье стоит сопка выс. 4 м, коническая со срезанной верхушкой (34).

№ 515. Сопка, д. Воскресенская

Недалеко от деревни к В в поле расположен конический курган окружн. 23 м, выс. 25.7 м (34).

№ 516. Удлиненный курган, д. Боровая

В 200 м от левого берега Волги расположены удлиненные курганы 12 × 6 × 2 м, поверхность усеяна булыжником (30, стр. 88).

№ 517. Сопки, д. Урцово

Против деревни на левом берегу Волги находятся 2 полусмытые Волгой сопки (30, стр. 91).

№ 518. Сопка, с. Воеводино

В 0.5 км вниз по Волге на высоком берегу находится больших размеров сопка (30, стр. 88).

№ 519. Сопки, д. Дуденево

В 0.5 км от деревни расположено до 14 больших сопок. Самая большая насыпь имеет окружн. 80 м и выс. 6 м. Другая окружн. 40 м и выс. 4 м, остальные насыпи меньше (34).

№ 520. Удлиненные курганы, с. Кузьминское

При разведках на строительстве канала Волга — Москва О. Н. Бадером отмечено несколько удлиненных курганов близ села (сообщено О. Н. Бадером).

№ 521. Удлиненные курганы, д. Митино

На правом берегу Волги, ниже устья р. Куксы, раскопан невысокий удлиненный курган, содержавший 2 трупосожжения. Одно из них сопровождалось лепным горшком баночной формы, а другое несколькими бусами, оплавленными, в том числе желтыми пастовыми IX—X вв.

Курган находился на остатках разрушенной дюны (сообщено П. Н. Третьяковым).

№ 522. Удлиненные курганы, д. Охотино

«Особый характер имеет могильник у д. Охотино. Курганы напоминают по форме современные могилы, но имеют размеры 10 × 4.5 × 1.5 м. Среди них имеются и обыкновенные курганы, диаметром 2.5—3.5 м и 0.6 м высоты» (2, стр. 162).

Белое озеро

№ 523. Сопки, д. Росляково

Возле деревни находится 2 кургана: 1-й, называемый «Меленки», окружн. до 200 м, выс. до 6 м и 2-й «Синеусов», окружность та же, выс. до 8 м. В 1 км отсюда, у д. Бутакова имеется сопка до 5 м выс., наполовину снесенная. Раскопки первых двух насыпей не дали никаких результатов (61). В настоящее время сопка Меленки не существует, а от Синеусова кургана уцелели только западная и восточная полы (сообщено П. А. Суховым).

Река Суда

№ 524. Сопки, с. Никольское

1) На левом берегу р. Колпицы, недалеко от впадения ее в Суду, близ села находятся 3 сопки выс. 3—4.5 м при диам. 14—18 м. Поодаль расположена курганная группа из 10 насыпей.

2) На СВ от с. Никольского, на левом берегу Суды, против острова, находится 5 сопок до 4.5 м выс. На З от этой группы имеются еще 2 насыпи 1.20 и 2.5 м выс. при диам. 8.50—11 м (сообщено Г. П. Гроздиловым).

№ 525. Сопки, пог. Ильинско-Преображенский

К Ю от погоста среди пашни имеется несколько сопок, видных с дороги. Некоторые поросли лесом (сообщено Г. П. Гроздиловым).

Река Чагодоща

№ 526. Сопка, район д. Горка

Недалеко от речки Мережи, в поле, стоит небольшая сопка, называемая «Князева голова» (сообщено Г. П. Гроздиловым).

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПУНКТОВ

(с. — сопки; д. к. — длинные курганы; цифры указывают порядковый номер памятника)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Абрамов А. Раскопки в Смоленской губ. 1905 г. Зап. Отд. русск. и слав. археол., VII, вып. 1.
2. Археологические работы на новостройках 1932—1933 гг. I. М.—Л., 1935.
3. Бернштам В. Л., Васильев И. И. и Кислинский А. М. Дневник раскопок близ дер. Муравичи. Древности, X.
4. Бранденбург Н. Е. Курганы южного Приладожья. Матер. по археол. России, № 18.
5. Васильев А. К материалам для археологической карты Псковской губ. «Изучай свой край», вып. 3. Псков.
6. Гамченко С. Исследование курганов у дер. Сытенки. 1908 г. Зап. Отд. русск. и слав. археол., IX.
7. Глазов В. Н. Отчет о раскопках в Псковской губ. 1901—1902 гг. Зап. Отд. русск. и слав. археол., V, вып. 1.
8. Глазов В. Н. Отчет о раскопках в Смоленской губ. Зап. Отд. русск. и слав. археол., VII, вып. 2.
9. Глазов В. Н. Отчет о раскопках в Опоченском и Новоржевском уезде. Зап. Русск. археол. общ. (Тр. Отд. русск. и слав. археол.), XII, вып. 1—2.
10. Глазов В. Н. Раскопки близ погоста Лыбуты. Изв. Археол. ком., 15.
11. Глазов В. Н. Отчет о поездке 1903 г. в Крестецкий уезд. Изв. Археол. ком., 6.
12. Глазов В. Н. Отчет о раскопках на верхней Волге и в Демянском уезде. Зап. Отд. русск. и слав. археол., VII.
13. Данилов И. Г. Раскопки слушателей Археологического института. Сб. Археол. инст., III.
14. Ивановский Л. К. Материалы для изучения курганов и жальников Новгородской губ. Тр. II Археол. съезда, т. II, СПб.
15. Известия Московского общества любителей естествознания, XLIX, вып. 3. Протоколы.
16. Антропологическая выставка. 1879 г., т. II. Изд. Моск. общ. любит. естествозн.
17. Антропологическая выставка. 1879 г., т. III. Изд. Моск. общ. любит. естествозн.
18. Калачев Н. В. Об осмотре слушателями Археологического института памятников древностей и их работах в архивах. Сб. Археол. инст., V, вып. 1.
19. Колосов. Длинные могилы. Тр. II Обл. тверск. археол. съезда. Тверь, 1906.
20. Колмогоров А. И. Тихвинские курганы. Тр. XV Археол. съезда, т. I.
21. Крейтон В. Н. Археологические разведки и раскопки в Псковской губ. в 1912 г. Тр. Псковск. археол. общ., вып. 9, Псков, 1913.
22. Крейтон В. Н. Археологические разведки и раскопки в Псковской губ. в 1913 г. Тр. Псковск. археол. общ., вып. 10, Псков, 1914.
23. Кудряшев К. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде. Зап. Отд. русск. и слав. археол., IX.
24. Любомиров П. Отчет о раскопках в Новгородской и Тверской губ. Зап. Отд. русск. и слав. археол., IX.
25. Ляўданскі А. Н. Археологічн. досьледы у вадазборах р.р. Сожа и др. Працы. Арх. Кам. II.
26. Ляўданскі А. Н. Археологичні, досьледы у Віцебской Акр. Працы, III.
27. Ляўданскі А. Н. Археологічн. досьледы у Полацкай Акр. Працы, II.
28. Ляўданскі А. Н. Хроніка. Працы, III.
29. Лявданский А. Н. Материалы для археологической карты Смоленской губ. Тр. Смоленских Гос. музеев, вып. 1, 1924.
30. Макаренко Н. Е. Поездка по верхнему течению р. Волги. Изв. Археол. ком., вып. 6.
31. Мелкие сообщения. Зап. Русск. археол. общ., X, вып. 1—2.
32. Окулич-Казарин Н. Ф. Материалы для археологической карты Псковской губернии. Тр. Псковск. археол. общ., вып. 10, Псков, 1914.
33. Передольский В. С. Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья и земель Велико-Новгородского державства каменного века. СПб., 1893.
34. Плетнев В. А. О курганах и городищах в Тверской губернии. Тверь, 1884.
35. Производство археологических раскопок. Отчеты Археол. ком., 1860.
36. Производство археологических раскопок. Отчеты Археол. ком., 1893.
37. Производство археологических раскопок. Отчеты Археол. ком., 1901.
38. Прохоров В. А. О раскопке курганов близ Бологова. Сб. Археол. инст., III.
39. Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и ЮВ Приладожье. Изв. ГАИМК, № 94, 1934.
40. Raudonikas W. Die Normannen der Vikingerzeit und das Ladogagebiet. Stokholm, 1930.
41. Репников Н. И. Поездка в Старую Ладогу. Зап. Отд. русск. и слав. археол., V, вып. 2.
42. Репников Н. И. Отчет о раскопках в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 г. Изв. Археол. ком., вып. 6.
43. Рерих Н. К. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. Зап. Отд. русск. и слав. археол., V, вып. I.
44. Рерих Н. К. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. Зап. Русск. археол. общ. (Тр. Отд. Русск. и слав. археол.), XI.
45. Романцев И. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911.
46. Савін Н. І. Раскопкі кургаиоў у Дарагабуск. и Ельнінск. паветах. Працы, II.
47. Сведения 1873 г. о городищах и курганах. Изв. Археол. ком., вып. 5.
48. Севергин. Продолжение записок путешествия. 1804.

49. Сербау I. А. Археологічн. памнікі Дубровенского раену Аршанск. окр. Працы, II.
50. Сизов В. И. Отчет о раскопках в Смоленской губ. Отчеты Археол. ком. за 1901 г.
51. Соколов. Журнал раскопок в Лыбутской местности. 1878 г. Псковские губ. вед. 1879, № 11, и отдельный оттиск.
52. Спицын А. А. Обозрение некоторых губерний в археологическом отношении. Зап. Русск. археол. общ. IX, вып. 1—2.
53. Спицын А. А. Раскопки 1910 г. в Лужском уезде. Изв. Археол. ком., вып. 53.
54. Спицын А. А. Литовские древности. Epe Lituana, lib. III.
55. Спицын А. А. Археологический альбом. Зап. Отд. русск. и слав. археол., XI.
56. Тихомиров И. А. Поездка на р. Мсту. Зап. Отд. русск. и слав. археол., V, вып. 1.
57. Тищенко А. В. Отчет о раскопках 1910—1911 гг. в Новгородской губ. Изв. Археол. ком., 53.
58. Указатель памятников. Российский исторический музей. М., 1893.
59. Ходаковский З. Д. Отрывок из путешествия. Русск. историч. сборн. под ред. Погодина, III, М., 1838.
60. Ходаковский З. Д. Донесение об успехах. Русский историч. сб., VII, М., 1844.
61. Шевырев С. Поездка в Кирилло-Белозерский край. М., 1850.
62. Шутау С. С. и Улашчык М. М. Археологічн. разведкі на ніж. Сьвіслочы. Працы, III.
63. Эварницкий Д. И. Великолуцкие курганы. Тр. VIII Археол. съезда, т. III.

II. МАТЕРИАЛЫ АРХИВА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА АН СССР.

I. Адрианов В. С. Отчет об обследовании Боровичского округа. 1928, № 107.
II. Артамонов М. И. Отчет об обследовании по р. Ловати. 1928, № 111.
III. Баранов. Отчет об обследовании Холмского района. 1928, № 110.
IV. Гроздилов Г. П. Отчет об обследовании Череповецкого окр., 1929, № 126.
V. Гроздилов Г. П. и Чернягин Н. Н. Отчет об обследовании Лужского района. 1927, № 107.
VI. Иванов. Отчет об обследовании Гдовского района. 1928, № 115.
VII. Иессен А. А. Очет об обследовании Кингисеппского и Лужского районов, 1927, № 109.
VIII. Коншевский Б. А. Отчет об обследовании в Псковском округе. 1928, № 117.
IX. Коншевский Б. А. и Чернягин Н. Н. Отчет об обследовании в Псковском округе. 1929, № 124.
X. Поршняков. Отчет об обследовании Боровичского окр. 1928, № 108.
XI. Равдоникас В. И. Очет об обследовании в Устюженском у. 1925, № 213.
XII. Холмский. Отчет об обследовании Холмского района. 1928, № 109.
XIII. Чернягин Н. Н. Очет об обследовании по р. Волхову. 1929, № 122.
XIV. Чернягин Н. Н. Отчет об обследовании в Демянском и Лычковском районах. 1931, № 779.
XV. Шульц П. Н. Отчет об обследовании Гдовского района. 1928, № 114.
XVI. Шульц П. Н. и Гроздилов Г. П. Отчет об обследовании Лужского района. 1927, № 106.
XVII. Ячин. Отчет об обследовании Опочецкого района. 1928, № 116.
XVIII. Ячин. Отчет об обследовании Опочецкого района. 1929, № 125.
XIX. Синицын. Материалы для археологической карты р. Мологи. 1924.
XX. Материалы обследования Средволгостроя (Третьяков П. Н., Шмидт А. В., Чернягин Н. Н.).
XXI. Пономарев В. С. Новгородские сопки (статья в рукописи).
XXII-а. Архив А. А. Спицына № 61.
XXII-б. Архив А. А. Спицына № 63.
XXII-в. Архив А. А. Спицына № 94.
XXII-г. Архив А. А. Спицына № 218.
XXII-д. Архив А. А. Спицына № 377.
XXII-е. Архив А. А. Спицына № 376.

N. ČERNIAGIN

LES „TUMULUS LONGS“ ET LES „SOPKI“

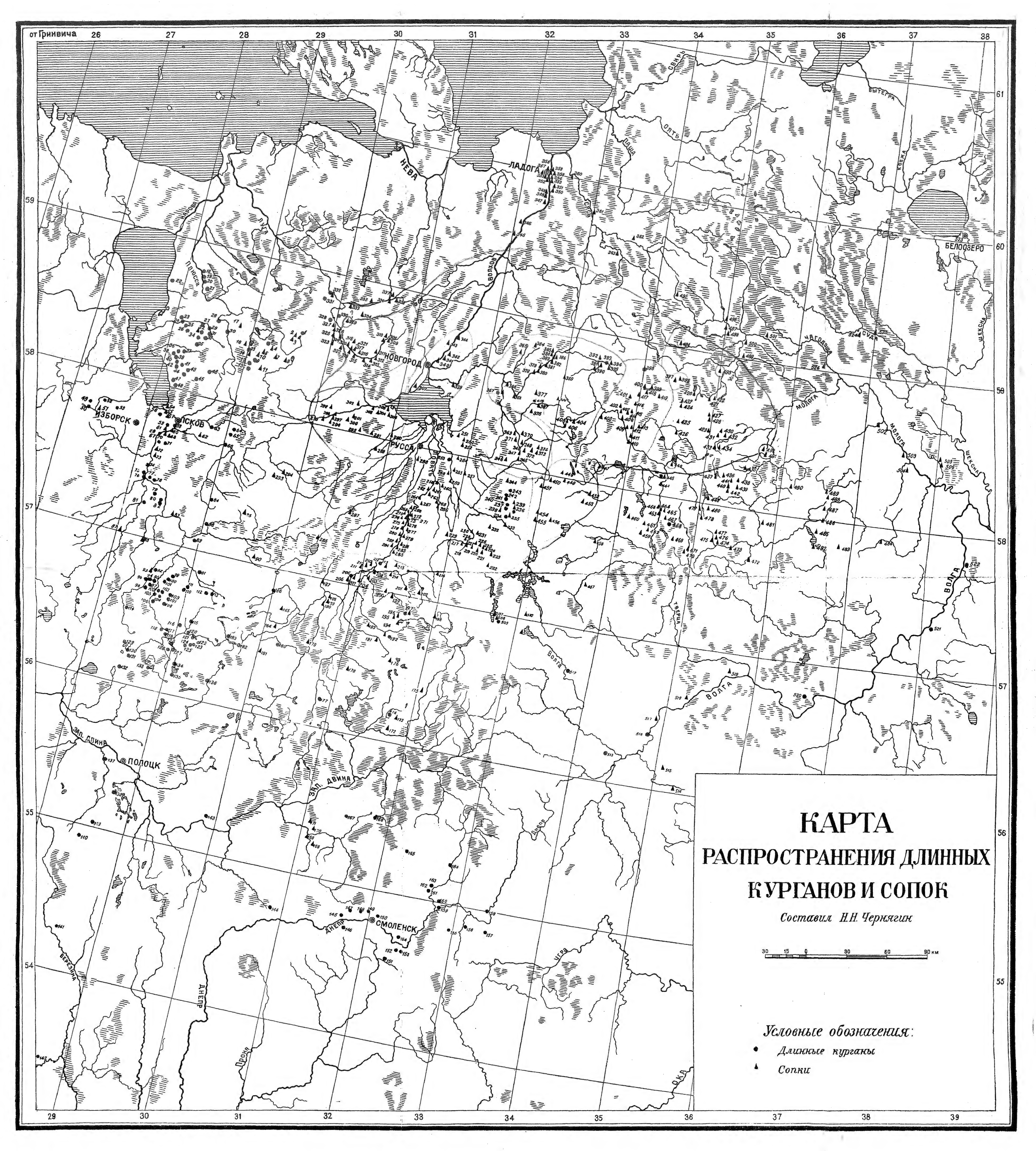
(Résumé)

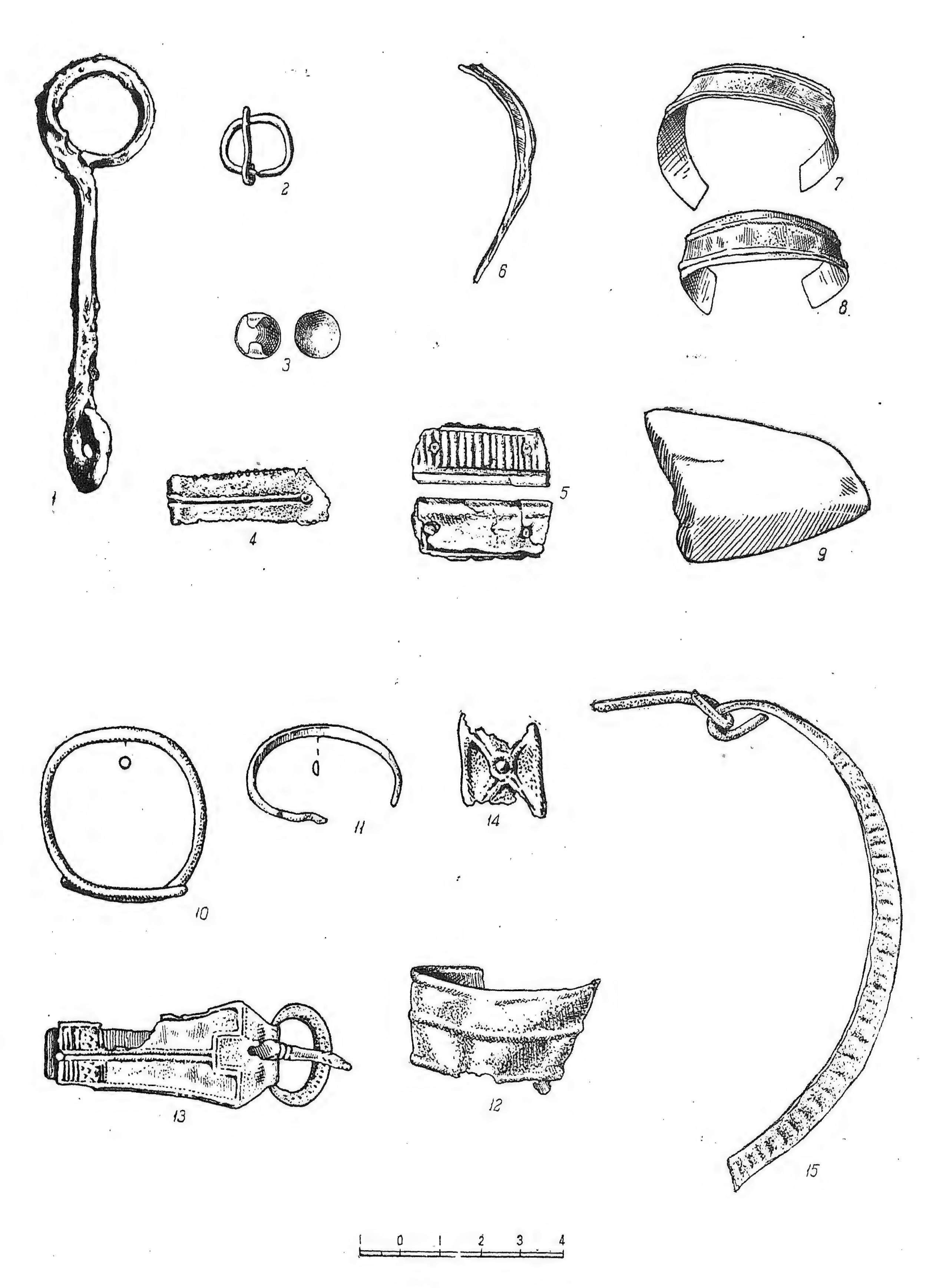
Dans les régions nord-occidentales de la partie Européenne de l'URSS, on connaît deux espèces de monuments funéraires des VI—Xe siècles renfermant des restes humains incinérés. Le premier type comprend les „sopki“ — tumulus élevés, disposés en groupes restreints, généralement sur les bords des rivières, le second — les „tumulus longs“ — tertres funéraires en forme de remblai peu élevé.

Le présent mémoire synthétise toutes nos connaissances sur ces monuments et donne une carte de leur distribution.

Les „sopki“ se rencontrent dans le bassin du lac Ilmen et plus à l'est dans la région des monts Valdaï, jusqu'au bassin des rivières Mologa et Cheksna et du lac Biéloïé. Les „tumulus longs“ occupent la région située au sud et au sud-ouest du lac Čudskoïé et du lac du Pskov, le cours moyen de la Dvina et le cours supérieur du Dniepr et de la Volga.

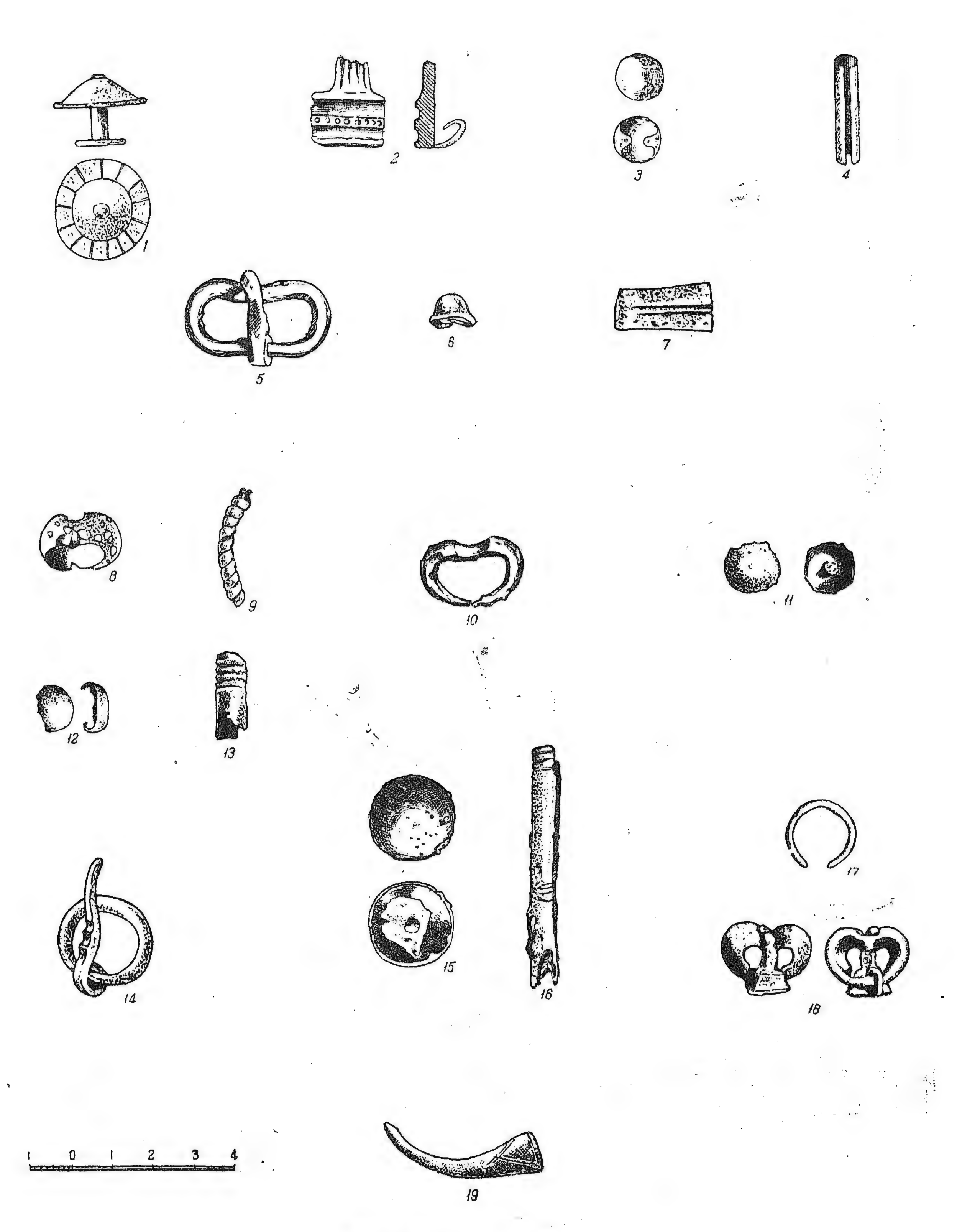
Selon toute vraisemblance, les monuments décrits appartiennent à deux grandes tribus de Slaves orientaux: les „sopki“ — aux Slovènes de Novgorod et les „tumulus longs“ — aux Kriviči.


КАРТА
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДЛИННЫХ
КУРГАНОВ И СОПОК
Составил Н.Н. Чернягин
Условные обозначения:
Длинные курганы
Сопки
от Гринвича
ЛАДОГА
НОВГОРОД
ПСКОВ
ИЗБОРСК
РУССА
БЕЛООЗЕРО
ПОЛОЦК
СМОЛЕНСК
НЕВА
ВОЛХОВ
ВОЛГА
МОЛОГА
ЗАП. ДВИНА
ДНЕПР
ОКА
УГРА
ТВЕРЦА
СВИРЬ
ШЕКСНА
БЕРЕЗИНА



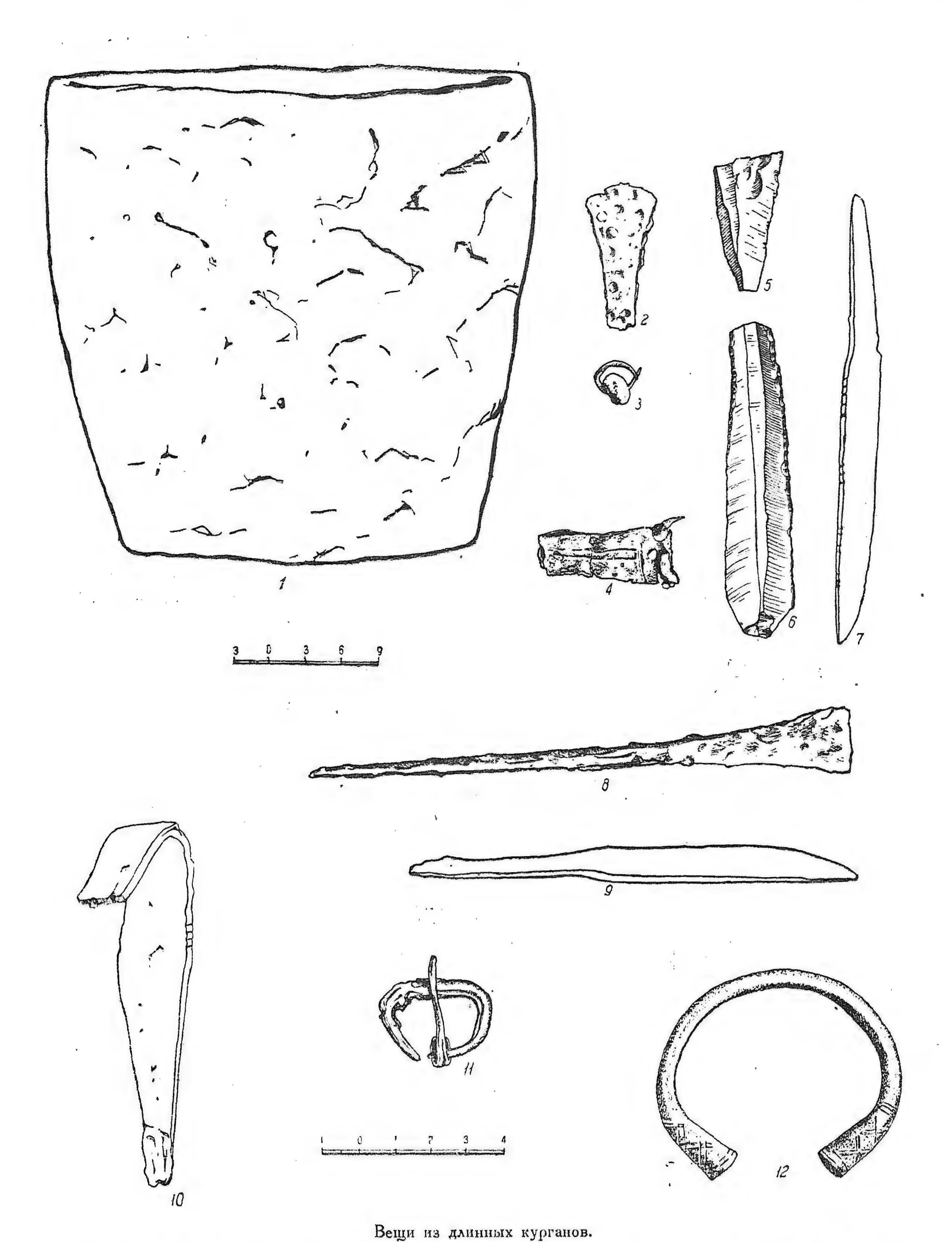
Вещи из длинных курганов.

1—6 — Жеребятино (№ 31), кург. № 1; *7—9* — Горско (№ 32); *10—15*—Городня (№ 37).



Вещи из длинных курганов.

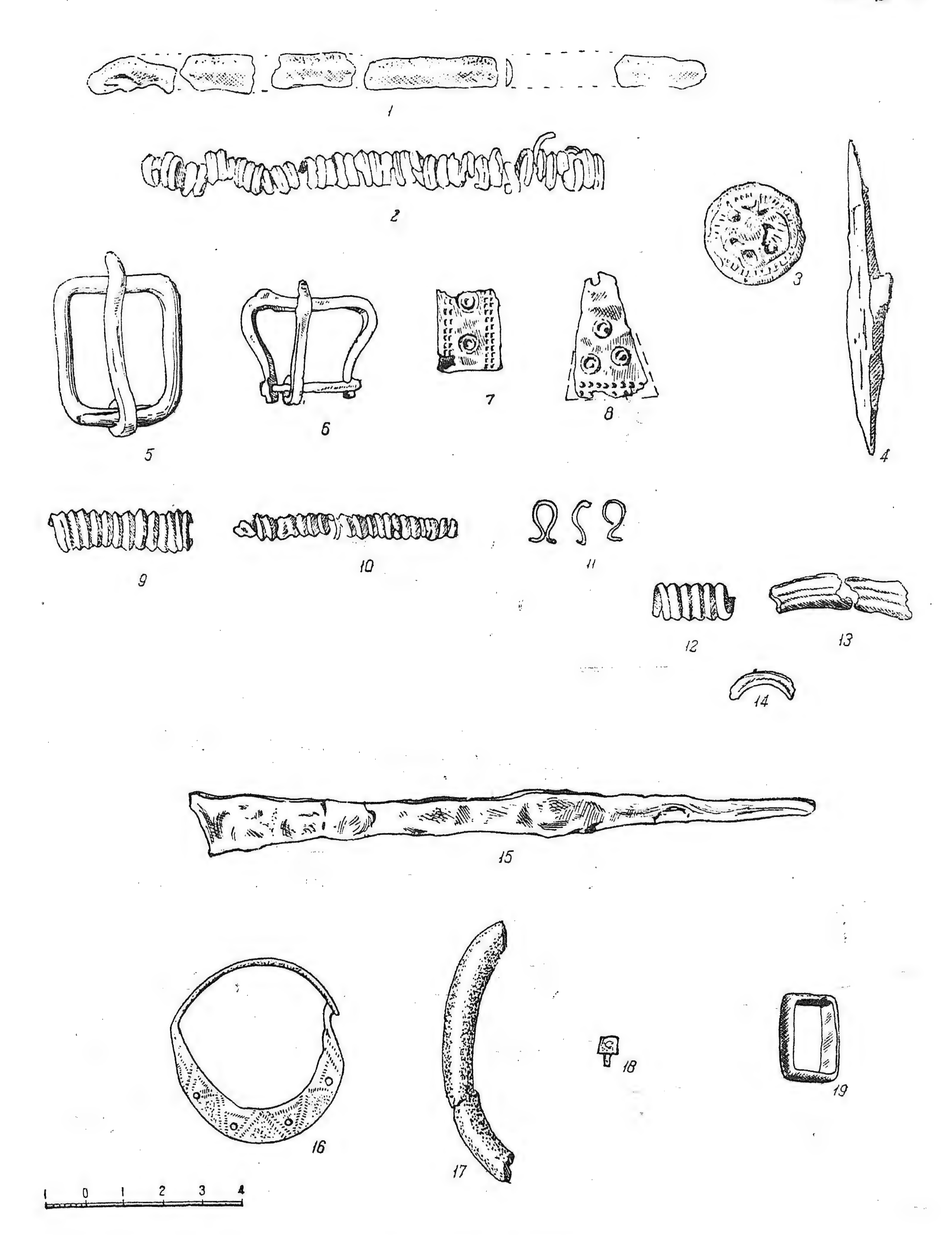
1—4—Светлые Вешки (№ 34), кург. № 3; *5—6*—Липецы (№ 234), кург. № 3; *7, 10*—Липецы, кург. № 2; *8—9* и *12—13* — Липецы, кург. № 7; *11* — Липецы, кург. № 9; *14* — Дубровка (№ 243); *15—16* — Липецы, кург. № 8; *17—18* — Липецы, кург. № 11; *19* — пог. Бенецкий (№ 174).



Вещи из длинных курганов.

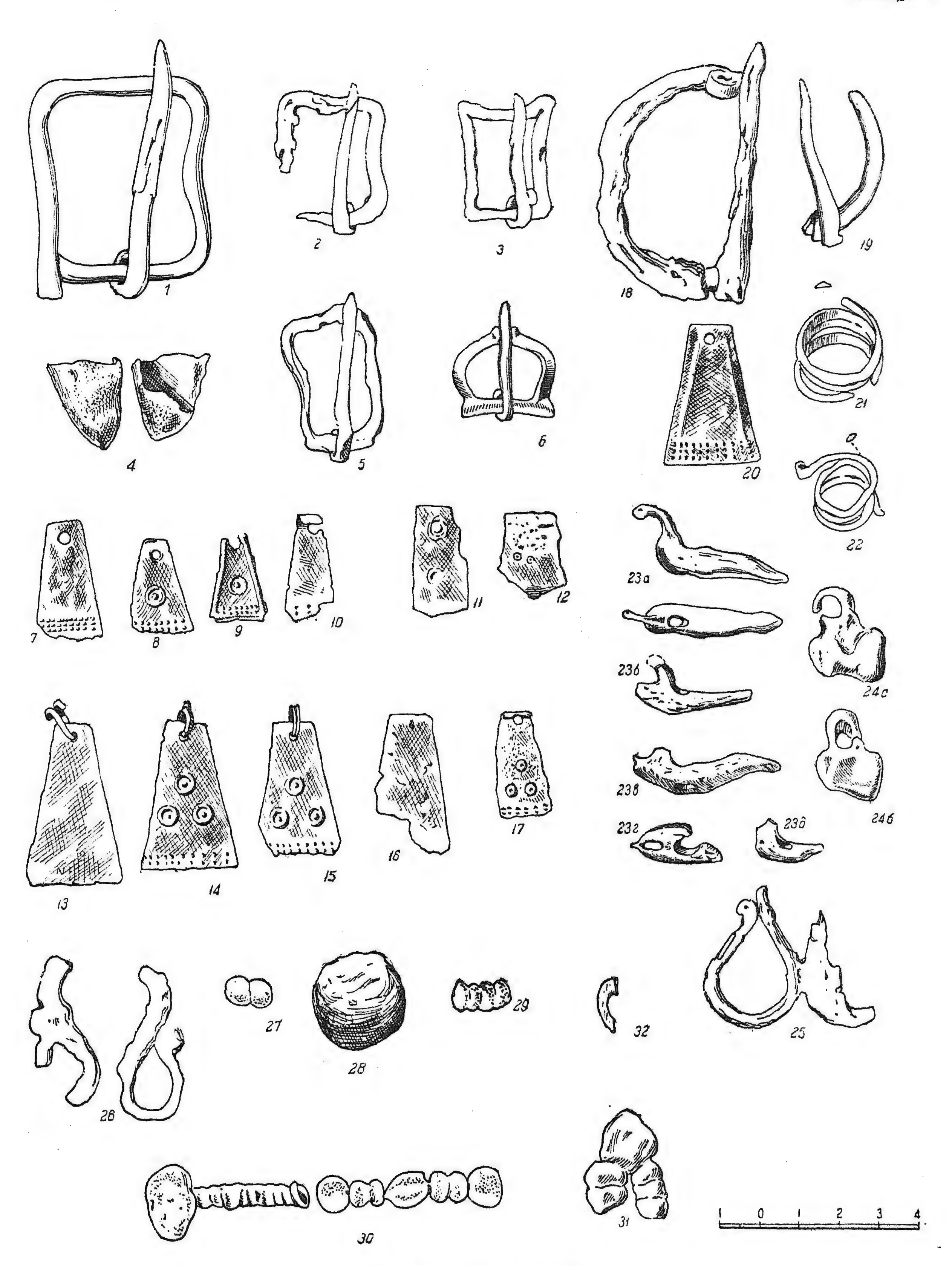
1 — Овинчище (№ 52); 2—7 — Черный Ручей (№ 241), кург. № 3; 8—9 — Подсосонье (№ 237), кург. № 1; 10 — Обрынь (№ 236), кург. № 3; 11 — Обрынь, кург. № 5; 12 — Обрынь, кург. № 6.

Таблица IV



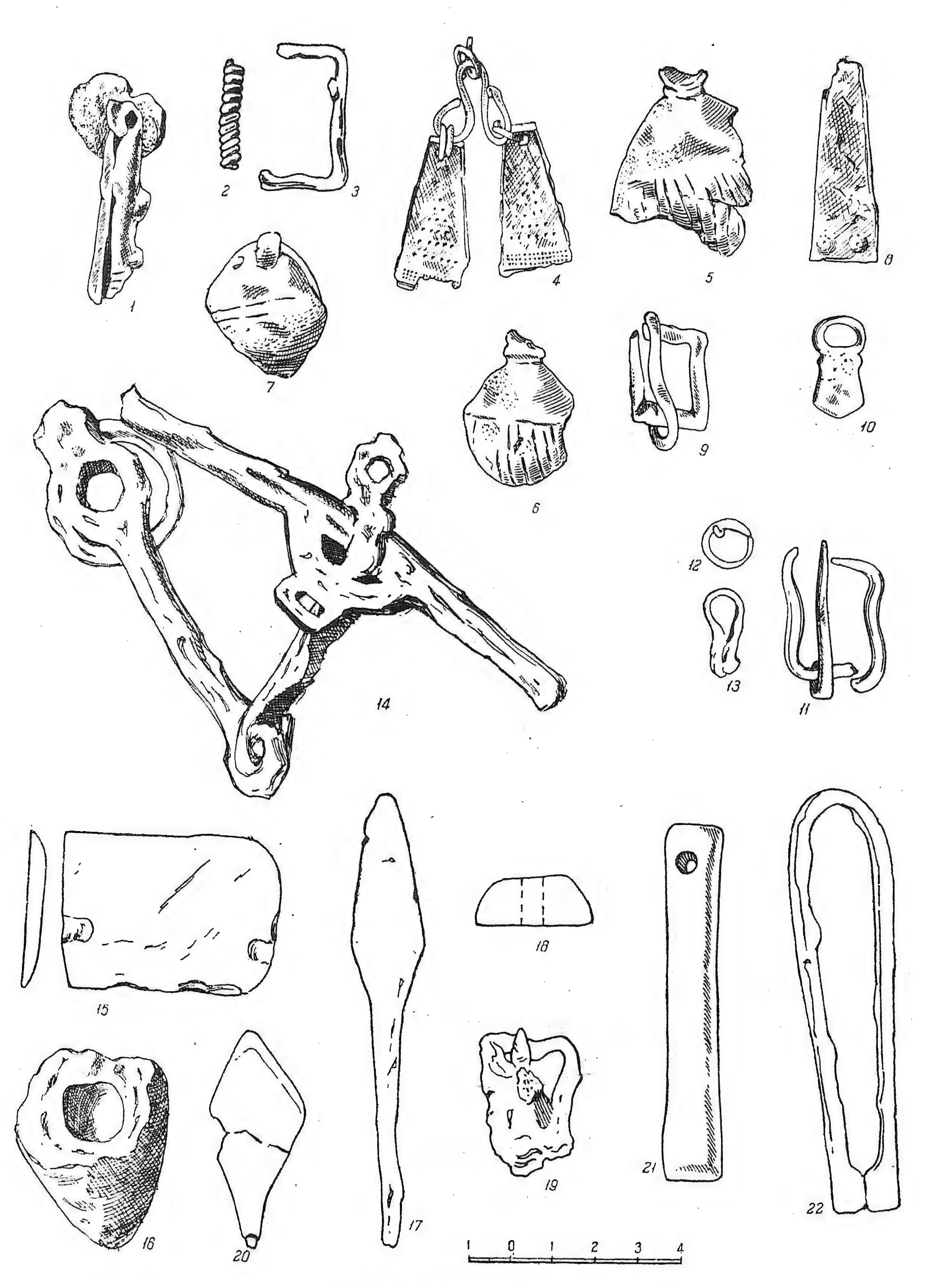
Вещи из длинных курганов.

1—2, 5—8 — Арефино (№ 153), мог. I, кург. № 1; *3—4* — Арефино, мог. II, кург. № 3; *9—14* — Арефино, мог. II, кург. № 2; *15—19* — Арефино, мог. II, кург. 1.



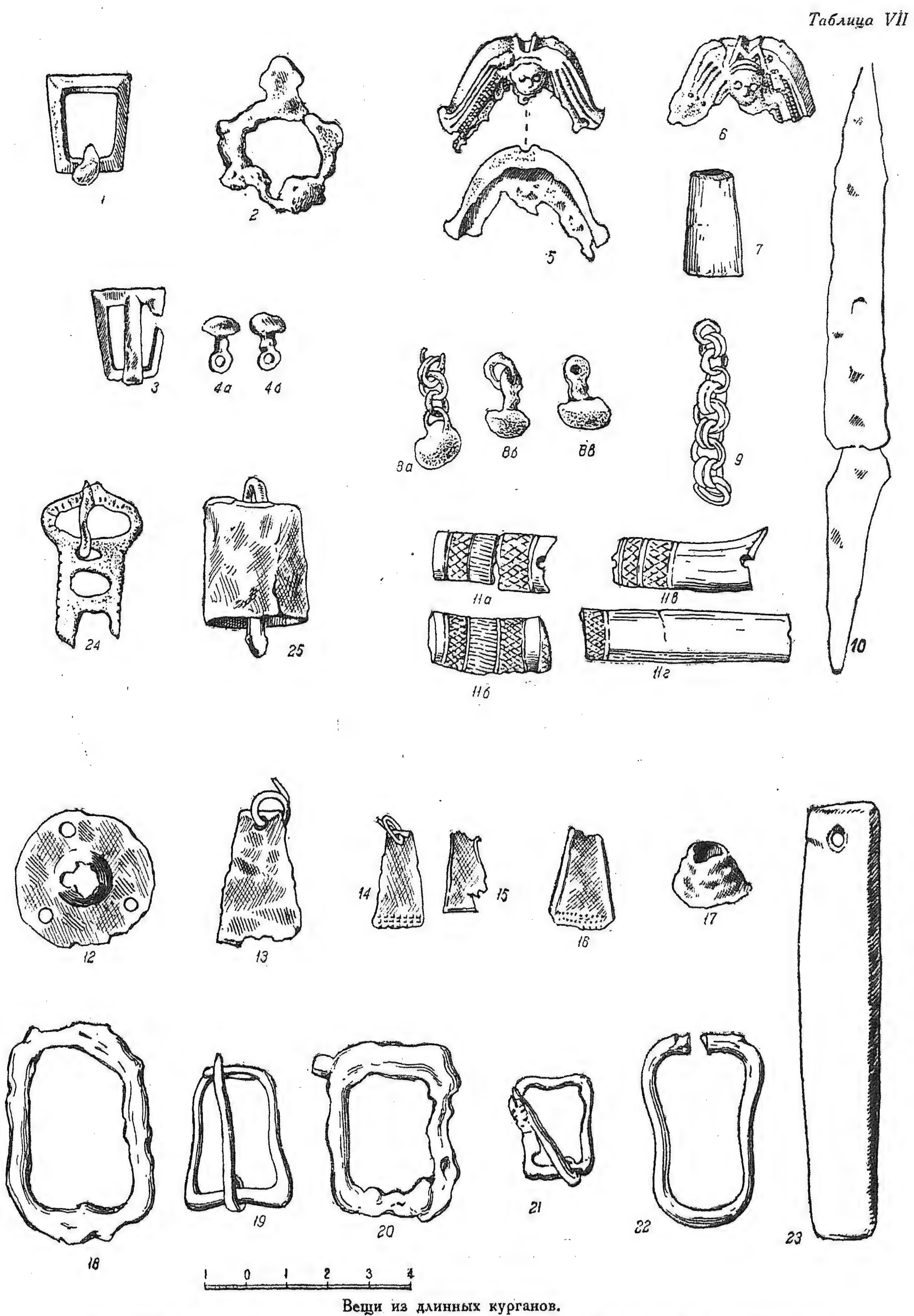
Вещи из длинных курганов.

1—17 — Лопино (№ 154), кург. № 4; *18—25* — Лопино, кург. № 3; *26—32* — Лопино, кург № 2.



Вещи из длинных курганов.

1—3 — Дроково (№ 167), кург. № 1; *4—13* — Дроково, кург. № 3; *14* —Дроково, кург. № 2; *15—22* — Лопино (№ 154), кург. № 5.

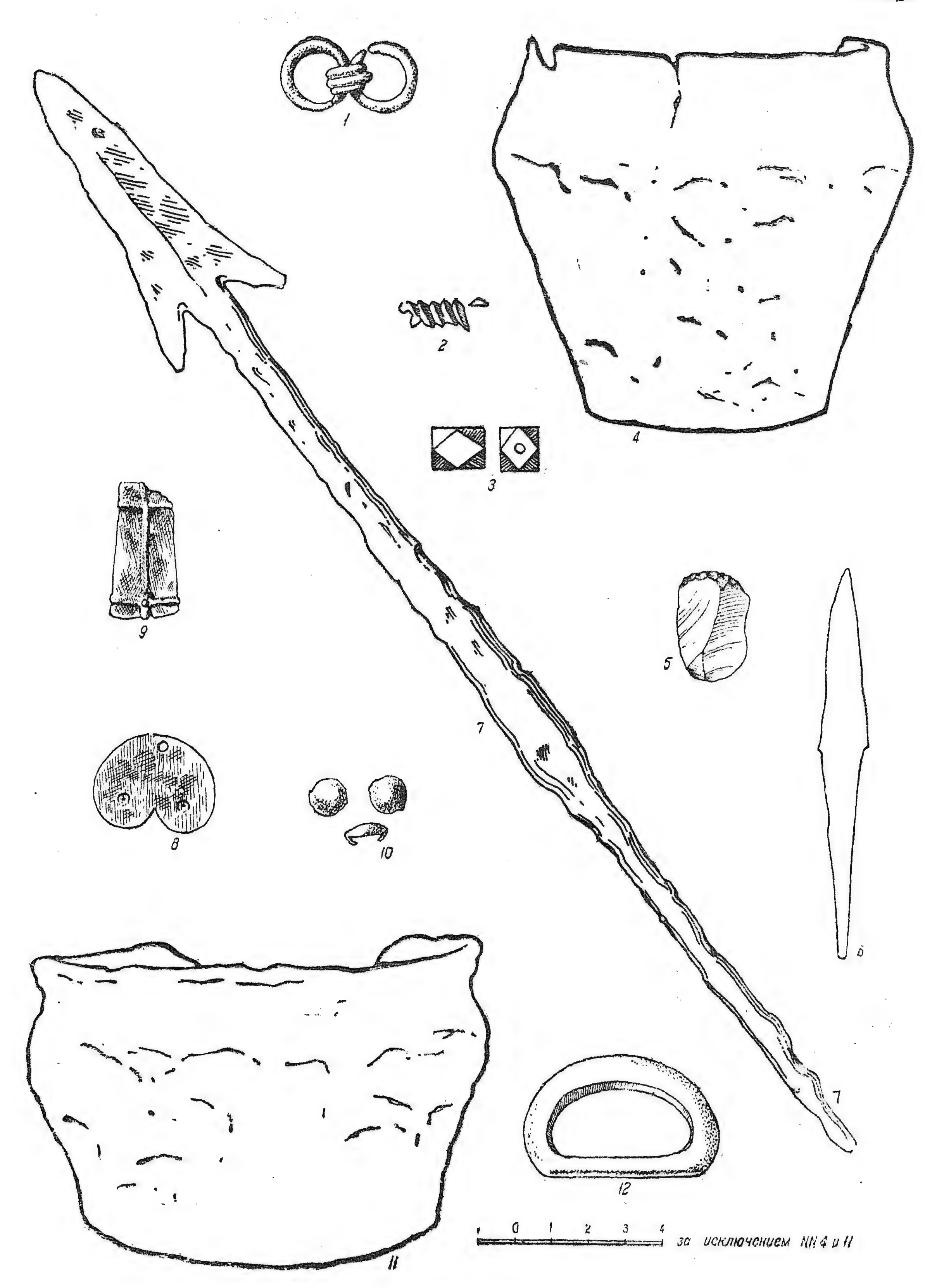


Вещи из длинных курганов.

1—4 — Городок (№ 162), кург. № 2; *5—11* — Городок, кург. № 1; *12—23* — Пищино (№ 160); *24—25* — Слобода (166).

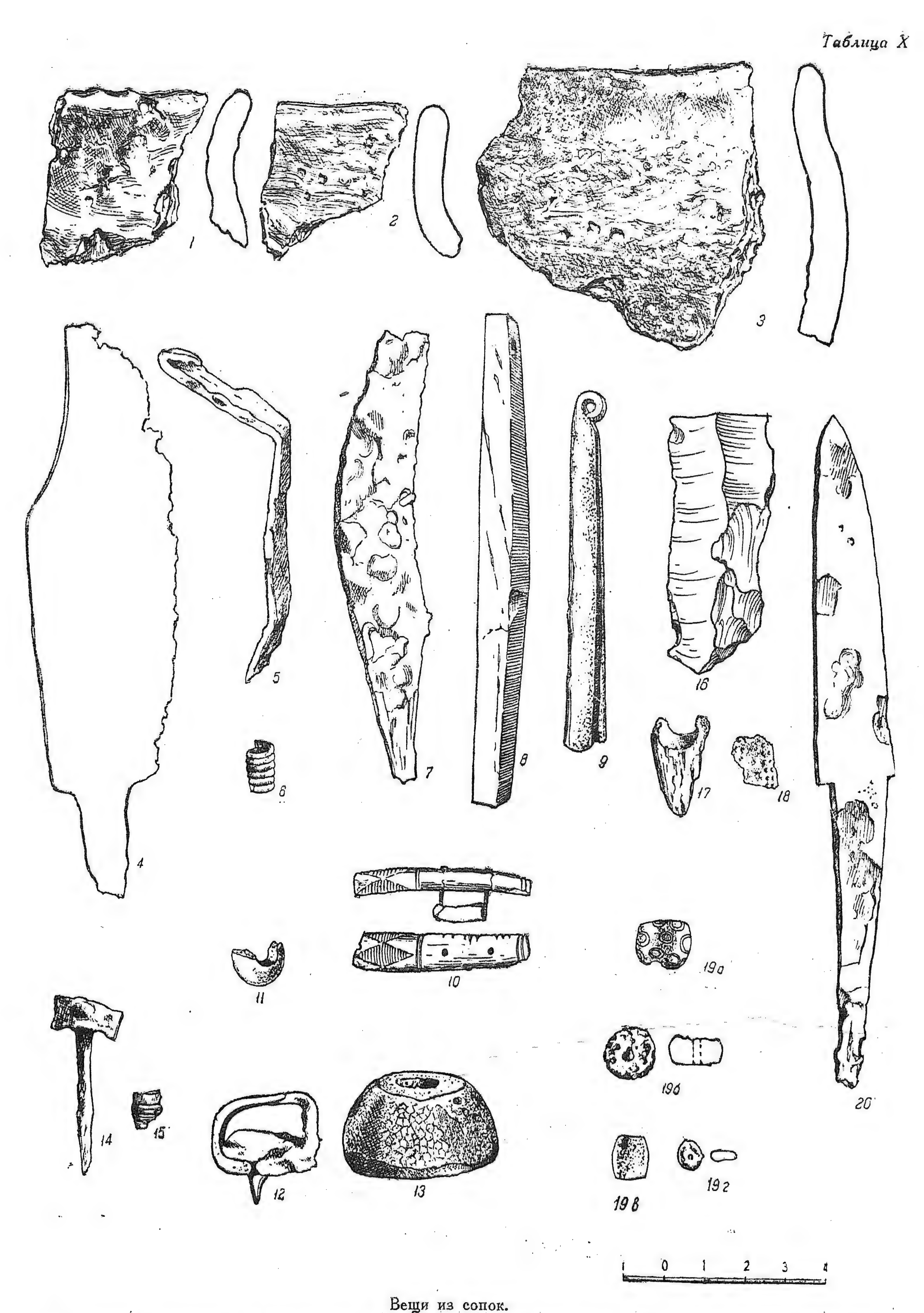
Вещи из длинных курганов.

1—3 — Хотынь (№ 163), кург. № 1; *17—26* — Хотынь, кург. № 2; *4—5* — Ярцево (№ 161), кург. № 1; *6—9* — Ярцево, кург. № 2; *10—16* — окрестность Ярцева; *27—35* — Ярцево, из разных курганов.



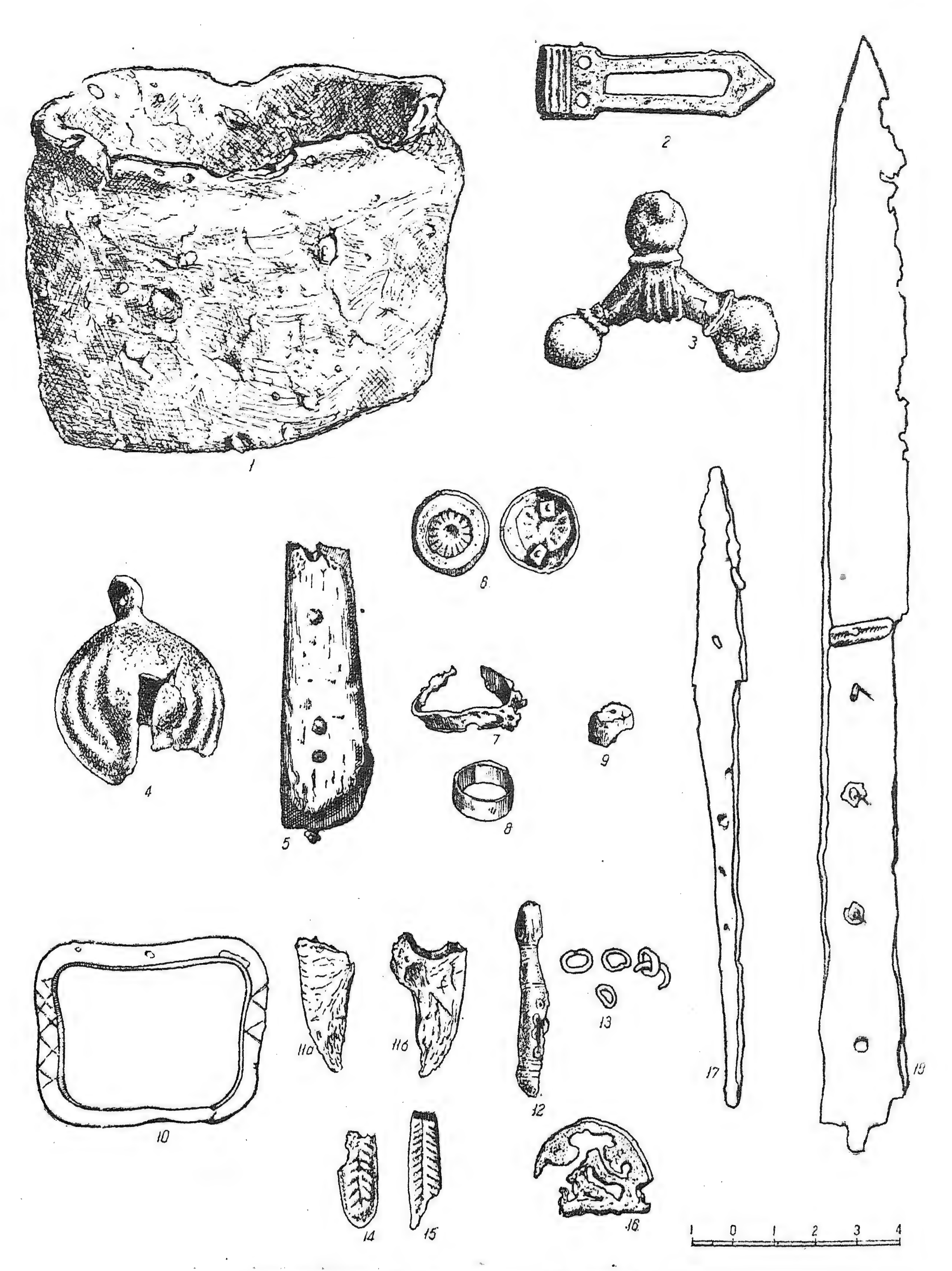
Вещи из сопок.

1–4 — Золотое колено (№ 379); *5–5* — Бесовы Харчевни (№ 361); *7* — Велеша (№ 358), из „Полой сопки“; *8–10* — Горско (№ 32); *11* — Ерошиха (№ 60); *12* — Старая Ладога (Победище) (№ 355) из малой сопки.

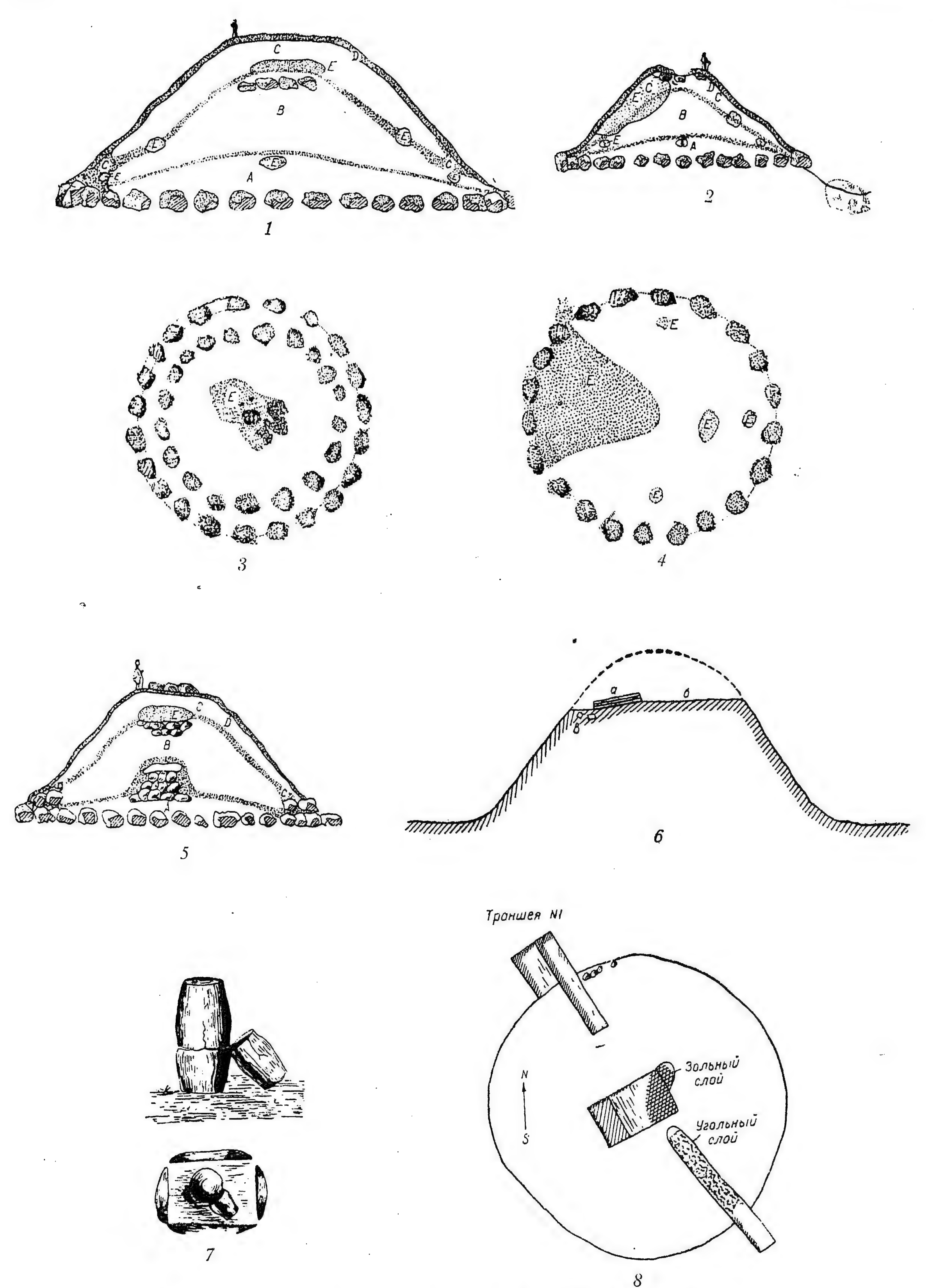


Вещи из сопок.

1—3 — Октябрьское (Мих.-Архангел) (№ 349); *4—6* — Старая Ладога (№ 358); сопка 135; *7—13* — Старая Ладога (№ 356), сопка 136; *14—15* — Старая Ладога, сопка 139; *16—20* — Ст. Ладога (Победище) (№ 355), сопка 142.

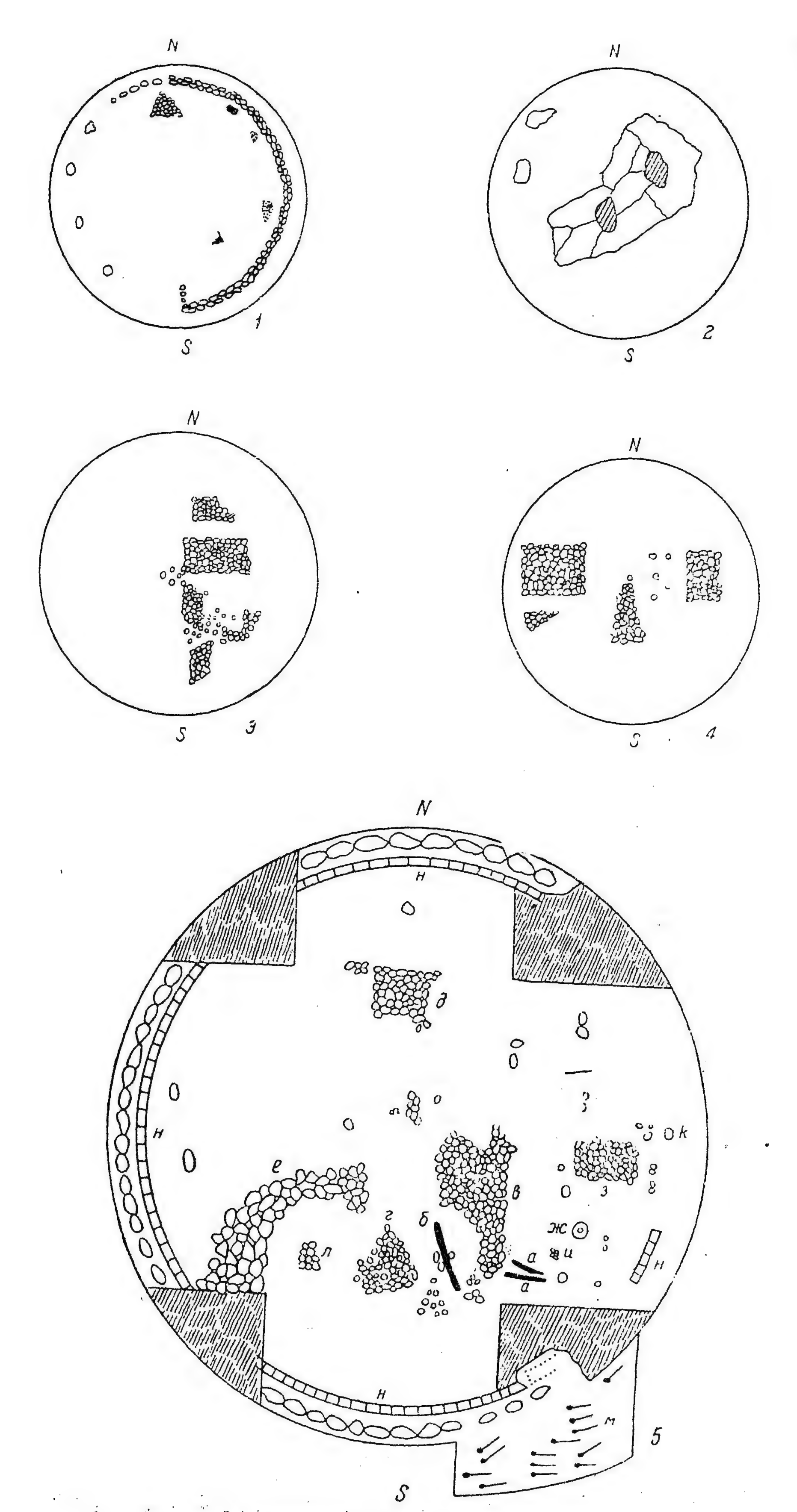


Вещи из сопки 140, Старая Ладога. Победище (№ 355).



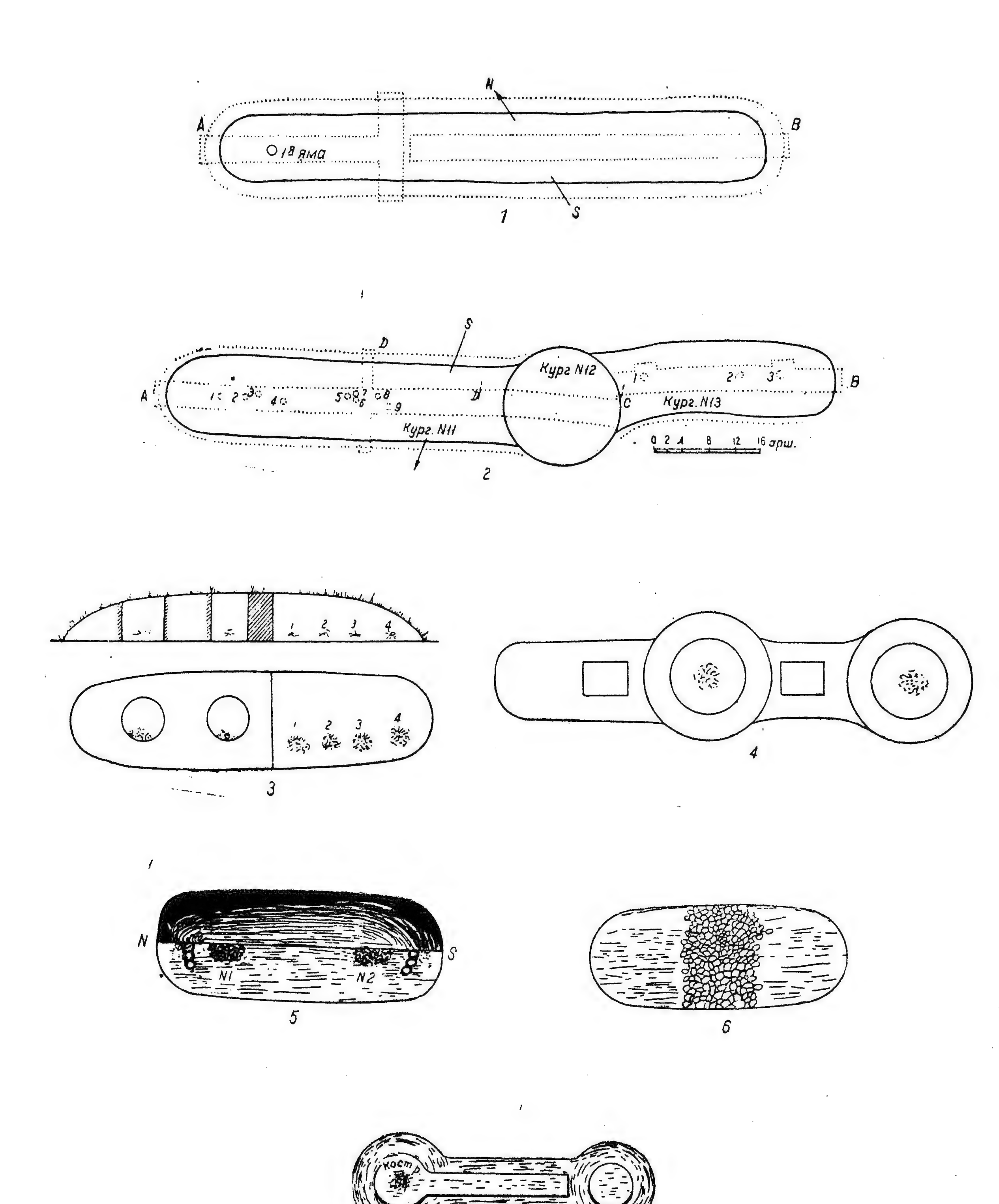
Устройство сопок в разрезах и планах (по Ловати, Мсте и Великой).

1—2 — разрезы сопок у с. Коровичина (№ 258); *3* — основание одной из сопок у с. Коровичина; *4* — основание сопки № 2 у с. Марфина (№ 288); *5* — разрез сопки № 1 у с. Марфина; *6* — разрез сопки у д. Ерошиха (№ 60); *7* — расположение сосудов в погребальной камере, в сопке у д. Клюево (№ 181); *8* — сопка у д. Илемки (№ 383), план раскопов (буквой *E* обозначены места нахождений костей человека и животных).



Каменные кладки в волховских сопках.

1 — Старая Ладога, Победище (№ 355), сопка 140; 2 — Старая Ладога (№ 358), сопка 135; 3, 5 — Октябрьское (№ 349), сопка 145; 4 — Старая Ладога (№ 357), сопка 132.



Планы длинных курганов.

1 — Светлые Вешки (№ 31), кург. № 4; 2 — Светлые Вешки, кург. № 1—3; 3 — Шурупово (№ 92), кург. № 1; 4 — Кудово (№ 108), кург. № 7; 5 — Першина (№ 58), кург. № 1; 6 — Першина, кург. № 3; 7 — Низовка (№ 376), кург. № 3.

Н. Н. ВОРОНИН

МЕДВЕЖИЙ КУЛЬТ В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В XI В. [1]

«Что можно представить себе более сильное по яркости и где в иной из просвещенных стран такое неимоверное разнообразие этнографического материала, такое обилие материализованных в самой жизни доисторических реальностей, как в России?»

Н. Я. Марр. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси.

ВВЕДЕНИЕ

Намечая очередные проблемы, стоящие перед историками Восточной Европы, А. Е. Пресняков писал: «Не менее существенна и другая задача — изучение в социальном строе раннего средневековья и на Востоке и на Западе тех черт его общественного быта, которые надо признать „архаизмами", роднящими этот быт преемственно с предыдущим „протоисторическим" периодом... Такое исследование не должно останавливаться перед огромной трудностью, состоящей в отсутствии, почти полном, материала для прямых наблюдений». [2]

В сознании этих трудностей А. Е. Пресняков возлагал справедливые надежды на историю материальной культуры, новое языкознание, этнографию. Без источников этого рода не могут быть разрешены важнейшие вопросы истории нашей страны не только «протоисторического», как выражался А. Е. Пресняков, времени, но и первых столетий «исторической» истории, т. е. обставленной уже значительным количеством привычных письменных источников. На базе последних скоро уже 100 лет решается вопрос и о природе смерда, важнейшей социальной категории X—XII вв. Изучение истории восстаний смердов на грани дофеодального периода заставило меня сойти с обычного исследовательского круга феодальной письменности и попытаться комментировать ее скудные и классово-ограниченные сведения на базе, в частности, археологического и этнографического материала. Одному из любопытных явлений, ставшему уже в XI в. «этнографическим» пережитком, и посвящена настоящая статья. Ее задачей является установление факта наличия в Поволжье XI в. ясно выраженного медвежьего культа. [1] Изучение этой темы не только раскрывает перед нами органические связи дофеодальных и феодальных судеб Верхнего Поволжья, но позволяет ближе и конкретнее подойти к вопросу об этногонии северных племен восточного славянства, яснее и отчетливее увидеть автохтонность этого процесса. При изложении вопроса о медвежьем культе я не повторяю здесь сделанного в особой работе специального исследования общественного строя Поволжья данного времени, отправляясь непосредственно от его выводов к теме о медвежьем культе. Повторю лишь вкратце характеристику Поволжья в XI в. и основные данные о восстаниях смердов.

XI век является переломным моментом в истории Восточной Европы и Верхнего Поволжья в особенности; к началу века относится начало «заката готической России» (К. Маркс); крах завоевательных предприятий государства Рюриковичей приводит в конечном счете к его распаду, от внешнеполитической экспансии княжеские дружины переходят к более прочному освоению и эксплоатации внутренних областей Восточной Европы. Далекое Залесье и богатое Поволжье включаются в систему обложенных княжеской данью земель. Насколько можно судить по археологическим данным и

---

[1] Настоящая работа была доложена в заседании кабинета Европы Института этнографии АН СССР 21 мая 1938 г. и на Всесоюзном совещании по вопросам этнографии и фольклора народов СССР 7 июня 1938 г.

[2] А. Е. Пресняков. Задачи синтеза протоисторических судеб Восточной Европы. Яфет. сборн., V, Лгр., 1926.

[1] В работе над медвежьим культом я пользовался помощью и ценными для меня указаниями своих товарищей по работе в ИИМК В. В. Гольмстен, А. П. Окладникова, Е. А. Рыдзевской и П. Н. Третьякова, а также члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина и Б. А. Ларина, которым приношу здесь благодарность.

отрывочным сведениям письменных источников, еще раньше этот район был связан с колонизацией, шедшей из земель великого Новгорода; здесь в IX—X вв. возникают крупные городские центры — Ростов, Суздаль, Белоозеро. Но лишь в XI в. княжеские дани серьезно и решительно охватывают все углы далекого края, существенно меняя положение местного населения и вызывая его противодействие. Борьба феодального и патриархально-общинного укладов становится напряженнее; в ее свете мы можем видеть сложность общественного строя этого переходного времени и острые противоречия, раздирающие архаическую сельскую общину-погост. Среди общинников уже выделяется богатая верхушка, именуемая летописью «старой чадью», которая раскалывает общину.

Восстания смердов в Поволжье зарегистрированы летописью дважды, первый раз в 1024 г. («в Суждали»)[1] и второй раз под 1071 годом в составе ряда рассказов о волхвах.[2]

Первый рассказ краток и сообщает о восстании под руководством волхвов в Суздальской земле, очевидно, в районах, близких к Волге; мотивом восстания является голод, причину которого восставшие видят в старой чади, держащей «гобино» — «обилие» и пускающей голод. Старую чадь избивают, по всей стране распространяется «мятеж велик». Князь Ярослав спешно прибыл из Новгорода, подавил восстание, казнил волхвов и «устави ту землю», т. е. установил какие-то правовые нормы, регламентировавшие отношения господства и подчинения. Уже из этого сжатого рассказа ясно, что старая чадь, мятеж против которой заставил Ярослава спешно явиться из Новгорода в Поволжье, представляла феодализирующуюся верхушку погостов, ценную для княжеской власти и покровительствуемую ею.

Второй рассказ более пространен; его данные позволяют дополнить и толкование текста 1024 г. Восстание на этот раз имело более широкий размах, охватив Поволжье и Пошехонье от Ярославля до Белоозера. Связанное также с голодом, движение было направлено против той же старой чади. Стоявшие во главе движения «два волхва от Ярославля» шли с повстанцами по поволжским погостам и избивали «лучших жен» старой чади, конфискуя их «имение»; волхвы утверждали, что эти лучшие жены «держат обилие» и повинны в голоде; при этом они, соблюдая магическую обрядность, прорезывали «за плечем» и вынимали из пореза жито, рыбу, мед или скору (меха). Таков состав обилия или гобина поволжских смердов, говорящий об охоте, рыболовстве, пчеловодстве и земледелии. Нужно отметить, что жито было, видимо, очень не «обильно», так как, судя по рассказу 1024 г., за ним приходилось, при недороде, ездить в Болгары. Случившийся в Белоозере даньщик князя Святослава Ян Вышатич, подобно Ярославу в 1024 г., встал на защиту старой чади и разгромил под Белоозером отряд повстанцев. «Держание» обилия или гобина в руках старой чади, в частности в ведении лучших жен этих богатых домов (Изборник Святослава знает термин «домы гобиньные»), в связи с указанием некоторых вариантов текста, что по избиении этих «лучших» «дани не на ком взяти», позволяет заключить, что в руках гобиньных домов сосредоточивались общинные запасы продуктов, откуда черпалась и самая дань. Старая чадь не только была экономически выделяющейся группой, но и политически привилегированной общинной верхушкой, находившейся под защитой княжеской власти, низовой агентурой даннической системы, охватившей в XI в. Поволжье; «повозники» Яна, с которыми он объезжал Пошехонье и собирал дань, принадлежали к старой чади. В этих условиях общинное гобино в руках старой чади быстро превращалось в новый источник роста имущественного неравенства, обогащения гобиньных домов и закабаления смердов-общинников. Волхвы массовым террором против лучших жен и конфискацией их имения стремились противостоять неудержимому процессу феодализации и, вырвав общинное гобино из власти гобиньных домов, вернуть его в лоно общинной собственности.

Размер движения показывает, насколько сильно было сопротивление старого уклада и удельный вес последнего. Стремясь назад, в «золотой век» родового строя, движение смердов сыграло объективно глубоко прогрессивную роль, ускорив консолидацию феодализирующихся элементов, вызвав усиленную работу по христианизации края (епископы Леонтий и Исаия), что подготовило почву для оформления при Мономахе нового крупного политического организма — Ростово-Суздальского княжества.

Ян Вышатич, разгромив восстание, вез пленных волхвов до устья Шексны; здесь он отдал их в руки своих повозников — старой чади, родичей избитых восставшими лучших жен и «рече им: „мьстите своих". Они же поимше, убиша я и повесиша е на дубе (вар.: древе): отмьстье приимша от бога по правде. Яневи же идущу домови, в другую нощь медведь възлез, угрыз ею и снесть; и тако погыбнуста наущеньем бесовьским, инем ведуща, а своее пагубы не ведуча».[1] Волхвы погибли, таким образом, от руки родичей своих жертв; формулировка Яна «мьстите своих» не оставляет сомнения в том, что это расправа по старым законам родовой мести; замечание летописца «отмьстье приимша о т б о г а п о п р а в д е» показывает, что это месть, санкционированная и христианско-феодальной княжеской «правдой», которую пред-

[1] Полное собрание русских летописей, изданное Археографической комиссией (ПСРЛ), I, изд. 1, стр. 63—64; IV, изд. 1915 г., стр. 111—112.
[2] ПСРЛ, I, стр. 75—76.

[1] ПСРЛ, I, стр. 76.

ставлял Ян Вышатич.[1] Но он отбыл на юг и повешенные трупы были съедены медведем — «и тако погыбнуста наущеньем бесовьскым», прибавляет летописец. Это вторая кара, отражающая какие-то иные представления, чем «правда» Яна и христианского «бога». Обращает на себя внимание самая форма расправы с волхвами: их сначала убили и лишь после этого повесили на дубе или дереве вообще: таким образом, это не повешение волхвов, а подвешивание — «погребение» — на дереве их трупов.[1]

Раньше чем обратиться к анализу отмеченных обстоятельств, мы надолго должны перенести внимание на источник другого рода, в котором, так же как и в летописи, встретим «лютого зверя» — медведя и отражение событий 1024 и 1071 гг.

I. «СКАЗАНИЕ О ПОСТРОЕНИИ ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ» И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Указание летописного рассказа 1071 г. на происхождение руководителей восстания — волхвов — «из Ярославля» чревато очень серьезными вопросами и заставляет специально остановиться на этом тексте. Прежде всего возбуждает интерес самый Ярославль — это первое упоминание о нем, из которого делали вывод о постройке нового феодального центра в первой половине XI в. князем Ярославом Владимировичем. До конца этот вопрос расследован не был. При отсутствии прямых указаний летописей о времени возникновения Ярославля (как и Суздаль он впервые упоминается в связи с восстанием смердов) большое распространение получила легенда об убийстве медведицы на месте города князем Ярославом, который и построил в память этого город.

Легенда эта, оформленная как особое «Сказание», в пересказах и отрывках цитировалась в местной краеведческой литературе;[2] полностью она опубликована в брошюре А. Лебедева «Храмы Власьевского прихода г. Ярославля».[3]

«Сказание» (см. прилож.) изображает историю Ярославля в широкой перспективе X и XI вв.; первоначально это селище на устье Которосли, называющееся «Медвежий угол»; языческое население занято скотоводством, охотой и рыбной ловлей. Медвежий угол живет «по своей воли», иногда разбойничая на Волге; культ скотьего бога Велеса и значение велесовых жрецов описаны особенно подробно. «Тако сии человецы жиша мнози лета». Далее происходит столкновение с Ярославом, защищающим от разбоя жителей Медвежьего угла проходящий по Волге купеческий караван. Ярослав подчиняет их и берет клятву подданства. Следующий приезд Ярослава для крещения жителей наталкивается на сопротивление, — против князя выпускают из клети «некоего лютого зверя» и псов, князь убивает его (зверь не назван по имени). Князь разгневан нарушением клятвы и издевается над «Велесом», не сумевшим удержать своих поклонников от клятвопреступления. Князь ставит церковь Илии, в чей праздник им «побежден» «хищный и лютый зверь», и строит город (Ярославль), населяемый им христианами. Старое население занимает особый участок и «живяше особь». Далее следует эпизод с бессилием Велеса прекратить засуху и чудесным низведением дождя по молитве «пресвитера»; язычники громят «кереметь» и Велеса и крестятся. На месте разрушенного капища начинаются «страхования» — здесь происходят скоморошеские (бесовские) игры с гуслями и сопелями, пением и пляской; скот, зашедший сюда, хиреет. Недавние язычники оценивают это как месть Велеса. Постройка церкви Власия, могущего «сохранити скотье людей христианских», прекращает бесовские козни, «бес... преста скотии на пажити сокрушати».

Текст сказания имеет прямое отношение как к общей теме о смердовских восстаниях, так и к частному вопросу данной статьи — медвежьему культу. Его огромный интерес ставит перед нами вопрос о происхождении данного текста и его исторической критике.

Его издатель, А. Лебедев, сообщает, что оно было помещено в «старинной рукописи архиепископа ярославского Самуила»; в другом месте брошюры рукопись эта именуется уже «рукописными записками того же преосвященного». И. Борщевский, издавший отрывки «Сказания», также говорит, очевидно со слов Лебедева, что оно заимствовано из «рукописи, принадлежавшей ростовскому архиепископу Самуилу.[2] И. Тихомиров, попы-

[1] Владимирский-Буданов считал месть повозников «судебной» (Хрестоматия, изд. 2, ч. 1, стр. 43, прим. 7).

[2] И. Борщевский. Исторический очерк г. Ярославля. Ростов, 1910 (Оттиск из «Трудов Ярославской ученой архивной комиссии»). — Ярославль в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1913, стр. 8—9. — Церковно-археологическое описание г. Ярославля. Ярославль, 1860, стр. II—III. — А. Титов. Ярославль. М., 1883, стр. 5. — К. Д. Головщиков. История г. Ярославля. Ярославль, 1889, стр. 7—11. — И. Будовниц. Ярославль. М., 1931, стр. 5 (и многие другие издания).

[3] Ярославль, 1877.

[1] А. А. Шахматов считал данное описание казни противоречивым и пытался устранить это «противоречие»: «может быть лучше «избиша», ибо убитых не стали бы вешать!!» (Разыскания, стр. 654). Густынская летопись распространяет текст в сторону нашего понимания его: «И даде Ян сих кудесников в руце их, да их погубят, яко же хотят; и тако многим томлением погубиста их, последи же повесиша на древе, в нощи же медведи влезше поядоша их» (Густ. лет. ПСРЛ, II, изд. 1, стр. 273).

[2] И. Борщевский, ук. соч., стр. 7.

тавшийся проверить историческую достоверность этого текста, также повторяя это указание, сообщает о нем более подробные сведения; он пишет, что «Сказание» помещалось в «старинной рукописи неизвестного автора», принадлежавшей Самуилу, и приведено им в его записке «Церкви г. Ярославля в 1781 г.», составленной по требованию Ярославского наместника А. П. Мельгунова; как предполагает автор, Самуил предпринял розыски в архивах, и оригинал «старинной рукописи» был найден им в Ярославском Спасском монастыре, где была обнаружена позже и рукопись «Слова о полку Игореве.[1] Н. Верховой считал, что «Сказание» было получено по запросу Самуила от причта Власьевского прихода.[2]

Раньше чем обратиться к вопросу о роли Самуила в истории интересующего нас текста, следует сказать несколько слов об издателе «Сказания», священнике Власьевского прихода А. Лебедеве. Кроме названной брошюры, он опубликовал ряд статей по истории церквей Ярославля. Так, в 1876 г. им напечатано «Сказание о построении Вознесенской церкви в Ярославле» (из рукописных «Записок Самуила, архиепископа Ростовского»).[3] Вопреки этому заголовку, сам автор статьи в примечании пишет: «Представленное сказание когда и кем написано, неизвестно», и далее комментирует «Сказание» справками из источников. «Сказание» рассказывает о попытке немцев-купцов построить кирку на месте, где стоит Вознесенская церковь, и борьбе населения против этого: дело происходит в XVI в. Язык «Сказания» совершенно тождествен с нашим «Сказанием» о построении Ярославля.[4] Несомненно, и то и другое — работа одной руки. Следует ли отнести это за счет единства источника обоих «Сказаний» (рукопись Самуила) или следует думать, что сам Лебедев и был их сочинителем, лишь прикрывавшимся именем Самуила? Однако сам А. Лебедев в своей другой статье «Письма 1671 г. о С. Разине» сообщает, что, будучи в Киеве, он был близко знаком с историком Максимовичем и пользовался находившейся в его библиотеке рукописной тетрадью еп. Самуила, в которой были сведения по истории ростовско-ярославского края, в том числе и эти материалы о Разине;[5] оттуда же им извлечена записка о проезде через ярославские места возвращавшегося из ссылки А. С. Матвеева.[1] По словам А. А. Титова, Самуил «был собирателем рукописей, в том числе и областных, которые, к сожалению, увез с собою, когда в 1783 г. 22 сентября был переведен в митрополиты на Киевскую епархию».[2] Таким образом весьма вероятно, что Лебедев действительно извлек изданный им текст из рукописей Самуила. Попытки найти подлинную рукопись Самуила или ее рукописную копию не увенчались успехом. Следовательно, для суждения о «Сказании» и его достоверности остается его печатный текст.

Язык «Сказания» обнаруживает в его авторе желание подделаться под древнюю речь, оформить «Сказание» как «древнее» литературное произведение в характере житийного повествования; из житийной литературы автор черпает некоторые обороты речи и словесные штампы; однако сплошь встречающиеся неправильные формы слов, невозможные в языке XVI—XVII вв., часто слов вымышленных, показывают совершенно ясно, что перед нами текст очень позднего времени, имеющий тенденцию подделки под старый язык, автору недостаточно знакомый. Это оформление текста может быть отнесено ко времени не ранее конца XVIII — начала XIX в.[3] Таким образом язык «Сказания» позволяет приурочить данный текст ко времени деятельности Самуила.

Последняя четверть XVIII в. в истории Ярославля связана с открытием первоначально Ярославского наместничества (4 XII 1777), а затем губернии.[4] Первым ярославским наместником был А. П. Мельгунов, один из крупных деятелей Екатерининского времени; для нас существенно отметить его интерес к литературе и истории, который был проявлен также и в отношении Ярославля; при нем издавался в Ярославле знаменитый журнал «Уединенный пошехонец», в котором нашли себе место и первые исторические экскурсы в прошлое Ярославля;[5] в связи с подчинением Мельгунову Архангелогородского наместничества им была собрана (1779) коллекция древних зырянских документов, переданная в библиотеку Эрмитажа;[6] при нем начата подготовка «Топографического описания» Ярославского наместниче-

---

[1] И. Тихомиров. О некоторых ярославских гербах. Тр. III Обл. археол. съезда во Владимире. Владимир, 1909, стр. 35 и прим. 1. — Слово о полку Игореве. Изд. Academia, стр. 179. — В. В. Данилов. Архимандрит Иоиль. Дела и дни, кн. I, стр. 389—391.

[2] Н. Верховой. Ярославль. Историческая монография о времени основания города. Рыбинск, 1903, стр. 23.

[3] Ярославские епархиальные ведомости (ЯЕВ), 1876, стр. 145—148.

[4] Например, выражения: «прилучися прибыти в град сей», «онии заморстии людии продаваша», «не по мнозем же времени», «и онии немецкие людии живяша зде на свободе», «по некиих же летах» и мн. др.

[5] Ярославские губернские ведомости (ЯГВ), 1872, № 38.

[1] ЯГВ, 1872, № 39.

[2] Летопись о ростовских архиереях. Изд. общества любителей древней письменности (ОЛДП), XCIV, 1890, стр. 23 и 53.

[3] Приношу благодарность Б. А. Ларину, ознакомившемуся, по моей просьбе, с текстом «Сказания» и давшему изложенное заключение.

[4] Об открытии Ярославского наместничества в 1777 г. см.: ЯГВ, 1861, №№ 1, 3—11. — В. Лествицын. Донесения А. П. Мельгунова Екатерине II об открытии Ярославского наместничества. ЯГВ, 1872, №№ 22—29.

[5] Л. Н. Трефолев. Материалы для биографии А. П. Мельгунова. ЯГВ, 1865, № 9.

[6] Первый наместник ярославский А. П. Мельгунов. ЯГВ, 1848, № 21, стр. 152.

ства, церковная часть которого была поручена Самуилу.[1]

Таким образом почва для патриотических упражнений в истории Поволжья была налицо, была и атмосфера для возникновения домыслов и легенд о начале Ярославля. Уже в 1764 г. в «Ежемесячных сочинениях» Академии Наук ставилась «задача» сообщить «предание или сказку», объясняющие имя и начало города Углича.[2]

В этой обстановке появляется на ростовской кафедре (1776) воспитанник Киевской духовной академии еп. Самуил. Он деятельно участвует в организации наместничества, в связи с чем получает сан архиепископа, а в 1783 г. уже переводится в Киев митрополитом; умер Самуил в 1796 г.[3] О деятельности Самуила на ростовской кафедре известно очень мало.[4] Самуил, как и Мельгунов, видный деятель Екатерининского времени и духовный писатель;[5] следует отметить его интерес к истории: еще в Киеве он составляет исторический очерк Киевского братского монастыря и академии;[6] из его переписки с Куракиным ясен его интерес к древностям Ростова и Ярославля и серьезное понимание их;[7] по словам Титова, Самуилу принадлежит ряд дополнений к «Летописи о ростовских архиереях» Дмитрия Ростовского.[8]

10 XI 1778 г. ярославский наместник А. П. Мельгунов писал Самуилу: «Между прочими сведениями о вверенной мне Ярославской губернии, для топографического ее описания, надобно мне иметь известия и о соборах, монастырях, как мужских, так и женских, и прочих приходских церквах, где оных и сколько есть, во имя какое, кем и на каком положении созиждены, со всеми их переменами и приключениями».[9]

[1] В. Лествицын. Переписка А. П. Мельгунова с архиереями. ЯГВ, 1870, № 32, стр. 132. К характеристике Мельгунова см. также: 4 письма имп. Екатерины II к Ярославскому наместнику А. П. Мельгунову. ЯГВ, 1871, № 6. — Л. Трефолев. Черта из жизни Мельгунова. ЯГВ, 1870, № 28. — Он же. Биография А. П. Мельгунова. Русский архив, 1865 (то же сокр. в ЯГВ, 1888, № 50).

[2] Ук. изд., стр. 383—384. Сочинением, с опозданием удовлетворившим этот интерес, была «История Углича» Ф. Кисселя.

[3] А. А. Титов. Ростовский архиепископ Самуил Миславский в своих письмах кн. А. Б. Куракину. ЯЕВ, 1904, стр. 642, 659. См. также: Переписка А. П. Мельгунова с архиеп. Самуилом. ЯГВ, 1870, № 19—21.— В. Лествицын. Переписка А. П. Мельгунова с духовным ведомством (1779—1780 гг.). ЯГВ, 1872, № 19. — Он же. Переписка с Самуилом Авраамия Флоринского (1762—1765 гг.). ЯГВ, 1872, № 20.

[4] Ф. Рождественский. Митрополит киевский Самуил Миславский. Тр. Киевск. духовн. акад., Киев, 1877, стр. 52—54.

[5] Энциклопедический словарь Брокгауза, т. 56, стр. 247.

[6] Б. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, III, стр. 388.

[7] Титов, ук. соч., ЯЕВ, 1904, стр. 768—769, 782.

[8] Летопись о ростовских архиереях. Изд. ОЛДП, XCIV, 189, и предисл., стр. II—III.

[9] В. Лествицын. Переписка А. П. Мельгунова с архиереями (1788 г.). ЯГВ, 1870, № 32, стр. 124.

В письме от 4 V 1781 Самуил ответил Мельгунову: «В сходственность требования вашего высокопревосходительства как о ростовском архиерейском доме, так и о состоящих в епархии моей соборах, монастырях мужских и женских, сколько оных есть, кем и когда и на каком основании построены... для топографического описания надлежащие ведомости в консистории ростовской учинены, которые к вашему в-ву при сем препровождаю».[1] «Ведомость приходским церквам г. Ярославля, учиненная по резолюции преосв. Самуила... в 1781 г.» была издана Лествицыным.[2] Однако эта изданная часть или переработка «Ведомости» Самуила в гл. XXVIII, где описывается Власьевский приход, не содержит ни слова о нашем «Сказании»: указана лишь дата существующей церкви (1678).[3]

Таким образом мы видим, что след появления «Сказания» крайне запутан. Н. Верховой полагал, что «Сказание», полученное Самуилом, «как сведение, не носящее характера официального», не было использовано в официальной «Записке», представленной наместнику, но было сохранено им у себя.[4] Так это или не так, но кажется весьма вероятным, что интерес наместника к «переменам и приключениям» храмов Ярославля мог вызвать к жизни запись ходячих преданий на эти темы и попытку связать их в целое повествование. Несомненно, что именно текст сводного «Сказания» в изданной Лебедевым редакции отразился уже в риторической повести П. Львова, написанной им после посещения Ярославля в начале XIX в.;[5] об этом говорит ряд совпадений; его романтический «отшельник», живущий на берегу Волги и Которосли, так рассуждает о местных жителях: «с древних лет закоренелое суеверие поработило их кумиру Велесу, которого чтят они богом скотоводства... и в тьме своего заблуждения полагают, будто бы скотохранитель Велес, раздраженный принятием некоторыми из них христианской веры, послал им в казнь медведя страшного, что дал ему во глубине здешних дремучих лесов неприступное логовище. Какое пагубное изуверство!.. Лютый зверь ежедневно губит не только животных, на пажитях пасомых, но близ самых жилищ терзает людей...»[6] Далее отшельник слышит рев медведя и лай псов;[7] из рассказа боярина он узнает, что Ярослав приехал из Ростова, «узнав, что здесь свирепствует зверь

[1] ЯГВ, 1870, стр. 196, прим. 6.

[2] Церкви г. Ярославля в 1781 г. Записка ростовского архиеп. Самуила Миславского, представленная наместнику Мельгунову. Ярославль, 1874.

[3] Там же, стр. 60—62.

[4] Верховой, ук. соч., стр. 23.

[5] П. Львов. Великий князь Ярослав на берегах Волги. Повествование о построении города Ярославля, взятое из истории. М., 1820.

[6] Там же, стр. 20—21.

[7] Там же, стр. 23.

лютый, медведь ужасный...»[1] Здесь налицо сочетание мотива Велеса и медведя, характерное, как увидим ниже, для самуилова текста «Сказания». Таким образом вероятнее всего думать, что «Сказание» в данном виде появилось впервые под пером архиепископа Самуила и было связано с поручением ярославского наместника.

Можно предположить, что Самуил «сочинил» «Сказание»; при этом фантазии архиепископа представлялся неограниченный простор. Одно это соображение должно было бы исключить из поля зрения историка этот порочный источник. Однако ряд данных свидетельствует о том, что пером Самуила переработаны ходячие народные предания, которые содержали и рассказ об убийстве медведя князем Ярославом и об основании им города Ярославля. Так, М. Ленивцев составлял свое «Описание» Ярославля «из соображения местных преданий от самыя древности сохранившихся».[2] Уже в 80-х годах XVIII в. эти предания в литературе соединяются с историческими справками «из древних летописцев»; в кратком виде они изложены в мартовской книжке «Уединенного пошехонца» за 1785 г.[3] и словаре Максимовича.[4] В этих первых опытах разрешения вопроса о начале Ярославля отражены и две легендарные версии об основании первой церкви в городе (Илии или Петра и Павла), которые дали повод к разбору их Ленивцевым, а позже — Лествицыным.[5]

«Топографическое описание»[6] дает в развернутом виде то, что кратко изложено в перечисленных сочинениях; здесь приводится выписка из какого-то позднего, вероятно местного, летописца и предание о медведе в связи с гербом. Вот эти строки:

«Город Ярославль начало свое восприял при в. к. Ярославе Владимировиче, о сем в древнем летописце так повествуется: в лето от начала мира 6524, той год убил Святополк, сын св. и равноапостольного кн. Владимира, братей своих Бориса и Глеба. Борис княжил в Ростове, а Глеб в Муроме, тогда в. к. Ярослав Владимирович прогна братоубийцу Святополка из Киева, и потом пошел осмотреть после братей своих Бориса и Глеба праздных княжений; егда разделих оныя и помирился с братом своим Мстиславом в лето 6538, тогда шед из Новаграда перьвое сушею, а потом в судах и Волгою рекою, осмотреть Ростовского княжения, и ста на берегу Волги реки идеже ныне град Ярославль; изволи тут быти граду во свое имя Ярослав, и постави перво церковь во имя святых перьвоверьховных апостол Петра и Павла. И потом шед той в. к. Ярослав в Ростов и присла всяких мастеров, перевел многих переведенцев жити в нем, и тако бысть начало граду Ярославлю».[1] И далее: «Герб г. Ярославля, медведь в белом поле, стоящий на задних лапах и держащий на левом плече золотую на таковой же рукоятке секиру. Предание извещает, что сей герб издревле дан был в. к. Ярославом во время шествования его в Ростов проливом из Которосли в Волгу, по той причине, что он нашел там медведя, коего с помощью свиты своей убил; пролив же потом наименовал речкою Медведицею».[2]

Н. Верховой бегло коснулся структуры текста, считая, что язык «Сказания» свидетельствует об его принадлежности концу XVII или началу XVIII в. Он отметил, что «Сказание» неправильно названо: «как видно, исходною точкой в сказании служит повествование о начальном построении в Ярославле на месте керемети идола Велеса ц. св. Власия, а введение в сказание сведений о начале г. Ярославля служит только как бы вступлением. Поэтому было бы правильнее этому Сказанию придать заглавие не „О построении града Ярославля“, а „О начальном построении в Ярославле ц. св. Власия“. Переработано оно, как надо думать, из древнейшего ему подобного сказания, на что указывают подробности о быте насельников „Медвежьего угла“...»[3]

И. А. Тихомиров, попытавшийся разобраться всерьез в вопросе о достоверности «Сказания»,[4] пришел к следующим выводам: «Признать все сказание целиком за вымысел ученого невежды, как нужно это сделать с „Повествованием“ члена академии П. Львова, нельзя никаким

[1] Там же, стр. 25.

[2] Отечественные записки, т. XXX, 1827 г. Сочинение было представлено Ленивцевым гр. Румянцеву и называлось «Запиской» по поводу мнения о начале Ярославля, изложенного в «Географическом словаре» Щекотова (Востоков. Описание рукописей Румянцевского музеума, стр. 224. Предание о медведе см. на стр. 7—10 указанного тома ОЗ). О распространенности предания о борьбе с медведем свидетельствует явно поздняя попытка очень примитивно перенести ярославскую легенду на прошлое села Некоуз на Шексне (А. Овсянников. Село Некоуз. ЯГВ, 1868, № 40). Того же рода «предание» об убийстве кн. Константином ростовским в заповедной роще великого медведя (А. Титов. Ростовский уезд, стр. 195).

[3] Стр. 163—165: «О городе Ярославле».

[4] Л. Максимович. Новый и полный географический словарь Российского государства. Изд. Н. Новикова, М., 1789, т. VI, стр. 274. — Одноименный повторный словарь Щекотова (т. VII, стр. 383—384).

[5] В. Лествицын. Церковь Петра и Павла в Ярославле. Ярославль, 1878. Автор полемизирует со статьей Ленивцева, отстаивая точку зрения, что первой церковью, построенной Ярославом, была ц. Петра и Павла. При этом он рисует весьма фантастическую картину истории поселения до Ярослава, скептически относясь к легенде об убийстве медведицы. «Вероятнее всего, — пишет он, — что истории о медведях выдуманы хитроумными головами последних столетий на основании герба города». Основание Ярославля, как княжеского города, Лествицын связывает с 1024 г.

[6] «Топографическое описание Ярославского наместничества, сочиненное в Ярославле в 1794 г.». Книга крайне редкая, так как весь тираж сгорел при пожаре Ярославской типографии в 1795 г. (по записи А. Ф. Бычкова на экземпляре Библиотеки Академии Наук СССР).

[1] Там же, стр. 12.

[2] Там же, стр. 11—12.

[3] Ук. соч., стр. 22—23.

[4] И. А. Тихомиров, ук. соч.

образом. В основе сказания лежит древняя запись, но, видимо, подновлявшаяся».[1] «При чтении сказания получается такое впечатление, что сообщаемое большинством взято из действительности, правдиво и самобытно, что излагаются не умозаключения и наведения, и, тем менее, выдумки, а чаще всего положительные сведения и наблюдения, но несколько затемненные приемом изложения».[2] Тихомиров отметил и «поздний слог» сказания, не позволяющий отодвинуть его «дальше XVII в., а вставки даже к XVIII в.»; данный вариант сказания Тихомиров признал за «древнейший (не по форме, а в основе содержания) и за наиболее близкий к истине из всех вращающихся в письменности и в молве».[3]

Автор далее приводит обширный археологический, этнографический и исторический материал, доказывающий, с его точки зрения, достоверность сказания о Ярославле — Медвежьем угле.

Попытаемся подойти к этой теме с несколько иной стороны, чтобы затем пойти путем сопоставления данных «Сказания» с позитивными фактами, устанавливаемыми другими источниками.

Как мы знаем из обстановки, в которой возникла «Записка» Самуила, задачей ее была с в о д к а сведений об и с т о р и и ц е р к в е й г. Ярославля.

В тексте «Сказания» мы видим две ясно выраженные ц е р к о в н о - и с т о р и ч е с к и е т е м ы: 1) основание ц. Илии, 2) основание ц. Власия. В этом отношении «Сказание» явно распадается на две различных в литературном и фактическом отношениях части, отмеченные в тексте двумя несогласованными концовками: 1) «И тако делатели нача строити церковь святого пророка Илии», и 2) «Тако построися град Ярославль и создася сия церковь великого угодника Божия Власия, епископа Севастийского». Этим двум христианским темам соответствуют две языческих: ц. Илии — в память убитого князем «лютого зверя»; ц. Власия — на месте Волосова мольбища. Однако Волос включается и в первой части, но, как увидим ниже, это результат литературного сплетения двух фольклорных сюжетов в одно «Сказание». Первый компонент «Сказания» оканчивается первой концовкой, его тема — основание г. Ярославля и первой церкви Илии; здесь фигурируют князь Ярослав, два его прихода в Медвежий угол, рассказ о борьбе и победе над «лютым зверем» и постройке в память этого Ильинской церкви. Второй компонент, начинающийся словами: «Но егда построися град Ярославль», характерен отсутствием имени князя: здесь действует безыменный пресвитер и развернут сюжет постройки ц. Власия на месте

[1] И. А. Т и х о м и р о в, ук. соч., стр. 35—36.
[2] Там же, стр. 40.
[3] Там же.

мольбища Волоса; повествование уснащено риторическими фразами и особо распространяется о бесовских кознях.

Явное наличие в составе «Сказания» двух плохо связанных частей, проступающих даже при едином языке и стиле изложения, убеждает нас в том, что Самуил имел перед собой или два предания, или две их записи, которые ему надлежало объединить. Естественно, что при данных условиях всякая попытка расчленить произведение Самуила будет очень субъективной и условной, но попытаться сделать это необходимо.

По нашему мнению, «Сказание» может быть разделено следующим образом на два предания:

1. ПРЕДАНИЕ О ЯРОСЛАВЛЕ — МЕДВЕЖЬЕМ УГЛЕ И ЦЕРКВИ ИЛИИ

На берегу Волги и Которосли, среди лесов и пойм лежало селище Медвежий угол, населенное язычниками; они жили по своей воле и творили многие грабежи и убийства верным. Они были искусны в охоте, рыбной ловле и скотоводстве, от которого главным образом и кормились.[1] Князь Ярослав, защищая от их грабежа купеческий караван,[2] побеждает их, поучает, как жить и не творить обиды, и предлагает им креститься. Жители Медвежьего угла остались верны своей религии и поклялись[3] «жить в согласии»[4] и платить дань. Через некоторое время Ярослав вновь приехал[5] за сбором дани,[6] но был встречен выпущенным из клети «некиим лютым зверем» и псами; князь убивает зверя, а псы его не трогают. Убийство зверя производит на жителей потрясающее впечатление — они падают ниц перед князем («зверь» имеет явно необычный характер, его убийство повергает жителей Медвежьего угла в ужас). Князь упрекает их в нарушении клятвы «служить мне, князю вашему», издевается над их богом,[7] который допускает клятвопреступление, и заявляет, что он приехал не для звериной потехи и не на пир пить многоценное питие, а сотворить «победу». Затем на месте по-

[1] Исключаем вставку сюжета с Волосом и волхвом, служащим ему.
[2] Исключаем пока лишь риторическую вставку о «божьей милости».
[3] Волос исключается; он, как видим ниже, заменил здесь «лютого зверя».
[4] Эта формулировка показывает расхождение с вышеизложенным текстом о грабеже каравана купцов и продолжает первое определение их злодеяний, что они творили «мнози грабления и кровопролитья верным» — основная тема поучения князя касалась, следовательно, раздоров и борьбы внутри Медвежьего угла.
[5] Перечисление: пресвитеры, епископы, мастеры и прочие считаем вставкой, аналогично Волосу.
[6] Судя по предыдущему.
[7] Здесь тоже исключаем Волоса.

беды над зверем князь закладывает церковь Илии, в день которого он «победил» лютого зверя,[1] и срубает город, населяемый им христианами. Так основался город Ярославль, названный по имени князя, и первая церковь Илии.

2. ПРЕДАНИЕ О ПОСТРОЕНИИ ЦЕРКВИ ВЛАСИЯ В ЯРОСЛАВЛЕ

Когда был построен князем Ярославом город Ярославль и ц. Илии, язычники[2] жили особо и поклонялись в керемети Волосу, скотьему богу. Во время случившейся засухи и падежа скота они молились о низведении дождя Волосу. Пресвитер ц. Илии обратился к ним с проповедью о тщете языческого моления и призывал обратиться к христианскому богу. Язычники идут в город к церкви Илии и там совершают моление. Следует чудесное низведение дождя. Неверные признают силу христианского бога, издеваются над идолом Волоса и разрубают его, кереметь же поджигают. Происходит крещение язычников. Однако, на месте керемети начинаются «страхования», идут бесовские игры; скот, забредший сюда, тощает. Новообращенные считают это кознями превратившегося в «злого духа» Волоса. Пресвитер советует поставить здесь ц. Власия, так как он является покровителем скота. Ставится церковь, и козни беса прекращаются. Так создалась ц. Власия.[3]

Так, с нашей точки зрения, следует разделить литературное произведение Самуила на два лежащих в его основе предания. Следует отметить, что первое из них более конкретно и фактично, второе — более литературно и схематично; первое, несомненно, представляет собой народную легенду; второе может быть книжным произведением, в основе которого, возможно, лежали какие-либо поверья и рассказы, связанные с прошлым ц. Власия;[4] оно характеризуется связностью сюжетной нити, отсутствием противоречий и вставок, которые сделаны только в начале (Медвежий угол) и в конце («тако построися град») для связи предания о ц. Власия с планом сводного «Сказания».

Имея перед собой два самостоятельных рассказа, Самуил решил их объединить в одно целое,[1] но проделал эту операцию весьма примитивно. В первый рассказ явно интерполирован Волос, которому Самуил придает черты романтического волхва, гадающего по «воскурениям» дыма, приносящего человеческие жертвы и пр.,[2] вносятся риторические фразы, введение Волоса заставляет заменить название урочища «Медведица», бытующее во время Самуила и фигурирующее в его «Записке»,[3] — «Волосовой логовиной». В свою очередь во второй рассказ прибавлены «Медвежий угол» и концовка: «тако построися град. . .»

Язык первоначальных рассказов было бы тщетно пытаться реконструировать — он исчез в «подстариненном» языке архиепископа. Однако необходимо тут же указать, что ряд словесных оборотов самуилова текста очень близко совпадает с аналогичным по теме источником — «Повестью о водворении христианства в Муроме» (XVII в.), так же впитавшей в себя старые народные легенды. Ср. напр.: «А во граде Муроме живяху человецы прежде поганыя различныя языцы зли суще»; ответ князя: «Он же глаголет к ним: аз яко на пир или на вечерю или на брак иду пития многоценного испивати. . . победу сотворю или сам побежден буду. . .»; язычники — «клятвами себе утвердиша, оброки и дань даяти ему обещавахуся, токмо не хотяще креститися. . .» и мн. др.[4]

Сказанного, кажется, достаточно, чтобы стало совершенно несомненным, что Самуил не сочинил содержания «Сказания», а соединил в нем два самостоятельных рассказа, которые, конечно, вероятнее возводить к фольклору, в особенности первый; что касается второго, то мы отметили вероятность его книжного характера.

Обратимся теперь к некоторым замечаниям по поводу первого предания, посвященного возникновению Ярославля.

«Основание» г. Ярославля обычно связывается с именем Ярослава Мудрого и относится

---

[1] Если сопоставить «победу» в речи князя и именование убийства медведя «победой», то можно видеть, что легендой отмечается и борьба с поклонением этому зверю.

[2] Исключаем отсюда Медвежий угол, интерполированный из первого предания.

[3] «Построися град» исключаем.

[4] Сведения о ц. Власия не уходят раньше конца XVI — начала XVII в.: во время польской осады города в 1609 г. сгорела неизвестно когда построенная деревянная ц. Власия; новый храм, также деревянный, строится в 1614 г., причем в этом году освящается престол Сергия Радонежского; второй престол — Власия — в 1651 г.; в 1673 г. строится каменная церковь (Лебедев, ук. соч., стр. 1—3). Весьма вероятно, что в связи с посвящением церкви Власию в XVI—XVII вв. уже ходили какие-либо легенды о ее происхождении.

[1] Вероятно, мотивом этой сводки было желание возвести и Власьевскую церковь в древнейший памятник христианства: «древность» церкви и культа увеличивала его действенность.

[2] Возможно, что многое взято Самуилом в частности из Густынской летописи. См., напр., о Перуне: «ему же, яко богу, жертвы приношаху и огнь неугасающий з дубового древия непрестанно паляху; аще ли бы случилося за нерадением служащего иерея когда сему огню угаснути, такого иерея без всякого извета и милости убиваху» (ПСРЛ, II, изд. 1, стр. 256—257).

[3] В. Лествицын. Церкви г. Ярославля, стр. 9, 13 и др. «Медведица», как граница Рубленого города, фигурирует в словаре Максимовича (т. VI, стр. 276) и в приведенной статье «О г. Ярославле» в «Уединенном пошехонце» (стр. 168).

[4] Памятники старинной русской литературы (ПСРЛит), I, стр. 229—231.

к первой половине XI в. Большинство историков не называет точно даты основания; Карамзин лишь предполагал, что город основан Ярославом,[1] С. М. Соловьев также не решает точно вопроса,[2] Д. Корсаков говорит, что «в одну из поездок в Ростов был им [Ярославом] срублен город, названный им в свое имя Ярославлем»,[3] и в примечании приводит мнения авторов, пытавшихся определить даты «основания»: 989 г.[4] и 1026—1030 гг.[5] Устрялов рассматривал постройку Ярославля как один из шагов Ярослава в системе обороны Руси от «хищных» соседей» «на пределах черемисских»,[6] и т. п. Сомнений в отнесении основания Ярославля к Ярославу Владимировичу у историков, кажется, не возникало. Однако прямых указаний об этом летописи не дают. Первое упоминание летописей о Ярославле относится лишь к 1071 г.

Самуилово «Сказание» говорит о князе Ярославле и его двух приходах в Медвежий угол. Первый связан с подавлением «разбоя» его обитателей или острой борьбой внутри Медвежьего угла на Волге и обложением жителей данью; второй, очевидно, с появлением князя уже за получением самой дани, когда он и основывает «город». Никаких данных о том, что это Ярослав Владимирович, нет; однако постройка князем первой церкви Илии действительно ассоциируется с именем полуэпического сына Ярослава — Илии.[7] Учитывая это обстоятельство и тот факт, что в 1071 г. Ярославль, по свидетельству летописи, уже существует как феодальный центр, следует считать, что эта часть «Сказания» стоит близко к действительности, относя освоение Медвежьего угла к князю Ярославу Владимировичу и, как полагал Тихомиров, к 1024 г. и походу на восставших «в Суждали» смердов.[8]

Однако «Сказание» содержит отражение и более поздних событий — конца XI в., связываемых с именем другого Ярослава, брата Олега Святославича. Под 1088 г. в Лаврентьевской летописи находится известие: «В се же лето възяша Болгаре (Волжскиа и Камскиа) Муром».[9] Татищев прибавляет: «в те времена были на Волге и Оке разбои, и многих болгар торгующих пограбили и побили. Болгари же присылали ко князю Олегу и брату его Ярославу просить на разбойников, но не получа управы, пришед с войски Муром взяли и пограбили, а села пожгли».[1] Позднее Ярослав Святославич участвует в борьбе своего брата Олега с Мстиславом за обладание Ростовской землей; в 1096 г. он отправлен им в сторожи навстречу войскам Мстислава «на Медведицу», левый приток Волги. На р. Медведице сохранилось большое городище (около д. Посады), называемое преданием «городом Медведем».[2] Об отступлении Ярославовой заставы Мстислав узнал только пришедши на Волгу.[3] Татищев добавляет, что вслед за Ярославом пришли вести, что «Мстиславли передовые на г о р о д и щ е стражу Олгову пленили и побили».[4]

Приведенные сопоставления показывают, что в самуиловом «Сказании» нашло отражение и позднейшее, относящееся к Ярославу Святославичу, событие. В «Сказании» сплетаются, таким образом, Ярослав Владимирович и Ярослав Святославич. В деятельности того и другого много общих черт, облегчающих это сплетение: борьба со смердами, борьба с волжским разбоем, подчинение смердов и обложение их данью.

Однако здесь можно предполагать и сознательную интерполяцию Самуила. Как мы выше отметили, здесь налицо противоречие: сначала говорится, что жители Медвежьего угла «мнози грабления и кровопролития верным твориали», затем следует появление Ярослава на Волге (что согласно с летописью), далее (считаемая вставкой) история о защите каравана, завершаемая тирадой о помощи божией князю; нижеследующая речь князя, к удивлению читателя, не содержит ни слова об этом случае разбоя, и жители «обеща князю ж и т и в с о г л а с и и»; следовательно, в предании речь шла не о разбое на Волге, а о какой-то в н у т р е н н е й б о р ь б е, в которую вмешался князь. Таким образом следует думать, что в предании рассказ о разбое на Волге отсутствовал и внесен Самуилом (может быть, из Татищева) с целью мотивировать приезд князя, что значительно затемнило смысл первоначального предания. Некоторые дополнительные замечания к литературной истории «Сказания» сделаем ниже.

После этого мы можем перейти к непосредственно нас интересующему сюжету рассказа о гибели ярославских волхвов в 1071 г.

---

[1] История Государства Российского (ИГР), изд. Эйнерлинга, II, стр. 54.

[2] История России, т. I. Изд. «Общ. польза», стр. 212.

[3] Меря и Ростовское княжество, стр. 69.

[4] Л е н и в ц е в. О начале г. Ярославля. Отеч. зап., 1827, кн. 84. Той же точки зрения придерживается И. Рогозинников (О времени основания г. Ярославля — ЯГВ, 1862, № 1).

[5] Исторические исследования о начале и основании г. Ярославля. ЯГВ, 1842, № 10.

[6] У с т р я л о в. Русская история, ч. I. СПб., 1849, стр. 67. — Э к з е м п л я р с к и й. Великие и удельные князья, II. СПб., 1891, стр. 63—64.

[7] К а р а м з и н, ИГР, т. II, прим. 20.

[8] Т и х о м и р о в, ук. соч., стр. 36, прим. 3.

[9] ПСРЛ, I, 89, в скобках — дополнение по Никоновской летописи (ПСРЛ, IX, стр. 115).

---

[1] История российская, кн. II, стр. 139—140 (со ссылкой на «нижегородский и Макарьевский манускрипты», стр. 440, прим. 298).

[2] В. А. П л е т н е в. Об остатках древности и старины в Тверской губ. 1903, стр. 278.

[3] ПСРЛ, I, стр. 108.

[4] История российская, кн. II, стр. 165—166 и прим. 323. Татищев полагает, что данники были захвачены в «Кимерах» и городища приурочивает к этому же району.

II. МЕДВЕЖИЙ КУЛЬТ У СМЕРДОВ ПОВОЛЖЬЯ XI В.

Уже самый характер казни волхвов, изображенный скупыми словами краткого летописного рассказа 1071 г., приводит, как мы отметили выше, к мысли, что мы имеем дело не с простым повешением-казнью. Волхвов сначала убили и уже их трупы повесили на «дубе» или «дереве».

Возможно предложить несколько истолкований этого обстоятельства, которые при этом могут не исключать друг друга, а наличествовать одновременно. Перед нами прежде всего, видимо, определенный вид погребального обряда, когда труп не зарывался в землю, а подвешивался на дереве, — обычай, известный у ряда народов Сибири; так, у якутов покойник, завернутый в шкуру или в гробу, подвешивался между деревьями;[1] у одулов (юкагиров) трупы вешались на дерево, что потом сохранилось для «погребения» костей медведя, почитаемого одулами;[2] у прибайкальских эвенков древний способ погребения на дереве или двух столбах сохранен только для умерших детей.[3] Любопытно, что в ряде случаев похороны на дереве применяются для шаманов; так, у якутов тело шамана сжигается, а кости и пепел складываются в выдолбленном углублении в дереве;[4] то же у бурят, где, кроме того, есть и другой обряд, когда на дерево ставится гроб с телом шамана;[5] у эвенков первоначально покойник подвешивался на дереве, затем этот способ сменился погребением на помосте, которое закрепилось для захоронения шаманов и детей.[6]

Вполне ясные указания на наличие в самом Поволжье обряда надземного погребения путем подвешивания на дереве сохранились в мордовском фольклоре. Например, в песне умирающая девушка обращается к родителям:

«Не хороните меня, матушка, на кладбище,
Похороните меня, матушка, около большой
дороги,
Около большой дороги, на старом дубе...»

В другой песне:

«Вели положить меня, батюшка, на вершину
березы...»[1]

Около с. Лебежайки (б. Хвалынского у. Саратовской губ.) есть гора, называемая по-мордовски «Горой плача». Сюда мордовское население сносило своих покойников, умерших зимой, и подвешивало их на березе. Местные жители объясняли этот обычай двумя мотивами. Одни тем, что зимой трудно рыть могилу. Другие тем, что при подвешивании покойника его душа очищалась зимой настолько, что становилась белой, как снег или кора березы. Весной покойника хоронили в могилу, а родственники в продолжение трех дней плакали, отчего гора эта и была названа «Горой плача». Этих покойников на кладбище никогда не носили, но зарывали тайно в лесу под той же березой, на которой они зимовали.[2]

Отметим возможность и другого толкования этого повешения трупов волхвов. Можно думать, что Ян Вышатич не случайно вез волхвов до устья Шексны и здесь на высоком дереве приказал повесить их трупы посредине дороги, пройденной повстанцами, на «перепутье» Волги и Шексны. Так вешали и позже восставших против феодального строя разинских и пугачевских «мятежников», пуская даже плоты с виселицами по течению реки в целях устрашения населения. Однако вряд ли в XI в. «техника» феодальной расправы была столь утонченна.[3]

---

[1] М. Овчинников. Исчезнувшая форма погребения у якутов. Этнографическое обозрение (ЭО), 1905, № 1, стр. 172—173.

[2] В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. СПб., 1900, стр. 124, 148. Подвешивание костяка медведя известно у приаянских тунгусов [Э. К. Пекарский и В. П. Цветков. Очерки быта приаянских тунгусов. Сб. «Материалы по археологии и этнографии» (МАЭ), т. II, вып. 1, СПб., 1913, стр. 113], ламутов (на помосте в лесу) (В. Г. Богораз. Ламуты. Землеведение, 1900, № 1, стр. 65) и др.

[3] М. Г. Левин. Эвенки северного Прибайкалья. Советская этнография (СЭ), 1936, № 2, стр. 76. Обзор надземных погребений см.: Th. Preuss. Die Begräbnisarten der Amerikaner und Nordostasiaten. Königsberg, 1894, стр. 137—148.

[4] Д. К. Зеленин. Очерки русской мифологии, II. 1916, стр. 91—92. — Г. В. Ксенофонтов. Хрестес, шаманизм и христианство. Иркутск, 1929, стр. 11—13.

[5] А. В. Потанина. Из путешествий по восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895, стр. 12—13. — Б. Э. Петри. Старая вера бурятского народа. Иркутск, 1928, стр. 72. — Хангалов и Агапитов. Шаманство у бурят. Изв. Вост.-сиб. отд. РГО, т. XIV, № 1—2, стр. 55.

[6] К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. Землеведение, 1922, кн. 1—2, стр. 89, 101. — Hiekisch. Die Tungusen. СПб., 1879, стр. 97.

---

[1] А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910, стр. 436, 448, также 193.

[2] В. В. Гольмстен. Надземные погребения в Среднем Поволжье. Краткие сообщения ИИМК, в. V, 1940, стр. 56.

[3] Впрочем, по словам Ибн-Фадлана, у волжских болгар и русов вор и разбойник вешались на дерево и оставались висеть, пока не истлеют (Ибн-Фадлан. Путешествие на Волгу. М.—Л., 1939, стр. 73—74, 76, 80). Повешение на дереве и удавление у русов имело явно ритуальный характер; напр., принесение в жертву животных осуществлялось путем повешения; ритуальное убийство рабыни при похоронах знатного руса, как известно, также осуществлялось путем удавления (там же, стр. 83). Ср. с повешением разбойников у русов расправу с восставшими поморянами, которые были повешены не на виселице, но «как собаки или заарканенные волки подвешены» (Отрывок неизвестного автора о нравах поморян. — А. Котляревский. Сказания об Оттоне Бамбергском. Прага, 1874, стр. 143). Любопытно, что в «Московском летописце XVII в.», изданном Халанским, мотив повешения волхвов введен в легенду о вещем Олеге: узнав о смерти коня, «князь же Олег посмеявся не мало и рече волхвом то суд неправы речи и главы ваши и повеле их

Повешение уже мертвых тел указывает на определенное отношение к волхвам их земляков — поволжской «старой чади», повозников Яна. В их глазах волхвы явно представлялись посредниками с языческими божествами, их личность была овеяна определенными сверхъестественными качествами. С этой точки зрения мертвые волхвы, возможно, представлялись «заложными покойниками», что в особенности не допускало их погребения. Погребение «заложных» покойников в земле, по народному поверью, ведет к недородам хлебов, поэтому еще в XIII в. наблюдаются случаи «выгребания» их; борьба церкви с этим обычаем отразилась в «Слове о маловерии» еп. Владимирского Серапиона, приурочиваемом к голоду 1273 г.[1] В условиях голода 1071 г. этот мотив более чем реален. Он также, может быть, объясняет сохранение особого обряда погребения волхвов, а также, почему волхвов «повесили» не в Белоозере и не в Ярославле, а в устье Шексны, на «перепутье» двух водных дорог, — погребение «заложных покойников» на перекрестках или на границах полей диктовалось желанием запутать «души» погребенных, чтобы они в своих загробных странствованиях не нашли убийц и их селений.[2] Учитывая родовой характер расправы с волхвами, можно, кроме того, указать, что здесь могло сказаться и встречающееся обыкновение выставлять трупы или часть трупов, подвергшихся кровной мести, в знак ее совершения, что содействовало прекращению вражды. Распоряжение Яна Вышатича «мьстить своих» было несомненной уступкой обычному праву местного населения — праву, которое, однако, было не вполне чуждо представлениям и самого Яна; не случайно летописец отметил, что это «отместье от бога по правде».

Само нахождение дуба, на котором были повешены трупы волхвов, на слиянии двух рек, находит себе аналогию в стоявшем также в устье Десны священном дубе славян-язычников.[3] У балтийских славян, по свидетельству Гельмольда, под священным дубом приносились жертвы, а также собирался народ для княжеского суда — «это место было святыней целого края».[4] Почитание деревьев дожило в Пошехонье, где действовал Ян в XI в., до XIX в.;[5] известны священные деревья и у поволжской мордвы;[6] можно, следовательно, думать, что

обесити на древе». См.: Халанский. Экскурсы в область древних рукописей. Тр. Харьковск. предвар. комитета XII Археол. съезда, стр. 414.

[1] Е. В. Петухов. Серапион Владимирский. Прил., стр. 14. — Д. К. Зеленин. Очерки русской мифологии, стр. 57—58, 82.

[2] Зеленин, ук. соч., стр. 55 и др.

[3] В. Козловская. Сторінка з обсягу культів. Свячений дуб Слов'ян поган. Первисне громадянство. Киев, 1928, т. I. Ср. также священный дуб на острове Хортица в рассказе Константина Багрянородного.

[4] Цит. у Козловской.

[5] См. ниже.

[6] М. Е. Евсевьев. Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губ. Живая старина

и в данном случае заключительный акт суда княжеского агента Яна был разыгран не в случайном месте, но в традиционном — у священного дуба в устье Шексны.[1]

Все указанные моменты могли найти свое отражение в странной обстановке расправы с волхвами. В условиях ожесточенной борьбы старого и нового в XI в. могло иметь место самое причудливое переплетение шатавшихся старых обычаев и неукрепившихся окончательно новых. Таким образом уже самые обстоятельства гибели волхвов, сообщаемые рассказом летописи 1071 г., вводят нас в область весьма архаических представлений и обычаев поволжских смердов и приводят к сопоставлениям их с обычаями охотничье-рыболовческих народов Сибири.

Если отмеченные этнографические особенности летописного рассказа о надземном погребении волхвов прошли неотмеченными исследователями, то вторая его деталь обратила на себя внимание. Уже Е. В. Аничков отметил, что в сюжете съедения медведем повешенных волхвов нашла свое отражение «инородческая мифология»; он указал при этом на распространенность медвежьего культа у славян и финнов и аналогии ему у народов Сибири и Севера.[2] Вслед за Аничковым это наблюдение повторил В. Г. Богораз-Тан,[3] бегло затронул эту тему А. В. Марр.[4] Более внимания было уделено «медведю» и «Медвежьему углу» самуилова «Сказания» о начале Ярославля. Борщевский высказал предположение, что Медвежий угол самуилова «Сказания» был поселением рода, имевшего тотемом медведя, ссылаясь при этом на находки глиняных изображений медвежьей лапы в курганах с. Михайловского, раскопанных Тихомировым, и на отражение этого в гербе княжества, представляющем медведя, стоящего на задних лапах и держащего на плече алебарду.[5] Однако вопрос не был подвергнут должному изучению с привлечением возможных данных для его разрешения, хотя пути к ответу на него и большой материал были указаны в работе Тихомирова.[6]

Как мы знаем, «Сказание о построении Ярославля» сплетает две легенды с двумя отличными культовыми линиями: одна — «лютый зверь» — Илья, другая — Волос — Власий. Сплетение осуществлено неискусно и очень ясно про-

(ЖС), 1914, № 1—2. — А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник, стр. 193 и др.

[1] По местному преданию на месте Белозерска, стоявшего, якобы, на истоке Шексны, были березы и камни, перед которыми приносились жертвы (С. Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, ч. II. М., 1850, стр. 71). Любопытно, что дуб в народных представлениях был деревом нечистым. См. напр. «Беседу 3-х святителей» (ПСРЛит, III, стр. 172).

[2] Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, стр. 272—274.

[3] В. Г. Богораз-Тан. Легенда об умирающем и воскресающем боге. Худ. фольклор, I, М., 1926.

[4] Доклад 21 III 1938 в ЛОИИ АН СССР «Восстания смердов и проблема возникновения феодальных отношений в Ростово-Суздальском крае».

[5] Борщевский, ук. соч., стр. 9.

[6] Тихомиров, ук. соч.

слеживается, но кроме того эта литературная обработка закрыла и заменила рассказом о Волосе некоторые детали первой легенды. Приехавший «вторично» князь, «егда входи в сие селище, людие сего испусти от клети некоего люта зверя и псов», но князь «секирою своею победи зверя»; ц. Илии ставится в память «победы» князя над «хищным и лютым зверем». Припоминая, что в сочинении Львова, отразившем «Сказание», говорится просто об убийстве князем медведицы, мы можем не сомневаться, что в данном случае «зверь» — это медведь. То, что он не назван по имени, весьма важно и указывает на его священное значение и характерную для народных представлений табуацию имени «медведь»;[1] самое название селища «Медвежий угол» подтверждает это. Против князя, следовательно, был выпущен медведь, содержавшийся в клети; его убийство князем приводит в ужас «безбожных»: они падают ниц перед князем — это новое указание на священное значение медведя; построение ц. Илии в благодарность победы над медведем показывает важность этого события в оценке народной легенды. Здесь-то мы и сталкиваемся с Волосом. Убивший медведя князь продолжает в «Сказании» Самуила говорить о Волосе, о клятве, данной перед ним, и о нарушении ее, показывающем слабость этого бога. Но он не разрушает, как было бы нормально в развитии сюжета, для постройки церкви «керемету»[2] Волоса, но «опасно согляда все место пусто», где им был убит медведь, и строит ц. Илии на нем.[3] Нам представляется несомненным, что здесь, в первоначальной легенде, до переработки Самуила, речь шла исключительно о медведе, его почитании и клятве, данной этому священному зверю.

Содержание легенды при этом получает вполне связный и последовательный порядок: в связи с острой социальной борьбой, шедшей в Медвежьем углу, туда приезжает Ярослав, подчиняющий себе это селение и облагающий его данью, скрепленной «медвежьей присягой», однако, во «второй приезд» князя за данью, на него выпускают содержавшегося в клети медведя; борьба с ним, его убийство князем с последующей иронической речью князя о бессилии их «бога», наконец, основание церкви Илии и княжеского города — такова схема первой легенды.

Сюжет второй легенды «Сказания» о засухе и чудесном низведении дождя говорит исключительно о Волосе: он мстит за отступничество в христианство своих поклонников «сокрушением» скота, так же как они «сокрушали» его «кереметь» («и скотии на пажити сокрушати»); «страхования» же на месте мольбища заключаются в том, что там «незримо» происходят бесовские игрища скоморошеского характера с сопелями, гуслями и пляской, т. е., очевидно, происходят те же языческие обрядовые действа, которые были связаны с этим мольбищем. Постройка ц. Власия прекращает бесовские козни. На этом кончается вторая легенда. Но и в этом конце рассказа просвечивает сквозь имя Волоса «сокрушающий на пажитях скоты» медведь.[1] Самый культ Власия находит точки соприкосновения с почитанием медведя:[2] Власий считается покровителем скота, благодаря своей власти над хищными зверями;[3] в день Власия (11 февраля) исполняются обряды, предохраняющие дом и скот от проделок домового. В этих обрядах также фигурирует медведь.[4]

---

[1] Медведя олончане называют: зверь, он, сам, хозяин; алтайцы: он, старичок, почтенный; юкагиры: босоногий дед и пр., но никогда по имени (Харузин, Этнография, IV, 143; см. также сводку у Д. К. Зеленина: Табу слов..., Сб. МАЭ, т. VIII, стр. 99 и сл.).

[2] Любопытную параллель «керемети» самуилова «Сказания» содержит «Сказание о Петре и Февронии», по которому Агриков меч найден в церкви «в олтарной стене между керемидами» (Буслаев. Очерки, стр. 288). По неясным данным, в ц. Спаса в Муроме при копании рвов для фундаментов алтаря было найдено 5 сосудов, служивших, «повидимому, для жертвоприношения» (Древности. МАО, т. VIII, Прот., стр. 41—42). Едва ли, впрочем, «кереметь» «Сказания» не присочинена Самуилом.

[3] Заслуживает внимания сообщаемое Шевыревым белозерское поверье, что Илья — хозяин дождя, имеющий власть «затворить небо на три года». Сопоставляя с этим рассказ летописи 1024 г. о голоде в Поволжье и последующем «поучении Ярослава» о том, что «бог наводить по грехом на куюждо землю гладом, или мором ли ведром...», т. е. засухой, видим новую нить, связывающую легенду с летописью (С. Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, ч. II. М., 1850, стр. 66—67. — Афанасьев. О поэтических воззрениях славян на природу, т. I, стр. 476—479, 698): «Кто поставил пол-четверта столпа от земли до небеси? Илия пророк, не одожди земли 3 лета и месяц 6» (Беседа 3-х святителей. ПСРЛит, III, стр. 170. — И. Калинский. Церковно-народный месяцеслов на Руси, стр. 422 и сл.).

[1] Ср. первое место, занимаемое медведем в пастушьих заговорах, приводимых ниже.

[2] Весьма вероятно, что между культом Власия-Волоса и почитанием медведя существует более глубокая историческая связь, чем мы это сейчас можем предположить. Отметим здесь пока лишь встречу в области народных астральных представлений: так, созвездие Плеяд, называемое в древней народной терминологии «волосожары», «волосижар», «волосыни», «власожельцы», связывается с приметами по медвежьей охоте: яркое сияние Плеяд предвещает успешную охоту на медведя (А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910, стр. 93. — Щапов. Исторические очерки народного миросозерцания. ЖМНП, ч. 119, стр. 1. — Афанасьев. О поэтических воззрениях славян, т. I, стр. 221, прим. 4).

[3] Н. В. Малицкий. Древне-русские культы сельскохозяйственных святых... Изв. ГАИМК, т. XI, вып. 10, стр. 12—13.

[4] Терещенко. Быт русского народа, вып. VI, стр. 36—39. «Против домовых приводят в дом покащика медведя; он начинает с заговора, водит медведя по углам двора и дома, стрижет с медведя шерсть и, зажигая ее, окуривает весь дом; водит медведя по спине того человека, которого беспокоит домовой». Ср. этот пережиточный обряд с поверьем, что приход ряженого медведя в дом приносит урожай (Фаминцын. Скоморохи на Руси, стр. 95). На иконе Власия, изданной И. А. Голышевым (Памятники русской старины Владимирской губ. Голышевка, 1882, л. 2), дьявол имеет

В истории Ярославской Власьевской церкви чрезвычайно характерно, что после ее пожара в 1609 г. была построена новая 3-престольная церковь. Власьевский престол был освящен вторым (1651 г.), а первым — придел Сергия Радонежского, [1] также кормителя и усмирителя медведей (см. его житие).[2] Таким образом, мы видим, что рассказ второй легенды о культе Волоса заслонил в «Сказании» сюжет первой легенды, где совершенно отчетливо выступало почитание медведя. [3]

На наличие медвежьего культа или почитания медведя в Поволжье, идущего с глубокой древности, указывает совершенно бесспорно и местный археологический и этнографический материал. Здесь прежде всего следует обратить внимание на некоторые факты глубокого прошлого Ярославского края, связанные с так наз. фатьяновской культурой. [4] Ее основные памятники сосредоточены в Ярославском крае (Фатьяновский и Великосельский могильники), а пределы распространения очерчиваются Волжско-Окским междуречьем и ближайшими к нему районами. [5] Археологически это пора ранней бронзы (II тысячелетие до н. э.), характеризуемая скорченными погребениями и значительными переживаниями неолитической техники (каменные сверленые топоры разнообразных форм); костяные поделки наиболее многочисленны в ярославских памятниках. Среди них мы должны подчеркнуть находку в Фатьяновском могильнике двух просверленных медвежьих зубов [1] и ожерелья из звериных зубов и костяных цилиндров из Великосельского могильника (рис. 1); [2] Уваров сообщает, что в одном из фатьяновских погребений на шее костяка было ожерелье, состоящее сплошь из звериных зубов; отдельные зубы были орнаментированы, имели сверлины и являлись клыками медведя, кабана, рыси, лисы; [3] аналогичные великосельскому ожерелья из зубов и трубчатых костей были найдены Н. Макаренко в погребении фатьяновского типа около с. Троицкого на Волге [4] и К. Я. Виноградовым у Ивановой горы на р. Рузе. [5] По сообщению

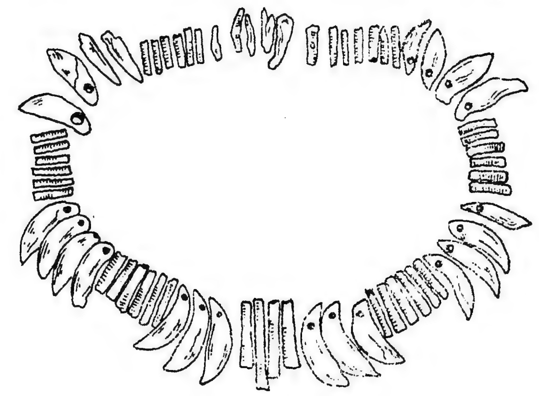


Рис. 1. Ожерелье из Великосельского могильника.

Д. А. Крайнова, неопубликованные материалы из раскопок фатьяновских памятников последних лет дают еще более интересные в плане нашей темы факты; был найден ряд кремневых поделок в форме медвежьего клыка; стали известны находки в могильниках, на ряду с погребениями человека, костяков медведя. [6]

С аналогичными явлениями мы сталкиваемся и в северо-западной области. В. С. Передоль-

морду, схожую с медвежьей. Отметим еще старую Власьевскую часовню в д. Большая Медвежья б. Вельского у. Вологодской губ. (Н. Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву. 1934, рис. 71).

[1] Лебедев, ук. соч., стр. 1 и 2.

[2] Сам Сергий Радонежский был уроженцем Ростова. «Мнози бо тогда зверие часто нахожаху на нь не токмо в нощи, но и во дни, бяху убо зверей стадо волков выюще и ревуще, иногда же и медведие...» «И от них же един зверь, рекомый аркуда, еже сказуется медведь, иже повсегда обычай имат приходити к преподобному...» Сергий приручил его. Эта тема подробно освещена Епифанием в «Житии». Интересно, что для Епифания, как и для авторов рассказа 1071 г., само имя «медведь» не было «запретным»; Епифаний даже поясняет им греческое название зверя. Следует обратить внимание и на характер искушения Сергия: бесы «преображахуся убо овогда в зверя, овогда в змиа... ови свисканием и зверьским сверепьством устремляющиеся» (ср. искушения печерских затворников). В житии Сергия любопытен также сюжет «о видении святого ученик своих», которые представлялись в виде «множества птиць зело красных, седящих не токмо в обители святого, но и округ обители и въспевающимь несказанно ангельския песни...» (ср. веру в «потки») (Великие минеи четьи. Изд. Археогр. ком., сентябрь, ст. 1415, 1425, 1498, 1501—1502).

[3] Отметим, что культ Волоса был, по всем данным, племенным культом новгородских славян. Может быть в Поволжье, тесно связанном с северо-западной колонизацией, этот культ был также связан с той частью языческого славянского населения, которая была пришлой. Ср. идола Волоса в «Чудском конце» Ростова в житии Авраамия ростовского и многочисленные следы имени «Волос» в топонимике края.

[4] В. А. Городцов. Бытовая археология, стр. 270—271. — А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА, V. — Он же. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России. ЗОРСА, VII.— A. M. Tallgren. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. Hels., 1911. — Idem. Fatjanovokulturen f. Centralrussland. Hels., 1924, стр. 2—3.

[5] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Ср. России. Отчет Истор. музея за 1914 г., М., 1916, стр. 126. Отметим, что Спицын находит их и по Шексне (ЗОРСА, VII, стр. 80).

[1] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи..., стр. 157.

[2] В. А. Городцов. Раскопки на Черной горе в окрестностях с. Великого (оттиск из ЯГВ). Ярославль, 1898, стр. 5. — Он же. Культуры бронзовой эпохи. ЗОРСА, V, 1, стр. 158, табл. XXV.

[3] А. С. Уваров. Археология России, т. I, стр. 399, 408—409. Атлас, табл. II.

[4] Н. Макаренко. Поездка 1903 г. по верхнему течению Волги. ИАК, вып. 6, стр. 83—84.

[5] К. Я. Виноградов. Три этапа культуры у Ивановой горы. М., 1929, стр. 16—25.

[6] Приношу благодарность Д. А. Крайнову за разрешение опубликовать эти данные. Если костяки медведей являются действительно погребениями медведей, то это дает исключительно интересный археологический комментарий к этнографическим сведениям о погребении медведей или их костей охотничьими племенами в целях «возрождения» зверя или предупреждения его мести (Зеленин, Табу слов..., стр. 40, 46—48).

ский сообщает, что в урочище Коломцы на оз. Ильмень на месте неолитической стоянки «мы находили, если не всегда, то очень часто, пальцевые кости медвежьей лапы зарытыми в одну яму с костями человека»; [1] при захоронениях вместе с человечьими костями находились кости животных, «между которыми нередко были медвежьи, а один раз пять фаланг лапы очень крупного медведя». [2] Тот же автор отмечает находки большого количества медвежьих костей на Коломцах, говорящие о пищевом значении медведя, а также многочисленных подвесок из зубов медведя и одной пальцевой фаланги медвежонка со сверлиной. [3] Объясняя эти находки, Передольский высказывается в пользу медвежьего культа у населения Коломцов и в этой связи предполагает, что и летописный «Зверинец» в Новгороде XI в. ведет свое происхождение от глубокой древности, являясь местом «общественного содержания священных зверей». [4] В своей догадке о смысле находок на Коломцах В. С. Передольский был, как увидим, более прав, чем А. С. Уваров, считавший фатьяновские ожерелья и подвески из медвежьих зубов простым украшением, лишенным культового значения. «Поражающая с первого взгляда стандартность инвентаря фатьяновских погребений, несомненно, свидетельствует о его ритуальном значении» — замечает П. Н. Третьяков. [5] Ритуальное значение несомненно и для медвежьих подвесок из этого инвентаря.

А. С. Уваров отметил, что антропологически черепа из фатьяновских погребений близки «мерянским» долихоцефальным. [6] Нужно обратить внимание на примечательное обстоятельство, что часто на местах фатьяновских могильников мы встречаемся с развитием культуры «дьяковых городищ», а затем и славянской; А. А. Спицын указал на находки в курганах Петряихи б. Юрьевского у. Владимирской губ. вещей фатьяновского типа. [7] Эти пока отрывочные наблюдения намечают линию исторической преемственности, идущей от времени фатьяновской культуры к эпохе, нас интересующей (XI—XII вв.), которая, однако, не поддается полной реконструкции.

В древнейших славянских курганах северо-западной области с сожжениями и сопках (VIII—X вв.) «с костями человека смешаны кости животных преимущественно домашних, но нередко также медвежьи кости». [1] Н. Е. Бранденбург отметил, что медвежьи кости встречаются исключительно в древнейших курганах южного Приладожья; [2] припоминая медвежий культ у народов Сибири, автор, однако, оговорился, что медвежьи кости приладожских курганов не имеют сверлин, что они, следовательно, не носили характера амулетов, что медведь был, таким образом, жертвенным животным или поедался на тризне. [3] Характерно, что медвежьи кости преобладают (9 погребений), равняясь лишь с костными остатками лошади (8 погребений); из 9 случаев нахождения медвежьих костей вместе с ними находились кости лошади (2 погребения), лошади и лисицы (1), лошади и мелких животных (1), в 5 погребениях только медвежьи кости. При этом любопытно, что из медвежьих костей встречались, как и в Коломцах, только когтевые фаланги. [4] Представляется несомненным, что вместе с останками сожженного человеческого трупа в курган полагалась медвежья лапа, имевшая явно обрядовое значение.

Об этом с полной убедительностью свидетельствуют более поздние (IX—X вв.) владимирские курганы, где мы встречаем уже изображения медвежьей лапы из глины. Кроме указанных Борщевским предметов из Михайловской курганной группы под Ярославлем (раскопки Тихомирова 1897 г.), [5] следует указать на материалы уваровско-савельевских раскопок в Суздальской земле. [6] Глиняные изображения медвежьей лапы (рис. 2, *1—2*) найдены в курганах Веськовской группы (№№ 830, 885, 886, 920, 1044, 988), Б. Бремболы (№№ 1459, 1493, 1538, 1546), Городища (№№ 2411, 2476), Шурскало (№ 661), Васильки (№№ 20, 23, 51, 129, 213, 227), Богослово (№ 689). Таким образом, глиняных лап, отмеченных в описях Уварова, найдено 20, их несомненно было больше. Обычно находка лапы часто сопровождалась присутствием в том же кургане глиняного же изображения круга-кольца (рис. 2, *3*), из 20 находок лап в 8 (или 10) случаях (Веськово, №№ 885, 886, 920, 1044; Брембола, 3 названных кургана; очевидно, Городище, №№ 2411, 2476). Это позволяет думать, что там, где найден был глиняный круг-кольцо, была и лапа; таких находок отмечено Уваровым 10 (Весь, №№ 1, 6, 46; Веськово, №№ 949, 986, 1037, 1042; Шурскало, № 630; Кустеря, № 753;

---

[1] В. С. Передольский. Новгородские древности. Н., 1898, стр. 175.
[2] В. С. Передольский. Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского бассейна. СПб., 1893, стр. 132.
[3] Там же, стр. 12, 106, 118, 120.
[4] Новгородские древности, стр. 176. Ср.: Соловьев. История России, т. I, стр. 296, прим. 7.
[5] П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Сб. «Из истории родового общества на территории СССР», Изв. ГАИМК, вып. 106, стр. 102.
[6] А. С. Уваров. Каменный век. Археол. России, т. I, гл. XVI, стр. 415—416.
[7] А. А. Спицын. Новые сведения..., ЗОРСА, VII, стр. 76.

[1] А. А. Спицын. Сопки и жальники. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2 (нов. сер.), стр. 142—143.
[2] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. Материалы по археологии России (МАР), № 18, стр. 6.
[3] Там же, стр. 15.
[4] Там же, стр. 13—14.
[5] Тихомиров, ук. соч., табл. III, 14 и 15. — F. I. Arne. Ett svensk gravfälti guvern. Jaroslavl. Fornvännen..., 1918, стр. 45.
[6] А. С. Уваров. Меряне. Тр. I Археол. съезда, стр. 820—823 и др.

Шокшово, № 239); таким образом, можно считать количество глиняных медвежьих лап до 30. Уваров подчеркивает особое значение и частоту находок этих предметов в курганах, из чего мы можем заключить, что его перечни и дневники не отражают огромного большинства их,[1] тем более что они, плохо вылепленные из глины и необожженные,[2] могли просто разрушаться и

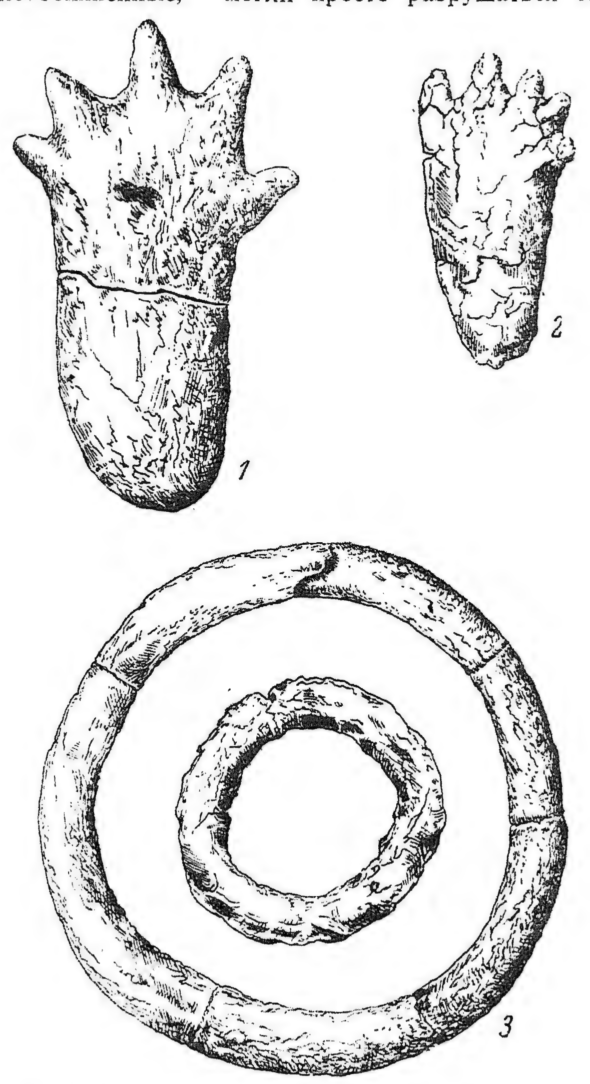


Рис. 2. Глиняные медвежьи лапы и кольца из Васильковского могильника.

легко проходили незамеченными при знаменитой своим варварством технике уваровских раскопок.[3] Почти единичны находки медвежьих когтей и зубов (когти медведя в горшке кургана № 2085 Городищенской группы; звериные (?) зубы в виде подвесок в ожерелье — Шугарь, № 706, Шокшово, № 94; металлические изображения когтей и зубов, подвешенные на шнуре, — Ворогово, № 340; см. рис. 3, *Б*).

В ряде древних мордовских могильников также имеются явные следы почитания медведя, отраженного в погребальном обряде и в украшениях. Так, в Подболотьевском могильнике погребение № 150, содержавшее трупосожжение, сопровождалось, кроме вещей (костяные подвески, 2 копья, железная очковидная привеска), большим количеством костей крупного медведя, в числе которых исследователем особо отмечены кости лап.[1] В ряде погребений Лядинского могильника отмечены находки медвежьих когтей в составе ожерелий, подвесок (рис. 3, *А*) преимущественно в женских погребениях (погребения №№ 18, 35, 62, 104, 105, 152, 206); встречены они и в Томниковском могильнике (погребения №№ 1 и 13).[2] При раскопках Крюковского мордовско-мокшанского могильника (верховья р. Цны, IX—XI вв.) в ряде погребений найдены медвежьи когти в составе привесок магического характера; в погребении № 8 к накос-

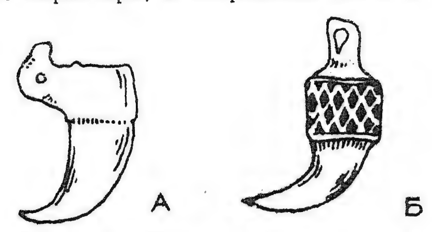


Рис. 3. Подвески из медвежьих когтей.
А — из Лядинского могильника; *Б* — из курганного могильника у с. Ворогова.

нику были прикреплены несколько медвежьих когтей, отделанных в бронзу.[3]

На особое значение и почитание медведя указывает также неоднократное нахождение медвежьих когтей и частей скелета в древних славянских курганных погребениях притоков верхней Оки; кроме того здесь погребение часто сопровождается костями птиц и мелких животных, сложенными на специально помещенных в кургане кусках известкового камня. Таков, напр., курган около Дубровки на р. Пополоте, заключавший около 17 погребений, опускавшихся в насыпь в течение длительного периода времени, и в этом смысле аналогичный сопкам; в «первом ярусе» кургана — «кучка битых костей на куске известкового камня»; ниже, при костяке, аналогичная плита с мелкими косточками, «три куска известкового плитняка, сложенные как спицы в колесе, под ними остатки головы медведя (челюсть с клыками) и несколько ниже — кости медведя»; в четвертом ярусе этого кур-

[1] А. С. Уваров. Меряне. Тр. I Археол. Съезда, стр. 700—701.
[2] Там же, стр. 729—730.
[3] Так, напр., относительно курганов «второй эпохи», т. е. с трупоположением, Уваров отмечает, что «амулеты и другие признаки народных верований и обрядов остаются те же» (Меряне, стр. 685). Можно ли отсюда делать вывод, что глиняные лапы встречались и в этих курганах?

[1] В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях Мурома в 1910 г. Древности, Московского археологического общества (МАО), т. XXIV, стр. 65, 69, 116.
[2] В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губ. МАР, № 10, СПб., 1893.
[3] Раскопки П. П. Иванова. Дело архива ИИМК, № 230, 1929 г. См. также дела № 144, 1927 г., и № 131, 1928 г.

гана две плиты с косточками и клык медведя.[1] В костромских курганах также находились медвежьи кости и когти.[2] В этой статье мы не рассматриваем интереснейших бронзовых изображений медведя, происходящих из Прикамья (IV—VIII вв. н. э.).[3]

Замечательно, что на всей территории, очерчиваемой распространением отмеченных памятников, топонимика изобилует «медвежьими» названиями. Не подвергая этой темы специальному изучению, укажем лишь известные нам из этих названий. Таков летописный город «чуди» Медвежья глава;[4] местность Медвежья голова во владениях новгородского Савво-Вишерского монастыря, известная из межевой грамоты 1417 г. и помещаемая В. С. Передольским на правом берегу Жилотуга;[5] поселок Медвежья голова на берегу оз. Ильмень в 7 км от Юрьева монастыря;[6] Медвежья гора на северном берегу Онежского озера с неолитической стоянкой III тысячелетия до н. э. Далее на Волге и в Поволжье в районе находки Макаренко фатьяновского погребения — река Медведица, известная уже в XI в.,[7] и городище Медведь на ней;[8] в Ростово-Суздальском районе — урочище Медвежий угол на р. Уводи в вотчинах Спасо-Евфимьева монастыря (жалов. грам. 1472—1479 гг.),[9] ставшее затем селом;[10] наконец, праярославский Медвежий угол «Сказания».[11] Кажется, самыми южными пунктами медвежьей топонимики являются р. Медведица (Саратовский район)[12] и «град Медвежий» на р. Ромне (Черниговская обл.), отмечаемый «Книгой Большого Чертежа» и восходящий к IX—X вв.[13] Любопытно, что на городище Монастырище того же района среди находок вместе с клыками кабана были находимы зубы медведя со сверлинами для привешивания.[1]

Таким образом археологические памятники, количество которых можно было бы умножить, свидетельствуют о несомненном культовом значении медведя в северо-западной и северо-восточной частях лесной полосы, особенно в Новгородской земле и Ростово-Ярославском Поволжье, где указания на это идут из глубин доклассового общества и входят в начало феодального периода. Это поднимает наше доверие к легендам самуилова «Сказания», убеждает в законности сделанной нами реконструкции, а также свидетельствует о неслучайности обмолвки летописца о медведе, пожравшем трупы волхвов. Характерно при этом, что это археологические памятники не глухих углов, оторванных от связи с внешним миром; так, все приведенные выше случаи находок медвежьих лап в Ростово-Суздальском крае связаны с его древнейшими основными центрами — Суздалем, Ростовом и докняжеским городом Клещиным на берегу Переяславского озера.[2]

Отмеченные Уваровым в приложении к его труду глиняные медвежьи лапы, а равно и кольца, найдены в большинстве в курганах с сожжением, т. е. наиболее ранней группе владимирских курганов; в Брембольском кургане № 1538 вместе с кольцом и лапой найдена монета Оттона (X в.), в другом — куфическая монета X в. А. А. Спицын, говоря о Васильковском могильнике, признает его отложением одного из «древнейших суздальских русских поселений»; «курганы заключали почти исключительно сожжения и особенно любопытны по находке в них глиняных рук и колец».[3] Далее А. А. Спицын отметил, что «обычай трупосожжения не вполне прекратился к концу X в., а перешел в виде пережитка в XI в., в котором местами держался даже до второй половины... Такие погребения встречены в небольшом количестве и исключительно в Ростовском (Кустеря) и Переяславском уу. (Веськово, Аламово, Кабанское). Существование в XI в. обряда сожжения особенно наглядно доказывается теми курганами, в которых сожжения обнаружены выше погребений этого времени».[4] К таким курганам относятся и два случая находок глиняных медвежьих лап при трупоположениях, над которыми, в том же кургане, находилось трупосожжение (Веськово, № 830; Б. Брембола, № 1546).[5] Таким обра-

[1] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 9—11, табл. V, 5.

[2] Д. Н. Анучин. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. Материалы по археологии восточных губерний России (МАВГР), III, стр. 243, 247.

[3] А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗОРСА, VIII, 1, стр. 129—130.

[4] ПСРЛ, III, стр. 4.

[5] Передольский. Новгородские древности, стр. 83.

[6] Там же, стр. 84.

[7] ПСРЛ, I, стр. 108.

[8] Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губ., стр. 278.

[9] Акты исторические, I, стр. 135 и 133; III, стр. 179.

[10] Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР), 1896, III, отд. 5. Описание документов и дел Синода, XI, № 233; XII, № 324. В правой грамоте о землях Спасо-Евфимьева монастыря (1476—1490 гг.; сборник Муханова, № 271) упоминается селище Медведево от имени владельца — Медведя — с братьями Еремеем и Чернобаем.

[11] По словам директора Суздальского музея А. Д. Варганова, «Медвежьим углом» называлась в народной молве лесная западная часть б. Ростовского у. между сел. Березниками и Фатьяновым. «Медвежья» топонимика заслуживает специального изучения.

[12] А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник.

[13] ИАК, вып. 22, стр. 73—74.

[1] ИАК, вып. 22, стр. 67. — М. Макаренко. Городище «Монастырище». Киев, 1925, стр. 22, табл. V (автор называет подвески «амулетами»).

[2] Уваров. Меряне, стр. 657—658. — М. И. Смирнов. Залесский город Клещин. Докл. Переяславль-Залесского научно-просв. общества, № 4, П.-З., 1919.

[3] А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, стр. 91.

[4] Там же, стр. 97. Разрядка моя. *Н. В.*

[5] Уваров. Меряне, стр. 820. Некоторые глухие указания Уварова свидетельствуют, что в ряде могиль-

зом, не подлежит сомнению, что эти медвежьи лапы, а также и кольца связаны с древнейшими курганными памятниками суздальщины IX—XI вв. Характерна устойчивость языческого обряда сожжения до конца XI в., отмеченная А. А. Спицыным; в свете «языческих» восстаний смердов под руководством волхвов это запаздывание, может быть, имеет не только характер автоматического «пережитка», но и является признаком определенной реакции и возврата старых языческих представлений, связанных с движениями социальных низов Поволжья. В качестве косвенного подтверждения сошлюсь на замечательные данные «Хроники Ливонии» о попытке эстов в 1223 г. сбросить иго немецких завоевателей; когда они достигли временного освобождения, то сразу же и демонстративно вернулись к старым обрядам и обычаям: «Жен своих, отпущенных было после принятия христианства, они вновь взяли к себе; тела своих покойников, погребенные на кладбищах, вырыли из могил и сожгли по старому языческому обычаю; мылись сами и выметали вениками замки, стараясь таким образом совершенно уничтожить таинство крещения во всех своих владениях».[1]

К сожалению, мы лишены возможности судить о масштабах большинства курганов с интересующими нас предметами. Судя по отчету К. Н. Тихонравова,[2] курганы с сожжением и глиняными лапами в Васильковском могильнике крупные — 6, 7, 10, 12 саж. в окружности; один из них (Тих., № 52, Ув., № 51) содержал 2 слоя сожжений. Из могильника у Шурскалы только для одного кургана (№ 661) известна его окружность — 120 арш.; если можно на этом основании судить об остальных, то это окажутся крупные насыпи, родственные по масштабу приладожским, которых мы касались выше. Второй курган того же Шурскальского могильника (№ 630), в котором найден глиняный круг, содержит три слоя жженых костей; возникает предположение (которое проверить, увы, нельзя), что курган такого рода походил на северо-западные сопки и длинные курганы, выраставшие в силу ряда последовательных захоронений покойников, принадлежавших одной родовой группе.[1] Уже А. А. Спицын ставил вопрос о длинных курганах для Ростово-Суздальского края, утверждая, что они должны найтись среди его могильных памятников.[2] Нам представляется вероятным, что социологическим эквивалентом длинных курганов здесь являются большие курганы, содержащие ряд последовательных захоронений. Делая сводную характеристику погребальных обрядов, Уваров подчеркнул, что повторные погребения происходили «позднее над существовавшей уже прежде могилою».[3] Таких памятников уваровские дневники отмечают несколько; наиболее характерны: большой курган № 1224 Веськовского могильника (окружн. 72 арш., выс. 5 арш.); дневник отмечает три слоя подсыпки кургана, в верхнем — 3 остова, в следующем 8 погребений в шахматном порядке; в нижней, первоначальной насыпи кургана — сожжение;[4] упоминавшийся курган № 1538 Б. Бремболы, где сверху — сожжение с лапой и кольцом, ниже — несколько погребений;[5] курган № 630 из Шурскальского могильника с 3 слоями жженых костей; курган № 706 у Шугари с сожжением, погребением и снова сожжением[6] и мн. др. Подобные памятники могут говорить о наличии в Суздальщине X—XII вв. патриархальных больших семей, имевших свои родовые погребальные курганы; может быть, этим также можно объяснить распределение курганов в больших и малых могильниках по отдельным группам, напр., Б. Брембола,[7] Старое Быково,[8] Городище[9] и др., впоследствии сраставшихся в общее погребальное поле, уже нерасчленимое археологическим путем, но, может быть, расчленявшееся для современников какими-либо особыми знаками и традиционной памятью. С прочностью большесемейных групп, видимо, связывается и устойчивость старой обрядности и ее вероятное восстановление в условиях восстаний XI в.; естественны при этом сохранение и активизация культового значения медведя.

ников позднейшее появление сожжения в курганах с захоронениями было типичным и массовым явлением. Так, в Шокшове «во всех курганах, кроме жженых костей, были и могилы»; в Веськовском могильнике, видимо, была аналогичная картина (там же, стр. 817, 821). Не следует ли подозревать, что за трупосожжение Уваров принимал остатки тризны?

[1] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Пер. С. А. Аннинского. М.—Л., 1938, стр. 226. Ср. также языческую реакцию у западных славян; когда им удавалось сбросить господство немцев, языческие божества «вновь овладевают в XI веке страною, откуда они были изгнаны Магдебургской богородицей и младенцем Иисусом» (Э. Лависс. Очерки по истории Пруссии. М., 1915, стр. 24).

[2] К. Н. Тихонравов. Васильковские курганы в Суздальском у. Труды Владимирского губ. статистического комитета (ТВГСК), VII.

[1] Данная интерпретация сопок принадлежит П. Н. Третьякову (доклад 11 IV 1938 г. в Секторе дофеодальной Вост. Европы ИИМК АН СССР: «Еще раз об археологических памятниках древнерусских племен»; см. также его статью: Археологические памятники восточнославянских племен в связи с проблемой этногенеза. Краткие сообщ. ИИМК, II, 1939).

[2] А. А. Спицын. Удлиненные и длинные русские курганы. ЗОРСА, т. V, вып. 1, стр. 201. — Он же. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, стр. 95.

[3] Уваров. Меряне, стр. 687.

[4] Там же, стр. 814. Курган стоит особо от больших групп курганов могильника.

[5] Там же, стр. 806 и 836.

[6] Там же, стр. 806.

[7] 4 группы: «княжи могилы» — 46 курганов, «пяны» — 2, «круглицы» — 66, общее кладбище «могилки» у оврага — 209 курганов. Может быть, здесь имеет место и социальное расчленение могильника, отраженное в имени урочища «княжи могилы».

[8] 5 групп: 11, 42, 3, 7 и 8 курганов, не имеющих особых урочищных имен.

[9] 10 групп: 3 больших кладбища — 627, 223, 202 кургана и 7 отдельных групп — 47, 54, 52, 17, 16, 104, 64 кургана.

В приведенных выше сведениях о наличии медвежьих костей в курганах Приладожья подчеркивалось, что встречены исключительно когтевые фаланги медведя; в суздальских ранних курганах мы имеем дело уже со специально изготовленным изображением медвежьей лапы из необожженной глины; наконец, Уваров сообщает, что эта лапа имела определенное место в погребении — при сожжении она лежала около сосуда с останками покойника, при трупоположении она полагалась около головы.[1] Указанные обстоятельства снимают сомнение в культовом значении медведя в Поволжье X—XI вв. Это было ясно и Уварову, и он подходил к вопросу об интерпретации этих животных «амулетов», но не пришел к определенному выводу. Он сравнивал глиняные лапы (иногда называемые им «руками») с известными «древолазными плетениями», полагавшимися, по житию Константина Муромского, в могилы, чтобы (по домыслу Уварова) душа могла взбираться на высокую райскую гору; для той же цели «полагались в могилы медвежьи лапы и кольца».[2]

Эта догадка Уварова находит любопытную аналогию в древнем литовском предании о князе Швентороге (или Свентороге), занесенном на страницы «Летописца великого князства литовъского и жомоитъского».[3] Этот князь облюбовал место на р. Вилии, где завещал сыну Скирмунту похоронить себя и сделать это урочище кладбищем для князей и бояр литовских, «бо пред тым жигали тела мертвых на том местци, где хто умрет». По смерти отца Скирмунт на месте, избранном покойным, «вчинил жьглищо, и там тело отца своего, и коня его, на котором ежчивал, и шату его, которую ношивал, и милосника его, на которог[о] он ласкав был, и сокола, и хорта его сожог». После, при последующих сожжениях здесь умерших князей и бояр, «тогды при них[4] кладывали ногъти рыси або медведжьи, для того иж мели веру тую: иж бы день судныи мел быти, а так знаменовали собе иж бы Бог мел приити и седети на горе высокои судити живых и мертвых, на которую ж гору трудно будет узоити без ногтеи тых рысих або медвежих, и для того подле них тые ногти кладывали, на которых мели на тую лезти и на суд до Бога ити. А так ачьколвек погани были а вжды потому собе знаменовали и в бога одног[о] верили иж судныи день мел быти, и верили из мртвых востаня и одног[о] бога, который мает судити живых и мертвых...»[1] Несомненно древнее предание, связанное с «доисторией» города Вильны,[2] здесь осложнено явно позднейшей христианской мотивировкой о страшном суде и едином боге, но само объяснение когтей, полагаемых «при» или «подле» покойного, для подъема на высокую гору загробного мира, очевидно восходит к древности, равно как описание сожжения Свенторога исключительно реалистично.

Все же семантика медвежьей лапы в погребениях и особенно глиняных муляжей лапы в владимирских курганах пока не поддается раскрытию в полной мере. Несомненно, что это не амулеты, носившиеся покойным при жизни, — лапа не имеет сверлины, сделана грубо и плохо обожжена, что говорит скорее об изготовлении ее специально для погребального ритуала, в котором она и занимает определенное место. По самому своему материалу и способу изготовления лапа из владимирских курганов тождественна отмеченным выше глиняным кольцам большого и малого размера, сопутствующим лапе; и лапа и кольцо вместе изготовлялись для погребального обряда. В обстановке медвежьего культа известен обычай умилостивительных приношений убитому медведю, которому, например у остяков, на пальцы лап надевают кольца, приносят монеты, украшения и пр.[3] Нельзя ли думать, что медведь играл роль жертвенного зверя при погребении (или устраивался медвежий праздник?), причем вместе с его символом — лапой (pars pro toto) — клались с покойником символические же приношения — глиняные подражания гривне,[4] перстню и т. п. Все это пока в высокой степени гадательно.

Естественно, что, интерпретируя медвежьи лапы, найденные в «мерянских» курганах, Уваров указывал на финский эпос — «Калевалу», в которой ясно выражено почитание медведей и других животных, и, отмечая особое, по дан-

[1] Уваров. Меряне, стр. 700. См. также данные о раскопках Михайловского могильника в статье Я. В. Станкевич на стр. 66 и сл. наст. сборн.

[2] Там же, стр. 700—703.

[3] Интересующий нас текст сохранился в трех списках XVI м. (Красинского, Археологического общества, Рачинского) и одном конца XVII в. (Евреинова). См.: ПСРЛ, XVII, стр. 235, 251—252, 305, 366—367. Цитируем по списку Красинского (стр. 235—236). См. также: И. Тихомиров. О составе так называемых литовских летописей. ЖМНП, 1901, май, стр. 76.

[4] Вар.: «подле них» (там же, стр. 305), «с ними» (стр. 367).

[1] Приведенная легенда дала материал для статьи о погребениях древних литовцев, напечатанной в «Tygodnik Petersburski» (1838, стр. 25) и приведенной в переводе в «Сыне отечества» (1838, т. VI, смесь, стр. 55). Здесь, в вольном пересказе, «во время жжения литовские бояре бросали в огонь рысьи и медвежьи когти», чтобы покойный мог «вскарабкиваться ими на высокую гору, жилище некоего бога». Указанием на эту статью я обязан Б. А. Рыбакову.

[2] См. в том же источнике интереснейшее предание об основании Вильны Гедимином «на луце на Швинторозе, где перших великих князеи жигали» (ПСРЛ, XVII, стр. 261, 313—314, 374—375, 440, 493—494). Отметим здесь мотив выбора места убийством во время княжой охоты «зверя великог[о] тура». См. также: В. Б. Антонович. Очерк истории вел. княж. Литовского..., вып. 1. Киев, 1878, стр. 81—82.

[3] Ядринцев. О культе медведя... Этнографическое обозрение (ЭО), 1890, № 1, стр. 103. — Н. А. Гондатти. Культ медведя у инородцев Зап. Сибири. Изв. Общ. люб. ест. и археол. (ИОЛЕА), т. 48, вып. 2, стр. 75.

[4] Ср.: при сожжении Бальдера на корабле Один бросает в огонь «чудесное кольцо». Родоначальник датских королей Скильд в рассказе об его похоронах называется «дарователем колец» (Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море, стр. 4—5. — Анучин. Сани, ладья и кони..., стр. 155).

ным его раскопок, значение у «финнов»-«мерян» медведя и его когтей, делал отсюда вывод, что в этих верованиях отразились представления «древних финнов», уже изменившиеся под воздействием «славянской мифологии».[1] Одна этническая культура сменялась другой. Недавно была попытка привлечь восстания смердов XI в. с их языческим колоритом к характеристике «финского» населения Белозерья и Суздальщины.[2]

Чтобы сразу же устранить сомнения в том, что почитание медведя не является этнической монополией финнов, оттесненных или утерявших свою культурную физиономию при соприкосновении со славянами (колонизация которых в Ростово-Суздальской области, кроме того, далеко не объясняет образования здесь мощного славянского пласта), следует указать на наличие явных следов почитания медведя у скандинавов.[3]

Так, «Flóamanna saga», повествуя о событиях в Гренландии конца X в., рассказывает, как медведь проник в дом, напал на мальчика и был убит; узнавшему об этом вождю Эйрику Рыжему это не понравилось, но все же он велел приготовить медведя в пищу; «некоторые люди говорили, что у Эйрика было в отношении этого медведя древнее суеверие [с оттенком почитания]».[4] Эдда иногда передает дурные предзнаменования в образе медведя, врывающегося в дом или разрушающего его;[5] здесь же прямо говорится о магических рунах, вырезанных на медвежьем когте,[6] что имеет прямое отношение к археологическим находкам Поволжья и Приладожья. Происхождение некоторых героев саг от медведя и женщины является весьма характерным обломком медвежьего культа у северных народов; таков рассказ Hrölfs saga о сыне норвежского конунга Ринга Бьорне, превращенном злой мачехой в медведя, и его жене Бере. Бьорн запрещает жене, в случае его смерти, есть медвежье мясо; один из их сыновей, Бодвар, носит прозвище bjarki («медвежонок») и обладает способностью превращаться в медведя.[7] По мнению A. Olrik, это переработка в сказочном духе предания о датском ярле в Нортумберленде при Кнуте Великом — Сиварде Digri (XI в.), отец которого — Bjǫrn Berusson — был сыном медведя и женщины;[8] медвежий сын фигурирует и в исландских сказках. Lily Weiser считает, что волк и медведь являются наиболее яркими выразителями пережитков тотемизма у северных германцев;[1] из области фольклора она отмечает интереснейший свадебный обычай, сохранившийся в Швеции, в Онгерманланде: «убийство» человека, переодетого медведем, после чего «пьют его кровь».[2] Медвежья шкура является определенным талисманом: по исландскому поверью родившийся на ней не будет страдать от холода; в «Havarđar saga ísfirdings» (стр. 3) есть молодой исландец, обладающий bjarnýlr, т. е. медвежьим теплом. Борьба между людьми иногда передается в образе борьбы зверей; так, в «Svarfdoela saga» (стр. 165) при столкновении двух противников раб одного из них видит на поляне драку кабана с белым медведем; точно так же «Landnámabók» (книга о заселении Исландии в IX—X вв.) изображает ссору из-за пастбища двух исландцев (оба они отличаются оборотничеством), при этом некий «ясновидец» видит драку вышедших вечером из их владений медведя и быка.[3] В полуэпических богатырях «берсерках» (по толкованию некоторых исследователей — «медвежья шкура»), обладавших страшной силой и дикой отвагой, L. Weiser видит пережитки родовых объединений с общим тотемом.[4] Наконец, в германских и балтийских языках, как и в русском, собственное имя медведя табуировано и заменено подставными, описательными наименованиями;[5] характерна также распространенность на скандинавском севере личного имени Bjǫrn (медведь) и производных от него двусложных имен вроде Asbjǫrn.

Погребальные памятники Скандинавского полуострова и Готланда I тысячелетия н. э. с полной убедительностью свидетельствуют о распространении обычая положения вместе с покойником медвежьей лапы или шкуры с лапами; в ряде погребений с сожжением очень часто встречаются медвежьи когти. Но наибольший интерес представляет подвергнутый раскопке курган на острове Готланде, который был связан с легендой данного круга представлений о магической силе медведя. Некий злой человек после своей смерти не давал покоя живым; один ведун взялся положить этому конец и, в момент его появления, накинул на него медвежью шкуру. По другому варианту легенды, беспокойный мертвец был вырыт из могилы и зарыт в другом месте, причем его покрыли медвежьей шкурой, положив заклятие — лежать ему столько лет, сколько волос на покрывшей его шкуре. Каменная насыпь, о которой это рассказывалось, была раскопана в 1920 г., причем обнаружено погребение с предметами I—II вв. н. э., а над

[1] Уваров, ук. соч., стр. 700—703.

[2] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 151—152.

[3] Печатаемыми ниже сведениями из саг и из области скандинавской этнографии я обязан Е. А. Рыдзевской, подобравшей их по моей просьбе, за что и приношу ей большую благодарность.

[4] Fornsögur, изд. G. Vigfusson и Th. Möbius, 1860, стр. 149.

[5] Atlamál, строфа 18; Atlakvida, строфа 12.

[6] Sigrdrifumál, строфа 16.

[7] Fornaldarsögur, т. I, стр. 47 и 102—103.

[8] A. Olrik. Danmarks Heltedigtning, I, 215—216.

[1] L. Weiser. Altgermanische Jünglingsweihen und Männerbünde. 1927, стр. 53.

[2] Там же, стр. 56, прим. 50. Об этом см. ниже, стр. 171—172.

[3] Landnámabók, изд. 1843 г., стр. 289.

[4] Weiser, ук. соч., стр. 53.

[5] H. Kienle. Tiervölkernamen bei indogermanischen Stämmen. Wörter und Sachen, 1933, XV, стр. 61—62.

скелетом и под ним были найдены медвежьи когти.[1]

Очевидно, позднее медвежья шкура стала заменяться поделками-амулетами в виде глиняных медвежьих лап. Можно указать на находки ближайшим образом сходных с ростово-суздальскими глиняных медвежьих лап в курганах VII—IX вв. с сожжением на Аландских островах и в смежной им части Скандинавского полуострова — Сёдерманланде (рис. 4). Лапа находилась или в самой погребальной урне, или рядом с ней, иногда положена на плоском камне; встречается равно в мужских и женских погребениях. Автор статьи об этих «магических предметах» Ella Kivikoski не высказывает определенного суждения об их назначении.[2] В свете изложенных выше данных представляется ясным, что и здесь и там, в Поволжье и в Скандинавии, мы имеем дело с переживанием архаических культовых представлений.

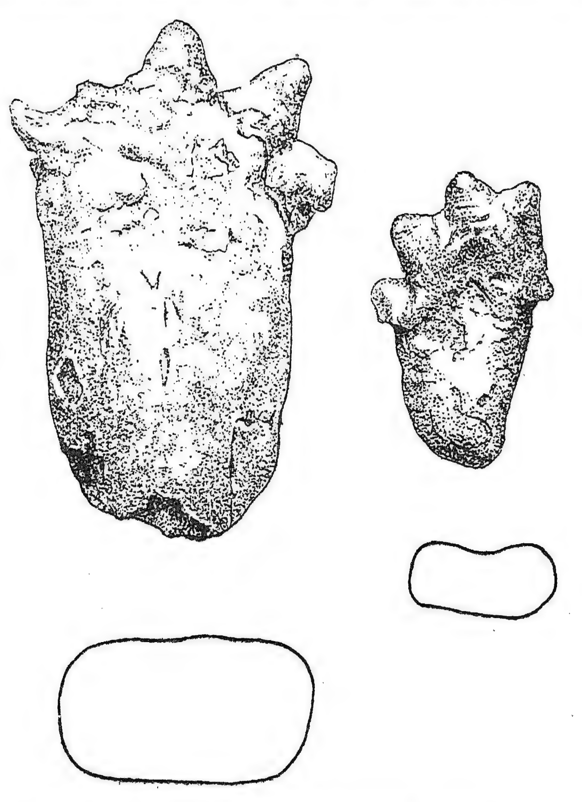


Рис. 4. Глиняные лапы с Аландских островов.

Очевидно, не случайно также, что среди варварских игр раннего средневековья, включавших в свой репертуар борьбу со зверем, распространенных еще в античности и особенно популярных в цирковой программе Византии IV—VII вв., большое значение играл медведь, конкурируя со львом; эти медвежьи игры попали и в изобразительное искусство (византийская мраморная плита VI в. в Гос. Эрмитаже, пластинка Константинопольского музея № 293, VI в., луврский диптих Стилихона, V в.; диптих консула Ареобинда, 506 г., и др.).[1]

Таким образом, приведенные факты с полной определенностью свидетельствуют о том, что медвежий культ не является принадлежностью исключительно финских племен, но характерен для древнейших религиозных представлений ряда народов лесной полосы Евразии, в том числе и славян севера.

Как можно видеть по приведенному археологическому материалу, особое значение в почитании медведя у населения Поволжья имела медвежья лапа. Отдельные части медведя, а в особенности лапа и коготь, играют большую роль в религиозных воззрениях сибирских народов. Эвенки держат при себе некоторые части медведя, присутствие которых отгоняет злых духов, шкуру с головы медведя хранят шаманы, лапы медведя имеются почти в каждой семье;[2] лапа хранится также в амбарах от расхищения припасов зверями; медвежьей лапой присягают, сжигая ее на огне, что обозначает, что клятвопреступнику должно свести руку; хранение правой передней лапы заменяет утраченный старый обычай эвенков — вскармливания медведя.[3] У северо-сибирских народов медвежьи когти прикреплялись к сапогам шамана, надевавшего медвежью голову вместо шапки; медвежья лапа является талисманом;[4] у остяков амулеты из костей или зубов медведя играют большую роль; на голове, лапе или зубе медведя приносят присягу, клыки и когти убитого медведя вырывают, как части, имеющие священное значение;[5] у айнов при сдирании шкуры медведя, убитого на

[1] H. Hansson. En grav och en tradition. Fornvännen, 1923, стр. 225—229.

[2] E. Kivikoski. Eisenzeitliche Tontatzen aus Aland. ESA, IX, стр. 380.

[1] См. об этом работу И. Велкова «Релиеф с циркови игри от София» (Изв. на българ. археол. инст., т. I, св. II, 1921—1922 г., София, 1924), где автором издан и новый замечательный памятник этого рода — рельеф IV—V вв. с изображением цирковых игр с участием медведей. Интересен и аворий монаха Тутилы IX—X в. в Швейцарии (Venturi. Storia del arta italiana, II, рис. 151). Следует также напомнить сохранившийся в Берне обычай содержания медведей. Отметим также, что в иконографии символов четырех царств (Видение прор. Даниила, гл. 7, ст. 5) медведь, как образ Вавилонского царства, выступает рядом с грифоном, крылатым драконом и рогатым зверем («Царство антихриста»); см., напр., роспись Успенского собора во Владимире (1408 г.). Изображение медведя в числе рельефов ц. Мины в Солуни указывает Н. П. Кондаков (Македония, стр. 123 и рис. 64). См. также Н. П. Кондаков. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929, стр. 68, 89, 92.

[2] А. М. Золотарев. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Лгр., 1934, стр. 26.

[3] К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. Землеведение, 1922, кн. 1—2, стр. 91; кн. 3—4, стр. 112, 133. — Гондатти. Культ медведя..., стр. 78.

[4] Н. Н. Ядринцев. О культе медведя... ЭО, 1890, № 1, стр. 110.

[5] Харузин, Этнография, IV, стр. 146—148.

медвежьем празднике, когти вместе с лапой не сдираются и остаются при туше.[1]

Совершенно аналогично в поверьях русского народа медвежьи кости, а в особенности лапа и коготь, играют выдающуюся роль; при этом характерно, что они связываются со скотоводческими магическими приемами.[2] Медвежьи лапы или когти вешались еще недавно в качестве «скотьего бога» во дворах крестьян б. Дмитровского у.; там же в целях усмирения дворового духа приводили во двор медведя;[3] медвежьим когтем лечили коров — «помочь от него, как корову нокоть (болезнь скота. *Н. В.*) хватит и тем де ногтем по спине трут»; еще в XVII в. существовало поверье, что голова медведя, зарытая в землю, способствовала увеличению поголовья скота в хозяйстве; в «травниках» упоминается «о медвеже голове, вкопать ее среди двора и будет скот водитца».[4] Из XVII же века идут заговоры на «медвежий коготь» против грыжи.[5] Медвежья лапа выступает и в репертуаре образов русских пословиц, напр.: «медвежья лапа в избе» (помело), «медвежья лапа жар загребает».[6] Наконец, важнейшим моментом является табуирование имени медведя, которое при этом связывается не только с охотничьим промыслом, но и с рыболовством.[7] На Белоозере, где было разгромлено восстание волхвов 1071 г., сохранился запрет имени медведя на рыбном промысле — оно влечет за собою неудачи, порчу сети и пр.[8] Летопись, как мы видели, сообщает, что в составе «обилия» поволжских смердов существенную роль играла рыба и скора (меха);[1] о том же говорит первая легенда самуилова «Сказания», подчеркивая, что жители «Медвежьего угла» были особенно «смыслены» «егда на зверя или лов рыб исходише»; но первое место в хозяйстве праярославского поселения «Сказание» отводит скотоводству; бездождие ведет не к неурожаю, а к оскудению пастбищ. Гнев «Волоса»-медведя второй легенды выражается в «сокрушении» на пажитях скота; о земледелии, если не считать «злаков сельных» второй легенды, не говорится. Таким образом, пережитки почитания медведя связываются с экономикой довольно примитивного характера.

Принимая подобную характеристику хозяйства для Поволжья XI в., мы тем самым становимся в противоречие с общепринятым положением о безраздельном господстве земледелия в это время на всей территории древней Руси, а вместе с тем и одинаковом всюду господстве феодальных отношений. Нам кажется, что нельзя забывать проблему многоукладности общества первых столетий становления феодализма; особенно же это обязательно для таких удаленных от политического центра «скороспелой» империи Рюриковичей районов, как верхнее Поволжье или Пошехонье. Тут же рядом, в Заволжье и Приуралье, доклассовые хозяйственные и социальные порядки задерживались у отдельных народов вплоть до Октября.[2]

Сама естественная среда этого района способствовала сохранению тех отраслей хозяйства, которые являлись основными для родового строя. Лесное Ярославско-Костромское Заволжье еще не так давно изобиловало пушным зверем, было неистощимым рудником «мягкого золота»; куницы, росомахи, лисы, медведи водились в пошехонских борах и служили охотничьему промыслу еще на памяти ярославских краеведов прошлого века.[3] Рыбные богатства Шексны и среднего Поволжья были также неисчерпаемы; жирные шекснинские илы и обилие моллюсков в них обеспечивали рыбное хозяйство реки при самых зверских способах истребления рыбы.[4] Не случайно «Рыбаньск» — старый

[1] Б. Пилсудский. На медвежьем празднике айнов. ЖС, 1914, № 1—2, стр. 135. — Гондатти. Культ медведя..., стр. 77.

[2] Мы не касаемся здесь значения медвежьей лапы как «оберега» от злых духов (напр., обычай вешать медвежью лапу над колыбелью ребенка) или своего рода вместилища болезней, но останавливаемся на основных наиболее существенных осмыслениях.

[3] А. Б. Зернова. Материалы по с.-х. магии в Дмитровском крае. СЭ, 1932, № 3, стр. 40—41, 49.

[4] Л. В. Черепнин. Из истории древнерусского колдовства XVII в. Этнография, 1929, № 2, стр. 88, 92. Может быть этим и объясняется легкость, с которой медвежья легенда сплелась с легендой о «скотьем боге» Волосе?

[5] Новомбергский. Колдовство..., стр. XIII; см. также: Терещенко. Быт русского народа, VI, стр. 36—39. Ср.: Гондатти. Следы языческих верований у маньзов. ИОЛЕА, 42, вып. 2, стр. 54 и 71.

[6] Даль. Словарь. Sub voce. См. также интересные наблюдения о поверьях, связанных с медведем, в статье А. М. Поповой и Г. В. Виноградова «Медведь в воззрениях русского старожилого населения Сибири» (СЭ, 1936, № 3, стр. 82). Ср. с указанными пословицами приводимое Гондатти западносибирское сказание — как богатырь убил священного медведя и стал издеваться над его останками, «употребляя передние лапы как метелки для пола и очага, а задние как лопатки» (Культ медведя..., стр. 79). В песнях мордвы:

> Из корней таволожки старушкин дом,
> Из медвежьей лапы старушкины окна...

(Шахматов. Мордовский этнографический сборник, стр. 422).

[7] Харузин, Этнография, IV, 143. — Зеленин. Табу слов..., стр. 99 и сл.

[8] Зеленин. Табу слов..., стр. 74. У финнов и эстов, а также в Швеции, этнографами отмечена роль частей скелета медведя при земледельческих обрядах, когда, напр., в корзину с семенами для посева кладут медвежьи когти и зубы. Шведский ученый N. E. Hammerstedt считает, что подобная роль останков диких животных в земледельческой обрядности является наследием предшествующей стадии хозяйственного развития. См. его статью «Seder vid äkerbruk och boskapsskötsel som härleda sig från jakt-och fangstriter» (Fataburen, 1927, вып. 1).

[1] ПСРЛ, I, стр. 75.

[2] А. В. Шмидт. Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества. Изв. ГАИМК, вып. 106, стр. 13—15.

[3] Ф. Арсеньев. Речная область Шексны. Труды Ярославского губернского статистического комитета (ТЯГСК), II, стр. 39. — Н. А. Гладков. Замечания об охоте в Ярославской губ. ТЯГСК, IV.

[4] С. Деруном. Рыбные ловли на Шексне. ЯГВ, 1870, № 46—47. — Арсеньев, ук. соч., стр. 246—247. — А. А. Фенютин. Рыбные ловли на р. Мологе. ТЯГСК, IV.

Рыбинск — с его «гривной волжьской» фигурирует в «Уставе кн. Святослава» 1137 г. рядом с Моложским Езьском, имя которого несомненно связано с одним из способов рыбной ловли — «езом».[1] Указывалось также в литературе и на трудности земледелия в лесном Ярославском Заволжье, на узость береговых земельных полос, обрезанных лесными массивами,[2] что приводило еще в конце XIX в. к подсеке в целях расширения пашни,[3] или ограниченных заливными поймами, способствовавшими развитию скотоводства, приобретавшего в ряде мест ведущее значение;[4] характерно, что в народной медицине Пошехонья при падежах скота, кроме опахивания, применяется прогон скота через костры, зажженные от «тертого огня» (обычно веревкой о сухое дерево),[5] что, вместе с архаическими пастушьими заговорами[6] уводит скотоводство и генеалогию знаменитых «ярославок» в глубокую древность. Таковы были естественные причины, задерживавшие хозяйственный прогресс района. Не случайно «жито» в Ярославском Поволжье XI в. было так не «обильно», что вызывало поездки за ним к болгарам.[7]

Нельзя обойти и еще один источник, поддерживающий наше представление о хозяйственном облике Поволжья XI в.

«Слово Кирилла Кипринского о злых дусех», находящееся в пергаменной рукописи XIV в. Троице-Сергиевой лавры, осторожно сопоставлялось Гальковским с одной из статей «Изборника» 1073 г.[8] Действительно, не только филологические аналогии, но и сами реальные черты эпохи, отраженной в «Слове», чрезвычайно стары. Ряд элементов памятника говорит об очень архаической обстановке: «веруемь в потькы... коли где хощешь поити, которая переди пограет, то станем послушающе правая или левая... егда ли что ны на пути зло сътворить то учнемь д р у ж и н е своей глаголати — по что не вратихомсь, а небезлепа ны потка не дадяше поити, а мы ся не послушахом». Сюжет гаданья по голосам птиц напоминает о вещем значении птичьего крика и полета в «Слове о полку Игореве».[1]

Обличая пережитки язычества на ряду с популярностью волхвов и ворожбы, «Слово Кирилла» отмечает особенно страшные грехи и те случаи, по которым обращаются к волхвам. «А мы аще рекше в церкви станем, а умь нашь мыслить не божественная, но вся диаволя угодия творим: помышляемь н а г р а б л е н и е ч ю ж а я, н а к л е в е т ы, н а с в а д ы, на мьзды тщимся, на резы, н а т а т ь б у, и н а р а з б о и, и на блуд, на пьянство, на обьядение, и на вся дела сатанина». Это список грехов. А вот список случаев, в которых волхвы помогают (автор говорит о «поганых», которые «бога не знают» и «с в о и о б ы ч а и д е р ж а т, а е г о н е п р е с т у п а ю т ь»); «когда им кака любо казнь наидет, или о т к н я з я г р а б л е н и е, или в дому пакость или болезнь, или с к о т у и х п а г у б а, то о н и т е к у т к в о л х в о м, в тех бо собе помощи ищуть:[2] а они окаянии люде творять помагающе, а ни собе могущи помощи, а сами ходять в Христе». Перед нами сюжеты, очень напоминающие «Слово о ведре и казнях божиих», и обстоятельства бурных событий 60-х годов XI в. на юге, связанных с восстаниями в Новгороде и Киеве.[3] Однако «Слово Кирилла» рисует другую обстановку — оно возникло в лесной стороне, как об этом можно судить по лесной птице (дятлы, синицы и пр.), самый текст относится к Троице-Сергиевской лавре, т. е. Залесью; «Слово» говорит о населении, которое «свой обычай держат, а его не преступають», во всем «Слове» нет упоминания о земледельческом хозяйстве этого населения;[4] все несчастья, которые оживляют надежду на волхвов, сводятся к падежу скота, его «пагубе», «аще у нас хотя едина животныа умреть». Сопоставляя эти данные с преданием о «Медвежьем угле» и его хозяйстве, мы находим подтверждение данных этого последнего. Бес-

[1] В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в. Хрестоматия, изд. II, вып. 1, стр. 222. — М. Г у м и л е в с к и й. Краткое описание г. Рыбинска. ЯГВ, 1871, № 2, стр. 5. — И. Д. Т р о и ц к и й. Исторический очерк г. Рыбинска. ЯГВ, 1868, № 31.

[2] Д. З е л е н е ц к и й. Село Красное на Шексне. ЯГВ, 1868, № 18. — М. Э. Д а ш к е в и ч. Очерк Ярославской губ. в лесном отношении. ТЯГСК, вып. VI.

[3] ЯГВ, 1890, № 20.

[4] З е л е н е ц к и й, ук. соч.

[5] Ф. М. А г е е в и А. В. Б а л о в. Народная медицина в Пошехонском у. ЯГВ, 1889, № 5, стр. 3. Здесь же авторы указывают на огромное значение знахарей и колдунов.

[6] Е. И. Я к у ш к и н. Молитвы и заговоры в Пошехонском у. ТЯГСК, вып. V.

[7] Помещение в летописном перечне 1071 г. «жита» на первом месте скорее характеризует представление о нем южного летописца, человека действительно земледельческого края.

[8] Н. Г а л ь к о в с к и й. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Зап. Моск. археол. инст., 1913, т. XVIII.

[1] Например, перед походом Игоря «нощь стонущи ему грозою птичь убуди», «уже бо беды его пасет птиць по дубию...»; «галици свою речь говоряхуть, хотять полетети на уедие (трупов)»; из сна Святослава: «всю нощь с вечера граяху бусови врани възграяху у Плесньска на болони, беша дебри Кисани и несошася к синему морю». («Слово» в ук. изд., стр. 66, 68, 69. См. также Ипат. лет. под 1249 г.).

[2] Ср. с этим любопытные связи терминов в ярославском народном языке: «поглум» — внезапная болезнь у скота (ср. ниже «глум», «глумление» волхвов-скоморохов); «волоха» — кожа, содранная с околевшего животного (Е. Я к у ш к и н. Материалы для словаря народного языка Ярославской губ. Ярославль, 1896, стр. 4, 27).

[3] Киевское и новгородское восстания 60-х гг. XI в. освещены мною в специальной работе, приводящей к выводу, что это — восстания смердов, находящие точки соприкосновения с северными восстаниями в Поволжье. «Слово о ведре и казнях божиих» является обличением, вызванным этими смердовскими восстаниями.

[4] «Житье» упоминается только в примере праведного Лазаря, приводимом в «Слове» («не токмо ж и т ь е его погуби, но и скоты») (Г а л ь к о в с к и й, ук. соч., стр. 71).

спорно, что «Слово» изображает обстановку, уже далекую от XIV в., и его данные следует приурочивать к Залесью XI в.

Но в составе Залесской стороны есть особый район, где многие из пережитков, обличаемых и «Словом Кирилла» и другими памятниками, дожили до недавнего прошлого. Дореволюционное Пошехонье вошло в пословицу, как район чрезвычайной отсталости. Здесь сохранились в живом быту XIX в. многочисленные пережитки древности.[1] Пришекснинские леса, сливавшиеся на севере с лесными массивами Вологодского, Олонецкого и Архангельского краев, славились своими огромными дубами и березой, правобережные низовья Шексны между рр. Пушмой и Волгой были заняты дремучими хвойными лесами, в которых водились олени, росомахи, медведи, куницы, лисы.[2] Пошехонский, Мологский, Мышкинский и Даниловский уу. были наиболее лесными частями Ярославской губернии.[3] Именно в Пошехонье наблюдены многочисленные случаи поклонения деревьям и сохранение священных рощ.[4] Самая Шексна, на которой разыгралась трагедия 1071 г., сохранила в своем среднем течении остров Медведь, который делает реку трудно проходимой для судов;[5] к шекснинскому селу Некоуз позднее легко приспособилось, как мы упоминали, предание об основании его князем в связи с убийством здесь медведя. Медведь, сильнейший зверь северного леса, особенно изобиловал в лесах Пошехонского у.;[6] медведи наносили большой ущерб стадам, однако крестьяне их не бьют, относясь к «хозяину леса» с традиционным почтением;[7] в пастушеских заговорах стада этот «лютый зверь» стоит без имени на первом месте. Пастух просит охраны «крестьянского живота» «от того черного зверя, от широколапого, от перехожего прокидня, от насилочного [не от «насылочного» ли?] и от пакостников рыскучих волков и волчиц и от всяких змей-скорпий»;[8] как видим, медведь в заговоре сопровождается рядом эпитетов и обладает развернутой характеристикой: он не назван по имени, он может быть просто «перехожим прокиднем», но может быть и «насланным», как кара свыше. Охотничий заговор Пошехонья и по языку и по аксессуарам дышит глубокой стариной, охотник просит об удачной охоте на зверей: «Чтобы все пути-дороженьки перебеги их и игрища обставлены, заставлены, чтоб попадали в мои ста́вушки и ло́вушки и булатные клепы (капканы. *Н. В.*) лисухи-огневицы, лисицы-красовицы, зайцы белые, зайцы серые, рыси пестрые, волки серые, медведи бурые... Пусть им кажется по сторону огонь, по другую стена, сзади калена стрела...»[1]

В святочных ряженьях и свадебных обрядах Пошехонья и верхнего Поволжья сохранилось немало весьма своеобразных черт: обычно мужчины переряживаются в женщин и обратно; ряженые разыгрывают шуточные свадьбы, при этом ряженые медведями валят девушек на пол и пачкают сажей;[2] молодых сажают на вывороченной мехом шубе, родственники невесты, приглашая молодых в гости к тестю, рядятся в вывороченные мехом наружу шубы, на гулянье по случаю свадьбы парни рядятся в женские, а девушки в мужские костюмы.[3] Любопытно, что в одной из пошехонских свадебных песен молодая, приходящая в дом свекра, называется «медведицей»:

Свекор батька говорит:
«К нам медведицу ведут»;
Свекровь матка говорит:
«Людоедицу ведут»...[4]

Не только классическая «страна пережитков» Пошехонье сохранила эти древние переживания, их можно встретить, правда, в еще более бедном составе, и к югу от Волги; таковы, напр., саженье молодых на вывороченную мехом шубу (Шуйский район),[5] артельный способ охоты на медведей во Владимирском крае, сохранивший древнерусское название самой ловушки (кулиома);[6] подобно пошехонским, пастушеские заговоры особо отличают медведя, причем среди святых, к которым обращается заговор, наряду с Власием, Флором и Лавром, фигурирует и Илья-пророк,[7] что напоминает две культовых линии в самуиловом «Сказании» о начале Ярославля. Наконец, нужно упомянуть, что

[1] А. Балов. Очерки Пошехонья. ЭО, 1897, № 4; 1898, № 4;

[2] Ф. Арсеньев. Речная область Шексны. ТЯГСК, вып. II, 1867, стр. 24—40. Он же. Шексна и ее окрестности в Пошехонском и Мологском уу. ЯГВ, 1857, № 12—21, стр. 85. — Он же. От Шексны до Кубенского озера. «Древняя и новая Россия», 1878, №№ 5—8.

[3] М. Э. Дашкевич-Чайковский. Очерк Ярославской губ. в лесном отношении. ТЯГСК, вып. VI, стр. 79—80.

[4] Е. И. Якушкин. Молитвы и заговоры в Пошехонском у. ТЯГСК, вып. V, стр. 159—161. — А. Овсянников. Замечательное дерево в Мологском у. ЯГВ, 1869, № 49. — Л. Трефолев. Новые материалы для изучения Ярославского края. ЯГВ, 1869, № 50. — С. Я. Дерунов. Поэтические и суеверные воззрения народа в Пошехонском у. ЯГВ, 1870, №№ 21, 35, 36, 42, 45.

[5] Арсеньев, ТЯГСК, вып. II, стр. 4.

[6] Н. А. Гладков, ук. соч., стр. 114.

[7] Село Давшино Ярославской губ., Пошехонского у. ЯГВ, 1856, № 14, стр. 116.

[8] Якушкин, ук. соч., стр. 169—170.

[1] Якушкин, ук. соч., стр. 175.

[2] Село Давшино. ЯГВ, 1856, № 23, стр. 225—226. — В. Ивановский. Святочные обычаи — ряженье и гаданье в Вощажниковской вол. Ростовского у. ЯГВ, 1889, № 34.

[3] В. А. Андроников. О материалах по этнографии Костромского края. Тр. Ярославск. обл. археол. съезда, М., 1902, стр. 112—113.

[4] С. Дерунов. Село Козьмодемьянское. ЯГВ, 1889, № 80.

[5] В. Борисов. Нечто о старых и новых обычаях. ВГВ, 1862, № 3.

[6] И. Лепехин. Дневные записки..., ч. I, стр. 31 и сл. (изд. 2).

[7] ВГВ, 1902, № 27.

и в вождении медведей — последнем воспоминании о «священном» прошлом зверя — с цыганами конкурировал пошехонец: «вожак — коренастый пошехонец. . . , главный сюжет — ярославский медведь Михайло Иваныч, с подпиленными зубами и кольцом, продетым сквозь ноздри». [1]

Рис. 5. Статуэтка медведя из Кадуйского района.

Ярославские волхвы XI в. через скоморохов связаны с шекснинскими медвежатниками XIX в. [2]

Среди этих фактов этнографии Поволжья, свидетельствующих, в целом, о переживаниях почитания медведя в Поволжье и Пошехонье и об условиях, способствовавших сохранению этих пережитков, отметим в особенности переряживание медведями в свадебных обрядах. Опять-таки для осмысления этих сохраненных русской этнографией обломков на помощь приходит скандинавский этнографический материал, гораздо полнее изученный и сохранившийся. Так, в Швеции, в северной части района Даларнэ, самый термин «жениться» передается через «björnas» (в местном говоре «björnnas») буквально — «обмедведиться». [1] У саамов новобрачные сидят на медвежьей шкуре и их самих называют медведями. Инсценируется «нападение» на них толпы, где девушки одеты в мужские костюмы и наоборот; в составе нападающих — охотники на медведей в полном снаряжении, один из участвующих изображает охотничью собаку; новобрачные, являющиеся «медведями», которых надо «убить», — откупаются угощением. [2] Старинный свадебный обряд в ряде районов Швеции включал в себя особую игру, в которой участвовал ряженый медведем человек с привязанной на шее бутылкой водки или брусничного сока; его ловят и «пьют его кровь» (т. е. водку или сок); при этом новобрачные сидят на медвежьей шкуре, так же как и гости, сидящие парами (мужчина и женщина) на шкурах. [3]

Hammarstedt справедливо видит в этих обрядовых играх отражение тотемических верований. Не приходится подчеркивать исключительную близость приведенных русских и северных пережитков. Нам представляется, что и здесь отражаются очень архаические представления тотемического порядка, когда медведь считался предком данного рода; в шуточной игре, где ряженые медведем валят девушек на пол и пачкают сажей, может быть, следует видеть отзвуки символического игрища, воспроизводившего брак медведя и женщины. Переряживание мужчин в женщин и обратно также, может быть, является уже утерявшим свой смысл следом подобных же свадебных церемоний, в которые вплетались еще матриархальные представления. Очевидно, позднейшим изменением семантики медвежьего культа является представление о медведе как носителе обилия и плодородия, равно как сажание на шкуру, в дальнейшем безразлично какого зверя, служило залогом богатства новобрачных или счастливой жизни новорожденного. Связь медведя с родовыми пред-

[1] Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. V, стр. 228. В г. Любиме в 70-х годах полиция была вынуждена запретить развивавшееся вождение медведей (В. Лествицын. Мнимое расстреляние медведей в Любиме. ЯГВ, 1872, № 27). Медвежатники выходили в большом количестве и из Сергачского р-на.

[2] На совещании по вопросам этнографии и фольклора народов СССР ИЭАН СССР был прочитан доклад Л. А. Динцеса «Народное искусство Ленинградской области», в котором в числе других исключительно интересных материалов была продемонстрирована сделанная колхозником И. Рогушкиным (умер в 1931 г.) деревянная статуэтка медведя (рис. 5 в тексте). По монументальности и архаичности формы она может быть сравниваема с изображениями медведя на бронзовых бляхах Приуралья конца I тысячелетия н. э. Характерно, что эта статуэтка происходит из того же пришекснинского района (Л. Динцес и К. Большева. Народные художественные ремесла Ленинградской области. СЭ, II, 1939, стр. 13).

[1] N. E. Hammarstedt. Var- och bröllopsbjörn. Budkavlen, т. VIII. вып. 2, 1929, стр. 3.

[2] J. Stadling. Björnupptäg i Oviksfjällen, Fataburen, 1913, стр. 256.

[3] N. E. Hammarstedt. Bröllops- och fastlagsbiörn. Fataburen, 1913, стр. 1 и сл. — G. Holmlund. Skjuta björn och böta på björnhuden. Fataburen, 1913, стр. 113 и сл.

ставлениями отражена также в русском поверье, что медвежья лапа, повешенная во дворе, является жилищем духа-домового, т. е. первоначально духа-предка.

Остановимся еще на одном источнике, отражающем то же явление, — геральдическом, которого основательно касался Тихомиров. Герб Ярославля (рис. 6) изображает стоящего на задних лапах медведя с секирой на левом плече.[1] Уже Лакиер указывал, что происхождение символических фигур в гербах князей и городов «загадочно и необъяснимо»;[2] это признание делали и позднейшие геральдисты. Лакиер осторожно высказывался, что «при варягах» благородные туземные роды не были искоренены и влились в состав русской знати, на ряду с потомством Рюриковичей, внеся, очевидно, и свои родовые знаки, но тут же замечает, что гербы упрочились и получили общее распространение лишь в XVII в.[3] По мнению Винк-

Рис. 6. Ярославский герб.

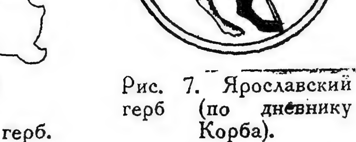


Рис. 7. Ярославский герб (по дневнику Корба).

лера, гербы старых удельных городов составились из городовых печатей, первоначально печатей удельных князей; напротив, Лакиер считает, что даже древнейшие гербы Рюриковичей содержали в себе эмблемы их родовых владений, т. е. городов и областей.[4]

Так или иначе, но ярославский герб — один из старых гербов; его, правда, нет в грозновской большой государственной печати, но он присутствует на тарелке царя Алексея Романова (медведь, идущий вправо с посохом) (рис. 6) и на рисунке Корба (медведь влево, несущий на плече знамя или чекан[5]) (рис. 7). В 1692 г., при изготовлении серебряной печати для Ярославской приказной избы, герб на ней был выре-

[1] Портреты, гербы и печати большой государственной книги 1672 года. Изд. Археол. инст., 1903, табл. 40.

[2] Лакиер. Русская геральдика. Записки Русского археологического общества (ЗРАО), VII, стр. 275.

[3] Там же, стр. 309—310, 326.

[4] Винклер. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в «Полное собрание законов» с 1649 по 1900 гг. СПб., 1899, стр. 1, 2. — Лакиер, ук. соч., стр. 361.

[5] Лакиер, ук. соч., стр. 385.

зан «по записной книге»: «медведь, стоящий на задних ногах с протазаном»[1] (рис. 8). Во всяком случае ярославский герб сложился до работы 1722—1730 гг. герольдмейстера Санти, сочинившего много новых гербов, сообразуясь с историческими событиями, связанными с историей города, отличиями предметов, характерных для природы или хозяйства данной местности, наконец, с самым именем города.[2]

Таким образом, появление медведя в ярославском гербе не уходит позднее XVII в., а если мы примем во внимание высказанное выше соображение о смысле придела Сергия Радонежского при Власьевской церкви (1609 г.), то мы должны будем признать, что легенда, связывавшая Ярославль с медведем, была весьма распространена и раньше — в XVI в. Гербом ярославских князей конца XIII в. был, как известно, геральдический зверь суздальского княжого дома — барс или лев, изображенный на щите патрона кн. Федора Черного — Федора Стратилата в Федоровском евангелии, в декоративных скульптурах владимиро-суздальских храмов и памятниках прикладного искусства.[3] Следовательно, герб города Ярославля, вопреки Винклеру, не является гербом ярославских феодалов, т. е. возник независимо или рядом с ним. В этой связи нужно обратить внимание и на то «оружие», которое несет медведь. Оно обычно определяется как протазан, с которым имеет несомненно много общего. Однако на изображении герба в «Большой государственной книге» 1672 г. (рис. 6) это «оружие» своим странным очертанием больше напоминает о трезубце — родовом знаке Рюриковичей, который одновременно являлся и «стягом» во время военных действий.[4] Любопытно, что его форму не понял Корб, изобразив нечто вроде знамени (рис. 7). Трезубец повторен на печати 1692 г. Ярославской приказной избы (рис. 8). После работ Санти трезубец сменился секирой, однако на месте продолжала жить старая традиция: печать ярославской Верхней расправы (кон. XVIII в.) снова изображает на плече зверя древко, завершаемое трезубцем (рис. 9). Если эта гипотеза может быть оправдана, то история ярославского герба получает особый интерес для нашей темы: священный зверь ярославской «доистории» сочетается с эмблемой власти Рюриковичей.

[1] Винклер, ук. соч., стр. VIII—IX.

[2] Лакиер, ук. соч., стр. 300. — В. Лукомский и Н. Типольт. Русская геральдика. 1915, стр. 3. Медведь фигурирует и в геральдике ярославского дворянства (Шаховские, Щетинины, Засекины, Львовы, Прозоровские) и стародубских родов (Гагариных и Хилковых, Гундоровых, Ромодановских) (Лакиер, стр. 377—378, 383—384).

[3] А. И. Соболевский. О медных вратах Лихачевского собрания. Русская икона, вып. 1, 1914, стр 58—61. — А. И. Некрасов. О гербе суздальских князей. Сб. ОРЯС, т. CI, № 3, 1928, стр. 406 и сл.

[4] Ср. стяг в виде трезубца, найденный близ Нальчика (В. В. Стасов. Миниатюры некоторых рукописей..., СПб., 1902, стр. 73, рис. 68).

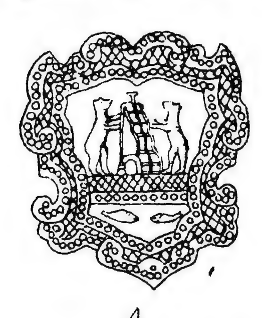
Изображение борьбы с медведем и охоты на медведя встречается часто на княжеских монетах; такова, например, сцена охоты с рогатиной на деньгах тверского князя Бориса Александровича (1426—1461), на печати у духовной в. к. Василия Дмитриевича (1423) — сцена единоборства.[1] Едва ли не раньше должен был появиться медведь и в ярославском гербе.[2]

Рис. 8. Ярославский герб (1692).

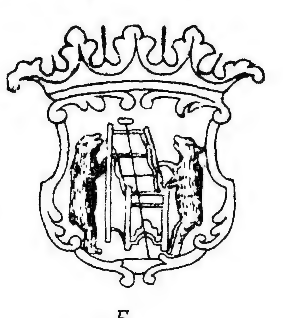
Рис. 9. Печать Ярославской верхней расправы.

Весьма примечательно, что и в гербе Новгородской земли, где мы отмечали наличие в ранних погребальных памятниках следов культового значения медведя, мы встречаем стоящих по бокам вечевой «степени» двух медведей (рис. 10), а в гербе Тверской земли — медведя, стоящего на четырех лапах; оба герба известны уже в XVI в. (печать Ивана Грозного).

Таким образом, весь приведенный материал свидетельствует, что медвежий культ в Поволжье имел свою длительную историю от неолита и ранней бронзы до древней Руси.



А



Б

Рис. 10. Новгородский герб.

А — на завесе трона царя Михаила Федоровича; *Б* — на тарелке царя Алексея Михайловича.

Каков же был характер этого медвежьего культа и каково было его значение? Лишь путем обратных и весьма шатких заключений мы можем вывести ответ на поставленный вопрос. Письменные источники позволяют установить ряд церковных запретов, связанных с медведем. Таково запрещение медвежьего мяса — «медведины».[1] Актуальность почитания медведя на русском севере в XII в. наглядно иллюстрируется сомнением местного духовенства — может ли священник носить одежду из медвежьей шкуры, которое было разрешено властями довольно либерально: «а пърт деля, в чем хотячь ходити нетуть беды, хотя и в медведине. . .»[2] В бурной обстановке восстаний смердов XI в. и оживления северного язычества покой южных подвижников Печерской лавры нарушали бесы «в образе медвежии».[3] Наконец, характерна борьба со скоморохами, «влачащими медведей», и скоморошескими играми, начинающаяся с первых шагов византийской церкви на Руси и вплоть до XVII—XVIII вв.;[4] в свете собранных выше данных «медвежья потеха» не может быть оценена как позднее явление в скоморошьей программе;[5] вместе со всем комплексом языческих обрядово-магических действий, выродившихся в «глумы» скоморохов,[6] и «ученый медведь» — искаженный пережиток своего «священного» прошлого.[7] Таким образом эти ограниченные факты и при условности некоторых из них свидетельствуют о живучести медвежьего культа и активности его пережитков, с которыми вступала в бой церковь.[8]

Надо думать, что не оставалась в стороне и княжеская власть. Любопытно, что в первой легенде самуилова «Сказания» звучит несколько неожиданный мотив: после расправы с медведем Ярослав заявляет, что он «не на потеху зверину приехал». Эта тема княжеской звериной потехи совершенно вытесняет сложное содержание легенды в ее позднем варианте, где Ярослав, осматривая берега Волги, на устье Которосли, отстал от дружины, встретил в лесу медведицу и убил ее топором; якобы в память этого он назвал Медведицей ручей, протекавший здесь, а потом поставил город.[9] На этом

[1] Тихомиров, ук. соч., стр. 27, прим. Специальному изучению ярославский и ростовский гербы подвергнуты в неоднократно цитированной работе И. А. Тихомирова «О некоторых ярославских гербах» (Тр. III Обл. истор.-археол. съезда во Владимире, 1903), в которой рассматривается и «Сказание о построении града Ярославля»; автор приходит к выводу, «что есть некоторое основание видеть в медведе ярославского герба явление не случайное и произвольное, а преемственное, один из пережитков, связывающий текущие дни с первыми веками истории Ярославского края» (ук. соч., стр. 59).

[2] Винклер, ук. соч., стр. II—III, 23. — Лакиер, т. I, стр. 156—157, 283—284.

[1] Церковь осуждает «латинян» за принятие в пищу «медведины» (Патерик Киево-Печерского монастыря. Изд. 1911 г. Ответ Феодосия кн. Изяславу. Стр. 132).

[2] Вопросы Кирика. Памятники древнерусского канонического права. Русская историческая библиотека (РИБ), VI, стр. 47.

[3] Печерский патерик, стр. 131.

[4] А. С. Фаминцын. Скоморохи на Руси. Спб., 1899.

[5] Там же, стр. 125.

[6] Беляев. О скоморохах. Временник Общества истории древностей российских (ВрОИДР), XX, стр. 69, 72. — Афанасьев. О поэтических воззрениях. . . I, стр. 339—341. — Первольф. Славяне. Варшава, 1886, т. I, стр. 181.

[7] Подробно о скоморохах-волхвах ниже, в III главе этой статьи.

[8] Может быть «медвежья потеха» была в составе «эллинских скверн» (медведь в цирковых представлениях античности и ранней Византии) и борьба с нею была лишь подкреплена местными русскими условиями.

[9] И. Троицкий. История г. Ярославля. Ярославль, 1853, стр. 7.

позднем варианте видно, как заменялось архаическое и, может быть, уже невполне понятное содержание легенды довольно примитивной «княжеской» версией — своего рода «княжеской охоты».

Конечно, совершенно не приходится говорить, в данном конкретном случае почитания медведя в Поволжье XI в. о тотемном характере медведя (Борщевский). Это — глубокое прошлое, связываемое рядом авторов с материнским родом [1] или с родовым строем вообще. [2] Ряд данных говорит в пользу первой точки зрения — таковы приведенные выше свадебные обычаи Поволжья и Пошехонья, на что указывают и древнейшие из приведенных археологических памятников. Характерно, что самые подставные слова, взамен табуированного медведя, несут представления кровно-родственных отношений: у гуцулов это — «вуйко» (ср. русское «уй» — дядя по матери), у русских — «дедушка», «старик» и пр. [3] В статье о суевериях Румянцевского сборника XVIII в., сообщающей о сохранении в народе верования в сверхъестественные качества медведя, говорится: «и чреваты жены медведю хлеб дают из руки: да рыкнет — девица будет, а молчит — отрок будет»; медведь связывается с продолжением рода. [4] Попытка затравить пришедшего с враждебными целями князя медведем, изображаемая первой легендой самуилова «Сказания», вполне соответствует родовому характеру медвежьего культа; в фольклоре хантэ и манси медведь часто выступает как защитник рода, активно вступающий в борьбу с его врагами. В условиях верхнего Поволжья, способствовавших устойчивости старых хозяйственных основ, охоты, рыболовства, скотоводства и замедлявших развитие земледелия, дольше сохранялись и пережиточные общественные формы. В самом легендарном имени «Медвежьего угла» можно видеть обозначение места, обитаемого каким-то коллективом людей (род или позднейшая большесемейная община), который связан с древним культом медведя, преданием о происхождении от него и т. п. [5] Сельская община, условия «наивного феодализма» (К.Маркс)

[1] См. работу Е. Петрова. Опыт стадиального анализа «охотничьих игрищ» (СЭ, 1934, № 6). — С. В. Иванов. Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура. Сб. «Памяти В. Г. Богораза». 1937. Следует напомнить и указание Н. Я. Марра о «яфетическом источнике» русского слова «медведь» (Н. Я. Марр. Яфетиды. Избр. раб., т. I, стр. 133).

[2] Харузин. Медвежья присяга, ЭО, 1898, № 4, стр. 28—29. — Пилсудский, ук. соч., стр. 143 и сл.

[3] Зеленин. Табу слов..., стр. 102—103. Вопрос о пережитках матриархата, в частности в русском Поволжье, заслуживает специального исследования. Гондатти указывает, что на медвежьем празднике у народов Зап. Сибири медведя также называют «уй» (ук. соч., стр. 80).

[4] Гальковский, ук. соч., стр. 94. Ср. связь медведя с многолюдием семьи (Афанасьев, ук. соч., стр. 717).

[5] Срезневский. Материалы для словаря... Sub voce. Ср. былины «о бое Ильи Муромца с сыном», где встречается термин «заугольник» в смысле «незаконнорожденный», «стоящий вне рода» (Краткий отчет о деятельности ОЛДП. 1925, статья Лященко, стр. 43).

способствуют сохранению культа животных. [1] Поволжская сельская община-погост отличалась архаическими чертами. [2] Медведь, как сильнейший представитель фауны лесной полосы Восточной Европы, гроза стад, более, чем другие «священные звери», имел данные для длительного сопротивления гонениям христианской церкви и феодалов-христиан.

Приведенные данные позволяют поставить последний вопрос — сохранил ли медвежий культ в Поволжье XI в. свою характернейшую обрядность — «медвежий праздник»? Здесь мы имеем только одно свидетельство первой легенды самуилова «Сказания»: в Медвежьем углу «лютый зверь» — медведь — содержался в «клети», откуда и был выпущен навстречу Ярославу. У ряда народов медведь, предназначавшийся для медвежьего праздника, содержался и откармливался в клетке: [3] у айнов это «бревенчатая клетка, сложенная в виде неплотного сруба, крыша которого придавлена тяжелыми брусками дерева»,[4] т. е. сооружение, вполне соответствующее русской «клети».

И еще одно, уже вполне гадательное и сложное, сопоставление.

В событиях первой половины XI в. весьма бледной тенью проходит один сын Владимира, Судислав Владимирович. В 987 г. он получает Псковское княжение и занимается христианизацией своей волости. Далее огромный перерыв, когда мы решительно ничего о нем не знаем. Под 1034 г. сообщается, что он подвергся опале великого князя Ярослава, так как был оклеветан перед ним, и Ярослав сажает его «за некую крамолу» в поруб во Пскове, откуда он выходит уже стариком, выпущенный Ярославичами в 1059 г. [5] Освобождение Судислава из поруба происходит в очень грозный для княжеской власти период. Новгородский север охвачен восстаниями облагаемых данью племен; движение, связанное с «клеветой» холопа Дудика на архиепископа Луку Жидяту, волнует самый Новгород. Со стороны Всеслава Полоцкого, упорно ведущего борьбу с гегемонией Киево-Новгородской державы, нарастает угроза Новгороду. Ярославичи выпускают Судислава под крестной клятвой «яко не мстити ему своя обиды», он принимает монашество и его увозят в Киев. Вся обстановка освобождения Судислава, вывоз его с неспокойного севера на далекий юг, пресечение клятвой возможных претензий, наконец, постриг — показывают, что,

[1] К. Маркс. Дебаты по поводу закона против кражи дров. Соч., I, стр. 227. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Британское владычество в Индии. Соч., IX, стр. 349.

[2] Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. Изв. ГАИМК, вып. 138, стр. 26—27.

[3] Харузин, Этнография, IV, 372.

[4] Пилсудский, ук. соч., стр. 82.

[5] ПСРЛ, V, стр. 120; I, 65, 70; Русский временник, I, 72.

несмотря на скудость упоминаний о нем, эта личность представляла серьезную опасность не только в плане династическом. Д. Щеглов выдвинул гипотезу, что Судислав был посажен в поруб Ярославом за то, что, обделенный братом, «задумал стать во главе Мери для сопротивления Ярославу». Единственным доводом в пользу этой остроумной гипотезы является имя города Судиславль в Костромском крае, «в центре Мери».[1] Нам представляется, что гипотеза Щеглова хорошо связывается с волнениями в Поволжье, отразившимися в летописи лишь скупым рассказом 1024 г.

Второй персонаж этого времени, также смутно встающий в летописных строках, — это новгородский посадник Константин (Коснятин) Добрынич, действующий весьма решительно в 1018 г. при попытке Ярослава, пораженного Святополком, бежать за море;[2] на другой год, (т. е. в 1019 г.) «разгневался на нь великый князь Ярослав, и поточи и в Ростов; и на третье лето (т. е. в 1022 г.) повеле его убити в Муроме, на реце на Оце».[3] Более ничего о нем неизвестно.

У айнов «к медвежьему празднику приурочивалось воспоминание и оплакивание умерших; в связи с этим сложился взгляд, что после смерти близкого, и в особенности почитаемого человека, очень важно добыть медвежонка, выкормить его, чтобы затем, в день его выведения, иметь возможность в большом обществе родственников и друзей поплакать над родными, ушедшими в другой мир».[4]

Напомним обстановку первой части самуилова «Сказания»: в Суздальской земле шла острая внутренняя борьба; Ярослав борется с восставшими; к моменту его прихода в «Медвежий угол» содержится в клети медведь, тут же находится много псов; «подданные» выпускают на князя медведя, он убивает его секирой (топором); в своей речи князь говорит, что он приехал не на звериную потеху и не на пир пить многоценное питие.

Теперь поставим рядом с этими чертами рассказа «Сказания» описание медвежьего праздника у гиляков; он совершается обычно в честь умершего сородича; ближайший родственник покойного ловит медвежонка, которого и откармливает весь род, содержа питомца в отдельном срубе. К празднику съезжаются в гости сородичи, род покойного должен их кормить, равно как и массу собак, на которых они приехали. Медведь убивается на специальной арене, обставленной резными священными столбами; убивают его «нархи» — почетные гости, обязательно принадлежащие к тому роду, куда выходят дочери хозяина медведя. Перед убийством происходит пир, в котором женщины не участвуют. По окончании пира из палатки выходят сначала хозяин медведя или старший в его роде, за ним старший из нархов, оба с топорами; нарх убивает медведя стрелой в сердце, уловив момент, когда он, разъяренный, поднимается на задние лапы; остальные душат медведя. Есть мясо медведя разрешается только нархам — это дает силу, а почести медвежьим останкам дают гарантию на благоволение «горного хозяина».[1]

Как видим, эти, казалось бы, далекие вещи перекликаются между собой: «звериная потеха» и «медвежий праздник», пир перед ней; медведь откармливается в «клети» или «срубе»; в селении много собак, на которых приехали или которые пришли с родичами; нарх выходит на медведя с топором, князь — с секирой, иначе называемой «топором» (ср. «грешися топорцем»). Медведь откармливается обычно два года.[2] Коснятин был убит в 1022 г.; если полагать, что в его память жители Медвежьего угла устроили «звериную потеху», то пойманный в 1022 г. медвежонок к 1024 г., году восстания и прихода Ярослава на Волгу, был готов к своей жертвенной участи. Источники обходят молчанием обстоятельства и причины казни Коснятина; но есть некоторые основания думать, что опальный посадник стал очень популярной личностью в Поволжье. Едва ли случайно его имя носит город Коснятин в устье Волжской Нерли, расположенный по соседству с устьем Медведицы и ее «медвежьим» городищем, в непосредственной близости от новгородского выхода на Волгу. Лаврентьевская и Ипатьевская летописи не сообщают ничего об основателе этого города, упоминая о нем лишь в связи с событиями XII—XIII вв.;[3] только один Никоновский свод приписывает основание г. Коснятина Юрию Долгорукому.[4] Однако это свидетельство позднего свода одиноко.[5] Весьма вероятно, что как Судиславль, так и Коснятин были городами, возникшими по инициативе обиженного князя и сосланного посадника,[6] пытавшихся использовать накаленную противоречиями атмосферу, создавшуюся в непрочном Hinterland'е лоскутной империи Рюри-

---

[1] Д. Щеглов. Первые страницы русской истории. ЖМНП, 1876, кн. IV, стр. 63, прим. 2.

[2] ПСРЛ, I, 62.

[3] ПСРЛ, V, 134. Местности, указанные в отрывке, по аналогии с отрывком 1024 г. мы понимаем не в смысле городов, а в смысле земель «Ростовской» и «Муромы».

[4] Пилсудский, ук. соч., стр. 145.

[1] Штернберг. Гиляки. ЭО, XI, стр. 31—42.

[2] Пилсудский, ук. соч., стр. 154, дополн. 39.

[3] ПСРЛ, II, под 6724 г.; I, 212.

[4] ПСРЛ, IX, стр. 158.

[5] В литературе вопрос об основании г. Коснятина спорен: ряд историков сомневается в приурочении его Юрию Долгорукому. См. об этом: А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Пгр., 1918, стр. 27—29 и прим.

[6] Стратегическое положение г. Скнятина (Коснятина — Константина) было исключительно выгодным, так как закрывало Нерльский вход в Суздальщину с Волги от Новгорода. На противоположном берегу Волги у р. Медведицы (д. Посад) находятся самые западные курганы «владимирского» типа (Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, стр. 94). — Плетнев. Об остатках древности..., стр. 278—279.

ковичей в первой четверти XI в. Естественно, что при этой тактике они должны были стремиться приобрести популярность в Залесье, действуя в духе интересов и, может быть регрессивных, стремлений местной среды (напомним вероятность возврата к сожжению в курганах XI в.). Соблазнительно думать, что именно в силу этого смерть Коснятина была отмечена в 1024 г. местным населением медвежьим праздником.

Возвращаемся к летописному тексту рассказа 1071 г. о съедении повешенных трупов волхвов медведем и выяснению этого обстоятельства. Этнографические параллели говорят нам, что у народов, имевших культ медведя, съедение им человека означало его бесспорную «греховность». Согласно легенде о божественном происхождении медведя, бог, спуская его на землю, позволил ему уничтожать стада только плохих людей, самих их медведь мог убивать.[1] «Остяки верят, что медведь был спущен высшим существом на землю, причем ему было приказано уничтожать только грешных людей, а остальным не делать вреда. Отсюда убеждение, что убитый медведем человек чем-нибудь прогневил божество, и, наоборот, если медведь будет убит, то, значит, он чем-нибудь оскорбил божество, которое и позволило людям убить медведя».[2] Медведь особо карал определенный вид греха — это нарушение клятвы (присяги), измену, неверность.[3] Приведем собранные Н. Харузиным примеры. По убеждению манси, нарушивший верность договору будет обязательно съеден на охоте медведем. Отрицающий свою вину подвергается очистительной присяге. Хантэ, подозревающий кого-либо в преступлении, может требовать очистительной присяги на медвежьей голове. Обвиняемый разрезывает ножом медвежий нос и говорит: «если моя клятва ложна, да сожрет меня медведь». У народов северо-западной Сибири клятва происходит над лапой или мордой медведя: клянущийся грызет лапу или трижды замахивается топором на повешенный на дереве медвежий череп, говоря: «пусть его медведь т а к ж е з а г р ы з е т и з а г у б и т, как это он делает теперь с [его] головой и ногой». У юраков обвиняемый целует медвежью шкуру, после чего один из стариков, со словами «чтоб медведь изорвал виновного», замахивается на шкуру топором. У туруханских хантэ обряд очистительной присяги состоит в том, что виновному дают медвежий зуб, который он должен грызть, или медвежье ухо, которое он должен рубить и целовать.[1]

Но особенный интерес для нас представляет рассказ о присяге хантэ, которую они давали новому государю в исправном поступлении ясака, т. е. в подданстве: «когда присягать новому государю, то собирают их вместе в кучу, кладут топор, которым прежде рубили медведя, дают каждому из присутствующих с ножа кусок хлеба и заставляют присягающего произнести следующую формулу: «если я моему государю до конца моей жизни верен не буду, своевольно отпаду, должного ясака не заплачу и из моей земли отъиду, или другие неверности окажу: то чтоб меня медведь изорвал, куском сим, который ем, чтоб мне подавиться, топором сим да отрубят мне голову, а ножом сим, чтоб мне заколоться».[2] Здесь медвежья присяга осложнена новыми моментами (топор, нож и хлеб), но крайне знаменательно, что русские колонизаторы использовали для присяги языческую ее форму — медвежью присягу, для «идеологического» обеспечения сдачи ясака, т. е. дани пушниной. Вера в могущество священного зверя действовала сильнее кар христианского бога. «Клятва на шкуре медведя считалась особенно священной и соблюдалась „зело со опасением"».[3] Не вероятно ли, что дань поволжских смердов, состоявшая, скорее всего, из драгоценной «скоры»,[4] была в начале XI в. обеспечена аналогичной «ротой» и ее нарушение, «своевольное отпадение» (Коснятин?), придало особую остроту поволжским событиям 1024 г.; новое восстание 1071 г. под началом волхвов из Медвежьего угла, имевшее чисто внутренние причины, поставившие под угрозу уплату дани, повело к тому, что летописец привел версию о съедении «отступников» священным зверем — медведем, может быть, распространенную пострадавшими верхами погостов для устрашения низов. Не была ли повторена медвежья клятва при переходе даней Поволжья к Святославу Черниговскому?

Летопись не содержит прямых данных для утвердительного ответа на поставленный вопрос. Но характерна двойственность «состава преступления» восставших перед лицом Яна и двойственность наказания: кровная месть и съедение медведем. Террор по отношению к старой чади, ее избиение, был компенсирован средствами родовой мести, родичи убитых убили и повесили волхвов. Для Яна наиболее существенным было исправное поступление дани, оно

[1] Н. Х а р у з и н. Медвежья присяга и тотемическая основа культа медведя (оттиск из «ЭО», вып. XXXVIII и XXXIX), 1899, стр. 36—37. «Ешьте только тех людей и тот скот, которые в чем-либо провинились и на которых вам будет указано, других же не трогайте, ибо сами погибнете» (А. Н. В е с е л о в с к и й. Соч., т. I, стр. 359). Ср. с этим высказанное «о насланном медведе» в пошехонском пастушьем заговоре. См. также татарскую легенду об Аю-даге (Сказки и легенды татар Крыма. Крымгиз, 1936, стр. 356—364).

[2] Н. Х а р у з и н. Этнография, т. IV, СПб., 1905, стр. 145. — Г о н д а т т и. Культ медведя..., стр. 79.

[3] Н. Н. Я д р и н ц е в. О культе медведя преимущественно у северных инородцев. ЭО, IV, 1890, № 1, стр. 109.

[1] Х а р у з и н. Медвежья присяга..., стр. 2—5.

[2] Там же, стр. 2.

[3] С. В. Б а х р у ш и н. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Лгр., 1935, стр. 27.

[4] Любопытно, что сбор дани — полюдье — сохранялся в районе Киева, Мозыря, Могилева и Свислочи еще в XVI в.; он и в это время заключался в куницах, лисицах и меде (П е р в о л ь ф. Славяне, I, стр. 157).

было подорвано избиением старой чади и захватом ее «имения» восставшими. Первая легенда «Сказания» дает, очевидно, близкую действительности линию развития отношений Медвежьего угла к княжеской власти; в результате первого же столкновения с ней «людии сии клятвою у Волоса [медведя] обеща князю жити в согласии и оброцы ему даяти...» Клятва у «Волоса» не должна нас смущать, так как мы знаем, что здесь Волос — позднейшее наслоение в составе первой легенды, закрывшее священного зверя-медведя, внесенное Самуилом в целях увязки Волоса-Власия. Приезд Ярослава в 1024 г. был связан не только с внутренней борьбой, но, вероятно, также с «отпадением» Поволжья (Коснятин); князь и встречен попыткой затравить его медведем. Князь убивает медведя и справляется, аналогично Яну Вышатичу, о принадлежности — подданности людей: «кто убо вы, не суть ли те людии, кои клятвою уверяли перед вашим Волосом [медведем] верно служити [согласно первому договору — «оброцы даяти»] мне, князю вашему. Кой же он бог, яко и клятву при нем сотворенну сами [может быть «сам»?] преступи и попра?» Судя по съедению медведем волхвов, вождей восстания 1071 г., ярославские смерды не только избили старую чадь, но и нарушили «медвежью присягу» в подданстве, может быть повторенную Святославу; отсюда двойная кара: одна — по местным нормам родовой мести, но понятная феодальной княжеской среде, вторая — агитационная версия, рассчитанная только на идеологию смердов Поволжья и случайно попавшая в летопись: «в другую нощь медведь възлез угрыз ею и снесть, и тако погыбнуста наущеньем бесовьскым...» Эта двойная кара волхвов, сформулированная летописью как «о т м е с т ь е от бога п о п р а в д е» и «наущеньем бесовским», свидетельствует, что здесь, в Поволжье XI в., общественные отношения были исключительно сложными. Кровная месть была здесь в 1071 г. явно жизненным институтом, с которым пришлось считаться даже южанину Яну Вышатичу, а летописец пошел дальше, оценив эту расправу как «отместье от бога по правде». Подчинение и подданность смердов княжие даньщики вынуждены были оформлять по местным обычаям медвежьей присягой. Самые смерды Поволжья, очевидно, резко отличались от своих южных собратий — киевских смердов.

Подведем некоторые итоги сделанному исследованию.

Археологические памятники сигнализируют о наличии медвежьего культа в Поволжье еще в глубокой древности, по меньшей мере связанной с могильниками так наз. фатьяновской культуры, и позволяют проследить его историю вплоть до курганных могильников суздальщины X—XII вв., когда он отразился и в смутной летописной записи 1071 г.; этнографические данные застают его пережитки в XIX—XX вв. На этой почве издавна создаются народные сказания и легенды, где этот культ привязывается в частности к праярославскому поселению и истории его освоения Ярославом; рассказ об его борьбе со зверем, послуживший почвой для ярославского геральдического знака, жил уже в XVI в., может быть самый герб — медведь с трезубцем — возникает в первые столетия жизни феодального Ярославля. Такова глубокая основа, на которой создалось и самуилово «Сказание», содержащее наиболее ясные данные о «священном звере».

Эта сложная и глубокая генеалогия почитания медведя в Поволжье заставляет с особой остротой поставить вопрос: что же обозначает его наличие у поволжских смердов? Следы ли это «инородческой мифологии», случайно попавшей в кругозор «русского» населения Поволжья, как думал Е. В. Аничков? Или языческий колорит, которым овеяны восстания смердов Поволжья, свидетельствует о «финском» происхождении этих смердов, как полагал Ю. В. Готье? Ведь магическая обрядность, с которой восставшие смерды убивали «лучших жен» путем «прорезывания за плечами», сопоставленная П. И. Мельниковым с аналогичной обрядностью у мордвы, наличие в мордовском фольклоре указаний на обряд надземного погребения на дереве, приведенных выше, дают, казалось бы, возможность стать на эту точку зрения. Нам представляется, что вопрос решается иначе.

Самый летописный текст 1071 г., объединяющий в своеобразную хрестоматию рассказы о восстаниях третьей четверти XI в., в которых приняли участие волхвы, повествуя о них, только один раз оговаривает «чудское» происхождение волхва, гадавшего «некоему новгородцу». В остальном речь идет несомненно о славяно-русском населении как в Киеве, так и в Новгороде, как в Поволжье, так и в Пошехонье. Самые обстоятельства восстания 1071 г., богословская дискуссия Яна с волхвами, его разговор с самими восставшими показывают, что смерды от Ярославля до далекого Белоозера ничем не вызывают удивления южанина Яна — у них общий русский язык, но в отличие от Яна они язычники, и это особенно подчеркнуто. Если бы Ян имел дело с нерусским языческим населением, летописец использовал бы этот момент в первую очередь, так как это переносило бы «языческую мерзость» на «иноплеменных», например на мордву, которая была отлично известна.

Но, может быть, это были колонизаторы Поволжья с запада — кривичи, усвоившие обычаи «финских» племен? Однако этому решительно противоречит самая органичность сохраненного русским населением до позднейшего времени почитания медведя, а также его глубокая доистория в Поволжье. Приведенный материал с полной ясностью показывает, что в теме о медвежьем культе дело не во влиянии

«финнов» на «русских». Говоря об этногонии племен Поволжья, Н. Я. Марр писал: «В формации местного славянина, конкретного русского, как, впрочем, по всем видимостям, и финнов, действительное доисторическое население должно учитываться не как источник влияния, а творческая материальная сила формирования; оно послужило, в процессе нарождения новых экономических условий, выковавших новую общественность, и нового племенного скрещения фактором образования и русских (славян) и финнов. Доисторические племена, следовательно по речи все те же яфетиды, одинаково сидят в русских Костромской губернии, как и в финнах...»[1]

Именно об этом говорят и общие для выросших из единого корня позднейших разноплеменных образований черты в культе, мифологии, обрядности, фольклоре, как это мы видим, например, у мордвы и русского населения Поволжья. Может быть в сохраненной тем же мордовским фольклором песне о том, как кукушка снесла в поволжском лесу три яйца, из которых вышли птенцы по имени Рузантей, Эрзентей и Ведлентей, отразились смутные предания о древнейшей общности происхождения русских, эрзи и мокши.[2] Правильность такого предположения подтверждает и история медвежьего культа в Поволжье. Как было показано выше, это явление — общее для народов всей лесной полосы Евразии: скандинавов и северных германцев, мордвы, народов Сибири и русского населения Севера. Следовательно, медвежий культ выступает как общее древнейшее наследие в идеологии этих народов, свидетельствуя об их органическом формировании на базе сложных местных процессов скрещения племен. Медвежий культ, восходящий к тотемическим представлениям ранней ступени родового общества, переживает в различной степени яркости и полноты, с бо́льшим или меньшим искажением своего первоначального идеологического содержания и на позднейших этапах общественного развития. Степень этих искажений связана со степенью разрушения родовых отношений или устойчивости их переживаний у данного народа.

Нельзя при этом не вспомнить и замечаний Н. Я. Марра по поводу рассказов 1024 и 1071 гг. «Здесь, в волжско-камском мире, вообще на севере, местные верования и эпические сказания, искони родные для первоначального населения края, чувашей, и кровнородственных тогда с ними, еще не финнизированных и не славянизированных народов-яфетидов, северных сарматов и русов, могла сохранить лишь письменность народа, и религиозно, и классово-национально враждебного им, — народа христианского и индоевропейского — русского, который и использовал их для построения своей начальной легендарной истории...»[1] Тенденциозно завуалированное летописью проявление почитания медведя у смердов Поволжья XI в., жившее в сказаниях и легендах об Ярославе и медведице и пережитках в быту Пошехонья, дошло до нас в обработке церковника XVIII в.

Теперь обратимся к последнему вопросу темы — о связи волхвов с медвежьим культом.

III. ВОЛХВЫ-СКОМОРОХИ

Рассказ о поволжском восстании 1071 г. в версии летописца Переяславля Суздальского говорит: «Бывшю бо тогда гладу в Ростове, приидоша Ярославци глаголющи 2 муж прелестнии: мы ведаем кто обилие держит. И поидоста по Волзе, наричающю добрые жены честныя, яко сии жито дрьжать, а сии рыбу, а сии скору и привожаху к ним матери, и сестры, и жены своа, они же мечтанием яко скомраси, прорезаху в них за плечами и выняху пред людми жито у них спод кожи, а у иных мед и скору и рыбу, веверицю, и убиста множество жен, а имение собе беруще. И бе с ними людии инех 300 глупых».[3] Руководители восстания выступают в этом отрывке и последующем тексте в различных отражениях. В данной цитате они волхвами не именуются, это «глаголющи 2 муж прелестнии»; летописец (XIV—XV вв.) говорит, что они действуют как скоморохи, очевидно, проводя аналогию с «латинами», о которых писалось в вводной части.[2] С точки зрения местного населения, белозерцев, они «кудесники»: «сиа у нас два кудесника много жен и муж погубиша». С точки зрения Яна Вышатича, и восставшие, и их вожди имеют одно имя — это «смерды». Таким образом, мы имеем харак-

[1] Н. Я. Марр. Приволжские и соседящие с ними народности... Избр. раб., т. V, стр. 306.

[2] Записана в с. Чамзино б. Симбирской губ. Приношу благодарность В. В. Гольмстен за указание этого источника.

[3] Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851, стр. 47.

[1] Н. Я. Марр. Чуваши-яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926, стр. 56—58.

[2] «По семьже Латына бестудие въземше от худых Римлян, а не от витязей, начаша к женам к чюждым на блуд мысль држати, и предстоати пред девами и женами службы содевающи и знамя носити их, а своих не любити, и начаша пристроати собе кошюли, а не срачицы и межиножие показывати и кротополие носити, и аки гвор в ногавици створше образ килы имуще и не стыдящеся отнуд, аки скомраси» (там же, стр. 3). Отметим здесь же, что, по точному смыслу текста, «аки скомраси» относится лишь к указанию, что латиняне «нестыдящеся отнуд», что они бесстыдны, как скоморохи. Тем самым отпадает распространение на древнерусских скоморохов описанного в данном отрывке своеобразного костюма «латин» или, во всяком случае, некоторых его деталей. Любопытно, что миниатюра Кенигсбергской летописи (л. 106а) изображает новгородского волхва в католическом одеянии.

теристику восставших со стороны летописца, со стороны их собственной среды и, наконец, со стороны княжеского даньщика и владельца даней Яна Вышатича, человека с киевского юга; как видим, его характеристика наиболее общая и в то же время односторонняя.

Вторая легенда самуилова «Сказания» дополняет характеристику ярославских «скоморохов». На месте «Волосова мольбища» имели место «мнозии страхования»: «ту и сопели и гусли и пение многажды раздавашеся и плясание некое видимо бываше». Иными словами — на месте языческой святыни продолжались традиционные скоморошеские игры, имевшие характер магического действия. Эта деталь утверждает значительность пояснения летописца Переяславля Суздальского — «яко скомраси».

Н. Я. Марр посвятил термину «скоморох» интереснейшие строки. Скоморох — это «обычно значит шут, но на самом деле это те шуты-забавники, которые в роли калик-перехожих или странствующих рыцарей творили и хранили такие культурные ценности, как поэзию, это колдовство речи для первобытного человечества, и пророчество, и исторические предания о родословии космических явлений, племенных тотемов в представлении первобытного человечества, впоследствии богов и героев, что позднее легло в основу различных религиозных учений. Эти же „скоморохи", уже странствующие рыцари, занимались цехово торговлею или дружинно разбоем, т. е. военными делами. И нашему термину „скоморох" присущи все намеченные мною значения, в числе их особенно ярко значение поэта, этого колдуна, чародея речи и учителя общественности, пророка, обращавшегося в шута там, где строй жизни переставал терпеть прямую правду». Далее Н. Я. указывает родство термина с чувашским yomǝz — первоначально названием жреца, служителя тотемного божества чувашей, позднее «ворожея», «колдуна». Здесь же отмечается, что русское «волхв» — «ворожить» является двойником чувашского «yomǝz», идущим от булгарского vor||vol.[1]

Приведенные замечания Н. Я. Марра и огромный сравнительный материал по скоморохам, собранный А. Н. Веселовским, дает возможность конкретизировать, что представляли собою древнерусские скоморохи, вернее — какой смысл вкладывался позднейшим летописцем, когда он проводил сравнение между «обольстительно сказывающими» из Ярославля 1071 г. и «скоморохами».

Бродячие мимы-скоморохи выступают перед нами на заре европейского средневековья, как выходцы из варварского прошлого; они, в частности, являются вожаками медведей и затевают свои игры «на глумление и прельщение». Мим сближался с нищенствующим языческим жрецом, знахарем и стал объектом гонений христианской церкви. Астерий (IV—V вв.), описывая представления в январские календы, отмечает переряживания мимов («другие, воссев на колеснице, шествовали, окруженные оруженосцами») и говорит, что они «издеваются над предержащей властью». Мимы и гистрионы средневековья являются пришлыми, прохожими людьми с остатками древней организации. В Германии потешники, Spielleute, обязаны были поступиться украшением свободного человека, стригли волосы и бороду и носили более короткое верхнее платье; жонглеры надевали иногда костюм клериков и, как они, стригли гуменце. «Бесправные юридически, гонимые церковью, эти бродячие певцы были, тем не менее, вхожи в народ, являлись на его игрища, свадьбы, пиры, турниры, похороны и т. п.; носители культурного предания, чуждого, заповедного и вместе близкого по уровню к духовному кругозору народа, эти потешные люди не могли не повлиять на его содержание...» Типичным музыкальным инструментом скоморохов является струнный (гусли, домры и пр.). В XI—XII вв. происходит расслоение скоморохов, большая часть опускается до положения уличного или базарного шута и шарлатана-знахаря, другие становятся носителями новой феодальной песни и, по выражению Веселовского, «идут в литературу». Семантическое развитие термина «глум» отражает переход от конкретного представления о «поющем и играющем» к понятию «глума», «глумления» и затем «бесстыдника». Не случайно родство термина «скоморох» со scamares — разбойник; «пандуры», игроки на гуслях, у Малалы позднее обозначают разбойников.[1] «Международное значение» скоморошества отметил и В. А. Брим, также указавший, что понятия «певец — разведчик — разбойник» являются в истории культуры смежными, близкими».[2] Как А. Н. Веселовский, так и А. И. Кирпичников рассматривали русских скоморохов как явление пришлое, заносное, сложившееся, по Кирпичникову, под влиянием византийской цивилизации.[3] И. Д. Беляев, первый поставивший тему о скоморохах

[1] Н. Я. Марр. Чуваши-яфетиды на Волге. Избр. раб., т. V, стр. 356—359.

[1] А. Н. Веселовский. Разыскания в области русского духовного стиха. Зап. Акад. Наук. СПб., т. 45, прил. I, 1883, стр. 128—182. В последнем смысле чрезвычайно характерны замечания Астерия об агиртах и глумцах: «Город делается для них местом избегаемым и куда они не ходят. Город избегают они больше, чем заяц сети. Находишь же их с бичами бесчинствующих, губящих все, что им под руки попадет, воюющих в мирное время...»; они издеваются «над законами и властью, быть стражами которой им в тягость» (цит. по Веселовскому, стр. 138—139, перев. М. С. Альтмана).

[2] В. А. Брим. Термин «скоморох». Яфет. сборн., II, стр. 94—97. См. также: Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук (ИОРЯС), 1918, т. XXXIII, кн. 2, стр. 243—245. Здесь приведены наличные в литературе мнения о термине «скоморох».

[3] А. И. Кирпичников. К вопросу о древнерусских скоморохах. Сб. ОРЯС, т. LII, № 5, СПб., 1891. Автор привлек для подтверждения своей гипотезы из-

древней Руси предметом специального исследования, стоял на противоположной точке зрения: «Что касается до нас, то, веря в самостоятельное развитие процессов жизни у каждого народа, мы думаем, что нам нет нужды исследования о скоморохах начинать исследованием о мимах и поэтах, хотя аналогически они и могут объяснить многое в наших скоморохах». Беляев видел в скоморохах вырождающихся представителей языческого культа.[1] А. С. Фаминцын, собравший большой материал о скоморохах на Руси, построил свое исследование в плане историко-литературном и историко-музыкальном и, отмечая близость скомороха волхву, кудеснику, пришел все же к заключению, что скоморохи ведут свою генеалогию от баяна, «придворного, дружинного певца».[1] Е. В. Аничков расширил эту трактовку, указав, что древнее «баяние» — одновременно пение песен и ворожба, что древние памятники употребляют альтернативно термины «волхв» и «баян», что, наконец, «самое скоморошество не что иное, как вырождение древнего баяния»; предметом же баяния Аничков, вслед за Веселовским, считает древний родоплеменной эпос, выраставший в борьбе племен, закреплявший в устной традиции идеологию этой борьбы.[2]

Рис. 11. Фреска лестницы Софийского собора.

Таким образом из приведенных мнений следует вывод, что скоморох весьма сложное социальное явление, коренящееся еще в дофеодальной среде и переживающее при переходе от варварства к цивилизации решительный кризис. Формулировка позднего летописца Переяславля Суздальского: «глаголющи 2 муж прелестник» и сопоставление их со скоморохами

вестную фреску лестницы Киево-Софийского собора, изображающую сцену борьбы вооруженного человека с человеком в звериной маске на голове (рис. 11). Он повторил мнения Н. П. Кондакова, Д. В. Айналова и Е. К. Редина, видевших в изображенной на фреске сцене один из сюжетов игр византийского ипподрома (ЗРАО, т. III, стр. 287—306; ЗРАО, IV, нов. сер., стр. 366 и сл.). В «Русских древностях» Кондаков, пытаясь «обрусить» термин «скоморох», предложил гипотезу о первоначальном «скоро-мох», что должно было значить: «человек, ряженый зверем», «в звериной шкуре — скоре» (Русск. древн., IV, стр. 154). А. А. Бобринский, в ответ Н. П. Кондакову, посвятил этой фреске специальную заметку (ЗРАО, нов. сер., т. IV, вып. 2, СПб., 1889, стр. 81 и сл.) и указал на аналогии этой сцене в «варварских» памятниках скандинавского севера; по его мнению, появление этого сюжета в росписи Софийской лестницы объясняется отражением языческой идеологии «варварского» («готско-варяжского») слоя Киева.

[1] И. Д. Беляев. О скоморохах. ВрОИДР, т. XX, стр. 69, 72. — Афанасьев. О поэтических воззрениях славян, I, 339.

[1] А. С. Фаминцын. Скоморохи на Руси. СПб., 1899, стр. 28, 129—131, 174.

[2] Е. В. Аничков. Что такое народная словесность. История русской литературы, 1908, т. I, стр. 10—14. — Преображенский. Этимологический словарь, стр. 21.

не оставляет сомнений в том, что вожди крупнейшего поволжского восстания смердов были, в частности, певцы-баяны, носители неписанной истории и мифов местного населения.[1] То, что их «глаголание» «прельщало» массы, указывает на их традиционный авторитет у этих масс. Если летописец обратил внимание на эту сторону функций ярославских «прелестников», то более отдаленное население Белозерья подчеркнуло другую сторону — называя их «кудесниками», т. е. чудесниками, творцами магических обрядов и действий.[2]

Об огромном влиянии скоморохов на сельские и городские низы говорит «Слово о христианстве»: «Аще пустошник что глумяся изречет, тогда сии больма смеются, его же бы деля злословного кощунника бьюще отгнати. Но и зряще чюдятся: тии учать злу, друзии же и мзды игрецем дают, тем болии огнь на свою выю збирают. Аще не зрели бы ни дивилися им, то оставили бы пустования; не токмо бо дивятся зря, но и словеси их извыкли». Не случайно черноризец Григорий (XIII в.) поучает: «смеха бегай лихого скомороха».[3] Скоморший «глум» обращался на «предержащия власти», скоморошья игра укрепляет языческое «пустование», «скоморошьи словеса» становятся ходячими словами и прочно усваиваются массами.

Слово «о небесных силах» приписывает скомороху, кроме «баяния басен», гусельной игры, организацию «плясаний» на свадьбах и игрищах, а также «бестудныя словеса» и «буе слово».[1] Последнее указывает на специфическое значение скоморошества. «Буяя речь», «буе слово» имеют вполне определенное значение протеста, возмущения; достаточно указать на характеристику рязанского старого боярства, упорно боровшегося против превращения в вассалов Всеволода Большое Гнездо за свою архаическую независимость; они на предложения Всеволода прислали ему в ответ «буюю речь» «по своему обычаю и непокорьству».[2]

И. Д. Беляев чрезвычайно остроумно указал на одну параллель русским скоморохам, отметив, что в XI в. в Польше поднялось восстание против христиан «по наущению гусляров».[3] Хотя Беляев и видел в этом восстании только языческую оболочку, тем не менее эта параллель обязывала выводить скоморохов из истории литературы и религии в историю, связывала их с классовой борьбой. Но этот аспект скоморошьей истории оставался невыявленным, хотя на беляевскую аналогию и ссылались.[4] Польский «гусляр» — полный аналог скомороху; польское gusla = колдовство и скоморошество, guslarstwo = колдовство и фиглярство, наконец, guslić = колдовать, скоморошить.[5]

Здесь следует обратить внимание на вариант летописи Переяславля Суздальского: вместо «она же в мечте прорезавше за плечем» — «они же мечтанием яко скомраси прорезаху в них за плечами»; здесь опять-таки вряд ли случайная разновидность термина «мечта» — «мечтание»; последняя форма имеет особый смысл. В «Изборнике 1073 г.», т. е. памятнике, возникшем почти в год поволжского восстания, мы находим знаменательную параллель: вместо «приим рабии зрак истиною, а не мечтаньем», читаем: «мятежемь».[6] По общему тону рассказа летописца Переяславля Суздальского этот оттенок термина безусловно правомерен: языческое «мечтание» волхвов есть в то же время «мятеж», движение волхвов — форма восстания смердов, «мечтание» о сохранении патриархальной языческой старины есть реально восстание против развития и упрочения феодального строя. Скоморохи из певцов и гусляров превращались в мятежников, «разбойников», с точки зрения становящегося фео-

[1] Любопытно, что на «елтонском» языке (один из тайных языков Поволжья) Шунга (село в 8 км от Костромы) обозначает «селение песенников» (Уваров. Меряне, стр. 644, прим. ЧОИДР, 1865. IV, стр. 174). Сводная карта скоморошьих поселений XVI—XVII вв., сделанная Н. Финдейзеном, дает для Поволжья только одно: д. «Скоморохово» под Ярославлем (Финдейзен. Очерки по истории музыки в России, т. I, вып. 2, стр. 144—153). П. Н. Третьяков указал мне д. Скоморохово под Костромой, где некоторые старики (напр. Логиновы) до сих пор говорят прибаутками, рифмуя. Архангелогородский летописец, сообщая о пожаре 1490 г. в Устюге Великом, упоминает, что он начался «от Скоморошьи мовницы» (стр. 168).

[2] Само пение под аккомпанемент музыкального инструмента было магическим действием. Ср. волнение моря от игры Садко (Фаминцын, ук. соч., стр. 68—69). В былине о Терентьище есть воспоминание о тождестве волхва-скомороха:

«Ты поди, дохтуров добывай
Волхи-то спрашивати».

Но Терентьище приводит «веселых скоморохов» (Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым, изд. 3, стр. 10—11). См. также: Афанасьев. О поэтических воззрениях..., III, стр. 425—426. Ср. любопытную параллель терминов «врать» — «врач», проводимую Младеновым (Wörter und Sachen. Bd. XII, 1929, стр. 60).

[3] Веселовский, ук. соч., стр. 195. О влиянии песни на психику человека варварской стадии см. замечания Энгельса в «Гражданской войне в Швейцарии» (Соч., т. V, стр. 229).

[1] Веселовский. ук. соч., стр. 197.

[2] ПСРЛ, I, стр. 183.

[3] Беляев, ук. соч., стр. 70. Нам не удалось обнаружить первоисточника этих сведений Беляева.

[4] Фаминцын писал, что скоморохи подняли в Польше «народное восстание против христиан... подобно тому, как у нас эти восстания делались по наущению волхвов и кудесников, до некоторой степени родняищхся с древними скоморохами» (ук. соч., стр. 99).

[5] Там же, стр. 130. Интересно указание византийских источников, что к императору Маврикию в 590 г. привели трех пленников-славян «безоружных, с одними лишь гуслями», которые оказались послами, шедшими к аварскому хану. Гильфердинг полагает, что эти послы «вероятно были люди вещие, какие-нибудь жрецы или кудесники, и потому шли не с оружием в руках, а с гуслями» (История балтийских славян, стр. 21).

[6] И. Срезневский. Материалы, т. II, стр. 236.

дального права. Интенсивное разрушение сельской общины и родовых пережитков ставило скоморохов-волхвов во главе восстаний.[1] Баяние или «басни», о которых говорят поучения против язычества, были старой идеологической формой, в которой скоморохи вели агитацию среди смердов, восхваляя прошлое и «глумясь» над новыми порядками и их носителями. Это и были «прелестные словеса», «прелестное глаголание», с которым выступали ярославские волхвы-скоморохи.[2] Они выступали на мирских пирах и братчинах с песнями и былинами, воспитывавшими уважение к родовым традициям и отрицательное отношение к новым враждебным порядкам.[3] «Пиры», о которых упоминает первая легенда самуилова «Сказания», говорят об их наличии в самом Ярославле — Медвежьем угле XI в., там же имели место и скоморошеские игрища.

Игрища, на которых действовали скоморохи, носили весьма своеобразный характер: «бои» во время этих игрищ («бьющеся дрекольем до самыя смерти», Правило митр. Кирилла, XIII в.), квалифицировавшиеся церковью, как свалка «скаредных пьяниц», были, по существу, пережитком, обрядовой игрой (ср. кулачные бои, сохранившиеся в Поволжье), которая отражала борьбу родов и племен. Культивирование этих боев скоморохами на игрищах упрочивало старые родовые представления, воспитывало боевой дух смердов, приучало их к борьбе и осознанию своих родовых связей. «Слово» Феодосия Печерского, помещенное в летописи под 1068 г. и возникшее в связи с киевским восстанием этого года, оценивает эти бои в том смысле, что их участники «позоры деюще о т б е с а з а м ы ш л е н н о г о д е л а», т. е. как бы производят смотр своих сил.[4]

Такова одна сторона деятельности волхвов-скоморохов. Другая заключается в их прямой связи с языческими обрядами и культом, носителями которых одновременно они являлись («бог создал попа, а чорт — скомороха»).[1] Кроме организации «бесовских игрищ и плясаний», участия в свадьбах, похоронах и поминках, волхв-скоморох является гадателем, чародеем, распространяющим веру в магическое значение птичьего грая, вещую силу птиц и гадов.[2] Некоторые черты роднят северных волхвов с шаманами, которые также соединяют в себе функции жреца-посредника между людьми и духами, предсказателя, врача и заклинателя погоды.[3] Рассказ летописи о гадании некоего новгородца в Чуди говорит об этом особенно убедительно: «приключися некоему Новгородцю прити в Чюдь, и приде к кудеснику, хотя волхования от него; он же, по обычаю своему, нача призывати бесы в храмину свою. Новгородцю же седящю на порозе тоя же храмины, кудесник же л е ж а ш е о ц е п е в, и ш и б е и м б е с; кудесник же встав рече Новгородцю: „бози не смеють прити, нечто имаши на собе, его же боятся“. Он же помянув на собе крест, и отшед постави кроме храмины тое; он же нача опять призывати бесы, б е с и ж е м е т а в ш е им, поведаша, что ради пришел есть...»[4] Подчеркнутые места очень напоминают экстатическое состояние камлания. Миниатюра Кенигсбергской летописи на этот сюжет изображает волхва с бубном (рис. 12).

Между шаманством и почитанием медведя в поверьях сибирских народов есть какая-то связь — медвежья голова и когти в шаманском наряде,[5] участие шамана, изображающего медведя в играх после обряда посвящения шамана[6] и пр.; бесспорна связь с медведем и волхвов-скоморохов, например, вождение медведей. В связи с приведенными выше данными, свидетельствующими о почитании священного «зверя» в Поволжье, последняя черта имеет особенно существенное значение.

Фаминцын считает, что «медвежья потеха» входила в состав скоморошеских игр;[7] однако это — не позднейшее «прибавление» к репертуару скоморохов, хотя особенно яростная борьба с «медведчиками» и развертывается в XVI—

[1] Любопытно предание, что Соловей-разбойник был жрецом Перуна Богомилом-Соловьем, который бежал в Муромские леса и стал возмущать народ против христианства. Он был усмирен Ильей Муромцем (Я. Е. П р о т о п о п о в. Исторические замечания о г. Муроме. ВГВ, 1840. № 21, стр. 83).

[2] Представление о скоморохах как выдающихся своим умом людях, спорщиках и агитаторах преломилось в позднейшем «Слове о христианской и жидовской вере» (Списки XVII и XVIII вв.), где христианский князь, в споре с «жидовскими вельможами» о вере, выставил «скомороха в философово место»; скоморох взял верх, был награжден князем и сделан воеводой великой области. Характерно, что скоморох в споре действует, как Ян Вышатич: он выдергивает у своих оппонентов бороды. Несомненно в «Слове» нашли свое отражение и летописная версия 1071 г. и народное преклонение перед скоморохом. Текст цитируется по Фаминцыну (стр. 138—140).

[3] И. Ш л я п к и н. Былины на братчинах. ЭО, XII, стр. 65. Следует отметить, что во время исполнения обрядовых действий, связанных с убийством на охоте медведя (у сибирских народов), кроме песен о медведе поют «про богатырей и прежнее славное время, когда не было пришельцев и всего было вдоволь — и зверя, и птицы, и рыбы...» (А. Н. В е с е л о в с к и й, Соч., т. I. стр. 363). Эта деталь позволяет еще теснее связывать деятельность скоморохов и почитание медведя.

[4] Ср. также «тризны» — обрядовые военные игры в честь усопшего; одна русская статья (Описание рукописей Синодальной библиотеки, III, 282) налагает епитимью на того, кто «по мертвых дрался» (К о т л я р е в с к и й. Погребальные обычаи..., стр. 132). Ср. также указываемый Д. К. Зелениным обряд «свистопляски» над могилами, сохранившийся в г. Вятке до XIX в. (Очерки русской мифологии, стр. 104—105, 108—109).

[1] А ф а н а с ь е в. О поэтических воззрениях..., I, 339, 348. — П е р в о л ь ф. Славяне, I, стр. 181.

[2] А. П о п о в. Пиры и братчины. Архив Калачева, т. II, отд. 2, стр. 37, пр. 66. — Г а л ь к о в с к и й, ук. соч., стр. 93.

[3] П е т р и. Старая вера бурятского народа, стр. 14.

[4] ПСРЛ, I, 77.

[5] Я д р и н ц е в, ук. соч., стр. 110.

[6] Х а н г а л о в и А г а п и т о в. Шаманство у бурят, стр. 21.

[7] Ф а м и н ц ы н, ук. соч., стр. 125.

XVII вв. (Домострой, Стоглав, митр. Даниил, прот. Аввакум, грамоты XVII в.); «влачащая медведи» вызывают осуждение уже в ранних списках Кормчей (XIII в.); трупы ярославских волхвов-скоморохов, как мы видели, съедены были медведем. Медведь, как и коза, в святочных маскарадах, как показывают этнографические (чешские) параллели, является символом «обилия и плодородия».[1] Этот маленький штрих мог бы казаться случайностью, если бы мы не знали, что проблема «обилия» была одним из основных нервов смердовских восстаний. Еще в XVI в. в своей поэме «Roxalania» Кленович смог отметить следы культовых моментов в медвежьей потехе скоморохов; он описывает ловлю и обучение медведей пляске под музыку и говорит:

> Сила повинуется уму и боится ума,
> *Звериная сила, не признающая земного бога* [Terrestrem... Deum].
> Такой пыл сообщает песня медведю,
> Что *священная* [sacra] музыка двигает неукрощенных зверей.[2]

Если скоморох-волхв подчинял своей песне священного зверя, то понятно, каким должен был быть авторитет его среди поволжского населения.

Если справедливы изложенные выше догадки о медвежьем празднике в Поволжье XI в., то в их свете станет еще более понятно влияние волхвов на массы; медвежий праздник, «собирая представителей различных родов, играет огромную роль в социальном общении тунгусского племени»,[3] то же отмечает для айнов Пилсудский.[1] Особенно интересный штрих вносит описание медвежьего праздника у народов Зап. Сибири, сделанное Гондатти.[2] Празднество состоит из ряда сценических представлений, чередующихся с угощением и плясками; пляшущие надевают уродливые берестяные маски, чтобы их лица не узнал медведь, не терпящий «нахальства», а также и потому, «что играющие часто позволяют себе высказывать своему начальству, особенно родовому, довольно едкую правду и сердиться за это, по обычаю, не полагается»; «... и эта свобода доходит до того, что какой-нибудь родовой старшина, который строго наказал бы в иное время человека, осмелившегося указывать на его поборы и неправильные деяния, теперь должен наряду со всеми выслушивать все насмешки и нападки, иногда в высшей степени меткие, не смея ничем их остановить; и это обстоятельство заставляет еще более всех стремиться на эти празднества»; это день, когда человек «никого не боится и делает лишь то, что захочет». Такова совершенно конкретная форма того «глума» на «предержащие власти», который несли с собой и поволжские волхвы-скоморохи, облекая его в традиционный наряд языческих медвежьих игрищ. Гондатти, отмечая широкий охват медвежьих праздников, поражался тому, с какой быстротой стекались к ним люди, жившие за сотни верст. Если и в Поволжье начала XI в. представить подобные родо-племенные празднества, то станет ясным диапазон воздействия пропаганды волхвов, поднимавших восстания таких масштабов, которые потрясали всю империю Рюриковичей и ускоряли ее распад.

Рис. 12. Гадание новгородца в Чуди (миниатюра Кенигсбергской летописи).

[1] Фаминцын, ук. соч., стр. 95.
[2] Веселовский, ук. соч., стр. 186.
[3] Рычков. Енисейские тунгусы, стр. 109.

[1] Пилсудский, ук. соч., стр. 143—144.
[2] Гондатти. Культ медведя..., стр. 75—76, 87.

Как почитание медведя, так и перечисленные выше поверья, связанные с птицами, гаданья и пр., становились все более и более уделом сельского населения, получая то определение «мерьских» или «мерзких» обычаев, какое обычно усваивает им проповедь. Скоморох, волхв, баба-ворожея — вот тот круг лиц, носителей язычества, которые еще в XVI в. содержатся в волости и с которыми правительство и церковь ведут ожесточеннейшую борьбу. Живущий в деревне скоморох рисуется в народной песне как человек, не имеющий собственности; скоморошьи ватаги XVI—XVII вв. относятся к ней с большим неуважением, воровство — характерная черта бродячих скоморохов.[1] Складывается такое впечатление, что, напротив, с точки зрения скоморошьей идеологии, собственность есть воровство. Именно так мыслили повстанцы 1071 г., избивая старую чадь, возвращая ее «именье» в лоно общинной собственности «обилия». Скоморох становился или вождем народных масс, или их излюбленным лицедеем, выражавшим понятными им средствами их чаяния и настроения, знахарем судеб и врачом темных недугов. Это был путь скомороха-разбойника, шута, чародея. На этом пути находятся ярославские волхвы-скоморохи. Их «мечтание» равно «мятежу» — разбою, или, по-московски, «воровству».

Вторым путем, как и на западе, было выделение из среды волхвов-скоморохов специально-дружинных певцов; если волостной скоморох сохранял традиции народных преданий, поверий и обычаев, то дружинные певцы развивали родовые предания местной племенной знати. «слава» или «похвала» этих песен связывалась с ее генеалогическими легендами. Добрыня — скоморох:

Он повыиграл во граде во Киеве,
Он во Киеве да всех *поименно*,
Он от старого до всех до малого...[2]

Певец старых боярских родов — баян — отождествляется самой литературной традицией со скоморохом; «Задонщина» именует баяна просто киевским «гораздым гудцом», т. е. особенно искусным и талантливым скоморохом.[3]

Именно в этом смысле следует понимать косвенные свидетельства о том, что скоморохи были в почете не только у сельского населения, у общественных низов. Житие Нифонта (в списке XIII в.) рассказывает, как «мужь некыи зело богат („болярин") зряше с полаты» на игру скачущего с сопелями, «повеле пред собою ставъши играти и плясати» и дал за это сопельнику «сребрьницу». При этом сопельник называется здесь «старейшиной жрецов», а в позднейших списках — «скоморохом».[1] Слово Нифонта «О бесовском князе Лазионе» (список XIV в.) указывает: «сребро и медь юже им (скоморохам) даваху богатии и убозии игранья деля»;[2] следует также указать на известное место Никоновской летописи, рассказывающее о захваченных в Новгороде волхвах и попытке «ярославлих мужей» спасти их от расправы;[3] пережитки языческого обряда погребения в феодальных захоронениях Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде;[4] наконец, уже отмечавшуюся мною непричастность старого боярства Суздальщины к культовому строительству князей XII—XIII вв.[5]

Но и певцы племенной знати, как и скоморохи низов, твердо держались старого уклада, выступая против усиления княжеской власти. Не случайно «словутный певец Митуса» отказался «из гордости» служить князю Даниилу Галицкому и оказался в числе захваченной в плен крамольной знати, боровшейся с гегемонией Даниила.[6]

В чем же заключалась опасность скоморохов, певцов старых эпических сказаний[7] и прорицателей для укрепляющегося феодального строя? В том, что их влияние на широкие сельские и городские массы было еще чрезвычайно велико.

[1] Беляев, ук. соч., стр. 83, 87, 88.

[2] Фаминцын, ук. соч., стр. 45. Автор приводит в качестве аналогии «славы» сербские колядки, которые восхваляли «домачина», т. е. главу задруги (там же, стр. 46). Участие скомороха в семейных обрядах (свадьба, похороны, поминки), роль скомороха, как посаженного отца у сироты-невесты (белорусский дударь) (Беляев, ук. соч., стр. 74) показывает тесную связь скомороха с семьей задружного типа.

[3] Буслаев. Хрестоматия, стр. 192. Ср. новгородского «холопа» Дудика.

[1] Веселовский, ук. соч., стр. 205—206.

[2] ПСРЛит., т. I, стр. 207—208.

[3] ПСРЛ, т. X, стр. 94.

[4] Отчет о раскопках М. К. Каргера.

[5] Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. Изв. ГАИМК, вып. 138, стр. 51.

[6] ПСРЛ, II, Ипат. лет., ст. 794. Весьма характерно, что боярство, захваченное вместе с Митусом, имело колчаны и шлемы, сделанные из звериных шкур: бобровых, барсучьих и волчьих. Летописец придает этой черте особое значение, так как в конце рассказа о боярах и Митусе отмечает, что все это произошло «яко рече приточник: буесть дому твоего скрушиться бобр и волк и язвець снедяться». Не имеем ли мы здесь дело со своего рода геральдическими отличиями отдельных знатных родов, выражавшимися в пережиточных образах тотемных зверей? Русские имена и фамилии содержат очень значительное количество нехристианских имен из животного мира: писец «слов» Григория Богослова (XI в.) носил имя Чегол (щегол), писец «Жития» Саввы Освященного, назывался Ворон (XIII—XIV в.), в XV—XVII вв. таких имен документы фиксируют множество: Горностай Гаврилович, Заяц Захарьевич, Овца Владимиров, Волк Курицын и т. п. (А. Балов. Великорусские фамилии и их происхождение. ЖС, 1896, № 6, стр. 16). Весьма возможно, что Митус позднее стал на позиции Даниила и ему принадлежала та «славная песнь», которой была прославлена победа Даниила над ятвягами и фрагмент которой имеем в описании построения войска Даниила в Ипатьевской летописи, явно эпическом, а не летописном (ПСРЛ, II, стр. 813). Ср. М. Максимович. Заметка о словутном певце Митусе. Основа, 1861, июнь, стр. 19—20. Автор считает Митуса церковным певцом Перемышльского владыки.

[7] «В истории русского эпоса „скоморохи" являются единственными представителями песни» (Веселовский, ук. соч., стр. 219).

Их баяния и представления воскрешали у слушателей старые родовые воспоминания; «золотой век» родового строя являлся разительной антитезой раздираемого антагонизмами общества XI в.; скоморошья игра и баяние возбуждали массы и организовывали их против крепнущего классового общества, ориентировали их устремления к прошлому и ненависть к настоящему.[1] Не случайно церковные обличения напоминают, что скоморохи собирали вокруг себя огромные толпы «невегласей», зажигали их общей пляской, пением и игрой. В этих условиях было легко возбудить их общие интересы и направить их решимость против общих врагов. «Скоморох» был подлинным «учителем общественности»; «глумление» над существующим строем и восхваление патриархальной старины, облеченные в формы песен и игр, поднимали к совместному действию разрозненные «миры» сельских общин; тем больший успех имели они там, где, как в Медвежьем углу Поволжья, родовые коллективы еще пытались отстоять свое существование. Вместе с тем скоморох-баян, как носитель преданий о племенных вождях и знати, создавал идеологическую почву борьбы старого боярства против усиления княжеской власти и ее вассалов.

[1] Авторитет скоморохов, видимо, был аналогичен авторитету кабардинских сказителей «игуако»; один из них выразился так: «Я одним словом своим из труса делаю храбреца, защитника свободы своего народа; вора превращаю в честного человека» (Веселовский, ук. соч., стр. 219). Попытка возврата к патриархальному прошлому делала восставших смердов преступниками с точки зрения феодальной морали и права; скоморох освящал эти действия с точки зрения доклассового миросозерцания.

СКАЗАНИЕ О ПОСТРОЕНИИ ГРАДА ЯРОСЛАВЛЯ

(По А. Лебедеву. Храмы Власьевского прихода г. Ярославля. Ярославль, 1877)

Стр. 6. В тех летех, егда великий князь Киевский Володимир просвети землю русску светом христианския веры, тогда сей христолюбивый князь даде сыном своим каждому град во одержание, и град великий Ростов со областию предаде сыну своему Борису, а последи брату его Ярославу. Во области же сей не на мнозе пути от града Ростова, яко на 60 поприщ при брезе рек Волги и Которосли лежаше некое место, на нем же последи создася славный град Ярославль. И сие место бысть зело пусто: зане высокая древеса растуща, да травяны пажити точию обретахуся. Человек же обители (?) единой бысть. И се бысть селище, рекомое Медвежий угол, в нем же насельницы человецы, поганыя веры язычы, зли суще. И вельми страшно место сие бысть, зане оний человецы живяше точию по своей воли, яко мнози и грабления и кровопролития верным твориша. В делание же смысленна прилепляхуся егда на зверя или лов рыб исходише, держаше же сии людии и мнозии скотии, и сими себя насыщаху. Идол, ему же кланястася сии, бысть Волос, сиречь скотий бог. И сей Волос, в нем же бес живя, яко и страхи мнози твори, стояше осреди логовины, нарицаемой Волосовой, отселе же и скотии по обычаю на пажити изгоняше. Сему многокозненному идолу и кереметь створена бысть и волхв вдан, а сей неугасимый огнь Волосу держа и жертвенная ему кури. Тако егда прииде первый спут скотия на пажити, волхв закала ему тельца и телицу, в обычное же время от диких зверей
Стр. 7. жертвенное сожига, а в некиих зело больных днех и от человек. Сей волхв яко пестун диавола, мудрствуя силою исконнаго врага, по исходищу воскурения жертвенного разумева и вся тайная и глагола словеса приключившимся ту человецем, яко словеса сего Волоса. И вельми почтен бысть сей волхв у язычев. Но люто и истязуем біваше, егда огнь у Волоса преста: волхва по том же дне и часе реши кереметы, и по жребию избра иного, и сей закла волхва и, ражже огнь, сожига в сем труп его, яко жертву точию довольну возвеселити сего грозна бога. Тако исконный враг рода человеческаго омрачи сердце сих человеков, и тако сии человецы жиша мнози леты. Но в некоем лете прилучися благоверному князю Ярославу плыти на ладиях с сильною и великою ратью по реце Волге, у праваго берега оной, идеже стоя то селище, зовомое Медвежий угол. Князь узре, яко некии людии жестоци наноси гибель судом, шествовавшим с товары по Волге; купцы же на суднех сих крепко обороняшеся, но невозможе одолети силу окаянных, яко разбойницы сии и суда их предаваху запалению огненну. Согляда вся творимая, благоверный князь Ярослав повеле дружине своей устрашити и разгнати шатание сих беззаконных, да спасутся неповиннии. И дружина Князя храбро приступи на врагов, яко сии окаяннии нача от страха трепетати и в велии ужасе скоро помчеся в ладиях по Волге реце. Дружина же Князя и сам Князь Ярослав погнася за неверными, да оружием бранным погубит сих. И, о велия Божия милости, и сколь неизреченны и неисследимы судьбы его, и кто исповесть милость его к христианам! молитвами пречистыя Богородицы и святых угодников его (?) княжее воинство победи врагов на месте, идеже некое сточие водно исходи в Которосль, за ним же и селище то стояше. И Благоверный Князь поучи людей оних, како жити и обиды не творити

никому же, а наипаче, дозна богомерзку веру их, моли их креститися. И людии сии клятвою у Волоса обеща князю жити в согласии и оброцы ему даяти, но точию не хотяху креститися. И тако Благоверный Князь отыде в престольный град
Стр. 8. свой Ростов.

Не по мнозем же времени Князь Ярослав умысли паки прибыти в Медвежий угол. И прибы семо со епископом, со пресвитеры, диаконы и церковники, мастеры и с воины; но егда входи в сие селище, людие сего испусти от клети некоего люта зверя и псов, да растешут Князя и сущих с ним. Но Господь сохрани Благовернаго князя; сей секирою своею победи зверя, а пси, яко агнцы, не прикоснулися никомуждо от них. И виде безбожнии и злии людии вся сия, ужасеся и падоша ниц Князю и быша аки мертвы. Благоверный же Князь мощным гласом сим людем возгласи: кто убо вы, не суть ли тии людии, кои клятвою уверяше пред вашим Волосом верно служити мне, Князю вашему? Кий же он бог, яко и клятву при ним створенну сами преступи и попра? Но весте, яко аз не на потеху зверину или на пир многоценна пития испивати пришед, но победу сотворити. И слыша глаголы сия, невернии людии невозможе отвещевати ни единаго словесе. По сем Благоверный Князь опасно огляда все место пусто, на утрии же из шатра своего изнесе икону Богоматери с предвечным Ея Младенцем Господом нашим Иисусом Христом, и со епископом, и со пресвитеры, и со всем духовным чином, и с мастеры и с воины прииде на брег Волги, и тамо на острову, его же учреди реки Волга и Которосль и проточие водное, постави на месте уготованном икону Богоматери и повеле епископу сотворити пред нею молебное пение и святити воду и сею кропити землю; сам же Благоверный Князь водрузи на земле сей древян крест и ту положи основу святому храму пророка Божия Илии. А храм сей посвяти во имя сего святаго угодника, яко хищнаго и лютаго зверя победи в день его. По сем христолюбивый Князь повеле народу рубити древеса и чистити место, идеже умысли и град создати. И тако делатели нача строити церковь св. пророка Илии и град созидати. Град сей Благоверный Князь Ярослав назва во свое имя Ярославлем, насели его христианами, а в церкви постави пресви-
Стр. 9. теры, диаконы и клирики.

Но егда же и построися град Ярославль, насельницы Медвежияго угла не приобщашеся граду, живяше особь и кланяшеся Волосу. Бысть же во дни некия во области сей велия засуха, яко от люта зноя и травы и всяк злак сельный погоре, и бысть в тое время скорбь велия в людех, понеже и скотии к смерти от глада доходиша. В сицевой печали невернии сии человецы моли слезно своего Волоса, да низведет дождь на землю. В сие время, по некоему случаю, проходи у керемети Волосовой един от пресвитер церкви пророка Божия Илии, и сей, узре плачь и воздыхание многое, рече к народу: о несмысленная сердцем! Что слезите и жалостно вопите богу вашему? Или слепи есте, яко Волос крепко успе, тако возбудят ли его моления ваша и воня жертвенная? Вся сия суетно и ложно яко и сам Волос, ему же вы кланяетесь, точию есть бездушный истукан. Тако тщетно трудите себе. Но хощете ли зрети силу и славу Бога истиннаго, ему же мы кланяемся и ему же служим? Сей Бог и небо и землю сотвори, тако чесо не может сотворити и дати? Идем во град, да узрим силу и славу Его. И невернии хотяху посрамити пресвитера, яко ложь проглагола, пойде во град. И егда прииде ту, благочестный пресвитер народу неверному повеле стати особь от храма св. пр. Илии, а сам соедини весь священный духовный чин и с ним затворися во храме. Оболчшася тамо во одежды священны, и много и слезно молишися в Троице славимому Богу, пречистей Матери Господа нашего Иисуса Христа и святому славному пророку Божию Илии, да обратятся невернии сии людии ко истинной вере Христовой и просветятся светом крещения. И, сотворив молитвенная, пресвитер повеле ударяти в тяжкия била церковныя и изнести из храма св. иконы и поставити сии на аналогии у места, где стояше невернии. Вся сия устрои, благочестный пресвитер с крестом, в руце держимом, возгласи: аще предстательством пресвятыя Богородицы и святого

пророка Илии, их же начертание зрите, Господь восприимет моление нас, грешных
Стр. 10. раб своих, яко в день сей дождие излиется на землю, то уверуете ли в истиннаго Бога и крестится ли кийджо от вас во имя Отца и Сына и Святаго Духа? И сии людии рекоша: уверуем и крестимся! И тако пресвитер со иными пресвитры и диаконы и клиром церковным и со всеми христианы пред иконы сотвори молебныя службы и, преклонь колена с плачем и воздыханием велиим, яко и руце свои к небу воздевающе, моли Господа и творца всяческих, да повелит дождю излиятися на землю. И той час бысть туча чревата и грозна зело, и пролияся дождь велий; видев же пресвитеры и вся христианы бывшее вкупе прослави Бога и Пречистую Матерь Господа нашего Иисуса Христа и св. пророка Божия Илию. Невернии же людии, зряще сие чудо, взываху: велий Бог христианский! И изшед из града, много пакости сотвори Волосу, яко и плююще нань и растеса его на части и кереметь сокруши и предаде огненну запалению. Последи же людии сии с радостию идяху на реку на Волгу и тамо пресвитеры, на брезе реки стояще и молитвенная возгласше, крести всяки возраст и пол мужеск и женск во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Тако благодатию Божиею вера истинная воссия зде и жилище безбожное обителию христианскою соделася.

Но по некоем времени, егда восприя сии человецы христианскую веру, ненавистник всякаго добра диавол, не хотя зрети веры сия в людех, чини им мнозии страхования на месте, идеже некогда стояше Волос: ту и сопели и гусли и пение многажды раздавашеся и плясание некое видимо бываше; скотии же, егда на месте сем хождаху, необычно худобе и недугу предавашеся. И о сем человецы сии велие скорбя, поведа пресвитеру бывающая, и молвиша, яко вся сия напасть бысть гнев Волоса, яко сей претворися в злаго духа, да он сокрушит людии, скотие их, како сокрушиша его и кереметь. Пресвитер же уразуме ту прелесть диавола, яко сим злокозненным омрачением и страхом и недугом скотия сей исконный враг токмо хощет погубити людии Христовы. И пресвитер не мало поучи народ, а последи совет
Стр. 11. сотвори, да просят сии человецы Князя и епископа на месте, идеже стоя кереметь, построити ту храм во имя святаго Власия, епископа Севастийскаго, яко сей угодник Божий вельми силен своим ходатайством к Богу разорити наветы диавола и сохранити скотие людей христианских. И тако людии сии моли Князя, да повелит построити храм, а Князь моли епископа дати благословение построити церковь древяну во имя священномученика Власия. И, о велие чудо! Егда освяти храм, бес преста страхования творити и скотие на пажити сокрушати и за сие зримое чудо людие восхвалиша Бога, тако благодеющего, и благодариша его угодника святаго Власия ч-ца. Тако построися град Ярославль и создася сия церковь великаго угодника Божия Власия, епископа Севастийского.

N. VORONIN

LE CULTE DE L'OURS DANS LA RÉGION DE LA VOLGA MOYENNE AU XIe SIÈCLE

(Résumé)

Le texte d'une chronique de l'an 1071 relatif à une révolte des smerdes volgiens sous la conduite des volkhvy contient plusieurs détails ethnographiques curieux. Particulièrement intéressants sont les deux traits suivants: les cadavres des volkhvy exécutés selon les règles de la vengeance de clan étaient pendus à un arbre et, comme le relate la chronique, dévorés par les ours. Le premier doit être interprété comme l'application aux volkhvy d'un mode de sépulture spécial consistant en la suspension du mort à un arbre; le second nous introduit dans la question plus complexe du culte de l'ours chez les smerdes de la Volga aux XIe siècle.

Une des sources essentielles en cette matière est le «Récit de la fondation de la ville de Yaroslavl», mis en langage litéraire à la fin du XVIIIe siècle par l'archevêque de Yaroslavl

Samuel. L'étude de l'histoire littéraire du «Récit» permet d'établir qu'il réunit en lui deux légendes populaires sur la fondation de la ville. La plus ancienne parle d'un «coin de l'Ours» — gorodistché, qui fut le berceau de la ville de Yaroslavl, et du combat du prince Yaroslav contre un ours lâché sur lui de sa cage par les habitants; à l'endroit où le prince tua l'ours fut construite une église consacrée au prophète Elie. Le caractère sacré de l'animal est nettement exprimé dans la légende.

Les monuments archéologiques du pays de la Volga et de la région de nord-ouest attestent d'une manière indiscutable l'existence ici d'un culte de l'ours remontant à la plus haute antiquité: tels sont les sépultures appartenant à la culture de Fatianovo (région volgienne de Yaroslavl), les objets néolithiques trouvés par V. Peredolskij à Kolomcy, sur le lac Ilmen. A noter le rôle particulier de la patte de l'ours (griffes et phalanges terminales). L'existence du culte de l'ours est établie avec une netteté particulière par les monuments funéraires plus récents: «sopki» et grands tumulus à incinération de la région du lac Ladoga (IX—Xe siècles), où l'on trouve souvent des os de la patte de l'ours. Dans les tumulus des X—XIe siècles du pays de Souzdal (à incinération, en majeure partie), on rencontre déjà une représentation de la patte de l'ours en argile, qui occupe une place stable dans la sépulture. A ces monuments archéologiques s'associe la toponymie «d'ours», apparue pas plus tard qu'au XIe siècle.

Les conditions naturelles du pays de Pochékhonié et de la région de la Volga moyenne ont contribué à la stabilité de l'économie archaïque (chasse, pêche, élevage). Les croyances populaires relatives à l'ours, conservées ethnographiquement chez les Russes se rapportent surtout au domaine de l'élevage du bétail. Grâce à l'archaïsme de l'ordre social et économique («Slovo de Cyrille Kiprinsky sur les mauvais esprits», ethnographie du Pochékhonié), les survivances du culte de l'ours s'y maintinrent fortes et actives. Ces représentations des anciens temps se sont reflétées aussi dans l'héraldique (armoiries de Yaroslavl, de Novgorod, de Tver), qui témoigne de la vitalité des légendes «de l'ours» des XV—XVIe siècles, auxquelles remontent les légendes du «Récit» de Samuel. Les interdictions de l'église concernant l'ours attestent combien actif et vivace était le culte de l'ours en tant qu'une des formes de l'idéologie païenne. L'existence au XIe siècle d'une fête de l'ours dans la région volgienne reste incertaine.

Le fait, relaté par la chronique, qu'en 1071 les cadavres des volkhvy furent mangés par les ours, peut servir d'indication de l'existence d'un «serment de l'ours», consacrant la sujétion des smerdes volgiens; il répond pleinement à l'idéologie qui inspire le serment de l'ours.

Ces vestiges d'un culte de l'ours nettement exprimé sont fixés par la chronique non pas chez les tribus finnoises de la Volga, mais dans la population russe du pays. Le caractère organique que l'histoire même du culte de l'ours présente dans la région volgienne et la persistance de ce culte dans l'idéologie des smerdes volgiens peuvent témoigner de la nature autochtone de la population slave dans la région de la Volga, accentuée seulement par la colonisation venant du nord-ouest.

A la question du culte de l'ours se rattache celle des volkhvy-skomorokhi, de leur caractère social et de son évolution; les «représentations d'ours», figurant plus tard dans le répertoire des skomorokhi, sont une survivance de l'ancien lien qui unissait les volkhvy à l'animal sacré de la région volgienne.

И. И. ЛЯПУШКИН

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ IX—XII СТ. НА ДОНУ И ТАМАНИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ПАМЯТНИКАМ

I. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Вопрос о славянском населении на юго-востоке в нашей историографии имеет почти столетнюю давность, но, как ни странно, работ, специально посвященных исследованию данного вопроса, до последних лет (1938) мы не знали. Решением его занимались десятки исследователей, все, кто в ходе своих изысканий в других, смежных, областях в какой-то степени сталкивались с ним. В результате историография этого вопроса оказалась весьма сложной — тесно переплетшейся с историографией других вопросов, таких, как «норманно-русский вопрос», «о Тмутараканском княжестве», «о тмутараканском камне», «история Северской земли» и т. д.

Отождествлять эти вопросы с нашим никак нельзя. Они, правда, имеют очень много общих точек соприкосновения, но у каждого из них есть свои специфические черты, не сводимые к одному общему вопросу. Поэтому при изучении литературы мы включаем в наш обзор лишь ту, которая в той или иной степени способствует пониманию и уяснению истории изучаемого нами вопроса, и стараемся, по возможности, не касаться всего того, что могло бы увести нас от непосредственной цели.

1

Вопрос о славянском населении на юго-востоке во всей полноте был поставлен около восьмидесяти лет назад известным русским славистом В. И. Ламанским в его обширном труде «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании».[1]

В этом исследовании, посвященном специально более широкой теме, автор по ходу работы поставил вопрос и о славянских поселениях на территории Восточной Европы за пределами летописной территории славян и, в частности, на юго-востоке (Дон, Приазовье, Кубань и т. д.).

За исходный момент истории славянства автор принимает положение, что «Азия была колыбелью и первоначальною родиною славян» и что в Европу славяне переселились из Азии.

[1] Ученые записки Второго отд. АН, кн. V, СПб., 1859.

Рассматривая эту предпосылку, автор полагает, что едва ли все славяне могли переселиться в Европу, что часть их, вероятно, осталась на месте, а часть проникла в М. Азию. Между славянами М. Азии и Европы не только поддерживалась связь, но, начиная с VII ст. и до XIX, есть возможность проследить, как время от времени из Европы в М. Азию проникали свежие славянские силы, подкреплявшие малоазийские колонии, известные с VII ст. Проникновение славян из Европы в М. Азию, по мнению автора, шло различными путями: через Балканы, Черное море и даже через Армению.

В связи с последним положением автор счел нелишним «...распространиться несколько о знакомстве Русских с странами Каспийскими и Кавказскими и указать на некоторые обстоятельства ему благоприятствовавшие».[1]

В число этих обстоятельств автор включает и «...существование Русских поселений и не малочисленных, в землях при-Донских».[2] Для обоснования этого положения автор привел обширный фактический материал не только интересующего нас периода, но также и предшествующего и последующего. Можно прямо сказать, что все историки, исследовавшие этот вопрос после Ламанского, со стороны фактической мало что прибавили нового.

Другое дело, насколько убедителен этот материал, как В. И. Ламанский осмыслил его и какие сделал выводы.

В отчете Академии Наук по отделению русского языка и словесности за 1859 г. акад. П. А. Плетнев сделал следующий отзыв об этой работе: «...Сочинение Ламанского должно было представить в себе немалую часть предположений, более нежели гадательных, сближе-

[1] В. И. Ламанский. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. Ученые записки Второго отд. АН, кн. V, СПб., 1859, стр. 1, 8, 46—47, 157.

[2] Там же, стр. 56.

ний, едва ли не произвольных, и выводов, не вполне неопровержимых». [1]

Действительно, работа Ламанского содержит слишком много суждений, как называет их сам автор, «априорического» порядка, во многих случаях основывается на аналогиях с явлениями из более позднего периода, страдая одновременно разбросанностью материала. Тем не менее взгляды В. И. Ламанского представляется вполне возможным свести к некоторой системе.

Исходным моментом, как мы указывали выше, автор принимает бесспорность положения, «что Азия была колыбелью и первоначальною родиною славян» и что славяне переселились в Европу из Азии.

Не устанавливая точно времени появления славян на юго-востоке («при-Донском крае»), автор считает возможным видеть в антах Прокопия Кесарийского на Дону уже не первых славянских насельников. «На основании этих известий (об антах. *И. Л.*), — пишет Ламанский, — мы уже не решаемся не признавать славянского происхождения Плиниевых сербов и Птоломеевых сирбов, что на Дону». [2]

Не мыслит автор без наличия русской стихии и образования русского Тмутараканского княжества. Рассматривая замечания Карамзина о завоевании греческой Таматархи (Тмутаракани) Святославом, он указывает: «Сильно сомневаюсь в возможности успехов Святослава в том случае, если бы в землях при-Донских не было вовсе Русской стихии, Русских поселений». [3]

По мнению автора, славянские поселения в X—XII ст. (в период Тмутараканский) существовали на всем пространстве от Приазовья до тогдашней Киевской Руси. Одним из краеугольных камней в обоснование этого положения автор выдвигает месторождения серебра, отмеченные сначала Масуди, а позднее Марко Поло, на территории славян. [4] Ламанский приурочивает эти свидетельства к свинцово-серебряным месторождениям по р. Нагольной, в Донбассе. «Как бы то ни было, — пишет он, — но представленные нами сведения о серебряных рудниках окончательно доказывают бытность и давность Русских поселений в при-Донском крае, служивших в X—XII вв. средними звеньями, связывавшими Русские поселения на берегу Азовского моря с тогдашней Русью». [5]

«Итак, — заключает Ламанский, — в землях при-Донских издревле были поселения славянские. Народ земледельческий, крепко привязанный к своей земле и к своим обычаям, славяне не могли легко и охотно покидать свои старые пепелища». [6]

[1] Ученые записки Второго отд. АН, кн. VII, вып. 1, СПб., 1861, стр. X—XI.

[2] В. И. Ламанский, ук. соч., стр. 141.

[3] Там же, стр. 78.

[4] Для В. И. Ламанского «Русы» Масуди и других арабских писателей — это славяне (ук. соч., стр. 79 и др.).

[5] Там же, стр. 85.

[6] Там же, стр. 77.

Ламанский распространяет славянское население в X—XI ст. и на Крым. Вместе с славянским населением Крыма к Тмутаракани тянуло и местное, туземное, население. «С чего, спрашивается, было херсонесцам мстить за Ростислава, если они не были ему преданы в известной степени? — пишет он. — Не вижу решительно никакого основания отвечать отрицательно на вопрос: не было ли в Херсонесе XI в. или его окрестностях Русской стихии, Русских поселений?» [1]

Как видим, и хронологически и территориально автор достаточно широко охватил юго-восток славянами. И неудивительно. Славяне юго-востока играли крупную роль для Ламанского в вопросе уяснения связей между славянами Восточной Европы и «славянской стихией» М. Азии, без которых многое в истории заселения М. Азии славянами, как она изложена автором, осталось бы непонятым.

Параллельно с Ламанским, совершенно в другой связи, вопрос о славянах на юго-востоке разрабатывался акад. Бутковым.

Полемика, возникшая в начале XIX ст. вокруг Тмутараканского княжества в связи с находкой так наз. «Тмутараканского камня», в числе других вопросов выдвинула и такой: мыслимо ли существование русского Тмутараканского княжества на Тамани вдали «от исконных мест бытования славян»? Логически вопрос был вполне закономерен и естественно вставал пред исследователем.

Работа Буткова в полном своем объеме не увидела света. Она была опубликована в извлечениях после его смерти Морошкиным. [2]

Большая часть опубликованной работы посвящена защите камня, и лишь в нескольких строках автор излагает выводы Буткова по интересующему нас вопросу.

«Статья эта, — пишет Морошкин, — большею частью состоит из предположений и догадок, [3] имеющих целью доказать, что местности около Дона и Донца были издревле заняты Славянскими племенами, именно Вятичами и Северянами, которые поселились тут в конце IV или в начале V века на землях, принадлежавших некогда Ясам, и таким образом рассеять сомнения тех, которые видят препятствие к признанию Тмуторокани в Тамани, по отдаленности этого края от России. С этою же, без сомнения, целью автор в этой части своего исследования доказывает, что между Доном и

[1] В. И. Ламанский, ук. соч., стр. 67—68.

[2] М. Морошкин. Исследование покойного академика Буткова о Тмутаракани и Тмутараканском камне. Изв. Русского археологического общества (РАО), т. II, вып. 5—6, СПб., 1861. Работа Буткова хотя опубликована и позднее работы Ламанского (1861 г.), но была выполнена, вероятно, в те же годы, а может быть даже несколько и раньше. Бутков умер в 1857 г. В работе есть ссылки на публикации 1852 г. Где-то в границах этих двух дат производилась последняя обработка этого исследования, а может быть и было написано полностью.

[3] Подчеркнуто нами.

противоположными берегами Азовского и Черного моря в IX столетии обитали Кутригуры, соплеменные Уграм, племени Славянскому, и тожественные с Булгарами или Болгарами».[1]

К сожалению, взгляды Буткова в изложении Морошкина представлены без обоснования. Насколько они фундаментальны, можно судить лишь на основе замечаний Морошкина, который, как мы видели, характеризует их как «предположения и догадки».

Не менее характерным для суждения о «фундаментальности» выводов может служить и то обстоятельство, что выводы строились с определенной, утилитарной целью «рассеять сомнения тех, которые видят препятствие к признанию Тмуторокани в Тамани, по отдаленности этого края от России», как замечает Морошкин. Конечно, об объективности выводов здесь едва ли приходится говорить.

Если первая часть, посвященная защите Тмутараканского камня, составила в историографии целую эпоху, заставив надолго замолчать оппозицию, то замечания о славянском населении на юго-востоке прошли совершенно бесследно. Иное место в этом вопросе заняла работа И. И. Срезневского «Русское население степей и южного Поморья в XI—XIV вв.»,[2] появившаяся вскоре после опубликования работы Ламанского.

Просматривая эту работу и сравнивая ее с работой В. И. Ламанского, невольно приходишь к выводу, что и по постановке и по решению ряда вопросов она во многом напоминает книгу последнего, а в некоторых своих частях даже просто копирует ее. Чем как не копией с работы Ламанского, не только со стороны содержания, но даже и стилистически, являются нижеприведенные строки, которыми открывает свое исследование Срезневский: «...То обширное пространство земель на юг от украинских городов, — пишет он, — которое и в XVII веке и ранее называлось пустынным полем, оставалось ли постоянно чуждым для русской земли, и когда стало заселяться понемногу, вследствие обеспечения и расширения границ, было ли для русских новым светом? Нет, оно не было для русских новым светом — ни тогда, ни прежде».[3]

Такой четкой постановки, правда, у Ламанского мы не находим, но мысль эта, безусловно, принадлежит ему. Она брошена им случайно, мимоходом, в связи с частным вопросом. На стр. 59 своей работы он пишет: «Эти беглые русские люди (XVI в. *И. Л.*), поселяясь на Дону, нашли ли там уже русских поселенцев, своих земляков и единоверцев, или же они были первыми поселенцами этого края? Позволяю себе думать, что и до этих беглых людей были русские поселения на Дону».

[1] М. Морошкин, ук. соч., стр. 295—296.
[2] Изв. АН по Отд. русск. яз. и слов., т. VIII, вып. 4, 1860.
[3] И. И. Срезневский. Русское население степей и южного Поморья в XI—XIV вв., стр. 313.

Обосновывая только что приведенное положение, Ламанский в числе доказательств приводит следующее: славяно-русское население степей помимо прочего могло слагаться из пленных; через родственные связи между русскими и кочевниками; из перебежчиков, беглецов.[1]

По стопам Ламанского следует и Срезневский: «Тут сами собою вспоминаются,—пишет он,— и те пленные, ...

и те родственные связи, в которые вступали Русские с Половцами и Татарами, ...

и те ...бродники, берладники, выгонцы, воры и козаки...»[2]

Подобную аналогию мы можем проследить у Срезневского и для ряда других мест работы.

Хотя в своей работе И. И. Срезневский ни единым словом не обмолвился о работе Ламанского, тем не менее у нас нет никакого сомнения в том, что работа Срезневского в некоторой своей части составляет не что иное, как извлечение из работы Ламанского, на которую, кстати сказать, в 1860 г., при соискании Ламанским Демидовской награды, Срезневский представлял разбор.[3]

Правда, под пером Срезневского мысли Ламанского приобрели уже иной строй: им приданы система, ясность и четкость.

Изложенное не исчерпывает содержания статьи Срезневского. Наиболее существенную ее часть, безусловно, составляет введение в научный оборот нового источника для понимания данного вопроса: это названия рек бассейна Азовского и Черного морей — «русские по происхождению, славянские по смыслу».

Уже Шахматов в своей работе «Древнейшие судьбы Русского племени», приводя в качестве одного из доказательств наличия славяно-русского населения на Дону в хазарский период те же названия рек в бассейне Дона и Азовского моря, принимает из числа названных Срезневским 27 рек только 13, дополняя от себя р. Россошь.[4]

Просматривая собранные И. И. Срезневским данные о времени упоминания этих рек в источниках, мы находим, что из числа 13 только 6 имеют указание на упоминание в источниках «издревле», как говорит Срезневский. Это «издревле» для Молочной — XVI в., для Хопра с Вороной, Медведицы и Иловли — конец XIV в. и только Сальница действительно упоминается достаточно рано — в начале XII ст. (1111 г.).[5] Последнее неудивительно, так как географически она была расположена на рубеже между Русью и половцами.

[1] В. И. Ламанский, ук. соч., стр. 60.
[2] И. И. Срезневский, ук. соч., стр. 319.
[3] И. И. Срезневский. Разбор сочинения В. И. Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». Отчет XXIX присуждения Демидовских наград.
[4] А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919, стр. 34.
[5] И. И. Срезневский. Русское население степей и южного Поморья..., стр. 317—318.

Таким образом, эта «существенная» часть работы Срезневского, которая должна служить подтверждением наличия славяно-русских поселений на юго-востоке «издревле», является не тем, чем она представлена у автора или, вернее, чем представляют ее многие последующие исследователи.[1]

Сам автор относится весьма осторожно к своим выводам. После обобщения, сделанного им в конце своей статьи, что «в нынешнем населении южной России лежат следы элементов очень разнородных, и между прочим довольно древних элементов Славяно-Русских разных веков, смешанных с разными тюркскими»,[2] он замечает: «Впрочем, такого общего заключения... слишком мало. Оно должно быть проверено подробными наблюдениями и исследованиями, в которых одинаковое право на участие принадлежит географу и этнографу, филологу и археологу».[3]

А между тем выводы этой работы в последующий период «без проверки и подробных наблюдений» сделались одним из краеугольных камней, превратились по существу в «первоисточник», так же как работа Барсова «Очерки русской исторической географии», к обзору которой мы сейчас и переходим.

Работа Барсова вышла в 1873 г.[4] Автор связывает появление славян на юго-востоке с колонизационным движением северян и вятичей.

До VII ст. (времени образования Хазарского каганата) поселения этих племен, по мнению автора, распространились на территорию верхнего Дона с притоками Сосны, Воронежа и Донца. В эпоху господства хазар (VII—IX ст.) славяне под покровом хазар освоили низовья Дона, побережье Азовского моря и Прикубанье.[5] Возникшее в X—XI ст. Тмутараканское княжество имело славянскую основу населения и являлось центром Северской земли, единственного удела на левом берегу Днепра в эпоху Владимира. Оторванность от Приднепровья, слабость местного славянского населения и усиленный наплыв кочевников повели за собой падение в Тмутаракани русской власти. К началу XII ст. славяно-русское население на юго-восточной окраине исчезает, и его следы видны только на Донце (Шарукан), а к концу века крайним славянским пунктом был г. Донец, в котором Игорь Святославич нашел себе приют.[6]

Нового, оригинального, если не считать утверждения, что Тмутаракань являлась центром всей Северской земли, в своих выводах автор не дал. Преимущество его перед его предшественниками в том, что он стремится показать юго-восток в связи с историей всего восточного славянства, одновременно давая более четкую характеристику хронологических и территориальных границ в движении славян на юго-восток. Эти обстоятельства способствовали тому, что взгляды Барсова по этому вопросу в свое время заняли ведущее место.

Иначе поставил вопрос о славянах на юго-востоке Д. И. Иловайский в полемике с норманистами.

Как и для В. И. Ламанского, вопрос этот для Иловайского не был самоцелью. Он столкнулся с ним при решении более широкой проблемы — о славянском происхождении Руси.

За исходный момент обоснования своих взглядов раннего появления славян на юго-востоке Д. И. Иловайский принимает выдвинутое им положение тождества роксалан, упоминаемых греко-римскими писателями I—II вв. н. э. на территории от Приазовья до Днепра, с летописной Русью IX—X ст. Отсюда он делает вывод, что юго-восток уже издревле был заселен русскими. Эту юго-восточную Русь он видит и в арабских сказаниях о походах Руси на Каспий, и в третьем русском племени арабов «Артании».[1]

В ходе дальнейших своих изысканий, не изменяя принципиального взгляда на данный вопрос, автор частично видоизменяет свой подход.

В статье «О славянском происхождении дунайских болгар» автор вслед за Ю. И. Венелиным становится на позицию, что дунайские болгары являются одной из ветвей восточного славянства, вопреки господствующей теории об их тюрко-финском происхождении.[2]

Первоначальной территорией болгар автор считает восточное Приазовье, откуда одна часть этого племени в VII в. переселилась за Дунай, образовав Болгарское царство, другая, под именем черных болгар, продолжала обитать на восточном побережье Азовского моря, попав в политическую зависимость от Хазарского каганата. Связь между черными болгарами и «Русью — Роксаланами», жившими на северо-западном побережье Азовского моря, по мнению автора, существовала с отдаленных времен, но только с первой половины IX в., когда стал ослабевать Хазарский каганат, начало сказываться влияние Руси на черных болгар. Постепенно черные болгары вошли в сферу влияния Киевской Руси. Войны последней с хазарами, упоминаемые в летописи, по всей вероятности, велись не из-за радимичей и вятичей, а из-за черных болгар, окончательное освобождение ко-

[1] Д. Багалей. История Северской земли до половины XIV ст., стр. 16—20. — В. Пархоменко. У истоков русской государственности. Лгр., 1924, стр. 53. — А. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 125.

[2] И. И. Срезневский. Русское население степей..., стр. 320.

[3] Там же, стр. 320.

[4] Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава, 1873. В дальнейшем в нашей работе мы пользуемся работой Н. П. Барсова во 2-м изд. (Варшава, 1885).

[5] Там же, стр. 77.

[6] Там же, стр. 158—159, 151—152.

[1] Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. Изд. 2, М., 1882—1886, стр. 74—81; 54—65.

[2] Там же, стр. 167—228.

торых от хазарского влияния Иловайский приурочивает к 911—945 гг.[1]

Таким образом, сохраняя «Роксалан-Русь» на северо-западном побережье Азовского моря, возникновение Руси Тмутараканской (Артании арабских писателей) Иловайский относит за счет болгарской основы, родственной, по его мнению, Руси Киевской, но не тождественной ей.

Подход Д. И. Иловайского к решению рассматриваемого нами вопроса через отождествление обитавших в Приазовье черных болгар со славянами с точки зрения исследования вопроса не только не являлся шагом вперед, но даже был тормозом. Тем не менее Д. И. Иловайский своими работами внес много ценного, что способствовало в дальнейшем правильному уяснению нашего вопроса. В частности, нельзя не отметить его изыскания в области истории болгар Приазовья, проливающие свет на этнический облик средневекового юго-востока.

После Н. П. Барсова, обобщившего выводы своих предшественников, и Д. И. Иловайского в историографии вопроса до конца XIX в. мы не находим ничего оригинального. В работах Багалея, Голубовского, Шахматова, Ляскоронского, Филевича и др. эти два различных подхода к пониманию славяно-русской стихии на юго-востоке (Барсов и Иловайский) с одинаковыми по существу выводами (в смысле положительности) или повторяются в чистом виде (Багалей, Шахматов), или объединяются (Голубовский).

Мало вводится в научный оборот и новых источников. Правда, как на существенный момент нужно указать на попытку объяснить некоторые стороны этого вопроса, исходя из лингвистических данных (Шахматов, 1899)[2] и археологических памятников (Голубовский, 1881).[3]

Мы не считаем нужным разбирать подробно все работы, вышедшие до конца XIX ст. и в какой-то степени затрагивавшие данный вопрос, и остановимся лишь на наиболее существенных. К числу их прежде всего нужно отнести две работы, посвященные истории Северской земли до второй половины XIV ст., вышедшие в начале 80-х годов из недр Киевского университета, принадлежащие Д. И. Багалею и П. Голубовскому.

Работа Д. И. Багалея в основных положениях повторяет выводы Н. П. Барсова, расходясь с ним лишь в деталях.

Как и Барсов, Багалей ставит заселение юго-востока славянами в связь с их колонизационным движением, которое на своем пути не встречало серьезных препятствий ни со стороны кочевников, ни полуоседлых хазар. Багалей считает, что в этой колонизации принимали участие только северяне, а не северяне и вятичи, как

[1] Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. Изд. 2, М., 1882—1886, стр. 289.
[2] А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий. ЖМНП, 1899, кн. 4.
[3] П. Голубовский. История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1881.

думает Барсов. Колонизационное движение положило, по мнению автора, и основание Тмутараканскому княжеству в конце IX или в начале X ст. «Во всяком случае, — пишет он, — при Игоре Тмуторокань уже существовала; может быть она была и раньше».[1] Со второй половины XI ст. под давлением половцев славяно-русское население Подонья отступает к северу или переселяется внутрь страны, а частично смешивается с половцами, «образуя как бы оазисы среди пустыни кочевников». Связь с Тмутараканью слабеет, а в конце XI — начале XII ст. Тмутаракань совершенно затирается половцами.[2]

Взгляды Голубовского, изложенные первоначально в работе «История Северской земли до половины XIV ст.» и развитые затем во второй работе «Печенеги, торки, половцы до нашествия татар», являются своеобразным синтезом взглядов Ламанского, Барсова и Иловайского.

Исходным моментом Голубовский принял положение Ламанского о переселении славян с востока (из Азии)[3] и утверждение Иловайского о славянстве роксаланов.[4] Проникновение славян на юго-восток он связывает с продвижением славян с востока в Европу через степи и оседанием некоторых из племен на побережье Черного и Азовского морей.[5] В конце VII ст. славяне юго-востока в лице северян подчиняются хазарам, но ставят последних в культурную зависимость от себя. Под влиянием передвижения кочевников в IX в. сплошное славянское население юго-востока сосредоточивается в низовьях Дона и на севере в лесной полосе. Разгром хазар в X в. Киевской Русью уничтожает оплот юго-восточных славян на востоке. В то же время тмутараканские князья, занятые киевскими делами, не в состоянии были защитить юго-восточных славян в степях, и большинство славянского населения было вынуждено переселиться под защиту Тмутаракани и на север в леса. В конце XI ст. (1094) русские князья покидают Тмутаракань. Из остатков славяно-русского населения в Подонье под влиянием культурного общения с кочевниками выработался тот своеобразный тип, который в наших летописях фигурирует под именем «бродники», явившийся прототипом позднейшего казачества.[6]

В своей работе Голубовский делает попытку опереться на археологический материал: «Наконец в нашем вопросе (связи Северской земли с Тмутороканью. *И. Л.*) важную услугу оказывает археология: можно указать на положительное сходство в орнаментации и самой конструкции вещей Кубанской и Терской областей с не-

[1] Д. И. Багалей, ук. соч., стр. 12—26.
[2] Там же, стр. 133—134.
[3] П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 1.
[4] П. Голубовский. История Северской земли... Киев, 1881, стр. 2—4.
[5] П. Голубовский. Печенеги, торки..., стр. 1.
[6] П. Голубовский. История Северской земли..., стр. 5—12; 36.

которыми пряжками и фибулами позолоченными из Черниговских курганов (Гульбища и др.)».[1]

Не касаясь сейчас вопроса, насколько удачно или неудачно привлекает автор археологические памятники, мы не можем не отдать ему должного за стремление выйти за рамки скудных письменных свидетельств и опереться на другой род источников — археологические памятники, для древнейшего периода не менее ценный, чем источники письменные.

К взглядам Ламанского — Барсова и их последователей в конце XIX ст., исходя из лингвистических построений, примкнул акад. Шахматов.[2] Позднее А. А. Шахматов неоднократно останавливался на этом вопросе, исправляя и дополняя отдельные положения своих выводов.

Первоначально автор считал, что юго-восточное славянское население составляли северяне.[3] В ряде последующих работ,[4] исходя из анализа летописного сказания о походе Святослава на хазар, Шахматов высказывает иную точку зрения. В число обитателей среднего и нижнего Дона он включает не только северян, но и вятичей. Однако в предсмертной своей работе он вновь пересматривает этот вопрос и от поселений вятичей на среднем и нижнем Дону отказывается.[5]

А. А. Шахматов занимался интересующим нас вопросом не специально, а попутно, в связи с изучением древнерусского языка. Вопросы о славянском населении юго-востока, как и большинство предшествующих исследователей, он ставил в полную зависимость от построений основной темы своих языковых изысканий. Изменения и колебания в последних, соответственно, сказывались и на выводах о славянах юго-востока.

2

На рубеже XIX—XX ст. появляются признаки иной трактовки этого вопроса. Правда, кое-какие данные, говорящие о существовании иных взглядов, имеются и в более ранний период. Мы имеем в виду исследователей, хотя и признававших на юге и юго-востоке Черноморскую или Азово-Таврическую Русь уже в VIII—IX ст., но рассматривающих ее не как славянское население. Так, Н. Ламбин и Е. Голубинский[6] видели в ней варягов, В. Г. Васильевский[1] — готов, Д. Щеглов[2] — финнов и т. д. Как решался вопрос каждым из этих исследователей о собственно славянах на юго-востоке для этой поры, мы не знаем.

Но вот в 1899 г., почти одновременно с работой лингвиста А. А. Шахматова, появляется исследование о славянах на основе археологических памятников известного археолога А. А. Спицына.[3] Сделав достаточно основательный обзор территории, заселенной по летописи славянскими племенами, Спицын заметил: «Есть еще одна область с древнерусским населением, которую нельзя обойти молчанием и археологу, — Тмутороканъ. Несомненных следов пребывания здесь русских пока не найдено, однако вещи курганных типов XI в. уже открыты... Перечисленных находок недостаточно, чтобы можно было признать их русское происхождение, однако их следует иметь в виду».[4]

Это все, что мог сказать автор о славянах на юго-востоке на основе археологических памятников, впервые для юго-востока подвергнутых исследованию со стороны специалиста-археолога. Для защитников славянских поселений это был первый серьезный удар, тем более, что он исходил от исследователя, который подходил к вопросу не с точки зрения побочных интересов, а ставил исследование вопроса о славянах на территории Восточной Европы своей специальной задачей.

А. А. Спицын не остановился на этом.

Дальнейшее изучение археологических памятников средневекового юго-востока позволило ему вернуться к юго-востоку еще раз, посвятив этому специальное исследование.[5] В этой работе на основе письменных и археологических памятников автор приходит к выводу, что, начиная с древнейших времен (VII—VI вв. до н. э.) вплоть до X в. н. э. весь юго-восток был заселен одной народностью — иранской, носившей в различное время у разных народов разное наименование: сарматы, роксаланы, аланы и т. п.

В интересующее нас время, VIII—X ст., автор считает, что Придонье было заселено аланами, входившими в состав Хазарского каганата, составляя в нем главную силу и, повидимому, даже сохраняя свое самоуправление. «Аланы давали тон хазарской культуре», — пишет автор. Им приписывает он и развитие торговли и промышленности в Хазарии; Саркел, по мнению автора, был скорее всего аланским городом. Население Тмутаракани автор считает также аланским, не отрицая, однако, постепенного усиления заселения ее русскими, «не только людьми торговыми,

---

[1] П. Голубовский. История Северской земли..., стр. 6.

[2] А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий. ЖМНП, 1899, кн. 4.

[3] Там же, стр. 335.

[4] А. А. Шахматов. Южные поселения вятичей. Изв. Акад. Наук, сер. 6, № 16, СПб., 1907. — Он же. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклоп. слав. фил., вып. 11, Пгр., 1915. Введение.

[5] А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919.

[6] Н. Ламбин. Тмутараканское княжество. ЖМНП, 1874, ч. 1. — Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 1. Изд. 2, М., 1902, стр. 41—52.

[1] В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования. Летопись занятий археогр. ком., вып. X, СПб., 1893, стр. CCXCVII—CCCIII.

[2] Д. Щеглов. Первые страницы русской истории. ЖМНП, 1876, май, стр. 28.

[3] А. А. Спицын. Расселение древне-русских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, кн. VIII.

[4] Там же, стр. 38 (отд. отт.).

[5] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания. Исконные обитатели Дона и Донца. ЖМНП, 1909, январь, СПб., 1909.

но и всякого рода беглецами».[1] Характеристика достаточно яркая для славяно-русского населения на юго-востоке.

Все свои выводы для данного периода автор обосновывает преимущественно на археологических памятниках. На стр. 72 он пишет: «Вообще надежных письменных сведений об аланах на Дону в IX—X в. не имеется. Но мы и не очень нуждаемся в них, располагая вполне определенными археологическими данными».

Этими археологическими данными для алан Спицын считает памятники салтово-маяцкой культуры, в то время еще мало известные для данного района [1) Салтово; 2) Зливки; 3) сл. Покровская; 4) Маяцкое городище]. Нужно заметить, что для средневекового юго-востока круг памятников в Подонье весьма ограничен, и ведущее место среди них, но не исключительное, принадлежит, безусловно, памятникам салтово-маяцкой культуры. Трудно только пока сказать, насколько верно решение Спицына, что носителями этой культуры являлись аланы.

Работа А. А. Спицына, основанная на археологическом материале, в своих выводах резко расходится с выводами предшествующих исследователей, основанными на письменных источниках. Вполне законно возникает необходимость проследить, насколько объективно подошел автор к решению рассмотренного им вопроса, все ли памятники использовал исследователь?

Бросается в глаза прежде всего то обстоятельство, что автор обходит полным молчанием всю предшествующую литературу о средневековом населении этого района. Нельзя не отметить, что и археологические памятники автор исследует не все. Он останавливается лишь на памятниках салтово-маяцкой культуры, совершенно забывая о группе памятников рубежа среднего и верхнего Дона, хорошо известных ему по его собственным раскопкам (Боршево, 1905)[2] и раскопкам Воронежской ученой архивной комиссии (Хазарское городище, 1906),[3] а также о памятнике рубежа среднего и нижнего Дона — левобережном Цимлянском городище (раскопки Сизова и Веселовского конца XIX ст.), поскольку он говорит об обитателях Дона вообще. Сам Спицын в других своих работах относит Боршево к поселениям дьякова типа,[4] а курганы Хазарского городища, раскопанные Воронежской ученой архивной комиссией, Мартинович рассматривал как славянские.[5] Не вдаваясь в правильность оценок этих памятников, укажем лишь на то, что в свете утверждения автора об исконности пребывания на Дону иранской народности интересно было бы проследить место этих «посторонних» для Дона двух культур.

[1] Там же, стр. 88.
[2] ОАК, 1905, СПб., 1908, стр. 83—84.
[3] Тр. Воронежск. учен. архивн. ком., вып. IV, Воронеж, 1908.
[4] А. А. Спицын. Новые сведения о городищах дьякова типа. Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества (ЗОРСА РАО), т. VII, вып. 1, СПб., 1905, стр. 93.
[5] А. Н. Мартинович. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г. Тр. Воронежск. учен. архивн. ком., вып. IV.

Безусловно, выводы автора стройны, привлеченный им материал для решения данного вопроса свеж, тем более странным кажется, почему автор обошел молчанием известные ему факты, отмеченные нами выше.

Эту же позицию отрицательного отношения к наличию славяно-русского населения на юго-востоке (и в частности в Тмутаракани) для всего домонгольского периода А. А. Спицын продолжал поддерживать даже и после того, когда коренным образом изменил свое отношение к Тмутараканскому камню, т. е. признал его подлинность, а тем самым должен был примириться и с местоположением Тмутаракани на Тамани. Он заявлял: «Русского населения здесь нет и не может быть».[1]

Не менее отрицательное отношение к существованию Черноморской Руси, чем у А. А. Спицына, мы находим в ряде работ Фр. Вестберга, вышедших в начале нашего столетия.[2] Но, говоря о работах последнего, нужно иметь в виду одно весьма важное обстоятельство. Для Вестберга русь и славяне — различные понятия. Русь — это норманны. Поэтому в его замечаниях, посвященных Черноморской Руси, вопрос о славянах, как правило, остается в тени.

Свои отрицательные выводы автор строит на анализе тех же самых восточных и византийских источников, на которые до него опирались все защитники раннего заселения славянами юго-востока, рассматривавшие «русь» этих источников как собственно славян (Ламанский, Иловайский, Шахматов и др.).

Большой ошибкой своих предшественников Вестберг считает: 1) что при изучении вопроса о славянах по восточным источникам ими некритически воспринималось содержание термина «сакалиба» или «саклаба» этих источников. «Значение сакалиба, саклаба, в смысле румянолицых, голубоглазых, русоволосых народов вообще, — пишет он, — как-то постоянно ускользало от внимания ученых, занимавшихся разработкою восточных источников о славянах или пользовавшихся ими».[3] В обоснование этого более широкого понимания термина «сакалиба» автор приводит ряд весьма ярких фактов, подтверждающих, как часто восточные писатели применяли его не только к собственно славянам, но и к другим северным народам: болгарам, немцам, саксам и т. д.[4] 2) Вообще

[1] А. А. Спицын. Тмутараканский камень. ЗОРСА РАО, т. XI, стр. 131.
[2] Fr. Westberg. Die Fragmente des Toparcha goticus (Anonymus Tauricus) aus dem 10 Jahrhundert. Зап. АН, т. V, вып. 2. — Фр. Вестберг. О житии св. Стефана Сурожского. Визант. врем., т. XIV, вып. 2—3 СПб., 1908. — Он же. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, 1908, кн. 2 и 3, СПб., 1908. — Он же. Записки Готского топарха. Визант. врем., т. XV, вып. 1 и 2, СПб., 1909.
[3] Фр. Вестберг. К анализу восточных источников... ЖМНП, кн. 2, стр. 369.
[4] Там же, стр. 365—370.

«неразборчивое и ненаучное отношение к показаниям восточных писателей», породившее, по его мнению, «ужасную путаницу, в которой погрязнет еще немало ученых, занимающихся исследованиями по древнерусской истории».[1] С учетом этих положений автор и анализирует византийское и восточные свидетельства IX—X ст. о Руси и приходит к выводу, что до конца X ст. (вернее — до похода Святослава на юго-восток) никакой Черноморской Руси не существовало и что все упоминания о «руси» до этого периода нужно приурочивать либо к Скандинавии, напр. третье племя русов — Артания, либо к Руси Новгородской, напр. нападение «руси» под предводительством Бравлина на Сурожь, либо к Киеву (начиная со второй половины IX ст.), напр. поход Аскольда и Дира на Византию 860 г., но только не к Черноморской,[2] свое отношение к которой он выразил в следующих словах: «Эта Черноморская Русь наделала много зла в Русской науке и поэтому пора с ней раз навсегда покончить».[3]

Фр. Вестберг полагал, что своими изысканиями он действительно покончил с Черноморской Русью. В более поздней своей работе, хотя опубликованной и ранее той, которую мы только что цитировали, он прямо заявил: «Что же касается так называемой Черноморской Руси, все еще волнующей русских ученых, то я, надеюсь, с нею покончил навсегда».[4]

Однако, как правильно отметил В. А. Пархоменко, с Черноморской Русью не было покончено. От времени до времени она продолжала находить на страницах печати своих защитников. Как никогда в другое время, мобилизовались все виды источников, способных в той или иной мере, по мнению ее сторонников, защищать в какой бы то ни было форме ее существование.

Наиболее радикальным и настойчивым защитником славянства на юго-востоке за последнее двадцатипятилетие является, безусловно, Вл. А. Пархоменко. Более десятка лет разрабатывал автор отдельные стороны этой проблемы, начиная с 1913 г.,[5] сведя их впоследствии в цельную стройную систему в работе «У истоков русской государственности».[6]

На рубеже VI—VII ст. по мнению проф. Пархоменко на территории Восточной Европы происходит сложение трех племенных групп восточного славянства: юго-западной, северо-западной и юго-восточной (анты прошлого). Последняя из них занимает обособленное положение от двух других. Эту обособленность автор ставит в связь с передвижением болгар из Прикубанья на Дунай в VII ст. Под влиянием этого передвижения юго-восточная группа вынуждена была сконцентрироваться в районе Подонья и на восточном побережье Азовского моря в направлении к Волге. С образованием Хазарского каганата юго-восточная группа в целях защиты от степняков подчиняется хазарам, найдя в них весьма прочную опору со стороны Востока.

Ослабление хазар в IX ст. и расширение операций на Черном и Каспийском морях приводит эту группу к образованию своего центра; для XI ст. таким центром является Тмутаракань. Именно эта группа восточных славян, по мнению автора, слыла у соседних народов (византийцев, арабов) под именем собственно Руси, прославившейся своими дерзкими морскими набегами.[1]

Движение угров в IX ст., а затем печенегов, заставило юго-восточные племена искать себе более защищенные места на севере, в лесной полосе. Это передвижение привело, с одной стороны, к выделению из среды юго-восточной группы отдельных племен (полян, северян, радимичей, вятичей), а с другой, к соприкосновению населения разобщенных до сего времени юго-восточной и юго-западной племенных групп восточного славянства между собою.

Значение этой ранней юго-восточной группы славянства, в понимании Пархоменко, более глубокое, чем то, которое приписывается ей большинством сторонников ее существования. По мнению автора, она явилась основой не только Тмутараканского княжества, но в лице полян в IX—X вв. выступила как организатор киевского государственного образования, а в лице северян в X—XI ст. — Черниговского княжества. Автор склонен приписать юго-восточному славянству даже колонизацию Среднего Поволжья (Ростов, Муром) на рубеже VIII—IX ст., в период наиболее интенсивной торговли арабов на Волге.[2]

Таким образом, в концепции В. А. Пархоменко, без юго-восточной Руси совершенно немыслимо понять не только образование Киевской Руси, но и Владимиро-Суздальской земли.

Теория Пархоменко стройна и весьма оригинальна, в этом ей нужно отдать справедливость; но вся беда ее в том, что она построена, главным образом, не на первоисточниках, в собственном смысле этого слова, а на таких же стройных и оригинальных гипотезах, теориях и предположениях, или же, как у Ламанского, на так наз. «априорических» соображениях, напр.: 1) передви-

[1] Фр. Вестберг. Визант. врем., т. XV, вып. 2—3, стр. 228.

[2] Там же, стр. 234. — Фр. Вестберг. К анализу восточных источников... ЖМНП, кн. 2, стр. 398. — Там же, кн. 3, стр. 25. — Визант. врем., т. XIV, вып. 2, стр. 234.

[3] Фр. Вестберг. Визант. врем., т. XV, вып. 2—3, стр. 227.

[4] Там же, т. XIV, вып. 2—3, стр. 234.

[5] В. А. Пархоменко. Начало христианства на Руси. Полтава, 1913. — Он же. Три центра древнейшей Руси. Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук (ИОРЯС АН), 1913, т. XVIII, кн. 2. — Он же. Обстоятельства жизни летописного Олега. ИОРЯС АН, 1914, кн. 1. — Он же. Русь в IX веке. ИОРЯС, т. XXII, кн. 2, 1917.

[6] В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Лгр., 1924.

[1] Там же, стр. 39, 40.

[2] Там же, стр. 43, 49, 65.

жение антов на восточное побережье Азовского моря под влиянием болгарского переселения; 2) наличие славяно-русского племенного союза в составе Хазарского каганата; 3) размещение полян, северян, вятичей, радимичей в VIII—IX вв. в Приазовье и т. д.[1]

Очень меткую характеристику работам В. А. Пархоменко дала Н. Полонская: «Во всех работах Пархоменко видна работа творческой мысли; увлекаясь сам, он увлекает и читателя; чувствуя противоречие источников, он стремится примирить их, но в результате вместо старой легенды создает свою красивую, льстящую, пожалуй, национальному самолюбию, но все же легенду неубедительную».[2]

Взгляды В. А. Пархоменко на ту роль, которую играли юго-восточные славяно-русские племена в русской истории, не нашли сторонников. Если некоторые из исследователей, как напр. Козловский,[3] и пытались излагать историю юго-восточных славян по В. А. Пархоменко, то они менее всего обращали внимание на то, какое место во взглядах В. А. Пархоменко заняла эта юго-восточная Русь в исходном моменте образования русской государственности (Киевской Руси), а останавливались преимущественно на ее местной, как говорит Козловский — «здешней», юго-восточной значимости, делая в конечном счете выводы, далекие от выводов В. А. Пархоменко (Тмутаракань — «русское гнездо», «сечь»).[4]

В. А. Пархоменко не показал того фактического материала, на котором можно было бы обосновать наличие на юго-востоке в VIII—IX ст. того племенного союза, в который, по его мнению, входили поляне, северяне, радимичи, вятичи. Да его и нельзя показать, его нет. Письменные свидетельства, как отечественные, так и иностранные, не говорят нам об этом ни единым словом. Не знаем мы для юго-востока этой поры и славянских памятников материальной культуры, что достаточно убедительно, хотя и в общих чертах, отметил в свое время Ю. В. Готье.[5]

Работа Ю. В. Готье, как и работа А. А. Спицына, основана преимущественно на археологических памятниках. Она вносит в понимание вопроса значительные коррективы. Исключая из сферы заселения славянами нижнее и среднее течение Дона (точнее — степную полосу) и Тамань, автор, используя археологические памятники, обойденные в свое время Спицыным, считает возможным утверждать, что верхнее течение Дона (район лесостепи) до устья Тихой Сосны [в работе Ю. В. Готье (стр. 228) ошибочно названа Быстрой Сосной] в IX—X ст., хотя и редко, но было заселено славянами. Проникновение русской колонизации на нижний Дон автор допускает лишь в виде «тонких колонизационных струй».

[1] Там же, стр. 39—41.

[2] Н. Полонская. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира. ЖМНП, 1917, IX, стр. 68.

[3] И. П. Козловский. Тмутаракань и Таматарха — Матарха — Тамань. Изв. Таврич. общ. ИАЭ, т. II (59), Симферополь, 1928.

[4] Там же, стр. 62—64.

[5] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 87—90; 226—229.

3

Археологические изыскания на юго-востоке, начавшиеся с 1923 г., дали много нового, интересного материала для понимания средневекового юго-востока.

Ряд работ, основанных преимущественно на этих археологических материалах, появившихся за последнее десятилетие, внесли существенные изменения и поправки в понимание рассматриваемого нами вопроса как со стороны хронологической, так и территориальной. Это обстоятельство придало исследуемому вопросу совершенно новое направление. К числу этих работ нужно отнести работы П. П. Ефименко,[1] М. И. Артамонова[2] и др.

Последний на основе археологических изысканий целого ряда лет на среднем и нижнем Дону, в Приазовье и Северном Кавказе пришел к выводам, что для утверждения о наличии на юго-востоке славянства до конца X ст. никаких археологических данных не имеется. Памятники славянской культуры появляются здесь лишь в конце X в. и бытуют до XII ст.[3]

Однако этот положительный сдвиг в освещении отдельных сторон нашего вопроса, ставший возможным благодаря привлечению археологических памятников как исторического источника и тщательнейшего их изучения, не получил дальнейшего развития. Последующие исследователи, привлекая археологические памятники, подошли к использованию их формально, без предварительного всестороннего изучения, игнорируя элементарнейшие требования критики источника. В этом оказались погрешны не только собственно историки (В. В. Мавродин),[4] все еще далеко стоящие от памятников материальной культуры, но и историки-археологи (А. В. Арциховский).[5] Последний своим формальным подходом к археологическим памятникам средневекового юго-востока создал совершенно неверное представление о характере памятников славянской культуры на юго-востоке. В силу этого, картина заселения юго-востока славянами, какую рисует автор и хронологически и территориально, конечно, получается далеко не соответствующей действительности.

[1] П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на среднем Дону. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 2, стр. 5—9.

[2] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. Лгр., 1935.

[3] Там же, стр. 87—89.

[4] В. В. Мавродин. Славяно-русское население нижнего Дона и Сев. Кавказа в X—XIV веках. Учен. зап. Лгр. пед. инст. им. Герцена, т. XI.

[5] А. В. Арциховский. Лекции по археологии. ч. II. М., 1938, стр. 62—63.

Еще дальше отошел от того, по нашему мнению, здорового направления, которое наметилось в работах историков-археологов (Ю. В. Готье, П. П. Ефименко, М. И. Артамонов), В. В. Мавродин в своей работе, посвященной специально исследуемому нами вопросу.[1]

По своим взглядам автор не просто сторонник раннего заселения юго-востока славянами. Он идет дальше, стремясь доказать, что славяне для юго-востока являются туземными, автохтонным населением. Используя для решения вопроса материалы, накопленные предшественниками, он заново ставит его «на основе нового материала, данных археологии, с учетом нового учения о языке Н. Я. Марра».[2]

Первую часть своей работы автор посвящает этногенезу славян. Он пытается проследить этот процесс параллельно в двух районах в Приднепровье и на юго-востоке, вне зависимости одного района от другого. Исходным моментом в своих построениях автор принимает «прямые генетические связи древних скифов и сарматов с позднейшим славянским населением», «как указал Н. Я. Марр в ряде своих работ» и что подтверждается «данными раскопок, произведенных за последние годы на юге Европейской части СССР советскими археологами».[3]

Попытка автора по-новому осветить вопрос о появлении славян на юго-востоке оказалась неудачной и для данной работы совершенно ничего не дающей, так как автор не решился взяться за обоснование выдвинутого им понимания возникновения славяно-русских племен на юго-востоке независимо от Приднепровья, т. е. собственно славянской территории, заявляя, что «мы не располагаем данными для того, чтобы проследить процесс перерождения туземных племен яфетических в русские, индоевропейские, и остановимся только на ... процессе скрещения русского элемента с туземным, главным образом яфетическим. Русский элемент при этом в основе своей пришлый, переселившийся с севера».[4]

Таким образом, «исконность», автохтонность славяно-русского населения на юго-востоке осталась необоснованной и на сей раз, и автор, посвятив свое дальнейшее исследование «пришлому, переселившемуся с севера» русскому элементу, должен был начать свое исследование сначала, оставив совершенно за бортом полученные им в первой части его работы выводы. Но он все же не оставил попытки отыскать славян на юго-востоке до похода Святослава, опираясь преимущественно на восточные и византийские источники.

Дать более того, что дали его предшественники, автор не смог и в своей концепции не сумел увязать эту пришлую до походов Святослава Русь со всей последующей историей русского населения на юге-востоке, хотя к X ст. эта юго-восточная Русь и достигла, по его словам, высокой ступени развития: в IX в. налицо не просто славяно-русское население, но уже существует «государство» кагана русского и «князь Новгородский Бравлин, причем Новгород этот следует искать не на севере, а на юге»; в X в. «Хальгу-Олег не связанный с Киевом туземный владыка Черноморской Руси».[1] Возникновение Русского Тмутараканского княжества автор вынужден был всем ходом событий ставить в связь с походом Святослава, совершенно забыв всю предшествующую историю местной туземной и «пришлой» Руси до второй половины X ст.

Ошибка автора, как и его предшественников, состоит в том, что, не имея прямых указаний ни у восточных, ни у византийских писателей о славяно-русском населении до X ст. на юго-востоке, он во что бы то ни стало хочет приурочить отдельные замечания этих писателей о Руси IX—X ст. к юго-восточной Руси, между тем как на некоторые из них следовало бы взглянуть с иной точки зрения.

В подходе к источникам у автора чувствуется определенная предвзятость. Несмотря на собственное заявление о привлечении им в качестве источника также и «данных археологии», в случаях, когда эти «данные» идут в разрез с принятой автором точкой зрения, как напр. отсутствие славянских археологических памятников для IX ст. на нижнем Дону, автор стремится их просто обойти. «Отсутствие вещей, типичных для приднепровских славян, — пишет он, — еще ничего не означает, вещи могли быть местного типа, а изготовившие их русскими, славянами... Материальная культура, быт, обычаи, одежда и т. д. этих «русов»-славян носят местный характер и не могут быть тождественными приднепровской».[2]

Наибольшего расцвета славяно-русское население юго-востока, по мнению автора, достигает в X—XI ст. в период «феодальной экспансии». По археологическим памятникам, зачисляемым автором в разряд славянских (со времен похода Святослава автор, как видно, допускает, что славяне юго-востока стали вырабатывать вещи, тождественные Приднепровью), территория, занятая славянами в этот период, определяется в границах от восточного побережья Крыма до Краснодара и от Тамани до Саркела. Автор опирается здесь в первую очередь на керамику с волнистым и линейным орнаментами, культурно-хронологический облик которой им не был достаточно изучен. Отсутствие каких-либо других данных, кроме отмеченных автором археологических памятников, относящихся безусловно к более раннему периоду, чем XI—XII ст., делает выводы автора и в этой части работы, как и в предшествующих, также неубедительными.

Своей «новой постановкой» вопроса о славян-

---

[1] В. В. Мавродин, ук. соч.
[2] Там же, стр. 273.
[3] Там же, стр. 231.
[4] Там же, стр. 245.

[1] Там же, стр. 245.
[2] Там же, стр. 256.

ском населении на юго-востоке автор не продвинул его вперед, не подвел итога тому, что уже сделано в этой области за истекший период со времени постановки этого вопроса в исторической литературе В. И. Ламанским, а лишь усложнил его, внеся ряд моментов, никакого отношения к нему не имеющих.[1]

Итак, в развитии историографии исследуемого нами вопроса ясно намечаются три периода. Первый, хронологически охватывающий время с момента появления работы В. И. Ламанского (1859) до конца XIX ст., характеризуется тем, что, несмотря на различный подход отдельных исследователей к решению вопроса (В. И. Ламанский, Д. И. Иловайский, П. Голубовский), все они сходятся на признании наличия славянских поселений на юго-востоке с древнейших времен. Эти исследователи строят выводы свои преимущественно на письменных свидетельствах иноземных писателей — греческих, византийских, арабских и т. д. Наряду с письменными источниками не малую роль играют и так наз. априорические суждения, предположения на основе сравнений с более поздними событиями и догадки.

На рубеже XIX и XX ст. во взглядах намечается перелом. Уже в работе А. А. Спицына «Расселение древнерусских племен. . .», если вопрос о наличии славянских поселений на юго-востоке «издревле» и не был еще решен отрицательно, то уже самим фактом отсутствия на юго-востоке археологических памятников славянской культуры он был поставлен под сомнение. Через несколько лет (1908—1909) ряд исследователей, для раннего периода, не касаясь XI—XII ст., решали этот вопрос определенно отрицательно. В этом втором периоде, продолжавшемся приблизительно до 30-х годов, можно проследить сосуществование обоих направлений, причем сила первого, ослабленная в начале столетия, к 30-м годам приобретает вновь перевес (работы В. А. Пархоменко).

В связи с археологическими исследованиями на юго-востоке, начавшимися в 1923—1924 гг. и продолжающимися по сей день, в существующие взгляды представилось возможным внести ряд весьма важных поправок, придавших дальнейшему исследованию вопроса третье, совершенно новое, направление.

Содержание этого направления, кратко изложенное М. И. Артамоновым в его работе «Средневековые поселения на нижнем Дону», сводится к следующему: в данный момент мы не располагаем археологическими памятниками, которые свидетельствовали бы о бытовании славян на юго-востоке до конца X ст. Памятники славянской культуры, обнаруженные на юго-востоке, относятся к концу X — началу XII ст. С этими археологическими данными вполне согласны, по его мнению, и письменные свидетельства.

Археологические исследования последних лет вполне подтвердили сделанные М. И. Артамоновым выводы и вместе с тем указали направление, в каком необходимо повести изыскания в этом вопросе. Однако, как мы видим, путь оказывается далеко не прямым.

II. ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮГО-ВОСТОКЕ

1

В 1924—1925 гг. Северо-Кавказской экспедицией Гос. Академии истории материальной культуры (ГАИМК) был обследован ряд средневековых поселений Нижнего Дона и Кубани. Среди керамического материала, собранного на этих поселениях, одно из ведущих мест принадлежало «. . .горшкам с круто отогнутыми венчиками и с сильно выгнутыми в верхней части сосуда боками», покрытым врезным линейно-волнистым орнаментом.[2] По замечанию автора отчета А. А. Миллера, «посуда подобного рода была известна до сих пор преимущественно в русских древностях и из городищ и могильников средневековой зоны расселения славян на западе, что послужило основанием для некоторых исследователей и самую керамику называть славянской, не только по усвоению, но и по происхождению».[3] На основании совокупности ряда данных автор отчета приходит к выводам, что время начала бытования этой керамики на юго-востоке уходит далеко вглубь, к V—VI ст., и что керамика эта не может считаться специально славянской по усвоению.[1]

Эти замечания автора отчета не нашли единого отклика. Одни, как А. В. Арциховский, продолжали оставаться на позициях старой трактовки, высказывались за принадлежность данной керамики славянам, наличие которой на юго-востоке объясняется тем, что юго-восток издревле был заселен славяно-русскими племенами, чего, по их мнению, не доучел А. А. Миллер.[2] Дальнейшее археологическое обследование на протяжении целого ряда лет Нижнего Дона, Прикубанья, а затем раскопки левобережного Цымлянского городища (Саркела) привели других и в частности М. И. Артамонова к выводам, вполне совпадающим с замечаниями А. А. Миллера. Это дало полное основание М. И. Артамонову указать А. В. Арциховскому на ошибочность его позиции, на опасность для археолога «пренебре-

[1] См. нашу рецензию — ВДИ, № 1 (10), 1940, стр. 150—153.

[2] А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 годах. Сообщ. ГАИМК, I, Лгр., 1926, стр. 95—96.

[3] Там же, стр. 96.

[1] Там же, стр. 97.

[2] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 92—93.

гать археологическими данными», [1] точнее говоря, пользоваться ими без достаточной научной обработки их.

За полтора десятка лет (1924—1939) археологической работы в различных уголках юго-востока аналогичная керамика была обнаружена почти на всех средневековых поселениях как среди подъемного материала, так и при раскопках. В 1930 г. экспедицией под руководством В. А. Городцева она была найдена на ряде поселений нижней Кубани, начиная от Краснодара вплоть до побережья Азовского моря. В частности много ее было обнаружено на поселении близ аула Тлюстенхабль (левый берег Кубани в 4—5 км вверх от Краснодара). [2] В 1930—1931 гг. такая же керамика была выявлена экспедицией ГАИМК при раскопках Таманского городища. [3] Раскопками Феодосийского музея 1929—1931 гг. она была вскрыта на Коктебельском городище. [4] Большое количество ее дали раскопки Саркелской экспедиции ГАИМК 1934—1936 гг. на левобережном Цымлянском городище (Саркел) и прилегающих степных поселениях [5] и Саркелской экспедиции ИИМК 1939 г. на правобережном городище. [6] Много аналогичной керамики собрано местными краеведческими музеями юго-востока (Краснодара, Ростова н/Д., Воронежа и др.) при разведочных работах в бассейнах Дона, Кубани, на побережье Азова. [7] Имеется несколько находок на южном и восточном побережье Крыма [8] и на Нижней Волге [9] (табл. 1). Как правило, одновременно с горшками этого типа керамический материал содержит пифосообразные сосуды, туземные амфоры (яйцевидные), черные и серые сосуды с лощением и т. п.

К сожалению, весь этот собранный материал, как и вообще средневековый материал юго-востока, остается не обработанным и не изданным. Большинство исследователей пользуются сведениями об этом материале из самых разнообразных, случайных источников, часто не совсем точными. Так укоренилось твердое убеждение, что фрагменты серой или темносерой керамики кухонного обихода с волнистым и линейным орнаментом принадлежат только горшкам, характеристика которым дана в начале этой главы. Между тем изучение этой керамической группы привело нас к убеждению, что наряду с горшками в стиле этой же техники (с волнистым и линейным орнаментом, из глины того же качества) изготовлялись сосуды с внутренними ушками (типа небольших полевых казанов), плошки, жаровни, кувшины с ручками и т. п. (табл. II). До последних дней остаются непрослеженными с достаточной полнотой взаимосвязи различных керамических типов и в частности место среди них так наз. славянской керамики (горшков с линейным и волнистым орнаментом).

Единственное серьезное исследование, посвященное анализу средневековых памятников юго-востока, работа М. И. Артамонова, было написано около десяти лет тому назад на основе, главным образом, подъемного материала и ставило своей задачей иные, более широкие цели и потому, вполне естественно, не могло всесторонне охватить этот вопрос.

Несмотря на такое состояние научной разработанности этого материала и полное отсутствие его публикаций в последнее время, на основании различных случайных данных сделан ряд попыток ввести весь этот материал в научный оборот как памятник определенной эпохи, определенной народности и на этой основе строить широкие исторические обобщения.

Именно эти материалы, и в частности керамика с волнистым и линейным орнаментом преимущественно, послужили основанием отнесения многих средневековых поселений юго-востока к разряду славянских и решения одного из весьма важных вопросов средневековой истории, определения границ распространения славяно-русской культуры в XI—XII ст.

В 1932 г. Н. С. Барсамов причислил к славяно-русским поселениям XI—XII ст. Коктебельское поселение на основе найденной там «славянской» керамики, аналогичной керамике Таманского городища (Русской Тмутаракани). [1] Между тем ни время, ни этническая принадлежность этой керамики Таманского городища никем еще в то время установлены не были.

В 1935 г. Б. В. Лунин высказал, хотя и в более осторожной форме, подобное же заключение о средневековых поселениях нижней Кубани, обследованных в 1930 г. В. А. Городцевым. «Длительный цикл найденных в этих поселениях предметов материальной культуры,— писал он,— неоспоримо свидетельствовал о полном и не случайном тождестве их с предметами материальной культуры из раскопок древних поселений,

[1] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 64.

[2] Коллекция Краснодарского педагогического института. См. также: В. А. Городцев. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. Памятники древности на Дону, кн. 1. Ростов, 1940.

[3] Коллекция Гос. Эрмитажа (докласс. отд.), № 1260, и коллекция ИИМК АН.

[4] Коллекция Феодосийского археологического музея. См. также: Н. С. Барсамов. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле 1929—1931 гг. Феодосия, 1932, табл. IV и XIII.

[5] Коллекция Гос. Эрмитажа (докласс. отд.) и коллекция ИИМК АН. См. также: М. И. Артамонов. Средневековые поселения...

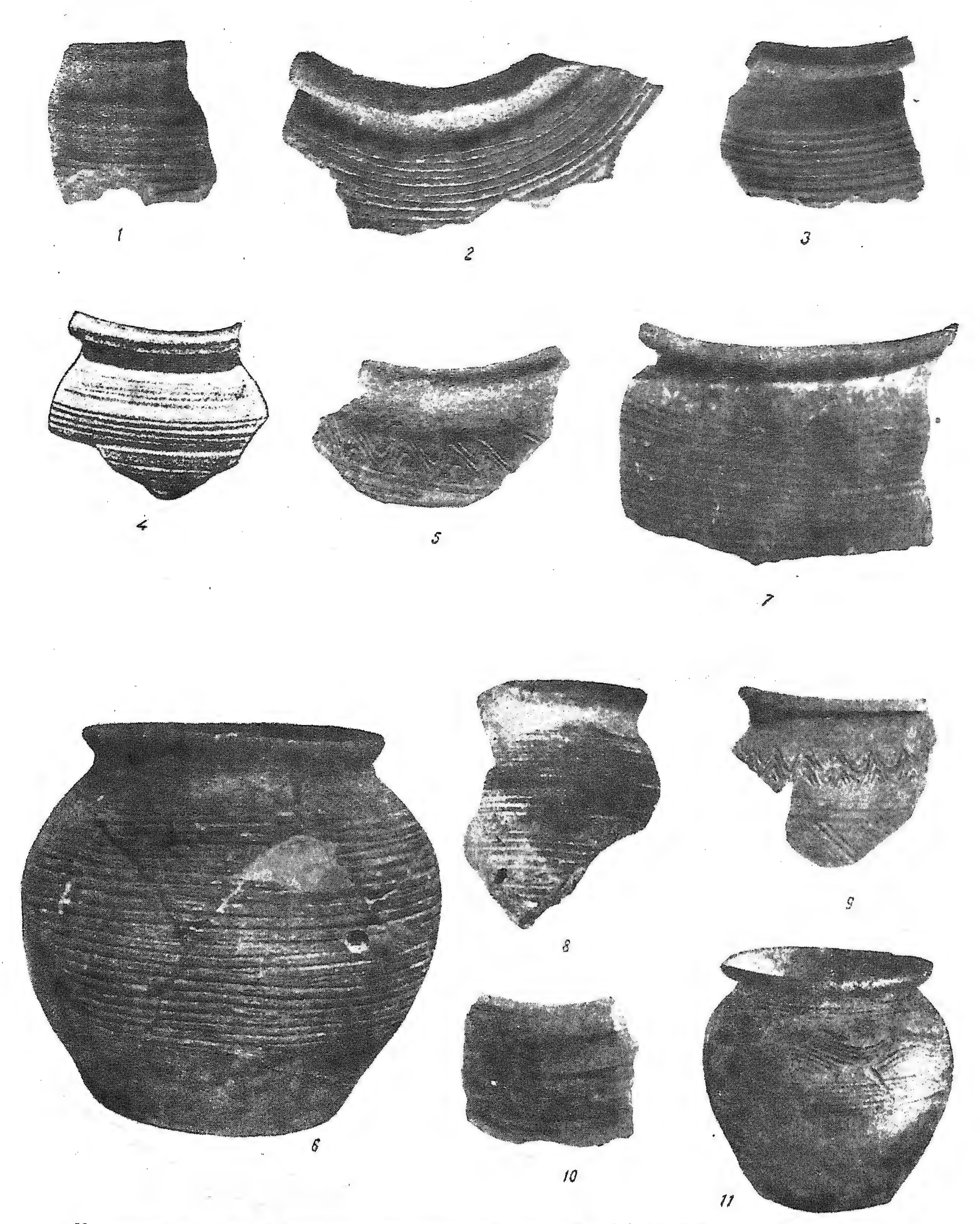
[6] Коллекция ИИМК АН.

[7] Коллекции Краснодарского, Ростовского и Воронежского краеведческих музеев.

[8] В 1937 г. научным сотрудником Херсонеского музея А. К. Тахтай при раскопках некрополя II—III ст. в подбое одного склепа (№ 4) было обнаружено впускное погребение, при котором оказался аналогичный горшок, орнаментированный врезной линией по всему корпусу и гребенчатой волной по плечику. Раскопками ИИМК и Керченского музея подобная керамика обнаружена в Тиритаке и Мирмекии.

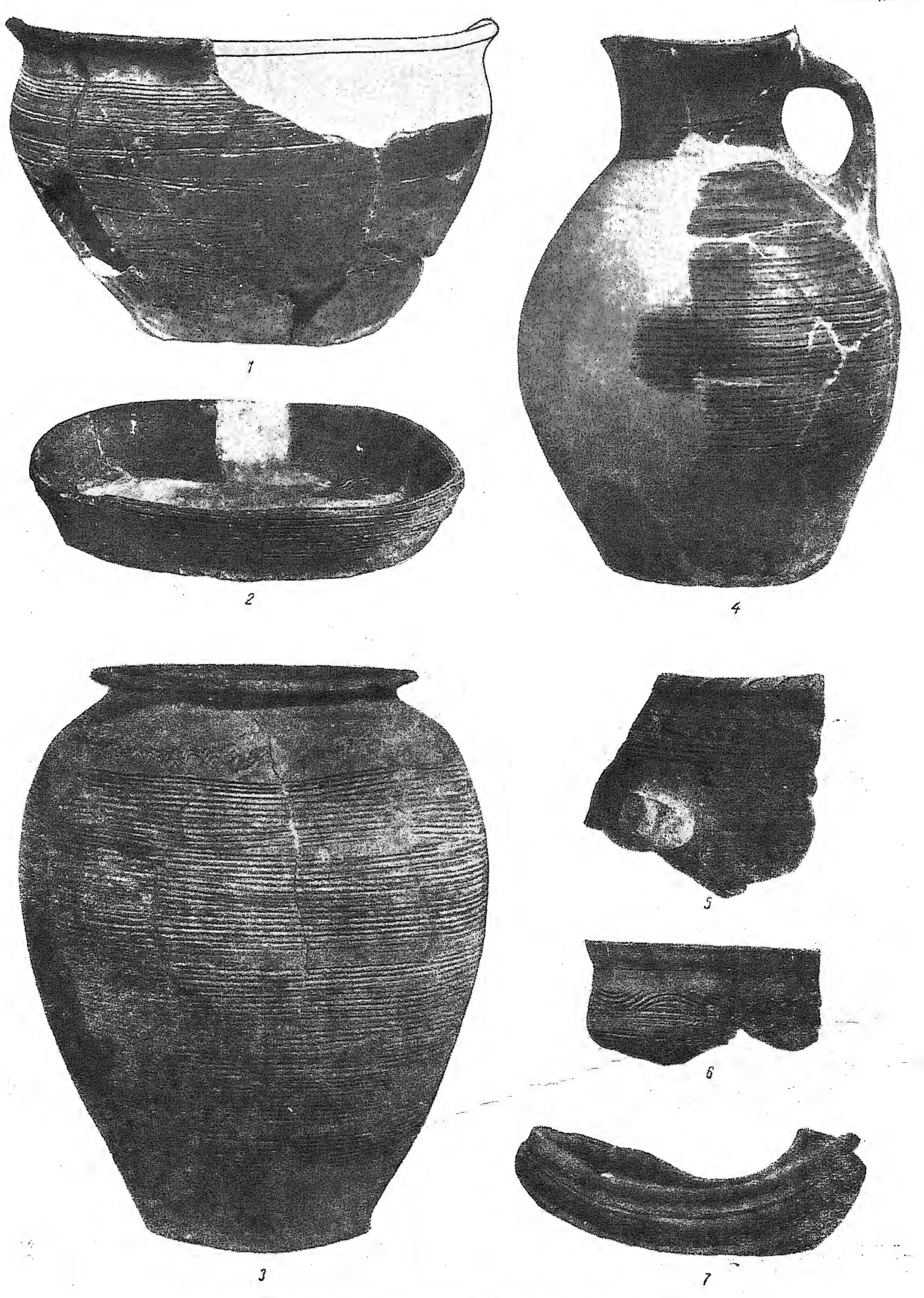
[9] Т. М. Минаева. Погребение Зацарицынского района, г. Сталинград. Сообщ. ГАИМК, 1932, вып. 3—4, стр. 63.

[1] Н. С. Барсамов, ук. соч., стр. 9.



Керамика с линейным и волнистым орнаментом из поселений юго-востока, Крыма и Нижней Волги.

1 — поселение № 1 на р. Псекупе (левый приток Кубани); *2* — поселение близ аула Тлюстенхабль; *3* — средневековый слой Таманского городища; *4* — поселение близ курорта Коктебель; *5* — левобережное Цымлянское городище (Саркел); *6* — правобережное Цымлянское городище [Белая Вежа(?)]; *7* — Маяцкое городище; *8* — поселение близ Саловки; *9* — из коллекции Воронежского музея (из района Воронежа); *10* — поселение Мирмекий, близ Керчи (средневековый слой); *11* — г. Сталинград, из случайно открытого погребения.



Типы сосудов с волнистым и линейным орнаментом.

1—4, *7*—правобережное Цымлянское городище [Белая Вежа(?)]; *5—6* — Таманское городище (средневековый слой).

напр., в так наз. „Средней" России. Глиняные сосуды, в частности, и по форме, и по размерам, и по технике были абсолютно тождественны сосудам из древних „славянских" поселений России... Вновь открытые древние селища по нижнему течению реки Кубани — исходные звенья исторического процесса будущей русской колонизации Причерноморья и Приазовья, звенья исторического процесса развития феодализма в нашей стране».[1]

В 1938 г. В. В. Мавродин повторяет версию Барсамова и Лунина уже в развернутом виде, исходя из тех же основ. «В то время (X в. *И. Л.*), — пишет он, — уже принадлежала Тмутороканскому князю Керчь-Корчев, следовательно, „русскими" были оба берега Керченского пролива, принадлежал, повидимому, и ряд других населенных пунктов восточного Крыма, вроде „Новгорода" — „Неаполя" — „Сатархи", что подтверждается находками в данном районе древнеславянской керамики X—XI вв.».[2] «Таманская экспедиция В. А. Городцева 1930 г., — утверждает он дальше, — также обнаружила наличие ряда поселений русского типа, тождественных Приднепровским, с характерной посудой среднерусского типа, датируемой X—XII вв...».[3] Наконец, в наиболее обобщенной форме эта мысль была высказана А. В. Арциховским в курсе археологии в связи с памятниками Тмутаракани. «Теперь, — говорит он, — камень уже не единственное доказательство, что Тмуторокань была на Тамани, что вообще здесь на далеком юго-востоке были русские поселения. Прежде всего в этих местах много вышеохарактеризованной древнерусской керамики (с волнистым и линейным орнаментом. *И. Л.*)... Но русские поселения заходили в глубь страны. Несколько городищ с названной керамикой открыты краснодарскими археологами на Кубани... На Крымском берегу тоже были русские поселения, хотя и в меньшем количестве, чем на Кубани. Недавно в курорте Коктебель раскопано городище XI—XII веков с древнерусской керамикой. Сосуды такие же, как в Киеве, Новгороде и т. д.».[4]

Как видно из изложенного, несмотря на слабую изученность археологических памятников, круг лиц, прибегающих к их использованию, из года в год все растет, что не только не способствует уяснению исторического процесса, протекавшего на юго-востоке, но даже запутывает его. Посмотрим, какова же на самом деле историко-археологическая действительность, не с точки зрения отдельных предметов, как, напр., горшков с волнистым и линейным орнаментом, а с точки зрения всей совокупности археологических данных.

[1] Б. В. Лунин. В поисках древнего Тмутараканя. Лит.-худ. журнал «На подъеме», 1935, № 3—4, Ростов н/Д., 1935, стр. 183—184.

[2] В. В. Мавродин, ук. соч., стр. 251.

[3] Там же, стр. 255.

[4] А. В. Арциховский. Лекции по археологии, ч. II. М., 1938, стр. 62—63.

2

Из числа средневековых поселений юго-востока письменные источники отмечают лишь два, в какой-то степени связанные с славянами, это — Тмутаракань XI ст., центр русского Тмутараканского княжества, место пребывания русского князя и дружины, центр одной из русских епископий, и Белую Вежу. Местоположение Тмутаракани большинством исследователей, и не без оснований, приурочивается к современному Таманскому городищу, хорошо известному с конца XVIII ст. благодаря случайной находке знаменитого Тмутараканского камня с надписью о деянии князя Глеба. Находка эта, вызвавшая в свое время к жизни длительнейшую и ожесточеннейшую полемику о подлинности камня, а в связи с этим и о местонахождении таинственного «Тмутороканя», как ни странно, не оказала совершенно никакого влияния на археологические изыскания.

В этом отношении большую роль сыграли поиски на городище казаком станицы Темрюк А. И. Тарапенко открытого ему в сновидении клада.

Кладоискательство Тарапенко, начатое им совместно с отцом и еще двумя казаками в 1824 г., не только не было приостановлено, но даже получило поддержку со стороны командовавшего черноморскими войсками генерал-майора Власова. В помощь Тарапенко было выделено 6 человек солдат. Работа с перерывами длилась около 20 лет, не раз покровительствуемая высшими чинами администрации края. Так командующий Кавказской линией генерал Вельяминов уволил находившегося в армии Тарапенко и еще двух его товарищей со службы специально для продолжения начатой им работы по отысканию клада на городище. Работу после смерти Тарапенко продолжил есаул Пуленцов. Поиски Пуленцова, как известно, окончились в 1845 г. находкой знаменитого клада золотых пантикапейских монет. После этого городище на некоторое время привлекло к себе внимание. Однако главный упор был сделан на исследование не средневекового периода, а на более раннее время, античность преимущественно.

В 1848 г. были произведены раскопки Фирковичем. Материалы раскопок, повидимому, совершенно не сохранились. До нас дошло всего лишь несколько строчек из его описаний «Археологических разведок на Кавказе».[1] «Главная моя цель, — писал он, — состояла в исследовании древностей, относящихся к древней жизни евреев... После нескольконевных усиленных трудов раскопки, добрались мы до остатков подземных сводов; но дальнейшее исследование, по причине недостатка в рабочих людях и ограниченности других средств, я принуж-

[1] К. К. Герц. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове. Древности, Тр. МАО, т. VI, вып. 1—3.

ден был отложить до другого, более благоприятного времени. Мне кажется, что эти своды составляли подвальную часть какого-нибудь огромного здания или храма языческого, а может быть и монастыря св. Никона, о котором, кроме устных преданий, упоминается в патерике, что он жил в Тамани во время князя Черниговского Святослава Владимировича». [1]

Более серьезные исследования городища были произведены в 1851—1852 г., под руководством директора Керченского музея К. Р. Бегичева по поручению графа Перовского, тогдашнего министра уделов, в ведении которого находились археологические изыскания. Несмотря на большие затраты и большой объем работ (в 1852 г. было вскрыто около 130 кв. саж.), ни Бегичев, ни граф Перовский раскопками довольны не были. Особенно же отрицательно отнесся к дальнейшему исследованию городища новый директор Керченского музея А. Е. Люценко, который после обследования памятников Таманского полуострова писал графу Перовскому, что расследование насыпей в Тамани, на берегу пролива, где была старая турецкая крепость, следует считать совершенно оконченным и не подающим никаких надежд на открытия. [2]

Хотя Перовский в принципе и не был согласен с Люценко, тем не менее от дальнейших раскопок воздержался, перенеся их до более удобного времени.

В 1868 г., через 16 лет после раскопок Бегичева, Тизенгаузен возобновил раскопки Таманского городища. Исследователь поставил перед собою вполне ясную цель: «разъяснение вопроса, действительно ли здесь, как полагают, находилась древняя Страбонова Корокондама и позднейшая Тмуторокань». [3] Ответа на поставленные вопросы в своих раскопках автор не нашел. «Все однакоже, что мне удалось найти, ограничилось фундаментами разрушенных каменных строений и бассейнов», писал он в том же письме к Герцу. Тем не менее Тизенгаузен считал, что «Городище это, впрочем, заслуживает дальнейшего расследования». [4]

Однако заключение Тизенгаузена осталось забытым и надолго. После его работ прошло более шестидесяти лет, прежде чем раскопки были предприняты вновь в 1930—1931 гг. Таманской экспедицией ГАИМК.

«Неудачу» раскопок XIX ст. следует объяснять, главными образом, тем низким уровнем состояния археологии, на котором она находилась в России до конца XIX ст., особенно в области исследования поселений. Даже в случаях, когда исследователи, как Тизенгаузен, отчетливо ставили перед собою цель в своих археологических изысканиях, то и тогда они оказывались в конечном итоге не в состоянии справиться с полученными материалами и свести концы с концами.

В 1930 г. экспедицией ГАИМК было предпринято первое обследование Таманского городища и одновременно произведены разведочные раскопки в целях выявления стратиграфического облика городища. Вскрытый культурный слой в центральной части береговых обнажений мощностью около 9 м дал богатую, четкую картину культурных напластований беспрерывного существования жизни поселения со времени классической древности (VI—V ст. до н. э.) вплоть до сегодняшнего дня. Правда, на большей части территории раскопа отложения позднее XIII ст. почти не сохранились, они оказались снятыми в наше время на изготовление самана.

Отложения носят совершенно спокойный характер. Отсутствуют и сколько-нибудь значительные позднейшие нарушения. Совокупность этих данных делает городище особенно ценным в деле изучения стратиграфии поселения. [1]

Четкость стратиграфии, прослеженная раскопками 1930 г., была отмечена и раньше. Так об этом писал К. К. Герц при характеристике раскопок Бегичева. В насыпи он различал три слоя, «резко отделяющихся один от другого цветом и составом частей наносной земли». Самый нижний слой Герц рассматривал как эллинский, второй он считал турецким, исходя из формы сосудов и типа погребений, а третий (верхний) относил к недавнему происхождению. [2] Выводы Герца в деталях увязки культурных отложений с определенными народами во многом не совпадают с выводами экспедиции ГАИМК 1930 г. [3] Это и не удивительно. За прошедшие 80 лет со времени раскопок Бегичева до раскопок ГАИМК 1930 г. археология далеко шагнула вперед, особенно в деле изучения поселений, но самый факт отмечаемого наличия резко выраженной стратиграфии поселения был подмечен, как видно из новейших данных, совершенно верно.

В 1931 г. работа Таманской экспедиции ГАИМК была продолжена. На территории Таманского городища она была посвящена исследованию исключительно средневековых культурных отложений, исходя из данных стратиграфии, полученных при раскопках 1930 г. Раскоп был заложен у берега моря, примыкая восточной стороной непосредственно к раскопу 1930 г., а западной к одному из раскопов XIX ст., возможно, к раскопу Пуленцова или Бегичева. Площадь заложенного раскопа равнялась 250 кв. м,

---

[1] А. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе. Зап. Археол. общ., т. IX, 1857, СПб.

[2] К. К. Герц, ук. соч., стр. 52.

[3] В. Тизенгаузен. Новейшие археологические раскопки на Таманском полуострове (Письмо к К. Г. Герцу) Древности. Тр. МАО, т. II, вып. 1.

[4] Там же, стр. 40.

[1] А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 1 (январь), стр. 26—29.

[2] К. К. Герц. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове. Древности, т. VI, вып. 2, стр. 97—98.

[3] А. А. Миллер, ук. соч., стр. 29.

но на нижнем горизонте она была сведена к 74 кв. м. Мощность средневековых отложений доходила до 4 м.[1]

Вещественный материал, вскрытый раскопками, небогат. Это вполне соответствует спокойному стратиграфическому облику городища, наблюдаемому на всем протяжении его существования. Основную массу находок составляют фрагменты керамических изделий; в небольшом количестве вещи из металла и кости. Очень плохо сохранились постройки в силу специфичности материала, из которого они были построены (саман). Монетные находки также незначительны. Дать картину жизни средневекового поселения на основе этих материалов весьма трудно. Но нас в данный момент в раскопках Таманского поселения не эта сторона и интересует.

Таманское городище имеет другую, не меньшую ценность. Оно дает четкую картину спокойных культурных отложений длительного беспрерывного своего существования без «сколько-нибудь значительных позднейших повреждений», чего мы не находим в раскопках других средневековых поселений юго-востока (весьма близких по своему культурному и хронологическому облику к Таманскому поселению). В нашем распоряжении оказываются богатейшие возможности для выявления взаимосвязи (относительной хронологии) между отдельными предметами (различными типами керамики и другим массовым бытовым инвентарем), собранными в большом количестве, как мы отмечали выше, различными лицами и организациями и в виде подъемного материала и при раскопках поселений с менее четким культурно стратиграфическим обликом. О ценности этого археологического материала мы говорить не будем. Значение его как исторического источника за последние годы возрастает не только в глазах историка-археолога, но и историка, работающего над письменными источниками.

Значение раскопок Таманского городища в изучении нашего вопроса ценно еще и тем, что для конца X—XI ст. городище засвидетельствовано письменными источниками (древнерусской летописью) как местопребывание русского тмутараканского князя, а тем самым в какой-то мере и русского населения. Поэтому при изучении вопроса о характере русских древностей на юго-востоке периода конца X—XI ст. археологические памятники городища этого времени могут явиться важным контролирующим моментом.

Исходя из этих данных, узловыми вопросами исследования материалов средневекового Таманского поселения мы ставим вопросы хронологии как относительной, так и абсолютной. Если для решения первой мы располагаем достаточным массовым материалом и четкой стратиграфией, то для второй в нашем распоряжении имеется очень мало непосредственно датирующего материала.

В силу этого вопрос о хронологических границах средневекового поселения, вскрытого раскопками 1930—1931 гг., мы решаем на основе совокупности всех археологических данных и в первую очередь на основе массового материала быта (предметов украшения, керамики), а также привлечения аналогичного материала из других поселений и могильников, уже достаточно изученных.

Начнем с керамики, с этого наиболее богато представленного на городище массового материала. Несмотря на то, что большинство ее составляют не цельные сосуды, а фрагменты, все же имеется возможность достаточно полно восстановить ее общий облик, а также и отдельные типы.

Ведущее место (до 90% всего состава) принадлежит керамике, сделанной на гончарном круге. Процент лепной весьма незначителен.[1] По качеству теста преобладают сосуды из хорошо отмученной, плотной глины, без каких-либо посторонних примесей, с ровным сильным обжигом, красным и оранжево-красным цветами. По своему назначению главное место принадлежит сосудам для хранения продуктов (как жидких, так и сыпучих) — амфорам, высоким кувшинам, пифосам. Именно они отличаются наиболее высокой техникой выделки и качеством глины. В составе этой группы встречаются сосуды, стенки которых изнутри покрыты тонким блестящим слоем смолистого вещества.[2] Назначение этого слоя, по всей вероятности, сделать сосуд неспособным к пропусканию (или впитыванию) жидкостей через стенки.

Посуда кухонная (по терминологии киевских археологов «копченая»), как правило, сделана из худших сортов глин с примесью песка, толченых ракушек и т. д. Тесто ее пористое, обжиг значительно слабее, чем у сосудов для хранения продуктов, цвет преимущественно серый или темносерый.

На основе совокупности данных раскопок 1930—1931 гг., а также аналогичного материала из раскопок других поселений, нам представилась возможность выделить из всего многочисленного средневекового керамического материала следующие основные керамические типы, которые широко бытовали в обиходе средневекового обитателя Таманского поселения:

1) черные и серые сосуды с лощением (салтовского типа) (табл. III, *6*);

2) пифосообразные сосуды, орнаментированные врезной волной и линией (табл. III, *1*);

[1] А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК 1931 г. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 3—4, стр. 58. — Рукоп. архив ИИМК, д. № 777/1931 г., черт. № 8.

[1] К сожалению, экспедиция забрала не весь керамический материал, вскрытый раскопками, и вместе с тем не отразила в полевой документации (дневниках), какой принцип был положен в основу произведенного отбора.

[2] Согласно анализу, произведенному сектором археологической технологии ИИМК АН, отмеченное смолистое вещество «имеет сходные признаки с „живицей" (смолой, вытекающей из хвойных деревьев)».

3) кухонные сосуды из серой глины, различные по форме (горшки, плошки, жаровни и т. п.), сделанные на гончарном круге с линейным и волнистым врезным орнаментом (называемые славянскими) (табл. III, *3—4*);

4) яйцевидные туземные амфоры (салтовского типа) (табл. III, 2);

5) кувшины с высоким горлом (раструбом) (табл. III, *5*);

6) горшки, сделанные на гончарном круге с одной ручкой (табл. IV, *10*);

7) амфоры с низким горлом и широкими ручками (круглодонные) (табл. IV, *5*);

8) пифосы (табл. IV, *6—7*);

9) лепные горшки (табл. IV, *1—4*);

10) амфоры с низким горлом и высокими ручками (табл. IV, *9*);

11) поливные сосуды, различные по форме и технике изготовления (табл. IV, *8*).

Большинство этих типов для археологов не является чем-то новым. Они хорошо известны по материалам средневековых поселений и могильников Подонья, Приазовья, Кубани и Крымского полуострова. Многие из них даже имеют достаточно твердую датировку. Но вместе с тем необходимо отметить, что взаимосвязь между ними изучена мало.

В соответствии с установленной нами классификацией мы разобрали весь керамический материал из раскопок 1931 г.[1] по типам и на основе полевых записей (дневников)[2] проследили их связь с культурными отложениями, а вместе с тем, конечно, и сосуществование отдельных типов одного с другим. Другими словами, попытались установить относительную хронологию.

Уже в ходе работы, когда мы следовали от нижнего горизонта раскопа к поверхности, стала достаточно ясно проявляться определенная закономерность в размещении отдельных типов. Было замечено, как на различных горизонтах исчезали одни типы и появлялись другие, как по мере исчезновения одних и появления других изменялся и общий облик комплекса. Эти наблюдения о связи отдельных типов керамики с культурными напластованиями мы свели в прилагаемую таблицу.[3] Они достаточно убедительно показывают, что хронологически средневековая керамика Таманского городища не является единым целым, что мы имеем здесь дело с керамикой двух достаточно ясно выраженных хронологических периодов: 1) раннего, представленного комплексом, состоящим из: а) сосудов с лощением салтовского типа; б) пифосообразных

Таблица залегания керамики Таманского городища из раскопа 1931 года (средневековые слои)

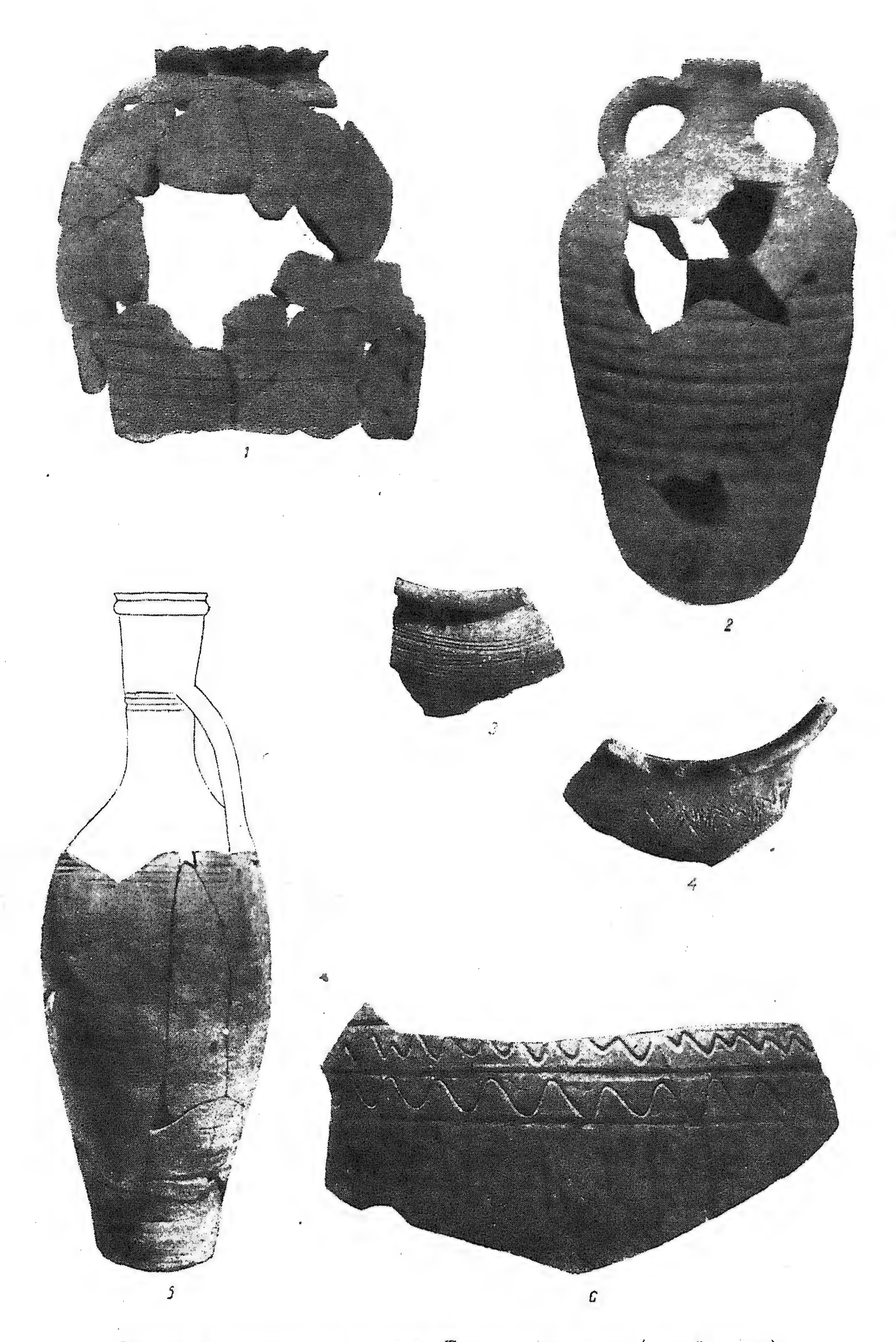
№№ п/п	Наименование типов сосудов	Общее число фрагментов	Глубина залегания (от нулевой точки): от 0 до 0,50 м	от 0,5 до 1 м	от 1,0 до 1,5 м	не свыше 1,5 м (точных данных нет)	от 1,5 до 2 м	от 2 до 2,5 м	от 2,5 до 3 м	от 3 до 3,5 м	от 3,5 до 4 м	свыше 4 м	Данные отсутствуют	% залегания ниже 1,5 м
1	Сосуды с лощен., салт. типа	22	—	—	—	1	—	3	6	3	4	5	—	95
2	Пифосообразные сосуды	10	—	—	—	—	1	2	6	1	—	—	—	100
3	Кухонные сосуды из серой глины с линейн. и волн. орнам.[1]	70	4	2	5	3	15	20	11	4	3	2	1	78
4	Яйцевидн. амфоры салт. типа	53	3	2	3	5	5	7	13	4	6	4	1	73
5	Кувшины с высок. горлом	178	3	9	19	27	35	33	17	8	—	1	26	53
6	Горшки кухонные с одной ручкой	37	4	10	11	4	6	1	1	—	—	—	—	21
7	Амфоры с низким горлом и широкими ручками	36	4	10	6	6	3	—	2	1	—	—	3	17
8	Пифосы	48	14	12	7	8	4	1	1	—	—	1	—	15
9	Кухонные горшки лепные	49	15	5	9	10	1	4	—	—	2	—	3	14
10	Амфоры с низким горлом и высокими ручками	29	4	6	5	11	1	2	—	—	—	—	—	10
11	Поливные сосуды	106	58	12	1	28	1	3	—	—	—	—	3	4

[1] Так наз. славянские.

[1] Коллекция материалов из раскопок Таманского городища 1931 г. хранится в доклассовом отделении Гос. Эрмитажа, № 1260.

[2] Полевая документация раскопок Таманского городища 1931 г. и переписка, связанная с раскопками, хранятся в рукописном архиве ИИМК АН, д. №№ 777 и 778/1931 г. Дневники раскопок, д. №№ 860 и 861/1931.

[3] Замеры глубин приведены к нулевой точке (пикет а²), принятой условно при нивелировке городища (рукоп. архив ИИМК, д. № 860/1931, стр. 23, и № 777, черт. № 8).



Керамика средневекового поселения Таманского городища (ранний период).

1 — фрагмент пифособразного сосуда; *2* — туземная амфора (салтовского типа); *3—4* — фрагменты горшков с линейным и волнистым орнаментом; *5* — кувшин с высоким горлом; *6* — фрагмент сосуда с лощением (салтовского типа).

сосудов; в) яйцевидных (так. наз. туземных) амфор; г) кухонных сосудов с линейным и волнистым орнаментом и д) кувшинов с высоким горлом и плоской ручкой (табл. III); 2) позднего, представленного комплексом из: а) горшков с одной ручкой, б) амфор грушевидной формы с низким горлом и широкими ручками; в) таких же амфор с ручками, подымающимися над горлом; г) пифосов, д) лепных горшков и е) поливной керамики (табл. IV). Стратиграфическая граница культурных отложений этих периодов проходит на горизонте от 1.5 до 2 м от поверхности. Она четко прослеживается не только по различию в керамике, но и по ряду других признаков: строительным комплексам, внешнему облику культурных отложений и т. д. Именно в пределах этого горизонта (от 1.5 до 2 м) отмечены остатки каменных фундаментов ряда построек (в том числе одного большого жилого дома) почти на всей площади раскопа. Начиная от этой линии горизонта кверху, появляются впервые в качестве строительного материала такие породы камней, как, напр., александровский гранит (из-под Киева), которые совершенно отсутствовали в предшествующих культурных отложениях и которые, вместе с тем, не являются местными породами.

Выявив таким путем относительное хронологическое местоположение керамических типов, их взаимную связь между собою, а тем самым и общий облик отдельных керамических комплексов, и установив на основе этих данных наличие двух хронологических периодов в жизни средневекового поселения, перейдем к рассмотрению деталей каждого из них и решению вопроса об их абсолютной хронологии и культурном облике, используя и прочий вещественный материал.

Выше мы уже отмечали, что керамический материал средневекового Таманского поселения не является для юго-востока чем-то новым, особенным. Некоторые типы даже не просто известны, но и хорошо датированы многократными совместными находками монет. Благодаря последнему обстоятельству (наличию твердых хронологических границ) эти типы керамики делаются сами хорошим датирующим материалом, способным помочь разобраться в хронологии городища. Так, при решении вопроса об абсолютной хронологии раннего периода являются ценными сосуды с лощением салтовского типа. Эта керамика на юго-востоке имеет широкое распространение. Наиболее ярко она представлена в катакомбных могильниках Салтова, Маяцкого, Саловского (Подгоровка) и других аналогичных поселений. Неоднократные находки совместно с монетами (преимущественно арабскими диргемами) VII—X ст. дали возможность установить достаточно устойчивые хронологические границы для этой группы керамики.[1] Встречена она и в материалах поселений, связанных с этими могильниками, хотя и в меньшем количестве и в то же время в более худшей сохранности (преимущественно в фрагментах сосудов и лишь изредка цельные сосуды).[1] Не менее широко она представлена в аналогичных могильниках Северного Кавказа (Чми, Балта), где также ей сопутствовали восточные монеты VII—X ст.[2] В границах этого времени найден сосуд такой же техники (датируемый золотой византийской монетой VIII ст.) в погребении около коммуны Искра, вблизи Таманского городища, открытом летом 1931 г. А. П. Кругловым.[3]

С монетами более позднего времени находки керамики этого типа пока неизвестны, что дает полное основание утверждать, что хронологические рамки ее бытования достаточно устойчивы.

Есть несколько твердых дат для туземных амфор и кувшинов с высоким горлом из первого комплекса. В раскопках Херсонеса 1937 г. в складочном помещении, хорошо датированном монетами IX—X ст., найденными на полу, было обнаружено большое количество сосудов этих типов.[4] Раскопками П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова аналогичная керамика была вскрыта в Боршевском городище, в верховьях Дона. Хронологические рамки этого поселения определяются также достаточно твердо пределами VIII—X ст.[5] Эти согласные данные для различных, хотя и не всех, керамических типов одного и того же керамического комплекса дают нам полное основание считать их вполне убедительными, а тем самым и датировать этот период границами VIII—X ст.

Для решения вопроса об абсолютной хронологии раннего периода жизни средневекового поселения Таманского городища не менее существенное место, чем датированные отдельные керамические типы, должны занять поселения и могильники юго-востока с аналогичным керамическим комплексом, имеющие достаточно установившуюся твердую датировку. К числу их

---

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС, т. I, М., 1905. — В. Бабенко. Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове. Тр. XIII АС, т. I, стр. 381—418. — В. Бабенко. Новые систематические исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника 1908 г. Тр. XIV АС, т. III, стр. 216—237. — В. Бабенко. Продолжение систематических раскопок в Верхнем Салтове. Тр. XIV АС, т. III, стр. 238—254. — В. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России. Тр. XV АС, т. I, стр. 435—480.

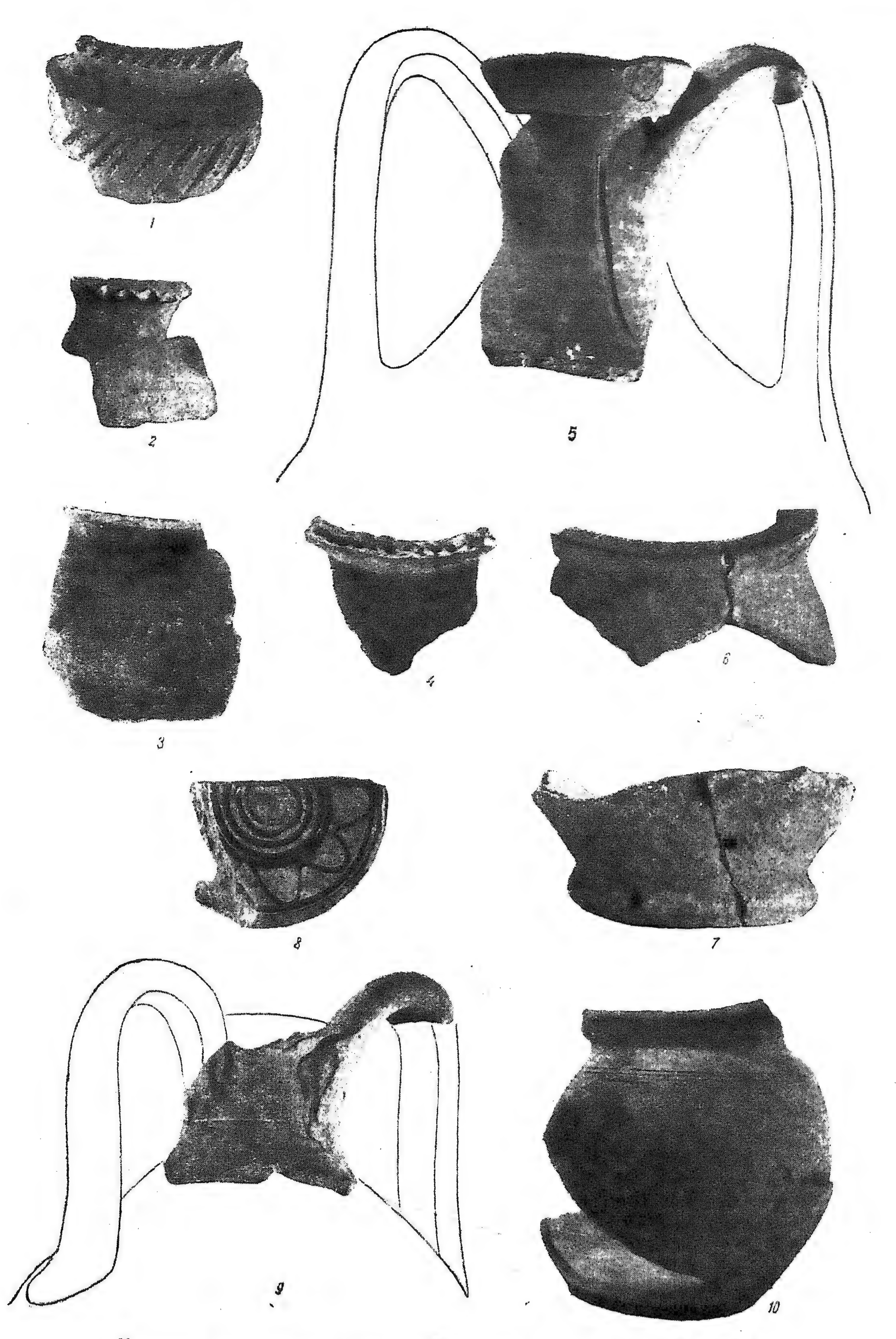
[1] В. Бабенко. Памятники хазарской культуры..., стр. 469. — ОАК, 1890, стр. 117. — А. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище. Изв. Археол. ком., вып. 29, СПб., 1909, стр. 153—163. — Коллекция керамики из раскопок А. Милютина хранится в Воронежском музее. Коллекция керамики из поселения близ Саловки — в Воронежском обл. музее. — М. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Лгр., 1935, стр. 54—55. — Рукоп. архив ИИМК АН, д. № 7/1865 г., № 23/1890 г.

[2] Материалы по археологии Кавказа, т. VIII.

[3] Дневник, стр. 240—241. Рукоп. архив ИИМК, 1931, д. № 777.

[4] Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1937 г., стр. 74 (рукопись в делах Херсонесского музея).

[5] Коллекция керамики из поселения близ с. Боршева, Воронежской обл., — в Гос. Эрмитаже, № 786.



Керамика средневекового поселения Таманского городища (поздний период).

1—4 — фрагменты лепных горшков; *5* — фрагмент амфоры с широкими ручками; *6—7* — фрагменты (венчик и дно) пифоса; *8* — фрагмент поливного сосуда; *9* — фрагмент амфоры с высокими ручками; *10* — фрагмент горшка с ручкой.

прежде всего следует отнести Салтовское поселение и могильник.

Несмотря на отсутствие сводной характеристики керамики этих памятников, восстановить ее облик можно достаточно полно. Керамика Салтова, как уже отметил в свое время М. И. Артамонов,[1] значительно разнообразнее и богаче, чем она представлена в публикациях. Наряду с лощеными сосудами и яйцевидными амфорами, хорошо известными по отчетам В. Бабенко, А. Н. Покровского и др., в ее составе большое место занимают пифосообразные сосуды. Можно, наконец, говорить уже не предположительно, как это делает М. И. Артамонов, и о наличии сосудов с линейным и волнистым орнаментом (так наз. славянских)[2] (рис. 1). Таким образом, в

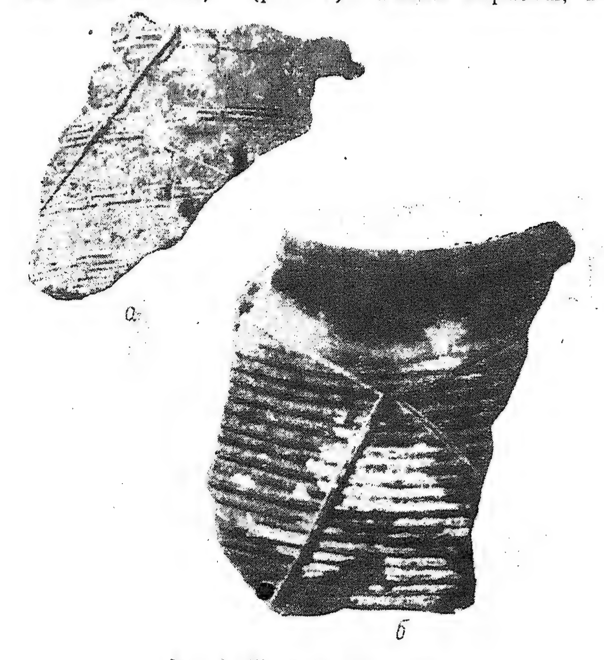


Рис. 1. Керамика Салтова.
а — фрагмент пифосообразного сосуда; *б* — фрагмент горшка с линейным орнаментом.

составе керамики Салтова имеются почти все типы, свойственные керамическому комплексу раннего средневекового периода Таманского городища. Исключение составляют лишь кувшины с высоким горлом. Говорить об их отсутствии в составе керамики Салтова до детального изучения последней нет никаких оснований.

Интересна еще одна деталь в близости раннего керамического комплекса Таманского городища с керамикой Салтова. Мы имеем в виду наличие в обоих памятниках сосудов-кувшинов типа энохойе. Какое место занимали они в обиходе Салтова, сказать трудно. Судя по публикациям, небольшое.[3] В керамике раннего периода Таманского поселения они представлены всего лишь несколькими фрагментами, так что при

[1] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 52.
[2] Фотоархив ИИМК, III/№ 11000.
[3] А. А. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 482 (могила № 23), табл. XXIV, *109* и *119*.

рассмотрении керамики поселения мы даже не нашли нужным выделить их. Но в данном месте мы считаем необходимым этот штрих подчеркнуть как весьма характерный.

Близкую аналогию раннему комплексу мы находим в керамическом комплексе хазарского периода левобережного Цымлянского городища (Саркела). Особый интерес керамического комплекса последнего состоит в том, что он был выявлен не из данных стратиграфии городища, а путем весьма кропотливого, всестороннего изучения керамического материала ряда средневековых поселений бассейнов Дона, Кубани и Приазовья. По определению автора, комплекс «состоит из гончарной серой керамики типа степных городищ, черноглиняных сосудов с шлифованными или орнаментированными блестящими полосками поверхностями и яйцеобразных амфор с довольно высоким горлом, с ручками, расходящимися в стороны от верхнего края горла».

Если учесть, что «серая керамика типа степных городищ» охватывает собою, судя по данным автора, горшки так наз. славянского типа и пифосообразные сосуды, то в составе керамического комплекса этого периода левобережного городища по сравнению с ранним комплексом Таманского городища мы не находим, как и в комплексе Салтовского поселения и могильника, лишь кувшинов с высоким горлом и плоской ручкой. В материалах левобережного городища сосуды этого типа представлены в довольно значительном количестве, но скудость сравнительного материала не позволила автору найти им соответствующее место.[1] Раскопки последующих лет дали возможность выяснить, что они хронологически связаны именно с ранним комплексом.

Хронология хазарского периода левобережного городища (Саркела) не вызывает сомнений. Она хорошо нам известна по письменным источникам. Рамки ее — начало IX — вторая половина X ст.[2] Наметившиеся выше хронологические границы раннего периода средневекового поселения Таманского городища в этих данных находят полное подтверждение.

Наконец, прекрасную аналогию раннему керамическому комплексу Таманского городища можно указать в керамическом материале второго и третьего периодов жизни правобережного Цымлянского городища, раскопанного в 1939 г.[3] Здесь мы имеем все типы, представленные в раннем комплексе Таманского городища, хотя и в ином их количественном соотношении. Если в Таманском городище и в левобережном Цым-

[1] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 78—79.
[2] Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, вып. 91, М.—Л., 1934, стр. 20—21. — ПСРЛ, т. II, вып. 1, изд. 3, Пгр., стр. 54.
[3] И. И. Ляпушкин. Раскопки правобережного Цымлянского городища (Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, IV). Коллекция из раскопок хранится в ИИМК АН.

лянском преобладают количественно такие типы, как амфоры, кувшины с высокими горлами и им подобные, то в правобережном поселении наблюдается иная картина. Здесь ведущее место принадлежит типам узко бытового порядка — кухонным горшкам, сосудам с лощением и т. п. Помимо всех прочих причин, это явление, по всей вероятности, в первую очередь нужно связывать с типом поселения, значением поселения как торгового центра. Если левобережное городище (Саркел) и Таманское, как мы будем утверждать ниже, являлись крупными торговыми центрами, стоявшими на торговых путях, то правобережное городище никогда подобной роли не играло.

Время существования правобережного городища на основе совокупности всех данных (монетных находок, изделий из металла и т. д.) не выходит за рамки VIII—X ст.

Есть еще ряд поселений с аналогичным керамическим комплексом, таковы — Маяцкое, поселения близ Саловки и др.,[1] но мы не находим нужным останавливаться на них, полагая, что и приведенного вполне достаточно для понимания

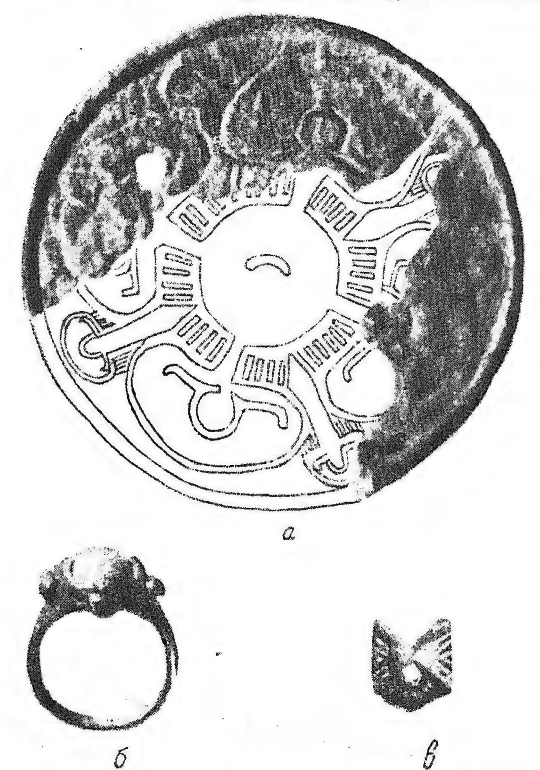


Рис. 2. Вещи из нижнего слоя средневекового поселения Таманского городища.

не только хронологического, но и культурного облика раннего периода Таманского поселения.

Явное тождество керамического комплекса раннего периода Таманского поселения с керамическим комплексом Салтовского поселения и близких к нему Цымлянских дает нам все основания говорить о принадлежности поселения

[1] Коллекции Воронежского музея.

этого периода к той же самой салтовской культуре. С последней сближают его и те немногие находки из металла, которые обнаружены в культурных отложениях раннего периода: металлическое зеркало (фрагмент) с растительным орнаментом, совершенно тождественное салтовским; металлическая бляшка от пояса, найденная вместе с ним, и т. п.[1] (рис. 2).

Интересной деталью, сближающей раннее средневековое поселение Таманского городища с хазарским периодом Саркела, является деревянный настил полов жилых построек, совершенно отсутствующий в более позднее время.[2] Это прослеживается и на материалах таманских раскопок и на материалах раскопок Саркела как 1934 и 1935 гг., так и раскопок 1936 г.

Итак, суммируя рассмотренные нами данные, мы имеем полное основание утверждать, что хронологические границы раннего периода средневекового поселения Таманского городища не выходят за рамки VIII—X ст. и что по своему культурно-историческому облику он принадлежит к так наз. салтово-маяцкой культуре, этнически все еще продолжающей оставаться загадкой.

Наметившаяся верхняя хронологическая граница раннего периода является достаточно прочным основанием для уяснения времени существования второго, хронологически более позднего периода, непосредственно следовавшего за первым. При таком положении вопрос о хронологии второго периода можно рассматривать как вопрос о верхней хронологической границе, считая нижнюю данной в виде верхней границы раннего периода (рубеж X—XI ст.).

В материалах раскопок, помимо керамики, для позднего периода вещей, которые могли бы быть в той или иной мере непосредственно датирующим материалом, столь же мало, как и для раннего периода. Из числа найденных в этом слое монет только одна является более или менее определимой и может служить некоторым основанием в решении вопроса хронологии. Монета найдена в нижнем горизонте культурных отложений позднего периода. По предположительному определению нумизматического отдела Гос. Эрмитажа это византийский фаллис конца IX — начала X ст.[3] Из других находок, хронология которых достаточно устойчива и не вызывает сомнений, нужно отметить три обручев-

[1] Коллекция Гос. Эрмитажа, № 1260. — Рукописный архив ИИМК АН, д. № 860/1931 г., стр. 95—96. — Коллекция вещей из Салтовского могильника в доклассовом отделе Гос. Эрмитажа. — В. Бабенко. Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове. Тр. XIII АС, т. I, стр. 386, рис. 108.

[2] А. Л. Якобсон. Жилища Саркела по данным раскопок 1934 — 1935 гг. (рукопись), стр. 20, 33. — А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 3—4, стр. 58. — Рукоп. архив ИИМК, д. № 860/1934 г., стр. 95—96, 104. — Отчет о раскопках близ ст. Цымлянской, стр. 3 (рукоп. архив ИИМК).

[3] Коллекция Гос. Эрмитажа (докласс. отд.), № 1260. Рукоп. архив ИИМК, д. № 861/1931, стр. 11.

ских шиферных пряслица, время которых определяется рамками XI—XII ст. (табл. V, *6—8*); ряд фрагментов (около 30 шт.) стеклянных браслетов, различных по цвету и форме, датируемых также XI—XII ст.[1] (табл. V, *1—5*). В культурных напластованиях первого периода эти вещи совершенно отсутствуют. Наконец, к числу вещей с твердой датировкой нужно отнести костяную пластинку (налучье) с родовым знаком Рюриковичей (трезубец)[2] (табл. V, *10*). Среди известных до сего времени знаков этой системы полной аналогии знаку на пластинке нет, но место его среди них, исходя из начертания и места находки, нам кажется, намечается вполне определенно. По начертанию он ближе всего стоит к знаку на серебре Ярослава[3] (рис. 3), по месту находки он связан с летописной Тмутараканью, первым известным князем которой был брат Ярослава Мстислав. Эти обстоятельства дают достаточно оснований для предположения о принадлежности этого знака Мстиславу Владимировичу, а тем самым и для определения хронологических границ налучья (конец X—начало XI ст).

Рассмотренные нами вещи из культурных отложений позднего периода хронологически не выходят за границы конца X—XII ст. и тем самым не только намечают хронологию позднего периода, но и подтверждают установленную выше верхнюю хронологическую границу (X ст.) раннего периода.

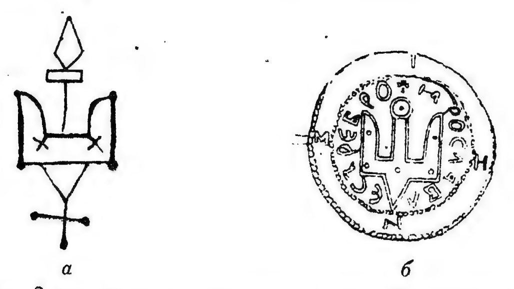


Рис. 3. *а* — знак на пластинке от лука из Таманского городища; *б* — знак Ярослава на серебре.

Обратимся теперь к керамическому комплексу позднего периода. По сравнению с ранним он значительно разнообразнее и по формам сосудов, и по технике их производства. Он менее однороден вообще. В смысле развития керамической техники в целом он шаг вперед (появляется поливная посуда); в деталях есть шаги назад. К последним принадлежит лепная керамика, почти совершенно отсутствующая в предшествующем периоде. Отдельные типы этого комплекса, как и типы раннего, широко распространены среди материалов юго-востока и Крыма, но для некоторых почти невозможно подыскать аналогии в этих районах. Таковы лепные горшки, горшки с одной ручкой, сделанные на круге. Еще труднее найти аналогию для всего комплекса в целом.

Наиболее близок в своем составе этот комплекс керамике левобережного Цымлянского городища, последнего, так наз. русского, периода его жизни (XI—XII ст.); описание ее мы находим в работах М. И. Артамонова, посвященных исследованию средневековых памятников юго-востока. В своей первой классификации, основанной преимущественно на подъемном материале, автор дает ей следующую, хотя и не совсем развернутую характеристику: «Второй комплекс включает в себя горшки, сходные с находками в русских поселениях и курганах (с волнистым и линейным орнаментом. *И. Л.*), грушевидные или конусообразные амфоры с низким горлом и некоторые другие качественно менее значительные типы керамики».[1]

Дальнейшие полевые исследования в основном подтвердили выдвинутую автором классификацию, но вместе с тем внесли и ряд поправок. Последние коснулись и места лепной керамики в составе материалов левобережного городища.[2]

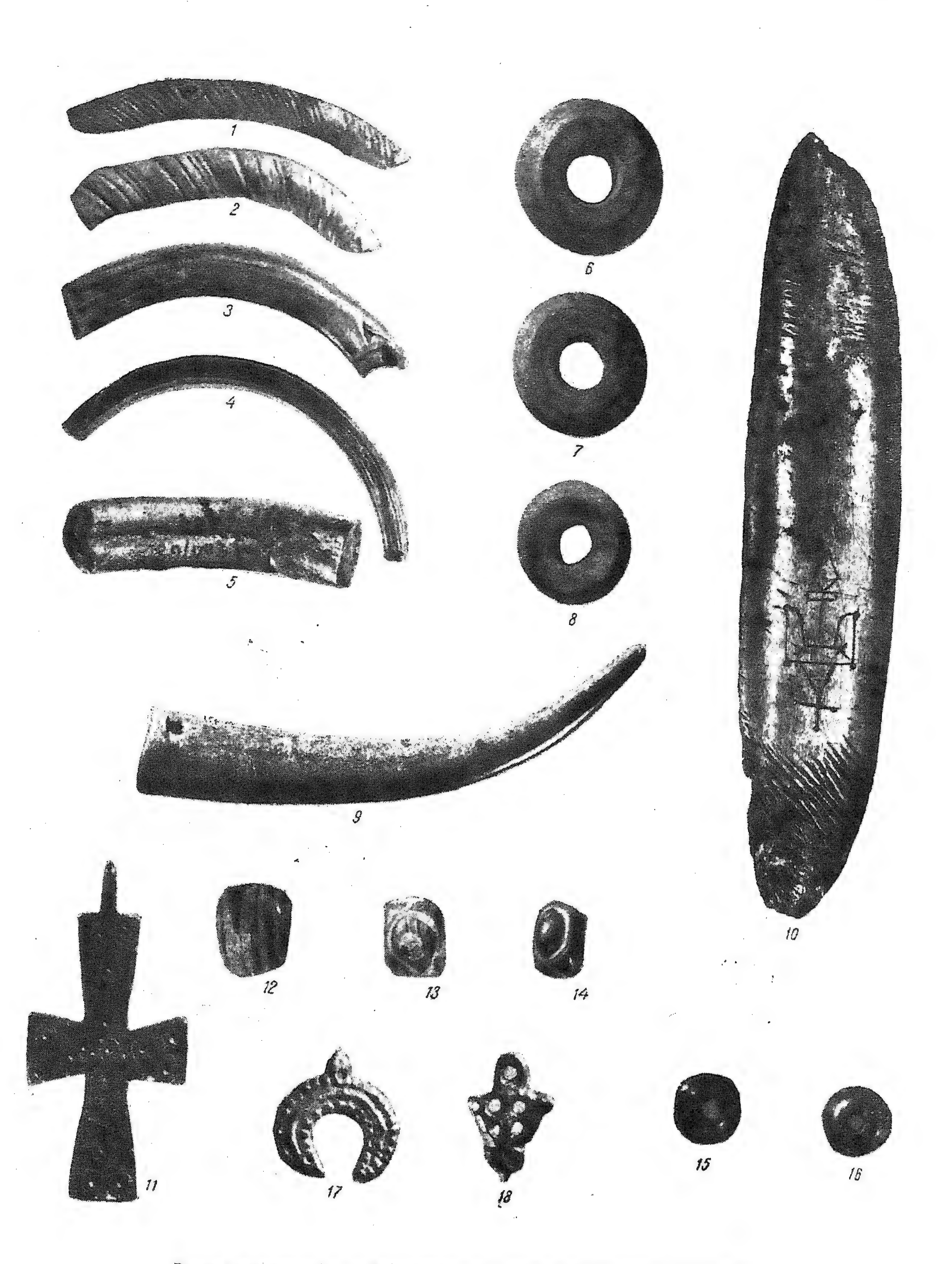
В своих первоначальных построениях автор исходил преимущественно из сравнительного изучения подъемного материала поселений Цымлянского района (левобережного, правобережного, у хуторов Среднего, Карнаухова, Потайновского). Отсутствие в составе керамики степных поселений [(у хут. Карнаухова и Среднего), хронологически увязываемых только с периодом салтово-маяцкой культуры (хазарским)] и в Потайновском городище (увязываемом только с русским периодом XI—XII ст.) лепной керамики и наличие ее в левобережном дало автору повод к утверждению существования в жизни городища, помимо ясно обозначившихся двух периодов, хазарского и русского, третьего (до-крепостного) с бытованием исключительно лепной керамики.[3] Последнюю автор рассматривал как «комплекс достаточно оригинальный, выросший на основе форм местной керамики римского времени, вобравших в процессе дальнейшего видоизменения ряд новых мотивов, связывающих ее с керамикой ранне-средневековых погребений и городищ».[4]

Раскопки внесли поправку в первоначальное суждение автора о хронологических рамках жизни городища. Они показали, что до построения крепости в начале IX ст. (834—837) на территории городища никакого поселения не было, и тем самым исключили так наз. «до-крепостной» период с бытованием исключительно лепной керамики. Вместе с тем в процессе работ представилась возможность еще раз проверить установленную ранее классификацию керамики в целом. Удалось установить, что лепная керамика в боль-

---

[1] Там же.
[2] Коллекция Гос. Эрмитажа (докласс. отд.), № 1260; Рукоп. архив ИИМК АН, д. № 860, 1931, стр. 76.
[3] И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты X—XI ст. Зап. РАО, т. VI, вып. 3—4, стр. 332, рис. 25.

[1] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 79.
[2] Отчет о раскопках близ ст. Цымлянской за 1934—1936 гг., стр. 10. Рукоп. архив ИИМК АН.
[3] И. И. Артамонов, ук. соч., стр. 26—27, 32—33.
[4] Там же, стр. 45.



Вещи из верхнего слоя средневекового поселения Таманского городища.

шей своей части связана преимущественно с культурными отложениями так наз. русского периода (XI—XII ст.) жизни городища,[1] что внесло существенное изменение и в общий керамический облик этого периода, рисовавшийся ранее как комплекс, состоящий исключительно из керамики, сделанной на круге.

Некоторые данные для датировки лепной керамики более поздним временем имелись и раньше, и автор делал попытку решения вопроса в этом направлении, но, будучи связанным очень узким кругом материала, довести до конца этот вопрос не имел возможности.[2] Имеются в виду прежде всего результаты сравнения лепной керамики левобережного Цымлянского городища с аналогичной лепной керамикой славянских поселений верхнего Дона и левобережья Днепра, показавшие, что эта керамика хронологически тяготеет к более позднему периоду, чем ее датирует автор. К сожалению, М. И. Артамонов имел возможность проделать это лишь для одной группы сосудов, орнаментированных зубчатым чеканом. Если бы материалы позволили продолжить изыскания в этом направлении, то уже тогда можно было бы заметить ошибочность конечных выводов, о которых мы говорили выше, что «лепная керамика Цымлянских городищ представляет комплекс достаточно оригинальный, выросший на основе форм местной керамики римского времени, вобравших в процессе дальнейшего видоизменения ряд новых мотивов, связывающих ее с керамикою раннесредневековых погребений и городищ».

Продолженное нами сравнение лепной керамики левобережного городища с лепной керамикой славянских поселений верхнего Дона, а также некоторых поселений левобережья Днепра на основе новых материалов, полученных при раскопках 1934—1936 гг., показывает, что даже на этом небольшом участке славянского мира, помимо керамики, орнаментированной зубчатым чеканом, мы можем отметить довольно большое число лепных сосудов, которые по технике изготовления, орнаментации и профилю оказываются совершенно аналогичными лепным сосудам левобережного Цымлянского городища. В табл. VI и VII мы приводим два параллельных ряда фрагментов этих сосудов: левобережного городища, с одной стороны,[3] и славянских поселений верхнего Дона [поселения у дома отдыха им. М. Горького (б. Кузнецова дача); поселения у д. Шилово и ряда других] — с другой,[4] которые достаточно убедительно говорят сами за себя. Оставляя в стороне характер орнаментировки и профилей, которые наглядно выражены на таблице, мы должны отметить, что и характер теста и весь внешний облик имеют поразительное сходство. Интересны здесь еще две детали, которые, помимо всех остальных сторон, особенно сближают левобережную Цымлянскую лепную керамику с керамикой славянских поселений: во-первых, наличие в ней в числе других форм сосудов так наз. тарелок или сковородок (?), широко распространенных в керамике славянских поселений как верхнего Дона,[1] так и левобережья Днепра,[2] и совершенно неизвестных среди керамического материала соседних культур: финской, культур Прибалтики, а также и юго-востока (табл. VI, *3* и *6*), и, во-вторых, в составе горшков левобережного городища мы находим те же два основных типа венчика: невысокий, более или менее отогнутый вовне, и прямой высокий, которые свойственны горшкам славянских поселений. Правда, если в условиях верхнедонских славянских поселений, а также поселений Приднепровья горшки с последним типом венчика хотя и обладают высокой техникой выделки, но все же остаются еще лепными, то в керамике левобережного городища и смежного с ним Потайновского они встречены сделанными на гончарном круге.[3]

Существенной чертой, отличающей керамику левобережного городища от славянских верхнедонских, является их тонкостенность. Последнее обстоятельство не должно нас удивлять, так как хронологически керамика левобережного городища все же более поздний этап по сравнению с керамикой верхнедонских поселений.

Другая сторона, отличающая лепную керамику левобережного городища от лепной керамики верхнедонских, да и ряда других (напр. Гочевского, Роменского) славянских поселений, — это разнообразие орнаментации, ее пестрота.

Собранные нами дополнительные данные вполне подтверждают правильность последних выводов М. И. Артамонова о месте лепной керамики в жизни левобережного городища[4] и вместе с тем служат лишним свидетельством для характеристики этнического облика левобережного поселения этого периода.

Если мы попытаемся теперь собрать все данные автора о керамическом комплексе русского периода левобережного Цымлянского городища, а именно учтем его замечания о составе группы грушевидных амфор,[5] в которую включаются не только амфоры с высокими ручками, но и амфоры с низким горлом и широкими ручками, и ознакомимся с группой «некоторых других, количественно менее значительных типов керамики», а также примем во внимание последние суждения автора о месте лепной керамики, то увидим, что общий облик керамического комплекса достаточно близок к облику комплекса

[1] Отчет о раскопках близ ст. Цымлянской за 1934—1936 гг., стр. 10. Рукоп. архив ИИКМ АН.
[2] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 43.
[3] Коллекция ИИМК АН.
[4] Коллекции Воронежского краеведческого музея.

[1] Там же.
[2] Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. Изв. АК, вып. 22, стр. 68. — Коллекции Курского музея из раскопок городища близ с. Гочева.
[3] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 49, рис. 28.
[4] Отчет о раскопках близ ст. Цымлянской за 1934—1936 гг., стр. 10. Рукоп. архив ИИМК АН.
[5] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 74.

Сравнительная таблица лепной керамики позднего периода левобережного Цымлянского городища (Саркела) и славянских поселений верхнего Дона и Приднепровья.

1—3 — левобережное Цымлянское городище; *4* и *6* — городище близ с. Гочево, Беловского района, Курской обл.; *5* — городище у дома отдыха им. М. Горького (близ Воронежа).

позднего периода Таманского городища, почти тождественен ему. Он состоит из: 1) поливной керамики, правда, количественно представленной здесь в гораздо меньших размерах, чем в комплексе Таманского городища, 2) амфор с высокими ручками; 3) амфор с низким горлом и широкими ручками; 4) горшков, сходных с находимыми в русских курганах и сделанных на круге; 5) лепных горшков; 6) пифосов.

В этом составе, по сравнению с поздним комплексом Таманского городища, отсутствуют лишь горшки с одной ручкой, вообще не находящие себе аналогий. По форме они близко подходят к горшкам с одной ручкой из славянских поселений Поднепровья, в частности из раскопок Киева (конец X—XI ст. и позднее),[1] но по качеству теста, присоединению ручки и некоторым другим деталям они отличаются от последних. Они имеют в составе глины большое количество примеси песка, отчего тесто их шершавое. Дно специально покрыто кварцевым песком. С этой стороны они очень близки к кувшинам с высоким горлом, но только стенки их значительно тоньше.

Есть еще одна сторона в позднем комплексе Таманского поселения, которая несколько отличает его от левобережного Цымлянского, — это то, что он менее выразителен и количественно и качественно. Это обстоятельство связано с тем, что насыщенность культурных отложений Таманского городища куда беднее, чем левобережного Цымлянского. Возможно, что немалую роль играет здесь и размер исследованной площади. Цымлянское городище исследовано значительно больше. Однако эти особенности комплекса Таманского городища настолько незначительны, что совершенно не являются препятствием к отожествлению его с комплексом левобережного городища.

Хронологические границы последнего, так наз. русского, периода жизни левобережного Цымлянского городища (Саркела) вещественные памятники[2] и письменные источники[3] определяют достаточно согласно — конец X—XII ст. Тождество керамического комплекса позднего периода Таманского городища с керамическим комплексом последнего периода левобережного городища дает нам основание датировать этот комплекс тем же периодом, т. е. XI—XII ст. Эти данные вполне совпадают с той хронологией, которая наметилась для позднего периода Таманского городища и по некоторым другим, разобранным нами выше, материалам.

Итак, анализ вещественных памятников раскопок средневековых отложений Таманского городища приводит нас к выводу, что ими (раскопками) охвачен период жизни поселения от VIII до XII ст. В рамках этого четырехсотлетия жизнь поселения не представляет единого целого, она членится на два периода (VIII—X ст., и XI—XII ст.), отличных друг от друга весьма ощутимо. Культурный облик первого из них по своей ясности не вызывает никаких сомнений. Можно с уверенностью утверждать, что обитатели Таманского поселения этого периода были носителями хорошо известной всем, но этнически пока не определенной, салтово-маяцкой культуры. Границы распространения этой культуры и хронологически и территориально стоят близко к хронологическим и территориальным границам Хазарского каганата. Облик второго периода менее четок, он расплывчат. Керамический комплекс этого периода включает в себя такие типы, которые в XI—XII ст. имеют широчайшее распространение не только на юго-востоке, но и в Крыму, и на Кубани, и на территории, занятой славянскими племенами почти вплоть до Новгорода.[1] Таковы амфоры с высокими ручками, поливная керамика. Широко бытуют некоторые другие вещи, относящиеся к этому периоду (стеклянные браслеты, шиферные пряслица).

Однако в составе вещей поселения этого периода есть такие, которые придают поселению специфические черты, несвойственные другим, внешне близким к нему. Эта специфичность придается ему наличием такой лепной керамики, какую мы совершенно не находим для этого периода среди памятников смежных районов — Крыма, Кубани (табл. IV, *1—4*). Очень близкое сходство на юго-востоке мы нашли лишь в материалах русского периода левобережного Цымлянского городища.

Анализ лепной керамики, этой специфической черты позднего периода Таманского городища, привел нас к выводам, что мы имеем дело с такими формами, которые находят широкий круг аналогий не на юго-востоке, а среди лепной керамики славянских поселений верхнего Дона и левобережья Днепра. Эти данные, в сочетании с другими вещественными памятниками этого комплекса, свойственными славянам (шиферными пряслицами, стеклянными браслетами, лунницей и т. д.) (табл. V), в сочетании с местом их находки (летописной Тмутараканью), хронологией (XI—XII ст.), позволяют видеть в лепной керамике, а также в сопутствующих ей перечисленных вещах хотя и слабо представленные, но все же археологические памятники славянского населения.

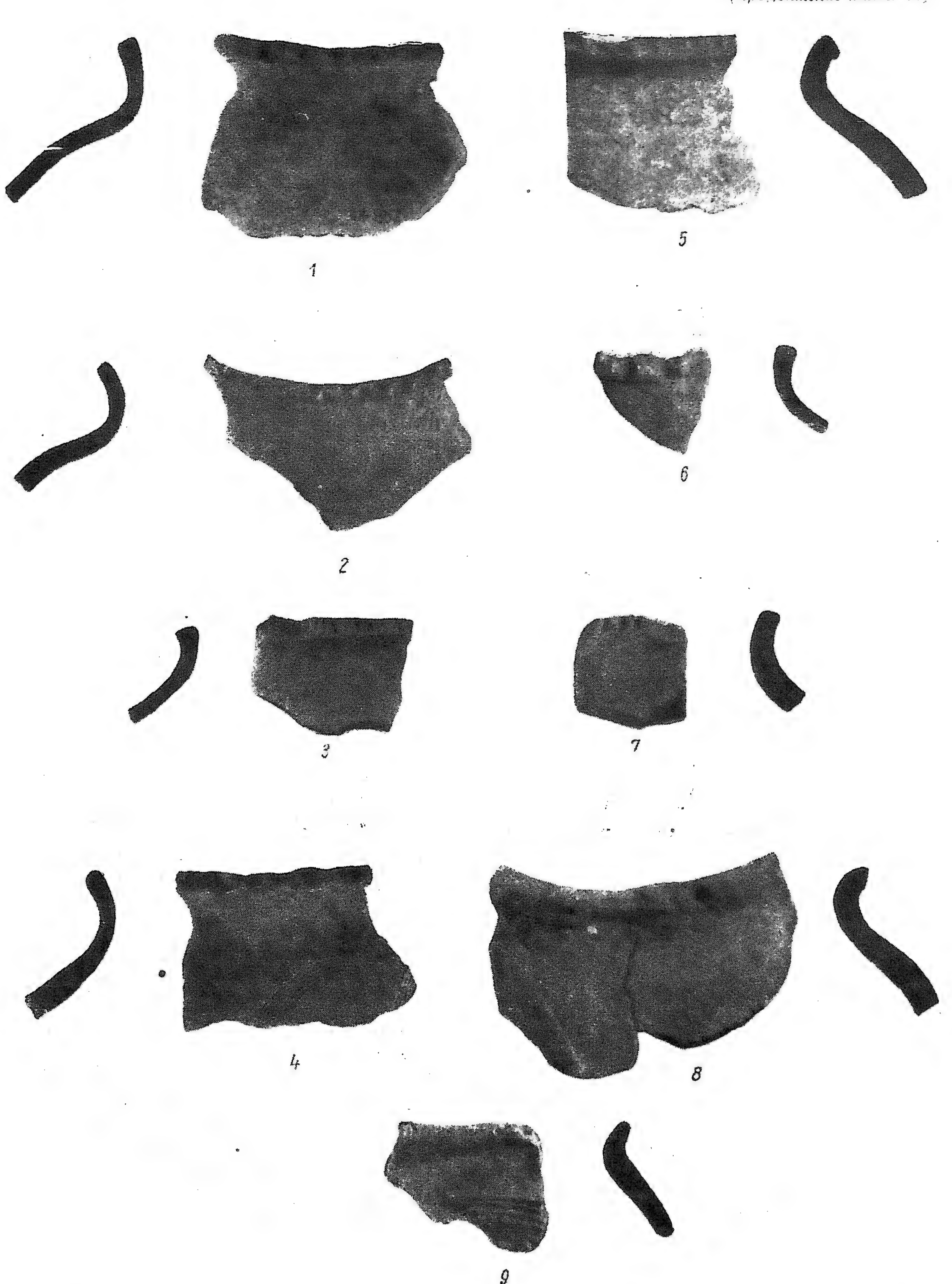
Помимо сходства этих вещей с вещами славянских поселений территорий верхнего Дона и Приднепровья, мы имеем еще и другие косвенные основания для утверждения принадлежности их славянскому населению. Время конца X—XI ст. для Таманского городища, как мы знаем, — время летописной древнерусской Тмутаракани. Об этом же свидетельствуют найденные здесь

[1] Раскопки М. К. Каргера 1939 г. на территории Киева. Коллекция хранится в ИИМК Укр. АН.

[2] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 79 и 87.

[3] ПСРЛ, II, вып. 1, изд. 3, Пгр., 1923, стр. 54, 281.

[1] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 75. — Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Севастополь, 1938, стр. 290, 298 и др., а также коллекции Краснодарского и Феодосийского музеев.



1—4 — левобережное Цымлянское городище (Саркел); *5—8* — городище у дома отдыха им. М. Горького (близ Воронежа); *9* — городище близ с. Гочево, Беловского района, Курской обл.

памятники: камень Глеба,[1] монеты Олега — Михаила, печати посадника Ратибора.[2] Из числа вновь найденных к этой группе следует отнести костяную пластинку от лука со знаком Рюриковичей (табл. V, *10*). Правда, все эти вещи, как отмечалось уже неоднократно, вещи дружинно-княжеского обихода, которые говорят о русском здесь княжестве, но не решают вопроса о русском народонаселении.[3] Тем не менее, всякий раз, когда встает вопрос о раннем заселении юго-востока славянами, прежде всего обращаются к этому району, территории бывшего Тмутараканского княжества. И это вполне естественно.

Сделанная в последнее время рядом исследователей попытка отыскать здесь следы пребывания славянского населения в памятниках материальной культуры массового порядка, таких, как керамика и другие предметы быта, принципиально безусловно правильна. К сожалению, этот путь до конца доведен не был на должной исследовательской высоте, а превратился в формальный поверхностный подход, что не могло не привести к порочным выводам. Таковы выводы А. В. Арциховского,[4] основанные на формальном признании керамики с линейным и волнистым орнаментом славянской, выводы В. В. Мавродина[5] и др.

Наше исследование массовых археологических материалов средневековых отложений Таманского городища, изложенное нами выше, вносит значительные поправки в понимание памятников славянской культуры на юго-востоке. Оно дает нам право утверждать:

1) что керамика, известная в литературе, благодаря сходству орнаментации (круговая врезная линия и волна), под именем славянской, на юго-востоке представлена не только кухонными горшками, как это имеет место в керамике собственно славянской, но и различными другими формами: сосудами с внутренними ушками, плошками, кувшинами и т. д. (табл. II);

2) что хронологические рамки бытования этой керамики на юго-востоке определяются VIII—X ст., т. е. временем, значительно более ранним, чем существование керамики, изготовляемой на круге и имеющей те же орнаментальные мотивы, на территории собственно славянской, где она ранее X ст. пока неизвестна;

3) что керамика эта является органически неотъемлемой частью керамического комплекса широко распространенной здесь, на юго-востоке, в VIII—X ст. так называемой салтово-маяцкой культуры, резко отличной от культуры восточного славянства как по своему вещественному материалу, так и общему облику поселений и характеру захоронений;

4) что тмутараканский период (XI ст.) Таманского городища характеризуется совершенно иным керамическим комплексом, весьма сложным по составу, как по формам сосудов, так и по технике изготовления (от художественной поливы до лепных сосудов), отличным от комплекса салтово-маяцкой культуры (табл. IV);

5) что вещами из раскопок Таманского городища, бесспорно принадлежащими славянскому населению, мы можем признать лишь вещи, аналогичные славянским вещам собственно-славянской территории, о которых можно уверенно говорить, что для данной территории они не привозные, а изготовленные здесь же на месте. Такими вещами Таманского городища, как было показано выше, из всего состава в первую очередь являются вещи массового производства, лепная керамика, хронологически относящаяся к XI—XII ст., а не керамика с волнистым и линейным орнаментом.

Только в сочетании с этой группой вещей можно принять, что и ряд других вещественных памятников этого периода — стеклянные браслеты, шиферные пряслицы, лунница, крестик и т. п., свойственных обиходу не только славян, а и других народов (болгар, населения Крыма и т. д.), найденных в комплексе с этой лепной керамикой, принадлежали славянскому населению.

3

Мы начали наше исследование с анализа Таманского городища, хотя более ярким памятником в отношении археологического материала тех же самых двух культурно-хронологических периодов, которые мы выявили в жизни средневекового поселения Таманского городища, салтово-маяцкого и славянского, для юго-востока пока является левобережное Цымлянское городище, Саркел Константина Багрянородного. Вызвано это преимущественно тем, что Таманское городище, как мы видели, имея исключительно четкую стратиграфию, создает прекраснейшие предпосылки возможности разобраться во взаимосвязях между различными группами вещественного материала, в их относительной хронологии, что в условиях юго-востока, с беспрерывно меняющимся этническим составом населения, имеет громадное значение. Левобережное Цымлянское городище этого не дает. Оно настолько перекопано как в период существования поселения, так и в наше время, что мы не всегда находим здесь ясную стратиграфию, которая давала бы возможность проследить смену одного периода жизни другим. Решать вопрос об относительной хронологии массового вещественного материала при таких данных едва ли было бы целесообразно, особенно при наличии существеннейших разногласий именно по этому вопросу (напр. место керамики с волнистым и линейным орнаментом).

[1] Литературу см. у А. А. Спицына (Тмутараканский камень. ЗОРСА, т. XI).

[2] Литературу см. у Н. И. Репникова (О древностях Тмутараканя. Тр. Секции археол. РАНИОН, т. IV, 1928).

[3] В. В. Мавродин. Славяно-русское население нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. Уч. Зап. Лгр. пед. инст., т. IX, стр. 254.

[4] А. В. Арциховский, ук. соч.

[5] В. В. Мавродин, ук. соч., стр. 251, 255 и др.

Таблица VIII

Керамика левобережного Цымлянского городища (Саркела) (ранний, хазарский, период).

1 — фрагмент туземной амфоры (салтовского типа); *2* — фрагмент горшка с линейным орнаментом; *3* — фрагмент пифосообразного сосуда; *4* — кувшин с высоким горлом; *5* — кувшин с лощением (салтовского типа).

Левобережное Цымлянское городище расположено в 7—8 км от ст. Цымлянской, Ростовской н/Д. области, близ хут. Попова. Особенности местоположения, внешний облик городища и общая характеристика его исследования в дореволюционный период достаточно обстоятельно описаны в работе М. И. Артамонова.[1]

В наше время раскопки городища проводились Гос. Академией истории материальной культуры (ГАИМК) в течение 1934—1936 гг. под руководством М. И. Артамонова. Облик городища наиболее полно вырисовался в 1936 г. Определились хронологические рамки существования городища (IX—XII ст.). Ранее высказанное предположение о существовании поселения на территории городища до построения византийцами крепости[2] не нашло подтверждения. Вскрытые материалы вполне согласуются с временем возникновения поселения, засвидетельствованным Константином Багрянородным.[3] По данным раскопок в жизни городища различаются два ясно выраженных периода, резко отличающихся друг от друга как строительной техникой, так и свойственным каждому из них вещественным комплексом. Как мы видели выше, по своему культурно-хронологическому облику они вполне соответствуют вещественным комплексам двух периодов средневекового поселения Таманского городища. Ранний период охватывает время от момента возникновения поселения (т. е. начало IX ст.) до конца X ст. и характеризуется вещами, свойственными так наз. салтово-маяцкой культуре, т. е. аналогичными вещам комплекса раннего периода Таманского городища. Правда, здесь состав вещей разнообразнее и значительно богаче, как богаче и вообще культурными остатками левобережное городище по сравнению с Таманским. Наряду с керамикой (табл. VIII), предметами домашнего обихода, украшениями здесь встречены орудия производства: серпы, железный лемех, топоры, рыболовные крючки, а также предметы вооружения: наконечники стрел.

Хорошо прослеживается и первоначальный облик укрепления и внутрикрепостных сооружений, сложенных из кирпичей на известковом растворе, вполне соответствующий описанию Константина Багрянородного. Этот военный казарменный характер поселения начального существования левобережного городища накладывает на него, безусловно, специфические черты, отличающие его от Таманского городища.

Однако, как показывают данные раскопок, городище как чисто военное поселение просуществовало недолго. Оно очень скоро после своего возникновения, еще в период хазарского господства, превратилось в поселение мирного характера с торговым, ремесленным, земледельческим и тому подобным населением.[1]

Значительно богаче по сравнению с материалом позднего периода Таманского городища и вещественный материал второго периода. Кроме керамики (табл. IX), рассмотренной нами выше, и прочего вещественного материала из городища, большое место в определении культурного облика этого периода занимает вещественный материал из кургана № 17 (так наз. Большого), раскопанного в 1935—1936 гг.

Курган являлся коллективным кладбищем, заключавшим в себе 231 разновременных захоронения. Время кургана хорошо датируется монетными находками, с одной стороны, и всей совокупностью инвентаря — с другой. Последний среди археологических памятников юго-востока совершенно чужеродное тело. Найти ему здесь аналогию сейчас не представляется возможным. Это типичный могильный инвентарь великокняжеской эпохи XI—XII ст. территории Приднепровья, состоящий из височных серебряных колец с сомкнутыми или заходящими концами различных размеров в диаметре и разной толщины проволоки; таких же колец с напускными бусами с зернью; ожерелий из различных бус: стеклянных, покрытых золотом (цилиндрических и боченкообразных), сердоликовых различных по форме (бипирамидальных, призматических, овальных и т. д.), янтарных, хрустальных, пастовых и различных подвесок (из металла, камней, пасты): лунниц, круглых, трапециевидных и т. п.; бубенчиков с крестообразной прорезью, стеклянных браслетов и некоторых других менее распространенных вещей.[2]

Для большей наглядности даем описание некоторых типичных погребений.

Погребение № 31. «Скелет лежит на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗЗ... обе руки согнуты в локтях; кость левой на тазовых костях, правая на груди... Под всем костяком, всюду следы дерева — деревянного гроба».

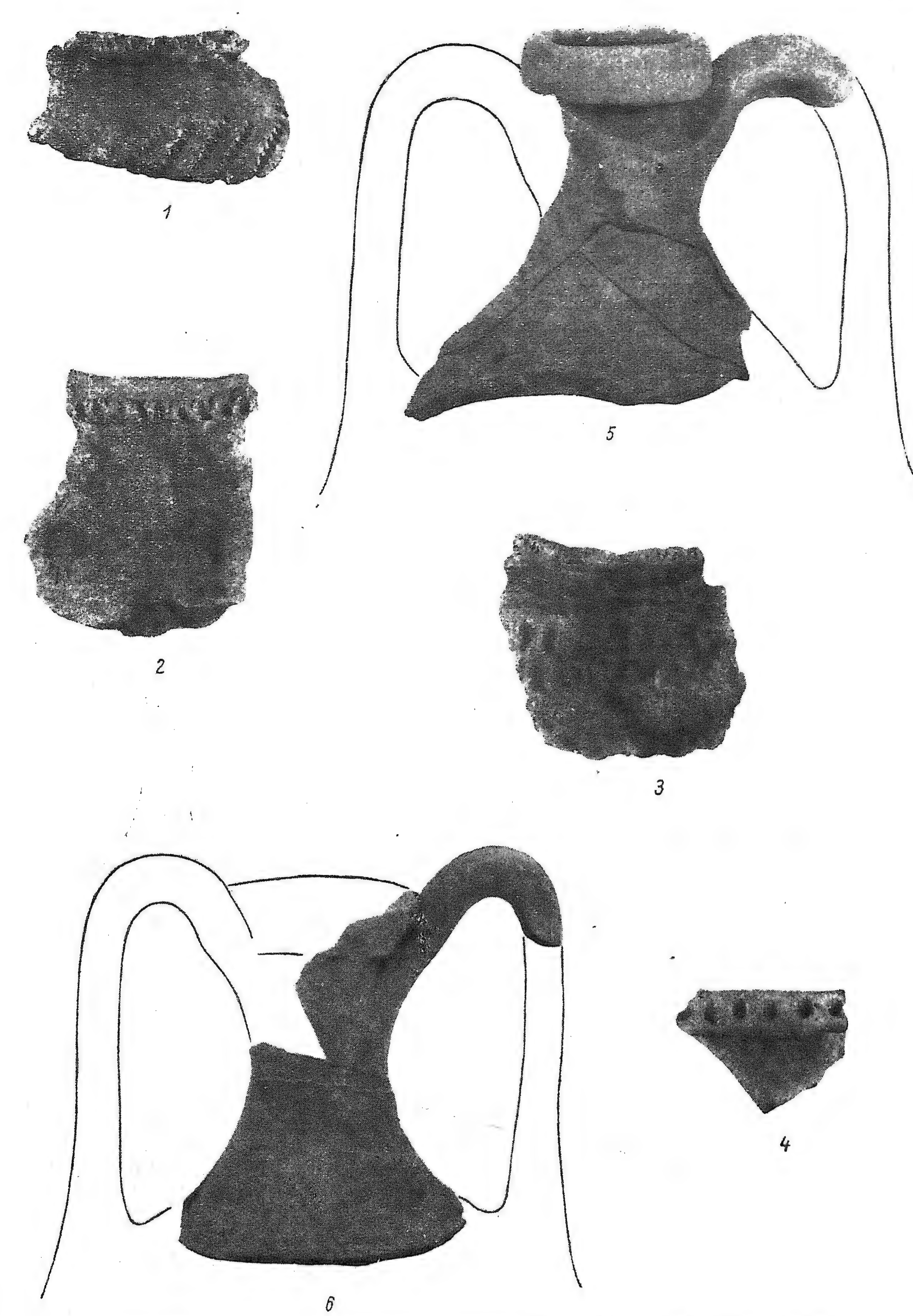
Инвентарь: браслет из синего стекла, плоский в сечении; серебряное височное кольцо с сомкнутыми концами небольшого диаметра; бусы: 1 стеклянная цилиндрическая; 1 стеклянная, покрытая золотом, боченкообразная; 2 из пасты овальной (неправильной) формы[3] (табл. X, 3).

Погребение № 134. «Костяк лежит на спине в вытянутом положении с руками, сложенными на груди, правая выше...»

Инвентарь: 2 височных серебряных кольца с сомкнутыми концами малого диаметра; 3 стеклянных, покрытых золотом бусы, боченкообразной формы; 1 подвеска трапециевидной формы

[1] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 6 и сл.
[2] Там же, стр. 79, 83—84.
[3] Известия византийских писателей о северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, вып. 91, М.—Л., 1934, стр. 20.

[1] Отчет о раскопках близ ст. Цымлянской за 1934—1936 гг., стр. 4 и сл. Рукоп. архив ИИМК АН.
[2] Отчет о раскопках близ ст. Цымлянской в 1934 г., стр. 12—13. Рукоп. архив ИИМК АН.
[3] Дневник раскопок Большого кургана Саркелской экспедиции 1935 г., тетр. № 1. Рукоп. архив ИИМК АН.



Керамика левобережного Цымлянского городища (Саркела) (поздний, русский, период).

1—4 — фрагменты лепной керамики; 5 — фрагмент амфоры с широкими ручками; 6 — фрагмент амфоры с высокими ручками.

из янтаря; нательный бронзовый 8-конечный крест, составленный из шариков [1] (табл. X, *4*).

Погребение № 196. «В деревянном гробу костяк ребенка, лежит на спине в вытянутом положении, головой на запад. Левая рука вытянута вдоль тела... от правой только плечевая кость... Правая локтевая кость ниже таза...»

Инвентарь: 2 височных серебряных кольца с двумя напускными бусами из серебра, 2 бронзовых браслета с заходящими концами, из ровной гладкой проволоки; бронзовые колечки с заходящими концами из тонкой проволоки; 7 бус из пасты кирпичного цвета, боченкообразной формы; 19 бус стеклянных, покрытых золотом, цилиндрической формы [2] (табл. X, *2*).

Погребение № 221. «Скелет лежит в гробу, очень плохо сохранившемся. Скелет на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗЗ. Руки согнуты, левая слегка, правая почти под прямым углом, концы их на тазовых костях».

Инвентарь: 2 серебряных височных кольца с сомкнутыми концами малого диаметра; 16 бус из стекла, покрытого золотом, цилиндрической и боченкообразной форм; 2 раковины ужовки (Cypraea), [3] (табл. X, *1*).

Из общего числа 231 захоронения почти 50% имеют погребальный инвентарь. Рассмотренные нами погребения по характеру инвентаря являются наиболее типичными. Наряду с ними существуют и более бедные и более богатые, однако сохраняя облик все той же культуры. Так некоторые погребения содержат вместо серебряных височных колец золотые (погр. № 28, 50, 67, 106 и др.). Более разнообразен в этих случаях и набор бус, подвесок и других украшений. Интересно отметить несколько находок в насыпи кургана лепных горшков. [4] Это обстоятельство является весьма важным как дополнительное свидетельство в решении вопроса о месте лепной керамики в составе керамики городища, который нами был рассмотрен выше в свете данных Таманского поселения.

Среди вещей второго периода жизни городища много аналогичных вещам, найденным в инвентаре погребений Большого кургана: фрагменты стеклянных браслетов, бусы и т. п., а также формочки для изготовления этих вещей (лунниц и т. п.).

Как известно, много вещей, аналогичных вещам славянских курганов и городищ, было найдено на городище и раньше, до раскопок ГАИМК. Подробная характеристика им дана в работе М. И. Артамонова. [5]

Таким образом, археологические данные левобережного Цымлянского городища позволяют утверждать, что с момента своего возникновения до конца X ст. оно по культурному облику принадлежало к поселениям салтово-маяцкой культуры. На рубеже X—XI ст. культурный облик поселения резко изменился. Судя по вещественному материалу из городища, а также и по инвентарю из захоронений Большого кургана, хронологически относящегося к этому же периоду (к XI—XII ст.), можно заключить, что изменение произошло за счет проникновения сюда славянского населения. Следовательно, и здесь, как и на Таманском городище, появление славянских элементов можно относить лишь к рубежу X—XI ст., не раньше.

В свое время Голубовский полагал, что Саркел ранее освоения его территории хазарами был славянским городом под именем Белой Вежи. С момента подчинения северян хазарам Белая Вежа была переименована последними в Саркел. [1] Если левобережное Цымлянское городище отождествлять с Саркелом, а в этом, как нам кажется, нет уже никаких сомнений, а последний с Белой Вежей древнерусских летописей, то придется отметить, что положение Голубовского не находит подтверждения, так как до построения хазарами крепости территория городища не была заселена совсем, а следовательно, никакой славянской Белой Вежи здесь быть не могло.

4

При решении последнего вопроса следует учесть и еще одно обстоятельство. Ряд исследователей Белую Вежу древнерусских летописей приурочивают не к левобережному Цымлянскому городищу, а к правобережному, возникшему ранее левобережного, полагая, что название «Белая Вежа» после постройки византийцами левобережного укрепления было перенесено дословно на последнее в форме «Саркел», что значит также «белый дом», «белая усадьба» и т. п. [2]

Правобережное городище расположено в 7—8 км вниз по р. Дону от ст. Цымлянской, не более как в 6 км от левобережного городища по прямой линии. В связи с поисками Саркела Константина Багрянородного оно не раз привлекало к себе внимание исследователей. Наиболее полное освещение в дореволюционной литературе оно получило в работах В. И. Сизова [3] и Х. И. Попова. [4] Последний по совокупности ряда данных один из первых высказал предположение, что именно это поселение вероятнее всего и носило первоначально название «Белой Вежи» и в то же время послужило основанием к наименованию построенного византийцами укрепления на левом берегу Саркелом (т. е. «белым домом»).

---

[1] Дневник раскопок 1936 г., тетр. № 1. Рукоп. архив ИИМК АН.

[2] Дневник раскопок 1936 г., тетр. № 2, там же.

[3] Дневник раскопок Большого кургана Цымлянской экспедиции 1936 г., тетр. № 2. Рукоп. архив ИИМК АН.

[4] Отчет о раскопках близ ст. Цымлянской, стр. 13. Рукоп. архив ИИМК АН.

[5] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 15 и сл.

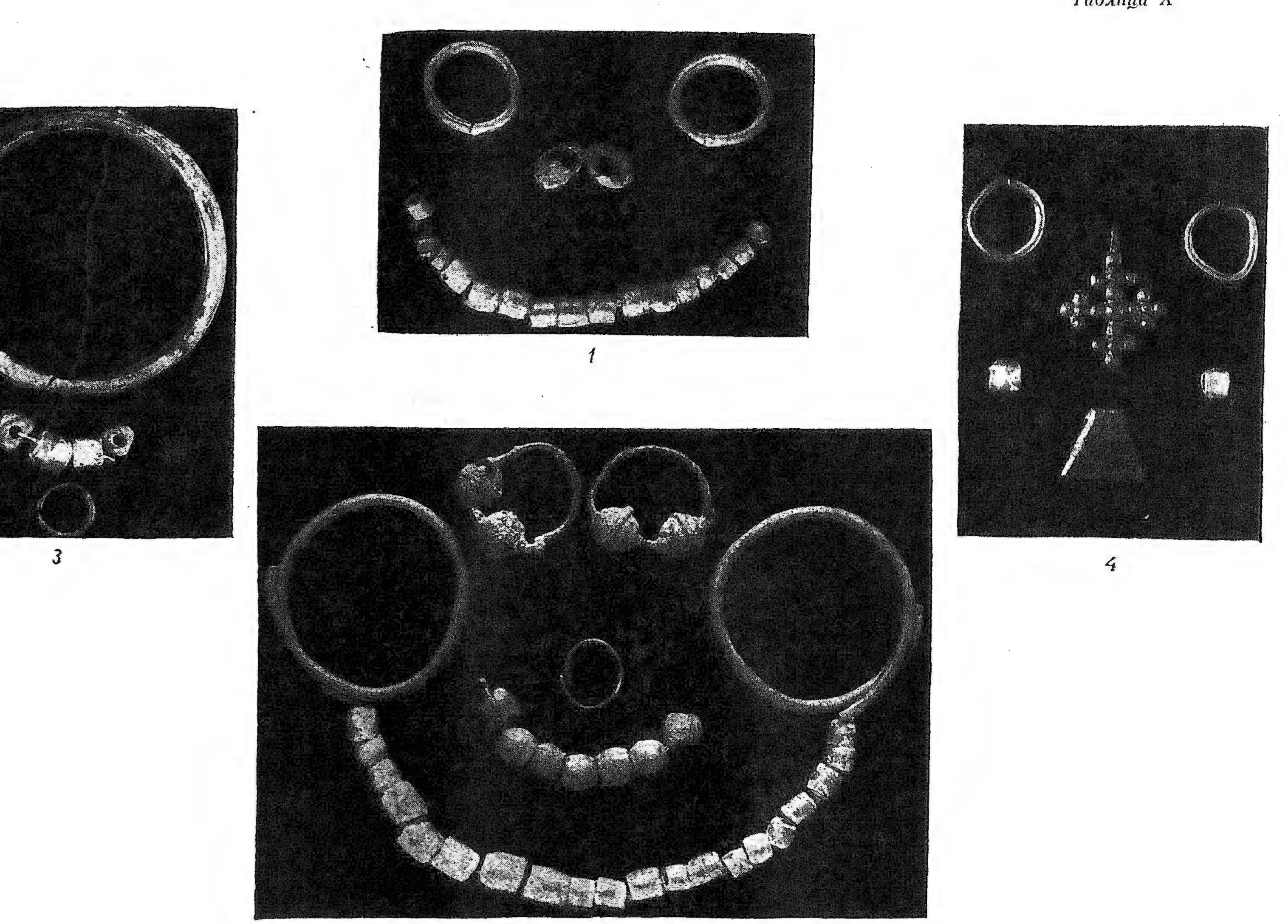
---

[1] П. Голубовский. История Северской Земли до половины XIV ст. Киев, 1881, стр. 8—9.

[2] Х. И. Попов. Где находилась Хазарская крепость Саркел. Тр. IX АС, т. I, стр. 274—275. — М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 89.

[3] В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цымлянской станицы на Дону. Тр. VI АС, т. IV, стр. 273.

[4] Х. И. Попов, ук. соч.



Погребальный инвентарь из Большого кургана близ левобережного Цымлянского городища (Саркела).

1 — погр. № 221; *2* — погр. № 196; *3* — погр. № 31; *4* — погр. № 134.

С точки зрения формальных признаков, вне всякого сомнения, правобережное городище имеет наибольшее основание именоваться Белая Вежа в смысле белых башен.[1] Произведенные в 1939 г. раскопки этого городища показали, что это был достаточно сильно укрепленный пункт, обнесенный кругом каменной стеной из белого известняка. При исследовании стен раскопками вскрыто основание прямоугольного башенного выступа размером 3.65 × 5.7 м. Судя по характеру развалин стен, таких выступов насчитывается до 10. Башенные выступы, как и стены, были сложены также из белого известняка. Однако предположение Голубовского о славянском населении Белой Вежи в дохазарский период и здесь не находит подтверждения. Вещественный материал раскопок довольно хорошо определяет культурно-хронологический облик поселения как до построения крепости, так и после. Хронологические рамки жизни городища — VIII—X ст. По культурному облику городище принадлежит, как и окружающие его поселения, к салтово-маяцкой культуре. Свое существование городище закончило одновременно с падением Хазарского каганата. Вещей, аналогичных верхнему культурному слою левобережного городища и Таманского, мы здесь совершенно не находим.

Весьма интересной деталью этого поселения являются жилища-полуземлянки с основанием в виде круглых или овальных неглубоких ям, без каких-либо специальных очажных сооружений. В центре, или близко к нему, прямо на полу зольное пятно. Следов верхних перекрытий жилищ не сохранилось. По всей вероятности полуземлянки были накрыты коническими шатрами, представляя собою нечто в виде юрт. Жилища такого типа были свойственны как начальному периоду жизни поселения с момента его возникновения, вероятно с VIII ст., так и концу (рубеж X—XI ст.) с перерывом на время, когда городище являлось крепостью и было застроено кирпичными зданиями.

Для территории собственно славянской (Приднепровья, бассейна р. Оки) жилищ подобного типа мы совершенно не знаем. Жилища-полуземлянки даже самого раннего периода жизни славян, известные нам, и по строительным приемам и по внутреннему убранству резко отличаются от жилищ правобережного городища. Это преимущественно полуземлянки четырехугольной формы, стены которых в большей части выложены деревом, с ясно прослеживаемым перекрытием. Внутри землянок очажные сооружения из камней или глины.[2]

Полуземлянки правобережного поселения ближе всего подходят к некоторым полуземлянкам овального типа Маяцкого городища, вскрытым раскопками Милютина[1] и Макаренко.[2] Да и весь вещественный материал правобережного городища, начиная от лепной керамики (горшков с венчиком, отогнутым под острым углом, и насечкой по краю) и кончая предметами украшений, такими, как зеркала, серьги и т. п., очень близко стоит к материалу Маяцкого поселения и других аналогичных ему.[3]

Итак, если мы примем правобережное городище за Белую Вежу русских летописей, как это делают некоторые исследования, безусловно имея к этому весьма веские основания, то и в этом случае мы не находим данных, подтверждающих положение Голубовского о славянском населении Белой Вежи в до-хазарский период. Мало того, это поселение и в более позднее время не знало совершенно славянского населения в противоположность левобережному городищу, где, как мы только что видели, оно появляется на рубеже X—XI ст.

5

Среди поселений юго-востока, подвергнутых в той или иной степени полевым археологическим исследованиям, заслуживает внимания также поселение восточного побережья Крыма, расположенное на плато Тепсень в районе курорта Коктебель. В 1929—1931 г. Феодосийским музеем здесь произведены раскопки полуразведочного характера. Материалы раскопок были кратко обобщены руководителем раскопок, заведующим Феодосийским археологическим музеем, Н. С. Барсамовым,[4] выводами которого до последнего времени неоднократно пользовались многие исследователи.[5]

Содержание своих выводов автор формулирует следующим образом: «Материалы, добытые раскопками на «Тепсене», отличаются от обычных крымских находок определенными указаниями на северные культурные влияния. В основной массе они датируются одиннадцатым-двенадцатым веком, и в этих условиях совершенно особый интерес приобретает часть материалов, аналогичных материалам Тамани, свидетельствующих о родстве культур этих пунктов на протяжении одиннадцатого-двенадцатого веков, в период суще-

---

[1] Словарь русского языка, составленный II отд. АН, вып. II, 1892, стр. 740.

[2] В. А. Городцов. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII археологического съезда. Тр. XII АС, т. I, стр. 113—115; 129—130. — Н. Макаренко Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, стр. 60—65. — П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 2, стр. 5 и сл. — Рукописный архив ИИМК АН. Отчет о раскопках Б. А. Рыбакова в 1937 г. близ с. Гочево, Курской обл.

[1] Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище. ИАК, вып. 29, стр. 162—163.

[2] П. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, стр. 35—36.

[3] Там же, стр. 40—41. Коллекция керамики и вещей из Маяцкого городища хранится в Воронежском музее. Коллекция вещей из правобережного Цымлянского городища раскопок 1939 г. в ИИМК АН СССР.

[4] Н. С. Барсамов, ук. соч.

[5] А. В. Арциховский, ук. соч. — В. В. Мавродин, ук. соч.

ствования на Тамани Тмутараканского княжества».[1]

Судя по этим выводам, время существования городища автор определяет XI—XII ст. В обоснование своей датировки он не приводит никаких данных, кроме ссылки на аналогию с материалами Тамани, что, по мнению автора, «свидетельствует о родстве культур этих пунктов на протяжении одиннадцатого-двенадцатого веков, в период существования на Тамани Тмутараканского княжества».

Об аналогии каких вещей Коктебеля и Тамани говорит автор, мы находим у него достаточно точное разъяснение. Несколькими строками выше он пишет: «В целях расширения круга аналогичных археологических материалов Коктебеля и Таманского полуострова мною была совершена поездка в Тамань летом 1931 г., где в это время работала археологическая экспедиция проф. Миллера. Среди материалов, добытых экспедицией, была встречена такая же керамика „славянского" типа, как и добытая раскопками на „Тепсене", причем сходство керамических фрагментов сказалось не только в орнаментации параллельными линиями и „волной", не только в единообразии форм кувшинов, но и в полной аналогии теста глины, с примесью крупного кварцевого песка».[2]

Итак, среди археологических материалов Коктебеля, аналогичных вещам Таманского городища, автор прежде всего отмечает так наз. славянскую керамику (с линейным и волнистым орнаментом). Он связывает ее для Таманского поселения с периодом Тмутараканского княжества (XI ст.), а на основе этого и Коктебель становится памятником той же поры, памятником, тяготеющим к северной (славянской) культуре.

Что представляет собою керамика с волнистым и линейным орнаментом для Таманского городища, нам хорошо уже известно и со стороны хронологической и принадлежности к определенной культуре. Это как будто дает нам право и аналогичную керамику Коктебеля датировать тем же временем (VIII—X ст.) и относить к той же культуре (салтово-маяцкой), что и керамику Таманского городища. Но мы считаем, что рассматривать археологический памятник вне связи со всем окружением, вне связи с вещественным комплексом в целом — недопустимо. С этой целью постараемся выяснить общий археологический облик городища. Рассмотрим первоначально керамику Коктебеля. По данным отчета состав ее не так разнообразен: 1) круглодонные и плоскодонные амфоры, 2) горшки «славянского» типа и 3) кувшины типа «энохойе».[3] В этот перечень мы считаем необходимым внести следующие поправки: во-первых, при осмотре Коктебельской коллекции никаких плоскодонных амфор мы не нашли. Вместо них оказались высокогорлые кувшины с плоской ручкой и плоским дном; фрагменты подобных кувшинов мы обнаружили и в подъемном материале, собранном нами при посещении городища летом 1938 г; во-вторых, в составе керамики так наз. славянского типа в коллекции из раскопок имеются фрагменты и пифосообразных сосудов, т. е. тех же самых горшков, но только больших размеров. Несколько фрагментов подобных сосудов собраны нами и на территории городища. В свете этих данных керамический облик Коктебеля выступает в следующем виде (табл. XI):

1) круглодонные (яйцевидные) амфоры салтовского типа;
2) кувшины с высоким (раструбом) горлом;
3) горшки так наз. славянского типа;
4) пифосообразные сосуды;
5) кувшины типа «энохойе».

Всматриваясь в этот комплекс, мы замечаем, что он почти тождествен керамическому комплексу раннего периода (VIII—X ст.) Таманского городища. Здесь мы не находим лишь сосудов с лощением салтовского типа. Но нужно учесть, что сосуды с лощением, как правило, встречаются весьма редко в материалах поселений. Раскопки Коктебеля по своим размерам незначительны, полуразведочного характера. Нет ничего удивительного, что сосуды этого типа могли просто не попасть в состав добытого материала.

Таким образом, подмеченная автором аналогия некоторых керамических типов Коктебельского поселения с керамикой Таманского городища идет гораздо глубже. Эта аналогия охватывает не только отдельные типы, но и керамический комплекс Коктебеля в целом. Но верно подмеченный факт привел автора к неверным хронологическим, а тем самым и общим выводам.

Следуя формалистической традиции принадлежности горшков с линейным и волнистым орнаментом славянскому населению, автор априорно связал этот тип горшков Таманского городища с периодом существования Тмутараканского княжества, т. е. XI ст., и на этой основе, по аналогии, подошел и к решению хронологии Коктебеля и его этнического облика.

Наше исследование материалов Таманского городища показало, что данный керамический комплекс не принадлежит Тмутараканскому периоду, а предшествует ему, что он связан с салтово-маяцкой культурой VIII—X ст. и ничего общего с памятниками славянской культуры XI—XII ст. на юго-востоке не имеет. Эти обстоятельства вполне естественно исключают возможность датировать этим временем и Коктебельское городище.

В связи с керамикой городища не безынтересно остановиться на вещественном материале древних погребений, расположенных у подножья плато. Исходя из аналогии керамики, найденной в погребениях, с керамикой поселения, автор

[1] Н. С. Барсамов, ук. соч., стр. 9.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 6—7.

отчета утверждает, что погребения связаны с городищем и принадлежат тому же времени (XI—XII ст.).[1]

Отрицать связь могильника с поселением у нас нет никаких оснований, тем более, что хронологически он действительно относится ко времени существования городища, но только не XI—XII ст., как думает Барсамов, а VIII—X ст.

Рассмотрим инвентарь погребений. Среди вещей, найденных в могильнике, нет ни единой, которую можно было бы отнести к XI—XII ст. Сосуды типа «энохойе», «с типичным желобком, сделанным у места прикрепления ручки к горлышку, для более удобного помещения большого пальца руки при охвате ручки кувшина», как мы уже отмечали выше (стр. 212), свойственны комплексу керамики салтово-маяцкой культуры, следовательно, хронологически не выходят за X ст.[2] За принадлежность погребений к этому периоду говорят и кольца с вставными цветными камнями и стеклами, весьма характерные именно для этой культуры, а никак не для более позднего времени[3] (табл. XI, *5—6*). Равно и серебряные серьги в виде колец с несомкнутыми концами не противоречат этому же времени.

Следовательно, инвентарь погребений действительно современен поселению, связан с ним и хронологически и культурно. Но это не славянские погребения и не XI—XII ст., а погребения VIII—X ст., связанные с салтово-маяцкой культурой. Эти данные являются дополнительным свидетельством времени существования городища, как оно наметилось выше.

Из числа других материалов раскопок Коктебельского городища существенное место должен был бы занять храм, фундамент которого был вскрыт в 1936 г. К сожалению, мы не располагаем достаточной документацией памятника, которая позволила бы подойти к его изучению. Тем не менее мы позволим себе высказать несколько замечаний по поводу суждений о нем автора.

Отмечая своеобразную деталь кладки, состоящую в том, что «камни фундаментов были уложены непосредственно на почву, без углубления котлована...», автор подчеркивает, что «такой строительный прием может быть отчасти оправдан только очень плотным грунтом... но все же он свидетельствует о примитивных строительных приемах».[4]

Последними строками автор, безусловно, хочет подчеркнуть, что это не византийское строительство, а северное «варварское».

К несчастью для автора, нужно отметить, что этот-то прием и не свойственен строительству русских храмов XI—XII ст., с которыми автор пытается увязать коктебельский храм, исходя из его планировки. Для всех известных древнерусских храмов XI—XII ст. характерна как раз противоположная черта — фундаменты опущены достаточно глубоко в землю, независимо от того, где это — на севере ли (Новгород, Псков) или на юге (Киев).

Если же мы обратимся к памятникам VIII—X ст., связанным с так наз. салтово-маяцкой культурой (левобережное и правобережное Цымлянские городища), то здесь действительно мы найдем подобный «примитивный» прием кладки. Здесь можно наблюдать возведение каменных и кирпичных построек не только без котлованов, не только на материке, но и прямо на культурных отложениях предшествующей поры (кирпичные здания правобережного городища).[1]

Среди развалин этих поселений можно указать и наличие большого количества черепицы, по формам вполне аналогичной черепице Коктебеля (сферическая и прямоугольная).

Что касается черепичных знаков, то и в отношении их необходимо отметить, что и они все же больше тянут к материалам побережья Крыма (Партенит) и Тамани (ст. Сенная), но никак не к знакам на кирпичах из развалин Борисоглебской церкви на Смядыни в Смоленске, как пытается утверждать автор.[2]

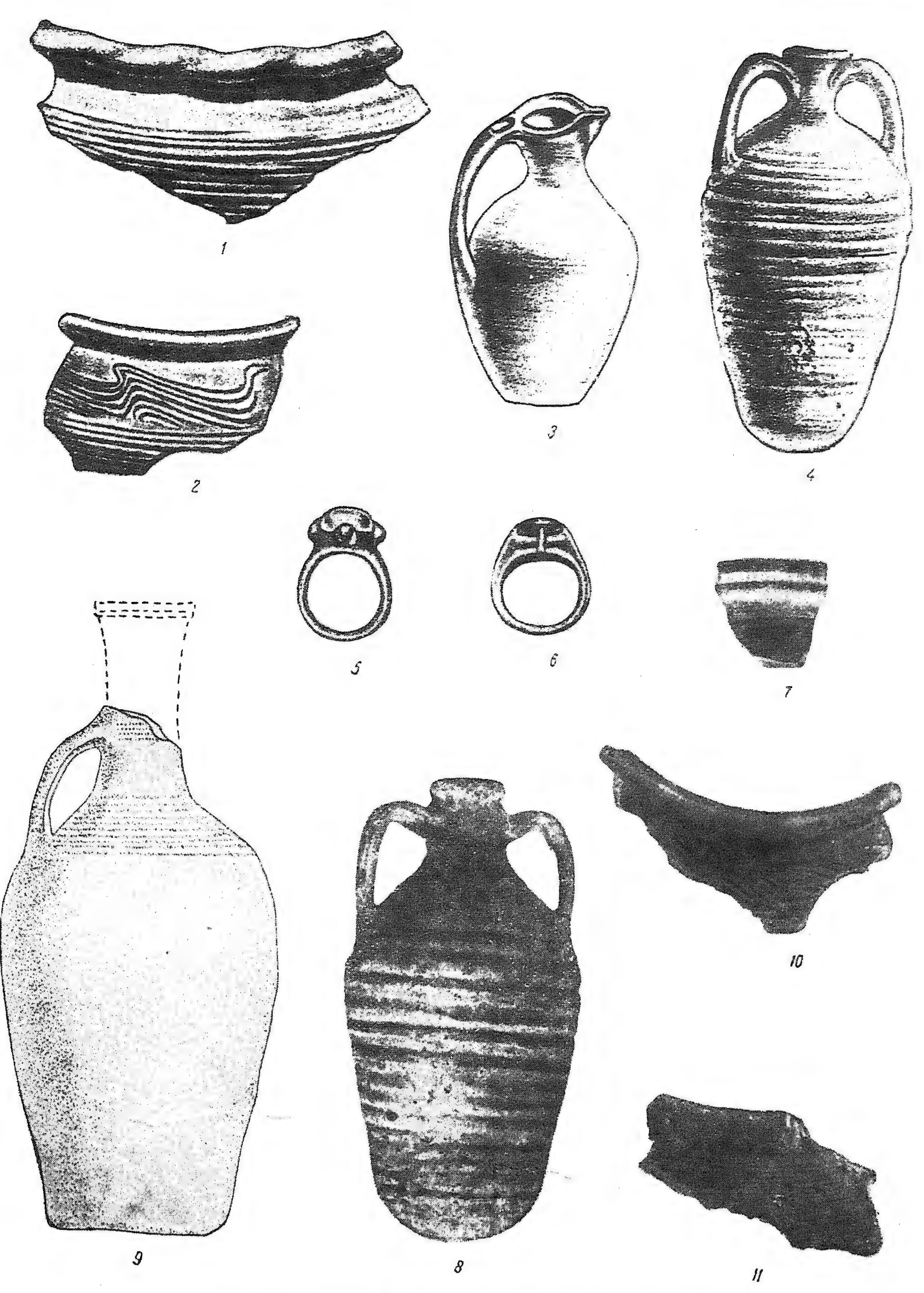
Совокупность всех этих данных позволяет утверждать, во-первых, что полученный при раскопках поселения на плато Тепсень в районе Коктебеля археологический материал хронологически относится не к XI—XII ст., как считает Н. С. Барсамов, а к более раннему времени, во всяком случае не позднее X ст.; во-вторых, по своему культурному облику он связан не с археологическими материалами севера (т. е. славянскими), а всецело относится к широко распространенной на юго-востоке так наз. салтово-маяцкой культуре.

Мы говорим здесь об археологическом материале, добытом при раскопках, а не о городище в целом. Для суждения о культурно-хронологическом облике последнего мы располагаем недостаточными данными. Но вместе с тем у нас есть все основания утверждать отсутствие в настоящий момент среди добытых вещей Коктебельского городища таких данных, которые бы говорили о наличии здесь в XI—XII ст. какого бы то ни было поселения, в том числе и русского.

В связи с Коктебельским поселением следует остановиться на одном замечании, которое проскальзывает у некоторых исследователей: о «неожиданности» в Крыму керамического материала в виде горшков с волнистым и линейным орна-

[1] Н. С. Барсамов, ук. соч., стр. 7.
[2] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС, т. I, табл. XXIV, *109* и *119*.
[3] Там же, табл. XXI, 32 и стр. 471.
[4] Н. С. Барсамов, ук. соч., стр. 6. Подчеркнуто нами.

[1] И. И. Ляпушкин. Раскопки правобережного Цымлянского городища. Краткие сообщения... ИИМК, вып. IV.
[2] Н. С. Барсамов, ук. соч., стр. 8. — ИАК, вып. 32, стр. 139, рис. 61. — Н. И. Репников. Партенитская базилика. — Е. К. Герц, Собр. соч., вып. 1. — Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1898, стр. 97—98. — И. М. Хозеров. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнего периода. Научн. изв. Смоленск. унив., т. V, вып. 3.



А. Керамика и вещи из поселения и могильника близ Коктебеля.

1—6 — материалы Феодосийского музея, опубликованные Н. С. Барсамовым; *7* — фрагмент венчика кувшина с высоким горлом (подъемный материал автора).

Б. Керамика средневековых отложений пос. Тиритаки близ Керчи.

8 — туземная амфора (салтовского типа); *9* — сосуд с высоким горлом; *10* — фрагмент горшка с линейным и волнистым орнаментом; *11* — фрагмент пифосообразного сосуда.

ментом, «где в эти века преобладала керамика византийская. . .»[1] Обнаружение этого материала едва ли можно признать неожиданным. Археологам нашего времени достаточно хорошо известно, чем занималась дореволюционная археология в Крыму. Не только средневековая керамика, но и средневековье в целом было в настоящем загоне. Очень хорошо это прослеживается на фондах Керченского музея, одного из древнейших музеев нашей страны. Чем была представлена там средневековая жизнь восточного Крыма до последнего времени? Ничем. Но стоило только обратить на эту сторону внимание, как положение начинает резко изменяться, хотя, правда, все еще недостаточно. Полевые исследования последних лет в окрестностях Керчи (Тиритака, Мирмекий и др.) дают весьма интересный средневековый материал. Так, в культурных отложениях Тиритаки, связанных с базиликой, открытой в 1937 г., мы имеем вещественный материал, в частности керамику, совершенно аналогичную с керамикой и Коктебеля и раннего периода Таманского городища. Здесь и амфоры яйцевидные (так наз. туземные), и так наз. славянские горшки с волнистым и линейным орнаментом, и пифосообразные сосуды, лощеные салтовские сосуды и кувшины с высоким горлом (табл. XI, *8—11*). Мало того, по соседству с городищем расположен точно такой же по своему устройству и по погребальному инвентарю могильник, как у Коктебеля. Здесь имеются и каменные ящики и просто земляные могилы. Вещи типичные салтовские: кольца с вставными камнями или стеклами различных цветов, как в Коктебеле; желобчатые сплюснутые бубенчики,[2] браслеты из проволоки,[3] различные подвески (напр. прыгающий конь),[4] типичные салтовские бусы, ножи и т. п.[5] (табл. XII). Эти данные показывают, что облик восточного побережья средневекового Крыма далеко не таков, каким его представляют. Мы еще очень мало знаем его средневековые памятники, так же как и памятники всего юго-востока.

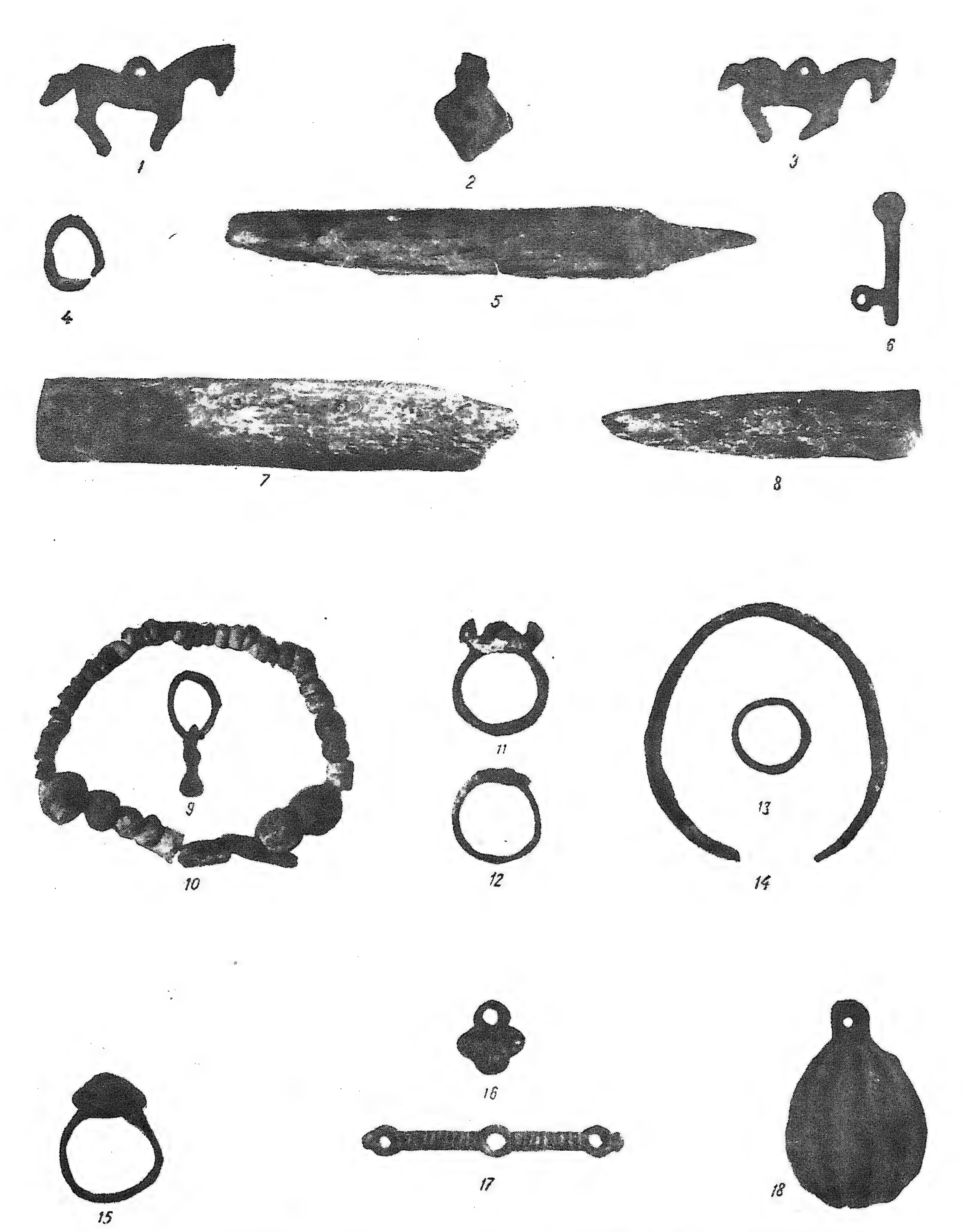
Памятники средневекового юго-востока, несмотря на их многочисленность, настолько плохо исследованы в полевом археологическом отношении, что при изучении юго-востока даже сегодня приходится строить выводы на материалах всего лишь четырех-пяти поселений, которые в какой-то мере были подвергнуты полевым археологическим исследованиям (раскопкам). Мы считаем, что в решении такого вопроса, как определение культурно-хронологического облика памятника, можно опираться лишь на материалы раскопок, но никак не на случайный подъемный материал. Особенно осторожным приходится быть с подобным материалом в условиях юго-востока, где человеческая жизнь бурлила, как в котле, где из столетия в столетие один народ сменялся другим, где культурные остатки человеческой жизни настолько переплелись, что даже при самых тщательных исследованиях представляется трудным уловить относительную их хронологию. В этом отношении характерным примером может служить рассмотренный нами вопрос о так наз. славянской керамике, обнаруженной на многих средневековых поселениях юго-востока. А именно только по подъемному материалу, собранному экспедициями ГАИМК и работниками местных музеев, и известны нам остальные средневековые памятники этого района. Таковы поселения среднего и нижнего Дона, Приазовья и Кубани, общая характеристика которым дана сначала А. А. Миллером,[1] а затем М. И. Артамоновым;[2] поселения Таманского полуострова, обследованные Таманской экспедицией ГАИМК 1930 и 1931 гг.[3] Об их облике можно судить лишь предположительно, как это и делали А. А. Миллер и М. И. Артамонов. Только Кобяковское городище да поселение у хут. Потайновского, расположенное напротив левобережного Цымлянского городища, дают возможность подойти к суждению о них с более надежными, но далеко не исчерпывающими данными.[4] Очень мало дают хотя и более систематические, но опять-таки лишь общие наблюдения работников местных музеев.

6

Из других памятников, привлекавших к себе внимание исследователей при решении вопроса о славянах на юго-востоке, следует остановиться еще на могильнике, расположенном в 2 км от ст. Таманской, у так наз. Лысой Горы, открытом в конце 60-х годов XIX ст. директором Керченского музея Люценко. Им было вскрыто 9 каменных гробниц, заключавших в себе 12 остовов. При покойниках было найдено 2 бронзовых серьги из проволоки, деревянный четырехконечный крест, две пары золотых серег в виде височных колец с заходящими концами, серебряный четырехконечный крестик и две бронзовых пуговки с ушками.[5] Могильник этот давно обратил на себя внимание исследователей, как содержащий инвентарь, имеющий некоторое сходство с славянским. Еще А. А. Спицын в конце прошлого столетия при исследовании вопроса о расселении древнерусских племен останавливал

[1] А. И. Арциховский, ук. соч., стр. 62—63.
[2] А. М. Покровский, ук. соч., табл. XXI, *73, 74, 75, 98, 99*.
[3] Там же, табл. XXI, *26, 27, 28*.
[4] Там же, табл. XXI, *38*.
[5] Коллекции керамики из раскопок Тиритаки и Мирмекия хранятся в ИИМК АН СССР и Керченском музее. — Ю. Ю. Марти. Отчет о раскопках Тиритаки в 1932—1934 гг. Матер. и исслед. по археол. СССР (печатается).

[1] А. А. Миллер, ук. соч. — Он же. Краткий отчет о работе Сев.-Кавказской экспедиции в 1923 г. Изв. ГАИМК, т. IV.
[2] М. И. Артамонов, ук. соч.
[3] Рукописный архив ИИМК АН СССР. Дневники Таманской экспедиции 1930 и 1931 гг.
[4] М. И. Артамонов, ук. соч.
[5] Рукописный архив ИИМК, д. № 23/1870 г. Альбом рисунков, относящихся к журналу археологических раскопок, произведенных А. Е. Люценко на Таманском полуострове в 1870 г., лист 30. ОАК за 1870—1871 гг., стр. XVI—XVII.



Погребальный инвентарь из средневекового могильника близ пос. Тиритаки.

1—8 — погр. № 6; *9—14* — погр. № 7; *15* — погр. № 3; *16—17* — погр. № 8; *18* — погр. № 9.

на нем свое внимание. Но он подошел к решению вопроса весьма осторожно. «Перечисленных находок, — писал он, — недостаточно, чтобы можно было признать их русское происхождение, однако их следует иметь в виду».[1] Но осторожность Спицына, по всей вероятности знавшего вещи если не в натуре, так по рисункам, была вскоре отброшена. Н. И. Репников один из первых высказался за бесспорную связь этого могильника с русским населением. Мало того, он же первый положил и начало «росту» погребального инвентаря. Перечислив обнаруженный раскопками инвентарь полностью он, вольно или невольно, поставил в конце перечисления «и т. п.».[2]

Мысль Н. И. Репникова вскоре получила дальнейшее развитие. Б. В. Лунин не только присоединился к выводам последнего, упрекнув археологов прошлого в том, что в решении вопроса о русских на юго-востоке они прошли мимо вещей могильника на Лысой горе, «которые являлись живыми свидетелями связи Киевской Руси с Таманским полуостровом в период существования Тмутараканя», но и сохранил сделанное Н. И. Репниковым «приращение» могильного инвентаря, изменив лишь форму. Вместо «и т. п.» он написал «и пр.».[3]

Еще более определенно высказался В. В. Мавродин. Перечислив, как и его предшественники, полностью обнаруженный раскопками инвентарь и сохранив сделанное к нему «приращение», он придал ему и определенный культурный облик, заключив перечисление следующими строками: и «другие свойственные древнерусским курганам и могильникам вещи».[4]

Эту точку зрения поддерживает и А. В. Арциховский в своем курсе лекций по археологии, читанном в МГУ. «К русскому населению, — заявляет он, — относится в Тамани могильник XI—XII в. на Лысой горе с перстнеобразными височными кольцами, бубенчиками и т. д. Все эти вещи частые в древней Руси».[5]

Таким образом, все исследователи, в той или иной связи касавшиеся могильника у Лысой горы, за исключением А. А. Спицына, связывают его, исходя из могильного инвентаря, со славянским населением. Но, к сожалению, никто из писавших, за исключением А. А. Спицына, этого инвентаря ни в натуре, ни в фотоснимках не видел. Все шли от Спицына, однако никто не придал значения осторожности подхода последнего к этим вещам, как славянским по происхождению. Публикуемые нами ныне рисунки этих вещей (рис. 4) вполне разъясняют причину такого осторожного подхода А. А. Спицына. Присматриваясь к ним, можно твердо говорить, что едва ли найдется археолог, который взялся бы решать вопрос об этническом облике их носителей и, в частности, утверждать, что это были русские.

Подведем итоги. Анализ археологических памятников средневекового юго-востока, вопреки всем априорным умозаключениям о заселении его славянами с древнейших времен, показывает, что на всей громаднейшей территории степи, от побережья Черного и Азовского морей вплоть до северной границы с лесостепью, до конца X ст. никаких поселений с памятниками, свойственными древнейшей славяно-русской культуре, известными нам по собственно-славянской территории, здесь мы пока не знаем.

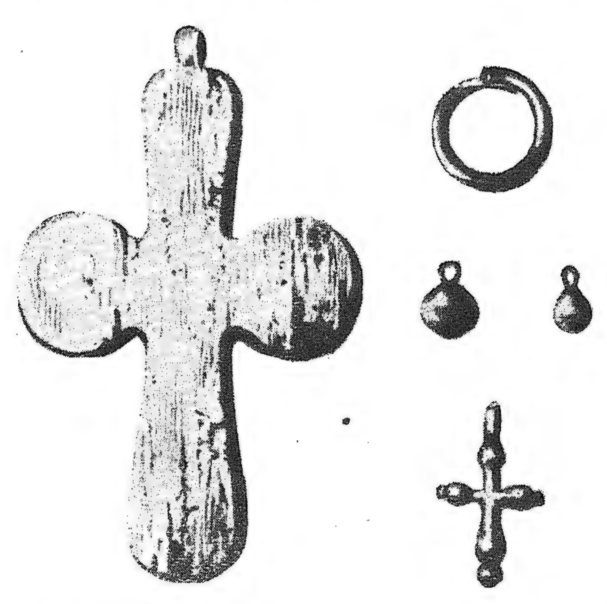


Рис. 4. Погребальный инвентарь могильника на Лысой горе (близ ст. Таманской).

Многочисленные поселения этой поры, расположенные преимущественно вдоль границы степи и лесостепи, по берегам крупных степных рек, а также и по побережью Азовского и Черного морей, принадлежат иной культуре, так наз. салтово-маяцкой, этнически пока не определенной, но территориально почти совпадающей с границами Хазарского каганата.

К концу X — началу XI ст. поселения, связанные с памятниками этой культуры, в большей своей части прекращают свое существование. Те же, которые продолжают существовать, приобретают совершенно иной культурный облик, отличный от предшествующего периода как по вещественному материалу, так и по некоторым другим признакам (курганный обряд захоронения),

[1] А. А. Спицын. Расселение древних русских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, VIII.

[2] Н. И. Репников. О древностях Тмутаракани. Тр. Секции археол. РАНИОН, вып. IV, стр. 438—439. В связи с работой Н. И. Репникова нужно отметить допущенную им ошибку, повторяемую всеми последующими исследователями. Репников приписал авторство раскопок В. Г. Тизенгаузену. В действительности раскопки могильника велись директором Керченского музея А. Е. Люценко (см. архив ИИМК, д. № 23/1870 г.).

[3] Б. В. Лунин. В поисках древнего Тмутараканя. Лит.-худ. журн. «На подъеме», № 3—4, Ростов н/Д., 1935, стр. 179.

[4] В. В. Мавродин, ук. соч., стр. 255.

[5] А. В. Арциховский, ук. соч., стр. 62—63.

Сравнительное изучение вещественного материала поселений этого периода показало, что наряду с вещами, обычными почти для всех южных степных и приморских поселений этой поры, мы имеем здесь вещи, свойственные славянским поселениям и могильникам конца X—XII ст. Особенно характерными в этом отношении являются материалы левобережного Цымлянского городища и так наз. Большого кургана, расположенного близ него, раскопанного в 1935—1936 гг. Инвентарь погребений абсолютно тождествен инвентарю погребений собственно-славянской территории (в частности Приднепровья).

Однако поселений с вещественными памятниками славянской культуры пока известно нам небольшое количество: левобережное Цымлянское городище, поселение у хут. Потайновского, Таманское городище и, по всей вероятности, сюда же можно отнести и Кобяковское городище. Но и эти поселения, как поселения славянские, судя по вещественному материалу, продолжали существовать недолго, лишь до XII ст. Памятников славянской культуры более поздней поры мы не находим и на их территории.

III. СЛАВЯНЕ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ

1

К выводам, полученным на основе археологических данных, может быть и не совсем исчерпывающим исследуемый нами вопрос, но достаточно определенным, мы считаем необходимым привлечь данные и письменных источников, хотя исследование их целью нашей работы и не является. Оставить их вне поля зрения нашей работы мы не можем, особенно учитывая то обстоятельство, что большинство исследователей основывается преимущественно на письменных материалах. Кроме того анализ их интересен не только с точки зрения данного вопроса, но и с принципиальной стороны, насколько данные письменных источников согласны в своих показаниях с памятниками археологическими.

При исследовании археологических памятников хронологически мы охватываем период с IX по XII ст. Здесь, в анализе письменных источников, мы несколько нарушаем эти границы, расширяем их вглубь до VI ст. Это отступление делается в связи с тем, что почти все исследователи, сторонники раннего заселения юго-востока славянами, за исходный момент в своих изысканиях принимают письменные свидетельства, относящиеся прежде всего к этой поре.

Возможность такого отступления для нас облегчается тем обстоятельством, что за последнее время этот период подвергался изучению и с точки зрения археологической.[1]

Наибольшее значение в этом вопросе исследователи придают известию византийского историка VI ст. Прокопия Кесарийского об антах.

«За сагинами, — пишет он, — осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлевсия; прибрежную ее часть, равно и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого Меотийского озера и до реки Танаиса, которая впадает в озеро. Само это озеро впадает в Понт Эвксинский. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцы, теперь же — утургуры. Далее на север от них занимают эти земли бесчисленные племена антов».[1]

Вопрос об этнической принадлежности антских племен в наше время можно считать вполне решенным. Анты, безусловно, восточная ветвь славян. Охватывает ли антский союз все восточнославянские племена или только какую-то часть их (возможно, южную группу), сказать пока трудно. В этом направлении предстоит сделать еще очень многое, так же как и в направлении конкретизации связей антов с народами предшествующей поры, равно и с славянскими племенами VIII и последующих столетий.

Для решения нашего вопроса эта сторона значения не имеет. Для нас сейчас важнее другое: как правильно географически осмыслить указания Прокопия об антах.

Прокопий помещает антов на север от утургуров, локализуя последних вокруг Азовского моря и в низовьях Дона. Многие исследователи, начиная с В. И. Ламанского, толкуют это положение так, что анты будто бы обитали в непосредственном соседстве с утургурами, а некоторые считают даже возможным утверждать, «что на территории будущего Тмутараканского княжества анты и кочевники утургуры были перемешаны».[2] Логическим следствием такого толкования должно быть признание антов населением степной полосы, кочевым населением.

В наши дни была сделана даже попытка защитить такое толкование известий Прокопия с помощью памятников материальной культуры, свойственных антам. Не рассматривая здесь, насколько удачно или неудачно установлен сам комплекс антских археологических памятников, мы только отметим, что попытка оказалась неудачной и автор вынужден был согласиться с выводами, сделанными полтора десятка лет назад А. А. Спицыным, что юговосточной границей памятников, приписываемых антам, а следовательно, и границей распространения антов на юго-востоке, является южная граница лесостепи.[3]

[1] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, кн. 1 (6), 1939.

[1] Цит. по ВДИ, кн. 1 (6), 1939, стр. 298.
[2] Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 321.
[3] Там же, стр. 322.

Такая трактовка, по нашему мнению, наиболее правдоподобна. У всех известных нам писателей анты и склавины выступают как оседлое население, живущее «в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер», занимающееся земледелием и скотоводством.[1] Эти, без сомнения, достоверные известия никак не могут быть увязаны с взглядами на антов как обитателей степей.

В свете всех этих данных известия Прокопия о югсвосточной границе антов на Дону следует связывать не с нижним течением Дона, не со степной полосой, о чем Прокопий сам совершенно не говорит ни слова, а, вернее всего, с верховьем этой реки, с границей степи и лесостепи. В этом районе А. А. Спицыным отмечены археологические памятники V—VII ст., приписываемые им антам.[2]

Заселение этого района славянами в более поздний период (конец VIII—X ст.) подтверждается в наши дни богатыми археологическими находками, безусловно принадлежащими славянскому населению. Мы имеем в виду славянские поселения и курганные могильники района Воронежа (Боршевское городище, городище у Кузнецовой дачи, городище у Михайловского кордона, курганные могильники Лысой Горы, у с. Боршево и др.), достаточно хорошо исследованные в 1929—1930 гг. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым.[3] В какой связи стоят последние с поселениями антов того района, в данный момент сказать совершенно не представляется возможным.

Размещение славян в VIII—X ст. в районе верхнего течения Дона за границей степи, наблюдаемое на археологических памятниках, находит вполне согласное свидетельство в сообщении арабского географа Масуди (X ст.), если только его «сакалибов» можно принять за славян в собственном смысле слова, а не за какие-либо другие русые, светлые народы Севера. Осторожность подобного подхода должна иметь место у всякого исследователя, которому приходится строить свои выводы о славянах на основе арабских источников. Всем уже давно хорошо известно, какое широкое толкование вкладывали арабы в термин «сакалиб». В свое время достаточно убедительно это было показано Вестбергом.[4] В наши дни это положение мы можем хорошо проследить на только что опубликованном «Путешествии Ибн-Фадлана на Волгу» по Мешхедской рукописи.[5] Несмотря на то, что Ибн-Фадлан пробыл несколько месяцев в стране волжских болгар, находясь в непосредственном общении с ними, где имел, вероятно, достаточно возможностей познакомиться и с собственно славянами, он все же называет царя болгар — царем славян.[1] В силу этого едва ли все свидетельства арабов о «сакалибах» возможно принимать как свидетельства о собственно славянах. А если это так, то ко всякому исследуемому нами факту упоминания арабами «сакалиба», с точки зрения отождествления этого термина со славянами, мы должны подходить с учетом всех прямых и косвенных данных.

В затронутом нами выше свидетельстве Масуди о «сакалибах» на Дону он сообщает:

«Между большими и известными реками, изливающимися в море Понтус, находится одна, называемая Танаис, которая приходит с севера. Берега ее обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами, углубленными в северных краях».[2]

Многие исследователи находят в этом свидетельстве подтверждение раннему заселению района нижнего течения Дона славянскими племенами.[3] Между тем, при внимательном рассмотрении этого известия, мы вовсе не находим указания на нижнее течение Дона. Масуди прямо говорит: «Берега ее обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами, у г л у б л е н н ы м и в с е в е р н ы х к р а я х».[4]

Не нижнее, а безусловно верхнее течение Дона, за границей степи, имеет в виду Масуди. Именно в верховьях Дона, в лесо-степной полосе, как мы отметили выше, имеются достаточно убедительные археологические памятники славяно-русского населения этого периода. Ничего подобного для этого периода южнее поселений, вскрытых П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым, мы не знаем. Попытка В. В. Мавродина объяснить последнее обстоятельство тем, что «отсутствие вещей, типичных для приднепровских славян (на нижнем Дону. *И. Л.*), еще ничего не означает, — вещи могли быть местного типа, а изготовившие их — русскими, славянами»,[5] да к тому же еще «переселившимися с севера»,[6] едва ли нуждается в опровержении. Тем более, что тот же автор для тех же пришедших с севера славян, всего лишь полстолетием позже, разыскивает на той же территории многочисленные археологические памятники приднепровского или киевского типа.[7]

---

[1] С. А. Ж е б е л е в. Маврикий (Стратег). Изв. о славянах VI—VII в. Ист. архив, т. II, М. — Л., 1939, стр. 35—37.

[2] А. А. С п и ц ы н. Древности антов. Сборник в честь Соболевского, М., 1927, стр. 493.

[3] П. П. Е ф и м е н к о. Раннеславянские поселения на среднем Дону. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 2.

[4] Фр. В е с т б е р г. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, 1903, кн. 2, стр. 364—370.

[5] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М. — Л., 1939.

---

[1] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М. — Л., 1939, стр. 55, 77—78 и др.

[2] А. Я. Г а р к а в и. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 140—141.

[3] Д. И. Б а г а л е й. История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1882, стр. 21. — П. Г о л у б о в с к и й. История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1881, стр. 19. — А. А. Ш а х м а т о в. Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919, стр. 34. — В. В. М а в р о д и н, ук. соч., стр. 240 и др.

[4] Подчеркнуто нами.

[5] В. В. М а в р о д и н, ук. соч., стр. 256.

[6] Там же, стр. 245.

[7] Там же, стр. 254—255.

Не менее крупное место, чем свидетельство Масуди, среди доводов в защиту ранних славянских поселений в степях на юго-востоке занимают известия Аль-Белазури (вторая половина IX ст.) и Табари (начало X ст.) о походе Мервана на хазар. Сведения, сообщаемые географами, противоречивы. Известие Аль-Белазури указывает о набеге Мервана на славян («сакалиб») и пленении 20 000 оседлых людей.[1] Известие Табари — о нападении на неверных при славянской реке (реке «сакалиб»), убийстве их и разрушении 20 000 домов.[2]

Вопрос о достоверности этих известий уже неоднократно ставился исследователями. Многие из них подвергают правдивость этих известий сомнению. Мы не будем останавливаться сейчас на перечислении всех доводов за и против и сделаем лишь одно замечание общего порядка.

Мы считаем, что если бы даже сами факты, отмеченные географами, не вызывали никаких подозрений, а противоречивость известий заставляет сомневаться в их достоверности, — то и тогда, при том широком значении термина «сакалиб», какое он имеет у арабов, при отсутствии других, как прямых, так и косвенных, свидетельств, подтверждающих здесь наличие славян для этой поры, у нас не было бы никакого основания признать в сакалибах Аль-Белазури и Табари славян в собственном смысле слова.[3]

Этими источниками фактически ограничивается тот круг письменных свидетельств до второй половины X ст., которые по своему содержанию касаются непосредственно нашего вопроса. Но мы считаем необходимым остановиться еще на одной группе источников, хотя и не имеющих непосредственного отношения к нашему вопросу, тем не менее очень часто используемых как косвенные данные.

К этой группе прежде всего принадлежит известие Бертинских летописей под 839 г. о посольстве хакана русов к византийскому императору Феофилу, которое прибыло в Ингельгейм к королю франков Людовику Благочестивому вместе с византийскими послами, чтобы оттуда иметь возможность возвратиться в свою страну, так как путь, по которому они прибыли в Византию, оказался перехваченным варварами.

В. В. Мавродин обосновывает местоположение «государства» кагана русского на юго-востоке прежде всего тем, что сам термин «каган» «говорит именно за близость социальную, этническую и, наконец, географическую этих «русов» к тюркизирующемуся юго-востоку вообще».[1] Нам кажется, что залезать в дебри отвлеченных изысканий едва ли есть необходимость. Мы располагаем достаточным конкретным историческим материалом, свидетельствующим о бытовании термина «каган» в применении к князьям реальной Киевской Руси. Его мы находим в похвальном слове митрополита Илариона вел. кн. Владимиру:

«. . .похвала кагану нашему Владимиру, от него же крещени быхом».

«Похвалим же и мы . . . нашего учителя и наставника, великого кагана нашея земли, Владимера».

«Сий славный от славных рождейся, благородный от благородных, каган наш Владимер».

«Паче же помолися о сыне твоем, благовернем кагане нашем Георгии».[2]

Этот же термин имеет место по отношению к русским князьям как отголосок и в более позднее время, напр. в «Слове о полку Игореве»: «Рек Боян а ходы на Святъславля пестворца старого времени Ярославля Ольгова Коганя хоти».[3]

Исходя из этих свидетельств, нет абсолютно никаких оснований, да и надобности тоже, искать для хакана русов Бертинских летописей какую-то Русь на юго-востоке, около Хазарии. Хакан русов вполне осмысляется из реально существующей Руси Приднепровья.

К этому нужно присовокупить еще один весьма важный момент. Если бы послы кагана русов действительно были связаны с территорией юго-востока (Приазовьем), какая была бы им необходимость возвращаться к себе на родину через Западную Европу. Путь из Византии в Приазовье морем для них был всегда свободен, не мог быть перехвачен никакими варварами. Та обстановка, которая создалась для возвращающихся обратно послов, могла иметь место лишь на пути из Византии в Киев, в южных степях, где и раньше и позднее подобное положение имело место очень часто. Вспомним хотя бы описание этого пути у Константина Багрянородного в его «Об управлении государством»[4] или события, связанные с возвращением Святослава из Болгарии, описанные нашим летописцем.[5]

Еще меньше имеется оснований для отнесения к числу славяно-русского населения юго-

---

[1] А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 38.

[2] Там же, стр. 76.

[3] А. А. Шахматов, соглашаясь с тем, что «под именем saqlâb арабы разумели не только славян, но и восточных финнов, а может быть и турок, обитавших в России», однако считает, что «нарочитое указание на славян в земле хазар в сообщении Ал-Баладури... заслуживает полного доверия» (Древнейшие судьбы русского племени, стр. 34, прим.).

Но из чего можно заключить, что нарочито упомянутые сакалибы Ал-Белазури есть собственно славяне. Может быть это волжские болгары, которые, напр., Ибн-Фадланом противоставляются хазарам так же, как «сакалибы», а кому, как не Ибн-Фадлану, знать и славян, и болгар, и хазар.

[1] В. В. Мавродин, ук. соч., стр. 245.

[2] Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 1. СПб., 1894.

[3] Слово о полку Игореве. Изд. Сабашникова, М., 1920, стр. 44.

[4] Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, № 91, М.—Л., 1934, стр. 9—10.

[5] ПСРЛ, II, вып. 1. изд. 3, Пгр., 1923, стр. 62.

востока русов, нападавших на Сурож и Амастриду.[1] Единственным поводом к этому является лишь то, что Приазовье и западное побережье Крыма ближе всего лежат к области, подвергнутой разорению. Однако надо полагать, что это ни в какой степени не дает права на подмену реально существовавшего Новгорода Великого каким-то новым, абсолютно ничем не засвидетельствованным для средневековья Новгородом в Крыму лишь только для того, чтобы найти какую-то опору для защиты южной и юго-восточной Руси. Утверждение В. В. Мавродина, что «Новгород этот следует искать не на севере, а на юге», и что «им, повидимому, был крымский „Новгород" — Неаполь — Сатарха, город Тавроскифов, т. е. русских» — основано, безусловно, на каком-то недоразумении.[2] В настоящее время выяснено с достаточной достоверностью, что греко-скифское поселение Неаполь-Сатарха у Симферополя закончило свое существование около III ст. н. э. и что никакого отношения к средневековью никогда не имело и не имеет.[3]

В свое время акад. Греков верно указал И. П. Козловскому на то обстоятельство, что он не может «принять за неоспоримую оговорку..., что поход новгородского князя Бравлина на Сурож не мог исходить из Новгорода Великого, и что поэтому «какой-то» особый Новгород нужно искать в Крыму...»

«...Если знаменитый князь Глеб, — пишет он, — меривший в Тмутаракани море, в XI веке прекрасно мог совершать рейсы из настоящего Новгорода Великого в Крым и обратно, то почему бы его не столь известному предшественнику с таким же успехом не проделать этого пути».[4]

Конечно, это тоже только предположение, однако, предположение иного порядка, построенное, исходя из реальных фактов (существования реального русского Новгорода, а не мифического средневекового крымского Неаполя).

Крупное место в арсенале защитников раннего заселения юго-востока славянами занимают известия арабских писателей о трех племенах Руси: Славии, Артании и племени, связанном с г. Куябой. По своему содержанию эти известия совершенно не имеют никакого отношения к решению нашего вопроса. Поводом для привлечения их в качестве одного из источников является то обстоятельство, что они чрезвычайно неопределенны, вернее, даже запутаны. Если два первых племени (племя, связанное с г. Куяба и Славия) более или менее хорошо находят свое место на этнографической карте восточного славянства IX—X ст., то последнее, Артания, настолько неясно по названию, а по географическому местоположению так неопределенно, что всякий исследователь может понимать и понимает его на свой лад и этнически и географически, исходя из более широких общеисторических своих построений. Норманист Вестберг приурочивает эту группу к северу (Скандинавии).[1] Все защитники ранней юговосточной Руси видят в третьем русском племени Артании — Приазовскую или Черноморскую Русь,[2] хотя в распоряжении исследователей нет абсолютно никаких данных как для доказательства своих положений, так и для опровержения друг друга. В то же время ни те, ни другие не обращают никакого внимания на указания некоторых восточных источников о местоположении Артании в совершенно ином месте, чем все их предположения. Так, персидский географ X ст. размещает города этих племен по реке Рус, впадающей в Волгу. «Река Рус, — пишет он, — проходит среди славян, направляясь к востоку, до самой границы русов. Она протекает, минуя Уржаб, Селябе и Куяне, города русов и проходит через границы Хифджаф. Она не меняет направление и поворачивает к югу, к пределам печенегов и впадает в реку Атель»,[3] а Идриси (XII ст.) указывает: «третий народ называется Артсания, а царь их живет в городе Артсане; этот прекрасный город расположен на неприступной горе; находится он между Славою и Куявою, от Куявы до Артсана 4 дня, а от Артсана до Славы 4 дня».[4] Много неясного в отношении этого вопроса в показаниях и других арабских писателей, в силу чего принимать толкование Артании как юго-восточной группы славяно-русского народа нет абсолютно никаких оснований.

Наконец, к той же группе источников мы относим известия восточных писателей о походах Руси на Каспий и в Закавказье.[5] Ряд исследователей пытаются утверждать, что походы эти предпринимались именно с юго-востока, все той же Приазовской Русью.[6]

Однако исследования текстов, относящихся к походам и в частности к маршрутам походов,

[1] В. Г. Васильевский. Жития св. св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Летопись занятий археографической комиссии. 1882—1884 гг., вып. 9, СПб., 1893, стр. 66—71, 100—103.

[2] В. В. Мавродин, ук. соч., стр. 245.

[3] А. И. Маркевич. К столетию исследований на городище Неаполе у Симферополя (1827—1927). Изв. ТОИАЭ, т. III (60). Симферополь, 1929, стр. 4—14.

[4] Б. Д. Греков. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь. Изв. ТОИАЭ, вып. III (60). Симферополь, 1929.

[1] Фр. Вестберг, ук. соч., стр. 397—400.

[2] Д. Иловайский. Разыскания о начале Руси. Изд. 2, М., 1882—1886, стр. 55. — В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности. Лгр., 1924, стр. 21. — В. В. Мавродин, ук. соч., стр. 243 и др.

[3] А. Г. Туманский. Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и русских. Зап. Вост. отд. РАО, т. X, стр. 137.

[4] М. Грушевский. Киевская Русь, т. I. СПб., 1911, стр. 234, прим.

[5] А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 133. — А. Ю. Якубовский, Ибн-Мисковейх о походе русов в Бердаа в 332—943/4 г. Визант. врем., т. XXIV, Лгр., 1926, стр. 63—92.

[6] В. И. Ламанский, ук. соч., стр. 108. — Д. И. Иловайский, ук. соч., стр. 54—55. — В. А. Пархоменко, ук. соч., стр. 52—53, — В. В. Мавродин, ук. соч., стр. 246.

как со стороны ориенталистов, так и историков Древней Руси, дают основания утверждать, что походы эти никак не могли быть предприняты из Приазовья. Бесспорно установлено, что и Керченский пролив и устье Дона в этот период находились в руках хазар и участники походов проходили через пролив и устье Дона, а также поднимались вверх по Дону до волока Дон — Волга только с разрешения хазарского царя. Такое суждение было высказано уже более ста лет тому назад известным ориенталистом В. В. Григорьевым в отношении похода 913 г.[1] В наши дни вопрос этот в свете новейших данных был подвергнут исследованию в отношении похода 943 г. А. Ю. Якубовским.[2] В своих выводах автор пришел к убеждению, что и в 943 г. русы проникли в Закавказье тем же путем, что в 913 г. Иной маршрут для этого похода намечает А. Н. Насонов в только что опубликованной интересной статье «Тмутаракань в истории Восточной Европы» (Исторические Записки, № 6, 1940). Однако исходным пунктом и он считает Киевскую Русь, а не юго-восток. Мы не говорим уже о третьем походе (965 г.) киевского князя Святослава. Поход этот не только не является основанием для подобных утверждений, но служит косвенным свидетельством о действительном исходном пункте всех предшествующих набегов — Киеве.

Мы остановились на последней группе источников достаточно подробно не потому, что придаем ей существенное значение. Сами источники абсолютно ничего не дают для нашего вопроса. Но та форма, в которой они преподносятся некоторыми исследователями, их многочисленность, заставили нас сосредоточиться на них и показать их истинный смысл.

Весьма ценные указания для понимания археологических материалов юго-востока до второй половины X ст., а вместе с тем и этнического облика этого района мы находим у Константина Багрянородного в его сочинении «Об управлении государством». В главе 14 «О народе печенежском», характеризуя географическое местоположение отдельных колен печенегов, он дает прекраснейшую этнографическую карту южной и в частности юго-восточной части восточной Европы.

«. . .Четыре колена печенегов, — пишет он, — . . .лежат за рекою Днестром, будучи обращены к восточной и северной сторонам — к Узии, Хазарии, Алании, Херсону и прочим климатам, а другие четыре рода расположены по сю сторону реки Днестра, к западной и северной сторонам, именно, округ Гиазихопон соседит с Болгарией, округ нижней Гилы соседит с Туркией, округ Харовой соседит с Русью, а округ Явдиертим соседит с подвластными Русской земле областями, именно с Ултинами, Дервaенинами, Лензенинами и прочими славянами».[1]

Как видим, Константин Багрянородный вовсе не знает на юго-востоке ни самостоятельного государственного образования славяно-русов, которое, по мнению В. А. Пархоменко,[2] существовало там уже в IX ст., ни отдельных славянских поселений, находящихся в зависимом состоянии от Хазарии или алан, подобно тому, как отмечает он зависимость славян Приднепровья в отношении к Руси. Это свидетельство Константина в сочетании с прочими рассмотренными выше письменными источниками дает нам картину полной согласованности с данными археологическими, что юго-восток до второй половины X ст. действительно не знал славяно-русского населения, ни как независимого, объединенного в какое-то государственное образование (Пархоменко), ни как подчиненного хазарскому каганату (Мавродин).

Конечно, мы ни в какой степени не можем подводить под это положение ни славянских купцов, ведущих торговлю между Киевом и другими русскими городами с юго-востоком, ни воинов (дружинников), «поселявшихся в городах и селениях Хазарии», и т. п. И не о них, конечно, идет спор и мы ведем здесь речь.

2

Со второй половины X ст. появляются свидетельства о юго-востоке в древнерусских летописях. Они посвящены событиям, связанным с проникновением сюда Киевской Руси. Свидетельства эти не являются развернутой характеристикой жизни юго-востока; очень мало дается в них и для представления об общем этническом облике края, по сравнению с тем, что дает, например, летописец в «Повести временных лет» для Днепровского, Окского, Волжского и Ильменского бассейнов. Тем не менее для понимания вопроса они весьма ценны. Во-первых, уже само проникновение в летописный текст записи о юговосточном районе в связи с славянами именно под годами второй половины X ст. является косвенным подтверждением высказанной нами выше мысли, что этот район до половины X ст. был чужд славяно-русскому населению вообще и Киевскому государству в частности. Во-вторых, наличие этих записей позволяет нам полнее осмыслить разобранные нами археологические памятники и тем самым более правильно подойти к решению интересующего нас вопроса.

Первое упоминание юго-востока относится к 965 г. и связано с знаменитым походом Святослава Игоревича на восток: «Иде Святослав на Козары слышавше же Козаре изыдоша противу с князем своим каганом и съступиша ся бит и бывши брани межи ими одоле Свято-

[1] В. Р. Григорьев, Россия и Азия. СПб., 1876, стр. 12—17.

[2] А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 82—87.

[1] Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, вып. 91, стр. 16.

[2] В. Пархоменко, ук. соч., стр. 40.

слав Козаром и город их Белу Вежю взя и Ясы побед и Касогы и приде к Киеву».[1]

Независимо от того, какое бы толкование для Белой Вежи мы ни приняли, будем ли мы считать, что летописец называл этим именем левобережное Цымлянское городище (Саркел Константина Багрянородного) или правобережное, для нас существенной роли не играет. Остается неоспоримым тот факт, что Святослав проник в этот район и захватил его.

О последствиях похода и дальнейшей судьбе Белой Вежи летопись молчит. Более полутораста лет продолжается это молчание, и только под 1117 г. летописец вновь касается этой темы: «Том же лете придоша Беловежьци в Русь».[2]

Однако то, о чем умалчивает летописец на протяжении 152 лет между двумя отмеченными им событиями, не пропало для истории. В наши дни жизнь этого периода выступает перед нами в виде археологических памятников в вскрытых советскими археологами развалинах цымлянских поселений. Эти памятники рассказывают нам не хуже, а в некоторых случаях даже лучше, чем любое письменное свидетельство той поры, что произошло в этом районе и в частности в Белой Веже после похода Святослава.

В свете археологических данных поход Святослава 965 г. выступает не просто как военный набег с грабительской целью, что имело место, например, для одного из походов русов в Закавказье (913 г.). На месте поселений Хазарского каганата жизнь полностью не прекратилась. Для некоторых пунктов, в частности для левобережного Цымлянского городища (Саркела), она продолжала итти не менее интенсивно, чем это имело место в период господства Хазарского каганата. Но в ней произошли существенные перемены. Значительно изменился этнический облик поселения: в состав населения влились славяне.

Археологические памятники показывают, что левобережное поселение просуществовало после похода Святослава еще длительный период, до XII ст. включительно, и закончило свою жизнь в огне, в связи с какой-то новой катастрофой. Один из последних эпизодов жизни поселения нашел отражение на страницах древнерусской летописи под 1117 г. Но эта запись, как и запись 965 г., настолько кратка, что без увязки ее с археологическими памятниками мы не имели бы возможности понять то, что скрывалось за этими скупыми строками летописца.

Попытка некоторых исследователей рассматривать событие, записанное летописцем под 1117 г., как свидетельство бытования здесь славян «издревле», живших в Белой Веже под покровом хазар и теперь, в XII ст., покидающих ее под напором половецких полчищ,[1] как показывают археологические материалы, не может быть признана удачной. Археологические материалы левобережного Цымлянского городища (Саркела — Белой Вежи), относящиеся к славяно-русской культуре, настолько выступают согласно с этими двумя летописными записями (965 и 1117 гг.), что никакой другой трактовки о времени появления здесь славянского населения и его отливе, кроме изложенной нами выше, предложить нельзя.

Летописная запись 965 г. проливает некоторый свет на проникновение славяно-русского населения и в более южные районы Подонья и в Приазовье. Одновременно с захватом Белой Вежи летописец отмечает победу Святослава и над племенами, обитавшими на Северном Кавказе и в Приазовье: ясами и касогами. К концу X ст. (под 988 г.) летописец сообщает, что Владимир посадил своего сына Мстислава в Тмутаракани. Хотя эти свидетельства, как и ряд других, подобных им, характеризующих политическую историю Тмутараканского княжества, не являются прямыми указаниями о проникновении сюда славяно-русского населения, тем не менее они служат достаточно серьезными данными для понимания тех археологических памятников славяно-русской культуры, которые обнаружены в средневековых развалинах Таманского городища — Тмутаракани XI в.

Этот материал, датируемый в основном XI ст., вполне согласен с хронологическими границами летописных известий о русском Тмутараканском княжестве и территориально связан с центром этого княжества.

[1] ПСРЛ, II, вып. изд. 3, Пгр., 1923, стр. 54.

[2] ПСРЛ, II, вып. 1, изд. 3, Пгр., 1923, стр. 281.

[1] П. Голубовский. История Северской Земли до половины XIV ст. Киев, 1881, стр. 8—9. А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, II, 1919, стр. 34.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытаемся теперь суммировать сделанные нами наблюдения над археологическими памятниками и письменными источниками и дать общую характеристику основных положений исследуемого нами вопроса.

В этнографическом введении «Повести временных лет» крайней юговосточной группой славян летописец называет северян, сидящих в бассейнах рек Сейма, Десны и Сулы, а восточной — вятичей, разместившихся по верхнему течению р. Оки. Как далеко распространяются эти две группы на юго-восток и восток, летописец не говорит, его сообщения весьма кратки: «а друзии же седоша на Десне и по Семи и по Суле и наркошася Северо»,[2] «а Вятко седе своим родом по Оце от него прозвашася Вятичи».[3]

[2] ПСРЛ, II, вып. 1, изд. 3, Пгр., 1923, стр. 6.

[3] Там же, стр. 10.

Свидетельства восточных писателей (Масуди) и археологические памятники дают возможность несколько уточнить восточную и юговосточную границы этих двух групп. К концу IX—X ст. юговосточная граница проходила по линии правого берега р. Ворсклы [поселения у сс. Опошня, Глинска, Куземина, Петровского,[1] близ Ахтырки (Ницаха)[2]], верховьев Сев. Донца (Донецкое городище),[3] подходя на востоке вплотную к верхнему течению Дона между рр. Воронежем и Тихой Сосной (поселение у с. Боршево). Восточной границей славянских поселений был правый берег р. Воронежа в ее нижнем течении (поселения близ дома отдыха им. Горького, у Михайловского кордона и др.).[4] В каком месте происходил здесь стык северян и вятичей и кому из них принадлежали поселения по верхнему Дону и нижнему течению Воронежа, решить пока не представляется возможным. Вместе с тем имеются некоторые данные предполагать, что эти поселения не были ни северянскими, ни вятическими, а принадлежали одной из тех незначительных племенных славянских групп, которые совсем не упоминаются в летописи, а известны нам лишь из иноземных источников. В частности, есть основание связать их с «С-л-виюн» письма хазарского царя Иосифа. При перечислении племен, платящих ему дань, он помещает их рядом с «В-н-н-тит» (вятичами) и «С-в-р» (северянами).[5]

Эта пограничная полоса славянских поселений географически проходила по границе степи и лесостепи. Ниже этой границы поселений славян этой поры археологам пока что неизвестно. Отсутствуют, как мы видели выше, и письменные свидетельства, которые в какой-то степени могли бы противостоять археологическим данным.

Связано ли отсутствие славяно-русских поселений за этой границей с тем, что земли юговосточных степей были недоступны для обработки славянскому населению, которое привыкло к более легким лесным и лесо-степным почвам и было вооружено для этой цели примитивными пашенными орудиями (деревянным плугом), или с тем, что северная граница степи и берега крупных степных рек (Сев. Донца, Оскола, Дона и др.), лежавшие на пути продвижения к югу, были достаточно прочно освоены местным туземным оседлым населением, находящимся под защитой могущественного Хазарского каганата, сказать пока очень трудно. Вероятнее всего здесь играли роль оба обстоятельства. Это подтверждается и отсутствием среди славяно-русских археологических памятников IX—X ст. юговосточной полосы (от Днепра до Дона) земледельческих пашенных орудий, пригодных для обработки тяжелых степных целинных почв, и наличием довольно крупных укрепленных туземных поселений вдоль всей северной границы степи от верховьев Донца до устья Тихой Сосны и по берегам степных рек (Салтово, Саловка, Ольшанское, Алексеевка, Маяцкое, правобережное Цымлянское и др.), с ясно выраженным земледельческим обликом, при достаточно высокой технике пашенных орудий. Кроме того необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что незначительная плотность населенности лесо-степной полосы, вдоль юговосточной границы, насколько это можно судить по наличию сохранившихся памятников (поселений и курганных могильников), повидимому, не создавала необходимой потребности к продвижению на юг, в степи. Эти положения находят достаточное подтверждение в последующих событиях.

Под ударами Киевской Руси в конце X ст. окончательно падает мощь Хазарского каганата, и западная часть его (Подонье и Приазовье) входит на некоторое время в состав Киевского государства в виде Тмутараканского княжества. Казалось бы, для славяно-русского населения открылись широчайшие возможности освоения плодородных почв этого района. Однако, как мы видели, археологические памятники этой эпохи пока что дают совершенно иную картину. На всем громаднейшем степном протяжении Дона вплоть до Таманского полуострова мы знаем в настоящее время всего лишь четыре поселения, которые по своему вещественному материалу могут быть в той или иной мере связаны с славяно-русским населением. Это — левобережное Цымлянское городище (Саркел), Потайновское (напротив Саркела на правом берегу Дона), Кобяковское (устье Дона) и Таманское. Все эти поселения существовали и в предшествующий период с той лишь разницей, что они были связаны с населением иной, так наз. салтово-маяцкой культуры.

Между прочим интересно остановиться вообще на судьбе упоминаемых нами выше поселений этой культуры, а не только занятых в этот период славянским населением. К концу X ст. все они (за исключением отмеченных нами выше, занятых славянским населением), равно как и некоторые смежные славянские поселения верхнего Дона (Боршевское, у Михайловского кордона и др.), прекращают свое существование. Отсутствие каких-либо прямых указаний лишает нас пока возможности говорить определенно о причинах этого запустения. Можно высказать лишь предположение, что одной из причин этого явления, по всей вероятности, был тот разгул кочевников, который начался в степях после того, как Хазарский каганат потерял полностью свое значение в запад-

[1] Материалы нашей разведки и раскопок 1940 г. по среднему течению р. Ворсклы. Раскопки Петровского городища (Тростянецкий р-н Харьковской обл.) произведены П. Н. Третьяковым в 1938 г.

[2] В. А. Городцев, ук. соч., стр. 121—130.

[3] Там же, стр. 110—121.

[4] П. П. Ефименко, ук. соч.

[5] П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X в. Лгр., 1932, стр. 98—99.

ной части, где до этой поры он достаточно прочно держал степь в своих руках на протяжении ряда столетий. Под влиянием этих кочевнических набегов одни поселения, стоявшие ближе к лесостепи, как, напр., Боршевское, у Михайловского кордона и др., были заблаговременно оставлены,[1] и население их спокойно перебралось в более надежные места. Другие, расположенные в центре степей, как, напр., правобережное Цымлянское поселение, стали полным достоянием этих набегов, а население их оказалось форменной жертвой этого произвола, будучи частично перебито непосредственно в своих жилищах,[2] а частично, вероятно, разогнано или захвачено в плен.

Но вернемся к поселениям, которые продолжали свое существование на месте поселений салтово-маяцкой культуры, хотя и с иным составом населения. Что представляют собою они? Чем вызвано освоение их славянами?

Прежде всего обращает на себя внимание географическое размещение этих поселений и их историческое прошлое. Для двух из них (левобережного Цымлянского городища — Саркела и Таманского городища — Тмутаракани) это прошлое нам более или менее известно. Саркел возник, в первую очередь, как опорный военный пункт Хазарского каганата на северо-востоке для борьбы с кочевническими набегами.[3] Однако, как это показывают археологические данные, он очень скоро из военной крепости превратился в город с мирным населением, стал, по всей вероятности, узловым торговым пунктом на скрещении сухопутного и водного путей. Построенный на месте переправы кочевников через Дон при продвижении их из Приволжья в Причерноморские степи, он загородил переправу и для торговых караванов, которые шли, безусловно, по тем же самым дорогам, по которым двигались и кочевники. Косвенным свидетельством существования здесь большого торгового пути, связывающего Восток с Западом и Кавказ с Севером, является наличие еще недавно здесь двух чумацких шляхов — одного с Волги, а другого из Манычеких степей, и скотопрогонной дороги с Северного Кавказа в центральную часть России.[4] Здесь же, у Потайновского поселения, существует до сегодня и переправа. Живучесть таких путей хорошо известна на примерах шляхов средней России (Муравский, Миусский, Калмиусский).

Расположенное на противоположной стороне Дона (правый берег) поселение у хут. Потайновского, безусловно, было теснейшим образом связано с Саркелом, было придатком к нему, обеспечивающим нормальную переправу и контроль с правой стороны и не играло какой бы то ни было самостоятельной роли.

Еще более важное место и в торговом отношении и стратегически занимало Таманское поселение (Матарха), расположенное на восточном берегу Керченского пролива, почти при самом выходе из Азовского моря в Черное. Уже один факт беспрерывного существования этого поселения со времени античности до наших дней говорит о том крупном значении, какое придавалось этому пункту во все времена и всеми народами. Случайные отдельные находки, а также материалы раскопок характеризуют досредневековый период жизни этого поселения как крупный городской торговый центр, имеющий широкие торговые связи.[1]

Торговое значение этого пункта в послетмутараканский период засвидетельствовано письменными источниками, такими, как договор византийского императора Мануила с генуэзцами 1169 г., сообщением арабского географа Идриси, который около 1154 г. писал:

«Матарха весьма древний город, а имя его основателя неизвестно. Матарха окружена возделанными полями и виноградниками, цари ее весьма отважны, мужественны, предприимчивы и весьма грозны соседним народам. Город этот густо населен и весьма цветущ; в нем бывают ярмарки, на которые стекается народ из всех близких и дальних краев».[2]

Мы не располагаем достаточными данными для общей характеристики Кобяковского поселения этой поры. Длительное его существование, хотя в отличие от Таманского с неоднократными перерывами, богатая насыщенность культурных напластований, в сочетании с выгодным географическим местоположением, говорят за то, что это было не рядовое поселение. Кобяково расположено на правом берегу Дона, в том месте, ниже которого сейчас же начинается широкая болотистая Донская дельта, совершенно недоступная для переправы. Таким образом, участок, занимаемый поселением, представляет первую, следуя от побережья Азовского моря, и последнюю от верховьев Дона возможность переправы через Дон. Существование переправы вблизи поселения до настоящего времени является показательным фактом географического значения этого района.

Результаты наблюдений над письменными и вещественными памятниками получились весьма интересные. Славяно-русское население, проникнув на юго-восток, включив в сферу влияния Киевской Руси западную часть Хазарского

[1] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону в районе Воронежа (рукопись).

[2] И. И. Ляпушкин. Раскопки правобережного Цымлянского городища. Краткие сообщения... ИИМК, вып. IV.

[3] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 80.

[4] Х. И. Попов, ук. соч., стр. 275. — М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 83.

[1] К. К. Герц. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове. Древности. Тр. МАО, т. VI, вып. 1, 2 и 3.

[2] А. Гаркави. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе. Тр. Казанск. археол. съезда, т. II, стр. 244.

каганата (Подонье и Приазовье), заняло такие пункты, которые в предшествующий период являлись крупными торговыми и военно-стратегическими поселениями (городами). Было ли это явление случайного порядка или преднамеренным, решить можно будет лишь после того, как мы выясним, какой же характер приобрели эти поселения с момента проникновения в них русских.

Материалы, которыми мы располагаем, дают основания утверждать, что и в этот период (XI—XII ст.) эти поселения, будучи заняты русскими, не были рядовыми поселениями сельского, земледельческого типа. Поселения продолжали существовать как крупные торговые и, по всей вероятности, административно-военные, а в некоторых случаях и религиозные (напр. Тмутаракань) центры. Для характеристики последней (Тмутаракани) мы имеем ряд письменных свидетельств. Прежде всего это поселение было княжеской резиденцией русского тмутараканского князя и его дружины. Об этом свидетельствуют с достаточной полнотой русские летописи. Из археологических памятников, характеризующих эту сторону, можно указать на камень с надписью о деятельности князя Глеба,[1] монеты князя Олега-Михаила, печати посадника Ратибора,[2] костяную пластинку от лука со знаком Рюриковичей, найденные в разное время на территории Таманского городища.

Из свидетельства Патерика Печерского мы можем заключить, что здесь находился центр Тмутараканской епископии.[3]

О городском характере поселения свидетельствуют и развалины жилых наземных построек, фундаменты которых в большей части сложены из камней, а стены преимущественно из самана. Размеры построек, судя по тем немногочисленным остаткам, которые вскрыты раскопками 1930—1931 гг., достигают 50 кв. м.

Мы не располагаем материалами, непосредственно свидетельствующими о торговом характере таманского поселения в этот период (XI—XII вв.), но некоторые косвенные данные могут быть приведены и в обоснование этого положения. Так, обращает на себя внимание наличие громадного количества глиняной посуды — амфор, кувшинов и т. п. Конечно, рассматривать ее только как бытовую едва ли возможно. Это прежде всего, безусловно, тара, используемая для перевозки жидких товаров — вина, масла и т. п. О торговле же говорит и судовой балласт — камни различных пород,[4] совершенно отсутствующих как на самом полуострове, так и вблизи (граниты, гнейсы). В частности, к культурным отложениям этого периода относится александровский гранит из-под Киева.[1]

Для левобережного Цымлянского поселения этой поры (XI—XII ст.) письменных свидетельств мы не имеем, зато располагаем более богатым вещественным материалом. Последнее обстоятельство, как мы отмечали выше, связано и с большим размером раскопок, по сравнению с Таманским поселением, и иным характером жизни поселения. В то время как в условиях Таманского поселения предметы быта и другие интересующие нас вещи попадали в культурные напластования по большей части случайно, в левобережном поселении в итоге частых пожаров культурные напластования поглощали все, что оказывалось под развалинами сгоревших жилищ. В огне, по всей вероятности, городище закончило и свое существование.

. Кроме вещей из городища, для характеристики левобережного поселения мы располагаем богатым материалом из Большого кургана XI—XII ст., принадлежащего обитателям этого поселения.

Как и для Таманского поселения, для левобережного Цымлянского характерны наземные жилища, сделанные из самана на кирпичных фундаментах. По своим размерам они близки к таманским жилищам. Так, площадь одного, неполностью сохранившегося жилища из раскопок 1935 г., достигает 40 кв. м.[2]

Рассматривать эту особенность построек изучаемых городищ только как явление, связанное с иными географическими условиями края и этническими особенностями, игнорируя социальный облик поселения, нельзя, так как для этого же времени мы знаем жилища соседнего поселения, безусловно принадлежащего к сельскому земледельческому типу (правобережное Цымлянское городище третьего периода), которые имеют совершенно иной характер: это полуземлянки, хотя по устройству своему несколько и отличные от полуземлянок лесо-степной и лесной полос средней России (по форме они круглые или овальные, без каких-либо специальных очажных сооружений).[3]

Вещественный материал левобережного поселения XI—XII ст. весьма разнообразен. Есть вещи привозные, свидетельствующие о наличии широких торговых связей. Таковы различные предметы украшения из янтаря, аметиста, лигнита, сердолика, ляпис-лазури, прозрачного горного хрусталя (бусы, подвески различной формы, крестики), раковины-ужовки (cypraea). Возможно, не все они привозились в готовом виде, некоторые, по всей вероятности, изготовлялись на месте, но все же из привозного материала (напр. вещи из янтаря), о чем свидетельствует, напр., большое количество находок кусков янтаря.

---

[1] Литература о камне наиболее полно освещена в работе А. А. Спицына «Тмутараканский камень» (ЗОРСА, т. XI, СПб., 1915).

[2] Н. И. Репников, ук. соч.

[3] Патерик Киевского Печерского монастыря. Изд. Археогр. ком. Спб., 1911, стр. 76.

[4] А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК. Сообщ. ГАИМК, № 1, 1931, стр. 29.

[1] Полевая документация Таманской экспедиции ГАИМК 1930—1931 гг. Рукописный архив ИИМК.

[2] А. Л. Якобсон. Жилища Саркела по данным раскопок 1934 и 1935 гг., стр. 32 (рукопись).

[3] И. И. Ляпушкин, ук. соч.

Много вещей и местного производства. Последнее подтверждается наличием различных литейных форм для изготовления украшений, тиглей, для плавки металлов, металлических и стеклянных шлаков, гончарных печей и т. п. О торговых связях поселения, помимо привозных вещей, свидетельствует наличие отмеченных выше материалов неместного происхождения, напр., янтаря, большое количество керамической посуды-тары (амфор, кувшинов), а также различных монет: мусульманских, византийских (херсонесских). Кроме того встречена одна западноевропейская (южногерманская) монета и одна русская (владимирово серебро III типа).[1]

Все эти данные говорят за то, что и после проникновения сюда русских поселение продолжало сохранять свой старый городской облик, жило интенсивной торговой жизнью, будучи связано не только с Востоком, но и с Западом, что, конечно, вовсе не исключало, а, наоборот, как и во всяком ранне-средневековом городе, предполагало наличие и земледелия, свидетельством чего для левобережного городища являются отдельные земледельческие орудия (серпы) и наличие хлебных ям.

О городском характере поселения говорит нам и сосуществование здесь развитого ремесла, услугами которого пользовалась военно-торговая верхушка населения, с примитивным домашним производством на себя (лепная керамика), к которому прибегали низы населения, а также ярко выраженное имущественное неравенство, бедность и богатство, особенно хорошо прослеживаемые на погребальном инвентаре Большого кургана, где на ряду с погребениями, содержащими вещи из золота и серебра, имеют место погребения с весьма бедным инвентарем, а иногда и совсем без него.

Дополнительным доводом к высказанному нами положению о торговом характере левобережного поселения в XI—XII ст. является пестрота его этнического состава, присущая, как правило, большинству средневековых торговых городов, вскрытая антропологами на материалах и Большого кургана и курганов с одиночными захоронениями (так наз. кочевнических погребений). Вслед за русским населением большое место среди обитателей города занимали тюркские народы, возможно, половцы, которые, несмотря на свой сугубо кочевнический степной образ жизни, судя по ряду источников, занимали крупное место в торговых операциях юга и юго-востока и, как видно, не только не грабили торговые караваны, но являлись и проводниками их.

Значительно труднее говорить о характере Кобяковского и Потайновского поселений, поскольку для них мы совершенно не имеем письменных свидетельств, а раскопки носили исключительно разведочный характер.

[1] Материалы из раскопок 1934—1936 гг. хранятся в ИИМК АН СССР. Об остальных вещах см.: М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 15—23.

Мы полагаем, что Потайновское поселение, как и в предшествующий период, продолжало сохранять свое старое значение пункта переправы и находилось всецело в зависимости от левобережного поселения.

Материал Кобяковского поселения, полученный при разведочных раскопках, хотя и небольшой, все же позволяет осветить отдельные стороны жизни поселения. Жилища Кобяковского поселения и по своей форме и по строительным материалам очень близки к жилищам и Таманского и левобережного поселений: это наземные постройки с фундаментами из камня и саманными стенками. Полы глинобитные. Из вещей нужно отметить большое количество керамики (амфор), куски янтаря, стеклянные браслеты, глиняную просфорницу (пинтадер). Последняя должна свидетельствовать о наличии на городище христианского храма или какого-то другого христианского культового сооружения, что в сочетании с остальными, хотя и немногочисленными, вещами[1] является лишним доводом в пользу отнесения и этого поселения к типу городских.

Таким образом рассмотренные нами поселения, освоенные славянами после похода Святослава на юго-восток и подчинения западной части Хазарского каганата Киевской Руси, в течение XI—XII ст., не изменили своего общего облика. Поселения продолжали оставаться и в этот период как торговые и военно-административные пункты, со всеми свойственными средневековым поселениям-городам особенностями: ярко выраженным имущественным неравенством, сосуществованием высокоразвитого ремесла с примитивным домашним производством на себя, широкими торговыми связями, а в связи с этим и пестрым этническим составом.

Выявленный нами облик славяно-русских поселений конца X — начала XII ст. на Дону и Тамани дает очень многое для осмысления как общего характера проникновения славяно-русского населения на юго-восток, так и некоторых его деталей.

Выше мы уже отметили, что поход Святослава не был военным набегом с грабительской целью, как это имело, напр., место в 913 г. при набеге на Закавказье. Данные, имеющиеся в нашем распоряжении, не позволяют также предполагать, чтобы поход ставил своей целью создание предпосылок для массового колонизационного передвижения славянского земледельческого населения юго-восточной лесо-степной окраины (северян и вятичей) с целью освоения новых земельных и водных угодий юго-восточных степей.

Весьма важно напомнить факт малочисленности археологических памятников славяно-русской культуры XI—XII ст., и прежде всего по-

[1] А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. Сообщ. ГАИМК, т. I, Лгр., 1926, стр. 113—118. — М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 106—111.

селений, отмечаемый неоднократно нами выше. Как на интересную деталь можно указать на незаселенность даже смежных поселений с левобережным Цымлянским (правобережного, у хут. Карнаухова и хут. Среднего), которые в предшествующую пору были тесно связаны с ним. Из общего числа пяти поселений этого района заселенными оказались лишь два, те, которые связаны непосредственно с торговыми путями — переправой через Дон (Саркел и Потайновское).[1]

Далеко не сплошь были населены славянами и те поселения, которые в результате похода Святослава были заняты ими. Выше мы уже отмечали пестрый этнический состав левобережного поселения. Здесь на ряду со славянами крупное место занимают тюркские племена (половцы), затем, вероятно, алане (?), а также другие, пока еще не выясненные группы.

Ту же этническую пестроту необходимо отметить и для Таманского поселения (Тмутаракани). Здесь эта пестрота особенно ярко вырисовывается в событиях, связанных с историей Тмутараканского княжества. На всем протяжении летописного существования княжества тмутараканские князья находятся в окружении туземного населения. Даже в составе княжеской дружины и его войск, начиная с первого князя Мстислава (1022 г.) и кончая Олегом (1094 г.), все время можно наблюдать этот местный туземный элемент. Под 1023 г. летописец, повествуя о походе Мстислава против Ярослава, пишет: «Поиде Мьстислав на Ярослава с Козары и сь Касогы».[2] Этот же туземный характер дружины Мстислава чувствуется у летописца и дальше — в противопоставлении славян и варягов дружине Мстислава. При осмотре поля битвы под Лиственом летописец устами Мстислава заявляет: «кто сему не рад се лежить Северянин, а се Варяг, а своя дружина цела».[3]

Подобное явление характерно и для всего последующего периода. Под 1078 г. летописец отмечает туземный характер войск тмутараканских князей Олега и Бориса: «приведе Олег и Борис поганыя на Рускую землю и поидоста на Всеволода с Половце»,[4] а под 1079 г. то же самое и для князя Романа: «Приде Роман с Половце к Воиню»; в то же время князь Олег у себя в столице (Тмутаракани) был схвачен хазарами и отправлен в Грецию.[5] Конечно, под последними не обязательно понимать хазар в собственном смысле слова, но это все же было какое-то местное, туземное население. Наконец, под 1094 г. «Олег приде с Половца ис Тмутораканя».[6] Эти факты весьма интересны. Безусловно, они не могут служить основанием к отрицанию вообще славяно-русского населения в Тмутаракани, наличие которого, как мы установили выше, прослеживается, помимо всего прочего, и на археологических памятниках, но они показательны в том отношении, что свидетельствуют о туземном населении (ясах, касогах, хазарах, половцах), как о весьма серьезной этнической силе, правда, может быть не столько в городе, сколько в окружающих районах.

Исходя из всего изложенного нами выше, говорить о наличии здесь массового промыслово-земледельческого славянского населения впредь до открытия новых памятников, в частности поселений, свойственных славяно-русской культуре, не приходится.

В свете этих данных поход Святослава и последовавшие за ним события — освоение славяно-русским населением узловых торговых и административно-военных пунктов, подчинение местных туземных племен (ясов и касогов), образование Тмутараканского княжества и т. д. — едва ли можно рассматривать как «феодальную экспансию», под покровом которой князья стремятся создать на юго-востоке массовое русское население путем переселения с Дона и Днепра.[1] Захват юго-востока, вернее всего, был одним из этапов в «непрерывном возрастании» Киевской Руси IX—XI ст., которое было обусловлено «необходимостью все новых и новых завоеваний»[2] с целью извлечения средств для князя и его дружины путем наложения дани на покоренные племена «ясов и касагов» и на те торговые операции, которые в обширных размерах протекали на немногочисленных торговых путях, связывающих восток и юго-восток с северо-западом.

Занимая узловые торговые и административно-военные пункты на Дону и Тамани, киевские князья тем самым обеспечивали контроль над вновь покоренной областью. Мероприятия подобного порядка в отношении завоеванных областей и вообще смысл военной политики первых русских князей наиболее четко охарактеризовал Святослав Игоревич в связи с другим его завоевательным походом на дунайских болгар: «хочю жити в Переяславци в Дунаи яко то есть среда земли моеи, яко ту вся благая сходятсь от Грек паволокы, золото, вино и овощи разноличьнии и и Щехов и из Угор серебро и комони из Руси же скора и воск и мед и челядь».[3] Конечно, не в «середине земли» тут дело. Новозавоеванные области и те, которые лежали на пути дальнейших завоевательных походов, были куда богаче, чем область средней России (Приднепровье, Волжско-Окский и Ильменский бассейны), и дани с этих богатых областей манили к себе завоевателя.

Так продолжалось до тех пор, пока ход экономического развития не привел общество среднего Приднепровья к окончательному сложению

[1] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 25—30.
[2] ПСРЛ, II, вып. 1, изд. 3, Пгр., 1923, стр. 133.
[3] Там же, стр. 135.
[4] Там же, стр. 188.
[5] Там же, стр. 193.
[6] Там же, стр. 216.

[1] В. В. Мавродин, ук. соч., стр. 257.
[2] К. Маркс. Секретная дипломатия в XVIII ст.
[3] ПСРЛ, II, вып. 1, изд. 3, Пгр., 1923, стр. 56.

внутри его новых отношений, феодальных, к замене полюдья и дани феодальной эксплоатацией.

Не безынтересно отметить, что юго-восток оставался в той или иной связи с Приднепровьем, в зависимости от русских князей, до тех пор, пока существовала Киевская Русь, империя Рюриковичей, хотя и «нескладная», «лоскутная», по словам Маркса, но все же единое целостное государство, в какой-то мере связывающее и защищающее принадлежавшую ему территорию, в том числе, конечно, и юго-восток.

С момента начала обособления отдельных областей, в связи с созреванием новых форм хозяйствования на феодальных основах, юго-восток и, в частности, Тмутараканское княжество, оторванное от основного массива территории б. Киевской Руси, оказалось в окружении враждебно настроенных сил туземных племен Северного Кавказа (ясов, касогов), половцев, Византии и т. д. Русские князья Тмутаракани не находили опоры внутри страны для утверждения своего здесь господства и в то же время уже не могли получать поддержки извне. Начиная с этой поры значение юго-востока (Тмутаракани) для русских князей меняется. Здесь князья уже не засиживаются и не взимают уже «дань в гасог», как это делал еще недавно по традиции Ростислав, они используют юго-восток лишь как базу, где есть возможность спастись от преследования и набрать дружину для отвоевания себе удела в пределах «отчины».

Попытка сыновей Ярослава, сначала Святослава Черниговского, а затем Всеволода Переяславского, удержать эту область за собой, как это имело место в предшествующий период со стороны киевских князей, всякий раз оказывалась неудачной. В 1064 г. княживший в Тмутаракани сын Святослава Глеб был изгнан оттуда Ростиславом Владимировичем (изгоем).[1] В 1065 г. Святослав силою попытался восстановить свои права на Тмутаракань, но лишь только удалились войска Святослава из Тмутаракани, как Ростислав вторично изгнал Глеба.[2]

После смерти Святослава Черниговского и начавшейся усобицы между его сыновьями (Олегом и Романом) и Всеволодом Переяславским последний в 1079 г., когда был убит Роман, а Олег сослан в Византию, сажает в Тмутаракани своего посадника Ратибора.[3] Однако Всеволод не был в состоянии удержать за собой Тмутаракань. В 1081 г. князья-изгои Давид Игоревич и Володарь Ростиславич захватывают Тмутаракань.[4] Но и они остаются недолго. В 1083 г. из Византии возвращается Олег и изгоняет Давида и Володаря.[5]

Только Олегу, последнему летописному русскому тмутараканскому князю, удается основаться здесь на более продолжительное время (1083—1094). Но положение последнего покоилось, вероятнее всего, на иной основе, на поддержке Византийской империи.

В 1079 г. Олег был схвачен местным туземным населением (по летописи, — хазарами) и сослан в заточение в Византию. В Тмутаракань он вернулся после четырехлетнего там пребывания (1083) женатым на знатной гречанке Феофании Музалон. Не вызывает никаких сомнений, что и заточение и освобождение не обошлось без Византии. Занятие княжеского места в Тмутаракани состоялось также не без помощи извне и, в частности, той же Византии, безразлично, в какую бы форму эта помощь ни вылилась — прямую или косвенную.

Какой ценой были куплены Олегом освобождение и эта помощь — сказать трудно. По всей вероятности, — не дешево. Не случайно он был последним русским тмутараканским князем, покинувшим Тмутаракань в 1094 г., чтобы с помощью половцев, полученною, вероятно, также не без содействия Византии, вернуть себе отчину — Черниговское княжество, а уже в 1169 г., судя по договору византийского императора Мануила с генуэзцами, Та-Матархой (Тмутараканью) распоряжается Византия.

Потеря других областей юго-востока славянами фиксируется летописцем приблизительно тем же временем. Под 1117 г. он отмечает о приходе беловежцев на Русь. Но какое-то русское население все же остается в степях. Оно известно летописцам под именем «бродников» и упоминается ими в XII и XIII ст. В какой связи стоит эта группа со славянскими поселениями юго-востока рассмотренной нами поры, мы не знаем, так как не располагаем никакими данными для ответа на этот вопрос.

Искать причину потери юго-востока (в частности Тмутаракани) для Древней Руси в поступках отдельных князей и в том числе Олега нельзя. Олег своими действиями лишь подвел итоги тем взаимосвязям, в каких теперь находился юго-восток с отдельными областями территории бывшей Киевской Руси. Мы не предрешаем значения отдельных событий в этом вопросе. Мы считаем необходимым сейчас лишь подчеркнуть, что основным, определяющим моментом для потери юго-востока был распад Киевской Руси, закат готической империи, начавшийся в связи с сложившимся новым экономическим строем — феодализмом, лишавшим славяно-русские области того политического единства, которое обеспечивало правящим верхам (князю и дружине) Киевской Руси возможность держать в зависимости от себя не только территорию средней России, но и такие отдаленные области, этнически далеко не однородные с собственно славяно-русской территорией, какой являлся юго-восток.

Касаться конкретных форм этого процесса здесь мы не будем; нам кажется, что это вопрос, заслуживающий того, чтобы стать предметом специального исследования.

---

[1] ПСРЛ, II, вып. 1, Пгр., 1923, стр. 151.
[2] Там же, стр. 151.
[3] Там же, стр. 193.
[4] Там же, стр. 193.
[5] Там же, стр. 194.

I. LIAPUŠKIN

LES STATIONS SLAVO-RUSSES DES IX—XII SIÈCLES SUR LE DON ET DANS LA PRESQU'ÎLE DE TAMAN D'APRÈS LES DONNÉES ARCHÉOLOGIQUES

(Résumé)

La question de l'existence d'anciennes stations slaves sur le Don et dans la presqu'île de Taman a été posée pour la première fois au milieu du XIXe siècle par V. Lamanskij dans son travail «Sur les Slaves en Asie Mineure, en Afrique et en Espagne». Le grand intérêt qu'elle a suscité n'a pourtant donné lieu à la publication d'aucune étude spéciale jusqu'à nos jours (1938). On distingue nettement trois périodes dans l'histoire de cette question. La première va de l'apparition du travail de V. Lamanskij à la fin du XIXe siècle. Son trait caractéristique est l'admission par tous les auteurs d'une pénétration des Slaves dans le Sud-Est à l'époque pré-khasare. La seconde embrasse le premier quart du XXe siècle — le point de vue précédent continue à se développer, mais à côté surgit une nouvelle conception, qui nie complètement l'existence d'une population slave dans le Sud-Est jusqu'à la fin du XIIe siècle (A. Spicyn). La troisième période commence en 1923, avec les explorations systématiques dans le Sud-Est entreprises sur une vaste échelle par l'Académie N. Marr d'Histoire de la Culture matérielle. Les fouilles archéologiques, tout en confirmant l'existence de stations slaves dans la zone des steppes du Sud-Est, établirent qu'elles n'y apparurent qu'à la fin du Xe siècle, c'est-à-dire après l'expédition de Sviatoslav (M. Artamonov). Cette manière de voir souleva les objections de V. Mavrodin (1938), qui, dans son travail «Les stations slavo-russes du Don inférieur et du Caucase du Nord aux X—XIVe siècles», tente d'appuyer d'arguments nouveaux l'ancienne opinion selon laquelle les Slaves constituent dans le Sud-Est une population autochtone, établie dans le pays de temps immémorial.

L'auteur du présent mémoire s'est proposé pour but d'éclaircir la question sous ses différentes faces en utilisant les matériaux archéologiques des stations médiévales dans le Sud-Est: Tamanskoïé, Cymlianskoje — Rive gauche (Sarkel), Cymlianskoje — Rive droite, Koktebel, etc. L'étude stratigraphique et comparative de ces matériaux l'amène aux conclusions suivantes.

1. On ne connaît aucun monument archéologique de la culture slavo-russe jusqu'à la fin du Xe siècle sur le territoire du Sud-Est.

2. Les monuments archéologiques du Sud-Est, en particulier la céramique, rapportés par V. Mavrodin et d'autres auteurs à la culture slavo-russe des X—XIIe siècles, appartiennent en réalité à la culture de Saltovo-Majackaja des VIII—Xe siècles.

3. La culture slavo-russe est représentée dans le matériel archéologique médiéval du Sud-Est par un complexe d'objets tout à fait autre (céramique travaillée à la main, mobilier funéraire des tumulus, etc.), qui datent de la période allant de la fin du Xe au XIIe siècle.

4. Cela ne nous permet pour le moment de parler de l'apparition de la culture slavo-russe dans le Sud-Est qu'à partir de la fin du Xe siècle.

Les monuments de la culture slavo-russe ont été constatés non dans tout le Sud-Est depuis les côtes de la Crimée (Koktebel) jusqu'à Krasnodar et du gorodistché de Taman au gorodistché Cymlianskoje — Rive gauche, comme l'affirme V. Mavrodin, mais dans la région du Don inférieur (gorodistché Cymlianskoje — Rive gauche ou Sarkel, Potaïnovskoje, gorodistché de Kobiakovo) et dans la presqu'île de Taman (gorodistché de Taman).

L'étude des sources historiques conduit l'auteur à des conclusions qui confirment celles déduites des données archéologiques. Ni les sources étrangères, ni les sources russes anciennes ne lui ont fourni d'indications directes de l'existence de stations slaves dans les steppes du Don et la presqu'île de Taman jusqu'à la seconde moitié du Xe siècle. Les Antes de Procope de Césarée, qui habitaient «plus loin au nord des Outourgoures», doivent être situés non sur le cours inférieur du Don, mais dans la partie supérieure de la forêt-steppe, ce que prouve leur genre de vie agricole sédentaire.

Les témoignages des écrivains orientaux (Al-Baladuri, Tabari, etc.) relatifs aux Sakalibes (Slaves?) du Sud-Est aux IX—Xe siècles ne sont guère persuasifs non plus, vu que le terme de Sakalibes s'applique non aux Slaves seuls, mais aussi à d'autres peuples du Nord.

Les premières mentions par les sources russes anciennes de la présence de Slaves dans le Sud-Est se rapportent à la seconde moitié du Xe siècle et se trouvent en concordance parfaite avec les monuments archéologiques.

L'auteur se représente comme suit la pénétration des Slavo-Russes dans le Sud-Est.

Jusqu'à la seconde moitié du Xe siècle, les Slaves orientaux dans la direction du Sud-Est ne dépassaient pas les limites de la forêt-steppe (cours supérieur de la Vorskla et du Donec septentrional, embouchure de la Tichaja Sosna), atteignant à l'est la rive droite du Voronež. Cela résultait: 1° de la difficulté pour les Slaves de cultiver les sols lourds des steppes, leur matériel agricole n'étant adapté qu'aux sols plus légers de la zone forestière et de la forêt-steppe; 2° de l'occupation déjà assez ancienne (fin du VIIe — début du VIIIe siècles) des meilleures

terres du pays par la population indigène semi-nomade des steppes; 3° de l'absence chez les Slaves de la nécessité d'avancer vers les steppes du Sud-Est, vu la faible densité de la population sur leur propre territoire.

L'auteur estime, en se basant sur les monuments archéologiques des XI—XIIe siècles découverts dans les steppes du Sud-Est, qu'à la fin du Xe siècle, lorsque la partie ouest du kaganat de Khasarie fut inclue comme principauté de Tmoutarakanie dans la Russie kiévienne, il ne s'est pas produit non plus de mouvement de colonisation en masse de la population agricole slavo-russe dans cette direction. La fin de l'existence des stations mi-agricoles slavo-russes des IX—Xe siècles situées à la limite de la steppe et de la forêt-steppe, ainsi que de la majeure partie des stations appartenant à la culture de Saltovo-Majackaja, est en connexion, d'après l'auteur, avec la ruine du kaganat de Khasarie et le commencement des déprédations des nomades.

On ne peut constater de population slavo-russe aux XI—XIIe siècles que dans quelques localités, qui, dans la période précédente, avaient une importance militaire et administrative ou commerciale, qu'elles conservèrent aux XI—XIIe siècles.

L'auteur considère l'incorporation du Sud-Est dans la Russie kiévienne et la formation de la principauté de Tmoutarakanie comme un des épisodes des „nouvelles conquêtes" des princes de l'empire des Rurik, entreprises en vue d'imposer des tributs à la population indigène et de percevoir des droits sur les opérations commerciales qui s'effectuaient par les voies du Sud-Est.

La perte du Sud-Est par les princes russes fut une conséquence de la décadence de la Russie kiévienne, qui commença avec l'établissement de nouvelles relations sociales — le régime féodal. La tentative, faite d'abord par Sviatoslav, prince de Černigov, puis par Vsevolod, prince de Perejaslav, de retenir en leur pouvoir la Tmoutarakanie, se trouva être au-dessus de leurs forces. Les principautés séparées n'étaient plus en mesure d'entretenir une troupe armée suffisante pour maintenir le pays dans l'obéissance (comme cela était le cas, selon toute probabilité, dans la période de la Russie kiévienne). Ce qui contribuait encore à cet état de choses, c'était que les princes russes manquaient de soutien dans la population indigène, qui chaque fois, dès qu'elle le pouvait, s'efforçait non seulement de se libérer de leur tutelle en profitant de leur querelles intérieures, mais aussi d'intervenir dans les affaires russes (expéditions contre la Russie sous la conduite des princes sans domaine).

A la fin du XIe et au début du XIIe siècle, les princes russes perdent la Tmoutarakanie. En 1094, le prince de Tmoutarakanie Oleg, qui s'était emparé de la principauté non sans l'aide de Byzance, quitte la Tmoutarakanie pour aller, à la tête des «pogani» (payens), à la conquête de son «patrimoine» — Černigov, et en 1169, à juger d'après le traité conclu entre l'empereur de Byzance Manuel et les Génois, Ta-Matraha (la Tmoutarakanie) se trouve déjà au pouvoir des Byzantins. La faiblesse de la population slavo-russe dans le Sud-Est et l'absence de secours de l'extérieur la contraignent elle aussi, en fin de compte, d'abandonner le pays à la même époque. Un chroniqueur écrit en 1117: «En la même année, les Biélovèges vinrent en Russie» («Recueil complet des chroniques russes», vol. II, p. 281).

La chronique connaît une population russe dans les steppes aux XIIe et XIIIe siècles également, mais déjà sous le nom de «brodniki». Toutefois, l'auteur ne dispose pas pour le moment de données pouvant élucider le rapport qui existait entre ce groupe et la population slave du Sud-Est à l'époque ici considérée.

М. А. ТИХАНОВА

КУЛЬТУРА ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ УКРАИНЫ В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

(К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН)

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о культуре западных областей УССР: Восточной Галичины, Западной Волыни и Подолии, в первые века нашей эры — один из наиболее сложных и в то же время недостаточно разработанных в историко-археологической литературе. Многолетние раскопки и обследования в этих районах как дореволюционных русских, так австрийских и польских археологов, наконец, работы последних лет археологов Западной Украины носили преимущественно несистематический, а часто и случайный характер. Открытые памятники сравнительно немногочисленны, а главное, только обнаружены и лишь частично разведаны. Наиболее ценные, как исторический источник, памятники — поселения и могильники — за очень небольшим исключением не подвергались систематическому изучению (исключение — Липица и Хрынов), ни один из них не раскопан до конца и не опубликован полностью. Не подвергнут специальной обработке и такой массовый материал, как керамика.

Между тем именно массовые памятники этой эпохи должны явиться одним из основных материалов как для разрешения вопроса об этногенезе восточного славянства, так и для правильного понимания всего хода исторического развития в югозападных областях нашей страны.

Культурно-этнографическая общность многочисленных мелких этнических групп на громадных лесных и лесо-степных пространствах Средней и части восточной Европы — в бассейнах Вислы, Днестра, Дуная и Днепра, — сложившаяся еще в эпоху бронзы и раннего железа, продолжала развиваться и дальше. Широкие культурные связи бассейнов Днепра, Днестра и нижнего Дуная определили общность в развитии этих территорий и в первые века н. э. Из мелких этнических групп в процессе их скрещения и одновременного расщепления и последующего скрещения с соседними племенными группами формировались более крупные массивы родственных этнических образований, шел процесс сложения восточно-славянских и, одновременно с ними, восточно-германских племен.

Самое географическое расположение западных областей Украины на стыке и рубеже восточного — скифского и западного — кельто-фракийско-римского мира в значительной мере определяло сложность процесса их исторического и культурного развития, которую мы наблюдаем на этой территории в период распада скифского царства, а затем гетского государства, в условиях разложения первобытно общинного строя внутри самих варварских племен и развития социально-экономического и политического кризиса рабовладельческого общества Римской империи, на непосредственных границах которой расположены современные западно-украинские области.

Именно здесь этот процесс скрещения отдельных мелких племен, процесс воздействия различных культур, в первую очередь провинциально-римской, на старую, веками слагавшуюся культуру местного земледельческого населения протекал особенно выразительно и сложно.

Однако, несмотря на исключительную, казалось бы, пестроту этнической карты этих районов и значительно большую связанность их населения с западом и югом, процесс этногонии на этой территории развивался в постоянной связи и единстве с более восточными районами, с Средним Поднепровьем, и в изучаемый нами период, на рубеже, и в первые века н. э.

Входившие частично, начиная с VII в. до н. э., в состав скифского племенного союза или, во всяком случае, находившиеся в непосредственной орбите его влияния области восточной Галичины и западной Волыни после распада скифского царства оказались, повидимому, в составе гетского государства Бурвисты, которое в середине I в. до н. э. подчинило себе огромные придунайско-черноморские территории и включило в свой состав современную Румынию, Болгарию, Венгрию и Чехо-Словакию. Насколько далеко простиралось оно на север, сказать трудно. Одно несомненно, что западноукраинские земли не могли остаться вне сферы его влияния. Разгром гетского государства римлянами (ок. 50 г. н. э.) и дальнейшее наступление Рима на варварский

мир у западных берегов Черного моря, войны императора Траяна (98—117 г.) и образование римской провинции Дакии, где строятся укрепления, мосты, прокладываются новые пути, связывающие черноморское побережье с закарпатскими областями, — сыграли огромную роль в жизни Поднестровья. Остатки одного из таких мостов через Дунай, построенных Траяном (в Дробете), были обнаружены археологическими раскопками. Раскопки показали, что устои моста были сложены из крупных квадров камня, связанных для прочности деревянными балками. Верхние части сложены из бута с облицовкой из квадров.[1] Изображение этого моста дано на колонне Траяна.[2] На Дунае известен мост и более позднего времени — в Celei, построенный при Константине, но продолжавший использоваться и в средневековье: он известен и по письменным источникам.

Хотя официальная Дакия и не включала Галичины, но ее границы находились в непосредственной близости к южным районам последней. Это соседство определило, с одной стороны, все усиливающееся влияние римской государственности и римской культуры на варварскую периферию и ускорило социально-экономические процессы внутри варварского общества, с другой — неизбежно подготовляло наступление самого варварского мира на империю. В этих условиях в III в. возникают новые объединения варварских племен: готские племенные союзы — западный союз тервингов в Поднестровье и восточный союз грейтунгов в Поднепровье. В состав этих союзов племена, населявшие западные области Украины, входили, повидимому, лишь частично и очень недолго, но объединяющая роль готских союзов в деле наступления на римские области и в дальнейшем развитии процесса распада родовых отношений внутри самих варварских племен была исключительно велика. Этому развитию наносит сокрушительный удар наступление с востока кочевников, гуннов. Рабовладельческие поселения в низовьях Днепра, Буга, Ингульца и Днестра, основной хозяйственной базой которых было земледелие, разрушаются. Жизнь в них замирает, прекращаются и налаженные в течение многих веков торговые и культурные связи Поднестровья с Черноморским побережьем. В то же время усиливаются внутренние связи между отдельными областями варварского мира, устанавливающие большее единство в историко-культурном развитии правобережного Днепра и левобережного Днестра, усиливается процесс объединения мелких локальных групп в более крупные этно-культурные массивы.

Как уже указывалось, памятники первых веков н. э. на территории западных областей Украины исследованы очень слабо, хотя за последние годы западноукраинские, а отчасти и польские археологи провели большую работу по обследованию и частичному археологическому исследованию этих территорий. Недостаточная их изученность отчасти объясняется трудностью выявления самих памятников этого периода, в особенности могильников. Лишенные каких-либо внешних признаков, массовые могильники этого времени — «поля погребений», «поля погребальных урн» — обычно обнаруживаются случайно, главным образом при полевых работах, прокладке дорог или постройке тех или иных сооружений. Неслучайное выявление их возможно лишь в условиях систематического, исчерпывающего обследования местности, сопровождающегося научно-поставленными разведками с точной фиксацией, что, несмотря на большую заинтересованность в этих работах как центрального западноукраинского археологического учреждения, Научного общества им. Т. Шевченко в Львове, так и местных краеведческих музеев и обществ, и на наличие достаточных научных сил, — в условиях панской Польши, конечно, организовано быть не могло. В то же время обнаруживаемые на частновладельческих землях остатки древностей, поселения, могильники, отдельные погребения, наконец, клады, в лучшем случае подвергались лишь частичному раскрытию, а иногда и просто хищнически уничтожались. Ни один из могильников или поселений, обнаруженных случайно или вскрытых в порядке обследования того или иного района, не был раскрыт целиком, а потому и не мог быть изучен во всей своей полноте и комплексно с другими родственными или близкими ему памятниками. Часть археологического материала исчезла вовсе и никогда не сможет быть восстановлена и использована археологами.

Некоторые районы, как, напр., Полесье, оставались в сущности совершенно не затронутыми археологической наукой. Почти не привлекавшее внимания археологов царской России Полесье оставалось в значительной мере вне поля зрения и в последние десятилетия; лишь отдельные районы его, вернее, прилегающие к нему с юга, подвергались частичному обследованию и разведочным раскопкам. В итоге археология не располагает до настоящего времени массовым материалом.

Положение это изменяется коренным образом в советских условиях. Воссоединение народов западных областей Украины с братским украинским народом в составе УССР вводит историко-археологическую работу на этой территории в систему плановой исследовательской работы всего Советского Союза. Организация в Львове филиала Института археологии АНУССР, включение львовских археологов и искусствоведов в плановую коллективную научную работу Института и организация в Львове единого историко-культурного музея обеспечат нормальное, строго

---

[1] См. рецензии на работы D. Trudor «Le pont de Trajan à Drobeta» (1931) и A. Decei «Le pont de Trajan à Turn Severin» (1932) в журнале «Istros» (1934, стр. 170 и 173). Самые работы D. Trudor и A. Decei в Ленинграде отсутствуют.

[2] K. Lehmann-Hartleben. Die Trajansäule. Ein römisches Kunstwerk zu Beginn der Spätantike. Берлин и Лейпциг, 1926, табл. 45, XCVIII/XCIX.

систематическое комплексное археологическое изучение западных областей Украины. Наличие уже в Львове ряда крупных специалистов, уже в течение многих лет работавших над вопросами истории культуры первых веков н. э., прекрасно владеющих этим материалом и давших ряд ценных работ (Я. И. Пастернак, М. Ю. Смишко, В. К. Маевский), обеспечат в условиях совместной коллективной работы с исследователями других союзных археологических учреждений успешную разработку этой проблемы и быстрое продвижение по пути ее окончательного разрешения.

I

Археологические памятники рубежа и первых веков н. э. на территории западных областей Украины, как и в среднем Поднепровье, да и на значительно более широком пространстве средней Европы, представлены культурой так наз. «полей погребений» или «полей погребальных урн», культурой единообразной, но отличающейся в то же время в каждом отдельном районе, подчас очень незначительном, местными локальными особенностями.

«Поля погребений» представляют собою рядовые бескурганные могильники населения соседних с ними селищ. Они содержат нередко двоякие захоронения: трупосожжения и трупоположения. Захоронения первого рода, расположенные обычно на небольшой глубине, содержат урны с недожженными костями и прахом умершего и сопровождаются несколькими сосудами; иногда кальцинированные кости помещаются не в урне, а кладутся прямо в могильную яму. В могилах с трупоположением скелет также обставляется сосудами ритуального назначения. Характерна бедность сопровождающего умерших погребального инвентаря и полное отсутствие оружия. Общим для всей культуры полей погребальных урн является самый характер могильников и обряд погребения, а также значительное влияние провинциальноримской культуры — последнее сказывается в широком распространении таких изделий, как фибулы, пряжки, костяные гребни, украшенные глазковым орнаментом, подвески из морских раковин, в наличии собственно импортных предметов из причерноморских и ретийских центров, а также в керамике, часть которой изготовлялась по импортным образцам. Но на фоне этой общности с полной ясностью выступают локальные особенности, генетически связанные с местной культурой предшествующих этапов ее развития.

Наиболее выразительными памятниками культуры первых веков н. э. на рассматриваемой территории являются памятники так наз. липицкой культуры, представленные несколькими могильниками, немногими вскрытыми за последние годы, частично исследованными селищами и отдельными погребениями и находками.

Наименование «липицкой» эта культура получила по названию сел. Липица Горна (Верхняя Липица), Рогатинского района, где еще более 50 лет тому назад был открыт и раскопан большой могильник типа полей погребальных урн. Обнаруживаемые впоследствии и частично исследованные могильники, отдельные погребения и поселения — открытые селища, — несмотря на далеко еще недостаточное их изучение, позволили проследить и район распространения этой культуры и расположение селищ тремя основными группами по течению рек, впадающих в Днестр с севера, — по Гнилой и Золотой Липе (р-н Рогатина), Стрипе, Серету и Збручу (р-н Залещиков, р-н Коломыи и р-н Збаража). Время бытования этой культуры — первые века н. э. Если в основном сам Липицкий могильник и датируется I—II вв., то в целом культура эта генетически связана с культурой предшествующего периода и, как увидим, продолжает жить и развиваться и позднее, захватывая всю первую половину I тысячелетия н. э., как культура местного оседло-земледельческого населения этих районов.

Что касается этнической ее принадлежности, то этого вопроса мы коснемся в дальнейшем изложении.

Могильник в Липице Горной (р-н Рогатина), центральный памятник этой культуры, был открыт Коперницким еще в 1889 г. В 1889 и 1890 гг. им было раскрыто 60 погребений с трупосожжением, 7 с трупоположением и 3 кострища. В 1913 г. было открыто еще одно трупосожжение. Тем не менее вплоть до настоящего времени не только не имеется полной публикации этого замечательного памятника, но самые материалы его сравнительно недавно введены в научный оборот. Хотя краткие заметки и упоминания о нем, а также публикации отдельных предметов из этого могильника встречаются уже давно,[1] сколько-нибудь подробные сведения о материалах Липицы появились лишь в 1930 г. в работе К. Такенберга,[2] который имел возможность ознакомиться с хранящимися в Краковском музее комплексами из Липицы.[3]

Тогда же Липицей специально занялся М. Ю. Смишко. Ему удалось восстановить комплексы 37 погребений с сожжением, 7 погребений с трупоположением и 3 кострищ, которые он и опубликовал вместе с отдельными предметами из Липицкого могильника в своей работе, посвященной культуре ранне-римского

---

[1] Scharaniewjcz, Mittheil. d. Zentralkommission, 1889, стр. 58, рис. 1—4, 1898, стр. 59 сл. — Reinecke, Ztschr. f. Ethnol., 1896, стр. 59. — Antoniewicz, Wiener Prähist. Ztschr., II, стр. 12, VII—VIII, стр. 26. — Он же, Archeologja Polski, 174. — Richthofen, Mannus, 6, стр. 91—92. — Hadaczek, Krakauer Materialien, т. 12, 23 (33) и др.

[2] K. Tackenberg. Zu den Wanderungen der Ostgermanen. Mannus, 1930.

[3] Липицкий материал, к сожалению, не сосредоточен в одном месте — комплекс нарушен: основной материал находится в Кракове, часть в Львове; возможно, что некоторые вещи и еще в ином месте.

периода на территории Галичины.[1] В ней же опубликованы материалы синхронного с Липицким могильника в Хрынове (Hryniów, р-н Бубрка), случайно открытого в 1930 г., 12 погребений которого были раскрыты раскопками М. Ю. Смишко и Т. Сулимирского.

Такое неблагополучное состояние с основным источником чрезвычайно затрудняло исследование материалов липицкой культуры, а тем более построение обобщающих выводов. Оно же, очевидно, объясняет и существующие в специальной литературе разногласия не только в датировке и этническом определении этой культуры, но даже в изложении фактических данных. Имеются разногласия в описании погребального обряда, равно как и в отношении керамики. Я. И. Пастернак, давая общую характеристику поля погребений в Липице, говорит (в 1928 г.), что оно содержит 200 урн с сожжением, совершенно умалчивая о могилах с трупоположением.[2] К. Такенберг и М. Ю. Смишко отмечают наличие обоих обрядов — и трупосожжения и трупоположения. Сомневаться в точности указаний М. Ю. Смишко, специально обрабатывавшего Липицкий материал и пользовавшегося дневниками раскопок, очевидно, нет никаких оснований. Среди трупоположений имеются два скорченника. Как трупосожжения, так и трупоположения залегают на очень небольшой глубине — 0.5 м. Погребальная урна с пережженными костями обычно накрыта сосудом (миской, пухаром, небольшим двуручным сосудом). Обставляющих погребальную урну сосудов в Липице М. Ю. Смишко не отмечает. Сожжение совершалось на территории самого могильника, о чем говорят раскрытые Коперницким три кострища.

Сведения о технике керамики были также разноречивы. Вышеупомянутый Шараневич,[3] как и впоследствии Я. И. Пастернак,[4] указывали, что керамика вся сработана на гончарном круге. Я. И. Пастернак говорил это, по крайней мере, в отношении погребальных урн. Между тем в действительности в Липице имеется керамика как сделанная на гончарном круге, так и лепленная от руки.

Погребальный инвентарь исключительно беден. Часть погребений вовсе лишена инвентаря. Среди находок бронзовые и железные фибулы, в большинстве ранние, сильно профилированные[5] (рис. 1, *1*); есть и более поздние, провинциальноримского типа, украшенные эмалью (рис. 1, *2*). Имеются также железные ножи и пряжки, кресала, иглы, глиняные пряслица, несколько стеклянных бус, одно потиновое обломанное зеркальце (оно, по мнению М. Ю. Смишко, северо-черноморского импорта).

Значительно богаче представлена керамика, как лепная, так и сделанная на гончарном круге. Керамика встречается здесь нескольких типов (так же, как увидим ниже, и в синхронных с Липицей и принадлежащих к той же культуре поселениях): 1) лепленная от руки из грубого теста, с примесью крупнозернистого песка или мелких камешков; 2) лепленная от руки, но из более тонкого теста и хорошего обжига; 3) сделанная на гончарном круге из тщательно промешаной глины с хорошо сглаженной поверхностью, хорошего обжига, светло- и темносерого тона.

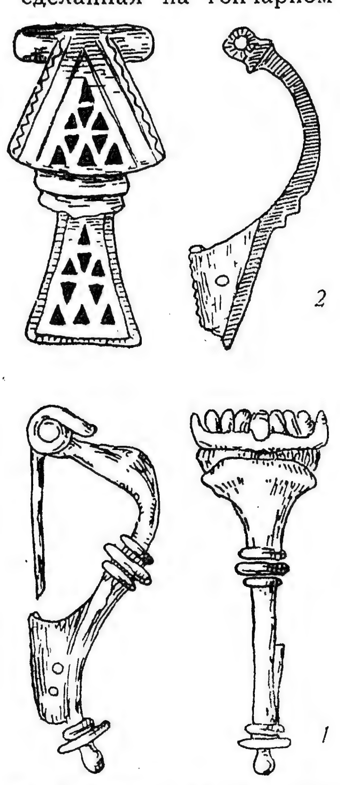


Рис. 1. Фибулы из могильника в Липице Горной, р-н Рогатина.

Среди лепной керамики (табл. I) выделяются следующие группы:

1. Большие сосуды биконической формы, с плоским дном и отогнутым или прямым венчиком; по плечикам они нередко украшены зигзагообразным орнаментом.

2. Большие грубые горшки, со слабо изогнутыми боками и почти не выраженным прямым венчиком.

3. Низкие, плоскодонные почти шаровидные сосуды.

4. Миски и мискообразные сосуды.

5. Различные сосуды малых размеров. Среди последних наиболее типичны небольшие «пухары» (чаши или кубки) на высокой ножке и одноручный ковшик с широким устьем и тол-

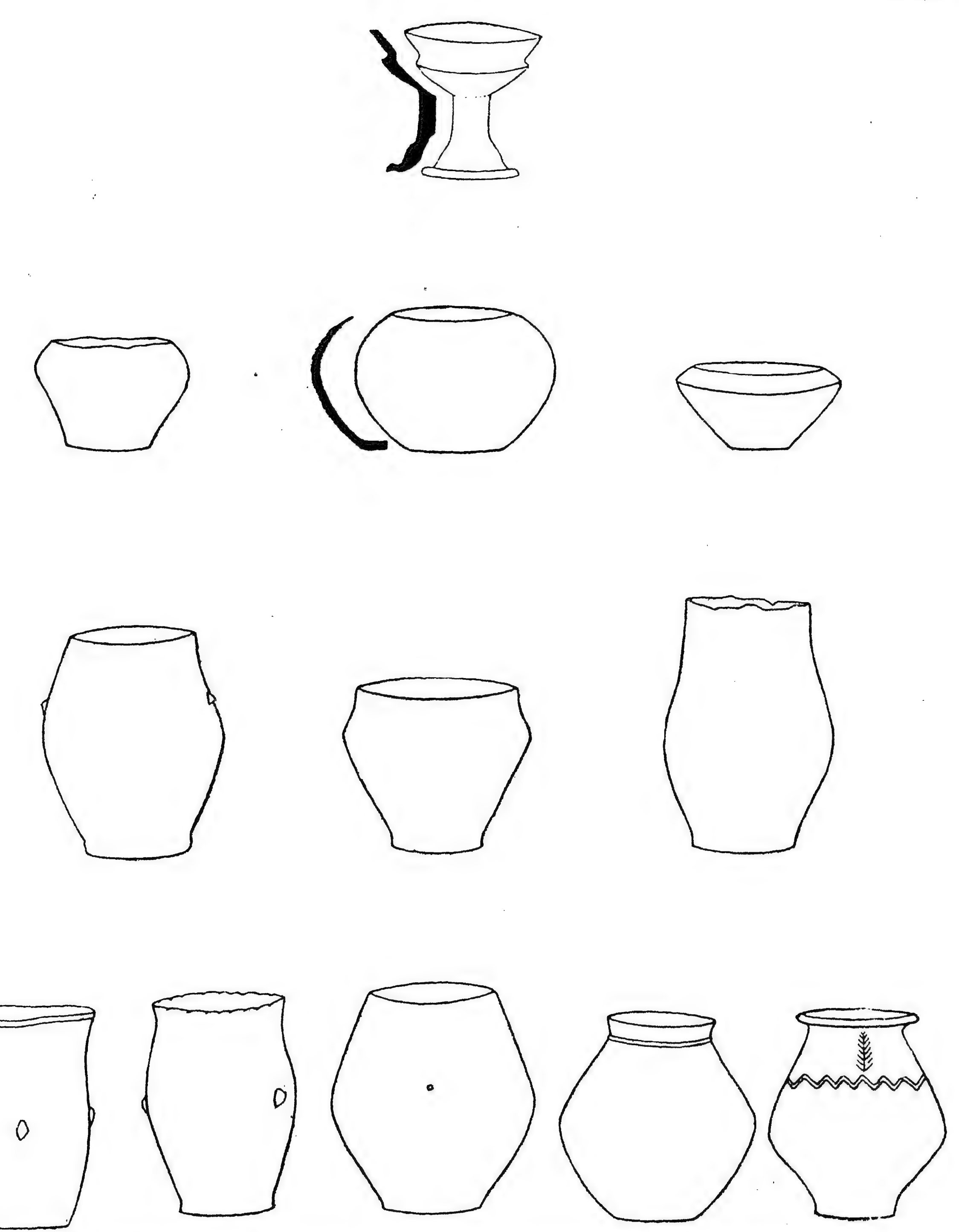
[1] Marcyan Śmiszko. Kultury wczesnego okresu epoki cesartwa rzymskiego w Malopolsce Wschodniej. Львов, 1932, стр. 26—55.

[2] Jar. Pasternak. Ruské Karpaty v archeologii. Прага, 1928.

[3] Mittheil. d. Zentralkommission, 1889.

[4] Jar. Pasternak, ук. соч.

[5] Ср.: Almgren. Studien über die nordeuropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Стокгольм, 1897, т. I, табл. IV, *67—69*.



Образцы лепной керамики из могильника в Липице Горной, р-н Рогатина.

стой, поднимающейся от самого дна ручкой. Ближайшие аналогии его известны к югу от Карпат, на территории современной Румынии, и в Ольвии.

В первых группах лепной керамики, как в технике, так и в формах, прослеживается местная традиция так наз. высоцкой культуры. В то же время они сближаются с одновременной и несколько более ранней керамикой в поселениях и могильниках современной Румынии. Последние же 2 типа говорят о несомненном провинциальноримском влиянии.

Вторая большая группа керамики, особенно типичная для липицкой культуры, представлена сосудами, изготовленными на гончарном круге. Формы их разнообразны. Наиболее типичны следующие (табл. II):

1) Большие урны с широким устьем и округлыми боками, на низкой кольцевой ножке.

2) Такие же урны, но биконической формы.

3) Одноручные кувшины с орнаментом из прямых, косых, зигзагообразных или волнистых линий, исполненных лощением, по горлу и плечикам; подобные кувшины хорошо известны в дако-гетской керамике Румынии и Семиградья.

4) Большие «пухары» на высокой ножке.

5) Небольшие двуручные сосуды — группа немногочисленная, но весьма характерная для липицкой культуры.

В основном как керамика, так и остальной инвентарь Липицы ограничивается временем I—II вв. — датировка, принятая в настоящее время большинством исследователей; генетически восходя к старым местным традициям, липицкая культура в то же время тесно связана с соседними гето-фракийскими областями, с культурой современной Румынии и Семиградья эпохи позднего латена и раннеримского периода.

Аналогичный материал представляют и находки последних лет. Перечисляя предметы, поступившие в Львовский археологический музей им. Шевченко из Липицы за 1933—1936 гг., Я. И. Пастернак называет глиняную урну, железную фибулу и железную иглу из могилы с трупосожжением.[1]

Другие памятники липицкой культуры — могильники и отдельные погребения, синхронные с самой Липицой, открытые случайно и не подвергшиеся систематическому исследованию, — все повторяют в основном то же, что дает сама Липица. Это могилы с чрезвычайно бедным инвентарем, с исключительно малым количеством металлических изделий и типичной для Липицы керамикой. В основной своей массе они относятся к тому же времени, I—II вв. н. э.

Особую группу представляют собою курганы с сожжением, к сожалению очень слабо изученные. Они известны в Струтыне Нижнем (р-н Долины), в Кривенках (р-н Гусятина), в Тенетниках (р-н Рогатина). Керамика и незначительный погребальный инвентарь совершенно аналогичны собственно липицким.[1]

Исключительная бедность всех этих погребений указывает на принадлежность их массовому населению соседних селищ (см. ниже) и подчеркивает глубину социальной диференциации местного общества. Особенно ясно выступает эта диференциация, если сравнить поля погребений с богатыми могилами той же культуры, одно из которых, именно погребение в Колоколине того же Рогатинского района, что и Липица, датируемое серединой I в. н. э., было открыто в 1928 г. М. Ю. Смишко.

Самый обряд погребения резко отличается от того, что мы видели в Липице или других «полях». Колоколинское погребение впущено в насыпь неолитического кургана; скелет сопровождается богатым погребальным инвентарем, состоящим, главным образом, из привозных бронзовых изделий. Найдены фибулы, пряжки, серебряная ручка ведра, ручка бронзового сосуда с рельефным изображением маски Пана, обломки бронзового сосуда с каннелюрами, обломки серебряных пластинок, куски дерева и кожаного пояса. В насыпи второго кургана той же группы были найдены два сосуда липицкого типа, сделанные на гончарном круге из серой, хорошо обожженной глины.[2]

II

Значительно более полную картину жизни населения западных областей Украины в первые века н. э., того населения, которое хоронило своих покойников в полях погребальных урн липицкого круга, дают несколько обнаруженных за последнее десятилетие и частично раскопанных селищ. Не говоря уже о том, что вообще поселения могут гораздо полнее, чем могильники, раскрыть социально-экономический облик общества и весь его хозяйственно-бытовой уклад, открытые в этом районе селища (раскрыты лишь частично, в порядке разведки) позволяют с гораздо большей четкостью, чем могильники, вскрыть генетические связи липицкой культуры с более ранними местными культурами и проследить ее дальнейшее развитие. Последующая ступень в развитии Липицы раскрывается в селищах IV—V вв. и в одновременных с ними могильниках (Псары, Увисла, Трембовля, Городенка и др.). Относимые большинством археологов то ли к гепидам, то ли к готам, в действительности они увязываются с поселениями-селищами местного населения и сближаются в то же время культурно с поздними полями погребений среднего Поднепровья (Черняхов, Ромашки, Маслова, Дидовщина, Гурбинцы и др.), в принадлежности которого местному земледельческому населению едва ли можно сомневаться.

[1] Я. И. Пастернак. Нові археологичні набутки Музею Наукового товариства ім. Шевченка у Львові за час від 1933—1936. Зап. Н. т-ва Шевч., т. 154, 1937, стр. 19, № 20.

[1] Marcyan Śmiszko. Kultury wczesnego okresu..., стр. 65 и 114—115.

[2] M. Śmiszko. Stanowisko wecznorzymskie w Kołokolinc, pow. Rohatynski. Wiad. Archeol., т. XIII.

Образцы керамики, сделанной на гончарном круге, из могильника в Липице Горной, р-н Рогатина.

Все выводы, которые делались вплоть до самых последних лет относительно культуры Галичины и Малой Польши первых веков н. э., в частности ее этнической принадлежности (см. ниже), строились лишь на основании материала могильников. Исследования поселений почти не имели места; материал их, по словам самих западноукраинских и польских археологов, в сущности оставался совершенно неизвестным. «К находкам поселений можно было причислить лишь невыразительные следы селищ липицкой культуры в Малехове около Львова и в Залесье в окр. Бубрка. Собранный случайно и несистематично инвентарь этих поселений был так беден и мало характерен, что не давал совершенно возможностей для научной обработки».[1]

Археологические исследования были предприняты лишь в 1931 г. Т. Сулимирским в Голиградах и в Новоселке-Костюковой (р-н Залещиков) и в 1933 г. Я. И. Пастернаком в Залесцах (р-н Бубрка).[2]

Население западных областей Украины в первые века н. э. продолжало жить в тех же местах, где оно жило еще в эпоху позднего неолита и бронзы: на холмистых склонах плато и в речных долинах, по главным речным артериям, Зап. Бугу, Днестру, Горыни, Стырю и их большим и малым притокам. Об этом свидетельствуют поселения, перекрывающие земледельческие поселения периода неолита и бронзы в Залесцах, Новоселке-Костюковой и др.

Открытые за последние годы селища липицкой культуры почти все сосредоточены на Восточной Галичине в районах Рогатина, Городенки, Залещиков и Збаража. На некоторых из них были произведены разведочные раскопки и вскрыто несколько жилищ (Незвижка, Новоселка-Костюкова, Голиграды, Неслухов, Максимовка).

Наиболее раннее поселение этой группы в Незвишке, р-н Городенки.

Селище это лежит в глубоком овраге вблизи правого берега Днестра, высота которого достигает здесь лишь 5 м над летним уровнем воды в Днестре. Раскопки впервые были предприняты здесь в 1926 г. Л. Козловским, который на основании открытых им жилищ совершенно неверно отнес все поселение к гораздо более раннему времени, а именно к чеховысоцкой культуре эпохи гальштатта,[3] не учтя всего культурного комплекса Незвишки в целом.

Последующие исследования показали ошибочность первоначальной датировки, от которой отказался и сам Козловский:[4] поселение в Незвишке позднелатенское, продолжавшее жить и развиваться в первые века н. э. Открыто оно было лишь частично, на очень небольшом участке, почему полного описания его, равно как и плана, не имеется. Исследователями зафиксирована лишь стратиграфия слоев, раскрыто несколько жилищ и изучен их инвентарь. Последовательность слоев в Незвишке указывает на длительное, хотя и не непрерывное существование здесь поселения. Так, под слоями (сверху вниз) сначала пахотной земли с остатками лагеря мировой войны 1914—1918 гг. (толщ. 20 см), за которыми следовали поздне- и ранне-средневековые слои и, наконец, слой римского периода (в целом их мощность достигала 2 м), лежал слой мощностью в несколько десятков см желтой наплывшей глины, не содержавший никаких культурных остатков. Это указывает на перерыв культурной жизни в предшествующий период. Ниже слоя глины лежал слой с остатками культуры расписной керамики. В нижних частях верхних культурных слоев (на их подошве) находилась преимущественно грубая лепная керамика.[1]

Наиболее существенным результатом разведочных раскопок на этом поселении является открытие четырех жилищ, не вполне однородных как по плану, так и по технике постройки.

Наиболее примитивна землянка неправильной овальной формы (рис. 2, *1*) с явными следами очага и столбов. На полу ее совсем не встречалось позднеримских вещей, а обломки керамики, сделанной на круге, найдены лишь в верхнем горизонте культурного слоя. Второй тип — круглая землянка.[2]

Третий тип жилища — четырехугольная, почти квадратная (4.4×4.3) полуземлянка с очагом в центре, с двускатной крышей на столбах (сохранились следы столбов), с надземными, не углубленными в землю сенями (рис. 2, *3*).

К этому же типу примыкает и еще одно открытое здесь жилище четырехугольной формы с не вполне правильными очертаниями, также со следами очага в центре. Размеры 6.0 × 2.2 м (рис. 2, *4*). Отличие его от предыдущего в том, что оно почти надземное, — в землю углублен лишь фундамент.

Вблизи этих жилищ на глуб. 1.5 м, т. е. примерно на уровне жилищ, были обнаружены остатки круглой глиняной печи с куполообразным сводом (рис. 2, *2*). Печь сложена из камня, скрепленного слоями глины.

Определяющим дату поселения материалом является керамика. Последняя представлена двумя типами: примитивной лепной керамикой и сработанной на гончарном круге. Вопреки первоначальному утверждению первого исследователя Незвишки Л. Козловского, считавшего, что эти два типа керамики указывают на две различные эпохи, и отнесшего лепную керамику к чеховысоцкой культуре, а сделанную на гончарном круге — к римскому периоду, есть все основания считать их, как это и делает

[1] M. Śmiszko. Osady kultury lipickiej. Prace Lwówskiego towarzystwa prehistorycznego, Nr 1. Львов, 1934, стр. 1.
[2] К сожалению, отчет последнего нам пока недоступен.
[3] Leon Kozłowski. Chaty kultury Czechy Wysocko, odkryte w Nieźwiskach w powiecie horodeńskim. Księga Pamiątkowe... Poznań, 1920, стр. 206—224.
[4] L. Kozłowski. Zarys Pradziejów Polski Południowo-Wschodniej. Львов, 1939, стр. 93.

[1] M. Śmiszko, ук. соч., стр. 3.
[2] Там же, стр. 3, рис. 1, *1*.

М. Ю. Смишко, синхронными. Сосуществование лепной керамики с керамикой, сделанной

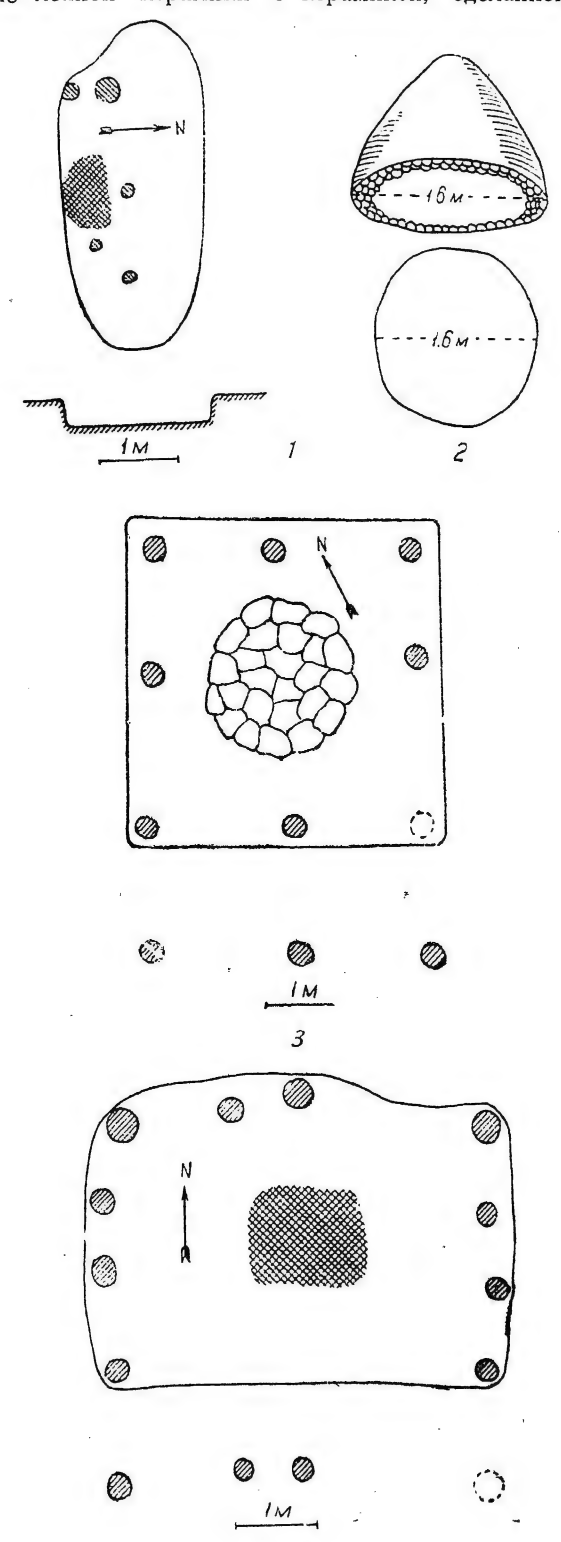


Рис. 2. Селища в Незвишке, р-н Городенки.
1, 3, 4, — планы жилищ; *2* — печь с куполообразным сводом.

на круге, явление настолько распространенное во всех поселениях периода позднего латена и в первые века н. э., что в настоящее время никому не придет в голову хронологически их разобщать и рассматривать как последовательные явления. К тому же есть одно обстоятельство, которое полностью подтверждает их сосуществование, именно одинаковые формы того и другого типа керамики, не говоря уже о залегании их в одном культурном слое.

Керамика, сделанная от руки, представлена здесь следующими типами сосудов.[1]

Первую группу составляют большие грубые сосуды из плохо промешанной, с примесью грубозернистого песка и слабо обожженной глины серовато-коричневого тона (рис. 3, *1*). Выс. ок. 40 см, диам. горла ок. 32 см, толщ. стенок до 1—1.5 см.

Ко второй группе относятся миски с плоским широким дном и загнутым внутрь или прямым краем. Почти все они были найдены в мелких обломках; однако сохранившиеся венчики и части днищ позволяют установить их формы и размеры (рис. 3, *7*). Среди незначительных по размерам обломков много фрагментов больших сосудов из такой же серо-коричневого тона плохо промешанной глины с примесью грубозернистого песка; поверхность сосудов шероховатая. Стенки украшены орнаментом или в виде налепов (кружками) или насечками (рис. 3, *6—8*).

Третью группу составляют сосуды малых размеров; часть их сохранилась цельными. Отличаются они от больших сосудов хорошим обжигом. Наиболее характерной формой является ковшик с толстой ручкой, поднимающейся от самого дна сосуда (рис. 3, *3*). Такой формы ковшики, характерные вообще для липицкой культуры, широко распространены в дако-гетских поселениях и прослеживаются дальше на восток; известны они в Ольвии римского периода.[2]

Наконец, заметное место в лепной керамике Незвишки занимают небольшие сосуды в форме кубков-бокалов (рис. 3, *4*) — форма, также распространенная в Западном Причерноморье и на Побужье вплоть до Ольвии, — и горшечки небольших размеров с довольно сильным изгибом боков и ясно выраженным, косо поставленным венчиком — форма, также прослеживаемая в Ольвии (рис. 3, *5*).

Большую группу составляет керамика, сработанная на гончарном круге из хорошо промешанной и хорошо обожженной серой глины со сглаженной поверхностью, частью лощеная. Керамика этого типа сохранилась лишь в фрагментах. Здесь прежде всего нужно отметить миски с венчиком, сильно отогнутым внутрь, иногда прямым, т. е. той же формы, что и лепленные от руки (рис. 3, *9, 10*). На ряду с ними встречаются обломки «пухаров» — сосудов в виде чаш на высокой ножке, обычных для керамики

[1] К сожалению, почти не сохранилось ни одного целого сосуда: вся керамика дошла в мелких, часто очень маловыразительных обломках.

[2] Ср. Т. Knipowitsch. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Eremitage. Materialen zur römisch-germanischen Keramik, IV, ч. I, табл. VII, *4*.

липицкой культуры. Как по форме, так и по составу глины и технике исполнения керамика на круге в Незвишке весьма близка к керамике могильников Липицы, Хрынова, а также ряда румынских поселений начала нашей эры — Пойана, Тиносуль и др. в их нижних слоях, но она продолжает бытовать и дальше и встречается в верхних слоях позднеримского периода и времени переселения народов.

Кроме керамики, в Незвишке было найдено несколько глиняных пряслиц различных форм.

Инвентарь поселения в Незвишке свидетельствует, что оно могло возникнуть в конце позднелатенского периода, но продолжало жить и в позднейшее время, без всякой смены населения.

Близким по характеру устройства поселения и его культуре является другое, также подвергшееся лишь частичной разведке, поселение в Залесцах (р-н Бубрка). Открыто оно было случайно при выборке камня из карьера для починки дороги; после того здесь были произведены пробные разведки Я. И. Пастернаком в 1936 г., которые полностью подтвердили первоначальные предположения М. Ю. Смишко о принадлежности и этого поселения к липицкой культуре. Одним из интересных результатов явилось открытие здесь на глубине ок. 0.30 м от современной почвы печи с куполообразным сводом, сделанной из деревянных прутьев, обмазанных слоем глины, по форме очень близкой к печи в Незвишке, — отличен лишь материал, из которого она сделана; здесь из дерева, тогда как там из бутового камня. Как и в Незвишке, керамика здесь встречается двух типов — сделанная от руки (рис. 4, *1*) и сработанная на гончарном круге. Среди последней обращает на себя внимание небольшой сосуд с двумя ручками (рис. 4, *2*). Наружная поверхность его в верхней части покрыта орнаментом из неправильных линий; форма сосуда и орнамент — широко распространенные в липицкой керамике; тут же встречались обломки «пухаров», так же, как указывалось, типичных для Липицы. Особое внимание обращает на себя то, что вблизи поселения было обнаружено погребение с трупосожжением с обычной для Липицы керамикой: глиняный сосуд в форме чаши-кубка на высокой ножке, двуручный сосудик, миска — все из серо-пепельной глины, сработанные на гончарном круге. К сожалению, ни поселение, ни могильник, к которому, очевидно, принадлежит открытое погребение, не подверглись дальнейшему исследованию.

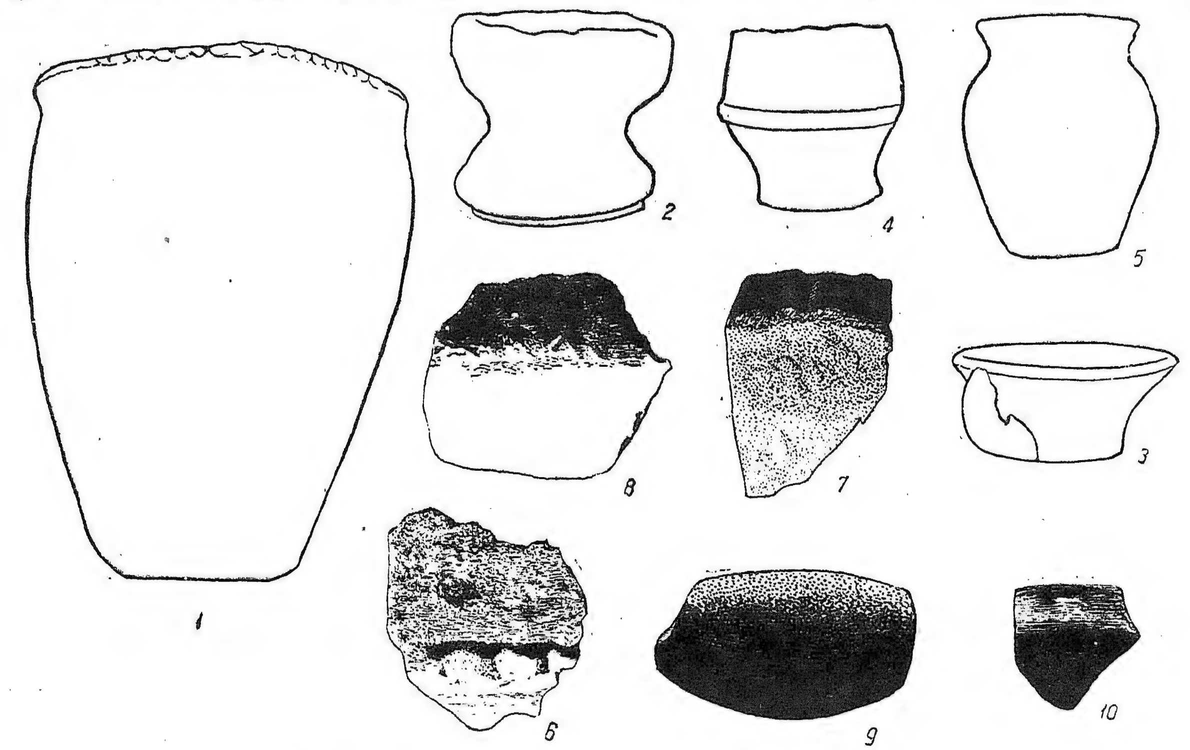


Рис. 3. Образцы керамики из селищ липицкой культуры I—II вв.

1—4, 6—8 — Незвишка, р-н Городенки, керамика лепная от руки; *9—10* — Незвишка, керамика, сработанная на гончарном круге; *5* — горшочек из Ольвии.

Керамика, сработанная от руки, тесно примыкает к керамике предыдущего периода. Поверхность сосудов почти всегда украшена орнаментом из маленьких выступов, жгутиков, рельефно моделированных пальцами, или из вдавлений, сделанных на самой поверхности сосуда.

Кружальная керамика — из чистой, без примесей, хорошо промешанной серой глины, хорошо обожжена. К сожалению, сохранились лишь фрагменты. Типичные формы — большие бокалообразные сосуды на высокой ножке, маленькие двуручные сосудики с орнаментом волнистой линией, исполненной лощением. Далее

имеется сделанная от руки керамика, воспроизводящая формы кружальной посуды, наконец,— импортная. Среди других предметов — железный топор позднелатенского типа, большое количество различной формы пряслиц, несколько каменных оселков и предметов домашнего обихода из кости и рога. Никаких металлических украшений не найдено. Не отмечено также ни одного стеклянного предмета.

В третьем поселении, Новоселка-Костюкова (р-н Залещиков), открытом разведками Т. Сулимирского в 1931 г., также было вскрыто жилище, в плане четырехугольное, с сенями (с

же, как и предыдущие, в период позднего латена, а расцвет его относится уже к первым векам н. э., но оно продолжало жить и позже.

Четвертое поселение Голиграды в том же районе Залещиков, в 3 км от современного селения, на крутом изгибе р. Серета, также почти не исследовано — разведочные раскопки были проведены здесь в 1931 г. Т. Сулимирским. При закладке траншеи было обнаружено жилище, четырехугольное, почти квадратное в плане, длина стороны ок. 3.70 м (рис. 6). В правом углу его находилась четырехугольная печь с каменным сводом из хорошо пригнанных камней

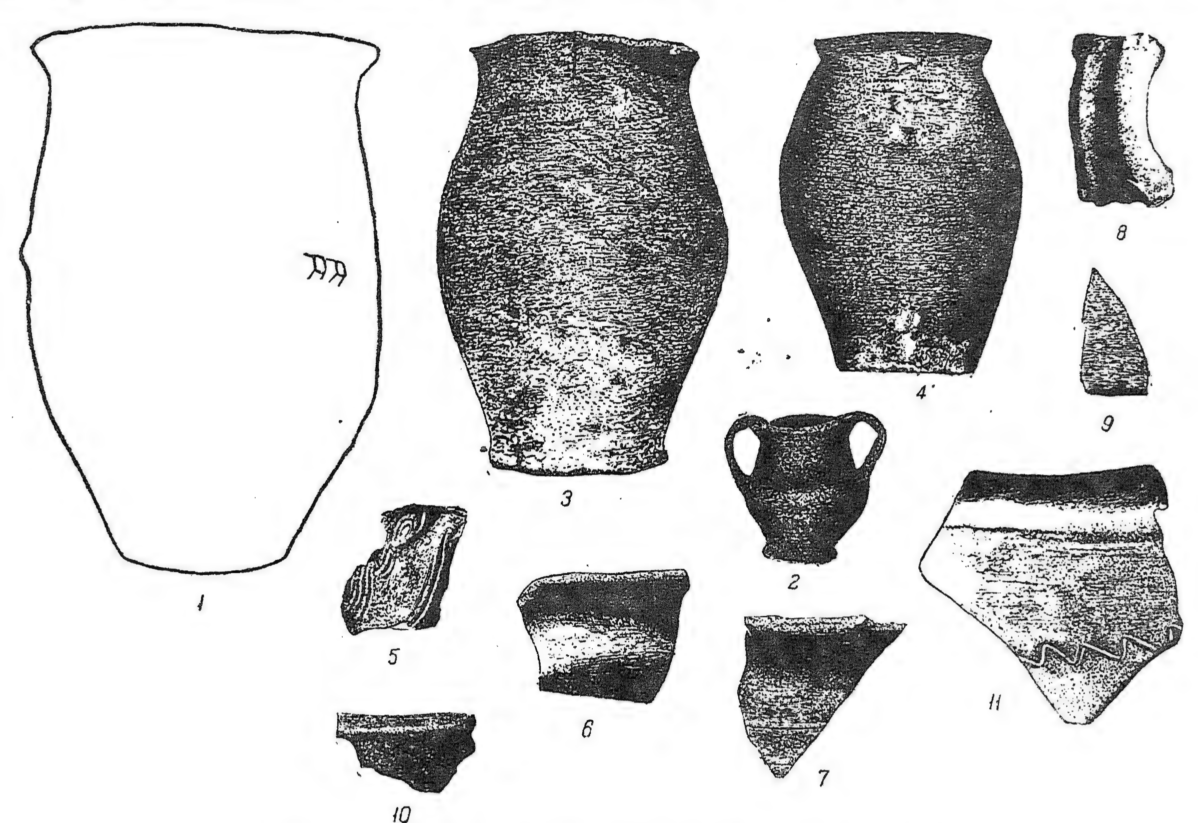


Рис. 4. Образцы керамики из селищ липицкой культуры I—III вв.

1—2 — Залесцы, р-н Бубрка; *3—10* — Голиграды, р-н Залещиков; *11* — Новоселка-Костюкова, р-н Залещиков.

запада) и печью в северо-восточном углу. Размеры 3.60 × 2.70 м.[1] Перекрыто оно было, повидимому, двускатной крышей на деревянных столбах (рис. 5).

Среди керамики лепной и сделанной на круге много типично липицкой, в частности с волнистым орнаментом. На ряду с ранней керамикой здесь встречается и более поздняя, напр., обломок большого толстостенного сосуда типа пифоса, светлосерого тона, украшенного волнистым орнаментом с широким плоским отогнутым венчиком. Сосуд этот сделан на круге. Здесь же были найдены два обломка импортных амфор.

Хотя это поселение возникло, повидимому, так

(размеры печи: дл. 1.60 м, шир. 1.30 м, выс. 0.75 м).[1] Техника постройки своеобразна — три стены сложены из мелкого бута, четвертая, северная, из глины (само жилище расположено на южном склоне холма, на расстоянии ок. 10 м от протекающего у подножия его ручья). Каменные стены, выс. ок. 40 см, как указывает Сулимирский, служили как бы фундаментом; на них были положены дубовые балки толщ. ок. 20 см, служившие, в свою очередь, опорой для стропил двускатной кровли — по 7 с каждой стороны. Пол, как и во всех других жилищах, — глинобитный.

Что касается находок, то они представлены опять-таки типично липицкой керамикой как лепной, так и сработанной на гончарном круге

[1] T. Sulimirski. Trzy chaty przedhistoryczne, в изд. Przyczynki do poznania epoki cesarstwa rzymskiego Połudn. iowo-Wschodniej Polski. Львов, 1934, стр. 39.

[1] Sulimirski, ук. соч., стр. 35.

(рис. 4, *3—10*). На ряду с ранними фрагментами здесь были найдены в значительном количестве и обломки сосудов более позднего времени — III—IV вв.

Жилища полуземляночного типа хорошо известны в этот период и за пределами восточной

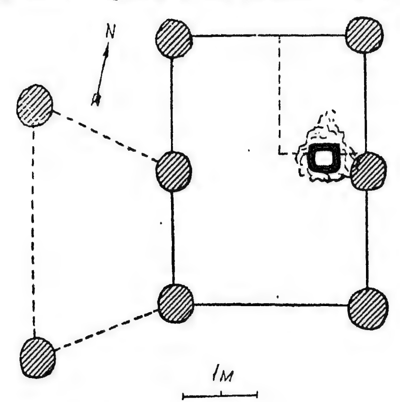


Рис. 5. Селище в Новоселке-Костюковой, р-н Залещиков. План жилища.

Галичины, на Волыни, в среднем Поднепровье и в ряде районов Румынии.

Более поздние селища в этом районе — Максимовка и Хрыцовцы (р-н Збаража), Неслухов (р-н Каменки Струмиловой), селище под Тарновом — дают жилища уже несколько иного типа. В Максимовке — надземная деревянная хата с небольшими сенями, с глинобитным полом и круглым очагом в центре, сложенным из камня. В нижней части стены обмазаны глиной. В Хрыцовцах, как и под Тарновом, срубная изба. В Неслухове — глинобитная постройка на деревянном каркасе с печами; по предположению Козловского они использовались как гончарные печи, так и для выпечки хлеба. Но на ряду с деревянными надземными жилищами здесь, как и на Волыни, продолжают сохраняться и значительно позже и полуземлянки, и просто землянки. Так, напр., в Луцке и в его предместье Гнидава были открыты землянки овальной формы с керамикой, украшенной волнистым орнаментом.

Наиболее близкую аналогию как самого типа жилищ, так и керамики дают синхронные и несколько более ранние поселения Румынии, систематически исследованные в течение многих лет румынским археологом Парваном и его учениками.[1]

Итак, если возникновение поселений в Новоселке-Костюковой, Залесцах, Голиградах и др. восходит еще к концу латенского периода или, вернее, к началу римского, то они продолжают непрерывно существовать в течение всех первых веков н. э. и, возможно, даже дольше. Археологический материал как селищ, так и могильников, отдельных погребений и находок говорит о глубоких связях с предшествующей местной культурой, с одной стороны, и о близости с западно-черноморским югом, выразительно засвидетельствованной в сходстве культуры южной Галичины с современной ей культурой на территории Семигрaдья, Румынии, Молдавии и Бессарабии — от Карпат до Черного моря.

Но прежде чем перейти к этим культурным связям липицкой культуры, на раннем этапе ее развития, и к определению ее этнического лица, остановимся еще на одной группе полей погребальных урн несколько иного типа, почти синхронных с ранними могильниками липицкой культуры. Это — могильники небольших размеров и одиночные погребения с трупосожжением в урнах, преимущественно в районах северной Галичины. Основной район их распространения к западу от Сана, но погребения этого типа встречаются также, главным образом, поодиночке и к востоку от Сана, в районе господства памятников липицкой культуры — в восточной Галичине, на Волыни и в Подолии. Буржуазная археология, в особенности польская, относит ее к особой культуре, условно называемой пшеворской, по имени города, близ которого был открыт в 1904—1905 гг. К. Гадачеком наиболее крупный и хорошо изученный могильник у сел. Гач близ г. Пшеворска. Могильник этот, относительно небольших размеров (180 погребений), представляет поле погребальных урн с прахом умерших, захороненных на очень небольшой глубине (макс. глуб. 0.60 м). Инвентарь мужских погребений, как правило, содержит оружие — копье или его наконечник, умвон от щита, ритуально согнутый меч, иногда кинжал и шпоры.[1] Этот военный характер погребального инвентаря дал основание исследователю Пшеворского могильника К. Гадачеку справедливо рассматривать мужские скелеты могильника (63 мужских скелета при 49 женских из общего числа 180) как скелеты воинов «par excellence».[2] В инвентаре женских погребений обычны пряслица различного типа (частью биконические), остатки металлических частей от оковок и замки деревянных ларцов. Сожжение трупов совершалось тут же на погребальном

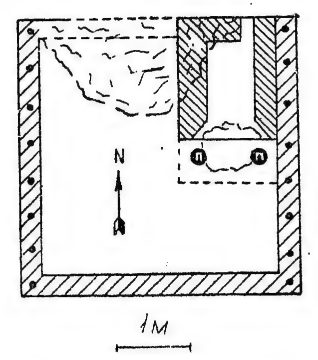


Рис. 6. Селище в Голиградах, р-н Залещиков. План жилища.

[1] V. Pârvan. Dacia. An outline of the early civilization of the Carpatho-Danubian countries. Cambridge. 1928. — Он же. Getica, o Protoistorie a Daciei. Bucarest, 1926 (на румынск. яз., есть франц. резюме). См. также в сборниках «Dacia» (тт. I—V) статьи R. и E. Vulpe, Pârvan'a и др.

[1] Обычно меч сочетается со шпорой, щит с копьем, что позволяет предполагать известную специализацию внутри дружины — конных воинов и пеших. Встречаются, однако, и все виды оружия в одном погребении.

[2] Karol Hadaczek. Ciałopalne cmentarzisko kolo Przeworska. Teka konserwatorska, III, 2, Львов, 1909.

костре. Помимо погребальных урн, содержащих недожженные кости, пепел и некоторые вещи домашнего обихода, в могильной яме находились сосуды ритуального назначения. Керамика — двух типов, лепная и изготовленная на гончарном круге. Погребальные урны обычно черной или темносерой глины, в форме трехручных мисок; в орнаменте широко распространен меандр, встречается и волна. Имеется и импортная керамика. Значительное место занимают фибулы, пряжки, костяные гребни. Близкий Пшеворскому могильник был открыт в 1936 г. в Спицимирке (р-н Турка). Среди импортных изделий этого могильника отметим terra sigillata, редко встречающуюся в полях погребений; на некоторых фрагментах исполненное штампом имя мастера Firmus;[1] оружие, подобно гачскому, ритуально согнутое; в орнаменте керамики на ряду с меандром — волна. В погребениях этой «культуры» часто встречаются и более дорогие импортные изделия — бронза, стекло, а также монеты.

К востоку от Сана в Побужье и на Среднем Днестре засвидетельствованы, как уже указывалось, почти исключительно одиночные погребения, притом только мужские. Они известны в районах Сокаля, Борщова, Тлумача, Бубрка, Залещиков, Коломыи, Тарнополя, Городенки, Бучача и Трембовли. На ряду с отдельными погребениями в районах господства липицкой культуры отмечено, но не исследовано, несколько могильников, повидимому, очень небольших размеров и по имеющимся данным содержащих также лишь мужские погребения, а именно в Добростанах (р-н Городенки) (несколько урн), в Капусинцах (р-н Бубрка), Кристинополе и Пшеводове (р-н Сокаля); все они датируются II — первой половиной III вв. н. э. Наиболее поздние из них в Иване-Злоте (р-н Залещиков) второй половины III в.[2]

Особенностью памятников пшеворской культуры в Поднестровье в отличие от более западных районов является сочетание в погребениях оружия с керамикой, отличной от пшеворской как по форме, так и по глине, и близкой липицкой. Сосуды светлой глины, иногда лепленные от руки, — напр., в Хоцимирце (р-н Тлумача), в Петрилове (р-н Галича), в Рудках, в Каменке Великой и др. Того же типа погребения известны и севернее и восточнее — на Волыни (в Громовке, Староконстантиновского района[3]), во Владимире Волынском (случайная находка),[4] на Подолии (напр. в Великой Тернаве, Новоушицкого района)[5] и др.

[1] Z otchłani wieków, 1936, 1—2, стр. 156—157.

[2] См.: Karol Hadaczek, ук. соч. — M. Śmiszko. Kultury wczesnego okresu... — B. Richthofen, Zum Stand der Vor- und Frühgeshichtsforschung in den Westukrainischen Landen. Prähist. Ztschr., 1934, 3—4 Heft. — K. Tackenberg, ук. соч. и др.

[3] А. А. Спицын. Памятники латенской культуры в России. ИАК, вып. 12, стр. 83.

[4] Я. И. Пастернак, ук. соч.

[5] А. А. Спицын, ук. соч., стр. 83.

III

Следующая ступень в развитии липицкой культуры, культуры местного оседло-земледельческого населения, представлена более поздними полями погребения, IV—V вв., и одновременными с ними поселениями. Они прослеживаются в тех же районах, как и более ранние, и чрезвычайно близки к ним как по общему характеру, так и по составу сопровождающего захоронения инвентаря. Таковы могильники в Псарах, того же Рогатинского района,[1] что и сама Липица Горна, Увисла Гусятинского района,[2] Городница (р-н Городенки),[3] Трембовля одноименного района,[4] наконец, Романово село Збаражского района, связанное, повидимому, с селищем в Максимовке.[5]

Однако район распространения этого рода могильников и поселений значительно шире. Аналогичные «поля» и отдельные погребения известны и на Волыни — в местечке Деревяны Ровенского района, в Орешковцах Кременецкого района, а также на Подолии, напр., в Криничке Балтского района. Отдельные погребения обнаружены в Горцы-Полонцы Луцкого района. Известны они также и в Среднем Поднепровье и к югу от Карпат, напр., в Марошсентана близ Марошваашаргеля, не ранее второй половины III — начала IV в. и в самом Марошваашаргеле.

Как и в украинских могильниках этого времени, захоронения с трупоположением сопровождаются бедным погребальным инвентарем: пряжки, костяные гребни, бусы, ножи и глиняные сосуды.[6] Как керамика, так и весь инвентарь обнаруживают близкое сходство с киевскими полями погребения (Черняхов, Маслова, Дидовщина и др.)

Наиболее существенное отличие поздних полей погребений Южной Галичины в единообразии их погребального обряда. Тогда как в самой Липице и в синхронных с ней могильниках сосуществуют оба обряда захоронения — трупосожжение и трупоположение, в поздних полях наблюдается лишь трупоположение. То же единообразие встречаем мы и в одном из полей Среднего Поднепровья — в Дидовщине Фастовского

[1] K. Tackenberg, ук. соч., стр. 291, рис. 35. — Jar. Pasternak, ук. соч., «Zbiór», t. II, табл. III и др.

[2] Здесь преемственность культур от гальштатта до позднеримского периода прослеживается очень отчетливо. См. K. Tackenberg, Jar. Pasternak и др.

[3] «Zbiór», II, табл. III c.

[4] K. Tackenberg, ук. соч. — Demetrikiewicz. Krakauer Materialien, IV, стр. 92 сл., рис. 2—4.

[5] Helana Cehak-Hołubowiczowa. Próbne wykopaliska w powiecie Zbaraskim, Wiad. Archeol., 1936, т. XIV, стр. 59 сл. — Hrebeniak, Зап. Наук. Т-ва ім. Шевченка, т. 122, 1915.

[6] Kovács, István. Dolgozatok. 1912, стр. 242—367. — Он же. Dolgozatok, 1915, стр. 250 сл. — Brenner. Der Stand der Forschung über die Kultur der Merowingerzeit. VII. Bericht d. Röm.-germ. Kommission, 1912, стр. 262 сл.

района,[1] а также в упомянутых могильниках в Семиградье. Ориентация костяков обычно на запад, с отклонением на север или юг. Как и в киевском поле, в Псарах обращает на себя внимание один скорченный костяк. Характер инвентаря (его бедность) и самый состав близки к киевским и семиградским полям; здесь те же трехпластинчатые с бронзовыми и железными скрепами и глазковым орнаментом костяные гребни, стеклянные бусы, ножи и сосуды ритуального назначения. Среди вещей позднеримско-провинциального типа фибулы на высокой ножке.

Керамика встречается, главным образом, сделанная на гончарном круге, сероглиняная, тщательно промешанного теста без примесей, хорошего обжига, с орнаментом, исполненным лощением; ведущая форма — высокие горшки с слабым выгибом боков.

Остановимся на одном из могильников, принадлежащих к группе поздних полей липицкого круга, именно на могильнике с трупоположением в Романовом селе Збаражского района — кладбище соседнего селища Максимовка.[2] Впервые на него наткнулись в 1913 г. при постройке железной дороги и церкви. Еще тогда здесь были раскопаны два погребения (одно из них разрушено). В разрушенном погребении был обнаружен скелет с несколькими сосудами; среди них амфоровидный, несомненно местной работы, но подражающий античным образцам; сосуд этот стоял в головах скелета. Рядом находился кувшин серой глины с зигзагообразным орнаментом, исполненным лощением, и др. Все сосуды сработаны на гончарном круге. В 1915 г. при расширении железнодорожной колеи здесь была снова вскрыта одна могила; при скелете был найден сосуд в обломках. Позднее, уже после войны, при добыче глины здесь несколько раз натыкались на скелеты; в 1927 г. было найдено 6 сосудов. Пробные раскопки в Романовом селе были осуществлены лишь в 1931 г. Т. Сулимирским и Е. Цехак-Голубович. Оказалось, что могильник совершенно разрушен, повидимому, при прокладке железной дороги. Сохранились лишь две могилы, которые и были раскопаны. Первая из них, на глуб. 0.80 м, содержала несколько обломков человеческих костей и фрагментированную бронзовую фибулу с обернутой ножкой (рис. 7, *1*); в могильной яме найдены были также одноручный кувшин, орнаментированный зигзагообразными линиями, исполненными лощением (рис. 7, *2*), сосуд с четырьмя вогнутостями — несомненное подражание стеклянному сосуду (рис. 7, *3*),[3] горшок, две миски. Могила эта подвергалась разрушению, повидимому, еще давно, при корчевке деревьев. Вторая могила находилась на расстоянии 6 м от первой. В могильной яме был обнаружен скелет, слегка повернутый влево, с головой, ориентированной на запад. Никаких предметов при костяке найдено не было.

Из этого же могильника, повидимому, происходят хранящиеся в университетском собрании в Кракове три сосуда: горшок из серо-желтой глины с примесью мелкого песка выс. 11.7 см, шир. 6.7 см; второй горшок меньших размеров такого же теста, но серо-красноватого тона, без орнамента, наконец, миска из плохо промешанной глины серого цвета. Все сосуды из могильника в Романовом селе сработаны на гончарном круге (исключение две мисочки) с хорошо

Рис. 7. Романово село, р-н Збаража. Вещи из могилы IV в.

1 — фибула, *2*, *3* — глиняные сосуды.

сглаженной поверхностью. Керамика могильника однородна с инвентарем селища, а также с керамикой полей и селищ позднеримского периода как в самой Восточной Галичине, так и в Поднепровье, равно как и в Семиградье (Марошсентана).

Поля погребений с трупоположениями не являются единственным типом погребений в этом районе в IV—V вв. Так, на ряду с ними известны курганы с трупосожжением (напр., в Русилове, р-н Каменки Струмиловой), что указывает, быть может, на некоторую неустойчивость этнической карты этой территории в период IV—V вв. (ср. аналогичную картину в Среднем Поднепровье).

Особое место занимает группа погребений с трупосожжением под невысокими курганными насыпями, обнаруженная в последние годы в лесистых районах у северных склонов Карпат, которые были исследованы Я. И. Пастернаком. Что касается указания, мелькнувшего в литературе, о наличии позднеримских могил с трупо-

[1] В. Козловська. Новійші археологічні досліди на терени Білоцірківщины. Хрон. археол. та мист., ч. 2. Київ, 1930.

[2] Helena Cehak-Hołubowiszowa, ук. соч.

[3] Аналогичный фрагмент найден, напр., в Неслухове, р-н Каменки-Струмиловой.

сожжением в Романовом селе Збаражского района, то последнее не подтверждается.[1] Указанные погребения в Покутье представляют, по мнению их исследователей, какую-то особую группу, отличную от всех предыдущих. Судя по краткому описанию этих погребений, открытых Я. И. Пастернаком в Дебеславцах, Купылове, Переросли, Грушсве, Грабовцах и Ханове, в Надворнянском и Колсмыйском районах, погребения представляют собой переходный тип.[2] Инвентарь в них очень близок к могильнику в Псарах и к поднепровским поздним полям. Остатки сожжений не были собраны в урну, но оставлены на месте погребального костра вместе с разбитыми и засыпанными глиной сосудами. В одной из могил лежали остатки костей двух скелетов; рядом с ними хорошо сохранившаяся двуручная остродонная амфора выс. 0.65 м; она была вкопана в землю. Около нее стоял горшок с пищей, поодаль лежали обломок бронзового украшения и кусок расплавленного стекла.

В одной из могильных ям в Переросли, помимо сосудов, были обнаружены: костяной гребень, бусы из пасты и расплавленное стекло.[3]

На ряду с массовыми могильниками населения селищ было обнаружено в районе Кременца на Волыни богатое бескурганное погребение с трупоположением. Скелет лежал на глуб. 2.10 м; около него стояли глиняные сосуды, сосуды из бронзы, лежали серебряный нож и серебряные шпоры (у ног). Череп был присыпан тонким слоем земли, на котором стояла глиняная миска, сверху накрытая бронзовой. Рядом лежал скелет свиньи. В земле, кроме того, была найдена серебряная фибула с обернутой ножкой, стеклянные и глиняные сосуды; часть сосудов (миски) изготовлена на круге из серой глины, другие (кувшины) из черной глины, с лощением и инкрустацией из белой массы (?). Бронза и стекло несомненно импортные; по словам раскрывшего погребение Т. Реймана, бронза и стекло являются наиболее интересными из всех до сих пор известных предметов римского импорта в западно-украинских областях. К сожалению, мы не располагаем пока никакими материалами об этом замечательном погребении, кроме краткой заметки о нем «Z otchłani wieków».[4]

К позднему этапу развития липицкой культуры относятся также некоторые, открытые в последнее время, поселения, напр., селище Максимовка в Збаражском районе.[5] Первоначально здесь предполагалось вести раскопки могильника позднеримского времени (Романово село), однако, он, как было указано выше, оказался разрушенным почти полностью при прокладке железной дороги (Тарнополь — Подволочиск). При выяснении состояния могильника археологи (Т. Сулимирский и Е. Цехак) и наткнулись на связанное с могильником и ему современное поселение. Поселение это представляет собою селище очень больших размеров. При пробных разведках была заложена траншея разм. 2.5×2.5 м, глуб. 1 м. Уже на глуб. 0.30 м были обнаружены куски обмазки, много фрагментов керамики (последняя встречалась и выше) и кости животных. На глуб. ок. 0.50 м был обнаружен снова плотный слой обмазки, под которым до глубины 0.85 м никаких находок больше не было. В 1928 г. здесь был найден клад римских монет, не попавших, однако, в музей. Раскопки были перенесены затем к северу от дороги, и здесь на поле фольварка Максимовки к западу от железнодорожного полотна начат был раскоп в том месте, где было встречено больше всего обмазки.[1] Уже на глуб. ок. 0.25 м был обнаружен очаг шир. ок. 0.60 м, сложенный из плотно пригнанных камней, размером ок. 0.20 м. Около очага в нескольких местах также имелись следы обмазки. Поблизости был обнаружен второй очаг, выс. ок. 0.15—0.20 м., шир. ок. 0.25 м. В результате раскопок были открыты следы целого жилища. Это была небольшая четырехугольная хата; стены ее были в нижней части обмазаны глиной.[2] Длинные стены разм. 5.3 м, лежали по оси с севера на юг, короткие, дл. 4.20 м, по оси с востока на запад. С запада к хате примыкала пристройка (сени), разм. ок. 3.60×2.70 м. Южная стена сеней являлась продолжением южной стены хаты (рис. 8). Пол жилища глинобитный. В центре помещался очаг, диам. ок. 60 см, сложенный из обожженых камней диам. ок. 60 см, положенных на подмазке. Жилище это было надземным. В самом помещении находок почти не обнаружено. В пристройке лежало несколько фрагментов керамики,[3] у очага было найдено несколько костей животных; по определению зоологов, это были кости быка.

На расстоянии ок. 4 м от западной границы раскопок была обнаружена мусорная яма шир. ок. 1—2 м. В яме была найдена керамика и много костей животных. На расстоянии 2—3 м от восточной границы мусорной ямы открылось еще одно жилище, к сожалению, оставленное нераскопанным. Оно удалено от первого приблизительно на 35 м. Третий раскоп был проведен на расстоянии 10 м к северу от первого жилища; он ничего не дал, за исключением небольшого количества керамики. Наконец, последний раскоп на довольно большом расстоянии от предыду-

[1] H. Cehak-Hołubowiczowa. ук. соч.

[2] Краткие упоминания см.: Z otchłani wieków, 1934, 3—5, стр. 75; там же, 1935, 2, стр. 26, а также: Зап. Наук. т-ва ім. Шевченка, т. 154, 1937, стр. 19 и Leon Kozlowski. Zarys Pradzijów Polski...

[3] Z otchłani wieków, 1936, I, стр. 17.

[4] Z otchłani wieków, 1936, 10—11, стр. 143.

[5] T. Sulimirski. Trzy chaty przedhistoryczne, в сборнике Przyczynki do poznania epoki cesarstwa rzymskiego Południowo-Wschodniej Polski. Prace Lwowskiego towarzystwa prehistoricznego, № 1. Львов, 1934, стр. 33—48.

[1] Несколько лет тому назад здесь был найден каменный жернов, который был передан в Подольский музей в Тарнополе.

[2] T. Sulimirsky. Trzy chaty przedhistoryczne, стр. 46.

[3] Там же, табл. IV, *17—20*.

щего (150 м), в сущности траншея, дл. ок. 6 м, шир. 1 м, обнаружил еще одно разрушенное жилище. Это последнее также осталось нераскопанным.

По всем данным, селище в Максимовке представляло собою настоящую «деревню» с многими

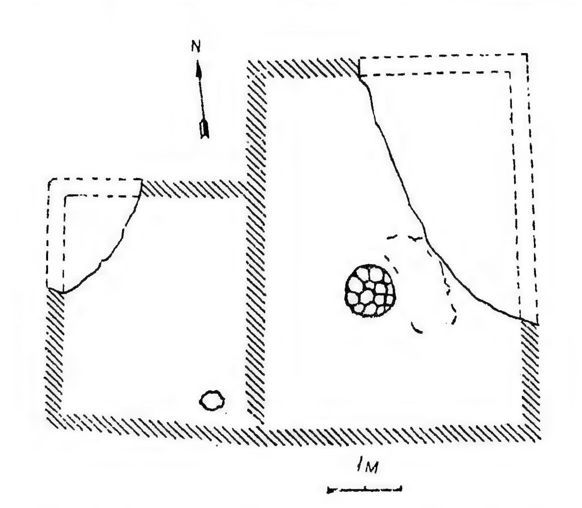


Рис. 8. Селище в Максимовке, р-н Збаража. План жилища.

жилыми помещениями, отдельными хозяйствами. К сожалению, совершенно предварительные раскопки не позволяют уточнить характер этих отдельных хозяйств, установить наличие хозяйственных сооружений (зерновые ямы, хранилища и т. п.), а также определить размеры этих хозяйств. Яснее характер обнаруженных в Максимовке жилищ: по всем данным, они представляли собою настоящие, построенные из дерева избы. Нижние балки лежали непосредственно на земле, без каменного фундамента. Все поселение Максимовки, равно и характер керамики с самого селища и из уничтоженнсго могильника заставляют относить его ко времени не ранее IV—V в. Несомненно, что поселение продолжало жить и в дальнейшем, на что указывают находки более поздней, средневековой керамики.

Аналогичное Максимовке поселение было обнаружено близ Хрыцовцев того же Збаражского района. Здесь было собрано много фрагментов керамики и костей животных, частично найденных в земле погребений значительно более позднего могильника (XVI в.), уничтожившего древнее поселение. Близкую аналогию представляет и Неслухов.

Поселения с культурой, вполне сходной с только что описанными, известны и северо-восточнее на Волыни (Лепесовка Кременецкого района, Михайловка того же района и др.). Остановимся подробнее на селище в Лепесовке. До сих пор этот памятник был известен в археологической литературе как могильник — поле погребальных урн; как увидим, такое его истолкование неверно.

В начале XIX в. в восточной части Кременецкого района Волыни, в урочище Круча, между Лепесовкой, Ольшаницей и Тихомлей, на поле разм. 260 × 82 м, образующем высокий, местами до 11 м, берег старого русла Горыни, усеянном множеством черепков, местным археологом Я. В. Яроцким была произведена пробная раскопка. В результате раскопок в том месте, где на берегу Горыни при обвале земли обнажился горшок довольно больших размеров, был открыт на глуб. 1 м загадочный памятник. Я. В. Яроцкий и А. А. Спицын определили его как памятник погребальный, а всю территорию на основании керамики, сходной с керамикой Ромашков, как поле погребальных урн. [1] Описание открытого сооружения, имевшего, по определению Яроцкого, «вероятно, форму улья», [2] маловразумительно. Памятник этот состоял, по словам Яроцкого, из камеры, сложенной из глины со сводом и глинобитным полом (рис. 9). Под верхним полом толщ. 0.16 м. находились два помещения квадратной формы, разделенные столбом из обожженной глины. Нижние боковые камеры имели также глинобитный пол, толщ. 0.14 м, состоявший из двух слоев: верхнего — обожженной глины и нижнего — необожженной. Часть сооружения обрушилась. «Камера, — по словам Я. В. Яроцкого, — была вырыта в материке... стенки ее были обмазаны серовато-белой глиной, затем слоем желтой глины, который был

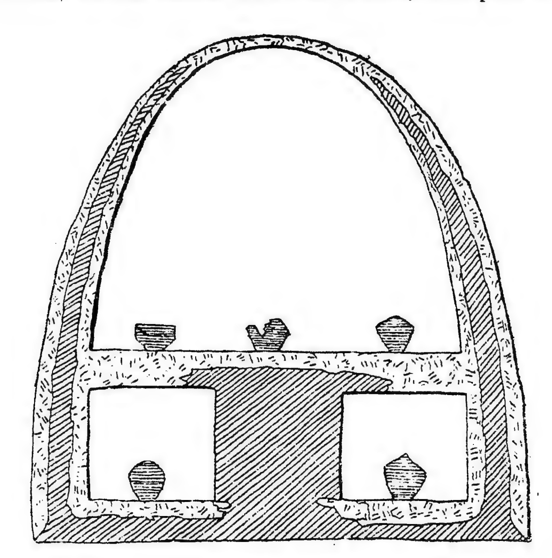


Рис. 9. Лепесовка, р-н Кременца. «Ульевидное сооружение», реконструкция Я. В. Яроцкого.

обожжен для прочности, а затем снова покрыт довольно толстым слоем белой глины». [3] Несмотря на достаточную невразумительность описания и явное непонимание раскопщиком назначения раскрытого им сооружения, данная

[1] Я. В. Яроцкий. Некоторые памятники древности близ Лепесовки Кременецкого уезда. С дополнением А. С. (А. А. Спицына) и 6 рис. ИАК, вып. 29, стр. 56—64.

[2] Я. В. Яроцкий, ук. соч., стр. 57.

[3] Там же.

Я. В. Яроцким реконструкция сооружения и некоторые детали описания в сочетании с находками многочисленных фрагментов керамики в верхних и нижних камерах, а также кусочков извести, сосновых угольков и костей животных, позволяют предполагать, что это не погребальное сооружение, а гончарная печь, быть может — печь для просушки керамики. Сооружение имело, повидимому, вход с южной стороны: «Главная ось сооружения, перпендикулярная плоскости берега, несколько уклонялась от С на Ю, имея направление приблизительно с ССВ на ЮЮЗ»,[1] причем наружная стенка, обращенная к реке, не закруглялась. Яроцкий указывает, правда, что это погребальное сооружение несколько напоминает современные печи для извести. В то же время он отмечает, что отверстие для выхода дыма в своде замечено не было и что «слой глины, покрывающей пол и стены свода, не подвергался действию огня».[2] Однако нельзя забывать, что камера была разрушена и засыпана землей, так что при раскопках отверстие могли и не заметить. В верхней камере были найдены черепки многочисленных сосудов («по крайней мере 30»), причем, однако, оказалось невозможным собрать куски для реставрации хотя бы одного из сосудов, и много мелких сосновых угольков; как те, так и другие обнаружены в слоях земли у самого пола. На стенах камеры на незначительной высоте от пола были замечены местами отпечатки сосудов. Яроцкий ставит при этом вопрос (не забудем, что по его определению это — погребальное сооружение), не была ли глина еще сырой, когда их поставили в камеру; предположение довольно невероятное; случаев помещения в могилу полуготовых сосудов до сих пор неизвестно.

В нижних помещениях «сооружения» оказались черепки по крайней мере от двенадцати сосудов. Здесь также найдены были кости животных, комочки серовато-белой глины и мелкие сосновые угольки; особенно много их было у входа в камеру. На глуб. 0.74 м ниже входа снова были найдены куски белой глины, сосновые угольки и черепки пяти различных сосудов, очевидно, также вывалившихся из камеры. За «ульевидным» сооружением была обнаружена четырехугольная яма разм. 1.5×1.5 м.

Пробные раскопки в других местах поля показали, что в 21 м к востоку от «улья» на довольно высоком берегу реки (до 10 м) «на глубине 0.80 м обнаружен сложенный из серовато-беловатой глины под», на котором найдено много отдельных черепков и одна развалившаяся урна (горшок?). Интересно отметить сообщение А. А. Спицына, что отсюда был доставлен кусок серой глиняной массы с примесью, сглаженной с обеих сторон. В земле здесь также попадались куски глиняных сосудов, кости, угольки и кусочки серовато-беловатой глины. Аналогичны результаты раскопок и в других местах поля, где были обнаружены разрушенные поды печей, а именно: в 54 м к востоку, в 25 и 40 м к западу, и, наконец, в 30 м к северо-западу обнаружена четырехугольная яма.

Из всего сказанного несомненно, что мы имеем здесь дело не с могильником, а с остатками поселения. Об этом говорят и развалины печей, и яма, и самое «ульевидное» сооружение Яроцкого. Что касается керамики, то черепки сосудов (описаны А. А. Спицыным), найденные в камере «улья», очень близки по форме и технике к керамике западно-украинских полей погребения (Псары, Увисла, Трембовля и т. д.), а также к поздним киевским полям (Черняхов, Ромашки и др.).[1] Преобладают горшки типа Черняхова (Хвойка, табл. XXI, *12*), только больших размеров (26 фрагментов). Есть несколько сосудов типа трехручных мисок (Хвойка, табл. XXII, *23*, *28*, *30* — Черняхов), но их число очень невелико. Много черепков сосудов из серой глины, с лощением; в большинстве это фрагменты сосудов больших размеров из серой глины, с примесью крупнозернистого песка; есть и лепленные от руки (сосуд с плоским дном и расширяющимися прямыми стенками).

Аналогичная керамика отмечена Я. В. Яроцким еще в одном месте на Волыни, именно возле Тихомли, в двух верстах от урочища Кручи, — черепки попадаются здесь на распахиваемом поле, лежащем на возвышенности. Следует отметить, что в этом же районе в бассейне Горыни известны находки римских монет Антонина Пия и Дидия Юлиана.

Наше предположение, что мы имеем в Кручах не могильник, а поселение, и что «ульевидное» сооружение не погребальное, а гончарная печь, подкрепляется полным сходством его с печью в Неслухове,[2] а также недавней находкой в Меховском районе, к северо-востоку от Кракова. Аналогичные печи, но более ранние, известны к югу от Карпат. Так, например, в 1927 г. в районе Яломицы в Радулешти, на берегу реки Сараты, притока Яломицы, было случайно обнаружено крестьянами несколько гончарных печей с серой керамикой высокой техники, типичной для поселений эпохи позднего латена и римского периода. Печи вскоре были разрушены.[3]

В Тропишове, Меховского района, было открыто в 1930 г. поселение позднеримского времени, о существовании которого было известно еще значительно раньше. Тогда же была обнаружена гончарная печь, оставшаяся нераскопанной.

---

[1] Я. В. Яроцкий, ук. соч., стр. 57.

[2] Там же.

---

[1] В. Хвойка. Поля погребений Поднепровья. Зап. РАО, 1899. — В. Козловська. Новійші археологічні досліди на терени Білоцірківщины. Хрон. археол. та мист., ч. 2, Київ, 1930.

[2] Реконструкцию печи в Неслухове см.: L. Kozłowski. Zarys Pradziejów Polski... стр. 101, рис. 9.

[3] См. рецензия на работу R. Vulpe «Les vestiges de l'époque Latène III de Răduleşti, département de Jalomiţa». 1931. «Istros», 1934, стр. 166.

Осенью 1933 г. снова наткнулись здесь на гончарную печь, с стоявшими в ней, а частью лежавшими целыми сосудами. В результате случайных находок и раскопок (систематические раскопки начаты в 1934 г.), проведенных Т. Рейманом совместно с Я. Вартысем, здесь были открыты 4 печи, из которых одна была разрушена и уничтожена, повидимому, еще в древности.[1]

Печи по конструкции чрезвычайно близки к тому «ульевидному» сооружению, которое раскопал Я. В. Яроцкий (рис. 10). Они состоят[2] из двух частей: нижней, выкопанной в лёссовой глине, а именно, собственно очажка с двумя длинными устьями, расширяющимися в печи в две нижние большие камеры, которые отделены друг

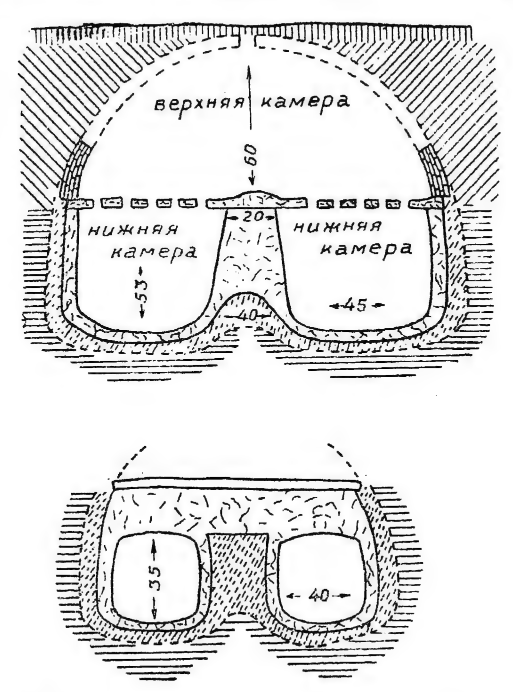


Рис. 10. Селище в Тропищове, р-н Мехова. Гончарные печи. Разрезы.

от друга стенками, шир. ок. 0.35 м,[3] и накрыты сверху пористым настилом, и второй, верхней, части — собственно камеры. Камера перекрыта купольным сводом, вверху которого, вероятно, также было отверстие. Обращаем внимание, что сам раскопщик, Т. Рейман, лишь предполагает наличие отверстия — проследить его в процессе раскопки он, очевидно, не смог. «Так как, — говорит Рейман,[4] — верх сводов всех до сего времени открытых печей находится непосредственно под современной почвой, то своды всегда повреждаются при пахоте», что и не дает возможности точно определить конструкции сводов. Как жерло-устье, так и нижние камеры были вылеплены из серой глины, аналогичной той, из которой сделана посуда, и тщательно заглажены. У конца устьев печи была обнаружена большая яма, наполненная золой и фрагментами сосудов. В верхней камере со сводом происходил обжиг сосудов, причем тепло равномерно распределялось через пористую перегородку, отделявшую верхнюю камеру от нижних помещений, собственно печей. Каждая партия подвергавшихся обжигу сосудов состояла из 40—60 экз. В печи № 4 и было найдено до 60 таких подготовленных к обжигу сосудов. В ней же, помимо сосудов из хорошей серой глины, сохранившихся в целости, были найдены обломок железной фибулы, железный серп и кости животных — быка, свиньи и кошки. Первоначально Рейман предполагал, что кости животных имели ритуальное значение, но затем склонился к мысли, что они были здесь собраны для технических целей, для примеси органических остатков к глине. Керамика, найденная в Тропищове, как по форме, так и по тесту (горшки серой глины) чрезвычайно близка к керамике из Лепесовки и Черняхова. Характерно, что самое поселение в Тропищове расположено так же, как и в Лепесовке, на высоком берегу реки, в данном случае Вислы. Самое расстояние между печами в Тропищове совпадает приблизительно с тем, что мы имеем в Лепесовке. Крайне существенна еще одна находка, которая была сделана в окрестностях привислянского поселения. За гумном владельца поля, на котором были открыты гончарные печи, у дороги, ведущей из Тропищова, несколько лет тому назад наткнулись на яму, наполненную необычной пластичной черной глиной. Рейман правильно предполагает, что это была как раз та глина, из которой изготовлялась посуда, собственно местные запасы сырья. Кроме того у печи № 2 в одном из сосудов было обнаружено большое количество какой-то массы, по внешнему виду напоминавшей смолу; однако при ближайшем изучении выяснилось, что это была как раз та глина, из которой были сделаны сосуды. Таким образом, в поселении в Тропищове открыты не только готовые изделия, но и гончарные печи, и места выработки — добычи глины, из которой изготовлялась местная сероглиняная керамика. Все это дает основание утверждать, что и в Лепесовке мы имеем поселение с гончарными печами, а не могильник типа полей погребальных урн, как это утверждал Яроцкий. Целый ряд неточностей и неясностей в описании и реконструкции Я. В. Яроцкого может быть уяснен и исправлен на основании материалов Тропищова. Самый факт находки в Лепесовке не одной печи, а, повидимому, нескольких, а также большого количества фрагментов посуды и, наконец, какой-то ямы четырехугольной формы (жилище?) ставит с необходимостью вопрос о доследовании поселения. Последнее позволит,

[1] Tadeusz Reyman. Piece garncarskie fabricznej osady w Tropiszowie z okresu pózno-rzymskiego. Z. otchłani wieków, 1934, 3—5, стр. 50—60. — Он же. Problem ceramiki siwej na kole toczonej na tle odkryć w górnym dorzeczu Wisły, Wiad. Archeol., т. XIV, 1936, стр. 147 сл., табл. XXI—XXXVIII с 3 рис в тексте.

[2] Z otchłani wieków, 1934, 3—5, стр. 54 и 53.

[3] В Лепесовке ширина стенки ок. 0.50 м.

[4] Z otchłani wieków, 1934, 3—5, стр. 54.

очевидно, окончательно подтвердить выдвинутое нами предположение, а также изучить поселение, которое здесь существовало. В то же время раскопки помогут уяснить и условия изготовления керамики не только здесь, но и в Черняхове и в других киевских полях несомненно массового и технически совершенного производства.

Во всяком случае, как ни истолковывать открытое у Лепесовки в урочище Кручи «ульевидное» сооружение, самый факт находки в восточном углу Кременецкого района на Волыни, а также в Поднепровье чрезвычайно сходной керамики с керамикой позднелипицкой культуры (Псары, Максимовка и др.) говорит об известном единстве культуры в IV—V вв. на широком пространстве Поднепровья и Поднестровья. Течение Горыни, по которому мог итти старый путь и на котором несомненно бывали римские купцы, — связующая артерия этих территорий.

Селища, подобные открытому в Тропишове, известны в настоящее время в значительном количестве как западнее в районе верхнего Повисляньья, так и восточнее в Посанье. В некоторых из них — открытые жилища, близкие к жилищу типа Максимовки. Так, напр., в западной Галичине под Тарновом, в разветвлении двух маленьких речек Бьялы и Вантока, были открыты на большой глубине (3 м) остатки поселения с керамикой двух типов: 1) посуды, сделанной от руки из плохо промешанной глины с примесью крупнозернистого песка, грубой работы, и 2) посуды более тонкой работы из очищенной глины без всяких примесей, светлосерого цвета. Сосуды украшены орнаментом из простых горизонтальных и волнистых линий. На ряду с керамикой здесь были еще раньше обнаружены остатки жилища — надземной деревянной избы. Датируется это поселение рубежом IV—V вв. [1]

Характерной особенностью культуры этого периода, к которому относятся и позднелипицкие поселения и могильники, является чрезвычайное сходство керамики на широком пространстве Поднестровья и среднего Днепра. Эта керамика прослеживается и дальше на запад в Посанье и верхнем Повисляньье, а также местами к югу от Карпат, в Семиградье, напр., в вышеупоминавшихся могильниках Марошсентаны и Марошваашаргеля. Посуда эта из серой, хорошо промешанной и хорошо обожженной глины (температура обжига ок. 600°). В орнаменте часто встречаются неглубоко врезанные зигзагообразные и волнистые линии. Наиболее распространенная форма — невысокие горшки; встречаются кувшины и трехручные миски и урны (рис. 11, *1—4*). [2]

[1] Z otchłani wieków, 1933, VIII, 1—2, стр. 22. — Boleslaw Czapkiewicz. Osada z póznego okresu rzymskiego pod Tarnowem, Wiad. Archeol., XIV, 1936, стр. 55—58, табл. XIV — XVI.

[2] Ср. керамику IV—V вв. из выгребной ямы в Оссовцах (р-н Бучача), открытой случайно при копанье картофельного поля. Z otchłani wieków, 1936, 11, стр. 132.

1

2

3

4

Рис. 11. Образцы керамики IV—V в.

1, 3, 4 — Даловицы, р-н Мехова; *2* — Пастщец, р-н Стопника.

В западноевропейской археологической литературе эта серая керамика получила наименование готской. Однако нет никаких оснований сохранять за ней это название. Как в технике ее изготовления, так и в форме и в орнаменте прослеживаются, с одной стороны, старые местные традиции, восходящие еще к скифам, с другой стороны, — провинциально-римские влияния, напр., в мисках, чашах и сосудах в форме кубков с вдавлениями (см. рис. 7, *3*) — подражание римским стеклянным сосудам. Распространение этой керамики в районах, лежащих вне территории готских союзов, в тех областях, где именно в этот период оформляется славянство, позволяет с гораздо большим правом называть ее условно древнеславянской, точнее рассматривать ее как керамику местного населения, оформлявшегося как славянское.

Сходство этой керамики с позднейшей славянской керамикой говорит о том, что мы имеем здесь культуру, переходную от полей погребальных урн к собственно славянской, которая оформляется как древнеславянская, на рубеже первой и второй половины I тысячелетия н. э. на территории среднего Поднестровья и Поднепровья; традиции ее прослеживаются затем и позднее (в VII—VIII и даже IX—X вв.) в обряде погребения, в характере курганных насыпей, в самом погребальном инвентаре.

IV

Территория западных областей Украины слишком мало исследована, чтобы можно было уже сейчас раскрыть полностью социально-экономический строй местного варварского общества в первые века н. э. Однако археологические разведки поселений восточной Галичины — районы Залещиков, Збаража, Рогатина, а отчасти Волыни позволяют установить значительную степень социальной диференциации, определить хозяйственную базу населения — земледелие и скотоводство, а также наличие ремесла. Об этом говорит сосуществование в одних поселениях разного типа жилищ — бедной полуземлянки овальной формы с открытым очагом и полунадземного квадратного плана жилища с сенями и хорошо сложенной печью, с полуциркульным сводом, наконец, деревянной избы в Максимовке и в селище под Тарновом. Находки костных остатков животных в Новоселке-Костюковой и в Голиградах (р-н Залещиков), в Незвишке (р-н Городенки), в Хрыцовцах и Максимовке (р-н Збаража), наконец, в могильнике-поле с трупосожжением в Хрынове (р-н Бубрка) указывают на значительное развитие скотоводства.[1] Состав стада устойчив: на первом месте овца (встречается восемь раз), свинья (три раза), бык (четыре раза), лошадь (три раза), коза (два раза). Найдены были и кости собаки: один раз мелкой домашней породы и другой раз, в Голиградах, большой сторожевой собаки или волка (?). Костей домашней птицы, равно как и мелкой дичи, не встречено вовсе. Один раз встретились кости серны и оленя, что указывает на относительно незначительную роль в хозяйстве охоты. Находки костей лошади, на ряду с быком, показывают, что лошадь, вероятно, служила не только мясным животным, но и тягловой рабочей силой. К сожалению, слишком незначительные раскопки поселения, не давшие никаких орудий производства (исключение — один жернов в Максимовке), не позволяют ничего сказать о характере земледелия: отсутствие находок земледельческих орудий не говорит, конечно, о примитивности земледелия, наличие же в стаде быка и лошади скорее подтверждает высокую ступень его развития. Тот же состав стада дают и костные остатки животных на Дидовщине Фастовского района Киевской области, где известны находки земледельческих орудий и развитое пашенное земледелие.

О значительном развитии гончарства свидетельствуют не только самое многообразие глиняных изделий и их техника, но и находки в ряде поселений гончарных печей (Неслухов, Максимовка, Лепесовка и т. д.), позволяющие говорить уже о массовом производстве.

На высокий уровень уже в этот период металлургии и металлообработки указывают открытые в Милансвичах Ковельского района Волыни остатки плавильных печей с рудой, шлаком и сосудами. Открыты они были случайно, при работах на огороде, на глуб. ок. 0.60 м. К сожалению, никаких подробностей, кроме краткого описания их, мы не имеем. Это были «ямы со стенами, обмазанными глиной, с остатками свода, внутри которых, помимо глиняных сосудов, были найдены большие груды железной руды и шлака».[1] Раскопок на месте находки до сих пор, повидимому, не было.

О значительной социальной диференциации населения говорит также и существование на ряду с массовыми могильниками населения селищ — погребений среднего слоя, воинов-дружинников, с характерным инвентарем — оружием и более богатыми импортными предметами; наконец, таких богатых погребений, как раннее погребение в Колоколине или погребение под Кременцом на Волыни, принадлежащие представителям высшего слоя знати, а, возможно, и вождям. В западной Галичине в Кракувке под Сандомирцем известно погребение с богатым импортным погребальным инвентарем, окруженное несколькими бедными могилами, почти лишенными инвентаря.[2] Возможно, что это — по-

[1] K. Myczkowski. Kości zwierząt ssacych osad epoki cesarstwa rzymskiego. Сб. «Przyczynki do poznania», стр. 49—58.

[1] Z otchłani wieków, 1934, 1—2, стр. 19.

[2] L. Wielkonski. Grób ciałopalny z okresu wczesnohistorycznego z Krakówki pod Sandomierzem. Wiad. Archeol., XV, 1938, стр. 106—125.

гребение знатного и окружающих его, от него зависимых рабов. Аналогичное погребение, повидимому, найдено было и в округе Турка;[1] к сожалению, мы не располагаем достаточным материалом, чтобы говорить о нем подробнее.

Показателем достаточно высокого социально-экономического и культурного развития этих областей являются многочисленные импортные изделия из черноморских античных центров, которые находят в восточной Галичине. Население восточной Галичины находилось в деятельных торговых связях с римскими поселениями на нижнем Дунае и на побережье Черного моря, на что указывают не только находки импортных металлических вещей, керамики и стекла, но особенно значительное количество кладов и отдельных находок римских монет. Как и в среднем Поднепровье, находки монет ограничиваются временем II — самым началом III в. н. э.; после 192 г. число находимых здесь римских монет резко падает; на III век приходятся лишь единичные находки.

Путь, по которому проходили римские купцы, ясно прослеживается — это путь по главнейшей речной артерии, Днестру. От Днестра путь этот сворачивал к северу вдоль р. Нараевки, на Псары и Бороничи до Звенигорода, направляясь далее в южную Волынь на Кременец и по Бугу на северную Волынь.[2]

Но на Галичину и Волынь, как и в соседние области, римские купцы приходили из гораздо более отдаленных областей римского мира. Об этом свидетельствуют найденные на древнем городище Звенигорода к юго-востоку от Львова 20 фрагментов так наз. terra sigillata, среди них один с именем мастера конца II в. н. э. Cintism[us], работавшего в керамической мастерской в Рейнцаберне в восточной Галлии на Рейне, и другой — мастера Svarad[us] из мастерской в Банассаке в южной Галлии. Неслучайность этой находки подтверждается находкой шести сосудов той же terra sigillata в могильнике в Спицимирце в р-не Турка, равно как и сосуда рейнского стекла, открытого раскопками 1927 г. на о. Березани. На ряду с керамикой и стеклом в богатых погребениях (напр., в Колоколине) встречаются изделия I в. работы помпеянских и капуанских мастерских. К исключительно интересным предметам римского импорта принадлежит случайно найденная в районе Залещиков, на правом берегу р. Серета, в местечке Мышков еще в 1862 г. (ныне хранится в Львовском музее) бронзовая вотивная ручка, держащая между большим и указательным пальцами шар, на котором стоит небольшая фигурка;[3] к сожалению, от последней уцелели только ноги. Снизу надпись: I(ovi) O(ptimo) M(aximo) Doliceno Gaius optio c(o)h(ortis) I H(i)sp(anorum) M(iliariae) V(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito).[1]

Среди бронзовых изделий отметим также бронзовые фаллусы из Кочубинцев (р-н Гусятина) и из Залесья (р-н Борщова); бронзовые статуэтки Изиды из Жабинцев (р-н Каменки Великой), из Могильницы (р-н Трембовли) и из Синкова (р-н Залещиков); бронзовый жбан из Залесья; из стеклянных предметов — прекрасные сосуды из р-на Борщова и т. д.

К сожалению, римский импорт до настоящего времени недостаточно изучен, почему дать окончательную оценку его места в культуре западноукраинских областей не представляется еще возможным. Характерно, что приток этих изделий почти полностью прекращается с III в.

Сильнейший натиск варварских племен на границы империи и все усиливающийся внутренний кризис ее подрывали нормальные связи между отдельными областями римского мира и варварской периферией, а вскоре и разрушили их вовсе. Что касается монет, среди которых почти вовсе не встречается экземпляров чеканки после Септимия Севера, то их отсутствие объясняется, повидимому, прежде всего «порчей» самой монеты.

Характерно широкое распространение на восточной Галичине названия «вал Траяна». Необходимо при этом отметить, что далеко не все валы и насыпи здесь носят это название. «Валы Траяна» расположены все в юго-восточном углу Галичины и представляют определенную систему укреплений.[2] Они прослеживаются в четырех местах: в Гермаковке, в Залесье, ниже Кудринцев Дальних, над берегом Збруча и к востоку от Борисковцев. Валы эти сопровождаются рвами.[3] Самое название объясняется живучестью в этих районах старой традиции, предания, связывавшего различные по времени, но несомненно древние сооружения с римским наступлением, завладением Римской империей северной Дакией. Границы последней почти доходили до южного Подолья и восточной Галичины. Существование именно здесь «валов Траяна» является лишним подтверждением тех давних связей, которые существовали между этими районами и северными дунайскими провинциями империи. Это подтверждается также и тем, что почти всюду, где известны «валы Траяна», «Трояновы валы», находятся римские монеты или предметы римского

[1] Z otchłani wieków, 1936, 11—12, стр. 157.
[2] Jar. Pasternak. Ruské Karpaty v archeologii, 1928.
[3] Я. Пастернак. Нововідкриті римські пам'ятки з Галичини і Волині. Зап. Наук. т-ва ім. Шевченка, т. 151, стр. 1—17.

[1] Demetrikiewicz. Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Instituts, Bd. VII. Вена, 1904, стр. 149 и др.
[2] Kazimierz Majewski. Badania terenowe zakładu arch. klas. U. J. K. w powięcie borzówskim. Odbitka z Eos, kwartalinka klas. 1938, Львов, 1938 (см. карту).
[3] Аналогичная система римских укреплений известна и южнее, в Бессарабии, а также в современной Добрудже, где на коротком, но наиболее уязвимом участке пограничной римской линии от Черновод до Констанцы расположено 3 вала, в направлении от Дуная к морю. Они также носят название «Трояновых валов». Валы эти не одновременны. Древнейший — «малый» земляной вал; следующий по времени «большой» земляной вал, с двумя рвами по обеим его сторонам, с большими лагерными стоянками и сторожевыми постами, третий — «каменный» вал со специальными укреплениями — castella.

импорта. Например, римские монеты в Гермаковке, в Кудринцах, на правом берегу р. Збруча, в Залесье (в частности, монеты самого Траяна), в Завале также на правом берегу Збруча. Встречаются они и севернее, напр., в Семенцах, близ сел. Мельницы, в р-не Коломыи. В Семенцах было найдено вместе с многочисленными римскими монетами Траяна и бронзовым фаллусом бронзовое украшение, известное в литературе под названием Vallaris.[1] Предметы этого типа обычно рассматриваются в археологической литературе как шейные украшения (Kronenhalsringe) и датируются позднелатенским временем. Любопытна однако догадка, высказанная еще Садовским,[2] что в галичинской находке можно видеть corona vallaris, которую давали в награду за овладение вражескими укреплениями. Он предполагает, что этот, до тех пор неизвестный археологам тип, который давался в награду за разрушение вражеских земляных укреплений, и представлен в нашем памятнике. Предположение Садовского, по его словам, может быть подкреплено самым местом его находки поблизости земляных укреплений, ибо из Гермаковки, в окрестном лесу которой была найдена эта «corona vallaris», начинается вал, идущий затем по Збручу и обоим берегам Днестра, известный у местного населения под названием «Траянова вала»; здесь же была найдена и вотивная бронзовая ручка с упоминанием названия когорты, как известно, стоявшей в Дакии и очень много римских монет. Сочетание всех этих находок действительно делает догадку Садовского весьма вероятной и вызывает необходимость проверки на месте путем раскопок высказанных им предположений. Ее не следует забывать и при определении аналогичных находок и в среднем Поднепровье.[3]

V

Тесные связи Дакии[4] с западно-украинскими областями подтверждаются чрезвычайной близостью липицкой культуры к современной ей и даже несколько более ранней культуре Дакии.[5]

Дакия, особенно ее восточные районы, была одной из наиболее романизованных и передовых областей римского мира, с цветущей городской жизнью, широкими торговыми связями, которые держали в своих руках объединенные в коллегии римские купцы, с крупным землевладением, использовавшим труд рабов и зависимого населения, с развитым ремеслом. Постоянные связи с эллинистическим миром юга, с одной стороны, с северным Причерноморьем, в частности с Ольвией, равно как и многовековая местная культура, развивавшаяся на сильной кельтской подоснове, с другой, определили и своеобразие сложившейся здесь в первые века н. э. провинциально-римской культуры.

Этнографическая карта древней Дакии очень пестра, и этногонический процесс здесь очень сложен, особенно на Черноморском побережье. В Дакии сильны и этнически и культурно скифские, кельтские и сарматские элементы. Однако основную массу сельского населения Дакии составляли гето-дако-фракийские племена, хозяйственной базой которых и в позднелатенский период и в первые века н. э., как и раньше, было земледелие. Об этом говорят и эпиграфические памятники раннеримского периода, и археологические данные. В позднелатенских поселениях в зерновых ямах были найдены зерна пшеницы, льна, конопли и проса; известны находки и земледельческих орудий. На ряду с земледелием было также развито скотоводство, о чем свидетельствуют находки костей быка, козы, барана. О наличии охоты говорят находки костей кабана и мелкой дичи. Было развито и ремесло, особенно гончарное.

Поселения земледельческого населения представлены, главным образом, открытыми селищами, расположенными по берегам рек и мелких ручейков. На ряду с ними, в особенности позднее (в III—IV вв.), возникают и укрепленные поселения, с земляными валами, часто без частоколов, и рвами; они воздвигались для защиты от нападения соседей, главным образом кочевников с севера.

Жилище в Дакии, как и на всем Дунайском левобережье, в областях, богатых лесом, — деревянное или из тростника. Нижние части стен, а иногда и все стены целиком, обмазаны глиной. Встречаются и полуземлянки (напр., в Зимнице, в Тиносуле), но они значительно реже и бытуют, главным образом, в более ранний период. Любопытно отметить сочетание обоих типов дакийского жилища на колонне Траяна.[1]

Как и в позднелатенский, так и в римский период в Дакии продолжал жить старый гетский обряд погребения — сожжение, с захоронением пепла и остатков кальцинированных костей в урнах, которые помещались в могильных ямах в форме неглубоких колодцев. На ряду с рядовыми могильниками, собственно полями погребений, в Дакии попрежнему известны многочисленные курганные погребения, непрерывно

[1] L. Kozłowski. Zarys Pradriejów Polski..., табл. XXII, рис. 12.

[2] N. v. Sadowski. Die Handelstrassen der Griechen und Römer. Иена, 1877, стр. 190—191.

[3] Н. И. Петров. Альбом древностей музея Киевской духовной академии, т. IV—V, 1915, табл. VII, *10*. — K. Tackenberg. Zu den Wanderungen der Ostgermanen. Mannus, 1930, стр. 283.

[4] Под названием «Дакия» здесь, как и далее, имеется в виду не только оффициальная римская провинция Дакия, но более широкая область, включающая и южные части Нижней Мезии (ср.: V. Pârvan. Dacia и др.).

[5] См. работу автора «Роль западного Причерноморья в сложении культуры Поднестровья и Поднепровья первых веков н. э.». Краткие сообщения ИИМК, вып. VIII, М.—Л., 1940, стр. 67—71.

[1] K. Lehmann-Hartleben. Die Trajansäule, табл. 6, II.

прослеживаемые с V—IV вв. до н. э. до VII—VIII вв. н. э.

Как и на Украине, ни в одном из многочисленных поселений позднего латена и раннеримского периода (с I в. до н. э.), открытых не случайно, а подвергшихся систематическим многолетним раскопкам (Тиносуль, Пискуль-Красани, Пискуль-Кокони, Пойана и др.), в массовых могильниках местного сельского земледельческого населения совершенно не встречается оружия. Сопровождающий погребальную урну инвентарь очень скуден. Он состоит из костей животных (быка, козы, барана, кабана, дичи — остатков пищи), обломков керамики и украшений. Тут же находят кальцинированную землю и угли — остатки сожжения; последнее совершалось поблизости от могильной ямы, о чем свидетельствуют остатки глины, смешанной с соломой; форма могильной ямы — колодец, шир. ок. 1 м, глуб. ок. 2.50 м.[1] Характерен очень близкий к поднестровским и киевским полям погребения обычай ставить рядом с погребальной урной (архаической формы) сосуды ритуального назначения с остатками пищи и питья. Отличие погребальных урн от остальной керамики — в их примитивности. Урны эти сделаны от руки из пористой, плохо промешанной глины.[2] Импортные сосуды в качестве погребальных не употреблялись вовсе; исключение составляют два случая в Пискуль-Красани.[3] В женских могилах часто встречаются пряслица. Как и в могильниках липицкого круга, керамика имеется здесь нескольких типов: местная, сделанная от руки из плохо обожженной пористой глины; также лепная, но из лучше промешанной глины и лучшего обжига черная или серая лощеная;[4] наконец, сделанная на гончарном круге по импортным образцам, преимущественно сероглиняная. Особую группу составляет привозная керамика, главным образом обломки амфор, особенно многочисленные в Красани.

В дожившем до более позднего времени (III—IV вв.) поселении в Пойане, у впадения р. Тротуша в Серет, почти на границе Молдавии,[5] многочисленна черноглиняная лощеная керамика — terra nigra, с волнистым орнаментом, равно как и типичная позднеримская керамика из хорошо промешанной звонкой красной глины, широко распространенная во всем северном Причерноморье в III—IV вв. н. э. (рис. 12).[6] Отметим широкое применение на керамике собственно Дакии, а также и нижней Мезии орнамента, сочетающего декоровку двумя рядами врезанных параллельных линий с волнистыми линиями между ними. Эта декоровка повторяется весьма устойчиво в керамике Поднестровья, равно как и правобережного Днепра. То же приходится сказать и об орнаменте, постоянно встречающемся на пифосах, — гирлянда по тулову или шейке из налепленных и вдавленных кружков. Типичный здесь для римского периода, в северном Причерноморье этот орнамент встречается и значительно позже, вплоть до периода развитого средневековья (ср. керамику Херсонеса, Мангупа и др.). Близость орнамента керамики Дакии с керамикой северного Причерноморья и западных украинских областей, конечно, неслучайна. Она говорит не только о постоянных культурных связях, но и о прямом воздействии в этот период западного Причерноморья на северное. Все это заставляет

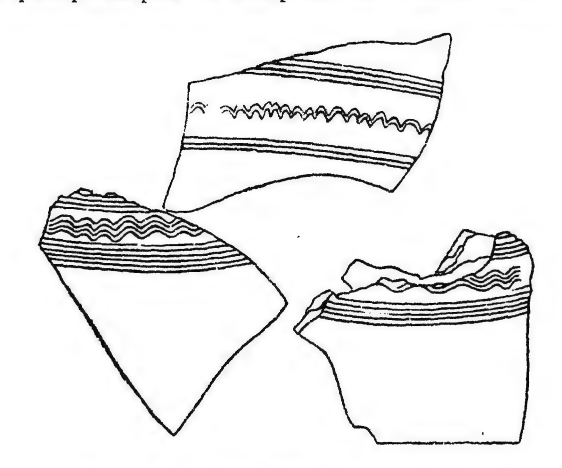


Рис. 12. Пойана (Дакия). Образцы керамики.

пристальнее присмотреться к стратиграфии и датировке керамики со сходным орнаментом в среднем Поднепровье (напр., на Пастерском).

В поселениях Дакии позднего латена и раннеримского периода все жилища надземные, прямоугольной формы.[1] Стены сложены из балок или тростника, обмазанного глиной; крыши — обычно из тростника или соломы. Часто жилище окружено канавой и частоколом. Обычные размеры жилищ 2.5 × 3.7 м, расположение их очень скученное. Как правило, все эти селища располагались на возвышенностях у реки или озера;[2] общая площадь селений, по наблюдениям В. Парвана, не более 3.5—5 акров. Число жителей не превышало, по его подсчетам, обычно ста человек.

Близкое сходство археологических памятников и всей культуры «сельской» Дакии с северокарпатскими областями, объясняется не только влиянием более высокой культуры Дакии на западно-украинские области, но, прежде всего,

---

[1] V. Pârvan. Dacia, стр. 143 и др. — Он же. Getica. — Он же. Poiana. Сб. «Dacia», тт. III—IV. — Radu Vulpe et Ecaterina Vulpe. Les fouilles de Tinosul. Сб. «Dacia», т. I, стр. 166 сл. и др.

[2] Таково большинство урн в Пискуль-Красани и, как правило, в Пискуль-Кокони и в Тиносуле.

[3] См.: R. Vulpe, ук. соч., стр. 186.

[4] Там же, стр. 22.

[5] Пойана представляла собою в римское время укрепленное земляными валами поселение.

[6] V. Pârvan. Castrul del Poiana si primul roman prin Moldova de Jos. An. Acad. Rom., t. XXXVI, 1913, табл. III, *1* и табл. IV, *1*.

[1] V. Pârvan. Poiana. Сб. «Dacia», т. III—IV, стр. 347.

[2] V. Pârvan. Dacia. An outline of the early civilization of the Carpatho-Danubian countries, стр. 115.

общностью исторического развития этих территорий, общностью культурно-этнического процесса, развивавшегося как тут, так и там, на одной подоснове.

VI

Вопрос о процессе этногонии в западно-украинских областях в целом и об этнической принадлежности липицкой культуры, в частности, буржуазной археологией не только не разрешен окончательно, но даже не поставлен по существу. Спорными являются и хронологические границы существования липицкой культуры. Особенно разноречивы в своих заключениях более ранние работы: так, Рейнеке и Пич считают липицкую культуру позднелатенской, Деметрикиевич датирует ее II в., Гадачек — II—IV вв., Антоневич относит ее ко II в., но связывает в своих ранних работах с ассимилированной готами понтийской культурой, в позднейших работах просто с готами. За последнее десятилетие во взглядах как польских, так и немецких и особенно западно-украинских археологов на липицкую культуру устанавливается в основном гораздо больше единства. Такенберг, а вслед за ним и Рихтгофен и ряд польских и западно-украинских ученых более или менее единодушно признают фракийский или костобоко-фракийский ее субстрат или прямую фракийскую принадлежность ее. Дата ранних памятников липицкой культуры, собственно Липицы, устанавливается довольно точно — I—II вв. Однако полный разнобой царит попрежнему в отношении определения этнической принадлежности позднейших памятников Липицы, так сказать, второго этапа в ее развитии. Хотя специально занимавшиеся этими памятниками М. Ю. Смишко, Е. Цехак, Т. Сулимирский и признают, что липицкие поселения продолжают непрерывно жить до позднеримского периода и даже до эпохи переселения народов, самое возникновение некоторых селищ липицкой культуры (напр., Максимовка, Неслухов) относят к позднему Риму и даже позже, тем не менее связанные с этими поселениями могильники, равно как и просто с ними одновременные поля погребений, оставляют или этнически загадочными, или же связывают с бо́льшими или меньшими оговорками то с готами, то с гепидами. Так, могильник в Псарах, сходство которого с волынскими и приднепровскими полями погребений не вызывает, как мы видели, сомнения, оказывается то гепидским (Костржевский, Рихтгофен, Смишко и др.), то готским (Антоневич) или развивающимся под готским влиянием. Готскими, как мы видели, объявляются и все те памятники, где встречается серая «готская» керамика.

Правда, в последних работах М. Ю. Смишко, признавая гепидскую принадлежность могильника в Псарах, склонялся уже не к принадлежности некоторых памятников пришлым элементам, готам или гепидам, но говорил лишь об их влиянии. Так, рассматривая поселение в Неслухове (Костржевский и Такенберг считают его гепидским), подчеркивая весьма слабую его изученность, М. Ю. Смишко говорил, что поселение существовало здесь непрерывно в течение многих веков; это заставило его признать принадлежность его местному, а не пришлому населению. Наличие в Неслухове предметов не местных, в частности гепидских, указывает лишь на определенные связи и влияния. В то же время М. Ю. Смишко вместе с Антоневичем признавал наличие сильных готских влияний в позднеримский период на западные области, подчеркивая при этом сложность культуры этого периода на территории Галичины.[1]

Иной точки зрения придерживался еще в своей вышецитированной работе 1928 г.[2] Я. И. Пастернак. Он правильно рассматривал Псары, Увислу и одновременные с ними рядовые могильники как памятники более позднего этапа в развитии местной галицийской провинциально-римской культуры, культуры липицкой. Одновременно он приписывал их славянам.

К сожалению, в одной из последних своих работ — обзоре поступлений в Музей Шевченко в Львове за 1933—1936 гг.[3] — Я. И. Пастернак, повидимому, отказался от своей прежней точки зрения. Датируя самую Липицу позднелатенским периодом, он определяет липицкую культуру как фракийскую; более поздние памятники так наз. пшеворской культуры, которые он ранее считал местным вариантом, параллельным с липицкой, провинциально-римской культурой, Я. И. Пастернак определяет уже как вандальские и даже говорит о каком-то вандальском селище на Волыни (!). Наконец, находки серой керамики позднеримского периода просто приписывают готам—«готская керамика».

Один из польских археологов, специально занимавшийся позднеримскими и ранне средневековыми памятниками восточной и южной Малой Польши, Т. Рейман — причисляет все памятники III—IV вв. к славянским.[4] Правда, для Реймана все эти памятники славянские не потому, что уже к IV—V, а тем более в IX—X вв. можно и нужно говорить именно о славянстве на территории Галичины и Малой Польши, а потому, что любой памятник, найденный на этой территории, с точки зрения Реймана, не может быть ни вандальским, ни гепидским, ни готским и т. д. Все они могут и должны быть только славянскими! Необходимо, однако, в то же время отметить правильность анализа Рейманом привислянского

---

[1] M. Śmiszko. Stan i potrzeby badań nad okresem cesarstwa rzymskiego w południowo — wschodniej Polsce. Wiad. Arch. XIV, 1936, стр. 125—138.

[2] Jar. Pasternak. Ruské Karpaty v archeologii, 1928.

[3] Я. И. Пастернак, Зап. Наук. т-ва ім. Шевченка, т. 154, Львов, 1938.

[4] Tadeusz Reuman. Problem ceramiki siwej na kole toczonej na tle odkryć w górnym dorzeczu Wisly. Wiad. Arch., XIV, стр. 147 сл., табл XXI—XXXVIII и заметка в «Z otchłani wieków» (1936).

материала, верные сопоставления с киевскими полями, и в общем верную оценку серой керамики как керамики местной, связанной со старыми местными традициями, и развивавшейся под значительным влиянием Причерноморского юга и юго-запада.

Что касается памятников так наз. пшеворской культуры, то западная археология почти единодушно приписывает эти памятники вандалам, видит в этих могильниках и в отдельных погребениях кладбища захвативших Галичину и подчинивших себе местное население вандалов, которые еще в конце позднего латена появились в Побужье, оставаясь здесь до середины III в., когда они были оттеснены гепидами за Карпаты, в Семиградье. Правда, не все ученые принимают эту атрибуцию безоговорочно. Так, Т. Сулимирский не связывает могильников этого типа непосредственно с вандалами, М. Ю. Смишко берет самый термин «вандалы» в кавычки, а Я. И. Пастернак, как уже указывалось, рассматривает пшеворскую культуру, как и липицкую, как особый вариант провинциально-римской; он отмечает значительное влияние Рима, что сказывается как в самом характере погребений и могильного инвентаря, так и в непосредственно импортных изделиях из причерноморских и ретийских римских центров. Наконец, Антоневич, правда, в старой работе 1921 г. (Обзор археологических работ в Галиции), рассматривает Пшеворский могильник не как что-то этнически отличное от Липицы, от культуры юго-восточной Галичины, а лишь как погребение воинов: «В западной части Галиции известны погребения воинов с черными меандровыми урнами, напр., Пшеворск. В районе Днестра, напр., Липица, — погребения с сожжением без оружия; серые урны, гораздо более примитивной формы, меняются постепенно лишь во второй фазе этой культуры, когда снова появляется трупопогребение, напр., в Псарах». Таким образом, признавая однородность культуры Липицы и Пшеворска, Антоневич отмечает лишь принадлежность погребений в последнем воинам. Характерно и то, что в этой своей работе Антоневич рассматривает Псары не как гепидский могильник, а поздний липицкий, как могильник местного древнего населения.[1] Наконец, Козловский связывает пшеворскую культуру с венедами.[2]

Вполне загадочными, не поддающимися никакой этнической атрибуции, оставались пока в западно-украинской археологической литературе (работы М. Ю. Смишко, Я. И. Пастернака) подкурганные погребения с трупосожжением и инвентарем, содержащим импортные вещи в сочетании с керамикой раннеславянского типа, открытые в последние годы на северных склонах Карпат.[3] Каков же должен быть ответ на вопрос об этно-культурном лице западных областей Украины, в частности, липицкой культуры в первые века н. э.?

В позднелатенский период и даже в первые века н. э. западные области Украины, как мы видели выше, представляют этнически и культурно достаточно пеструю и сложную картину. Археологические данные говорят о ряде локальных особенностей, ряде локальных групп. В то же время они покрываются известной культурной общностью, общей культурой полей погребальных урн. Позднее, в III—IV вв. и особенно к середине I тысячелетия н. э., этно-культурная карта этих территорий становится менее лоскутной. Здесь формируются более крупные этнические образования, не совпадающие с прежними мелкими группами, складываются определенные этнические массивы с более единообразной культурой и языковой общностью, оформляющиеся в последующие века, как юго-западная группа восточно-славянских племен.

Основную массу населения к северу от Карпат в западно-украинских землях в последние века до н. э. составляли различные мелкие, издавна оседлые земледельческие племена. Во II в. до н. э. все эти племена были, повидимому, уже объединены бастарнским племенным союзом. Впоследствии бастарнский союз простирается на юг, на Буковину и в Бессарабию, вплоть до устьев Дуная и о. Певки. В это же время с северо-запада начинается движение к югу лугийских племен, одно из которых — буры или бораны — занимало верхнее Повислянье. В первые века н. э. (I—II в.) южную Галичину и примыкавшие к ней территории Дакии занимали племена костобоков и бессов, входившие, повидимому, уже и раньше в бастарнский племенной союз.

Вопрос об этнической принадлежности бастарнов чрезвычайно запутан. Исходя из неправильного основного положения, что всякой народности, племени, изначально свойственна определенная сумма признаков, большинство буржуазных историков, основываясь на данных Плиния, относящего бастарнов и певкинов к пятой группе германских племен, считает бастарнов германцами. Однако германская принадлежность бастарнов отнюдь не бесспорна. Согласно сведениям древнейших писателей, бастарны (и скиры) первые из варварских племен, которых римляне встречают на своей дунайской границе. Источники отмечают появление бастарнов на южном и восточном склоне Карпат уже ок. 200 г. н. э. Полибий (205—123 гг. до н. э.)[1] знает бастарнов как народ, живущий на Понте. Около 200 г. о них знает Димитрий Калиатис,[2] который называет бастарнов пришельцами (ἐπήλυδες) на

[1] W. Antoniewicz. Wiener Prähist. Ztschr., тт. VII—VIII, стр. 26.

[2] L. Kozłowski. Zarys Pradziejów Polski... 1939.

[3] M. Śmiszko. Stan i potrzeby badań...

[1] Сочинения Полибия до нас не дошли, но сохранились у Тита Ливия и у Плутарха, в жизнеописании Эмилия Павла.

[2] Сочинения Димитрия Калиатиса утеряны; дошли в фрагментах в Перипле Понта Эвксинского Псевдо-Скимна (I в. до н. э.).

Понте. В 184—182 гг. до н. э. бастарны выступают в качестве наемников Филиппа Македонского в его войнах против Рима. В 179 г. под водительством Котто они действуют против дарданов; часть их поселяется в земле дарданов (современная Югославия), часть возвращается на прежние места. Под 168 г. источники (Плутарх, Ливий) упоминают о готовности вождя бастарнов с 20 тысячами соплеменников вступить на службу к македонскому царю Персею. В такой роли первых ландскнехтов, как их называет Энгельс, выступали бастарны на рубеже III—II вв. до н. э. Затем почти на столетие они исчезают со страниц источников — о них ничего не знают древние историки. Они появляются вновь в I в. до н. э. и на рубеже н. э. Так, находившийся в ссылке в городе Томи на берегу Черного моря (нын. Кюстенджи) Овидий называет бастарнов в числе своих соседей вместе с языгами, гетами и савроматами. Заметную роль играют бастарны в войнах Митридата, участвуя в качестве наемников в осаде Халкедона. По распадении гетского государства Бурвисты мы видим бастарнов к югу от Дуная. Позднее, в 29—28 гг., мы знаем о победе над бастарнами Лициния Красса. Наконец, во второй половине I в., в 62—63 гг., бастарны с роксаланами и языгами выступают против римлян. Таким образом, все древнейшие известия говорят о бастарнах к северу от Дуная и относят их к галатам, т. е. кельтам. Лишь позднее встречаем мы расхождение в известиях источников в отношении этнической принадлежности бастарнов. В то время как Тит Ливий сближает их с кельтами, указывая на сходство бастарнов по языку и обычаю со скордисками (кельто-фракийские племена), Плиний, как указывалось выше, причисляет их к германским племенам. Страбон, помещая их к северу от Истра, к востоку от германцев, об их этнической принадлежности выражается крайне осторожно: «Почти приближаются они к германскому народу». В другом месте своей «Географии» Страбон сообщает, что «бастарны, скифы и сарматы живут смешанно с фракийцами». В то же время он указывает и их местопребывание: бастарны занимали северо-восточные склоны средних Карпат; они делились на сидонов (ближе к верховьям Вислы) и атмонов (ближе к верхнему Днестру). Та же неопределенность в этнической характеристике бастарнов и у Тацита. Последний не просто относит бастарнов к германцам, как это обычно утверждается, но у п о д о б л я е т их германцам: «Что касается певкинов, венедов и феннов, то я не знаю, отнести ли их к германцам или к сарматам. Впрочем, певкины,[1] которых некоторые называют бастарнами, живут как германцы, будучи похожи на них языком, образом жизни, жилищем, — грязь у всех, праздность среди знати. Благодаря смешанным бракам они в значительной степени обезобразились наподобие сарматов». Таким образом, Тацит сомневается, следует ли отнести бастарнов (певкинов) к германцам или к сарматам; единственно, что можно заключить из его слов, что они не кочевники, а оседлые племена, но что они находятся в постоянных связях с кочевниками-сарматами.

Более ясное представление о бастарнах дает Птолемей. Он называет бастарнов главным народом юго-западной Сарматии над Дакией (ὑπὲρ τὴν Δακίαν) к северу. Здесь же помещает бастарнов и так наз. Пейтингерова таблица, составленная в конце IV — начале V в., но использовавшая дорожник времен Августа (30 г. до н э. — 14 г. н. э.). В этой таблице бастарны, соседи венетов, занимают Карпатские горы; они называются рядом с гетами и даками. Та же таблица указывает, что Днестр берет начало в бастарнских Альпах (Alpes Bastarnicae), т. е. в лесных Карпатах, отделяющих Галичину от Венгрии. Именно к востоку от этих Альп отмечены бастарны. Таким образом, по всем этим данным, бастарны не только в первые века до н. э., но и позднее территориально связаны с Карпатами, Галичиной, западным Подольем и, наконец, нижним Дунаем. Позднейшие писатели причисляют бастарнов то к скифам, то к гетам, неизменно локализуя их в прикарпато-дунайских областях. Что касается их языка, то, как мы видели, источники разноречивы: тогда как Тацит говорит о сходстве их языка с германским, Тит Ливий отмечает, наоборот, близость их языка к языку кельто-фракийцев — скордисков: смешанность их языка — явление вполне понятное в этих пограничных областях.

Древнейшие писатели изображают бастарнов как «народ очень многочисленный и сильный, воинственный и смелый; они не знают ни земледелия, ни скотоводства, ни мореплавания, занимаются одними военными упражнениями и думают только о войне» (Плутарх); «в походах за воинами следуют жены и дети» (Дион Кассий). Бастарны не знают политического единства, распадаются на много отдельных племен, во главе которых стоят князья, старейшины из знати и царьки (principes, nobiles, reguli, reges). Из их среды на время войны избирается вождь [dux (Тит Ливий), βασιλεύς (Дион Кассий)]. Перед нами крупный племенной союз с военным вождем во главе. Этот племенной союз объединял целый ряд племен, живших в среднем Поднестровье и на нижнем Дунае, в состав которого несомненно входили старые местные оседло-земледельческие племена, а также, очевидно, и пришлые элементы из более западных районов Повисленья, т. е. те многочисленные мелкие этнические группы, из которых в процессе дальнейшего исторического развития оформлялись славянские племена. Очевидно, в состав этого союза, возглавленного воинственной

---

[1] Одно из бастарнских племен на острове Певке в устье Дуная.

собственно бастарнской знатью, входили и костобоки и бессы, которых источники знают в северной Дакии и в южной Галичине в I—II вв. н. э. Что касается этнической принадлежности бессов и костобоков, то в исторической науке нет до сих пор твердо установившейся точки зрения. Часть историков считает костобоков кельтами или кельто-фракийцами (таковых большинство). Другая, главным образом историки славянских стран, в том числе крупнейший чешский историк-археолог Любор Нидерле, относит их к славянским племенам. Наконец, некоторые историки, основываясь на данных географа II в. н. э. Птолемея, причисляют их к юго-западной дако-фракийской группе (Цейсс, Премерстан и др.). Что касается бессов, то они также обычно относятся к кельто-фракийцам или дако-гетам. Самые разногласия историков в определении этнической принадлежности многочисленных племен прикарпато-дунайских областей объясняются тем, что буржуазная наука, стоя на позициях индо-европейской лингвистики, исходит из положения об извечной данности и неизменяемости этнических образований. В действительности же, всякое этническое образование — категория историческая, слагающаяся в процессе последовательного скрещения и расщепления многих, в свою очередь меняющихся, элементов. Упомянутые племена костобоков и бессов должны быть отнесены к старому местному населению северо-восточного Прикарпатья. Возможно, что самое название «бессы», сохранившееся до настоящего времени в названии «Бессарабия», генетически восходит к названию «бастарны» или даже является переоформлением названия «бастарны». Самый бастарнский союз, распадающийся в I в. н. э., сменяется новым племенным союзом — бесским. Таким образом, как видим, нет никаких оснований причислять к германцам не только племена, объединенные бастарнским союзом, но и собственно бастарнские дружины и бастарнскую знать, возглавившую союз племен в прикарпатских и закарпатских областях.

Местное население южных районов Галичины, носители липицкой культуры, которых большинство буржуазных историков причисляет к костобокам-фракийцам, в действительности представляет собою результат сложного скрещения старого местного населения с гето-фракийскими элементами. В этом отношении южный угол Галичины отличен от ее северных районов, а также от соседней Волыни и Подолии, где скифские, а возможно (на юге Подолии) и сарматские, элементы играют большую роль. В середине II в. н. э. западно-украинские области испытывают наступление с северо-запада виндильских племен, еще в I в. до н. э. продвинувшихся из областей по Одеру и Висле на юго-восток и в середине II в. оказавшихся на территории северной Галичины, продвигаясь затем и в область липицкой культуры. Это продвижение виндильских элементов с запада хотя и осложняло этническую карту этой территории, но так же, как и последующее появление во второй половине III в. собственно восточно-германских племен тайфалов, гепидов, герулов (они также оформлялись в этот период в более крупные племенные массивы), не было движением вполне сложившихся замкнутых племенных образований. Это были скорее лишь отдельные дружины, отряды или небольшие части этих племен. Они не несли с собой какой-то особой культуры, не оказывали потому и существенного влияния ни на этническое лицо, ни на культуру местного населения. Нельзя к тому же забывать и общенивелирующей роли провинциально-римской культуры на широкой территории средней и части восточной Европы этого времени, культуры, под воздействием которой и слагалась культура отдельных племен и родственных групп племен.

В свете такого понимания процесса этногенеза в первые века н. э. по-иному раскрывается и та так наз. вандальская культура, которая прослеживается в северной Галичине и на Волыни: отдельные погребения и небольшие могильники с сожжением, сопровождающиеся оружием. Характерно, как было уже отмечено выше, полное отсутствие связанных с ними поселений, кладбищами которых, казалось, должны были являться эти могильники. Как на территории Поднестровья, так и северо-восточнее на Волыни, равно как и в Семиградье, неизвестно и женских погребений этой культуры. Все это не дает оснований видеть в этих могильниках и отдельных погребениях могилы собственно вандальского населения, как это делает буржуазная археология, или рассматривать самих вандалов как завоевателей западно-украинских областей (точка зрения М. Ю. Смишко), «военной силой покоривших себе местное земледельческое население липицкой культуры».[1]

Могильники или отдельные погребения с трупосожжением, с типично воинским инвентарем, могли быть просто погребениями представителей военного слоя, дружинников. Состав последних, возможно, был смешанным, мог включать и восточно-германские, виндильские элементы, мог этнически и совпадать с местным земледельческим населением. Это был тот слой, чьей деятельностью была война, воины par excellence, как определил их К. Гадачек. Подтверждением этого предположения может служить и то, что в могильнике в Хрынове (напоминаем, что он был исследован систематически, раскопками Т. Сулимирского и М. Ю. Смишко) сочетаются обе «культуры» — липицкая и пшеворская; при преобладании керамики и предметов собственно липицкого круга здесь имеется оружие (мечи, наконечник копья, шпора), никогда не встречаемое в массовых погребениях липицкой культуры. Аналогичное явление имеет место и в Рудках, и в Каменке Великой, причем везде заметно

[1] M. Śmiszko. Stan i potrzeby badań...

преобладание липицкого инвентаря над пшеворским. Надо полагать, что при дальнейшем систематическом обследовании галичинской территории будут обнаружены и другие могильники с отдельными погребениями воинов, включенными в могильники населения селищ. Поиски же «вандальских» селищ, очевидно, будут безрезультатными. Любопытно, что и в Силезии, где вандальская культура первых веков н. э., близкая к пшеворской, изучена в результате проведенных здесь больших работ по вскрытию и исследованию этого рода памятников достаточно полно, также почти не было обнаружено никаких остатков поселений.[1] Это вынуждает даже такого ярого защитника широкого проникновения восточно-германской культуры на восток и юго-восток, как Такенберг, говорить об относительно меньшей численности вандалов на территории Силезии по сравнению с местным населением, лугийским. Что же касается самой вандальской культуры, то всеми исследователями единодушно признается наличие в ней сильных кельтских, а позднее римских влияний, идущих с юго-востока, с Дуная. Так, напр., применение гончарного круга, меандр в керамике, форма меча, употребление шпор, — все это занесено кельтами с юго-востока, равно как и некоторые особенности в погребальном обряде, напр., обычай сопровождать покойника согнутым мечом, издавна известный у кельтов.[2]

Позволим себе высказать еще одно предположение. В особенностях погребального обряда и самого могильного инвентаря (наличие вооружения) могил среднего дружинного слоя следует, быть может, видеть старые «бастарнские» традиции. Бастарнов древние источники знают как воинов, не занимавшихся ни земледелием, ни скотоводством, но составлявших военные отряды, выступавшие на стороне то одних, то других варварских племен и действовавшие в качестве наемной силы на службе у греков и римлян. Археологи тщетно пытались отыскать следы их пребывания в виде оставленных ими памятников на той широкой территории, где их знают письменные источники: никаких специально бастарнских вещественных остатков обнаружено до сих пор не было; вероятно, не удастся обнаружить их и впредь. Подвижные отряды воинов, стоявшие во главе мощного союза прикарпатских племен, они не создавали своей собственной культуры, но, очевидно, легко усваивали ту, с которой соприкасались, испытывая воздействие и провинциально-римской культуры. Спецификой их погребений, естественно, должен был быть военный характер сопровождавшего их в могилу погребального инвентаря. Если на западной Галичине, как и в южной Силезии и в Повислянье, в составе дружинников, военных отрядов преобладают виндильские элементы, то восточнее, в Поднестровье и на Волыни, субстратом того военного слоя, могилы которого содержат военное снаряжение, должны были быть местные «бастарнские» элементы. Конечно, в рассматриваемое время, во II—III вв. н. э., в составе дружин могли быть и пришлые западные лугийско-виндильские и местные фракийско-дакские элементы со все большим преобладанием пришлых виндилов, а затем и других восточно-германских элементов, но в культуре их, именно в этих юго-западных областях Украины, очень сильны как провинциально-римские, так и местные элементы; последние занимают отчетливое место и по-иному окрашивают памятники восточной Галичины по сравнению с западной (ср. Хрынов и Пшеворск и др.).

Выдвинутое положение о принадлежности «вандальских» памятников Галичины и Волыни не собственно вандалам, а воинам вообще, не опровергает и находка знаменитого Ковельского копья с рунической надписью — именем TILARIDS. Случайно найденное еще в 1853 г. на поле Сушично около Ковеля, оно было признано с самого начала готским памятником. Происходит это копье, повидимому, из разрушенного погребения. Между тем, известный рунолог Henning на основании исследования надписи считает его не готским, а «лугийско-вандальским».[1] Вандильскую форму окончания мужского рода в имени TILARIDS подчеркивает и Ф. А. Браун, хотя почему-то, признавая вандильскую форму рунической надписи, Ф. А. Браун считает копье «несомненно готским».[2] Близкие аналогии ковельскому копью представляют несколько копий из могил с трупосожжением в Повислянье. Так, напр., в 1934 г. в окрестностях Опатова в Стрычовицах была открыта могила, содержавшая железный умвон, нож, меч, два наконечника копья, инкрустированные серебром и украшенные какими-то символическими знаками, богато орнаментированные глиняные сосуды и обломки бронзовых сосудов, а также расплавленные куски бронзы. Однако попытка усмотреть в «символических» знаках надпись не привела ни к чему. Копья с надписями известны только в Ковеле, в Мюнхенберге и за последние годы на западной Галичине около Розвадова. Наконечник копья с геометрическим линейным орнаментом на нижней части втулки и надписью был найден в погребении воина в 1932 г. около Розвадова на Сане. Это погребение III в. с сожжением в урне сопровождалось, по словам М. Ю. Смишко, погребальным инвентарем, состоявшим из нескольких железных предметов: наконечника копья, украшен-

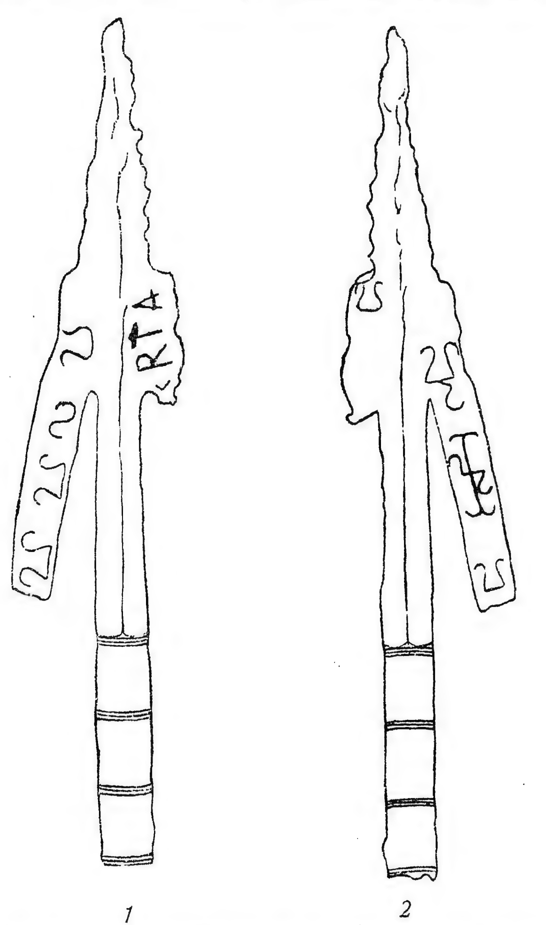
[1] K. Tackenberg. Die Wandalen in Niederschlesien. Berlin, 1925.

[2] Приписываемый буржуазной археологией специально вандалам орнамент в форме меандра в действительности распространен на гораздо более широкой территории: он встречается еще в эпоху бронзы в керамике поселений Трансильвании, а в сочетании с волнистым орнаментом устойчиво сохраняется и в латенский период.

[1] R. Henning. Die deutschen Runendenkmäler. Strassburg, 1889, стр. 1—20.

[2] Ф. А. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1891, стр. 267.

ного орнаментом и надписью (рис. 13), двух простых наконечников копий, шпоры и поясной пряжки. М. Ю. Смишко определяет погребение как вандальское. Как мы видели выше, возможна и иная этническая атрибуция погребения. Что касается надписи на копье (рис. 13, *1*), то М. Ю. Смишко читает в ней начертанное рунами имя мастера KRLUS. Такое чтение вызывает ряд сомнений. Известно, что имя KAROLUS до сих пор не встречалось ни в одной раннерунической надписи и вообще неизвестно в раннее время. Самое чтение буквенных зна-



1 *2*

Рис. 13. Наконечники копья из Розвадова на Сане.

ков малоубедительно. Первая буква надписи чрезвычайно напоминает латинскую букву R, вторая, в которой М. Ю. Смишко видит руническое L, по форме сходное с греческой Г, не в меньшей мере напоминает латинское T. Но если два первых знака и могут быть дешифрованы как руны, то третья буква — ясно начертанное безглавное A (греческое или латинское — безразлично) — не имеет никакого сходства с рунами. Ее начертание смущает и самого М. Ю. Смишко; он указывает на ее сходство с латинским A. Однако он выходит из затруднения, выдвигая предположение, что здесь первоначально было руническое U, деформировавшееся под действием огня. В то же время М. Ю. Смишко не может не признать, что все же этот знак скорее всего напоминает латинское A. Как видим, самое чтение надписи KRLUS сомнительно. Можно выдвинуть другое более вероятное чтение: не KRLUS, начертанное рунами, а латинское RTA. Но тогда надпись оказывается не рунической, а попросту латинской. «Символические» знаки весьма напоминают известные в Причерноморье знаки собственности, метки — тамги, на что указывает и М. Ю. Смишко, ссылаясь при этом на работу акад. И. И. Мещанинова.[1] Это сходство с черноморскими знаками в сочетании с латинской надписью еще более ослабляет положение М. Ю. Смишко о собственно вандальской принадлежности не только копья, но и самого погребения: в силе остается лишь военная принадлежность погребения и его периферийно-римский, причерноморский облик.

В условиях образования в III в. готских племенных союзов племена западных областей Украины, входившие ранее в состав бастарнского племенного союза, участвуют на ряду с целым рядом других племен в походах западно-готского племенного союза тервингов на восточные области Римской империи. Так, в 248 г. готы в союзе с карпами, тайфалами, вандалами и бастарнами под предводительством Аргаифа и Гундериха нападают на нижнюю Мезию, осаждают Маркианополь. В 269 г. большое войско из везиготов, остроготов, герулов, бастарнов, карпов и гепидов выступает против римских войск, но, разбитое Клавдием Готским в 270 г., возвращается назад. Наконец, вскоре после того, в 278—280 гг. происходит борьба готов с карпами и бастарнами. Эта борьба внутри самого готского союза или на его границах, подробности которой нам неясны, должна, повидимому, объясняться борьбой за власть между старыми насельниками этих областей, стоявшими во главе племенного союза Поднестровья, бастарнами, (или уже бессами), против пытавшихся подчинить их себе готских вождей. Борьба эта заканчивается победой готов.

Тогда же, в 246 г. происходит крупное столкновение между готами и гепидами. Напав на гепидов, готы (очевидно, военные дружины тервингов) прогнали их в области современной Венгрии, где они и утвердились в районе Тиссы и нижнего Мароша. В то же время готский союз тервингов распространяет свою власть на территорию Семиградья. В составе союза тервингов оставались позднее и гепиды и родственные им тайфалы, и виктофалы, участники готских набегов на римскую территорию. Тогда же во второй половине III в., после 250 г., основная часть вандалов покидает южную Галичи-

[1] M. Śmiszko. Grot dzirytu z runicznym napisem z Rozwadowa nad Sanem. Wiad. Archeol., т. XIV, 1936, стр. 140—146, табл. XIX—XX. Ср. сходные «символические знаки» на наконечниках копья, инкрустированных серебром, из Каменицы (район Ярослава) и на камне из Zazdrość под Трембовлей. (L. Kozłowski. Zarys Pradziejów Polski, табл. XXVII, рис. 34 и 33).

ну, направляясь в Буковину, и переходит в Семиградье; это, повидимому, происходит в связи с движением как готов, так и гепидов, продвигающихся все дальше на юго-запад.

Хотя во II—IV вв. передвижение населения в юго-западных частях Украины было весьма значительным, целые волны большего или меньшего размаха вливались на территорию Галичины и Волыни и переливались через нее (вандалы, тайфалы, гепиды, герулы), однако, и здесь, как и в среднем Поднепровье, появление пришлых с северо-запада дружин или небольших частей племен не означало смены населения, смены культуры. Старое, местное, веками слагавшееся население оставалось на месте. Старая, местная, липицкая культура пережила все эти набеги северных варваров и продолжала жить и развиваться и в III и в IV вв. Слагавшаяся в течение ряда веков на старой местной основе культура основного земледельческого населения оказалась сильнее того, что несли с собою новые пришельцы. Нельзя забывать, что их культура была по существу очень близкой с местной культурой Галичины, сама она вырабатывалась в течение долгого времени в условиях того культурного единства, которое слагалось на территории земледельческих племен средней и восточной Европы на протяжении многих предшествующих столетий. Местной особенностью культуры западных областей Украины являлось ее формирование в условиях постоянного взаимодействия и связей экономических и культурных с южными районами западного побережья Черного моря — с дако-гетским миром, с его более высокой культурой, определившей и общий уровень культуры западных областей Украины. В то же время она была тесно связана, как мы видели, с современной ей культурой населения среднего Поднепровья и Побужья. Близость и родство этих культур (Псары — Черняхов, Дидовщина) объясняется не только общим для тех и других районов влиянием Римской империи и ее колоний и факторий на Черноморском побережье, но, прежде всего, той этническо-культурной общностью, которая оформлялась в первые века н. э. в главнейших очагах сложения восточного славянства на среднем Днепре и на среднем Днестре.

Оседло-земледельческие племена западных областей Украины, как и среднего Поднепровья, в процессе своего исторического развития не оставались, как мы видели, чем-то замкнутым и отгороженным от остального мира, но в процессе общения и борьбы с многочисленными соседними племенами оформлялись на всем пространстве днепровского правобережья и левобережья Днестра в племена древнеславянские, в письменных источниках начала второй половины I тысячелетия выступающие уже под именем «антов».

Если в ранних могильниках и поселениях липицкой культуры мы еще наблюдаем заметные локальные особенности, отличающие их от современных им среднеднепровских памятников (напр., Зарубинцы, Корчеватое, Трахтемиров, Мануйловка и др.), то в позднейших памятниках, на втором этапе развития липицкой культуры, близость, даже почти полная тождественность тех и других выступает с полной очевидностью в обряде погребения, в составе погребального инвентаря, в керамике. Усиленно подчеркиваемое буржуазными учеными влияние «готской» культуры (киевские поля погребений) на культуру Поднестровья, Буковины и Семиградья, которое они усматривают прежде всего в широком распространении во всех этих областях «готской» серой керамики, в действительности означает нечто совершенно иное; к тому же днепровские поля погребений, как это установили исследования советских археологов, не являются ни в какой мере собственно готскими.[1] Сложившееся в IV—V вв. определенное культурное единство проявляется как в единстве погребального обряда, так и в значительном сходстве инвентаря, общности керамики, жилища и самих поселений на достаточно широкой территории правобережного и частично левобережного Днепра, левобережного Днестра и Прикарпатья и объясняется сложением этническо-культурной общности восточного славянства. Эта общность еще более подчеркивается появлением одинаковых особенностей в самом погребальном обряде: небольшие курганы с трупосожжением, сопровождающиеся керамикой с волнистым орнаментом раннеславянского типа, лепленной от руки. Такие курганы, открытые в лесистых районах Подкарпатья, известные также на Волыни и в среднем Поднепровье, представляют собою переходное звено к собственно славянским курганам с трупосожжением более позднего времени. Они сосуществуют и хронологически тесно примыкают к поздним полям погребений, в которых в этот период господствует трупоположение (Псары, Увисла на Галичине, Дидовщина в Поднепровье, Марошсентона, Марошваашаргель в Семиградье).

Более высокую культуру полей погребальных урн, с ее локальными особенностями, сменяет культура древнеславянских племен, с господством лепной керамики и единством погребального обряда — трупосожжение под курганной насыпью, с жилищем полуземляночного типа. Известная примитивизация, снижение культурного уровня объясняются, прежде всего, окончательной утратой связей с причерноморским югом, в особенности с захирением, а затем и окончательным умиранием античных центров — колоний рабовладельческого мира, а также притоком с востока варваров-кочевников гуннов, позднее аваров. Неся окончательную гибель рабовладельческому Риму, подготовленную изнутри, этот поток нанес сокрушающий удар и

[1] История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. На правах рукописи, т. II.

старым, оседло-земледельческим поселениям, начинавшим развиваться уже на рабовладельческой основе, остановил их развитие на пути создания центров рабовладельческого общества. Но в то же время эта волна варваров-кочевников не захлестнула старого местного населения; наоборот, она объективно способствовала его консолидации, укреплению связей между отдельными, более мелкими племенами. В борьбе с кочевниками, с одной стороны, в наступлении на одряхлевший мир восточной рабовладельческой империи — Византию — с другой, сплачиваются и объединяются древне-славянские племена; крепнет местная, более примитивная культура, из которой уже вырастает, также в процессе взаимного скрещения отдельных культур, культура юго-западной ветви восточного славянства.

M. TICHANOVA (M. TIKHANOVA)

LA CULTURE DES RÉGIONS OCCIDENTALES DE L'UKRAINE AUX PREMIERS SIÈCLES DE NOTRE ÈRE

(Contribution à l'ethnogénie des slaves orientaux)

(Résumé)

Les monuments archéologiques datant de la veille et des premiers siècles de notre ère sont représentés dans les régions occidentales de l'Ukraine, comme sur le Dniepr moyen et même sur un territoire beaucoup plus étendu de l'Europe médiane, par la culture dite des „champs de sépulture“ ou „champs d'urnes funéraires“. Cette culture, assez uniforme dans son ensemble, se distingue dans chaque région par des particularités locales, parfois fort peu importantes d'ailleurs.

Sur le Dniestr moyen, les monuments les plus caractéristiques de ce temps sont ceux de la culture dite de Lipica, consistant en cimetières, sépultures isolées et objets divers, ainsi qu'en plusieurs stations — anciens villages mis au jour dans ces dernières années et partiellement étudiés. Cette culture a reçu son nom du village de Lipica Górna (arrond[t] de Rohatyn), où déjà en 1889 fut découvert et fouillé un grand cimetière du type des champs d'urnes funéraires. Les explorations et les fouilles archéologiques ultérieures firent connaître plusieurs sépultures isolées, cimetières et stations, qui permirent de délimiter l'aire d'extension de la culture de Lipica et l'époque de son existence. Le matériel qu'a fourni le cimetière de Lipica (conservé en majeure partie dans les musées de Cracovie et de Lvov) n'a été que partiellement mis en oeuvre par la science. Ce «champ d'urnes funéraires» typique réunit en lui les deux rites funéraires de l'incinération et de l'inhumation; il se caractérise par la pauvreté de son mobilier — très peu de métal, absence complète d'armes et richesse relative en céramique, qui est de production locale et travaillée à la main ou au tour. Dans la céramique aux formes archaïques travaillée à la main, on reconnaît nettement des éléments daco-thraces, et dans celle travaillée au tour des éléments provinciaux romains, visibles aussi dans les fibules, les perles et d'autres objets du mobilier funéraire. Lipica se laisse dater des I—II siècles de notre ère. Les autres cimetières et sépultures isolées de la région, synchroniques de Lipica offrent un tableau analogue. La pauvreté exceptionnelle de ces cimetières atteste qu'ils appartenaient à la population des stations voisines et soulignent la profonde différenciation sociale qui existait alors dans le pays. Celle-ci apparaît particulièrement tranchée lorsqu'on compare les «champs de sépulture» avec les riches tombeaux de la même culture, par exemple avec la sépulture de Kolokoline (arrond[t] Rohatyn), qui date du milieu du Ier siècle.

La culture de Lipica se révèle d'une manière beaucoup plus complète dans les stations synchroniques situées dans le bassin des affluents nord du Dniestr (arrond[t] de Rohatyn, Horodenka, Zbaraž et Zaleszczyki) sur les versants du plateau ou dans les vallées des rivières, tels que les stations de Niezwiska (arrond[t] de Horodenka), de Novosiolka-Kostiukowa et de Holigrady (arrond[t] de Zaleszczyki). Fondés peut-être encore à la fin de la période La-Tène, ils ont continué d'exister durant les premiers siècles de notre ère. Les habitations sont des huttes demi-souterraines, ordinairement rectangulaires ou carrées en plan, avec foyer ou four au centre. Le type de station ouverte et de l'habitation même ainsi que le mobilier sont extrêmement proches de ceux des stations roumaines synchroniques et un peu plus anciennes (Poiana, Tinosul, Piscul-Crassani, Piscul-Coconi, etc.).

A côté des cimetières de la culture de Lipica, on trouve dans les mêmes régions d'autres monuments presque synchroniques (II—IIIe siècles): cimetières de dimensions très restreintes et sépultures isolées d'un type différent dit culture de Przevorsk. Les sépultures masculines renferment généralement des armes; elles appartiennent apparemment à la couche moyenne de la population, les guerriers.

L'étape suivante de la culture de Lipica est représentée par des champs de sépultures plus récents (IV—Ve siècles) et des stations qui leur sont contemporaines: cimetières de Psary

(arrond^{t} de Rohatyn), Uwisla (arrond^{t} de Houssiatyn), Horodnica (arrond^{t} de Horodenka), Trembovlia, Romanovo Sélo (arrond^{t} de Zbaraž). Son aire d'extension est toutefois beaucoup plus grande; ainsi, on a constaté des «champs» tardifs à Malyé Dereviany (région de Rovno), Gorci Polonci (région de Luck), Oreszkovci (région de Krémenec), Marosszentana et Marosvásárhely (Transylvanie), enfin sur le Dniepr moyen; dans les régions forestières au pied des versants nord des Carpathes, on connaît aussi de la même époque des sépultures à incinération sous de petits tertres, avec mobilier pauvre analogue à celui des champs de sépulture de la fin de la culture de Lipica et kiéviens. Outre les cimetières, on a découvert également des tombeaux isolés de représentants de la noblesse, par exemple une sépulture à incinération dans la région de Krémenec (Volhynie).

Des stations ont été découvertes accidentellement dans plusieurs endroits, ainsi — à Maksymóvka (arrond^{t} de Zbaraž) avec hutte à vestibule («séni»), à Lépésovka (arrond^{t} de Krémenec), etc. avec fours de potier et céramique grise caractéristique répandue à cette époque sur un vaste territoire sur le Dniepr, le Dniestr et la haute Vistule et par places au sud des Carpathes, en Transylvanie. Cette poterie est faite d'une pâte soigneusement pétrie et bien cuite; son ornementation présente souvent des lignes zigzaguées et onduleuses. Les formes les plus communes sont des pots peu élevés et des vases à une anse; on rencontre aussi des écuelles à trois anses.

En l'état actuel de nos connaissances archéologiques, l'ordre social et économique d'alors ne se laisse entrevoir que dans ses toutes grandes lignes. Sa base économique était l'agriculture et l'élevage; les métiers atteignaient un développement considérable, surtout la poterie et, en partie, la métallurgie. La population entretenait des rapports actifs avec les localités romaines du bas Danube et du littoral de la mer Noire, ainsi qu'avec les régions plus éloignées du monde romain (trouvailles de terra sigillata gauloises). Ces rapports étaient particuliérement constante et étroits avec la Dacie, non seulement avec sa partie maritime, mais aussi avec l'intérieur du pays.

Au point de vue ethnique, la population des régions occidentales de l'Ukraine dans la période La-Tène tardive et même durant les premiers siècles de notre ère offrait un tableau assez bigarré et complexe. Les données archéologiques établissent l'existence de particularités locales, de groupes locaux, auquels se superposait une communauté de culture — culture des «champs de sépulture». Plus tard, aux III—IVe siècles et vers le milieu du Ier millénaire, la carte ethnique devient moins bariolée. On voit apparaître alors des formations ethniques plus importantes ne coïncidant pas avec les petits groupes antérieurs, il se constitue des massifs ethniques déterminés à culture plus uniforme, qui deviennent dans les siècles suivants le groupe sud-ouest des tribus de Slaves orientaux.

La culture de Lipica est celle de la population agricole sédentaire du pays; elle est genétiquement liée aussi bien avec la culture de la période précédente qu'avec celle de la branche sud-ouest des Slaves orientaux de la seconde moitié du Ier millénaire de notre ère, dans laquelle les éléments daco-thraces occupaient une très grande place, surtout durant la première étape de son développement.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ЗБРУЧСКИЙ ИДОЛ

Идол, найденный в 1848 г. и известный под названием «Збручского идола», привлекал к себе внимание многих исследователей своей необычайностью и загадочностью. Русские ученые — И. И. Срезневский, Л. С. Фаминцин, А. А. Захаров, польские — Лелевель Гадашек, Деметрикиевич, Антоневич, Вавржинецкий, Рейман, немецкие — Вейгель, Брюкнер, известный знаток славянских древностей, чешский профессор Любор Нидерле и другие пытались дать объяснение этой необыкновенной находке.

Трудно, действительно, найти памятник, аналогичный Збручскому идолу.

Обнаружен он был в реке. В августе 1848 г. после продолжительной сильной засухи, когда вода в реке Збруч сильно понизилась, пограничная австрийская стража в селении Лишковец близ Гусятина заметила высовывающуюся из воды шляпу, при ближайшем рассмотрении оказавшуюся каменной, покрывавшей четырехгранный каменный, из серого известняка, столб 2 м 67 см высоты.[1] Столб разделен на три неравных пояса. Большую часть (160 см) занимает верхняя часть, представляющая собой фигуру человека. Голова этой фигуры, четырехликая, без бороды и усов, покрыта колоколовидной шляпой с отогнутыми полями. Лица обращены к четырем граням столба. В правой руке изображения виден рог, обращенный тонким концом вниз, левая рука от плеча до локтя опущена, в локте согнута и касается середины живота. Из-под одежды, довольно длинной и без складок, видны ноги. На другой грани столба рог отсутствует. На поясе изображения висит искривленная сабля на двух ремнях; на одежде под саблей видно изображение коня с головой, обращенной налево. На третьей грани столба, в отличие от двух вышеописанных, в руках верхнего изображения можно видеть кольцо. На четвертой стороне нет ничего, кроме самого человеческого изображения. В средней части столба (40 см) 4 раза повторяется изображение женщины, причем в той части столба, которая у нас обозначается первой, у левого плеча женщины видна маленькая человеческая фигурка с расставленными руками. В нижней части столба (67 см) видна оскаленная безбородая мужская фигура с поднятыми к голове руками, как бы подпирающими этот пояс, который отделяет нижнюю часть от средней (рис. 1 и 2).

Довольно глубокая вода на месте находки препятствовала тому, чтобы убедиться, не стоял ли идол на пьедестале. Свидетели, бывшие на месте находки, утверждали, что там находились следы больших камней, которые могли служить либо пьедесталом идола, либо продолжением четырехгранного столба; камни эти находились в воде настолько глубоко, что вытащить их было невозможно. За время долгого пребывания в воде идол почти весь покрылся песком в изгибах изображений, особенно в лицах нижних фигур образовались известковые налеты. От действия воды резьба в некоторых местах стерлась.[1]

Рис. 1. Збручский идол.

Посланный на место находки член Краковского общества науки Ф. Жебравский, ознакомившись с памятником и местом его нахождения, отнес Збручского идола к изображению бога балтийских славян — Святовита, культ которого, по мнению Жебравского, имел не только местное, но и общеславянское значение. Точка зрения Жебравского была принята Краковским обществом науки, и Збручский идол, водворенный в 1851 г. в Краковский музей, считался одним из изображений Святовита. Основания, которые заставили Жебравского притти к этому

[1] По позднейшему определению Геологического института Горной академии в Кракове, этот известняк состоит из мелких ракушек, сцементированных кальцитом.

[1] За последние годы, возможно, что в связи со снятием многочисленных слепков, на памятнике стали проступать следы полихромии.

заключению, были те, что збручская находка, как и Святовит Арконский, была четырехликой и имела те же атрибуты в виде рога, коня и оружия, как и вышеупомянутый бог.

Русский ученый И. Срезневский, одним из первых, если не первый, усомнился в возможности считать Збручского идола изображением Святовита.[1]

Описав находку и сообщив затем сведения средневековых хронистов (Адама Бременского, Саксона, Грамматика, Гельмольда, а также Кнютлинга-саги) о культе Святовита, Срезневский считает, что имеется мало данных называть Збручского идола Святовитом. В нем, правда, есть признаки западно-славянского бога и в частности поликефализм, но многоголовостью отличается не один Святовит, а и Триглав и Поревит (пятиглавый) и Ругиевит (семиглавый). Далее Срезневский ставит вопрос о том, что, быть может, это не только не Святовит, но и вообще не славянское божество, так как славяне восточные, на территории которых найден Збручский идол, не знали каменных богов и поклонялись исключительно деревянным. К тому же устное предание не сохранило среди потомков восточных славян следов поклонения многоголовым богам. Срезневский первый ставит вопрос — нельзя ли счесть Збручского идола за каменную бабу?

Всю последующую литературу, посвященную Збручскому идолу, как бы в ответ на сомнения и вопросы, поставленные Срезневским, можно разделить на две части, из которых одна отстаивает принадлежность Збручского идола славянскому божеству, может быть даже изображающего Святовита, в то время как другая часть пытается связать этот памятник с кочевыми тюркскими народами и усмотреть в нем своего рода каменную бабу.

Остановимся на основных представителях первой точки зрения.

Лелевель относит идола к изображению Святовита. Четыре изображения на гранях означают четыре времени года. Изображение с кольцом означает весну, с рогом — лето, в связи с этим в средней фигуре рождается новая маленькая фигурка. Осень представлена фигурой с мечом и конем, и, наконец, зима является оголенной, без всяких атрибутов.[1]

Такой же точки зрения придерживается и Киркор.[2]

В работе Фаминцина «Божества древних славян» чувствуется попытка смягчить несколько резко поставленные Срезневским вопросы относительно связи Збручского идола с Святовитом.[3] Фаминцин говорит, что идолы могли быть заимствованы славянами у чудских народов. Представление о многоголовых богах могло попасть на юго-западную территорию нашей страны от балтийских славян через Польшу. Вглядываясь в смысл представленных на столбе

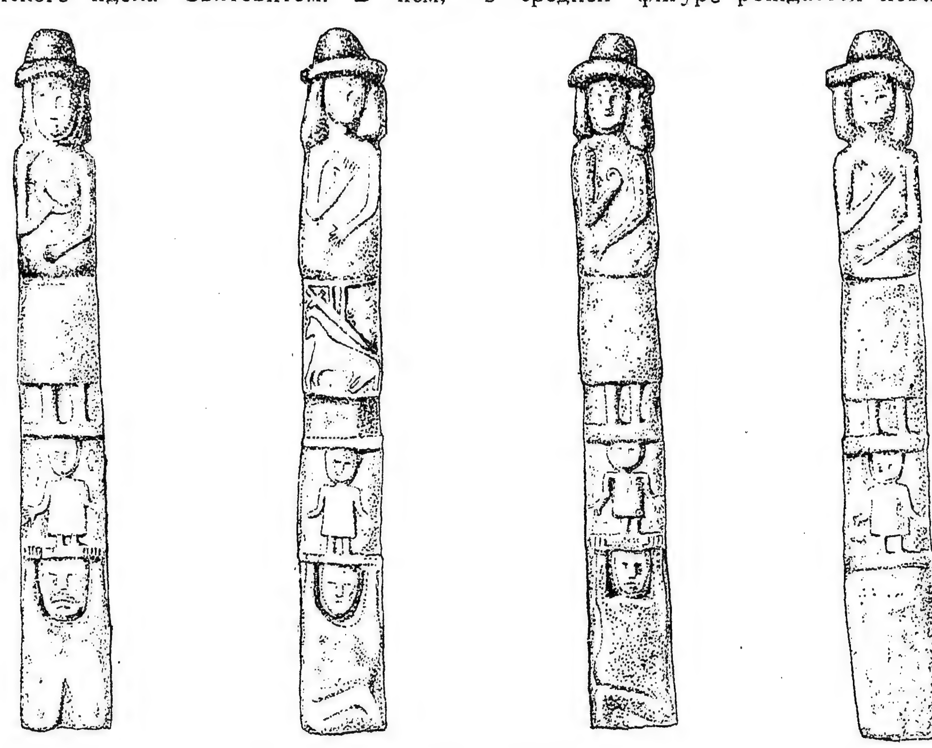


Рис. 2. Четыре грани Збручского идола.

[1] И. М. Срезневский. Збручский истукан Краковского музея, Зап. Археол. общ., т. V, стр. 163—183.

[1] I. Lelevel. Czeč balchowalcza slowjani Polski. Poznań. 1857, § 11—12.

[2] Записки Виленской археологической комиссии, т. I, 1856, стр. 28.

[3] А. С. Фаминцин. Божества древних славян. СПб., 1884, стр. 136—140.

фигур, Фаминцин усматривает в них аллегорическое выражение идеи разделения вселенной на три мира: небо, землю и преисподнюю. Верхняя четырехликая фигура изображает Святовита — небесного бога. В средней фигуре можно усмотреть плодородную землю-мать, и, наконец, в нижней третьей фигуре нам является чернобог — властитель преисподней. «Мы можем предположить, — заключает Фаминцин, — в Збручском истукане произведение, созданное под впечатлением балтийских идолов, влияние которых на концепцию художника в данном

Рис. 3. Каменная фигура из Розенберга (Зап. Пруссия).

случае очевидно. Может быть Збручский истукан воздвигнут колонией варяго-руссов из среды балтийских славян, поселившихся в России на берегу Збруча и принесших с собой культ Святовита, который, по словам летописцев, имел свои святилища во многих местах».

Вейгель указывает, что Збручский идол аналогичен ряду каменных изображений, найденных в Германии. [1] Сюда включаются каменные фигуры, найденные в Розенберге, каменные фигуры из Бамберга и барельефы из Альтенкирхена и Бергена на острове Рюген. Эти каменные изображения совместно с Збручским идолом составляют, по мнению Вейгеля, группу славянских божеств. Как и Фаминцин, Вейгель видит в фигурах изображение трех миров. В нижнем изображении бог преисподней, подобно Атласу, подпирает своей спиной землю и небо. Средний ряд дает представление о земном мире, который по сравнению с небесным является мелким и скоропреходящим, и наверху мы имеем бога неба, который превосходит все своей силой и властью. При нем священный конь, который для жрецов храма Триглава в Штеттине и Святовита в Арконе служил оракулом. Назвать Збручского идола определенно Святовитом Вейгель однако не решается (рис. 3, 4, 5).

[1] W. Weigel. Bildwerke aus altslavischer Zeit. Archiv für Anthrop., Bd. XXI, 1892—1893, стр. 59—72.

Рис. 4. Каменная фигура из Розенберга (Зап. Пруссия).

К началу XX в. накопилось уже довольно много высказываний о характере Збручского идола. К. Гадачек останавливает внимание читателя на некоторых работах по этому вопросу, [1] особенно на работе Вейгеля, и дает свое осмысление трехъярусности идола. Гадачек также сторонник «славянской» принадлежности идола, и сюжет, изображенный на нем, он объясняет влиянием античной мифологии. Так, в верхней фигуре следует усмотреть культ конных героев, почитание которых известно, начиная с гомеровского времени вплоть до позднего Рима. В женской фигуре должно видеть изображение Геры или Деметры и, наконец, в нижней — Атласа.

[1] K. Hadaczek. Swiatowit. Materialy antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, т. VII, 1904, стр. 114—121.

К числу сторонников теории о том, что идол принадлежит славянам, следует причислить и Л. Нидерле.[1] Нидерле не желал бы видеть в идоле Святовита. Он считает, что это не Святовит, а какое-то другое славянское божество, но все же славянское. Нидерле подчеркивает, что на памятнике можно проследить какое-то влияние тюркских народов. «Я считаю его, — пишет Нидерле, — изображением какого-то славянского божества, исходя

Рис. 5. Каменная фигура из Розенберга (Зап. Пруссия).

из того, что он обладает многоголовостью, как это свойственно другим славянским богам, известным нам из истории, ибо каменные бабы тюрко-татарских кочевников этого признака не имеют. Вместе с тем я не могу оспаривать, что художник (славянский?), создавший статую, мог находиться под влиянием каменных баб и мог видеть античные многоголовые изображения (Меркурия, Януса, Гекаты)...»[2]

Сводке каменных фигур, встречающихся на территории бывшего польского государства, посвящена работа Янины Соколовской. Збручский идол, подробным разбором которого она занимается, относится ею к числу божеств западных славян. Соколовская, ставя вопрос, не имел ли культ Святовита распространение среди восточных славян, отвечает на него отрицательно.[1]

Для того чтобы исчерпать представителей теории славянской принадлежности идола, следует еще остановиться на Т. Реймане.[2] Он считает, что отдаленность места находки Збручского идола от места поклонения Святовиту не исключает возможности считать збручский памятник изображением Святовита. Ведь многими источниками доказано, что культ бога Святовита имел общеславянское значение, а связи Киева с прибалтийскими и датскими народами являются достаточно твердо установленными фактами. В доводах Реймана можно усмотреть, только с меньшей определенностью утверждений, тот же ход мыслей и те же выводы, что и у вышеупоминавшегося Фаминцина.

Другим направлением в историографии, посвященной Збручскому идолу, является то, которое стремится связать его с памятниками тюркских или каких-либо других кочевых народов. Представителей этой теории меньше, чем первой, но среди сторонников ее есть ряд крупных и авторитетных археологов, мнение которых небезынтересно будет привести.

Если придерживаться хронологической последовательности (а мы и придерживаемся этого принципа), то одним из первых высказываний, относящих Збручский идол к числу каменных баб, имеющих особенное распространение на юге России, был обзор С. Рейнака.[3]

Интересная работа по систематизации каменных баб была проделана Деметрикиевичем. Он относит все каменные фигуры, известные в Азии и Европе, от Монголии и Китая до Пруссии, к каменным бабам, и поскольку они являются памятниками тюркских народов, увековечивавших своих героев, постольку вся эта упомянутая необъятная территория являлась в прошлом ареной действия тюркских народов. При систематизации и классификации каменных баб Деметрикиевич выделяет группу так наз. загадочных памятников и к их числу относит идола со Збруча. Но загадочность идола, по мнению Деметрикиевича, не исключает того, что этот памятник связан с тюркскими народами и представляет собой пережиток шаманизма, уходящего своими корнями в Тибет. Этой классификации полностью придерживается Януч.[4]

---

[1] L. Niederle. Manuel de l'antiquité slave, т. II, 1926, стр. 158—159.

[2] L. Niederle. Rucovet Slovanske archeologie. 1931, стр. 230.

[1] I. Sokolowska. Wcesnohistoryczne Posagi Kamienne odkryta na zemiach Polski. Swiatowit, т. XII, 1924—1928, стр. 116—128.

[2] T. Reyman. Posag Swiatowita. Z otchłani wieków, VIII, 1933, z. 1—2, стр. 2—16.

[3] S. Reinach. La sculpture en Europe avant les influences gréco-romaines. L'Anthropologie, 1894, стр. 174.

[4] W. Demetrikiewicz. Figuri Kamieny t. zw. bab w Asii i Europe i stosunek ich do mythologii slowiansky. Bulletin international de l'Académie des Sciences de Cracovie, 1910, № 7—8, стр. 97—115. — B. Janucz. Kultura przedhistoryczna Podola Galiciyskago, 1919, стр. 159—165.

М. Вавржинецкий, полемизируя с Нидерле, доказывает, что четырехгранная форма идола, закругляющаяся кверху, связана с фаллосными фигурами Японии, Китая, Монголии и Тибета.[1] Положение рук идола является типичным и распространенным среди божков Азии. Шляпа на голове идола встречается у индийского божества, и даже в самом лице Вавржинецкий усматривает монгольский тип.

Антоневич рассматривает идола как сочетание трех компонентов: славянского, монгольского и дунайско-римского.[2]

С каменными бабами сближает идола и А. Захаров, который обращает внимание на саблю идола, имеющую аналогию с встречающимися на Алтае и среди венгров, на положение рук идола, на коня.[3] Атрибуты идола говорят об его принадлежности к каменным бабам: «Мы не можем сказать определенно, какому народу он [памятник] принадлежит, но мы можем утверждать, что это какой-то тюркский народ, пришедший с Востока, может быть печенеги или мадьяры, ибо в это время оба эти народа были обитателями южной России».[4]

Таков далеко не полный перечень литературы, посвященной этому уникальному и загадочному памятнику, характер которого и теперь, 90 лет спустя после его находки, является достаточно неясным. Единственными положениями, к которым приходят авторы независимо от их точек зрения, являются те: 1) что Збручский идол является подлинным памятником и нет никаких оснований сомневаться в его достоверности и 2) что датировать его можно концом I тысячелетия, примерно IX—XI вв., и важнейшим датирующим фактором является тот тип меча, переходящий в саблю, который может относиться к этому времени.

В задачу настоящей статьи не входит разрешение вопросов, связанных с внутренним содержанием Збручского идола, цель ее дать сводку, посвященную этому памятнику. Позволительно при этом поставить ряд вопросов, которые до сих пор почему-то не вставали при исследовании значения Збручского идола.

Среди многочисленных более или менее правдоподобных предположений о том, что же такое Збручский идол, нам кажется, упущено одно обстоятельство — это связь памятника с той территорией, где он был найден. Прежде чем искать аналогий подобным изображениям в Тибете, Китае, Монголии, Греции и других далеких странах, не следует ли связать его с историей тех народов, которые жили на этой территории, территории находки памятника? Этим вовсе не исключается необходимость подыскивания аналогий. Исследования о характере изображений идола, исходящие из одних только аналогий, вряд ли помогут не только разрешить, но и сколько-нибудь правильно поставить вопрос об этом памятнике.

Достаточно, скажем, принять точку зрения одной из недавно вышедших работ, которая рассматривает территорию Галиции в X—XI вв. как арену деятельности исключительно кочевых народов, печенегов, алан, мадьярских племен, где славяне исключаются из числа жителей этой страны, как само собой отпадает вопрос о возможной принадлежности Збручского идола к числу славянских памятников.[1] Правда, явления идеологические, явления религиозного культа сложны, и сплошь и рядом трудно бывает провести прямую зависимость между конкретной историей народа и его верованиями, но тем не менее необходимо прежде всего искать именно эту зависимость.

Галицийская территория, где был обнаружен идол, — исконно славянская территория. К VI—VII вв. относится известие о славянском племени дулебов, живших по Бугу, на месте обитания которых к IX в. находились бужане или волыняне. Всей своей культурой, как то свидетельствуют археологические данные, волыняне связаны с восточно-славянскими племенами полян и дреговичей. «Повесть временных лет» упоминает живших по Бугу и Днепру славянские племена уличей и тиверцев, а А. Спицын высказывает даже предположение, что 6 загадочных городов, которые упомянуты у Константина Багрянородного, могли принадлежать уличам.[2] Местоположение уличей или тиверцев к X в., может быть, в некоторой степени можно определить находками арабских монет, которые встречаются между Днестром и Бугом лишь в районе Гайсина, Ямполя и Ольгополя (ближайшие отсюда находки диргемов — это Киев, с одной стороны, и Польша — с другой).[3] Время от времени здесь появлялись кочевники. К VI—VII вв. относится известие о притеснении аварами дулебов, женщины которых впрягались аварами в телеги вместо лошадей. К IX в. относится появление угров, к X в. — печенегов и, наконец, ко второй половине XI в. — половцев. Нашествия кочевников не оставляли, тем не менее, сколько-нибудь прочных и устойчивых следов среди славянского населения страны; это были по большей части стремительные, хищнические налеты с ограблением населения, без прочного оседания кочевников на месте. Законен вопрос, который можно поставить перед

[1] M. Wawrzenecki. Znamiona orientalne w kamiennym słupe t. z. Swiatowite. Wiadom. Archeolog., т. X, стр. 154—157.

[2] W. Antoniewicz. Archeologja Polski. Warszawa, 1928, стр. 222.

[3] A. Zakharow. The Statue of Zbrucz. Eurasia Septentrionalis Antiqua, IX.

[4] A. Zakharov, ук. соч., стр. 345—346.

[1] E. Kucharsky i M. Lewicki. Riesza pieczynska a stosunki polskoruski. В X i XI w. Цит. по: B. Richthofen. Zum Stand der Vorfrühgeschichtsforschung in den westukrainischen Landen. Prähist. Zeitschr., 1934, XXV, стр. 241.

[2] Об этих городах см.: Н. В. Малицкий. Известия византийских писателей о Причерноморье. Изв. ГАИМК, вып. 91, стр. 16.

[3] А. А. Марков. Топография кладов восточных монет. 1910, стр. 35.

сторонниками причисления Збручского идола к памятникам кочевников: а могло ли население, никогда прочно в данной местности не оседавшее, создать подобный монументальный культовый памятник, связанный с местными верованиями?

Достойно внимания, что в районе находки Збручского идола встречаются и другие загадочные памятники.

В 1875 г. один из крестьян местечка Гусятина, добывая камень на постройку церкви, отрыл в земле погреб, в одной из стен которого обнаружил четырехугольный каменный столб, развалившийся надвое. На этом столбе оказались высеченные, уже несколько стершиеся от времени, человеческие головы, лошади и еще

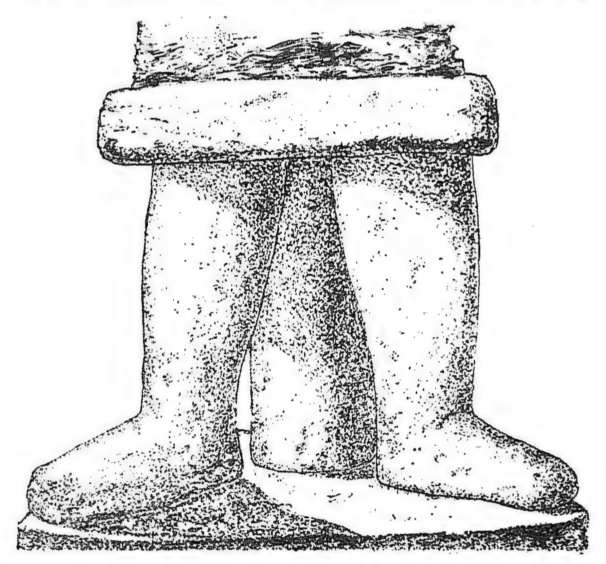


Рис. 6. Нижняя часть придорожного креста близ м-ка Рогатина.

какие-то фигуры. К сожалению, столб этот был разбит крестьянами. [1]

В районе местечка Рогатина имеется другая находка, описанная Антоневичем.[2] Близ дороги стоит крест на подставе, представляющей собой две пары ног. По предположению Антоневича, это был языческий идол, верхняя часть которого была стесана в крест, о чем свидетельствуют находящиеся здесь осколки камня. Размер памятника 4 м 64 см; по всей вероятности на идоле была одежда, доходившая до колен (рис. 6).

Концентрация этих загадочных памятников на небольшой территории гусятинско-рогатинского района заставляет вновь поставить вопрос о возможном существовании где-то здесь в этом районе святилища; вновь потому, что эта мысль не нова. Еще Жебравский, обратив внимание на условия находки и присмотревшись к местности, утверждал, что здесь, очевидно, было раньше святилище. Нахождение памятника в реке, гористый и лесистый берег давали основания для этого заключения. Жебравский установил также, что возможным местом для святилища могла быть гора Замчиск, на вершине которой возвышались какие-то стены и среди них каменная пристройка, возможно, служившая фундаментом, на котором стоял идол.[1]

[1] Археологическая карта Подольской губ. Тр. XI Археол. съезда, стр. 305.

[2] W. Antoniewicz. Dwa zagadkowe pomniki kamienne w pow. Rohatinskym. Wiadom. Archeolog., т. VI.

Киркор, побывавший на месте находки Збручского идола в 70-х годах XIX в., считал, что возможным местом святилища была гора Соколиха, у подножья которой протекает Збруч.[2]

Ни Жебравский, ни Киркор никаких работ по открытию возможного святилища не делали, а мысли их совершенно незаслуженно в последующей литературе были забыты.

С тех пор появилось известие о четырехгранном столбе в местечке Гусятине, который, судя по описанию, есть что-то напоминающее Збручского идола, и не лишено основания предположение, что там могло быть жертвенное место.

В 1921 г. К. Шухардт раскопал храм Святовита в Арконе на острове Рюген.[3] Святилище оказалось четырехугольным деревянным зданием 8 × 7 м. Для укрепления идола должны были служить столбы, углубления от которых были заметны. Фундамент идола представлял собой соединение больших, средних и малых камней, заполнявших яму в 1 м глубины, что совпадает со свидетельством Саксона Грамматика.

Близ храма находилось поселение. Керамика поселения свидетельствовала о позднеславянском населении (выходящем за пределы XII в.). На дне ямы, где был заложен фундамент Святовита, были найдены раннеславянские черепки с волнистым орнаментом, что дает основание утверждать, что культовое место возникло раньше поселения.

Местечко Гусятин (существует с XVI в.), близ которого были сделаны обе находки, занимает, повидимому, место какого-то древнего поселения. Здесь в земле откапывались следы каких-то древних построек, попадаются древние урны и домашняя посуда.[4]

Предположение о существовании жертвенного места близ местечка Гусятина отнюдь не означает его действительного существования. Но работы, предпринятые по выяснению типа вышеупоминавшегося селения, по всей вероятности помогут понять значение памятника и показать, является ли он случайным для всего окружающего культурного комплекса или тесно увязывается с ним.

Обращаясь к тому описанию Святовита, которое оставил нам Саксон Грамматик, мы дей-

[1] Зап. Археол. комиссии, т. V, стр. 195.

[2] Журн. «Klosy», 1877, стр. 378.

[3] C. Schuchhardt, Rethra und Arkona. Sitzungsber. d. Preuss. Akad. d. Wissensch. Phil.-hist. Kl., 1921, стр. 771—772.

[4] В. Гульдман. Памятники старины Подолии, 1901, стр. 94.

ствительно находим в нем черты, сходные с нашими памятниками. «В храме установлен, — пишет Саксон, — огромный, выше человеческого роста идол с четырьмя головами и шеями, из которых две обращены к груди и две к спине. Передние и задние головы устроены так, что одна из них обращена направо, другая налево. Борода и волосы у него подстрижены как бы в подражание обычаю ругиан. В правой руке идол держит сделанный из различных металлов рог, который ежегодно наполняется чистым вином. Эта жидкость служит для гадания о плодородии будущего года. Левая рука идола, упираясь в бок, изогнута луком. Туника, составленная из разных кусков дерева так искусно, что невозможно заметить соединения, доходит до берцов. Ноги идола стоят на земле, основание их скрыто под землей. На некотором расстоянии можно видеть узду, седло, а также другие принадлежности кумира. Более всего удивлял наблюдателя огромный меч, ножны и рукоять которого были украшены великолепной резьбой и прекрасной серебряной насечкой».[1] В качестве атрибутов Святовита Саксон упоминает также белого коня. Черты сходства Святовита и Збручского идола не дают основания говорить о заимствовании славянами восточными от славян балтийских идеи Святовита, но могут позволить проследить в местных верованиях, памятником чего мог быть Збручский идол, — черты общеславянские. Ведь среди балтийских славян было распространено поклонение Сварогу. Адам Бременский называет Сварога верховным божеством лютичей, которому они поклоняются как богу солнца. Этот же культ Сварога был распространен и среди восточных славян: «. . .солнце царь сын Сварогов, еже есть Дажьбог» — говорится в Ипатьевской летописи. «Слово некоего христолюбца» осуждающе говорит о продолжающих придерживаться языческих обрядов христианах. «И огневи моляться и зовут его Сварожичем».[2] Таким образом, культ Сварога общ и восточным и западным славянам. Гильфердинг, а позднее Нидерле высказывали предположение, что Сварожич лютичей, которому Адам Бременский приписывает значение главного божества, и Святовит ругиан, которому столетием позже Саксон Грамматик и Гельмольд приписывают то же значение, означают одно и то же божество. Эта мысль их может быть теперь убедительно подтверждена свидетельством Кнютлинга-саги. В этой саге, описывающей походы датчан на балтийских славян в XII в., верховное божество балтийских славян по одному варианту саги называется Svantaviz, а по другому Svaraviz.[1] Если считать эту мысль окончательно доказанной, то идея Святовита — Сварога, минуя всякие предположения о заимствовании, могла иметь право на законное существование среди восточных славян.

В этой связи любопытно отметить, как на то еще в свое время обратил внимание Срезневский, что в юго-западной части нашей страны вплоть до недавнего времени существовал обычай гадания, чрезвычайно сходный с тем гаданием у храма Святовита, которое описывает Саксон. Так, при гадании о плодородии будущего года Святовиту приносился в жертву пирог из сладкого теста, круглый и вышиной почти с человеческий рост. Пирог этот ставился в храме между народом и жрецом, и жрец, спрятавшись за пирог, вопрошал народ, видит ли он его, и когда народ отвечал, что не видит, то жрец высказывал пожелание, чтобы и на будущий год его не было видно. Это должно было обозначать, что будущий год будет плодородным. На территории Украины и Белоруссии накануне Нового года хозяйка, наготовив вареников и пирогов и сложив это в кучу на столе и затеплив свечу перед иконой, просит мужа исполнить закон. Отец семейства садится на покути за кучей печенья, входят дети, и, помолясь, спрашивают: «Дешь наш батько?» Отец их, в свою очередь, вопрошает: «Хибаш вы мене не бачите?» и на их ответ: «Не бачимо, тату» говорит: «Дай же боже, щоб и на той рок не побачили» — то же, что жрец арконский отвечал своему народу: «Ne post annum ab iisdem cerni posset».

В чешских глоссах XIV в. упоминается почитание христианами святого Вита, что, очевидно, дает опять возможность видеть и здесь идею Святовита, вышедшую за пределы обитания балтийских славян.[2]

Срезневский указывает, что не сохранилось среди восточных славян представления о многоголовых божествах, Афанасьев же в своих «Поэтических воззрениях» отмечает, что именно в Галиции житного деда представляют себе стариком с тремя длиннобородыми головами и тремя огненными языками.[3] Таким образом, многоголовость есть явление, отнюдь не чуждое и восточным славянам.

Далее Срезневский пишет, что славяне, как западные, так и восточные, не знали каменных идолов, а поклонялись деревянным. Вместе с тем имеется свидетельство Иоакимовой летописи, что «Добрыня же идолы сокруши, древянии сожгоша, а камении изломав в реку вергоша и бысть нечестивым печаль велика».[4]

[1] Ex. Saxonis gestis Danorum. Monumenta Germaniae Historica, Scriptores, т. XXXIX, стр. 122.

[2] Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества древней Руси. Зап. Моск. археол. инст., XVIII, стр. 41. К XII в. культ Сварога среди восточных славян совсем исчез.

[1] Knytlinga saga. Fornvänne sögur, 1828, IX, стр. 384.

[2] L. Léger Esquisse sommaire de la mythologie slave. 1882, стр. 17.

[3] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. III, 773, примечание.

[4] В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. I, ч. 1, стр. 39.

В одной из проповедей, которая известна Срезневскому, указывается: «Тако до ныне

Рис. 7. Новгородский идол.

зрите зде як в древнем Вавилоне кумиры древяни и камени сребром и золотом поволочени и багреница на раменах имуща».[1]

Срезневский отмечает, наконец, что божества балтийских славян были многоголовыми, в то время как Збручский идол всего лишь только многоликий. Заметим, что балтийские славяне также знали многоликих каменных богов. Так, пирнейский монах в Мейссенской хронике свидетельствует, что сорбы, т. е. венды, поклонялись каменной фигуре с тремя лицами под одной шляпой. Этим лишний раз подтверждается наличие у славян и каменных идолов.

Из отдельных атрибутов идола обращает на себя внимание головной убор. Это шапка с отогнутыми полями, имеющая широкое распространение среди славян. Общепризнанной является ее аналогия с шапкой княжеской семьи, изображенной в Изборнике Святослава. Головной убор идола напоминает шапку новгородского каменного идола.

Важным датирующим фактором является оружие идола. Это слегка выгнутая сабля с перекрестьем на искривленной рукоятке, заканчивавшейся шишкообразным утолщением. Сабли эти встречаются на Украине, в частности близ Канева. Этот тип сабли принято называть аварским, и так наз. сабля Карла Великого представляет разновидность этого же типа. Такие же сабли найдены в Силезии и в Чехии. Распространение этого типа сабель относится к IX—XI вв. Ипатьевская летопись около 968 г. отмечает, что в знак приязни русские меняли свои мечи на печенежские сабли.

Конь, изображенный под саблей, ближе всего походит на подобное изображение одной из прибалтийских каменных фигур, о которой речь шла выше (рис. 8).

Рог, который находится в руке одного из верхних изображений, является настолько распространенным среди многочисленных каменных изображений, что видеть в нем что-либо особенное, специфическое, трудно.

Среднее и нижнее изображения идола с трудом находят для себя аналогии среди изображений человеческих фигур.

Что же препятствует причислить Збручский идол к каменным бабам?

Сторонники причисления идола к числу каменных баб, как нам кажется, слишком широко оперируют этим понятием. Деметрикиевич любое каменное изваяние способен подвести под эту категорию. Этим самым утрачивается и специфика каменных баб, как статуй, принадлежавших тюркским народам и изображавших либо врага, либо павшего от его руки героя, похороненного с соблюдением всей сложной обрядности и установкой могильных камней. Совершенно прав Н. Веселовский, который, стараясь сузить географические рамки распространения каменных баб, говорил: «что же касается прусских статуй, то, по моему мнению, их

Рис. 8. Конь и сабля Збручского идола.

не следует причислять к каменным бабам. То же следует сказать и о статуях в Галиции. «Считать их одной категории с каменными

[1] Зап. Археол. общ., т. V, стр. 181.

бабами — значит не иметь отчетливого представления о последних». [1]

Збручский идол отличают от каменных баб обстоятельства его находки, подчеркивающие, что здесь мы имеем дело не с надмогильным памятником, а скорее всего с языческим божеством, и, наконец, в идее, заложенной в Збручском идоле, и в технике изготовления явствует бо́льшая сложность по сравнению с относительно простыми и примитивными каменными бабами.

Не приходится отрицать, что ряд элементов, характерных для каменных баб, имеется и у Збручского идола. Это относится к положению рук его, к рогу, который находится в его руках, и т. д., но это лишний раз подчеркивает то влияние окружающих кочевых народов, от которых славянское население Галиции не было изолировано.

Загадочность идола еще сохраняется. Семантика изображений, выбитых на нем, ждет еще своего исследования. Нахождение его на территории, которая издавна была населена восточными славянами, и ряд соображений, высказанных выше, позволяют рассматривать Збручский идол как славянское божество IX—XI вв.

[1] Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах». 1915, стр. 18.

F. GUREVIČ

L'IDOLE DU ZBRUČ

(Résumé)

Il existe une vaste littérature, principalement en langues polonaise et allemande, sur l'idole de pierre trouvée en 1848 dans la rivière Zbruč près de Goussjatin (République Soviétique Ukrainienne). Deux points de vue différents s'y font jour: une partie des auteurs estime que l'idole du Zbruč est une divinité slave, y voyant en particulier Sviatovit, révéré des Slaves baltiques, tandis que les autres la considèrent comme un monument des peuples turcs nomades représentant une «baba» de pierre sui generis.

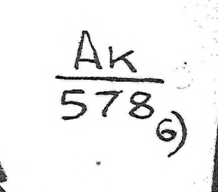
Le territoire sur lequel a été trouvée l'idole était habité par des Slaves aux IX—XIe siècles, époque à laquelle se rapporte ce monument, de l'avis général. L'apparition des nomades (Avares, Pécénègues, Polovcy) avait ici le caractère d'incursions de pillards non suivies de sédentarisation stable; aussi est-il difficile d'admettre, qu'un monument cultuel étroitement lié aux croyances de la population locale ait été laissé par des tribus nomades, apparues accidentellement dans le pays de temps à autre. Il convient de remarquer que dans la région de Goussjatin et de la localité voisine de Rohatyn on a signalé des trouvailles de monuments dont le caractère rappelle dans une certaine mesure celui de l'idole du Zbruč, ce qui suggère l'idée de l'existence possible dans la région de Goussjatin — Rohatyn d'un sanctuaire slave.

Certains attributs des figures de l'idole du Zbruč permettent d'affirmer qu'elle constitue un monument des tribus de Slaves orientaux qui habitaient le pays aux IX—XIe siècles. Cette affirmation est corroborée aussi par le matériel ethnographique et folklorique de l'Ukraine et de la Biélorussie.

Une analyse définitive de l'idole du Zbruč sera possible lorsque la signification des figures représentées sur ce monument aura été complètement élucidée.

Редактор А. М. Барабанов. Подписано к печати 15/V 1941 г. М 1234. Объем 36 печ. л., уч.-авт. 40,56 л. Тираж 1000 экз. Заказ № 757.

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.


Ak
578 6)